ISSN 2078-7081

Научно-методический
и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

№ 2 2026

УЧРЕДИТЕЛИ
ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
Пензенский государственный технологический университет

Главный редактор – Илона Геннадьевна Муленкова
кандидат психологических наук, доцент

Международная редакционная коллегия
К. Я. Аббасова, доктор философских наук, профессор (Баку, Азербайджан)
А. С. Берберян, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения)
С. Н. Волков, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия)
Е. В. Звонова, доктор психологических наук, доцент (Москва, Россия)
Е. Кашпарова, PhD. (социология – Прага, Чехия)
В. В. Кондрашин, доктор исторических наук, профессор (Пенза, Россия)
У. Р. Кушаев, (DSc) доктор философских наук (Ташкент, Узбекистан),
Н. В. Митюков, доктор технических наук, профессор (Ижевск, Россия)
М. Сапик, PhD., доцент (философия – Кутна Гора, Чехия)
Х. А. Тиллашайхова, доктор психологических наук, доцент (Ташкент, Узбекистан)
Н. А. Хрусталькова, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия)

Рецензенты
М. А. Антипов, кандидат философских наук, доцент (Пенза, Россия)
В. В. Артюхин, кандидат технических наук, доцент (Пенза, Россия)
В. С. Давтян, доктор политологических наук, доцент (Ереван, Армения)
А. Д. Доника, кандидат медицинских наук, доктор социологических наук, доцент, профессор (Волгоград, Россия)
Д. В. Ефимова, кандидат психологических наук, доцент (Пенза, Россия)
И. В. Казанская, кандидат экономических наук, доцент (Дубна, Россия)
В. Н. Люсев, кандидат исторических наук, доцент (Пенза, Россия)
Н. В. Саратовцева, кандидат педагогических наук, доцент (Пенза, Россия)
Е. П. Фуреева, кандидат педагогических наук (Волгоград, Россия)
И. И. Чернова, кандидат экономических наук (Пенза, Россия)

Рецензируемый научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует статьи по философии, культурологии, филологии, психологии, педагогике, социологии, праву, истории, экономике и другим социально-гуманитарным дисциплинам, а также методические разработки учебных и воспитательных занятий.

Журнал индексируется в наукометрических базах:
- Электронная научная библиотека (Россия)
- Directory of open access journals (Швеция)
- Open Academic Journal Index (Россия)
- Research Bible (Китай)
- Scientifi c Indexing Services (США)
- Global Impact Factor (Австралия)
- Cite Factor (Канада)
- International Society for Research Activity (ISRA) Journal Impact Factor (JIF) (Индия)
- General Impact Factor (Индия)
- Infobase Index (Индия)
- Scientific Journal Impact Factor (Индия)
- Universal Impact Factor

Импакт-фактор
- РИНЦ – 0,075
- Global Impact Factor – 1,721
- SJIF – 6,07

ISSN 2078-7081

© ООО Научно-издательский центр «Социосфера», 2026.
© Пензенский государственный технологический университет, 2026.

ISSN 2078-7081

Scientifically-methodical
and theoretical journal

SOCIOSPHERE

№ 2 2026

THE FOUNDERS
The science publishing centre «Sociosphere»
Penza State Technological University

The chief editor – Ilona Mulenkova
candidate of psychological sciences, associate professor

International editorial board
K. Y. Abbasova, Doctor of Philosophy, Professor (Baku – Azerbaijan)
A. S. Berberyan, Doctor of Psychological Sciences, professor (Erevan, Armenia)
S. N. Volkov, Doctor of Philosophy, professor (Penza, Russia)
E. V. Zvonova, Doctor of Psychological Sciences, associate professor (Moscow, Russia)
E. Kashparova, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic)
V. V. Kondrashin, Doctor of Historical Sciences, professor (Penza, Russia)
U. R. Kushaev, (DSc) Doctor of Philosophy (Tashkent, Uzbekistan),
N. V. Mityukov, Doctor of Technical Sciences, Professor (Izhevsk, Russia)
M. Sapik, Ph.D., assistant professor (Philosophy – Kutna Hora, Czech Republic)
Kh. A. Tillashaykhova, doctor of psychological sciences, associate professor (Tashkent, Uzbekistan)
N. A. Hrustalkova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Penza, Russia)

Reviewers
Mikhail A. Antipov, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor (Penza, Russia)
Vasiliy V. Artyukhin, Candidate of Technical Sciences Assistant Professor (Penza, Russia)
doc. **Vage S. Davtyan,** Ph.Dr. (docent v oboru politologie – Jerevan, Arménie)
Alena D. Donika, Candidate of Medical Sciences, Doctor of Sociology, Assistant Professor (Volgograd, Russia)
Diana V. Efimova, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
Irina V. Kazanskaya, Candidate of Economical Sciences, assistant professor (Dubna, Russia)
Valeriy N. Lusev, Candidate of Historical Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
Nadezhda V. Saratovtseva, Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
Elena P. Fureeva, Candidate of Pedagogical Sciences (Volgograd, Russia)
Irina I. Chernova, Candidate of Economical Sciences (Penza, Russia)

Peer-reviewed scientific and methodological and theoretical journal «Sociosphere» publishes articles on philosophy, philology, psychology, pedagogy, sociology, law, history, economics and other social and human sciences, and also methodological manauls of training and educational activities.

The journal is indexed by:
- Electronic Research Library (Russia)
- Directory of Open Access Journals (Sweden)
- Open Academic Journal Index (Russia)
- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- Global Impact Factor (Australia)
- Cite Factor (Canada)
- International Society for Research Activity (ISRA) Journal Impact Factor (JIF) (India)
- General Impact Factor (India)
- Infobase Index (India)
- Scientific Journal Impact Factor (India)
- Universal Impact Factor

Impact factor of the journal
- Russian Science Index – 0,075
- Global Impact Factor – 1,721

ISSN 2078-7081

© The science publishing centre «Sociosphere», 2026.
© Penza State Technological University, 2026.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Абдуллаев Ж. С.
У истоков цивилизационного развития региона среднеазиатского междуречья 15
Калинина Е. А., Куряткова В. В.
Развитие ездового спорта в Карелии 19
Упоров И. В.
Борьба с разбойными нападениями в московском государстве:
организационно-правовой аспект 23
Упоров И. В.
Верховный тайный совет в системе высших органов власти:
особенности взаимодействия (1726–1727 годы) 29
Упоров И. В.
Социальное страхование рабочих в Российской империи конца XIX века:
дискуссии, проекты, правовые акты 35
Rjabchikov S. V.
The Minoan inscription about a voyage to Egypt and Canaan 42
Rjabchikov S. V.
The record on the Anderson board from Rapanui is deciphered: the astronomical text 49

ЭКОНОМИКА

Андреев А. А.
Формирование и внедрение интегрированной системы менеджмента
устойчивого развития на промышленных предприятиях 52
Галимова А. Ш., Алимкулов С. Ш.
Управление проектами в молодежном предпринимательстве:
особенности и ключевые аспекты 60
Галимова А. Ш., Ситдикова Э. И.
Молодежное технологическое предпринимательство в цифровой экономике 64
Карпушина М. Д., Галимов А. Ш.
Подписка на автомобиль как направление диверсификации
на примере ГК «БАШАВТОКОМ» 67
Кустяева А. Р., Щербинина О. В.
Функционирование английского языка как универсального
коммуникативного медиума в глобальной системе гостеприимства 71
Миронов О. С.
Факторы эффективности инфлюенс-маркетинга в рекламе и PR:
метааналитический обзор современных исследований 74
Несмеянова Н. В.
Этапы разработки коммуникационной кампании в цифровых медиа 82
Рокотянская А. В., Щербинина О. В.
Навыки английского языка как фактор качества обслуживания
и удовлетворённости клиентов в индустрии туризма 86
Терелецкова Е. В., Селезнёва П. А.
Психологическое выгорание предпринимателя:
причины, последствия, профилактика 89

Черкасова В. К., Буянова С. А., Довлетова Д., Матюнькина А. Р., Соколова А. А.
Применение технологий big data для оптимизации управленческих решений
в менеджменте.....93
Черкасова В. К., Керимов И. Я., Кузнецова Ю. С., Гуляйкина К. А., Каминин К. А.
Процессный подход к управлению: от концепций к внедрению 98
Чернова И. И., Черкасова В. К.
Влияние генеративного искусственного интеллекта на рынок труда и экономику:
перспективы и вызовы.....102
Чернова И. И., Черкасова В. К.
Поведенческая экономика как психология влияет на экономические решения.....107
Янгирова Е. И., Алимкулов С. Ш.
Стратегические решения в системе управления организацией:
сущность и классификация 111
Янгирова Е. И., Намазов Т. Ш.
Сущность и классификация операционной стратегии малого предприятия
в условиях цифровой экономики.....116
Kegeyan S. E., Prudnikova M. E.
The importance of developing the spa and resort industry for the Russian economy 119
Kegeyan S. E., Prudnikova M. E.
Young people as consumers of preventive health.....123

ФИЛОЛОГИЯ

Матвиенко А. В., Середа Е. В.
Основные способы перевода терминологических словосочетаний
с английского языка на русский 126
Матвиенко А. В., Середа Е. В.
Особенности перевода терминологических словосочетаний с английского языка
на русский на материале текстов по эксплуатации центров обработки данных.....132
Плечкова Е. М.
Аффективные практики восприятия генеративного контента в социальных сетях.....136
Ян Чжи.
Опыт китайского фотожурналиста Се Хайлуна
в контексте проблемы формирования профессиональной идентичности
специалистов медиа 140
Korol E. S., Dzyubenko A. I.
The concept «travel» and its lexical representation in modern English 146
Zeleniuk D. A., Dzyubenko A. I.
Lexical means of actualization of persuasiveness in modern English 151

ПРАВО

Дарбишухумаев М. З.
Индивидуальные трудовые споры спортсменов и тренеров:
понятие, классификация и процессуальные особенности
в государствах – членах ШОС.....156
Лун Юйцянь.
Венская конвенция 1980 года как инструмент юридического сопровождения
российско-китайских договоров поставки 164

Лун Юйцянь.
Международный коммерческий арбитраж в КНР после реформы 2025 года:
правовые возможности для российско-китайского бизнеса 167
Упоров И. В.
Правонарушения среди несовершеннолетних в послевоенном СССР:
состояние и организационно-правовые основы профилактики 171
Щербакова А. В.
Трансформация предмета мошенничества, совершаемого с использованием
социальной инженерии, в условиях цифровизации 177

ПЕДАГОГИКА

Абакумова Н. А., Лысенко Л. М., Свердлова Е. Г.
Геймификация математического образования в высшей школе
(на примере дисциплины «Теория вероятностей и математическая статистика»
для психологов) 181
Бабайцева В. А., Савина А. Д.
Теоретические аспекты формирования мелкой моторики
у детей с диагнозом ДЦП 186
Бадаев Ю. Л.
Проблемы изучения физики в современной школе 191
Балашова Е. Н., Сиротина А. А.
Краеведческий аспект просвещения пользователей общедоступной библиотеки 194
Гателюк О. В., Круковская Т. Ю.
Особенности подготовки студентов технических вузов
по специальным математическим дисциплинам:
анализ интеллектуальных проблем, схем управления процессом обучения 198
Григорьева С. С., Иванова Н. В.
Логопедическая работа по развитию фонационного дыхания у детей
дошкольного возраста с дизартрией 202
Дармодехина Е. Р., Колодовская Е. А.
Некоторые особенности нарушений произношения сонорных звуков
у детей со стертой дизартрией 208
Иванова Г. Н.
Формирование иноязычной лексической компетенции студентов в курсе ESP 211
Крылова Е. В., Васильева К. С.
Особенности понимания и употребления пространственных предлогов
дошкольниками с ОНР 214
Крылова Е. В., Колочихина С. С.
Этиология и механизмы эхолалии у детей дошкольного возраста 219
Крылова Е. В., Логинова В. А.
Формирование готовности детей младшего школьного возраста
с общим недоразвитием речи к овладению навыками чтения
на логопедических занятиях 223
Крылова Е. В., Осипцова В. Н.
Дифференцированный подход к коррекции звукопроизношения
у детей дошкольного возраста 229
Ломако М. В., Лапшина Л. В.
Роль цифровых технологий и развитие семиотической функции
в современном начальном образовании 233

Лучникова А. В.
Профессиональная необходимость: почему английский язык обязателен для студентов специальности гостиничное дело 236
Лю Сюэ.
Китайские педагоги о музыкальной составляющей хореографической подготовки 242
Лысенко Л. М., Абакумова Н. А.
Экологические знания студентов вуза как необходимое условие формирования современной научной естественно-экологической картины мира будущего специалиста 250
Мануилова А. В., Колодовская Е. А.
Особенности описательной речи у детей с ОНР (III уровень) 254
Меженцева Г. Н., Астафьева С. Д., Худиенко В. Л.
Общая характеристика дизартрии дошкольного возраста 258
Меженцева Г. Н., Буянова К. Д.
Некоторые особенности артикуляционной мотрики у детей дошкольного возраста с дизартрией 261
Меженцева Г. Н., Журавлева П. А.
Особенности словоизменения имен прилагательных у детей старшего дошкольного возраста с моторной алалией 266
Меженцева Г. Н., Иванова Е. Н.
Методы и принципы восстановительного обучения при афазии: историко-теоретический анализ и современные подходы 270
Меженцева Г. Н., Корнеева А. Н.
Формирование умения построения предложений у детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи на логопедических занятиях 275
Московская Д. Р., Колодовская Е. А.
Некоторые аспекты овладения навыками словообразования имен существительных у детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи 278
Назарова П. А., Якушева В. В.
К вопросу о развитии лексико-семантического строя речи при дизартрии у детей дошкольного возраста 283
Понасенкова В. А., Иванова Н. В.
Теоретические предпосылки использования мультипликации в логопедической работе по развитию связной речи у детей дошкольного возраста 290
Прохоренкова О. Д., Колодовская Е. А.
Формирование связного повествовательного высказывания как этап коррекционной работы с детьми дошкольного возраста с общим недоразвитием речи III уровня 294
Сбитнева О. А.
Интерес студентов к игровым видам спорта в процессе обучения в вузе 299
Смирнова А. П., Иванова Н. В.
Особенности формирования навыков словоизменения глаголов у детей с общим недоразвитием речи 303
Усова К. Ю., Крылова Е. В.
Психолого-педагогические условия развития повествовательной речи у детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи 307
Филиппова С. Н., Колодовская Е. А.
Некоторые особенности формирования слоговой структуры слова у детей дошкольного возраста с третьим уровнем общего недоразвития речи 311

Фролова А. А., Иванова Н. В.
Некоторые подходы к вопросу о преодолении стертой дизартрии
у детей среднего дошкольного возраста 315
Хромова Ю. М.
Современные аспекты изучения таблицы умножения в начальной школе 319

ПСИХОЛОГИЯ

Звонова Е. В., Гулина А. П.
Субъективное счастье офисных сотрудников:
сравнение обладателей домашних животных и не владеющих ими 323
Звонова Е. В., Ревина В. С., Молодчая М. А., Лукичева Д. В., Сиземина В. Д.
К вопросу изучения характеристик интеллекта молодых людей 329
Звонова Е. В., Сандул А. А., Крючкова Е. А.
Между благополучием и болью: взгляд психолога на «Ветер шумит в тополях» 333
Лунина А. Ю., Ломако Л. Л.
Психологическая безопасность студентов колледжа: эффективность подготовки
будущего работника 336

СОЦИОЛОГИЯ

Черепанова Т. В.
Интеграция мариупольцев в социокультурное пространство России 339

МЕДИЦИНА

Коновалов Я. А.
Нейрофизиологические маркеры ГАМК-ергической дисфункции
при боковом амиотрофическом склерозе 343

ПОЛИТОЛОГИЯ

Очилов А. О.
Европейский союз и центральная Азия: от декларативного диалога
к стратегическому партнёрству 351

ТЕХНИКА

**Баркинхоева Л. Б., Арчаков Р. М., Котиев И. М.,
Джандигов А. Р., Оздоев И. Б., Утужев И. Г.**
Технико-экономическая оптимизация низкотемпературной сепарации
попутного нефтяного газа с получением сжиженного метанового топлива 359

Правила для авторов 363

План международных конференций, проводимых на базе
Научно-издательского центра «Социосфера» в 2026 году 365

Информация о научных журналах 366

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» 367

CONTENTS

HISTORY

Abdullaev Zh. S.
At the origins of the civilizational development of the Central Asian interfluve region.....15
Kalinina E. A., Kuryatkova V. V.
Development of sledding sports in Karelia.....19
Uporov I. V.
Countering robbing in the muscovite state: organizational and legal aspect.....23
Uporov I. V.
Supreme private council in the system of higher authorities: features of interaction (1726–1727).....29
Uporov I. V.
Social insurance for workers in the Russian empire in the late 19th century: discussions, projects and legal acts.....35
Rjabchikov S. V.
The Minoan inscription about a voyage to Egypt and Canaan.....42
Rjabchikov S. V.
The record on the Anderson board from Rapanui is deciphered: the astronomical text.....49

ECONOMICS

Andreev A. A.
Development and implementation of an integrated management system for sustainable development in industrial enterprises.....52
Galimova A. Sh., Alimkulov S. Sh.
Project management in youth entrepreneurship: features and key aspects.....60
Galimova A. Sh., Sitdikova E. I.
Youth tech entrepreneurship in the digital economy.....64
Karpushina M. D., Galimov A. Sh.
Car subscription as a diversification direction: the case of Bashavtokom Group.....67
Kustyaeva A. R., Щербинина О. В.
The functioning of English as a universal communication medium in the global hospitality system.....71
Mironov O. S.
Factors of influencer marketing effectiveness in advertising and public relations: a meta-analytical review of recent research.....74
Nesmeyanova N. V.
Stages of developing a communication campaign in digital media.....82
Rokotyanskaya A. V., Sherbinina O. V.
English language skills as a factor determining service quality and customer satisfaction in the tourism industry.....86
Tereletskova E. V., Selezneva P. A.
Psychological burnout of an entrepreneur: causes, consequences, and prevention.....89
Cherkasova V. K., Buyanova S. A., Dovletova D., Matyunkina A. R., Sokolova A. A.
Application of Big Data technologies for optimizing management decisions in management.....93

Cherkasova V. K., Kerimov I. Ya., Kuznetsova Yu. S., Gulyaykina K. A., Kaminin K. A.
Process approach to management: from concepts to implementation 98
Chernova I. I., Cherkasova V. K.
The impact of generative artificial intelligence on the labor market
and the economy: prospects and challenges 102
Chernova I. I., Cherkasova V. K.
Behavioral economics as psychology influences economic decisions 107
Yangirova E. I., Alimkulov S. Sh.
Strategic decisions in the organizational management system: essence and classification ... 111
Yangirova E. I., Namazov T. Sh.
The essence and classification of a small enterprise's operational strategy
in the digital economy 116
Kegeyan S. E., Prudnikova M. E.
The importance of developing the spa and resort industry for the Russian economy 119
Kegeyan S. E., Prudnikova M. E.
Young people as consumers of preventive health 123

PHILOLOGY

Matvienko A. V., Sereda E. V.
The main ways of translating terminological phrases from English into Russian 126
Matvienko A. V., Sereda E. V.
Features of the translation of terminological phrases from English into Russian based
on the texts on the operation of data centers 132
Plechkova E. M.
Affective practices of perceiving generative content on social media 136
Yan Zhi.
The experience of Chinese photojournalist Xi Hailun in the context of the problem
of forming professional identity among media specialists 140
Korol E. S., Dzyubenko A. I.
The concept «travel» and its lexical representation in modern English 146
Zeleniuk D. A., Dzyubenko A. I.
Lexical means of actualization of persuasiveness in modern English 151

LAW

Darbishukhumaev M. Z.
Individual labor disputes of athletes and coaches:
concept, classification and procedural features in the SCO member states 156
Long Yuqian.
The CISG as a legal support tool for Russian-Chinese supply contracts 164
Long Yuqian.
International commercial arbitration in the PRC after the 2025 reform:
legal opportunities for Russian-Chinese business 167
Uporov I. V.
Juvenile delinquences in the post-war USSR: the status and organizational
and legal basis of prevention 171
Shcherbakova A. V.
Transformation of the subject of fraud committed using social engineering
in the context of digitalization 177

PEDAGOGICS

Abakumova N. A., Lysenko L. M., Sverdlova E. G.
Gamification of mathematics education in higher education: the case of "Probability theory and mathematical statistics" for psychologists 181
Babaytseva V. A., Savina A. D.
Theoretical aspects of the formation of small motor in children with a diagnosis of stroke ..186
Badaev Yu. L.
Problems of studying physics in a modern school 191
Balashova E. N., Sirotina A. A.
Local history aspect of educating users of a public library 194
Gatelyuk O. V., Krukovskaya T. Yu.
Features of training students of technical universities in special mathematical disciplines: analysis of intellectual problems and learning process management schemes 198
Grigorieva S. S., Ivanova N. V.
Speech therapy work on the development of phonation breathing in preschool children with dysarthria 202
Darmodekhina E. R., Kolodovskaya E. A.
Some features of pronunciation disorders of sonorous sounds in children with erased dysarthria 208
Ivanova G. N.
Developing students' foreign language lexical competence in the ESP course 211
Krylova E. V., Vasilyeva K. S.
Diagnostics of spatial and prepositional competence in older preschoolers with general speech disorder 214
Krylova E. V., Kolochikhina A. N.
Etiology and mechanisms of echolalia in preschool children 219
Krylova E. V., Loginova V. A.
Developing reading readiness in primary school children with general speech underdevelopment in speech therapy sessions 223
Krylova E. V., Osiptsova V. N.
A differentiated approach to correcting sound pronunciation in preschool children 229
Lomako M. V., Lapshina L. V.
The role of digital technologies and the development of the semiotic function in modern primary education 233
Luchnikova A. V.
Professional necessity: why English is mandatory for students specializing in hospitality ...236
Liu Xue.
Chinese educators on the musical component of choreographic training 242
Lysenko L. M., Abakumova N. A.
University students' ecological knowledge as a prerequisite for developing a modern scientific natural-ecological worldview in future specialists 250
Manuilova A. V., Kolodovskaya E. A.
Features of descriptive speech in children with ONR (level III) 254
Mezhentseva G. N., Astafieva S. D., Khudienko V. L.
General characteristics of dysarthria in preschool age 258
Mezhentseva G. N., Buyanova K. D.
Some features of articulatory motor skills in preschool children with dysarthria 261

Mezhentseva G. N., Zhuravleva P. A.
Peculiarities of adjective inflection in senior preschool children with motor alalia 266
Mezhentseva G. N., Ivanova E. N.
Methods and principles of rehabilitation in aphasia: historical and theoretical analysis and modern approaches 270
Mezhentseva G. N., Korneeva A. N.
Formation of sentence construction skills in preschool children with general speech underdevelopment in speech therapy classes 275
Moskovskaya D. R., Kolodovskaya E. A.
Some aspects of mastering noun formation skills in preschool children with general speech underdevelopment 278
Nazarova P. A., Yakusheva V. V.
On the development of the lexical-semantic structure of speech in preschool children with dysarthria 283
Ponasenkova V. A., Ivanova N. V.
Theoretical prerequisites for the use of animation in speech therapy for the development of coherent speech in preschool children 290
Prokhorenkova O. D., Kolodovskaya E. A.
Formation of a coherent narrative statement as a stage of corrective work with preschool children with general speech underdevelopment 294
Sbitneva O. A.
Students' interest in team sports during their university studies 299
Smirnova A. P., Ivanova N. V.
Features of verb inflection skills formation in children with general speech underdevelopment 303
Usova K. Y., Krylova E. V.
Psychological and pedagogical conditions for the development of narrative speech in preschool children with general speech underdevelopment 307
Filippova S. N., Kolodovskaya E. A.
Some features of the formation of the syllabic structure of a word in preschool children with the third level of general speech underdevelopment 311
Frolova A. A., Ivanova N. V.
Some approaches to overcoming erased dysarthria in middle-aged preschool children 315
Khromova U. M.
Modern aspects of studying the multiplication table in primary school 319

PSYCHOLOGY

Zvonova E. M., Gulina A. P.
Subjective happiness of office employees: a comparison of pet owners and non-owners 323
Zvonova E. V., Revina V. S., Molodchaya M. A., Lukicheva D. V., Sizemina V. D.
On the issue of studying the characteristics of intelligence of young people 329
Zvonova E. M., Sandul A. A., Kryuchkova E. A.
Between well-being and pain: a psychologist's perspective on "The wind rustles in the poplars" 333
Lunina A. Yu., Lomako L. L.
Psychological safety of college students: effectiveness of preparing future workers 336

SOCIOLOGY

Cherepanova T. V.
Integration of Mariupol residents into the socio-cultural system Russia.....339

MEDICAL STUDIES

Konovalov Ya. A.
Neurophysiological markers of GABAergic dysfunction in amyotrophic lateral sclerosis....343

POLITICAL STUDIES

Ochilov A. O.
The European Union and Central Asia: from declarative dialogue to strategic partnership ..351

TECHNICAL STUDIES

Barkinkhoyeva L. B., Archakov R. M., Kotiev I. M.,
Dzhangigov A. R., Ozdoev I. B., Utuzhev I. G.
Techno-economic optimization of low-temperature separation of associated petroleum gas to produce liquefied methane fuel.....359

Rools for authors.....363

Plan of international conferences held on the basis of Science Publishing Centre «Sociosphere» in 2026 365

Information about about scientific journals 366

Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 367

УДК 94(575)

У ИСТОКОВ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА СРЕДНЕАЗИАТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

EDN IXVNER

Ж. С. Абдуллаев

Старший преподаватель,
e-mail: memorjamshid@gmail.com,
Ташкентский архитектурно-строительный университет,
главный архитектор проектов,
ARCH NEO DESIGN,
г. Ташкент, Узбекистан

AT THE ORIGINS OF THE CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT OF THE CENTRAL ASIAN INTERFLUVE REGION

Zh. S. Abdullaev

Senior Lecturer,
Tashkent University of Architecture and Civil Engineering,
Chief Project Architect, ARCH NEO DESIGN,
Tashkent, Uzbekistan

Abstract. Uzbekistan, by virtue of its geographical extent and historical development, represents a region of ancient civilizations within the interfluve of Central Asia. In terms of the antiquity of its civilizational evolution, it encompasses the following periods: “the first–second thirds of the 1st millennium BCE – the art of early state formations and the earliest urban centers in Central Asia.” The early architecture of the Tashkent oasis, exemplified by the monuments of the Burganli-say culture, which date back to the initial stages of its historical development, belongs to the 9th–6th centuries BCE. The prominent archaeologist Sergey Tolstov, highly assessing the genesis of ancient urban planning in this region, noted: “The ancient civilization of the Central Asian oases possessed a distinctive ‘urban character.’” At present, there is a growing number of polemical publications on internet platforms addressing the historical origins of the Uzbek people, often aimed at casting doubt on the national and cultural heritage of the Sogdians, which constitutes a high example of achievements in national design culture developed over centuries. The objective of this study is, on the one hand, to establish the reliability of events related to ethno-transformational processes that took place in the region, and, on the other hand, to clarify the causes of numerous misunderstandings in the transmission and perception of Sogdian cultural values among various social strata and the autochthonous population of the region.

Keywords: Central Asian interfluve; Sogdians; Greeks; creators of outstanding artifacts; material cultural heritage; works of art and architecture.

Согдийцы [1, с. 460] – стоявшие у истоков цивилизационного развития региона Среднеазиатского междуречья, прославленные греками как созидатели, оставили потомкам значительное число выдающихся артефактов – материально-культурного наследия, произведений художественного творчества и архитектуры. Наследниками созданных в Согде материально-культурных ценностей принято считать:

– с раннего Средневековья вплоть по губернский период правления Царской России – «сартский» [1, с. 535] слой автохтонного населения Мавереннахра. (Благодарья городского «сартского» слоя: «Узбекистан, ставший союзной республикой в 1924 году, включал в себя крупные города региона и претендовал почти на всё их наследие») [2, с. 217];

– а после возникновения союзного государства Советов – узбеки. К слову, Шай-

баниды также, пришли в Мавераннахр не с пустыми руками: «Якубовский облачил в «одежды» этногенеза чагатайский взгляд на «узбекскость», который Фитрат сформировал ещё в 1910-х годах» [2, с. 217].

Известно, что начиная с середины прошлого века «партократы» Советов, обеспокоенные численным ростом узбеков в регионе, начинают проявлять своё недовольство: это, как так получилось, что в самом центре Центральной Азии начал формироваться многочисленный, растущий и уходящих корнями в античность, народ с большим багажом культурного наследия.

Обращаясь к истокам появления политических инсинуаций по проблемам культурного наследия Согда, следует отметить, что с одной стороны начались:

– попытки исключения из-под ног узбекской нации, художественный багаж, словно, узбеки недостойны быть наследниками согдийцев;

– а другой стороны, стремление делить это наследие с другим соседним народом, целью умаления вложенных согдийцами общую копилку достижений.

В том числе, в стремлении сузить географический ареал территории обитания согдийцев:

«Согд – одно из древнейших и наиболее могущественных государств Центральной Азии. В VII – начале VIII веков Согд прежде всего охватывал долины Зарафшана и Кашкадарьи, при этом в политическом отношении отдельно интерпретируются Самаркандский Согд и Бухарский Согд» [2, с. 5].

Наоборот, учёный-археолог Л. Альбаум подчёркивает важность исследования деятельности согдийцев, по принципу более широкого ареала их расселения: «В историко-культурном отношении Согд часто включает более обширное пространство, где функционировал согдийский язык – от Семиречья на северо-востоке до Амударьи на юге» [2, с. 217].

В противовес таким инсинуациям, востоковед и этнограф А. Якубовский, анализируя этно-трансформационные процессы автохтонного населения региона с древнейших времён – согдийцев и их преемников, сартов, в опубликованном 1941 году работе: «К вопросу об этногенезе узбекского народа» [7, с. 3] анализирует: «На протяжении долгого времени, вплоть до настоящего времени, господствовало “странное представление” о происхождении узбеков, согласно которому история узбекского народа начинается с кочевых узбеков; последние же начинают проникать в Среднюю Азию в XV веке или в начале XVI века». Под предводительством Шейбани-хана они полностью овладевают Средней Азией. К сожалению, данная точка зрения нашла отражение и в вышедших в последнее время учебниках по истории СССР» [7, с. 3].

И А. Якубовский подводит итог своей концепции следующим образом: «Такое представление могло бы быть верным лишь в двух случаях: во-первых, если бы узбеки во главе с Шейбани-ханом, придя в Среднюю Азию, не встретили здесь никакого населения; во-вторых, если бы они полностью уничтожили проживавшее здесь население. Однако известно, что они не сделали ни того, ни другого» [7, с. 3].

Вскоре «идеологи советов», обеспокоенные прогрессирующим ростом численности узбеков, вновь обратились тенденциям, подвергнутым критике А. Якубовского в учебниках истории СССР, а также во втором томе монографии «История народов Узбекистана» [4], изданного под редакцией чл. корр. АН. СССР С. Бахрушина, в 1947 году. С этого времени начинают появляться для общественности «научные» дискуссии различного уровня, направленные на исключение из основы ставшей единой узбекской нации – художественного наследия, создававшегося на протяжении веков.

В контексте возникающих различного уровня «научных» дискуссий, вокруг ху-

дожественного наследия узбеков, в частности, в появлении предвзятого характера возражений в отношении монографического исследования выдающихся учёных Г. Пугаченковой и Л. Рempеля «История искусств Узбекистана» [7, с. 39], опубликованных издательством «Искусство». Например, в дискуссиях московского искусствоведа Б. Я. Ставиского, насколько узбеки вправе считать своим наследием, уникальные материально-культурные ценности Узбекистана. Либо в спорах ленинградского востоковеда А. Иванова о необоснованности утверждений, что художественные школы среднеазиатской миниатюры XIV веке не функционировали. И как результат можно наблюдать, в широких кругах общественности усиления скептических отношений к национально-культурному наследию узбекского народа, унаследованных великих его предков, создававшегося на протяжении веков.

При изучении источников, направленном на устранение тенденций, и по пересмотру скептического отношения к национально-культурному наследию узбекского народа в лице автохтонного сартского слоя и с точки зрения роли согдийцев, особое значение для нашей работы приобрели труды таких исследователей, как историки – Я. Гулямов, Б. Гафуров, С. Толстов, А. Якубовский, А. Малявкин; искусствоведы – Г. Пугаченкова, Л. Рempель, М. Буссальи, Э. Пуллибленк, Тамара Талбот Райс, Пьер Левек; этнография – «Основы этнографии», Р. Подольский, В. Алексеев.

По поиску источников, основное внимание было уделено изучению сведений, касающихся художественной и созидательной деятельности согдийцев на протяжении веков, что дало свои ощутимые результаты:

– М. Буссальи [3] в своём исследовании «Central Asian Painting», оценивая значения Согда на мировой арене и его экономическое значение, отмечает: «Согдийцы – международные торговцы, и сообразно их духовного мира, являвшегося одним из факторов, обеспечивавший постоянный расцвет искусств». По мнению учёного, согдийцы были не только международными торговцами, но и отличались значительными достижениями в области искусства.

А. Малявкин [5, с. 245] также в своём монографическом исследовании, посвящённом истории уйгуров, приводит ряд сведений с трудов зарубежных ученых и исследователей, посвящённых деятельности согдийцев в Китае, например:

– Э. Пуллибленк с первых строк своей статьи, посвящённой согдийским колониям, расположенным на территории так называемой «Внутренней Монголии», характеризует их следующим образом: «Выдающиеся торговцы, а также носители искусства, ремесел и новых религий» [5, с. 245];

– Сянь Да – китайский историк: «Согдийцы издавна славились как народ, достигший значительных успехов в сфере торговли. Они проникали в любые регионы, где можно было получить прибыль. Их следы обнаружены в Турфанском оазисе, в окрестностях озера Баркуль, а также среди северных варваров» [5, с. 245]. Следовательно, согдийцы – великие торговцы.

Согдийцы, наряду с торговлей, являлись и участниками политических процессов в Китае и достигали высоких должностей, как например: «Согдийцы занимали важное место не только в государстве Поздняя Тан, но и в государствах Поздняя Цзинь (936–946) и Поздняя Хань (941–951). Примечательно, что основатель государства Поздняя Цзинь Ши Цзинтан был зятем третьего императора государства Поздняя Тан Мин-цзуна и по происхождению был согдийцем – иероглиф “Ши” возник как сокращённое обозначение Чача [5, с. 246], то есть города Ташкента)». В раннем средневековье в Чаче официальным языком являлся согдийский; титулы и имена тюркских каганов и правителей Чача чеканились на монетах согдийским письмом, а официальная переписка с соседними государствами велась на согдийском языке. Во времена Маҳмуд Кашгарского жители городов

Семиречья, в частности Баласагуна, приняли одежды и нравы тюрок, причем говорили они и по согдийски, и по-тюркски. Билингвизм оставался широко распространеным явлением среди сартского слоя жителей региона, по этой причине, для поэтов региона писать стихи на двух языках было явлением традиционным – зуллисонайн [2, с. 217] повторяя сказанное Л. Альбаум – «в историко-культурном отношении Согд часто включает более обширное пространство, где функционировал согдийский язык» [2, с. 217].

Взаимодействие художественных культур народов Центральной Азии, объединённых Кушанским государством, обусловило характер художественной культуры кушанского периода: «Кушанское царство сформировалось на рубеже нашей эры на территории Бактрии. В период расцвета (II–III вв.) оно превратилось в мощное государство, включив в свой состав Согд, Хорезм, северо-западную Индию, Афганистан и Пакистан» [4, с. 505]. Архитектура и изобразительное искусство Кушанского периода связаны с распространёнными здесь культами, среди которых первое место занимает буддизм.

В течение более чем трёхвекового господства Кушанской империи активизируются миссионерские поездки монахов в регион Среднеазиатского междуречья, направленные на пропаганду и распространения буддизма. Монахи, поражённые успехами согдийцев в торговле, начинают применять по отношению к ним выражение «крупный торговец», то есть «сартхалаха» [4, с. 505]. Повторяя сказанное: «Согдийцы издавна славились как народ, достигший значительных успехов в сфере торговли. Они проникали в любые регионы, где можно было получить прибыль». А по процессу усвоения участниками международной торговли – согдийцами, временем возникновения этнонима «сарт» – можно считать период раннего средневековья по В. Радлову этноним «сарт» «сартхалаха» [4, с. 505] – крупный торговец или водитель караванов был воспринять Согдийцами как достойный себе эпитет.

Будет уместным в завершении данного исследование, привести концепцию этнотрансформационных процессов региона среднеазиатского междуречья великого таджикского ученого Б. Г. Гафурова: «Шайбаниды – узбеки, были одним из последних этнических элементов, из которых сложился узбекский народ. Эти кочевники, завоевавшие в XVI в. Мавераннахр лишь передали узбекскому народу свое общеплеменно название, но узбекский народ складывался в течение веков и образовался не столько из кочевников-узбеков, сколько из оседлых народов Мавераннахра – потомков согдийцев и хорезмийцев, из таджиков, смешавшихся эту страну еще с VI в [4, с. 505]. Кстати, во всех научных публикациях, посвященных перечислению предков узбеков принято начинать с согдийцев.

Библиографический список

1. Адиб Халид. Центральная Азия / Адиб Халид. – М. : Альпина нон-фикшн, 1925.
2. Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба / Л. И. Альбаум. – Т. : Изд. Фан, 1975. – 5 с.
3. Bussagli M. Central Asian Painting / M. Bussagli. – New York : Skira, 1963.
4. Гафуров Б. Г. Искусство стран и народов мира / Б. Г. Гафуров. – 2-е изд. – М. : Сов. энцикл., 1965. – Т. 2.
5. Малявкин А. Уйгурские княжества IX–XII веков / А. Малявкин. – Новосибирск : Наука, 1983.
6. Пугаченкова Г. А. История искусства Узбекистана / Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. – М. : Искусство, 1965.
7. Якубовский А. Ўзбек халқининг юзага келиши масаласи ҳақида / А. Якубовский. – Т. : ЎзФАН, 1941.
8. Ўзбек совет энциклопедияси. – Т. 9. – Т. : Энцикл. Бош редакцияси, 1977.
9. Гафуров Б. Г. История таджикского народа / Б. Г. Гафуров. – М. : Госполитиздат, 1949.

© Абдуллаев Ж. С., 2026

УДК 798.8

РАЗВИТИЕ ЕЗДОВОГО СПОРТА В КАРЕЛИИ

EDN JACRFT

Е. А. Калинина
В. В. Куряткова

Доктор исторических наук, доцент, профессор,
студентка,
Петрозаводский государственный университет,
Институт физической культуры спорта
и туризма,
г. Петрозаводск, Россия

DEVELOPMENT OF SLEDDING SPORTS IN KARELIA

E. A. Kalinina

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Professor,

V. V. Kuryatkova

Student,
Petrozavodsk State University,
Institute of Physical Culture, Sports and Tourism,
Petrozavodsk, Russia

Abstract. The article examines the main stages of the emergence, formation, and development of sledding sports in the Republic of Karelia. The authors trace the evolution from the use of dog sleds as a traditional means of transportation and participation in polar expeditions to the first official and international competitions. Special attention is given to the modern period, starting from the 2010s, when Karelia became one of the centers of Russian sledding sports. The article provides a detailed history of key races, including «On the Land of Sampo», «Kalevala» and «Double-Dream», as well as competition statistics and the names of the winners. Based on an interview with the chairman of the Karelian Sledding Federation, the authors analyze the current problems of developing this sport in the region, including issues of funding and infrastructure.
Keywords: physical education; riding sports; Karelia; dog sledding races.

В ходе Первой Мировой войны Россия начала вводить в свои войска собак для медицинской, сторожевой службы и как средство связи. Собачьи упряжки были главным средством передвижения в ходе освоения Европейского Севера. Северные ездовые собаки участвовали в освоении «белого безмолвия» приполярных областей Земли, Арктики и Севера. Они разделяли с человеком все тяготы длительных переходов, погодные и климатические трудности, лишения и страдания. Они были надежными проводниками и служили тягловой силой. В суровом климате, Северной Европы и Кольского полуострова, собачьи упряжки были основным транспортом. «В пургу, в свирепый мороз, точно в срок доставляют эти бесстрашные каюры почту, привозят врача в отдаленное становище» [12, с. 3], перевезти груз, отвезти детей в школу, сходить на охоту, осуществлять контроль над стадом домашних животных, доставить почту.

В Советском Союзе собачьи упряжки стали участвовать на спортивных мероприятиях только в 1930-е годы. Собаки являлись участниками всесоюзных звездных и военизированных забегов. Первый всесоюзный звездный пробег на собаках был организован под эгидой Осоавиахима в 1932 году. Собачьи упряжки вышли в разное время из Магнитогорска, Мурманска. Ленинграда, Харькова и Владикавказа, целью проверки их выносливости [7, с. 4].

Первые официальные соревнования на собачьих упряжках «Берингия» были организованы в 1990 году протяженностью 250 км. Их организатором выступил журнал «Северные просторы» при поддержке Всесоюзного фонда народов Крайнего Севера [1, с. 8].

В Карелии ездовой спорт получил свое развитие в начале XXI века на коммерче-

ских туристических базах, предоставлявших услуги катания на собачьих упряжках. Один из известных клубов «Скифы-тур» находится в поселке Матросы, Пряжинского района. Он предлагает программы с собачьими упряжками, как короткие, так и на несколько дней туры. Собаки из питомника «Скифы-тур» снимались в российских фильмах, имеют мировые награды, совершившие уникальный поход на Северный полюс с Георгием Карпенко [13]. В 2013 году эти собаки участвовали в экспедиции Виктора Симонова и Фёдора Конюхова «Карелия – Северный полюс-Гренландия» [11]. Важно отметить, что фирма «Скифы Тур» специализируется на организации туров по Карелии, включая поездки на ездовых собаках, имеющая собственный питомник северных ездовых пород, также занимается канистерапией – методом лечения и реабилитации с помощью собак.

Кроме того «Скифы Тур» являлся главным организатором международных соревнований по гонкам на собачьих упряжках в Карелии на средние и длинные дистанции «По земле Сампо», являвшимися этапом кубка мира.

В 2011 году была создана «Карельская региональная общественная организация ездового спорта», а в 2013 году при поддержке правительства республики появилась Федерация ездового спорта Карелии [4, с. 8].

В 2010-2017 годы Карелия стала известна в России, как центр ездового спорта. Здесь проводились регулярные соревнования «Калевала»; гонки «Double-Dream»; этапы Кубка России и Кубка мира («Гонка по земле Сампо); «Кижи Ski-X Race» и другие.

Гонка «Калевала» стала первым официальным соревнованием в республике. Самая длинная гонка (440 км) проходила по Калевальскому району. Ей был присвоен статус «международной» – в гонке участвовали спортсмены из России, Финляндии, Германии, Польши, Чехии, Литвы, Испании. Организаторами состязаний являлись туркомпания «Велт-Карельские путешествия» при поддержке Министерства спорта и туризма Карелии, городская администрация Калевалы и Калевальского национального района, а также Карельская Федерация ездового спорта [3, с. 5].

Эти соревнования проводилась ежегодно с 2010 по 2012 годы и состояли из шести этапов, на первом этапе стартом и финишем был город Калевала, в остальные дни конечными точками ежедневной гонки стали поселки, связанные с созданием эпоса «Калевала»: Калевала, Хямя, Войница, Хайколя, озеро Куйто, Калевала. «Трассы находились в одном месте и имели сложнейший рельеф, а на замерзших озерах гонщиков ожидал сильный ветер» [9]. Как отметила корреспондент газеты «Новости Калевалы» Н. Васильева: «Эта гонка стала уникальна тем, что каждый участник провез по всему маршруту печатное издание своего региона, страны или национальности, которые он представлял. По окончании заезда, с дарственной надписью, они подарили книги Калевальскому музею рунопевцев» [5, с. 5]. В 2012 году в соревновании собачьих упряжек победителями были:1 место завоевал Ю. Пиетикяйнен (Финляндия); 2 место – В. Демченко (Московская обл.); 3 место – Е. Валеев (Тверская обл.). Призовые места в дисциплине «скиджоринг» заняли спортсмены из Санкт-Петербурга С. Беспалов; Н. Беляев; Э. Лобанов.

Ежегодные международные гонки на собачьих упряжках «По земле Сампо» в 2012–2013 годах проводились в Пряже, а в 2014–2018 годах – в Петрозаводске. Главным организатором, разработчиком маршрутов и инициатором проведения являлась туристическая фирма «Скифы Тур», представленная путешественником и полярным гидом В. А. Симоновым [14, с. 3]. Партнером соревнований выступил Государственный комитет Республики Карелия по делам молодёжи, физической культуре, спорту и туризму. В рамках это-

го мероприятия проходил Чемпионат России по средним дистанциям под эгидой Министерства образования и спорта Карелии. Самая протяженная дистанция гонки составляла 120 км и состояла из трех этапов по 40 км.

Первые соревнования, «Гонка по земле Сампо» (2012), на средние дистанции привлекли 40 спортсменов из 11 регионов России, включая Ростовскую область и Хабаровский край. Победителями стали А. Эдуардов (Санкт-Петербург, дисциплина «скиджоринг»); А. Макарова (Московская область, «скиджоринг»); А. Столяров (Кудама; «упряжка 8 собак»); М. Тыненеут (Чукотский автономный округ, «упряжка 6 собак»). Эта гонка являлась отборочным этапом для дальнейшего участия в международных соревнованиях [10].

В 2013 году «Гонку по земле Сампо» сделали одним из этапов Кубка мира, получив новый статус, она стала визитной карточкой Карелии [15, с. 3].

В 2013 году на «Гонке по земле Сампо» победителями стали: П. Пфейфер (Чехия, «упряжка 8 собак»); И. Дауйотиене (Литва, «упряжка шесть собак»); С. Беспалов («скиджоринг две собаки»); В. Чёрная (Ленинградская область, «скиджоринг две собаки»); А. Михеев (Москва, «скиджоринг одна собака»); С. Волкова (Кудама, «скиджоринг одна собака»). В 2015 году победителями в «Гонке по земле Сампо» в дисциплине «40 км на упряжках» стали М. Вртел (Чехия) и М. Шелковин (Московская область).

В 2011 году соревнования на собачьих упряжках «Double-Dream» также привлекли внимание спортсменов из России и Европы. Их организовал спортивно-тренировочный центр «Кудама». В гонках спортсмены состязались с достойными соперниками на дистанциях 3, 8 и 25 км в дисциплинах «упряжка» и «скиджоринг». Эта международная двухэтапная гонка проходила в Пряжинском районе, в небольшой деревне Кудама. В ней участвовали спортсмены из России, Польши и Белоруссии [6, с. 5].

«Кижи Ski-X Race» – экстремальный марафон на лыжах, прошел в 2022 году, в рамках которого Вита Чёрная (Кудама) преодолела дистанцию на собаках в дисциплине «Скиджоринг 2 собаки» от Кижей до Петрозаводска по льду Онежского озера. Были сложные погодные условия, из-за которых большинство участников сошли с дистанции [8].

В 2019–2025 годах в Рускеала прошли первые официальные соревнования по летним дисциплинам ездового спорта под эгидой Министерства спорта Республики Карелия. Это открытый Чемпионат республики по ездовому спорту – гонки с собаками в рамках III Международного Фестиваля спорта «EcoFestRuskeala» [2].

Важно отметить, что в этот период в Карелии проходили ежегодные соревнования по снежным и бесснежным дисциплинам, включая чемпионаты Карелии в Рускеала и этапы Кубка России и Мира; «Майский спринт 2019»; зимние соревнования «На запах весны 2019». Известны победители «Гонки по земле Сампо–2025»: «40 км в упряжке из 6 собак» Г. Заиченко, «40 км в упряжке 8-12 собак» М. Фатеев; «спринт на упряжках из 6 собак» 2 место Лехтомяки Весса-Пека (Финляндия) и 1 место К. Риита (Финляндия); «спринт на упряжках из 4 собак» А. Найденко (Московская область).

Несомненно, в развитии ездового спорта есть серьезные проблемы. Их озвучил в своем интервью председатель Федерации ездового спорта Карелии В. Власов. Одной из сложных является дороговизна данного вида спорта. Для организации тренировочного процесса, проведения соревнований требуются немалые финансовые затраты: на содержание собак и снаряжение; обустройство инфраструктуры для тренировочного процесса и проведения соревнований. Особые трудности проявляются в подготовке гоночных трасс, где требуется специальная техника. Использование гонщиками ездового спор-

та подготовленных лыжных трасс, встречает большое недовольство у Федерации лыжного спорта. Готовить же свои, отдельные трассы у Федерации ездового спорта нет финансовой возможности.

Все эти трудности обуславливают положение современного ездового спорта, как любительского направления. «Спорт фанатиков» – так председатель Федерации В. Власов охарактеризовал ездовой спорт на собачьих упряжках.

Есть надежда, что несмотря трудноразрешимые проблемы, в 2027 году возобновится проведение авторских соревнований при поддержке Министерства образования и спорта Карелии.

Библиографический список

1. «Берегиня» // Известия. – 1990. – 10 апреля. – № 101. – С. 8.
2. III Международный фестиваль спорта EcoFestRuskeala [Электронный ресурс] // Спорт-экспресс. – Режим доступа : https://www.sport-express.ru/others/reviews/v-karelii-proydet-iii-mezhdunarodnyy-festival-sporta-ecofest-ruskeala-1559811/ (дата обращения: 15.02.2026).
3. Kalevala 2012 // Карельский спорт. – 2012. – № 2. – С. 5.
4. Ачеповский И. А. Гонки на собачьих упряжках: от Аляски до Карелии / И. А. Ачеповский // Актуальные вопросы развития государства и общества : научно-информационный бюллетень. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2017. – С. 3–11.
5. Васильева Н. Kalevala 2012 / Н. Васильева // Новости Калевалы. – 2012. – № 10. – С. 5.
6. Двойная мечта сбылась // Карельский спорт. – 2012. – № 1. – С. 5.
7. Звездный пробег на собаках // Известия. – 1932. – № 49. – С. 4.
8. Интервью В. Власовым, председателем Федерации ездового спорта Карелии / личный архив В. В. Курятковой.
9. Калевала 2012 [Электронный ресурс] // Большое приключение. – Режим доступа : https://pro-camp.ru/news/kalevala-2012/ (дата обращения: 15.02.2026).
10. По земле Сампо [Электронный ресурс] // Энциклопедия «Руниверсалис». – Режим доступа : https://руни.рф/По_земле_Сампо (дата обращения: 15.02.2026).
11. Симонов В. [Электронный ресурс] / В. Симонов // Huskymoa. – Режим доступа : https://www.huskymoa.ru/victor_simonov (дата обращения: 21.02.2026).
12. Столяров В. Каюры / В. Столяров // Советский спорт. – 1941. – 28 января. – № 4. – С. 3.
13. Уникальная полярная экспедиция [Электронный ресурс] // Сплав. – Режим доступа : https://www.splav.ru/library/puteshestviya/unikalnaya-polyarnaya-ekspediciya1/ (дата обращения: 21.02.2026).
14. Черенкова С. На собачьих упряжках в Европу / С. Черенкова // Карельский спорт. – 2011. – № 10. – С. 3.
15. Шулипа А. В Карелии – три международных гонки на собачьих упряжках / А. Шулипа // Карельский спорт. – 2012. – № 12. – С. 3.

© Калинина Е. А., Куряткова В. В., 2026

УДК 94(47).04:343.712

БОРЬБА С РАЗБОЙНЫМИ НАПАДЕНИЯМИ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

EDN JOXNGN

И. В. Упоров

Доктор исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
ORCID 0000-0002-0906-5228,
e-mail: uporov@list.ru,
Российская академия естествознания,
г. Краснодар, Россия

COUNTERING ROBBING IN THE MUSCOVITE STATE: ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECT

I. V. Uporov

Doctor of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Professor,
Russian Academy of Natural Sciences
Krasnodar, Russia

Abstract. This article examines the organizational aspects of combating crime in the Muscovite state in the 17th century, focusing on the specifics of armed robbery, which was one of the most serious and socially dangerous acts. It analyzes the provisions of relevant documents regulating this area of public relations (the Cathedral Code, the Charter Book of the Robbery Department, etc.), materials from specific criminal cases involving armed robberies, and related scholarly works. It is noted that the Muscovite state had established a law enforcement apparatus to combat socially dangerous acts (crimes), including armed robberies. It had specific methods for solving and searching for suspects (in particular, "universal searches"). Specialized agencies were already established to combat crime both at the central level (the Robbery Department, the Detective Affairs Department) and locally (detectives, guards). However, a crime prevention institution had not yet been established.
Keywords: Muscovite state; crime; armed robberies; universal searches; governor; labial hut; torture.

В Московском государстве основная нагрузка в сфере реализации антикриминальной политики по общеуголовным преступлениям, возлагалась прежде всего на губные учреждения (губные и приказные избы и их аппараты во главе с губными старостами), которые, выражаясь современной терминологией, методологически (ссылки на законы, разъяснения, инструкции) обеспечивались приказами – органами центрального управления, при этом в данной сфере основными были Разбойный приказ, а также Приказ сыскных дел; но в повседневной деятельности эти учреждения находились в непосредственном подчинении воевод. Преступления в виде разбоя (разбойных нападений) наносили существенный вред общественным отношениям (так же, как кражи, убийства), соответственно на борьбе с этим общественно опасным деянием концентрировались усилия губных учреждений, и прежде всего в части розыска преступников [1, с. 43]. В этой связи нужно заметить, что в составе разбойников преобладали представители низких сословий – крестьяне, холопы, разного рода «гулящие» люди. Вместе с тем в разбоях принимали участие и представители более высоких сословий, что можно видеть, в частности, по содержанию некоторых десятен (деся́тни – документы в Московской Руси в XVI–XVII вв. в виде списков служилых людей).

Так, в одной из десятен 1622 г. указывается А. Г. Пилюгин – владелец поместья в 150 четвертей, 5 крестьян и 5 бобылей, который «в государеве разбойном деле дан на поруки по сыску князя Микиты Борятинского и двор и животы запечато-

ны до государева указу». Другой собственник – А. К. Ролдугин был владельцем поместья в 106 четвертей, 5 крестьян и 5 бобылей; согласно десятне он «сидит за приставом по язычной молке … двор и животы запечатоны по сыску князя МикитыБорятинского» [2, л. 198]. Из архивных документов и грамот разного рода рассматриваемого периода видно также, что тяжкие преступления совершали преступные группы, в составе которых были как крестьяне, так и помещики, то есть имели место совместные внесословные банды. Так, в 1693 г. помещик С. Рукин был обвинен в совершении убийства, то есть в «убийственном» деле, и в других тяжких преступлениях, при этом он являлся организатором банды разбойников. С целью его задержания воевода М. Леонтьев направил ротмистра Б. Завесина, двух подъячих и караульщиков, которые должны были «запечатоть» имущество и привести самого обвиняемого в приказную избу. За поимкой этой банды был снаряжен специальный отряд из местных правоохранителей, однако задержать удалось только самого Рукина, а остальные члены преступной группы сумели отбиться («учинились сильны»). В этой связи воевода запрашивал инструкций в Приказе сыскных дел по данному делу [3, с. 219].

Такое развитие событий дает основание полагать, что действовавшая тогда правоохранительная система не всегда эффективно справлялась с преступными проявлениями. Кроме того, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в преступные группы входили помещики, которые, казалось бы, были материально обеспечены и занимали достаточно высокое социальное положение. Это явление тем более примечательно, что речь идет о центральной России, местах, расположенных сравнительно недалеко от Москвы. Можно предположить, что такая «вольница» со стороны некоторых помещиков, отсутствие у них боязни уголовной ответственности за тяжкие преступления (а это в рассматриваемом случае смертная казнь) может быть объяснена периодом политической неопределенности, которая имела место в России в самом конце XVII в., когда новый царь Петр I в возрасте 19 лет только становился реальным руководителем государства после известного конфликта сестрой Софьей.

Помимо этого, очевидно, имело место и «вечные» причины преступности в виде стремления к незаконному обогащению. Значительную сложность губным учреждениям создавали ситуации, когда преступления совершались лицами, проживавшими в других уездах, поскольку транспортная доступность между населенными пунктами была затруднена; равным образом это касалось и информации о местных жителях. Розыск подозреваемых и обвиняемых в этих случаях значительно усложнялся, поскольку, например, при необходимости провести очную ставку, воевода, губной староста или сыщик (прообраз будущего следователя в современном его понимании) должны были обращаться к своим коллегам из соседних уездов. В сложившейся в Московском государстве бюрократии это было строгим правилом – так, арест лица, подозреваемого в совершенном преступлении, проживавшем в другом уезде, считался серьезным нарушением. Например, в 1649 г. лебедянский губной староста Мальцев по грамоте из Разбойного приказа направлялся в соседнюю территорию «для сыскного дела», где «обыски о разбойниках», то есть осуществлял розыск подозреваемых в совершении разбоя – детей боярских Варнавина и Ханеева. Там во время следственно-розыскных мероприятий Мальцев получил информацию о том, что один из сообщников банды находится в уезде, куда разрешения Разбойного приказа не было, и тогда Мальцеву пришлось обращаться к местному воеводе [4, л. 247–249].

Подобная забюрократизированность данного направления правоохранительной деятельности на местах снижалась эффек-

тивность борьбы с преступностью. Одновременно указанные и другие подобные нестыковки в деятельности правоохранительных органов (прежде всего воевод и губных старост и сыщиков) показывали недостаточно развитую систему управления борьбой с преступностью, несмотря на то, что Московское государство уже с самого начала XVII в. было централизованным государством, а течение века централизация еще больше укреплялась.

О практике следственно-розыскной деятельности губных учреждений можно судить по сохранившимся сведениям, содержащимся в древних грамотах и архивах. В этом смысле представляет интерес дело о разбойном нападении на сына боярского Ф. Плясова, расследование по которому длилось несколько лет [5]. Фабула этого уголовного дела заключалась в следующем. В ноябре 1630 г. на двор воронежского сына боярского Плясова было совершено разбойное нападение. Сам потерпевший смог назвать их – это были местные жители-крестьяне. Судя по документам, преступники совершали жестокие действия – так, они пытали огнем жену Плясова, его дочь и зятя. В результате нападения было захвачено имущество в значительном объеме (40 пудов меда, 4 пудов воска, 18 ульев с пчелами, две коробки с одеждой и др.). Дело взял к своему производству губной староста Тарарыков, который в данной ситуации руководствовался ст. 18 Уставной книги Разбойного приказа, согласно которому «на которых людей истцы бьют челом в татьбах и в разбояхимянно, без поличного, и без язычной молки, и не по лихованным обыском, и тех челобитчиков отсылать в Судной Приказ, где кто судим, а будет в Судном Приказе сыщется, что те дела разбойные дошли до пыток, и тех истцов и ответчиков из Судного Приказу отсылать в Разбойной Приказ» [6].

Исходя из этой нормы, был проведен «лихованный обыск». На практике это означало провести сплошной опрос местных жителей, которые могли бы что-либо прояснить по совершенному дерзкому преступлению. В частности, были взяты показания двух местных попов, шестидесяти трех казачьих атаманов, двадцати казаков, ста семидесяти крестьян. В результате губной староста смог выяснить, что, например, по словам большинства опрошенных, крестьянин Рогач, один из подозреваемых, пришел в село недавно, и как только в село приехал губной староста искать разбойников, Рогач быстро скрылся.

При этом институт лихованного обыска находил законодательное отражение. Так, согласно ст. 28 главы XXI Соборного уложения «А кого поимают на розбое, и те розбойники на себя в розбое и с пыток говорити не учнут, и про тех людей около их житья обыскивать. Да будет в сыску обыскные многие люди скажут, что они тех розбойников знают, и розбоем и иными лихими делы те обыскные люди их оговорят, и тех людей по обыском пытать в другие. А будет они и с другие пытки на себя говорити не учнут, и их по обыском вкинуть в тюрму» [7]. И далее: «А будет про них в обыску скажут, что они люди добрые, и улики никакие на них не ведают, и тех по пыточным речем и по обыском давать на чистые поруки тем же людем, которые их одобрят в том, что им никаким воровством не промышлять» [7] (ст. 29). В указанных нормах обыск, то есть опрос окрестных жителей, имеет различные наименования – «обыск» (ст. 29, 35, 36), «большой повальный обыск» (ст. 35), «около их житья обыскивать», «сыск» (ст. 28).

В работах на эту тему наблюдаются разные подходы по ряду аспектов. Так, по мнению В. Сокольского, до Уложения существовало различие между повальным обыском розыска и повальным обыском суда (то есть состязательной формы судопроизводства). Первый представлял собой обязательный сыск разбойников определенной округи всей земщиной этой округи; второй – допрос жителей определенной местности о каком-нибудь факте, интересующем суд. Форма одинаковая, но

суть и влияние на судебный процесс обоих институтов разные. С Соборного Уложения 1649 г. происходит слияние обоих видов обыска. Между большим повальным обыском и просто повальным обыском (или обыском) различия не было, а обыск окольными людьми (или «около их житья) употреблялся в случаях маловажных или при наличии весомых улик [8. с. 29]. По мнению Ф. Дмитриева, повальный обыск отличался от обыска окольными людьми тем, что был более масштабен и охватывал территорию 15–20 верст [9, с. 417]. В любом случае во всех указанных статьях обыск является существенным звеном следствия в форме розыска.

Согласно ст. 28 главы XXI Соборного уложения повальный обыск применялся в том случае, если лица, захваченные на разбое, не будут на пытке признавать за собой разбой. Этот и связанные с ним вопросы находили регулирование в ст. 42 главы XXI Соборного Уложения, где, в частности, указывалось: «А на которого человека в розбое язык говорит, а в обыску его назовут половина добрым человеком, а другая половина назовут лихим человеком, и того человека пытать. А не учнет на себя с пытки в розбоеговорити, и того человека дати на чистую поруку з записью обыскным людем, которые его в обыскех добрили, а по язычной молкевзяти на нем выть. А будет в той половине болше обыскных людей, которые его назовут лихим человеком, человек пятнатцать или дватцеть, и той половине и верити, и того человекапытати накрепко. А пытан на себя не учнетговорити, и того человека по язычной молке и по обыском посадити в тюрму до государева указу, а животы его отдати в выть. А после того прибудет на него в розбойном деле иное лихо, и того человека казнитисмертию. А обыскным людем, которые его добрили ложно, чинитиуказ, против того, как о том писано выше сего в судной статье». Детализация следует в следующей статье: «А на которого человека языки два или три говорят в розбое, а он пытан не учнет на себя говорити, а учнетбити челом о обыску, а в обыску про него скажут, что его не знают, и его посадити в тюрму, до государева указу. А будет в обыску про него скажут, что его знают, а доброй ли он человек, или лихой, того про него не ведают, и того человека по тому же посадити в тюрму до государева указу, а животы его продати в выть» [7] (ст. 43)

В повальном обыске было обязано участвовать все население, за исключением духовенства в соответствии с решением церковного собора 1667 г. [10] Исключались и неспособные к даче свидетельских показаний – глухие, немые, душевнобольные и малолетние, как и те, которые лишались права свидетельских показаний, в данном случае дети в отношении родителей, жена в отношении мужа, отпущенные на свободу холопы в отношении своих бывших господ. Между тем в результате анализа полученных по время «обыска» сведений по делу о разбойном нападении на сына боярского Плясова, губной староста Тарарыков принял решение поместить в тюрьму «до государева указу» облихованных Саранчу, Тарасова и Чистяка, при этом было дано распоряжение их имущество переписать и опечатать. Однако с таким решением не согласился воевода князь Львов, который посчитал, что в отношении Тарасова было меньше свидетельских показаний о его разбойном прошлом, в связи с чем Тарасов был отдан «на поруки».

Здесь обращает на себя внимание следующие обстоятельства. Во-первых, то, что в ход следствия достаточно активно вмешивается воевода, и, судя по документам, это было общепринятым полномочием данного должностного лица. Во-вторых, если использовать современную российскую структуру правоохранительных органов, то губной староста выполнял дознавательные и следственные действия, то есть осуществлял функции криминальной полиции (оперативных работ-

ников и следователей); воевода представлял собой прокурорский надзор, а Разбойный приказ был судом, причем, скорее всего первой инстанции, поскольку окончательное решение должно было утверждать государем. При таком подходе приговор преступникам выносился исключительно по письменным докладам, которые с мест губные старосты и воеводы направляли в Разбойный приказ, то есть без участия самого обвиняемого. Конечно же, здесь наиболее значимым было мнение самого следователя (губного сыщика или губного старосты), который составлял заключение на основе проведенного розыска и следствия.

В этом контексте представляет интерес ст. 14 Уставной книги Разбойного указа, где указывалось: «А на которых дворянских и приказных людей и детей боярских дядей дворников, в разбое или в татьбе, языки взговорят, а те дворяне и приказные люди и дети боярские скажут, что у них таких людей или дворников не бывало, и начнут бит челом о обыску, и про то обыскать около их житья многими людьми: бывали у них таковы люди или дворники? и будет в обыску скажут, что у них такие люди или дворники были, и на тех дворянах и приказных людях и на детях боярских, за тех людей и дворников в истцовый иски иметь выт, а тех дворян и приказных людей и детей боярских давать на поруки, с записями, со сроком, что им тех людей поставит к языком на очную ставку; а как их поставят, и их языки с очей на очи, во многих людях ставит, и расспрашивают, и указ им чинит, кто до чего доведется. А скажут в обысках, что у них таковых людей и дворников не бывало, и за тех людей и дворников вытей на них не иметь. А про самих дворян и приказных людей и про детей боярских в уставной книге именно не написано, и от иных воров ничем не отведены» [6]. Из этой нормы видно, что законодатель относился к дворянам достаточно жестко, без каких-либо особых привилегий, что отражало присущий тому времени тип государства [11; 12].

Обращает также на себя внимание довольно тесное взаимодействие разных органов правопорядка при расследовании тяжких преступлений. Так, по упомянутому выше делу о разбойном нападении на сына боярского Плясова пойман сбежавший из-под стражи один из подозреваемых Рогач, который сидел «за приставом» у осадного головы Шишкина, а непосредственными караульщиками были пушкарь Сальников и еще шесть человек. Но и здесь Рогач сумел бежать, за что Шишкин был взят под стражу («за пристава»), а Сальников и его помощники были посажены в тюрьму. В отношении этих лиц был послан запрос в Разбойный приказ, откуда за подписью дьяка Г. Теряева была прислана «указная роспись», согласно которой с караульщиков следовало взыскать часть имущества, а их самих выпустить на месяц с условием, что они поймают и приведут в приказную избу Рогача. Не оставил Разбойный приказ без внимания и происшествие с отданным на поруки обвиняемым Тарасовым, который был убит – предписывалось выяснить обстоятельства убийства, выявить и поймать убийц и доложить об этом в Разбойный приказ, а с поручителей Тарасова «доправить выть» (здесь и далее по этому дела как штраф); имущество самого Тарасова предписывалось продать «на государя», то есть Тарасов также признавался виновным. В этой же «росписи» Разбойный приказ сообщал приговоры в отношении других участников разбойного нападения. Не был обойден вниманием и поп Яков – приговор в отношении него состоял в том, что с него также нужно было «доправить выть» и 20 рублей, которые он «вымучил» у Плясова, которые ему и отдать, а самого попа Якова – посадить в тюрьму до «государева указу». В сентябре 1632 г. (то есть спустя почти три года!) тот же губной староста Тарарыков продавал имущество, изъятое у виновных в совершении разбойного нападения на Плясова. «Опаль-

ные животы» покупали местные атаманы и «торговые люди», которым губной староста давал купчие записи [5].

В итоге по данному дел правосудие состоялось – виновные были выявлены, подвергнуты наказанию, а потерпевший получил компенсацию за полученный вред. Главным дознавателем и следователем был губной староста Тарарыков, который имел свой аппарат. Деятельность Тарарыкова, вероятно, можно расценивать как позитивную, равно как и, выражаясь современным языком, активную гражданскую позицию потерпевшего Плясова, проявившего необходимую настойчивость и доверявший губному старосте. Вместе с тем некоторые помощники губного старосты (целовальники, пушкари, сторожа, караульщики), судя по материалам дела, были замешаны во взяточничестве. Есть также основания полагать, что действовала разветвленная преступная группа, куда входили даже и священнослужители. Тот факт, что эта группа была выявлена только в результате расследования совершенного преступления, говорит о том, что предупредительная работа профилактического характера практически не велась – собственно, тогда вопрос об этом и не стоял, поскольку не было органа, который мог бы заниматься ею на системном уровне.

Анализ указанных документов, включая материалы по этому уголовному делу показывает, что в целом в Московском государстве был сформирован правоохранительный аппарат по борьбе с общественно опасными деяниями (преступлениями), в том числе по наиболее тяжким, к которым относились разбойные нападения; этот аппарат обладал определенными полномочиями применять меры государственного принуждения [13]. При этом уже началось выделение специальных органов, которые занимались борьбой с преступностью как на уровне центрального аппарата (Разбойный приказ, Приказ сыскных дел), так и на местах (сыщики, караульщики). Вместе с тем на местах розыском, следствием активно занимались воеводы и губные старосты, то есть должностные лица, имевшие более широкую компетенцию. Кроме того, в рассматриваемый период еще не был организован институт профилактики преступлений.

Библиографический список

1. Лядов А. О. Уголовный сыск в дореволюционной России (историко-правовой аспект): дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997.
2. РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Дела десятен. Д. 87. Л. 198.
3. Глазьев В. Н. Власть и общество на Юге России в XVII веке. Воронеж, 2001.
4. РГАДА. Ф. 210. Оп. 15. Д. 298. Л. 247-249.
5. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронеж, 1887. Т. 1. № 135.
6. Уставная книга Разбойная приказа (ред. 1624–1631 гг.) // Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. Тексты. М., 1985. Т. 2
7. Соборное уложение от 19.01.1649 г. // ПСЗ-1. № 1.
8. Сокольский В. Главнейшие моменты в истории повального обыска // Университетские известия. Киев, 1871. № 6. С. 21–32.
9. Дмитриев Ф. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до учреждения о губерниях. М., 1859.
10. Выписка из деяний собора бывшего в сем году в Москве «О лицах духовного ведомства» от 17.06. 1667 г. // ПСЗ-1. № 412.
11. Старков О. В., Упоров И. В. Теория государства и права: учебник (3-е изд., перераб., и доп.). М., 2012.
12. Упоров И. В., Кузовлева Г. В. Представительство народа (населения) в органах публичной власти: сущность и политико-правовая характеристика // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 30–34.
13. Курдюк П. М., Упоров И. В., Акопян А. А. Преступность как социально-опасное явление и государственное принуждение как метод его нейтрализации: монография. Краснодар, 2007.

© Упоров И. В., 2026

УДК 342

ВЕРХОВНЫЙ ТАЙНЫЙ СОВЕТ В СИСТЕМЕ ВЫСШИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (1726–1727 ГОДЫ)

EDN JPBHDU

И. В. Упоров

Доктор исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
ORCID 0000-0002-0906-5228,
e-mail: uporov@list.ru,
Российская академия естествознания,
г. Краснодар, Россия

SUPREME PRIVATE COUNCIL IN THE SYSTEM OF HIGHER AUTHORITIES: FEATURES OF INTERACTION (1726–1727)

I. V. Uporov

Doctor of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Professor,
Russian Academy of Natural Sciences
Krasnodar, Russia

Abstract. After the death of Peter the Great, Catherine I, who had no experience in governing the state, ascended the Russian throne. Under these circumstances, with the active participation of high-ranking officials close to the monarch, the Supreme Privy Council was established. In many areas, it effectively became the highest authority in the state, making decisions. Following this, the configuration of power structures in the Russian Empire changed. This article examines the specifics of this transformation during 1726–1727, a period during which the Supreme Privy Council was established and consolidated within the power pyramid. Imperial decrees, other documents, and scholarly works addressing this issue are analyzed accordingly. It is noted, in particular, that the Supreme Privy Council exerted such influence over the empress that her decisions significantly diminished the importance of the Senate, and the Senate's most important powers were transferred to the Supreme Privy Council. However, the Supreme Privy Council functioned for a relatively short time – in 1730, under Anna Ioannovna, it was abolished. These and other changes in power circles were largely explained by the personal interests of those involved in political maneuvers.

Keywords: Supreme Privy Council; empress; Senate; colleagues; cabinet secretary; power; state; monarchy; absolutism.

После смерти Петра I на престол взошла неопытная в делах государственного управления Екатерина I. Воспользовавшись этим обстоятельством, более чем опытный Меншиков сумел путем политических маневров, в которых он бы искушен, сделать так, что был учрежден Верховный тайный совет как орган власти, который, де-факто стал управлять государством при формальном верховенстве на властной пирамиде императрицы, и, разумеется, Александр Меншиков имел значительное влияние. Указ о создании Верховного тайного совета состоялся в феврале 1726 г. [1], где, среди прочего, были определены полномочия Верховного тайного совета, в то числе Верховный тайный совет получал право рассматривать на своих заседаниях все вопросы государственной жизни, которые в Сенате и Коллегиях сочтут «самыми важными», о чем Сенат и Коллегии должны были письменно извещать Верховный тайный совет – «А из Сената и из других всех Коллегий писать, о чем самом важном деле случится, по сему: доношение в Верховный Тайный Совет» (ранее коллегии подчинялись Правительствующему Сенату [2, с. 37]). В этой связи в Указе уточнялось, что взаимодействие между Сенатом и Коллегиями должно было осуществляться посредством направления друг другу «промеморий», то есть обмена информацией служебного характера (в то

время как ранее Сенат направлял предписывающие указы).

Соответственно и Верховный тайный совет также должен был взаимодействовать с иными органами власти в тогдашней Российской империи. С императрицей взаимодействие осуществлялось через ее Кабинет во главе с кабинет-секретарем А. В. Макаровым. Эта должность кабинет-секретаря довольно занчимой – если при Петре I он вообще не имел чина и его должность не включалась в Табель о рангах, то императрица произвела Макарова в генерал-майоры, а затем в действительные тайные советники. После учреждения Верховного тайного совета кабинет-секретарь Макаров по-прежнему был личным секретарем императрицы, и все документы из Верховного тайного совета должны были попадать через руки Алексея Макарова (такое положение сохранялось и при императоре Петре II) [3, с. 270].

В этой связи следует еще заметить, что первоначально, в период решения вопроса об учреждении Верховного тайного совета, предполагалось, что Макаров в силу своего должностного положения также будет включен в состав этого органа. Однако этого не произошло, но, тем не менее, в некоторых случаях Макаров принимал участие в обсуждении некоторых вопросов на заседаниях Верховного тайного совета. Например, 3 марта 1727 г. Макаров обратил внимание членов совета на то, что «в сибирской губернии многие ссылочные люди отъ безсовестных своих злых обычаев показывают на неповинных людей, при том показывают и на воевод, у которых под караулом государево слово и дело. И тех неповинных в Москву непрестанно посылают в Преображенскую канцелярию, а там, по следованию, важных причин не отыскивается, и оттого тем людям неповинным чинится великая обида и разорение» [4, с. 197]. Исходя из такой постановки вопроса, кабинет-секретарь Макаров выдвинул предложение об отмене такого рода порядка и возложить дознание на губернаторов. Можно еще отметить совместный труд Макарова, Меншикова и Остермана («Записка о государственных нуждах» [3, прил. 10], где в довольно пространной форме излагались насущные проблемы российского государства и пути их решения.

В целом же, как видно, Верховный тайный совет и Кабинет императрицы Екатерины I взаимодействовали в деловом стиле без каких-либо конфликтов. Однако после смерти Екатерины I ситуация с Кабинетом изменилась. Юный Петр II (дефакто его позиция определялась Долгорукими) решил, что Кабинет более не нужен и был упразднен. И в числе первых указов императора был Указ от 24 мая 1727 г. «О доношении по важным делам и по первым трем пунктам Сенату и Верховному Тайному Совету», где отменялось предписание Екатерины I о том, что надо о важных делах доносить прежде всего «в Наш Кабинет», то есть в ее личную канцелярию, и теперь, указывалось в этом акте, «ныне указали Мы о таковых новых и важных делах тем командующим генералам и из губерний губернаторам писать в Наш Верховный Тайный Совет, а не в Кабинет» [5]. В Указе уточнялись отмеченные «пункты», введенные еще Петром I и касавшиеся политических преступлений: 1) ежели кто за кем знает злое умышление на здоровье Его Императорского Величества; 2) об измене; 3) о возмущении или бунте … из Санкт-Петербурга и ближних к Санкт-Петербургу губерний (Новогродской, Лифляндской, Эстляндской) и провинций писать в Сенат, а из дальних провинций в Москву к Действительному Тайному Советнику и Генерал-Губернатору Князю Ромодановскому» [5]. Делалась также важнейшая оговорка: «А в Наш Верховный Тайный Совет писать о том для ведома немедленно» [5]. В завершающей части Указа предписывалось, что «в Кабинет ни о каких делах впредь до указу не писать».

В результате упразднения Кабинета взаимодействие императора и Верховного тайного совета стало осуществляться непосредственно через Верховный тайный совет, куда уже бывший кабинет-секретарь Макаров согласно предписанию Верховного тайного совета должен был сдать все дела Кабинета (сам Макаров получил должность президента Камер-коллегии, но есть сведения о том, что в одной записке он писал, что «попал в Меншиковым испорченное место, как в неволю» [3, с. 279]. Тем самым Верховный тайный совет, учитывая юность императора, усилил свое влияние в структуре властных органов, фактически осуществляя в стране верховную власть.

Важнейшим органом власти в Российской империи был Сенат. С учреждением Верховного тайного совета роль этого органа была заметно снижена. Сенат, который провозгласил Екатерину I императрицей, указом этой же государыни был в значительной степени подчинен Верховному тайному совету. Такое изменение роли Сената, который, был важнейшим коллегиальным органом высшей государственной власти, занимавший по значимости ведущее, место (после императора Петра I) во властной иерархии, было, безусловно, крупным событием, поскольку Верховный тайный совет во многом заменил Сенат. Вместе с тем нужно иметь в виду, что изменение соотношения властных полномочий разных органов государственной власти в российской империи не могло происходить без приближенных императрицы, и в этой острой закулисной борьбе больше других преуспел упомянутый Меншиков, который еще при Петре I смог добиться благоприятного расположения супруги императора.

С созданием Верховного тайного совета вошедшие в него члены Сената были освобождены от этой обязанности, а вместо них, как отмечается в учредительном указе Екатерины I, предписывалось «выбрать других персон, которые при одном Сенатском правлении будут», то есть будут исполнять эти обязанности на постоянной основе. Такой шаг сразу же понизил Сенат с точки зрения представительства в нем высокопоставленных чиновников, поскольку новые члены Сената были явно менее влиятельными. Так, граф Матвеев считал в этой связи даже невозможным сноситься с Сенатом, поскольку тот не соответствовал его рангу действительного тайного советника, в частности, в исторических источниках приводится следующее его мнение: «понеже ныне учрежден Верховный Тайный Совет, в котором ниже действительных тайных советников никого не обретается, ныне в Сенат определены вновь члены ранга генерал-майора и ниже действительных тайных советников двумя рангами» [4. с. 204].

В упомянутом выше учредительном указе о создании Верховного тайного совета также содержалось предписание, согласно которому Сенат фактически как государственное учреждение приравнивался к коллегиям, в частности, по этому поводу указывалось, что «из Сената и из других всех Коллегий писать о чем самом важном деле случится, по сему: доношение в Верховный Тайный Совет» [1]. До этого сам Сенат занимал такое высокое положение в структуре государственной власти, что не он составлял докладные записки «наверх», а к нему адресовались такого рода докладные записки от государственных учреждений и отдельных лиц. Уже только это обстоятельство показывает, что статус Сената был значительно, можно даже сказать, что резко понижен. В дальнейшем отношения Верховного тайного совета и Сената некоторое время складывались довольно напряженно, поскольку члены Сената не намеревались сдавать свои позиции просто так, учитывая высокий служебный авторитет Сената среди всех других государственных учреждений и воевод, который Сенат в предшествующие годы приобрел благодаря, конечно, Петру I [6, с. 48].

Однако теперь Сенат уже не являлся органом, на который ставку делала импе-

ратрица, – ставка была сделана на Верховный тайный совет. Однако этот новый властный орган, будучи провозглашенным, еще не имел достаточно понятного для чиновничьего мира статуса – этот статус следовало еще определить. Так, как явствует из протоколов Верховного тайного совета, 15 февраля 1726 г. на заседание Верховного тайного совета явился Кабинет-Секретарь Макаров и поставил вопрос о том, что следует определиться с тем, какой орган должен быть «правительствующим», учитывая, что в учредительном указе Сенат уже не именовался как «правительствующий», но и Верховный тайный совет, как видно из самого названия этого органа, также не являлся правительствующим. Тогда же был поставлен вопрос о том, каким образовать выбирать в Сенат его членов, а также ряд других вопросов, ведение которых следовало разделить между Сенатом либо Верховным тайным советом [4, с. 35].

По второму вопросу Верховный тайный Совет решил «не обижать» Сенат и предоставил членам его самим выбирать новых членов Сената, однако это право было оговорено условием – свое решение по новым членам Сенат должен был направлять в Верховный тайный совет «для апробации», то есть это была, по сути, форма прямого контроля, поскольку в случае несогласия Верховный тайный совет мог заблокировать решение Сената; ранее такого рода «апробацию» осуществлял только сам император. На том же заседании Верховного тайного Совета 15 февраля 1726 г. обсуждался вопрос, касающийся Сенатской типографии: «печати, которою грамоты, указы и промемории печатаются внутрь Империи со взятием пошлин – где им быть?». Было решено типографию оставить за Сенатом. Как видно, Верховный тайный совет достаточно осторожно относился к ограничению полномочий Сената, не намереваясь низвести его до очень низкого уровня, и это объяснялось, вероятно, тем обстоятельством, что, несмотря на свой высокий ранг и близость к императрице, члены Верховного тайного совета не могли не опасаться членов Сената и других высокопоставленных лиц, которые, если бы массово проявили недовольство, составили бы значительную политическую силу, и еще неизвестно, какую бы позицию заняла в этом случае императрица.

При таких обстоятельствах вопрос о том, какой же тогда орган власти должен быть «правительствующим», пришлось обсуждать еще несколько раз. Некоторая определенность появилась в марте 1726 г., когда на очередном заседании Верховного тайного совета слушали сообщение Герцога Голштинского, который выразил мнение о том, что создание Верховного тайного совета по сути своей не вносило принципиальных изменений в систему центральных органов государственной власти, поскольку новый орган, состоя при императрице, являлся все же совещательным, несмотря на то, что императрица утверждала практически все готовившиеся «верховниками» решения, а Петр II фактически отстранился от текущего управления страной [4, т. 55, с. 93]. Было сформировано мнение о том, что правительствующим органом должен быть Верховный тайный совет, но так как среди государственных учреждений Сенат ассоциировался с центральным правительствующим учреждением, то было решено наделить Сенат иным титулом. С этим была связана и попытка Сената исправить унизительное для себя положение, которая быстро была пресечена. Так, когда 13 марта 1726 г. Верховному тайному совету было сообщено из Сената о том, что Сенат не принимает промемориий от указанных выше трех коллегий (Адмиралтейской, Военной и Иностранных дел), об этом тут же было сообщено кабинет-секретарю Макарову, а через него и императрице. Повеление Екатерины I было следующим: «Сенату отныне писаться Высокий сенат, а не Правительствующий

для того, что слово сие „Правительствующий“ непристойно» [4, т. 55, с. 90].

Вероятно, это было сделано с подачи самого Верховного тайного совета и, скорее всего, при участии Меншикова, который, как известно, больше всех недолюбливал членов Сената. Однако Ф. М. Владимирский-Буданов считает, что, помимо титула «высокий», Сенат после указа от 8 февраля 1726 г. стал называться, хотя и неофициально, – «управительный», поскольку Сенату по-прежнему подчинялись все коллегии (за исключением Военной Коллегии, которая по настоянию Меншикова, была выведена из подчинения Сената), и де-факто Сенат, как и ранее, занимался административными функциями, и это направление было основным в его деятельности, и изменилось принципиально лишь то, что теперь Сенат, формируя свое мнение по какому-либо вопросу, требующего высочайшего указания, на пути к императрице должен был посылать его в Верховный Тайный Совет, туда же направлялись и проекты решений, которые требовали санкции самого Верховного Тайного Совета, однако в большинстве своем Сенат в своей текущей работе принимал решения самостоятельно [7, с. 97]. Определенная ясность в статусе Сената появилась с изданием Именного указа 7 марта 1726 г. «О должности Сената» [8].

В этом акте много внимания уделяется порядку работы Сената, но есть и нормативные положении, которые определяют его права и обязанности. Заметим, что прав у Сената было немало, в частности, в п. 4 Указа Сенат наделялся по сути полномочиями высшей судебной инстанции, каковым, собственно, он в дальнейшем и будет оставаться [9]. Вместе с тем несколько раз в Указе определялось, что свое суждение по ряду важных вопросов Сенат должен был представлять в Верховный тайный совет, который брал на себя, когда считал нужным те же судебные функции. В целом из компетенции Сената изымались наиболее важные функции и дела с передачей их новому органу государственной власти – Верховному тайному совету, и теперь уже Верховный тайный совет направлял Сенату предписания и требовал разного рода сведения.

О значимости Верховного тайного совета говорит и тот факт, что ему подчинялись Главная полицеймейстерская канцелярия и Преображенский приказ [10, с. 93]. Более того, кандидатуры самих сенаторов также стал рассматривать Верховный тайный совет, во многом приравняв Сенат к коллегиям. Что касается последних, то они тем более являли собой подчиненные органы государственного управления по отношению к Верховному тайному совету.

В совокупности полученных полномочий Верховный тайный совет стал обладать уникальным правовым статусом, оказавшись в иерархической лестнице властных структур ниже императрицы (императора), но выше всех других органов, включая Сенат. Такое положение во многом было обусловлено особенностями внутриполитической борьбы различных группировок правящей элиты между собой. Специального закона, регулировавшего полномочия Верховного тайного совета, издано не было. Первоначальные же статусные полномочия были обозначены в отмеченном выше учредительном указе Екатерины I от 8 февраля 1726 г. Исходя из современных представлений о властеотношениях, Верховный тайный совет представлял собой совещательный орган, однако фактически, с учетом особенностей его создания и персонального состава, он по своему влиянию выходил далеко за рамки совещательных функций.

В дальнейшем Екатерина I некоторым образом уточняла статус Верховного тайного совета. Так, актом от 1 января 1727 г. определялось, что Верховный тайный совет имеет лишь «рассуждение» по наиболее важным вопросам, в то время как ранее исходящий от императрицы указ должен был обозначаться как «состоявшийся в Верховном тайном совете»; было сделано также исключение – если ранее все

важнейшие вопросы должны были предварительно обсуждаться в Верховном тайном совете, то теперь «разве кто имеет доносить о таких делах, которые никому иному, кроме Нам самим, поверены быть не могут» [10, с. 94]. Можно предположить, что получившая опыт управления государством императрица создавала правовой рычаг, позволявший ей принимать необходимые меры в случае возможного политического обострения.

Что касается распределения полномочий между отдельными членами Верховного тайного совета, то данный аспект не нашел своего регулирования. Равно как формально не определялся председатель Верховного тайного совета. Из учредительного Указа следует, что главой Верховного тайного совета является сама императрица, которая должна была лично проводить совещания членов Верховного тайного совета. Однако фактически Екатерина I лично очень редко проводила заседания Верховного тайного совета, но при этом она одновременно и не назначала своего заместителя. Такой подход, наряду с другими мерами, свидетельствует о том, что Екатерина I отнюдь не намерена была исполнять роль послушной правительницы при могущественных чиновниках. Однако после смерти Екатерины I и опалы Меншикова усилиями Долгоруких (при Петре II) Верховный тайный совет фактически всё же взял на себя функции высшего органа власти при юном и не участвующем в текущем государственном управлении Петре II. В этом контексте в литературе была высказана мысль о то, что при такой конструкции власти имелись элементы разделения властей [11, с. 435], однако с такой точкой зрения трудно согласиться, имея в виду сущность представительной власти, и имея в виду, что члены Верховного тайного совета руководствовались, с большой долей вероятности, прежде всего своими личными интересами [12]. Как бы ни было, но в 1730 г., уже при Анне Иоанновне, Верховный тайный совет был упразднен, – абсолютистская Россия не была готова хоть каким-то образом ограничивать абсолютную власть монарха.

Библиографический список

1. Указ от 08.02.1726 г. «Об учреждении Верховного Тайного Совета» // ПСЗ-1. № 4830.
2. Берендтс Э. Н. Несколько слов о «Коллегиях» Петра Великого. Ярославль, 1896.
3. 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904 годы. Историческое исследование, проведенное по распоряжению министра императорского двора генерал-адъюнкта барона В. Б. Фредерикса. СПб., 1911.
4. Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 63. Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета, 1726–1730 гг. СПб., 1888.
5. Именной, объявленный из Верховного тайного совета указ от 24/05/ 1727 г. «О доношении по важным делам и по первым трем пунктам Сенату и Верховному Тайному Совету» // ПСЗ-1. № 5078.
6. Шмурло Е. Ф. Кончина Петра Великого и вступление на престол Екатерины I. Казань, 2013.
7. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1905.
8. Именной Указ от 07.03.1726 г. «О должности Сената» // ПСЗ-1. №4847.
9. Старков О. В., Упоров И. В. Теория государства и права: учебник (3-е изд., перераб., и доп.). М., 2012.
10. Игнатов В. Г. История государственного управления России. М., 2002.
11. Таловеров С. Ю. Верховный тайный совет в системе высших государственных учреждений Российской империи (1726–1730 гг.) // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 434–435.
12. Упоров И. В., Кузовлева Г. В. Представительство народа (населения) в органах публичной власти: сущность и политико-правовая характеристика // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 30–34.

© Упоров И. В., 2026

УДК 232

СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ РАБОЧИХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX ВЕКА: ДИСКУССИИ, ПРОЕКТЫ, ПРАВОВЫЕ АКТЫ

EDN JUZCGX

И. В. Упоров

Доктор исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
ORCID 0000-0002-0906-5228,
e-mail: uporov@list.ru,
Российская академия естествознания,
г. Краснодар, Россия

SOCIAL INSURANCE FOR WORKERS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE LATE 19TH CENTURY: DISCUSSIONS, PROJECTS AND LEGAL ACTS

I. V. Uporov

Doctor of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Professor,
Russian Academy of Natural Sciences,
Krasnodar, Russia

Abstract. Following the abolition of serfdom in the Russian Empire, industry began to develop at a significantly faster rate, and a significant portion of the now-free peasants rushed to work in enterprises. However, the increase in the number of enterprises and overall production volumes led to an increase in injuries and accidents, which, in turn, increasingly raised the issue of social guarantees for workers. In the 1860s, a number of laws were passed on this matter, but they applied only to state-owned enterprises, and the social guarantees were relatively insignificant. This article examines the Russian Imperial government's policy on addressing the issue of social insurance for workers in the late 19th century, when the concept for resolving the "labor question" was being defined. Relevant legal acts, other official documents, and scholarly works on this topic are analyzed. It is noted that heated debates between industrialists (owners) and government officials culminated in two conflicting positions: the former argued that social insurance should be voluntary and include pension payments from the treasury; the latter argued that social insurance should be mandatory and provided by enterprises. Ultimately, a compromise was adopted during the period under review.

Keywords: social insurance; labor question; government; industrialists; working conditions; projects; insurance payments.

Во второй половине XIX в. в Российской империи всё активнее развивались капиталистические отношения, наблюдался определенный рост объемов производства, сопровождавшийся внедрением новых технологий. Для экономики государства этот факт, взяты сам по себе, конечно, имел позитивное значение. Однако одновременно более интенсивный рост промышленности сопровождался увеличением травматизма на предприятиях, учитывая, что охране труда и технике безопасности на системном уровне в российской промышленности внимания уделялось очень мало. Соответственно социальные выплаты рабочим при ограничении (потере) трудоспособности осуществлялись в весьма ограниченном в виде и в основном на крупных казенных предприятиях. Такое положение усугубляло протестное движение рабочих, и в обществе возникла дискуссия о том, как решить «рабочий вопрос» [1; 2 и др.]. Так, на Орехово-Зуевской фабрике рабочий, занимавшийся чисткой котлов, получил серьезную травму в результате прорыва большого объема горячего пара. После лечения, вернувшись на предприятие, ему без объяснений был вручен его рабочий паспорт, то есть он был уволен [3, л. 44]. Подобных случаев было немало. Один из фабричных инспекторов Московской губернии И. И. Янжул писал о том, что хозяин фабрики – по сути «неограниченный

властитель и законодатель», и его «никакие законы не стесняют», более того, и он ими распоряжается по-своему, и ему, хозяину, рабочие обязаны «беспрекословным повиновением» – именно такая норма имела место на одной из инспектируемых им фабрик [4, с. 83].

Такое положение способствовало расширению протестного движения рабочих. Так, в 1885 г. прошла известная широкомасштабная морозовская стачка. Министр внутренних дел Д. А. Толстой, лучше других знавший ситуацию в среде рабочих, тут же обратился с письмами к министру финансов и министру юстиции, где отмечал, что возникновение стачек стало возможным во многом из-за того, что отсутствует надлежащее законодательство, в котором бы более или менее четко определялись условия труда рабочих, их взаимоотношения с работодателями, а также социальные гарантии. И уже в 1886 г. были составлены правила о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих. Этим законом, в частности, создавались специальные органы надзора, а именно губернские (а также столичные) присутствия по делам фабричного законодательства. Значительное внимание было уделено некоторым аспектам взаимоотношений между администрацией фабрики и рабочими. Например, администрации запрещалось расплачиваться с работающими на предприятиях рабочими каким-либо условными знаками (денежными суррогатами), товаром, в том числе хлебом, и иными предметами, а также запрещалось взыскивать с рабочих проценты за те деньги, которые выдавались им в долг. Очень важная норма заключалась в том, что администрация завода не имела права взимать плату за врачебную помощь рабочему, а также за освещение производственных помещений и использование орудий производства. Помимо этого, упорядочивалась деятельность продуктовых лавок для снабжения рабочих необходимыми продуктами, для чего фабричная инспекция получала полномочия утверждать расценки. За нарушение правил администрацией завода (фабрики) предусматривался штраф.

Однако в этом акте, безусловно, сдвинувшего дело к лучшему, имея в виду прежде всего условия для рабочих, всё же не предусматривал обязательного социального страхования рабочих, как это уже было в европейских государствах. Вместе с тем в то время (середина 1880-х гг.) еще не был налажен сбор статданных о травматизме среди рабочих по всей России, а без этого разрабатывать соответствующие законодательные акты было затруднительно; для сбора таких статданных Министерство финансов издало циркуляр, в соответствии с которым на всех предприятиях, где использовался наемный труд, должны были вестись специальные журналы для фиксации несчастных случаев, которые происходили на предприятиях.

И в конце XIX в. в этом ведомстве (Министерство финансов) а были выработаны несколько проектов законов о принципах и порядке выплаты рабочим денежных компенсаций в связи с ограничением (потерей) ими трудоспособности ввиду производственных травм, то есть, прямо ставился вопрос о социальном страховании рабочих. Наиболее известных проектов было три. Первый их них был представлен общественности в 1883 г. в виде Правил об ответственности владельцев заводов и фабрик за увечья и смерть рабочих, в соответствии с которыми основная нагрузка в сумме всех социальных выплат возлагалась на предпринимателей. Проект получил неоднозначную реакцию даже среди самих промышленников. С одной стороны, законопроект получил одобрение со стороны Московского совета торговли и мануфактур – общественной организации, во многом представлявшей мнение представителей различных московских промышленников, ученых, специалистов. С другой стороны, были точки зрения от промышленников против такого

подхода, в частности, в особом мнении Л. Э. Нобеля указывалось, что принятие данного закона ухудшит отношения, складывающиеся между собственниками и рабочими. Наиболее оптимальным вариантом, по мнению представителей Московского биржевого комитета, Общества по содействию развитию русской промышленности и торговли, Общества заводчиков и фабрикантов и некоторых других общественных организаций промышленников, являлось создание пенсионных касс [5, с. 69]. Именно тогда выявилось два основных подхода, которые поддерживались правительством и предпринимателями: правительство стремилось возложить ответственность за социальные выплаты рабочим при ограничении (потере) ими трудоспособности на предпринимателей, а последние, в свою очередь, полагали целесообразным осуществлять обязательное пенсионное страхование, что предполагало выплаты из государственной казны, то есть, предприниматели не желали выплачивать социальные пособия из собственной прибыли, поскольку это было бы для них прямым убытком [6, с. 27].

В 1889 г. тем же Министерством финансов (уже при новом министре И. А. Вышнеградском) был разработан проект закона об ответственности предпринимателей, где в определенной степени было учтено мнение собственников предприятий, в частности, в проекте оставалась норма о том, что рабочий (его родственники, представители) при несчастном случае на производстве, повлекшем ограничение (потерю) трудоспособности рабочего, должен бы сам доказывать вину владельца завода или фабрики, что было главнейшим условием выплаты пострадавшему социальных пособий [7, с. 28]. Исключение в данном контексте составляла лишь «грубая вина» собственника. Однако этот проект, основанный на принципе индивидуальной ответственности предпринимателя, не был поддержан в Госсовете, большинство членов которого придерживались консервативной позиции, согласно которой социальные пособия рабочим должны основываться на традиционной практике попечения и добровольном социальном страховании, что, по существу, ставило вопрос о социальных гарантиях рабочим в случае ограничения (потери) ими трудоспособности по производственным причинам, на усмотрение самого собственника предприятия. Соответственно точка зрения промышленников при обсуждении данного проекта склонялась к тому, чтобы по примеру Германии вводить обязательное социальное страхование рабочих, и тогда страховая солидарность промышленников значительно расширялась бы, поскольку страховые выплаты складывались бы, во-первых, из страховых взносов не одного, а многих предприятий, и, во-вторых, в формировании страхового фонда в определенной мере должны были участвовать и сами рабочие. Такие суждения отражали тенденцию к более либеральном фабричному законодательству [8, с. 37].

Следующий проект закона Министерства финансов 1893 г. (и снова при новом министре С. Ю. Витте) «Об ответственности хозяев фабрик и промышленных заведений перед рабочими за смерть, увечье и пр.» был выработан с целью обеспечения существования тех рабочих, которые получили увечья, и их семей, а равно с целью предупреждении нищеты, которая была возможна при потере рабочим источника существования [9, с. 38]. Этому проекту Витте придавал большое значение, о чем он писал в своем известном трехтомнике воспоминаний, отмечая, в частности, что этот проект был один из первых, внесенных в Госсовет, после того, как он был назначен министром финансов. Согласно проекту наиболее эффективным средством обеспечения рабочих являлись законы об обязательном страховании рабочих. Этот тезис представляется принципиальным – впервые на официальном уровне четко и ясно была высказана мысль о необходимости общеобязательности социального страхования рабочих.

Однако в самом проекте тут же делался шаг назад – указывалось, в частности, что, учитывая недостаток статданных, а также отсутствие необходимого организационного обеспечения, такое страхование пока не представляется возможным. В конце записки на проект делался вывод о том, что в таких условиях от рабочих не следует требовать денежных взносов на случай утраты трудоспособности. Речь шла и о том, что правительство должно разработать правила о коллективной ответственности предпринимателей за увечья и смерть рабочих по производственным причинам, действующей по отраслевому принципу, и контролировать исполнение законов о социальном страховании рабочих.

Такой подход был поддержан многими губернаторами. При этом имелось в виду, что страховые законы следует разделить на две группы: об обязательном страховании и о специальном страховании. Министерство финансов полагало лучшим вариантом закон об обязательном страховании, поскольку финансовая нагрузка при таком подходе распределялось между заводчиками, а число страховых вознаграждений значительно возрастало. Предполагалось распространить страхование на рабочих промышленных предприятий не только горной и горнозаводской промышленности, где ранее других улучшались условия рабочих, но и железнодорожных мастерских, где уровень травматизма также был достаточно высок, причем пострадавшие не должны были доказывать виновность предпринимателей за несчастные случаи, как это предполагалось отмеченным выше проектом.

В целом же этот (третий) проект вызвал неоднозначную реакцию как промышленников, так и представителей различных официальных структур. Так, Общество железозаводчиков в своем заключении отмечало слишком большую финансовую нагрузку собственников предприятий. Лодзинское отделение общества предлагало не государственное обязательное страхование рабочих, а обязательное их страхование в частных страховых компаниях. Многочисленными были поправки, касавшиеся освобождения предпринимателей от ответственности при наличии «собственной вины пострадавшего» [10, с. 288]. При обсуждении проекта в Госсовете возникали и доводы против проекта, связанные с внешней политикой России. Не поддержало данный законопроект и Министерство внутренних дел, ссылаясь на германский опыт, исходило из того, что случаев тяжелого производственного травматизма по вине хозяев не так уж и много, следовательно, возлагать основную финансовую нагрузку на социальные выплаты на предпринимателей было бы неправильно – при такой ситуации более оптимальным выглядело бы применение института частного социального страхования [10, с. 73]. Не согласилось с законопроектом и Министерство земледелия и государственных имуществ, в частности, отсутствие точных статданных это ведомство не считало помехой для введения государственного страхования, поскольку статистически точный расчет страховых премий и страховых выплат возможен не только и не столько по данным, связанным с травматизмом рабочих, сколько по имеющейся практике страхования, в том числе в других европейских странах [11, л. 19]. В итоговом заключении Госсовета отмечалось, что данный законопроект не в полной мере отвечает общему направлению развития законодательства Российской империи [12, с. 215].

При таких обстоятельствах министр финансов С. Ю. Витте отозвал проект, и в результате по «свежим следам» закон в том виде, который предлагался Министерством финансов, так и не был принят – ввиду сильного противодействия фабрикантов и отрицательных отзывов ряда официальных структур и отдельных должностных лиц и специалистов (в частности, против законопроекта выступил

К. П. Победоносцев, считавший, что в вопросах компенсаций за увечье и смерть по производственным причинам должен действовать прежде всего гражданско-правовой механизм). И хотя проект Витте не получил одобрения, несмотря на свой более прогрессивный характер по сравнению с предшествовавшими проектами, идея государственного страхования получала свое дальнейшее развитие в общественном сознании (хотя и не очень активное). Об этом можно судить, в частности, по материалам третьего всероссийского торгово-промышленного съезда, который проводился в Нижнем Новгороде в августе 1896 г., где раскрывались такие аспекты, как социальное страхование рабочих от несчастных случаев, условия труда женщин и детей и др. И вот как раз в отношении государственного страхования рабочих при ограничении (потере) их трудоспособности как оптимальном варианте решения данной проблемы, указывалось в принятой резолюции съезда [13, с. 17]. Там же высказывались предложения о том, чтобы в законодательстве о социальном страховании рабочих включались правовые нормы, предусматривающие ответственность собственников предприятий за профессиональный риск.

В результате на тот момент времени (самый конец XIX в.) был принят компромиссный ведомственный акт – в 1896 г. Министерство земледелия и государственного имущества издало Положение о вспомогательных кассах для рабочих на частных горных заводах и промыслах в горной области южной России [14]. Этим актом предусматривалось обязательное создание на горнопромышленных предприятиях, где использовался наемный труд, вспомогательных касс (использовался также термин «больничная касса»). Учреждать кассы должны были владельцы или арендаторы предприятия. Обязательными членами вспомогательных касс считались рабочие, которым выдавались расчетные книжки, а также служащие с годовым жалованьем не более 500 рублей (те служащие, у которых жалованье составляло более 500 рублей, также могли включаться в число участников вспомогательных касс, однако все расчеты страховых выплат для них проводились из жалованья в 500 рублей). Страховые выплаты из вспомогательной кассы полагались при наступлении страхового случая, то есть болезни. Положением довольно подробно регулировались размеры денежных выплат. Устанавливалось, в частности, что помощь вспомогательной кассы предоставляется на следующих условиях: выдача больным членам вспомогательной кассы ежедневных, считая и праздничные дни, денежных пособий в размере, определяемым уставом вспомогательной кассы, но не меньше, чем в размере половины среднего поденного рабочего для семейных членов кассы в течение двух месяцев (уставом вспомогательной кассы допускалось увеличение этого срока до четырех месяцев); выдача в случае смерти члена вспомогательной кассы денег его родственникам в размере не менее двадцатикратного поденного заработка покойного; оказание пособия роженицам – членам вспомогательной кассы или женам членов кассы, размер которого определяется уставом вспомогательной кассы, в течение двух недель до родов, и двух недель после родов.

По сравнению с предшествующим положением со страхованием рабочих это был существенный шаг вперед. При этом использовался опыт других европейских стран, и прежде всего Германии. Страховой фонд складывался в своей основе из взносов рабочих и владельцев (арендаторов) горных предприятий, помимо этого, в страховой фонд включался штрафной капитал на данном предприятии в размере 50 процентов, а также доходы, получаемые от размещения капитала самой вспомогательной кассы в различных финансовых институтах. Допускалось даже учреждать свои лечебные учреждения, содержание которых возлагалось на предпринимателя. Следует подчеркнуть принци-

пиальный момент – указанное страхование рабочих являлось обязательным. Эта норма существенно отличала данный акт в сфере страхования рабочих от предшествовавших. Отметим также, что опыт правотворчества Министерства земледелия и государственных имуществ в дальнейшем, в начале XX века, будет активно использоваться, в том числе при составлении уже не ведомственных актов, а законодательства о социальных гарантиях рабочих. Вместе с тем указанный акт носил локальный характер, а в целом в России состояние с социальным страхованием рабочих оставалось в неудовлетворительном состоянии.

Дальнейшее развитие социально-экономического и общественно-политического развития в России показало, что эта тенденция – расширение сферы социального страхования рабочих – последовательно развивалась. Вот и в данном случае – очевидно, не без влияния такого рода общественного мнения в те годы получило толчок развитие общего фабричного законодательства, которое было достаточно противоречивым. Здесь следует отметить принятый в 1897 году новый фабричный закон о рабочем времени [15]. Этим законом устанавливался верхний предел рабочего дня – 11,5 часов (в предпраздничные и субботние дни – 10 часов). Ночное время устанавливалось только при односменной работе в промежутке между 9 часами вечера и 5 часами утра. Закон, как и прежде, не предусматривал для рабочих права на отпуск, а также ограничил число нерабочих дней, установив 52 воскресных и 14 праздничных, церковных и царских дней. Закон распространялся в отношении только постоянных промышленных рабочих (это примерно 20 % от всех рабочих на тот период), работавших по найму на предприятиях горной промышленности, где число рабочих превышало 20 человек. В итоге большинство рабочих по-прежнему находились фактически в полной зависимости от работодателей [16, с. 118]. Тем не менее этот закон в целом способствовал усилению социальных гарантий рабочих, и прежде всего посредством института социального страхования, что отражало эволюцию российской государственности того времени в виде института, предполагающим некоторое представительство народа во власти, хотя и пока очень небольшое (первая Государственная дума) [17; 18 и др.]. Новый качественный подход к улучшению положения рабочих будет сделано лишь с принятием известных страховых законов 1912 г. [19], однако обострение общественно-политической ситуации в России не позволило реализовать потенциал этих актов.

Библиографический список

1. Юдина Т. В., Хайрлапова М. М. Страхование рабочих на соляных промыслах Астраханской губернии в начале XX века // Вестник Северного (Арктического) федер. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2025. № 5. С. 21–29.
2. Лапаева А. В. Столыпинская программа социальных преобразований: рабочий вопрос // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако. В 2 т. Тамбов, 2021. Т. 1. С. 38–40.
3. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 11. Д. 340.
4. Янжул И. И. Фабричный быт Московской губернии. СПб., 1884.
5. Ашмарина С. В. Социальное страхование рабочих в России в конце Х1Х – начале XX века (на материалах горнозаводских предприятий Урала): дис. … канд. ист. наук. М., 2002.
6. Кеппен А. Вероятные финансовые последствия законопроекта об ответственности предпринимателей за увечье рабочих для русской промышленности вообще и горной в особенности. СПб., 1893.
7. Чистяков И. И. Страхование рабочих в России (опыт страхования в связи с некоторыми другими мерами их обеспечения). М., 1912.
8. Богдан В. И. Становление и развитие фабричного законодательства Российской империи в конце Х1Х – начале XX века (историко-юридическое исследование). М., 2002.
9. Шепелев Л. К. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981.
10. Труды общества для содействия русской промышленности и торговле. Часть 23. Отделение 5. СПб., 1895.

11. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 161. Д. 28.
12. Литвинов-Фалинский В. П. Организация и практика страхования рабочих в Германии и условия возможного обеспечения рабочих в России. СПб., 1903.
13. Труды высочайше утвержденного всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде. СПб., 1897. Т. 1.
14. Положение о вспомогательных кассах для рабочих на частных горных рабочих и промыслах в горной области южной России (утверждено Министром земледелия и государственного имущества от 20.04. 1896 г.) // Журнал горного совета. 1896. № 42.
15. Закон Российской империи от 02.06.1897 г. «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» // ПСЗ-3. № 14231.
16. Куприянова Л. В. «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX – начале XX вв. // История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX – начало XX вв. М., 1999.
17. Упоров И. В., Кузовлева Г. В. Представительство народа (населения) в органах публичной власти: сущность и политико-правовая характеристика // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 30–34.
18. Старков О. В., Упоров И. В. Теория государства и права: учебник (3-е изд., перераб., и доп.). М., 2012.
19. Сафронов Н. А. Законы Российской империи 1912 года о страховании рабочих от несчастных случаев и обеспечении на случай болезни в первые годы советской власти // Образование и право. 2022. № 11. С. 372–375.

© Упоров И. В., 2026

UDC 94:902:80

THE MINOAN INSCRIPTION ABOUT A VOYAGE TO EGYPT AND CANAAN

EDN JYFTFT

S. V. Rjabchikov

General director,
The Sergei Rjabchikov Foundation –
Research Centre for Studies of Ancient Civilisations
and Cultures,
Krasnodar, Russia

Abstract. In this work Sergei V. Rjabchikov has studied a Minoan record on Crete concerning a voyage to Egypt and Canaan. A few Minoan records were interpreted. The Eteocretan phrases have been translated successfully. The author used the methods of structural and contrastive linguistics.

Keywords: Minoan; Linear A; Linear B; Minos; Egypt; Canaan; Phoenicia; Homer; the Odyssey; history; economy; religion; mythology; linguistics.

Introduction

On the basis of the structural linguistics, several Minoan words in the records of Linear A were successfully interpreted [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]. We continue these attempts.

The Research

Read the inscription on the clay tablet (HT 29) from Haghia Triada, Crete, see fig. 1.

1: *ru-ma-ta* 2 [
2: BULL 2 *pa Ja-re* 2 [
3:] *di ja, i* 2
4: *sa*-SHIP *Mi* 1 EGYPT *Ki-ta*
5: *Ki-ta A-re da-i* 2
6: *Ka-du-ma-ne* 1

The text can be translated as follows.

The two powerful (bulls)… The two bulls of the protector *Jare* (*Are*)… One-year-old (bulls) were put, (and they) went. They floated on the ship to Egypt. (The goddess) *Jare* (*Are*) put (them). (Then the ship floated to) Canaan.

Thus, the priests and priestesses of the goddess *Jare* (*Are*) sent two bulls on a ship from Crete to Egypt. (Then the ship floated) to Canaan.

Vocabulary

Ruma ‘strong; powerful.’ Cf. Greek ερρωμενος ‘possessing power.’

Pa ‘to protect; to guard; protected; guarded; kept.’ Cf. Hittite *paḫšanu*- ‘to protect,’ Old Indian *pa* ‘protecting; guarding,’ Russian *spasat’* ‘to save,’ Armenian *pašt-panel* ‘to protect.’

Jare (*Are* and so on) ‘the young solar goddess, the hypostasis of the paramount goddess *Ma*,’ cf. Hittite *ḫarki*- ‘white; clear,’ Old Indian *arjuna* ‘white; clear’ and Russian *yarky* ‘bright.’ Cf. the names of the Greek goddesses *Ariadne* and *Hera*.

Ti ‘to put.’ Cf. Hittite *ti*- ‘to put.’

Ja (*a*) ‘old.’ Cf. Hittite *annalli*- ‘old’ (as mother, mature etc.).

I ‘to go; to come,’ cf. Hittite *iya*- ‘to go,’ Luwian *i*- ‘to go,’ Old Indian *i* ‘to come; to go; to run; to go quickly; to arrive; to return.’

Sa- (the word-building prefix).

Mi ‘the Egyptian ancient city of Memphis.’

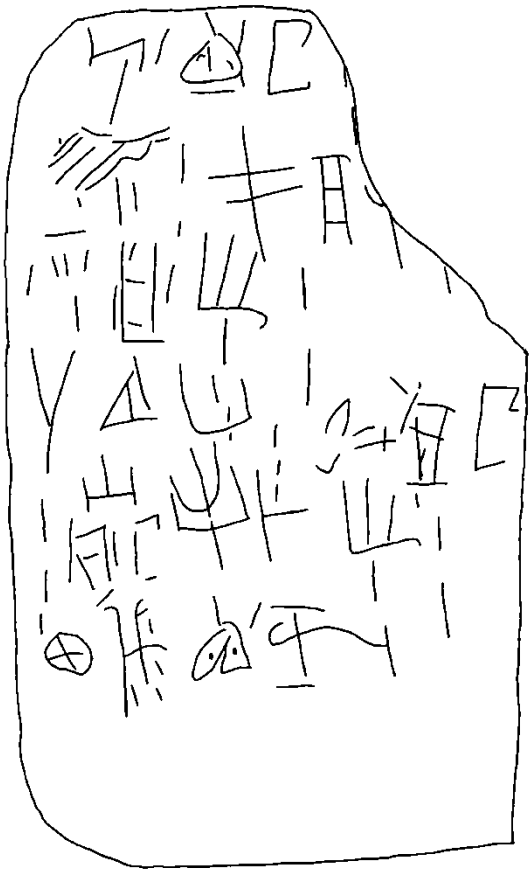

Fig. 1.

Kit-, *Kut-* ‘Egypt; Egyptian, (former) inhabitant (plur.) of Egypt.’ Cf. Mycenaean Greek *Ku-te-ra*$_3$ (either ethnic name, or place name) [13, p. 558; 3, p. 214]. From my point of view, the Minoan (Mycenaean Greek) place name and ethnicon *Kut-* mean ‘Egypt; Egyptian; Egyptians; settlers, immigrants, slaves from Egypt.’ One of the names of Memphis was *Ḥwt-kA-Ptḥ*. It was in fact the source of the term **Kut-*. One can remember about unclear record in Linear B: *Wa-a*$_2$*-te-we Po-ku-ta* MEN 10 where the first word is a place name, and the second word is a class of men [13, p. 183, 572]. In my opinion, the place name *Waatewe* was the name of Memphis and Egypt, cf. another Egyptian name of Memphis, *MhAt-tA-wj*. The Minoans understood the commencement of this name (*mh*) as their own word *mah-* ‘great’ (cf. Old Indian *mahan* ‘great,’ *mahant* ‘big; strong,’ *mahi* ‘big’) and replaced it with the term *wa* (the abbreviation of Minoan *wanaka* ‘king’), and thus the name *Waatewe* (< *MhAt-tA-wj*) was received. Furthermore, the expression *po Kut-* means ‘(former) inhabitants of Egypt,’ cf. Egyptian *bA* ‘human soul associated with body.’ But *po* can be the plural form of Minoan *pa* ‘protector; warrior,’ and then the expression *po Kut-* means ‘warriors from Egypt.’

Dai ‘to put.’ Cf. Hittite *dai-*. *tai-* ‘to put.’

Kadumane ‘Canaan.’ Cf. Minoan *Kidema* ‘Canaan’ (HT 31). Cf. the name *Cadmus* of a son of a Phoenician king in the Greek mythology.

APPENDIX

The following records are understandable now.

1. Consider the image of a Minoan man on the Egyptian fresco from ca. 1479 – 1425 B.C., a tomb, Thebes, Egypt [2], see fig. 2. The head of the bull is decorated numerous signs *RO* which mean a generous offering.

Vocabulary

Ro ‘to put; to lay.’ Cf. Greek λεχος ‘bed,’ λεσχη ‘grave,’ Latin *lectus* ‘bed.’

Fig. 2.

2. Consider a potsherd (HAR Zb 1) at Tel Haror, Israel, see fig. 3.

Read this inscription:

BULL *wa te ni.*

The text can be translated as follows.

The Bull is the king (and) god who collects.

Cf. the name of the god *Dionysus* (**Di*/*Ti nis*-).

Vocabulary

Wa (the abbreviation) ‘king.’

Te (*de*) ‘divine; deity,’ cf. Old Indian *deva* ‘god,’ Greek θεος ‘god,’ θεα, δεα ‘goddess’ < **deu*- ‘deity.’

Ni ‘to gather; to collect.’ Cf. Hittite *ninink*- ‘to gather,’ Russian *nesti* ‘to carry.’

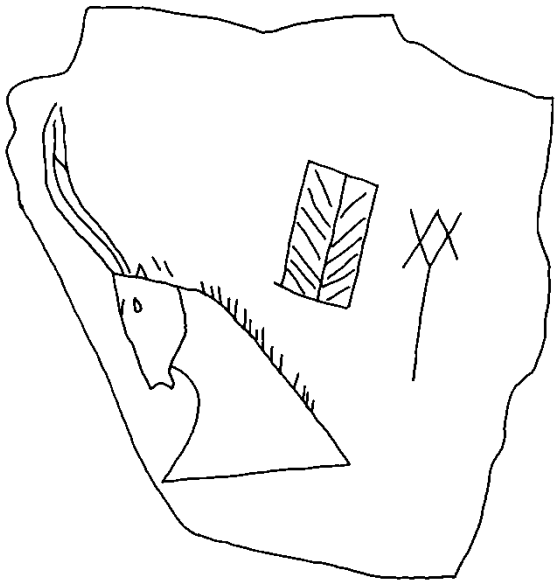

Fig. 3.

3. Consider a ship voyaged to Egypt; it is depicted on the Cretan seal: CMS II.2 249, see fig. 4.

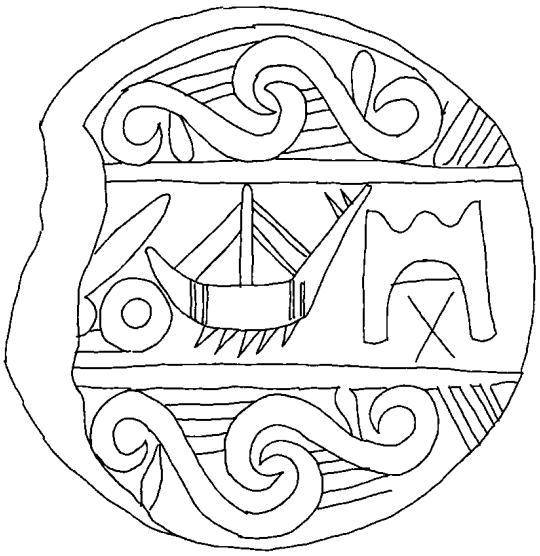

Fig. 4.

The ideogram on the right side matches the Egyptian hieroglyph “three hills” that was used as the determinative for some place names. The glyph of the sun was the southern direction of the luminary.

4. Consider a bull’s head on the ship depicted on the Cretan seal: CMS VI 126, see

fig. 5. On the right the ideogram of the straw is depicted.

Fig. 5.

5. Consider the inscription on the clay tablet (KH 6) from Khania, Crete. Line 3 contains the ideogram of the straw with the number 20 (a measure).

6. Consider a nodule (KH Wa 1013) from Khania. Side *a* contains the sign "ship." Side *b* contains the sign *ro* (the cargo).

7. Investigate the phrases on the Eteocretan inscription [1] from Praisos, Crete:

… *Desie Me …Tef … Ni meste palu neuta …*

The text can be translated as follows.

… The strong (goddess) *Me*… The grapes… The gathered fish were on floating ships.

Vocabulary

Desie 'strong; heavy.' Cf. Minoan *dasi* 'strong; heavy.' Cf. Hittite *dassu-* 'strong; heavy.'

Me (*Ma*) 'the supreme solar goddess, the wife of the supreme god *Ti* (*Di*).' The Minoan goddess *Asasara* (*Jasasara*) *Ma* 'the Queen *Ma*' = the Mycenaean Greek *Atana Potnia* '*Athena* the Mistress.' The title *Asasara* (*Jasasara, Jasara, Qasara*) implies 'Lady; Queen.' One can propose in this connection Hittite *išḫaššara-* 'lady,' *ḫaššušara* 'queen,' see [5]. In the Mycenaean Greek record on the clay tablet (KN F(1) 51) there is a segment, *Ma-qe* 'and to (the goddess) *Ma*,' together with the name *Di-we* 'to *Zeus*' [3, p. 286]. In another Mycenaean Greek record on the clay tablet (PY Tn 316), there is such a name: *Ma-na-sa* (= *Ma anasa*) 'The Lady *Ma*' [3, p. 299]. In the Greek poetry, the principal god *Zeus* has the epithet 'The Lord' (*Od*. XIII: 25). Cf. the name of the Hittite sun goddess *Mezulla*: the name *Me* (*Ma*) and the qualifying word *zila-* (< **zula-*) 'information from an oracle.' According to Strabo (History XVI: 2-3), the goddess *Ma* was worshipped in the town of Komana of Cappadonia, the homeland of the Hittites. Cf. Carian *Mava,* Lycian *Mawa,* Lydian *Mavs*' 'the goddess *Ma*.'

Tef- 'grapes': cf. *tewa* 'grapes.' Cf. Minoan **stafule* 'bunch of grapes' [4, p. 158] < **s-taw* (= *daw*; *tew*)-*ul-*. Cf. Hittite *tuwarša-* 'vine.'

Mes- 'fish.' Cf. Old Indian *matsya* 'fish,' Old Iranian (Avesta) *masyo* 'fish.'

Palu ‘swimming.’ Cf. Old Indian *plu* ‘to swim,’ Greek πλεω ‘to swim.’

Neu ‘ship.’ Cf. Minoan *nau* ‘ship.’ Cf. Old Indian *nau*, *nāva-* ‘ship,’ Mycenaean Greek *na-u-do-mo* ‘ship construction’ [13, p. 123].

8. Consider a bronze weight (MO Zf 1) from Mokhilos, Crete:

Side *a*: *Ro*. Side *b*: *Za sa*-BULL.

The text can be translated as follows.

(The beef) is laid (on the scales). (It is) the fresh beef.

Vocabulary

Za ‘alive.’ Cf. Greek ζωη ‘life.’

9. Consider a potsherd (MIL Zb 1) from Miletos, Crete.

Pa$_3$ *si* SPELT.

The text can be translated as follows.

The kept gathered spelt.

Vocabulary

Si ‘to gather; to collect.’ Cf. Old Indian *si* ‘to unite; to bind; to tie; to fasten,’ Hittite *išḫi-* ‘to bind.’

The stocks of different foods were described in the Greek poetry (*Od*. VII: 166; XV: 77; XVI: 110).

Conclusions

In this work the writer has studied a Minoan record on Crete concerning a voyage to Egypt and Canaan. A few Minoan records were interpreted. The Eteocretan phrases have been translated successfully. The author used the methods of structural and contrastive linguistics.

Bibliography

1. Brown R. A. (1985). Evidence for pre-Greek speech on Crete from Greek alphabetic sources. Amsterdam: Adolf M. Hakkert.
2. Davies N. de G. (1933). The tombs of Menkheperresonb, Amenmosĕ, and another. London: Egypt Exploration Society.
3. Lurie S. Y. (1957). Yazyk i kul’tura Mykenskoy Gretsii. Moscow – Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences.
4. Neumann G. (1957). Zur Sprache der kretischen Linearschrift A // Glotta, vol. 36(1/2), pp. 156–158.
5. Palmer L. R. (1958). Luwian and Linear A // Transactions of the Philological Society, vol. 57(1), pp. 75–100.
6. Rjabchikov S. V. (2023). The ancient Egyptians on Crete: The Minoan inscriptions tell // Ivanovskaya I. I., Posnova M. V. (eds.) Sovremennaya nauka kak faktor i resurs peredovogo razvitiya. Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, sostoyavsheysya 18 sentyabrya 2023 g. v g. Petrozavodske. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership “New Science”, pp. 108–129.
7. Rjabchikov S. V. (2023). On the trade of the Minoans with Egypt, the Hittites, Troy and Cyprus // Ivanovskaya, I. I., Posnova, M. V. (eds.) Lomonosovskie chteniya. Aktual’nye voprosy fundamental’nykh i prikladnykh issledovaniy. Sbornik statey X Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, sostoyavsheysya 2 oktyabrya 2023 g. v g. Petrozavodske. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership “New Science”, pp. 47–64.
8. Rjabchikov S. V. (2024). The Phaistos disk and inscriptions of Linear A: New readings // Ivanovskaya I.I., Posnova M.V. (eds.) Razvitie sovremennoy nauki: Opyt, problemy, prognozy. Sbornik statey VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, sostoyavsheysya 15 aprelya 2024 g. v g. Petrozavodske. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership “New Science”, pp. 149–161.
9. Rjabchikov S.V. (2024). The glossary of Egyptian and Minoan terms: The results of the research // Ivanovskaya I.I., Posnova M.V. (eds.) Nauka. Innovatsii. Budushchee – 2024. Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, sostoyavsheysya 13 maya 2024 g. v g. Petrozavodske. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership “New Science”, pp. 145–154.
10. Rjabchikov S. V. (2024). The Cypro-Minoan and Minoan inscriptions. The Lexicon by Hesychius as a source of Cretan and Cypriot words // Ivanovskaya I.I., Posnova M.V. (eds.) Nauka i obshchestvo: Problemy i perspektivy vzaimodeystviya v sovremennom mire. Sbornik statey II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, sostoyavsheysya 10 iyunya 2024 g. v g. Petrozavodske. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership “New Science”, pp. 337–353.

11. Rjabchikov S. V. (2024). About a record of Linear A in an ancient Egyptian picture of a cup with bull's heads // Sociosphere, no. 3, pp. 11–17.
12. Rjabchikov S. V. (2025). The decipherment of two records of Linear A on the ivory mirror from Knossos, Crete // Ivanovskaya I. I., Kuzmina L. A. (eds.) Tendantsii i problemy razvitiya sovremennoy nauki. Sbornik statey IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, sostoyavsheysya 18 avgusta 2025 g. v g. Petrozavodske. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science", pp. 100–106.
13. Ventris M., Chadwick J. (1973). Documents in Mycenaean Greek. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press.

© Rjabchikov S. V., 2026

UDC 94:902:80

THE RECORD ON THE ANDERSON BOARD FROM RAPANUI IS DECIPHERED: THE ASTRONOMICAL TEXT

EDN KXNJHN

S. V. Rjabchikov

General director
The Sergei Rjabchikov Foundation – Research Centre for Studies of Ancient Civilisations and Cultures, Krasnodar, Russia

Abstract. Sergei V. Rjabchikov has read a fragment on the reverse side of the Anderson tablet from Easter Island. We are able to translate the text about the sun as well as about the stars Beta and Alpha Centauri. An ancient map of the stars is interpreted also. The author used the methods of structural and contrastive linguistics.
Keywords: Polynesia; Austronesian; Easter Island; Rapanui; Rapa Nui; *rongorongo*; history; writing; hieroglyphic script; folklore; mythology.

Introduction

In the current work, the nomenclature of the classical texts with *rongorongo* signs and their tracings are taken into account [1]. In this investigation I use my own personal classification and translation scheme for reading the Rapanui glyphs [5, pp. 362-363, fig. 1; 6, pp. 126-127, fig. 1; 7, p. 3, fig. 1; 8, p. 20, fig. 1]. Besides, I prefer to ignore the glottal stop in Rapanui words [9, p. 564; 11, pp. 165, 171]. The rules of the alternations of sounds of the Polynesian languages are well known [14, pp. xiv–xxiv].

The Research

Consider the reverse side of the Anderson tablet (ANb) from Easter Island [2, p. 481, fig. 6], see fig. 1.

The beginning of third line contains this fragment:

ANb 3: **60 30-51 27 17-40 8 65 …** *Mata, anake rou, tere Vaka rangi…* The sun, all the fishhooks (= stars), the stars Beta and Alpha Centauri floated in the sky…

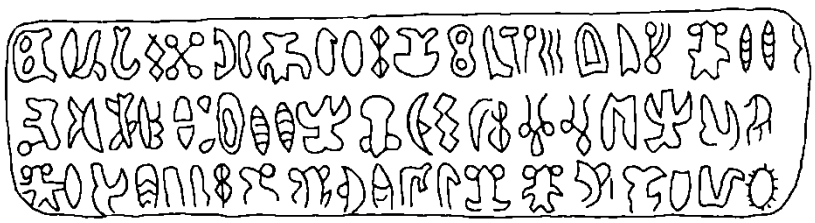

Fig. 1. **The Anderson tablet**

Vocabulary

Mata ‘The eyes, the face = the sun’ [11, pp. 163-164].

Anake ‘all.’

Rou, *mangai* ‘fishhook.’

Tere ‘to float,’ cf. Maori *tere* ‘to float,’ Tuamotuan *fakateretere* ‘to navigate.’

Vaka [*Matua*]: *Nga Vaka* ‘the stars Beta and Alpha Centauri; the Canoes literally.’ These stars first emerged in the morning sky, for instance, on September 2, A.D. 1775 and on September 11, A.D. 1775 [10; 12].

Rangi ‘sky.’

The rock called *Papa ui hetuu* shows a map of the stars [13, p. 235]. It is published [3, ill. 5], see fig. 2. Here the fishhooks (glyphs **27**) were stars.

"Usually, however, Maui's hook, line, and canoe are pointed out as constellations. To Manihikians, Scorpio is Maui's hook; Pukapukans point to a triangular black nebula, which is Maui's spear. One of the sharks which he killed with his spear while he was out fishing up islands he threw up into the sky, where it is still seen lying upon the Milky Way, according to the Maoris, Pukapukans, and Rarotongans. Many great Polynesian chiefs and heroes have become stars according to island belief. In the sky above Rotuma are some stars which were once the Maui brothers, who were very vain and wanted everyone in the world to see them so they went to live in the sky as stars. According to Pukapukans who have a similar notion, the three Maui boys can be seen in Orion" [4, p. 135].

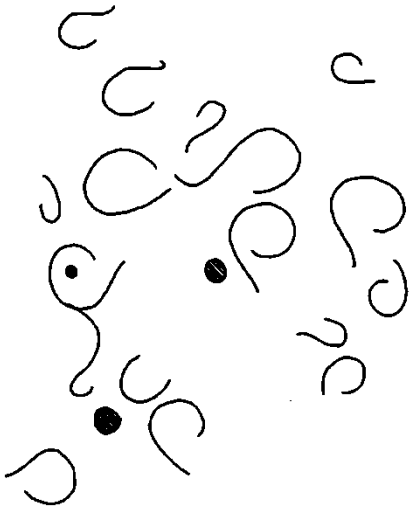

Fig. 2. **A map of the stars**

Consider this fragment on the Santiago staff (I 12), see fig. 3.

I 12:

Fig. 3. **The astronomical text**

I 12: **56-6 (102 123) 56/21 8/7 (102) 25 44 (102)** *Po-a poko Vaka etuu, hua ta(h)a*. The stars Beta and Alpha Centauri (appeared) from the deep in the morning, (and) the eggs of the birds (appeared.)

Vocabulary

Po-a 'morning.'

Poko 'deep.' Cf. the records on the Tahua tablet (A): Aa 5: **56-21**; Ab 8: **56-21**.

Tuu (*etuu*) 'star,' cf. Rarotongan '*eetuu* 'star,' Marquesan *hetuu* 'star.'

Hua 'egg,' cf. Maori *hua* 'egg,' Samoan *fua* 'egg.'

Ta(h)a (= *manu*) 'bird; frigate bird literally.'

Conclusions

The writer has read a fragment on the reverse side of the Anderson tablet from Easter Island. We are able to translate the text about the sun as well as about the stars Beta and Alpha Centauri. An ancient map of the stars

is interpreted also. The author used the methods of structural and contrastive linguistics.

Bibiliography

1. Barthel T. S. (1958). Grundlagen zur Entzifferung der Osterinselschrift. Hamburg: Cram, de Gruyter.
2. Berthin G. (2024). Qualitative and quantitative validation of rongorongo glyph strings on Easter Island artefacts // Haralambous Y. (ed.) Grapholinguistics in the 21st century 2022. Proceedings grapholinguistics and its applications, vol. 10, pp. 471–500.
3. Edwards E. *et al*. (2010). Archaeoastronomy of Easter Island (Rapa Nui) // The Explorers Club. Flag Expedition. Flag 83. Friday Harbor: Pacific Islands Research Institute and Education Fund.
4. Luomala K. (1949). Maui-of-a-thousand-tricks: His Oceanic and European biographers // Bishop Museum Bulletin 198. Honolulu: Bernice P. Bishop Museum.
5. Rjabchikov S. V. (1987). Progress report on the decipherment of the Easter Island writing system // Journal of the Polynesian Society, vol. 96(3), pp. 361–367.
6. Rjabchikov S. V. (1993). Rapanuyskie texty (k probleme rasshifrovki) // Etnograficheskoe obozrenie, nr. 4, pp. 124–141.
7. Rjabchikov S. V. (1994). Tayny ostrova Paskhi. Vol. 3. Krasnodar: Ecoinvest.
8. Rjabchikov S. V. (1995). Tayny ostrova Paskhi. Vol. 4. Krasnodar: Ecoinvest.
9. Rjabchikov S. V. (2012). The rongorongo schools on Easter Island // Anthropos, vol. 107(2), pp. 564–570.
10. Rjabchikov S. V. (2013). The astronomical and ethnological components of the cult of bird-man on Easter Island // arXiv:1309.6056. <https://arxiv.org/pdf/1309.6056>. Ithaca: Cornell University.
11. Rjabchikov S. V. (2014). The god Tinirau in the Polynesian art // Anthropos, vol. 109(1), pp. 161–176.
12. Rjabchikov S. V. (2024). The ancient astronomy of Easter Island: The stars Beta and Alpha Centauri; the eclipsed sun // Ivanovskaya I. I., Posnova M. V. (eds.) Molodezh i nauka 2024: K vershinam poznaniya. Sbornik statey IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, sostoyavsheysya 10 dekabrya 2024 g. v g. Petrozavodske. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership “New Science”, pp. 164–168.
13. Routledge K. (1998). The mystery of Easter Island. Kempton: Adventures Unlimited Press.
14. Tregear E. (1891). The Maori-Polynesian comparative dictionary. Wellington: Lyon and Blair.

© Rjabchikov S. V., 2026

УДК 658.5

ФОРМИРОВАНИЕ И ВНЕДРЕНИЕ ИНТЕГРИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

EDN KZRKDO

А. А. Андреев

Аспирант,
e-mail: andreev.3a@mail.ru,
Университет «Синергия»,
г. Москва, Россия

DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF AN INTEGRATED MANAGEMENT SYSTEM FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN INDUSTRIAL ENTERPRISES

A. A. Andreev

Postgraduate student,
Synergy University,
Moscow, Russia

Abstract. Contemporary economic realities dictate that industrial enterprises need to combine the achievement of financial results with ensuring environmental and social security. The article examines the issues of developing and practically implementing a sustainable development management system as a holistic management model. The author analyzes the key conditions that determine the success of implementation: unity of purpose, collective decision-making methods, adaptation to change, personnel training, and consulting support. Typical difficulties of this process are studied in detail – from insufficient funding and weak personnel competence to the absence of specialized departments responsible for sustainable development within the organizational structure.
Keywords: sustainable development management system; sustainable development of an industrial enterprise; integrated management systems; implementation stages.

Введение

Усиление экологических и социальных требований к деятельности промышленных предприятий делает прежнюю модель управления, ориентированную преимущественно на финансовые показатели, все менее релевантной. Российский промышленный сектор оказывается в положении, при котором экономическая эффективность, природоохранные обязательства и социальная ответственность должны учитываться согласованно, в рамках единой управленческой политики. Концепция устойчивого развития обеспечивает такую согласованность на уровне целеполагания, но ее перенос в операционную практику предприятия требует отдельного организационного оформления. Интегрированная система менеджмента устойчивого развития, объединяющая управление качеством, кадрами, экологией и экономикой в едином контуре, выступает инструментом такого переноса. В статье анализируются условия успешного внедрения такой системы и типичные препятствия, возникающие на российских промышленных предприятиях.

Методология исследования. Автором используются широко применяемые в исследовательской практике научные методы, в частности: методы эмпирического уровня – сравнение; методы экспериментально-теоретического уровня – анализ, логический и синтез.

Результаты исследования

Результативность внедрения системы менеджмента устойчивого развития напрямую зависит от сплоченности и целенаправленных действий трудового коллектива. Поскольку данная система представляет собой комплексную модель управления, итог ее интеграции в деятельность предприятия целиком определяется качеством приложенных усилий. В связи с этим первостепенное значение приобретает анализ факторов, способствующих успешной реализации проекта. Основные из них систематизированы в таблице 1.

Таблица 1

Ключевые факторы успешного внедрения системы менеджмента устойчивого развития

Наименование фактора	Характеристика фактора
Согласование целей внедрения	Прежде чем приступать к планированию внедрения системы устойчивого развития, необходимо четко определить стратегическое видение компании: желаемые позиции на рынке в долгосрочной перспективе, масштабы деятельности и ресурсные потребности. Для этого разрабатывается детальный план с разбивкой продаж по категориям продукции и расчетом необходимых мощностей, сырья и кадров. Такой подход позволяет выстроить оптимальную структуру предприятия, способную реализовать намеченные цели. Затем формулируются конкретные тактические задачи и оценивается текущее состояние дел – это помогает выявить дефицит ресурсов, требующийся для дальнейшего роста. Комплекс этих мер обеспечивает более прозрачное управление, рациональное использование средств и позволяет вывести бизнес на новый уровень без дополнительных финансовых вливаний.
Применение командного подхода	Интеграция системы менеджмента устойчивого развития – процесс ресурсоемкий, инициируемый и обеспечиваемый высшим руководством компании. Комплексный характер такой системы способствует преодолению межведомственных барьеров: подразделения, ранее соперничавшие за ресурсы, вынуждены координировать усилия. Именно применение командных методов работы становится ключевым условием для успешной реализации проекта.
Руководство изменениями и обучение персонала	Переход на систему устойчивого развития неизбежно трансформирует бизнес-процессы, что часто порождает у сотрудников сопротивление и тревогу. Нивелировать эти риски позволяет продуманное обучение персонала. Эффективная работа и готовность совершенствовать подходы возможны только тогда, когда сотрудники осознают свои задачи и понимают систему мотивации. Следовательно, непрерывное повышение квалификации становится драйвером обновления производственных процедур и методов.

Использование консультантов	Привлечение консультантов целесообразно для стратегического целеполагания, проектного управления, планирования этапов внедрения и обучения команды. Профессионал со стороны помогает реализовать потенциал системы, однако гарантом успеха выступает само предприятие. Эффективность внедрения напрямую зависит от того, насколько руководство и рядовой персонал идентифицируют себя с проектом и принимают на себя долю ответственности за достижение конечных целей.

Источник: составлено автором

Построение системы менеджмента устойчивого развития на промышленном предприятии требует выделения достаточного кадрового потенциала для реализации поставленных задач. В настоящий момент на значительном числе российских промышленных компаний функционируют отделы и службы, выполняющие контролирующие и методические функции в отношении социальной сферы, экологии или экономики. К числу таких структур можно отнести отделы кадров и управления персоналом, подразделения, отвечающие за промышленную безопасность и охрану природы, финансово-экономические департаменты, а также отделы, занимающиеся развитием и внедрением инноваций. Тем не менее, специализированные структуры, целенаправленно формирующие политику предприятия в области устойчивого развития, в большинстве случаев либо вовсе отсутствуют, либо лишь формально дублируют задачи иных отделов. Подобная ситуация ведет к потере системной целостности управления, появлению рассогласованности между экономическими, социальными и экологическими направлениями деятельности [4].

В связи с этим формирование самостоятельного департамента устойчивого развития становится важной задачей для промышленного предприятия [3]. Наличие такого подразделения позволит выстраивать последовательную политику в данной сфере, планировать мероприятия соответствующей направленности и согласовывать действия различных служб при реализации социальных, природоохранных и экономических инициатив в русле общей концепции устойчивого развития производственной системы.

Для того чтобы процесс создания подобного подразделения прошел максимально эффективно, представляется обоснованным привлечение внешних специалистов или команды экспертов, имеющих профильный опыт работы с промышленными предприятиями в области устойчивого развития. Их участие обеспечит необходимую методическую помощь и консультационную поддержку. Итогом деятельности проектной группы должна стать выработка стратегии устойчивого развития и организационное оформление соответствующего департамента.

Стратегия устойчивого развития промышленного предприятия должна формироваться и реализовываться с учетом актуального состояния как внешней среды, так и внутриорганизационных процессов. Компоненты анализа окружающего пространства представлены на рисунке 1.

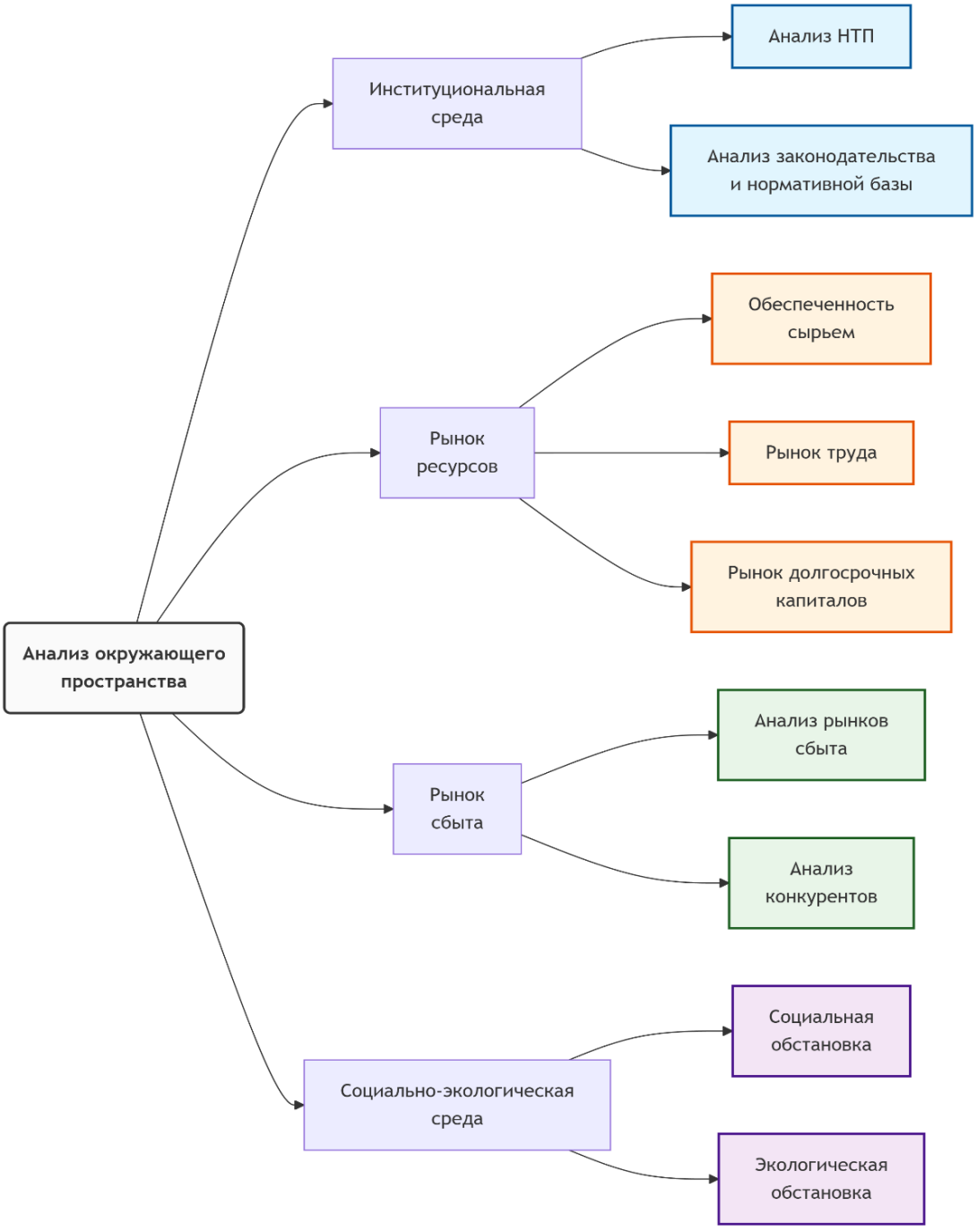

Рис. 1. **Компоненты анализа окружающего пространства**
Источник: составлено автором

Компоненты анализа внутреннего пространства предприятия представлены на рисунке 2.

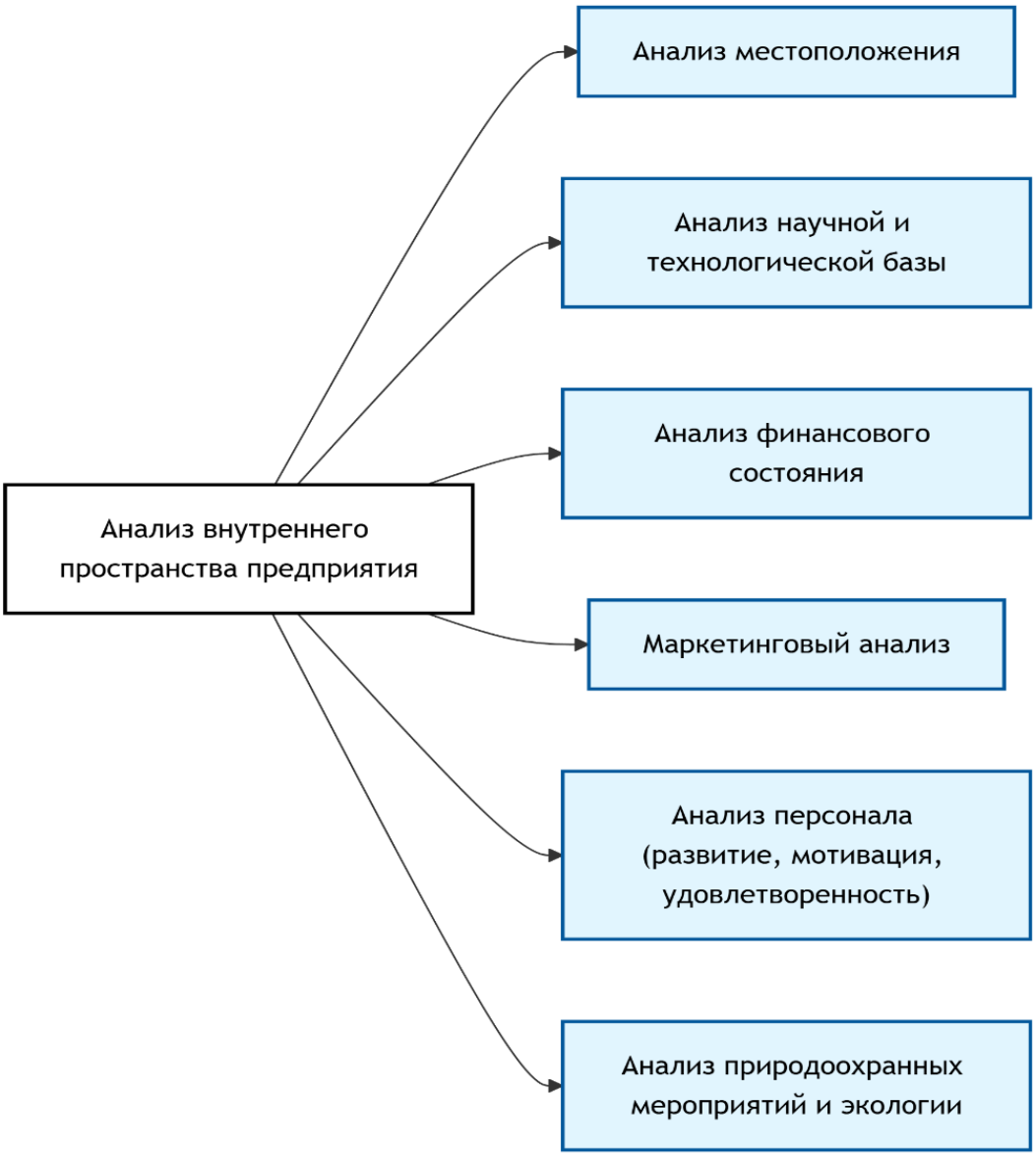

Рис. 2. **Компоненты анализа внутреннего пространства предприятия**
Источник: составлено автором

Совокупность описанных факторов выступает обязательным элементом при формировании стратегии устойчивого развития промышленного предприятия. Само же внедрение системы менеджмента в этой области следует рассматривать как полномасштабный проект, пронизывающий все направления деятельности и уровни управления промышленным предприятием. На рисунке 3 представлена последовательность этапов формирования системы менеджмента устойчивого развития на промышленном предприятии.

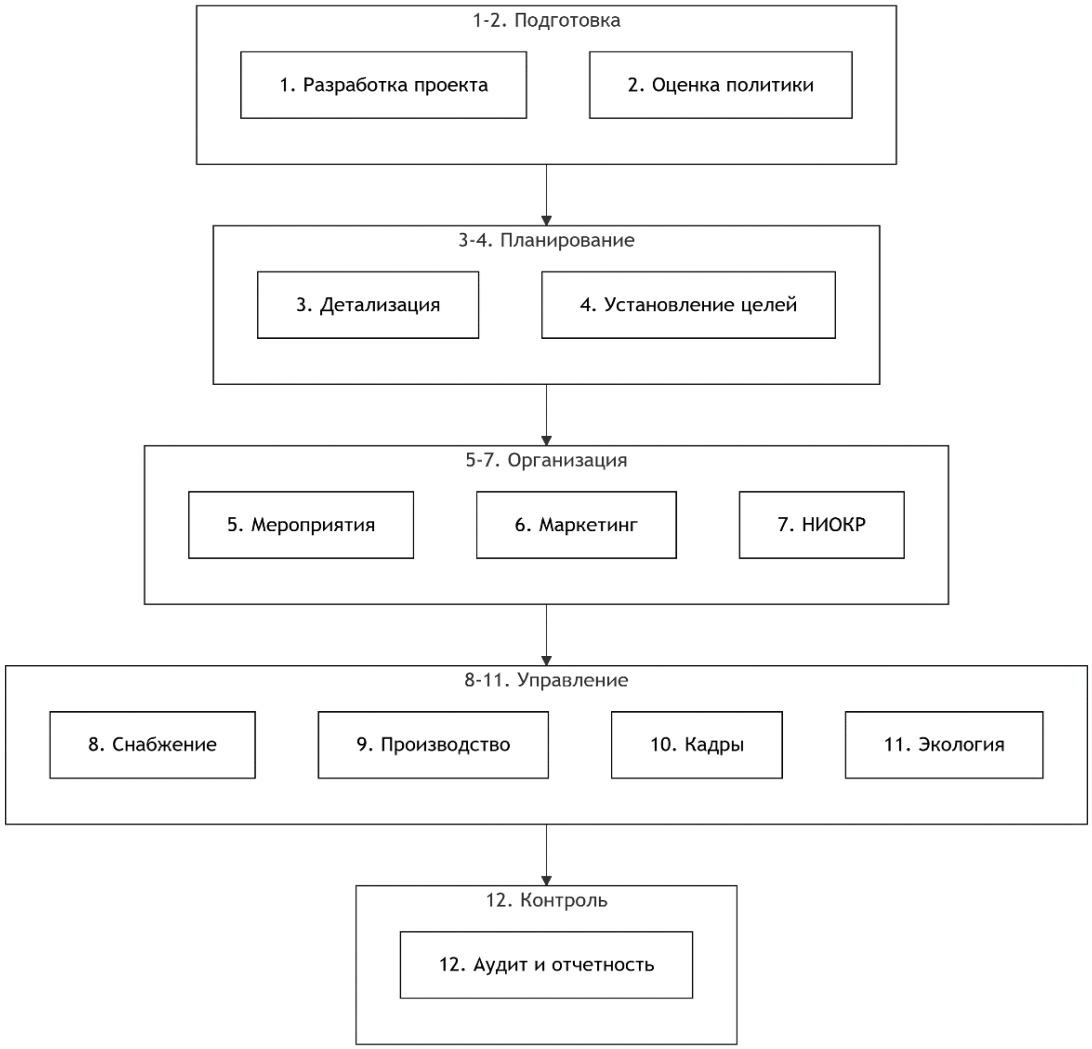

Рис. 3. **Последовательность этапов формирования системы менеджмента устойчивого развития на промышленном предприятии**
Источник: составлено автором

Для обеспечения успешной реализации программы устойчивого развития хозяйствующему субъекту необходимо соблюдение ряда обязательных условий. В их число входит разработка практически реализуемого механизма, обеспечивающего достижение целей и задач, декларируемых в политике устойчивого развития. Требуется организовать действенный мониторинг и контроль параметров, характеризующих состояние социальной, экологической и экономической подсистем предприятия. Необходимым условием выступает проведение регулярного анализа функционирования системы управления устойчивым развитием с целью обеспечения ее адекватности изменяющимся факторам внешней и внутренней среды [1]. Кроме того, надлежит идентифицировать требования законодательных органов и учитывать рекомендации, исходящие от общественных организаций. Завершающим условием является формирование оптимальной организационной структуры,

разработка программы внедрения и конкретных механизмов реализации политики устойчивого развития.

Существенной предпосылкой интеграции концепции устойчивого развития выступает принятие высшим руководством предприятия определенных обязательств, которые должны коррелировать с основными направлениями политики устойчивого развития организации в целом. Концепцию устойчивого развития следует рассматривать как инструментарий, позволяющий предприятию достигать заданного уровня социальных, экологических и экономических показателей деятельности и осуществлять систематический контроль за их соблюдением.

В результате проведенного исследования были идентифицированы основные проблемы, возникающие на промышленных предприятиях в процессе внедрения системы менеджмента устойчивого развития. Для обеспечения эффективного внедрения системы менеджмента устойчивого развития на российских промышленных предприятиях и нивелирования выявленных проблем требуется осуществление комплекса мер на национальном и отраслевом уровнях [2].

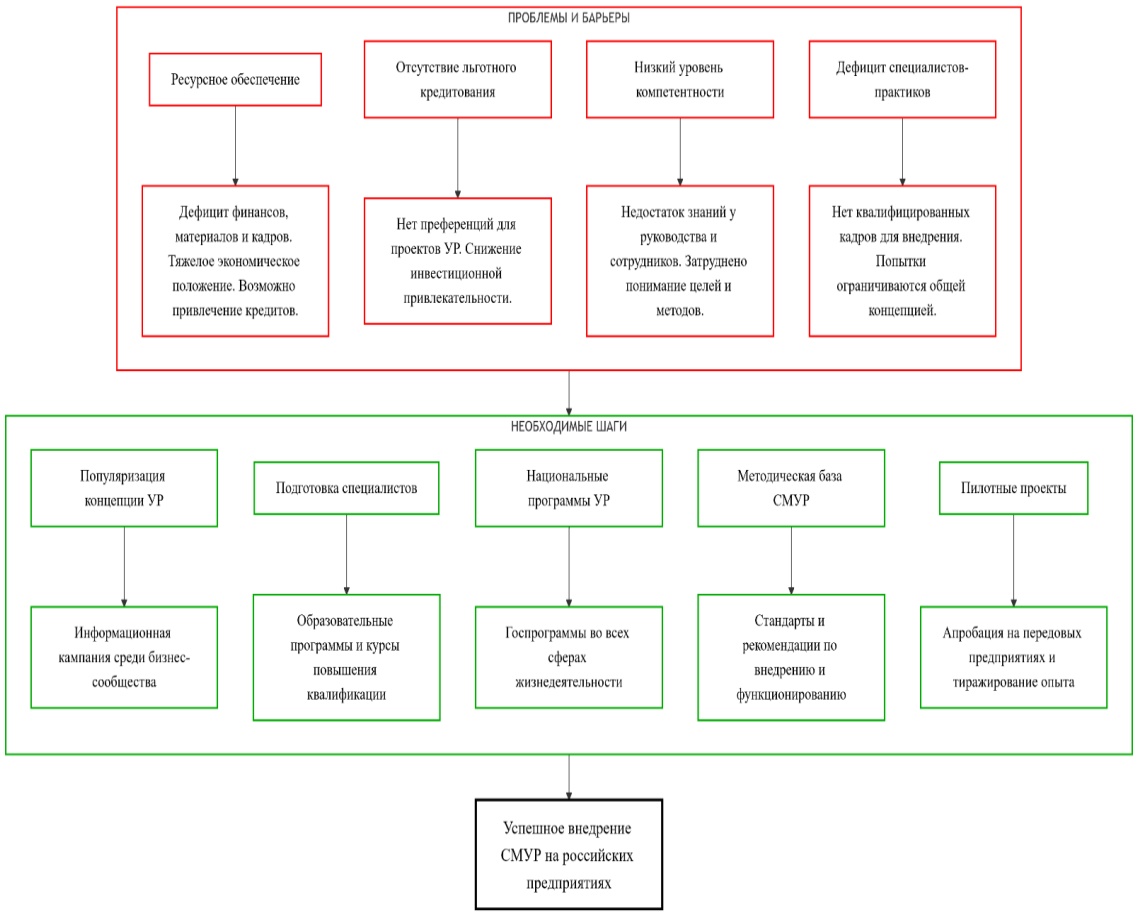

Рис. 4. **Проблемы в процессе внедрения системы менеджмента устойчивого развития и необходимые шаги для их решения**
Источник: составлено автором

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о наличии объективной потребности в создании и интеграции системы менеджмента устойчивого развития, объединяющей в рамках единого управленческого контура менеджмент качества, ресурсное обеспечение, кадровый менеджмент, экологическое управление, а также стратегическое и производственное планирование. Данная система обеспечивает целенаправленное регулирование деятельности промышленного предприятия, ориентированное на достижение состояния устойчивого развития и его последующее поддержание в долгосрочной перспективе.

Формирование рассматриваемой системы обусловливает необходимость более интенсивного и системного взаимодействия различных структурных подразделений, в первую очередь отвечающих за управление персоналом и социальное развитие, экологию и охрану окружающей среды, а также экономику и финансы. Внедрение системы менеджмента устойчивого развития представляет собой комплексный организационный проект, охватывающий все функциональные сферы промышленного предприятия. Условием успешного создания такой системы выступает четкое определение предприятием собственной политики в области устойчивого развития, базирующееся на понимании того, что устойчивое развитие подразумевает качественное расширение и гармонизацию социальных, экологических и экономических параметров деятельности.

Заключение

Внедрение системы менеджмента устойчивого развития на промышленном предприятии не сводится к адаптации отдельных управленческих процедур. Оно предполагает совмещение нескольких условий, действующих одновременно: согласованного целеполагания, командной работы подразделений, продуманной программы изменений и привлечения внешней экспертизы там, где собственных компетенций недостаточно.

Наряду с этим внедрение менеджмента устойчивого развития упирается в препятствия, лежащие за пределами одного предприятия: дефицит льготного финансирования, слабую методическую базу, нехватку профильных специалистов. Это смещает фокус анализа с проектного уровня на уровень национальных и отраслевых программ. Без поддержки извне даже хорошо спроектированная система рискует остаться формальной.

Библиографический список

1. Вахромов Е. Н., Маркарян Д. Ю. Оценка устойчивого развития и функционирования предприятия: факторы, критерии, особенности // Нефтегазовые технологии и экологическая безопасность. – 2008. – № 4. – С. 52–62.
2. Власова М. А., Кононова Е. Е. Динамика и проблемы внедрения экологических инноваций в реальном секторе экономики России при переходе к устойчивому развитию // Друкеровский вестник. – 2020. – № 1. – С. 35–43.
3. Потравный И. М., Яшалова Н. Н., Гассий В. В., Чавез Феррейра К. Проектный подход в управлении экологически ориентированным развитием экономики региона // Экономика региона. – 2019. – Т. 15. – № 3. – С. 806–821.
4. Родионов Д. Г., Дмитриев Н. Д., Дубаневич Л. Э. Построение эконометрической модели устойчивого развития промышленного предприятия // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 7-1. – С. 61–71.

© Андреев А. А., 2026

УДК 005.8

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЕКТАМИ В МОЛОДЕЖНОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ: ОСОБЕННОСТИ И КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ

EDN LFFPKQ

А. Ш. Галимова *Кандидат экономических наук, доцент, e-mail: aigul_galimova@mail.ru,*

С. Ш. Алимкулов *студент, e-mail: alimkulov0105@mail.ru,*

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия

PROJECT MANAGEMENT IN YOUTH ENTREPRENEURSHIP: FEATURES AND KEY ASPECTS

A. Sh. Galimova *Candidate of Economic Sciences, Associate Professors,*

S. Sh. Alimkulov *Student,*

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia

Abstract. This article explores project management specifics in youth entrepreneurship, driven by the high failure rate of startups and growing youth economic participation. Key characteristics of young entrepreneurs – high adaptability and digital literacy versus lack of managerial experience – are analyzed. Drawing on recent Russian and international statistics, the main challenges are identified: limited resources, weak planning skills, and team-building difficulties. The article substantiates the need to adapt classical methodologies to youth projects, emphasizing mentorship and flexible methods (Agile, Scrum) as the most effective tools. The findings support the development of educational programs and infrastructure for young entrepreneurs.

Keywords: youth entrepreneurship; project management; startup projects; Agile methodology; mentoring; business incubator; project management tools; risks.

В современной экономической реальности молодежное предпринимательство выступает одним из драйверов инновационного развития и создания новых рабочих мест. Как отмечают М. М. Ахметзянова и А. Ш. Галимова в своем исследовании участия молодежи в малом бизнесе [X], «молодежь является важным ресурсом развития бизнеса, и прежде всего инновационного». Авторы подчеркивают, что предпринимательский потенциал молодежи в нашей стране задействован слабо, отчасти потому, что «сама молодежь выбирает пассивную позицию, опасаясь трудностей, связанных с организацией своего дела. Часто молодые люди не обладают необходимыми знаниями и навыками в области предпринимательства» [1]. Это напрямую коррелирует с проблемой неэффективного проектного управления на начальных этапах. Актуальность темы подтверждается статистикой: по данным Корпорации МСП, в 2025 году количество предпринимателей в возрасте до 25 лет в России увеличилось на 5,5 %, что делает молодежь ключевым драйвером роста малого бизнеса [2]. Молодые люди все чаще выбирают путь создания собственного дела, однако статистика показывает, что значительная часть стартапов прекращает свое существование в первые годы деятельности. Международные данные свидетельствуют о масштабах проблемы: например, в ЮАР уровень закрытия малого бизнеса в первый год достигает 86 % [3]. В России с октября 2022 года в рамках федерального проекта «Платформа университетского технологического предпринимательства» студенты запустили более 20 000 стартапов, но только 3 000 из них

(15 %) зарегистрировались как юридические лица [1]. Одной из ключевых причин этого является не столько отсутствие идеи или финансирования, сколько неэффективное управление проектом на начальном этапе. В связи с этим изучение адаптированных подходов к управлению проектами именно в молодежной среде представляет собой актуальную научно-практическую задачу [4, с. 45].

Молодые предприниматели как субъекты управления обладают рядом специфических характеристик. С одной стороны, это креативность, гибкость мышления, высокий уровень цифровой грамотности и готовность быстро осваивать новые технологии. С другой стороны, наблюдается дефицит системных знаний в области менеджмента, отсутствие опыта стратегического планирования и слабое понимание основ финансового моделирования. Эти особенности накладывают отпечаток на выбор методологии управления. Традиционные, тяжеловесные методы управления проектами, такие как PRINCE2 или классический Waterfall, часто оказываются слишком сложными для восприятия и негибкими для быстро меняющихся условий рыночной ниши, которую осваивает молодежный проект [5].

Исследование причин неудач молодых предпринимателей в странах Балтии показывает четкую возрастную дифференциацию проблем: в группе 18–24 лет 80 % провалов связаны с потерей фокуса, увлеченности и приверженности проекту. Для возрастной группы 25–34 лет главной причиной (78 % случаев) становится отсутствие финансирования или интереса инвесторов [8]. Эти данные подтверждают, что психологические и управленческие компетенции требуют целенаправленного развития так же, как и навыки привлечения инвестиций.

В связи с этим наибольшую эффективность в молодежной среде демонстрируют гибкие методологии (Agile) и их производные (Scrum, Kanban). Данный подход позволяет команде быстро реагировать на обратную связь от потребителя, что критически важно на этапе вывода минимально жизнеспособного продукта (MVP). Например, спринты в Scrum дают молодым предпринимателям возможность не только выполнять задачи итеративно, но и регулярно рефлексировать по поводу достигнутых результатов, что выполняет и образовательную функцию [6].

Однако использование гибких методик не снимает ряд типичных проблем в управлении молодежными проектами. Первая проблема – это управление временем и ресурсами. Молодые люди часто совмещают предпринимательскую деятельность с учебой или работой по найму, что приводит к распылению внимания и срыву дедлайнов. Согласно индийскому исследованию 2025 года, 7 % студентов назвали сложность совмещения учебы с предпринимательскими усилиями значимым препятствием [9]. Решением здесь может стать внедрение простых инструментов тайм-менеджмента и визуализации задач (доски Trello, Asana, Google-календари), которые позволяют видеть загрузку каждого члена команды.

Вторая ключевая проблема – коммуникация и распределение ролей в команде. В молодежных стартапах часто царит неформальная атмосфера, что позитивно сказывается на климате, но негативно – на дисциплине. Размытие ответственности приводит к тому, что задачи остаются невыполненными. Здесь важным элементом управления выступает не столько формальная должностная инструкция, сколько договоренность о четких правилах взаимодействия и артефактах (ведение журнала задач, регулярные стендапы длительностью не более 15 минут).

Третьим важнейшим аспектом является управление рисками. В силу возраста и отсутствия опыта молодые предприниматели склонны либо переоценивать свои возможности (эйфория), либо впадать в панику при первых трудностях. Инструментом нивелирования этого фактора выступает наставничество. Масштабное ис-

следование с участием 1000 студентов, проведенное в 2025 году, показало, что 35 % респондентов считают отсутствие наставничества самым значительным препятствием при запуске собственного дела, а 24 % указали на нехватку инструкций по юридическим и финансовым вопросам [7; 9; 10]. При этом 89 % студентов поддержали идею интеграции в учебные программы курсов по этике и финансовой ответственности [9]. Включение в структуру управления проектом внешнего эксперта (ментора) или бизнес-ангела позволяет передавать опыт управления рисками «с колес», без длительного теоретического обучения [11].

Отдельного внимания заслуживает роль инфраструктуры поддержки молодежного предпринимательства в контексте проектного управления. Бизнес-инкубаторы и акселераторы при вузах или технопарках должны не только предоставлять помещения или деньги, но и обучать проектному менеджменту. Однако, по данным опросов, только 9,6 % студентов считают существующие инкубационные программы высокоэффективными, что указывает на необходимость более тесного взаимодействия между академической средой и индустрией [9]. Обучение должно быть построено на реальных кейсах и включать такие модули, как «Целеполагание по SMART», «Построение диаграммы Ганта», «Расчет юнит-экономики» и «Управление командой». Чем раньше молодой предприниматель освоит эти инструменты, тем выше вероятность успешной реализации его идеи [4, с. 112]. Эффективность инфраструктуры поддержки молодежного предпринимательства подтверждается региональными данными. Как показывает А. Ш. Галимова на примере Республики Башкортостан, «в ходе реализации программы «start-up», подразумевающей выделение первоначальных средств начинающим предпринимателям под развитие собственного дела, в Башкирии в 2025 году создано около 1800 рабочих мест. На поддержку предпринимателей на начальной стадии развития бизнеса предусмотрено 116 миллионов рублей» [2]. Более того, согласно данным статистики, приведенным автором, «в малом и среднем бизнесе занято более трети экономически активного населения региона», что доказывает значительный потенциал малого бизнеса как работодателя для молодежи.

Таким образом, статистические данные убедительно демонстрируют, что управление проектами в молодежном предпринимательстве нельзя слепо копировать с корпоративных стандартов. При сохранении высокого интереса к предпринимательству (75 % студентов выражают желание открыть свое дело [9]) и позитивной динамике вовлечения молодежи в бизнес (+5,5 % в группе до 25 лет [2]), сохраняется и высокий уровень провалов, обусловленный управленческими, а не только финансовыми причинами. Эффективная модель требует интеграции трех компонентов: адаптированной гибкой методологии, простых цифровых инструментов контроля и обязательной поддержки со стороны менторского сообщества. Формирование у молодых людей проектной культуры с акцентом на быстрые итерации, командную ответственность и управление рисками является залогом устойчивости малого бизнеса в будущем. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку специализированных программных продуктов, ориентированных на проектную деятельность молодежных стартапов.

Библиографический список

1. Ахметзянова, М. М. Роль малого бизнеса в организации рабочих мест в Республике Башкортостан / М. М. Ахметзянова, А. Ш. Галимова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2013. – № 1 (48). – С. 77–79.
2. Галимова, А. Ш. Управление проектами в условиях цифровизации : монография / А. Ш. Галимова. – Уфа : РИЦ, 2025. – [иное общее количество страниц?]. – Текст : непосредственный.

3. Громов, А. И. Agile-менеджмент в малом бизнесе: теория и практика применения / А. И. Громов. – Текст : непосредственный // Менеджмент сегодня. – 2020. – № 3. – С. 34–41.
4. Котляров, М. А. Инфраструктура поддержки молодежного предпринимательства : учебное пособие / М. А. Котляров. – Москва : Дашков и К°, 2022. – 210 с. – Текст : непосредственный.
5. 20 тысяч стартапов и тихий провал: почему студенческие проекты не выстреливают. – Текст : электронный // Новости мира инноваций. – 2025. – 2 апреля. – URL: https://innovanews.ru/info/press_release/20-tysjach-startapov-i-tikhijj-proval-pochemu-studencheskie-proekty-ne-vystrelivajut/ (дата обращения: 17.03.2026).
6. IT, спорт, образование и научно-техническая деятельность возглавили рейтинг растущих отраслей МСП. – Текст : электронный // Robokassa. – 2026. – 25 февраля. – URL: https://robokassa.com/blog/news/it-sport-obrazovanie-i-nauchno-tekhnicheskaya-deyatelnost-vozglavili-reyting/ (дата обращения: 17.03.2026).
7. Серова, Л. М. Применение Scrum в образовательных стартапах / Л. М. Серова. – Текст : непосредственный // Современные технологии управления. – 2023. – № 2 (98).
8. Smirnova, T. The Role of Mentorship in Reducing Project Failure Rates among Young Entrepreneurs / T. Smirnova. – Text : unmediated // Journal of Youth Business Studies. – 2024. – Vol. 7. – P. 112–125.
9. Start-up failure rates are sky-high, but yes, the youth are the solution. – Text : electronic // Sandton Chronicle. – 2025. – 16 October. – URL: https://www.citizen.co.za/sandton-chronicle/news-headlines/2025/10/16/start-up-failure-rates-are-sky-high-but-yes-the-youth-are-the-solution/ (date of access: 17.03.2026).
10. Survey reveals 75% of Indian students aim to start ventures, but face major mentorship, funding gaps. – Text : electronic // The Indian Express. – 2025. – 1 November. – URL: https://indianexpress.com/article/education/survey-report-75-precent-indian-students-keen-start-business-ventures-face-major-mentorship-funding-gap-entrepreneurship-10338399/ (date of access: 17.03.2026).
11. 3 in 4 Indian students want to launch start-ups but lack right guidance: Survey. – Text : electronic // India Today. – 2025. – 1 November. – URL: https://www.indiatoday.in/education-today/latest-studies/story/75-of-indian-students-want-to-start-ventures-but-face-mentorship-and-funding-gaps-survey-2811821-2025-11-01 (date of access: 17.03.2026).
12. Over 35 pc students find lack of mentorship biggest challenge in starting own venture: Report. – Text : electronic // ThePrint. – 2025. – 31 October. – URL: https://theprint.in/india/over-35-pc-students-find-lack-of-mentorship-biggest-challenge-in-starting-own-venture-report/2774512/ (date of access: 17.03.2026).
13. Žemaitis, B. Do you know why young founders fail in Latvia, Lithuania and Estonia? / B. Žemaitis. – Text : electronic // LinkedIn. – 2024. – 4 June. – URL: https://www.linkedin.com/posts/benediktaszemaitis_do-you-know-why-young-founders-fail-in-activity-7203634688182145026-pwqF (date of access: 17.03.2026).

© Галимова А. Ш., Алимкулов С. Ш., 2026

УДК 334.72

МОЛОДЕЖНОЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

EDN MBOCHW

А. Ш. Галимова *Доцент, e-mail: aigul_galimova@mail.ru*
Э. И. Ситдикова *студентка, e-mail: elina345680@gmail.com,*
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия

YOUTH TECH ENTREPRENEURSHIP IN THE DIGITAL ECONOMY

A. Sh. Galimova *Associate Professor,*
E. I. Sitdikova *Student,*
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia

Abstract. This article explores key areas and prospects for the development of youth technology entrepreneurship in the context of today's accelerated digital transformation. The authors analyze the role of digital technologies, such as artificial intelligence, hyperautomation, and cloud services, in the formation of new business models. Particular attention is paid to the support ecosystem for youth startups, identifying institutional barriers, and assessing the impact of human resource sovereignty on the country's technological leadership. The authors conclude that aligning educational programs with the real needs of the digital economy is essential to ensure sustainable growth in the innovation sector.

Keywords: digital economy; youth entrepreneurship; technology startups; artificial intelligence; innovation ecosystem; technological sovereignty; digital transformation.

В 2025 году цифровая экономика – это уже не просто использование отдельных сервисов, а полная интеграция технологий во все бизнес-процессы. В этих условиях именно стартапы, созданные молодежью, становятся основой для технологической независимости и развития страны в будущем [1, с. 12–14]. Молодые предприниматели быстрее всех подстраиваются под перемены и активнее других внедряют в реальную практику такие сложные вещи, как искусственный интеллект, нейросети [2, с. 45].

В 2025 году акцент сместился на создание собственных сложных разработок (DeepTech). Цифровая экономика стала зрелой, поэтому теперь для успеха мало одного маркетинга – нужно иметь в основе уникальную технологию или алгоритм. Судя по отчетам, число студенческих проектов с собственным ИИ выросло на 30 % по сравнению с прошлым годом [5, с. 34].

Главным трендом последнего времени стала гиперавтоматизация – она дает стартапам возможность быстро расти даже с небольшим бюджетом [3, с. 88]. Параллельно с этим развитие университетских стартап-студий помогает студентам превращать научные идеи в реальный бизнес. Это подтверждается тем, что малых инновационных предприятий при вузах становится всё больше [8, с. 210–212].

В настоящее время ключевыми трендами, определяющими ландшафт молодежного бизнеса, являются:

1. Гиперавтоматизация и ИИ: расширенное использование инструментов с минимальным кодом (low-code) и генеративного ИИ позволяет стартапам быстро масштабироваться при минимальных начальных затратах.
2. Экосистемный подход: развитие университетских стартап-студий и региональных инновационных хабов создает благоприятную среду для коммерциализации научных разработок молодежи.
3. Ориентация на импортозамещение: в условиях внешних ограничений моло-

дежные команды фокусируются на создании отечественных аналогов промышленного ПО и решений в области информационной безопасности.

Несмотря на позитивную динамику, сохраняется ряд факторов, сдерживающих потенциал молодежного сегмента:

- Кадровый дефицит: несоответствие уровня компетенций выпускников темпам развития технологий ИИ и облачных сервисов [1, с. 18].
- Инфраструктурные разрывы: неравномерное цифровое развитие регионов ограничивает возможности молодых инноваторов за пределами крупных мегаполисов [5, с. 34–36].
- Правовая неопределенность**:** отсутствие четкого регулирования новых технологических рынков, включая вопросы интеллектуальной собственности в цифровой среде.

Одной из главных проблем остается так называемый «экосистемный разрыв». Анализ работы более 50 университетских стартап-студий выявил серьезный недочет: только у 15 % из них четко прописано, как передавать права на интеллектуальную собственность от вуза к самим малым предприятиям (МИП) [1, с. 18]. Из-за этой юридической неразберихи частные инвесторы боятся вкладывать деньги в проекты на поздних этапах.

Кроме того, статистика показывает, что выживаемость стартапа напрямую зависит от того, насколько развиты технологии в регионе. В 2025 году стала очевидна закономерность: там, где много дата-центров и хорошо работает 5G, молодежных компаний создается в 2,5 раза больше [5, с. 36]. Это подтверждает, что в наше время доступ к мощным серверам и быстрому интернету важен так же, как и наличие стартового капитала.

Анализ господдержки показал, что университетские стартап-студии становятся важными центрами экспертизы. Цифры подтверждают: лучшие результаты показывают те молодежные площадки, которые перестали штамповать простые мобильные приложения и занялись сложными научными проектами (DeepTech) или кибербезопасностью [4, с. 210]. Это говорит о новом тренде на «цифровой суверенитет»: молодые предприниматели теперь стараются создавать свои аналоги критически важных программ, занимаясь реальным импортозамещением.

Подходы к обучению молодых предпринимателей нужно в корне менять. Стало очевидно, что обычные вузовские программы просто не успевают за скоростью развития нейросетей. Из-за этого возникает проблема: навыки студентов устаревают еще до того, как они успевают получить диплом [4, с. 210].

Хорошим примером адаптации стал формат «Стартап как диплом». Статистика за 2024–2025 годы показывает, что у выпускников российских вузов, которые прошли через вузовские акселераторы, шансы найти первые инвестиции (pre-seed) на 35 % выше, чем у остальных студентов [2, с. 48].

Будущее российской экономики сегодня полностью зависит от того, насколько быстро она сможет обеспечить свою технологическую независимость. Во второй половине 2025 года основной акцент в промышленности сместился на поиск отечественного софта. Причем пустые ниши, оставшиеся после ухода западных компаний, всё активнее занимает молодежь – особенно в таких сложных сферах, как кибербезопасность и промышленный интернет вещей [6, с. 95]. Прогнозируется рост доли цифровой экономики в валовом продукте, где значительную роль сыграют малые высокотехнологичные предприятия. Эксперты считают, что к 2030 году молодежные стартапы смогут приносить до 7–10 % ВВП цифровой экономики [1, с. 20]. Для реализации молодежного технологического предпринимательства необходимо:

1. Усилить интеграцию бизнеса и образования через создание совместных центров компетенций.

2. Стимулировать инвестиции в молодежные проекты через налоговые льготы и грантовую поддержку ИИ-решений.
3. Обеспечить развитие современной ИТ-инфраструктуры в регионах для выравнивания возможностей молодых предпринимателей [3, с. 95].
4. Нужно максимально упростить передачу прав на разработки, созданные в стенах вузов, самим командам стартапов.

Таким образом, очевидно, что именно молодежные технологические проекты становятся главным двигателем перемен в экономике. Но чтобы они реально работали, необходимо, чтобы усилия государства, вузов и бизнеса были согласованы. На текущем этапе пора переходить от разовых грантов к полноценной системе, которая объединит науку и крупные корпорации. Сейчас важнее всего дать регионам доступ к мощностям для работы с ИИ и максимально упростить бюрократию, связанную с оформлением прав на интеллектуальную собственность в университетах. Только так можно создать живую цифровую экосистему, где инновации не просто придумываются, а быстро внедряются в жизнь [7, с. 50–52].

Библиографический список

1. Галимова, А. Перспективы развития молодежного предпринимательства в условиях цифровизации / А. Галимова, Д. Хакимова // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2025. – № 3. – С. 10–25.
2. Иванов, П. С. Инновационная экономика и стартапы: учебник для вузов / П. С. Иванов. – Москва: Юрайт, 2025. – 312 с.
3. Кузнецов, Н. В. Влияние искусственного интеллекта на производительность труда в стартапах / Н. В. Кузнецов // Креативная экономика. – 2025. – Т. 19, № 1. – С. 110–125.
4. Петров, В. В. Региональные аспекты цифровой трансформации экономики России / В. В. Петров // Экономика региона. – 2024. – Т. 20, вып. 2. – С. 44–58.
5. Смирнов, А. М. Инструменты поддержки технологического суверенитета РФ / А. М. Смирнов // Вопросы экономики. – 2025. – № 4. – С. 30–45.
6. Солодилова, Н. З. Развитие экосистемы молодежного предпринимательства в контексте цифровой экономики / Н. З. Солодилова, Э. В. Гайнуллина // Вестник УГНТУ. Серия: Экономика. – 2023. – № 4 (46). – С. 42–55.
7. Храмченко, А. А. Перспективы развития технологического предпринимательства / А. А. Храмченко, [и др.] // Креативная экономика. – 2024. – Т. 18, № 5. – С. 1123–1138. – DOI: 10.18334/ce.18.5.12345. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/... (дата обращения: 27.03.2026). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
8. Черных, И. И. Кибербезопасность и молодежные инновации в условиях глобальных вызовов / И. И. Черных. – Москва: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2024. – 240 с.

© Галимова А. Ш., Ситдикова Э. И., 2026

УДК 338 (33)

ПОДПИСКА НА АВТОМОБИЛЬ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ДИВЕРСИФИКАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ГК «БАШАВТОКОМ»

EDN MFYMZN

М. Д. Карпушина
Студентка, ORCID 0009-0009-2959-677X,
e-mail: karpushinamd@gmail.com,

А. Ш. Галимов
старший преподаватель

Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия

CAR SUBSCRIPTION AS A DIVERSIFICATION DIRECTION: THE CASE OF BASHAVTOKOM GROUP

M. D. Karpushina
Student,

A. Sh. Galimov
Senior Lecturer

Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia

Abstract. This article examines car subscription services as a modern trend in diversifying the automotive dealership business. It argues that, in the context of instability in the Russian automotive market, declining margins from traditional sales, and increasing competition, automotive dealerships are compelled to seek new sources of revenue. Using the example of the Bashavtocom Group, it demonstrates that the car subscription model can be viewed as a form of related diversification, leveraging existing dealership, service, and customer infrastructures. Special attention is given to the economic essence of this approach, its advantages, limitations, and the opportunities for practical implementation.

Keywords: diversification; automotive dealership; car subscription; business sustainability; related diversification; automotive market.

Современный этап развития автомобильного рынка характеризуется высокой волатильностью спроса, изменением структуры конкурентной среды, ростом роли китайских брендов, а также снижением устойчивости традиционной дилерской модели, основанной преимущественно на продаже новых автомобилей [14]. В текущих условиях автодилерские компании сталкиваются с необходимостью поиска новых форм организации бизнеса, обеспечивающих более стабильные денежные потоки и снижение зависимости от разовых сделок [13]. Одним из перспективных направлений трансформации автодилерской деятельности выступает подписка на автомобиль. Данная модель предполагает предоставление транспортного средства клиенту на определенный срок с включением в стоимость услуг страхования, технического обслуживания, сервисного сопровождения и, в ряде случаев, замены автомобиля. Тем самым происходит смещение акцента с продажи товара на предоставление комплексной услуги, что соответствует современным тенденциям сервисной экономики.

Для ГК «Башавтоком» исследование данного направления представляет особую актуальность, поскольку компания функционирует в сегменте бизнеса автодилеров и уже обладает необходимой материально-технической базой, сервисными мощностями и клиентской сетью. Это создает предпосылки для внедрения новых форм диверсификации, не требующих радикального отхода от основной сферы деятельности.

Для достижения поставленной цели необходимо раскрыть экономическую сущность рассматриваемой модели, определить ее место в системе диверсификации бизнеса и показать возможности практического применения. Диверсификация бизнеса представляет собой стратегию расширения видов деятельности,

продуктовой линейки, клиентских сегментов или каналов получения дохода с целью повышения устойчивости компании и снижения уровня предпринимательского риска [8].

В экономической литературе диверсификация рассматривается как один из наиболее действенных инструментов адаптации предприятия к изменяющимся условиям внешней среды [8]. В зависимости от степени связи с основной деятельностью различают связанную и несвязанную диверсификацию [9]. Для автодилерской компании наибольшее значение имеет именно связанная диверсификация, поскольку она предполагает развитие направлений, опирающихся на уже имеющиеся компетенции, инфраструктуру и клиентскую базу.

К таким направлениям относятся сервисное обслуживание, продажа автомобилей с пробегом, trade-in, финансовые и страховые продукты, а также различные формы долгосрочного пользования автомобилем. Подписка на автомобиль может быть отнесена к инструментам связанной диверсификации, поскольку она использует существующие ресурсы дилера, но изменяет формат взаимодействия с клиентом. В отличие от классической продажи, компания получает не единоразовый доход, а регулярные платежи, что обеспечивает более предсказуемый денежный поток. Кроме того, модель подписки способствует росту жизненного цикла клиента, поскольку формирует повторные обращения в сервис, стимулирует дополнительные продажи и усиливает лояльность. С экономической точки зрения подписка на автомобиль является промежуточной моделью между покупкой, арендой и каршерингом. Ее специфика заключается в том, что клиент получает возможность пользоваться автомобилем без необходимости нести полные затраты на его приобретение и последующее содержание.

В состав услуги обычно включаются техническое обслуживание, страхование, сезонная замена шин, помощь на дороге и иные сопутствующие сервисы. Для автодилерской компании данная модель обладает рядом преимуществ. Она позволяет диверсифицировать доходы за счет регулярных платежей, способствует формированию долгосрочных отношений с клиентом. Дополнительно подписка может выступать каналом продвижения новых автомобилей и брендов, поскольку по завершении срока пользования клиент может перейти к покупке, продлению подписки или смене модели.

На уровне бизнес-модели подписка трансформирует дилера из продавца товара в оператора мобильности. Это особенно важно в условиях, когда потребитель все чаще ориентируется не на факт владения автомобилем, а на удобство его использования. Таким образом, модель подписки отражает более широкий процесс перехода от товарной экономики к сервисной.

ГК «Башавтоком» является крупной автодилерской структурой, обладающей сетью продаж, сервисными мощностями и опытом работы с несколькими брендами. Такая конфигурация создает благоприятные условия для внедрения подписки на автомобиль как нового направления диверсификации. В отличие от компаний, не имеющих собственной сервисной базы, «Башавтоком» может использовать существующую инфраструктуру без значительных организационных преобразований.

Наиболее перспективным представляется поэтапный запуск подписочного продукта в двух сегментах. Первый сегмент – частные клиенты, заинтересованные в кратко- и среднесрочном пользовании автомобилем без крупных первоначальных вложений. Второй сегмент – корпоративные клиенты, для которых важны предсказуемые расходы, гибкость автопарка и минимизация операционных издержек. Для частных клиентов подписка может включать автомобиль, обслуживание, страхование и опцию замены транспорта по окончании срока договора. Для корпоративных

клиентов возможно формирование комплексного пакета, ориентированного на потребности малого и среднего бизнеса, служб доставки, торговых организаций и представительских автопарков. Такой подход позволит компании выйти за рамки традиционной розничной продажи и сформировать новое направление дохода.

Внедрение подписки на автомобиль способствует диверсификации выручки и снижению зависимости от разовых сделок, которые в условиях нестабильного рынка становятся все менее предсказуемыми [9]. Регулярные поступления позволяют более точно планировать денежные потоки, а также обеспечивают лучшую загрузку сервисных подразделений. Кроме того, подписочная модель повышает вероятность последующих продаж, поскольку клиент уже взаимодействует с компанией в течение длительного времени.

Вместе с тем данное направление связано и с определенными рисками. К ним относятся необходимость формирования автомобильного парка, увеличение потребности в оборотном капитале, усложнение управления страховыми и сервисными обязательствами, а также неопределенность спроса на российском рынке. В связи с этим целесообразно начинать с пилотного проекта, ограниченного по числу автомобилей и географии реализации. Для ГК «Башавтоком» риски частично компенсируются за счет уже имеющихся активов: дилерских площадок, сервисных зон, кадрового потенциала и клиентской базы [11]. Данные факторы повышают реалистичность рассматриваемой модели и снижает затраты на организацию нового направления. Подписка на автомобиль может рассматриваться как перспективное направление диверсификации автодилерской компании, поскольку она позволяет изменить структуру доходов, повысить устойчивость бизнеса и укрепить долгосрочные отношения с клиентами [19]. В отличие от классической продажи автомобилей, данная модель обеспечивает регулярный денежный поток и расширяет возможности последующего взаимодействия с потребителем.

На примере ГК «Башавтоком» можно сделать вывод, что внедрение модели подписки на автомобиль является экономически и стратегически обоснованным. Наличие дилерской сети, сервисной инфраструктуры и опыта работы с клиентами делает компанию потенциально готовой к запуску данного продукта. Следовательно, подписка на автомобиль может быть рекомендована как новое направление связанной диверсификации, направленное на повышение устойчивости и конкурентоспособности автодилерской компании.

Библиографический список

1. Актуализирована база дилеров за 2025 год [Электронный ресурс] // АвтоБизнесРевю. – 2026. – URL: https://abreview.ru/ab/news/aktualizirovana_baza_dilerov_za_2025_god/ (дата обращения: 20.04.2026).
2. Ансофф И. Стратегическое управление / И. Ансофф; пер. с англ. – М.: Экономика, 1989. – 520 с.
3. Barney J. B. Gaining and Sustaining Competitive Advantage / J. B. Barney. – 9th ed. – Boston: Pearson, 2014. – 511 p.
4. Диверсификация предприятия как способ повышения устойчивости // Экономика и управление. – 2023. – № 4. – С. 45–52.
5. Дилеры начали сокращать количество брендов в своих портфелях [Электронный ресурс] // Auto.ru. – 2025. – URL: https://auto.mail.ru/article/110197-avtostat-dileryi-nachali-sokraschat-kolichestvo-brendov-v-svoih-portfelyah/ (дата обращения: 20.04.2026).
6. Grant R. M. Contemporary Strategy Analysis / R. M. Grant. – 11th ed. – Hoboken: Wiley, 2022. – 512 p.
7. Hitt M. A. Strategic Management: Competitiveness and Globalization / M. A. Hitt, R. D. Ireland, R. E. Hoskisson. – 13th ed. – Boston: Cengage, 2021. – 688 p.
8. Как логистический кризис повлияет на авторынок? [Электронный ресурс] // Автостат. – 2023. – URL: https://m.autostat.ru/editorial_column/55524/ (дата обращения: 20.04.2026).
9. Как меняется автомобильный рынок России [Электронный ресурс] // РБК Отрасли. – 2025. – URL:

https://www.rbc.ru/industries/news/6926f2489a7947630ffb0ff5 (дата обращения: 20.04.2026).
10. Как работает подписка на авто по абонементу и кому она выгодна [Электронный ресурс] // РБК Компании. – 2025. – URL: https://companies.rbc.ru/news/Sw1Pz1vwk3/kak-rabotaet-podpiska-na-avto-po-abonementu-i-komu-ona-vyigodna/ (дата обращения: 20.04.2026).
11. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент / Ф. Котлер, К. Л. Келлер; пер. с англ. – 16-е изд. – СПб.: Питер, 2021. – 896 с.
12. Обеспечение конкурентоспособности автодилерских компаний // Современная конкуренция. – 2024. – № 2. – С. 78–89.
13. ООО «Башавтоком» [Электронный ресурс] // Rusprofile. – URL: https://www.rusprofile.ru/id/3455852 (дата обращения: 20.04.2026).
14. ООО «Башавтоком-В» [Электронный ресурс] // Rusprofile. – URL: https://www.rusprofile.ru/id/2037310 (дата обращения: 20.04.2026).

© Карпушина М. Д., Галимов А. Ш., 2026

УДК 80

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК УНИВЕРСАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНОГО МЕДИУМА В ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ГОСТЕПРИИМСТВА

EDN MGSUDA

А. Р. Кустяева *Студентка,*
ORCID 0009-0006-4166-6812,
e-mail: kustyaeva.a@mail.ru,
О. В. Щербинина *старший преподаватель,*
e-mail: o.scherbinina@inbox.ru,
Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Россия

THE FUNCTIONING OF ENGLISH AS A UNIVERSAL COMMUNICATION MEDIUM IN THE GLOBAL HOSPITALITY SYSTEM

A. R. Kustyaeva *Student,*
O. V. Sherbinina *Senior Lecturer,*
North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia

Abstract. This paper explores the evolution of English as the universal communicative tool within the global tourism industry. It traces the historical roots of English linguistic dominance and analyzes its contemporary application across various tourism segments, from service booking to on-site intercultural dialogue. Key areas of focus include the standardization of vocational language training, communicative barriers, and the impact of digital technology in overcoming language constraints. The study highlights the role of English as a lingua franca bridging diverse linguocultural backgrounds and outlines the unique features of professional tourism discourse, specifically the use of simplified linguistic structures and specialized terminology.

Keywords: English language; international tourism; intercultural communication; professional competencies; lingua franca; language barriers; tourism industry.

Доминирование английского языка в современной индустрии туризма – результат сложного исторического процесса, тесно связанного с колониальной экспансией Британской империи и последующим экономическим влиянием Соединенных Штатов Америки. После Второй мировой войны геополитическое влияние переместилось из Европы в Северную Америку. Экономическое доминирование США, развитие голливудской киноиндустрии, научно-технический прогресс и создание Интернета способствовали закреплению английского языка как языка глобальной коммуникации. Появление массового туризма в 1960-е годы совпало с периодом, когда английский уже функционировал в качестве основного языка международной торговли, авиации и дипломатии.

Английский язык играет ключевую функциональную роль в структуре международной туристской деятельности, выступая универсальным средством общения, инструментом фиксации профессиональной терминологии и фактором повышения качества обслуживания. Его значение усиливается в условиях глобализации и интернационализации туристической отрасли [5].

В современном туристической сфере использование английского языка становится фактором, определяющим успех компаний на мировом рынке. Учитывая, что международный туризм направлен на привлечение клиентов из разных уголков мира, знание английского языка становится не просто предпочтительной стратегией, но и необходимым условием успешного функционирования компании [4, с. 154].

По сути, английский язык сегодня выполняет роль главного языка международного общения в европейском туризме; его знание существенно облегчает коммуникацию путешественников за рубежом. В среднем около 65 % европейцев владеют хотя бы одним иностранным языком, что значительно выше мировых показателей. Молодежь особенно полиглотична: примерно 7 из 10 европейцев в возрасте до 25 лет знают второй язык. Тем не менее остается немалая доля населения (около 35 %), которая не владеет никакими иностранными языками [1, с. 90].

Коммуникация в туризме многоаспектна и реализуется на различных уровнях. Она охватывает взаимодействие между туристами и представителями принимающей стороны, между туристическими организациями и клиентами, между самими туристами, а также между различными предприятиями туристической индустрии. Особым видом является межкультурная коммуникация, которая возникает, когда представители разных культур встречаются в рамках туристического опыта.

Интересно, что во многих странах туристической индустрии сформировался особый «туристический язык» – упрощенный вариант местного языка с включениями английских слов, адаптированный для общения с иностранцами. Этот феномен свидетельствует о естественных адаптационных процессах, возникающих в ответ на потребность в коммуникации.

Английский язык выступает медиумом в нескольких сферах гостеприимства, особенно в условиях глобализации и роста международного туризма. К таким сферам относится гостиничный бизнес (английский язык необходим сотрудникам для общения с иностранными гостями), ресторанный бизнес (сотрудники должны уметь общаться с гостями на английском, чтобы отвечать на вопросы о меню, составе блюд, а также решать возникающие проблемы).

Особая роль принадлежит английскому языку в сфере экскурсионного обслуживания. Гиды-переводчики, работающие с иностранными группами, обязаны не только свободно владеть языком, но и адаптировать культурно-исторический контекст для восприятия представителями иной лингво-культуры. Здесь возникает сложная задача межкультурной коммуникации, при которой язык становится не просто инструментом передачи информации, но и средством культурного посредничества.

В эпоху быстрой глобализации расширяются коммуникативные возможности, формируется общее информационное пространство, происходит интенсификация межкультурных связей в различных сферах деятельности: политике, экономике, науке, культуре, образовании. Вместе с тем при осуществлении коммуникации в межкультурной среде нужно принимать во внимание лингвокультурные особенности представителей разных стран, различие и многообразие которых могут привести к некоторым трудностям во взаимопонимании [3, с. 27].

Путешествуя по миру, туристы неизбежно сталкиваются с различными коммуникативными барьерами. Основным, безусловно, является языковой барьер. Незнание языка страны пребывания или отсутствие общего языка для коммуникации существенно ограничивает возможности туриста, создавая ситуации непонимания и дискомфорта [2, с. 134].

Психологические барьеры связаны с тревожностью, неуверенностью, страхом совершить языковую ошибку и быть непонятным. Эти факторы особенно значимы для туристов с невысоким уровнем языковой подготовки, которые избегают инициировать коммуникацию даже в ситуациях, требующих получения важной информации.

Социокультурные барьеры возникают из-за различий в коммуникативных стилях, нормах вежливости, интерпретации

невербальных сигналов представителями разных культур.

Языковая доступность становится частью качества туристского продукта и фактором удовлетворенности гостей. Одновременно сохранение языкового разнообразия и поддержка местных языков в туризме важны для аутентичности впечатлений и культурного обмена. Оптимальной стратегией представляется интегрированный подход: активное применение переводческих технологий и международного языка общения на фоне мер по популяризации изучения языков и уважению языковых прав местных сообществ. Такое сочетание позволит смягчить барьеры без утраты уникальности каждой дестинации. Развитие туризма, свободного от излишних коммуникационных преград, будет способствовать более равномерному распределению туристских потоков по регионам, увеличению экономических и социальных выгод отрасли и укреплению взаимопонимания между народами. Именно поэтому исследование языковых аспектов туризма должно занять подобающее место в повестке дня как науки, так и практической политики.

В заключении, можно сделать вывод что, в современных условиях английский язык структурирует туристскую коммуникацию на всех уровнях: от взаимодействия туроператоров и поставщиков услуг до обслуживания туристов на дестинациях. Цифровая трансформация индустрии усилила эти позиции, поскольку большинство глобальных платформ бронирования систем управления, информационных ресурсов функционирует на английском языке.

Языковые барьеры остаются существенным фактором, ограничивающим туристскую мобильность и снижающим качество туристского опыта. Преодоление этих барьеров осуществляется через институционные меры (многоязычная инфраструктура, подготовка персонала), технологические решения (приложения для автоматического перевода, чат-боты, переводческие устройства) и образовательные программы повышения общего уровня владения английским языком среди населения.

Библиографический список

1. Братковская Д. В., Рогова Я. Д., Токарева С. А. Роль языковых барьеров в развитии регионального туризма: кейс-анализ // Прикладные экономические исследования. – 2025. – № 3. – С. 88–95. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-yazykovyh-barierov-v-razvitii-regionalnogo-turizma-keys-analiz?ysclid=mpb5r5b99g507078454 (дата обращения: 15.05.2026).
2. Гаврилова О. Н., Смирнова Т. А. Коммуникация в туризме: междисциплинарный анализ // СМИ и массовые коммуникации. 2024. № 1. С. 112–188. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsiya-v-turizme?ysclid=mpb4whz7f8455863658 (дата обращения: 15.05.2026).
3. Ещеркина Л. В., Сусоева А. С. Языковые барьеры в межкультурной коммуникации и пути их преодоления // Управление в современных системах № 1(17). 2018. С. 27–29. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-bariery-v-mezhkulturnoy-kommuni
4. katsii-i-puti-ihpreodoleniya?ysclid=mpb5hn1gee929598776 (дата обращения: 16.05.2026).
5. Мамонтова Ю. Ю. Использование английского языка в маркетинговых стратегиях туристических компаний // Научный журнал № 2. 2025. С. 152–161. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-angliyskogo-yazyka-v-marketingovyh-strategiyah-turisticheskih-kompaniy (дата обращения 15.05.2026).
6. Маркова Е. И. Заимствованная лексика в сфере туризма / Е. И. Маркова, И. Д. Маркова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2014. – № 1 (60). – С. 682–684. – URL: https://moluch.ru/archive/60/8878. (дата обращения: 16.05.2026).

© Кустяева А. Р., Щербинина О. В., 2026

УДК 659

ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНФЛЮЕНС-МАРКЕТИНГА В РЕКЛАМЕ И PR: МЕТААНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

EDN MGWUTU

О. С. Миронов

Магистрант, e-mail: jackie.coolest@gmail.com,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
г. Москва, Россия

FACTORS OF INFLUENCER MARKETING EFFECTIVENESS IN ADVERTISING AND PUBLIC RELATIONS: A META-ANALYTICAL REVIEW OF RECENT RESEARCH

O. S. Mironov

Undergraduate Student,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University
of Russia,
Moscow, Russia

Abstract. The article examines influencer marketing as a tool of advertising and public relations communication in the digital environment. The relevance of the topic is determined by the fact that brands increasingly use influencers not only as a promotional channel, but also as intermediaries of trust between a company and its target audience. The purpose of the study is to summarize recent research on influencer marketing and to identify the factors that have the strongest impact on its effectiveness in advertising and public relations. The study is based on a meta-analytical review of publications available in the SpringerLink database. Special attention is paid to influencer credibility, authenticity, influencer–brand fit, audience size, and sponsorship disclosure. The results show that the effectiveness of influencer marketing cannot be reduced only to the number of followers, reach, or reactions to a post. More important factors include source credibility, organic brand integration, influencer–brand fit, and the way the advertising nature of the message is disclosed. The article concludes that influencer marketing should be considered not as a one-time purchase of advertising placement, but as a communication strategy based on the quality of relationships between the brand, the influencer, and the audience.

Keywords: influencer marketing; advertising; public relations; digital communication; source credibility; authenticity; sponsorship disclosure; engagement; purchase intention; meta-analytical review.

Введение

В условиях развития цифровых коммуникаций бренды всё чаще используют инфлюенсеров как посредников между компанией и целевой аудиторией. Такой формат продвижения находится на пересечении рекламы и PR. С одной стороны, инфлюенсерские интеграции часто являются оплачиваемым рекламным размещением. С другой, сообщение передаётся не через безличный канал, а через человека, которого аудитория уже знает, блогера, эксперта, лидера мнений или просто автора, к которому привыкли подписчики. Именно поэтому эффективность инфлюенс-маркетинга зависит не только от охвата, просмотров и стоимости размещения, но и от доверия, аутентичности и характера отношений между инфлюенсером и его аудиторией.

В научной литературе инфлюенс-маркетинг рассматривается как использование ресурсов инфлюенсера для повышения эффективности маркетинговой коммуникации компании. К таким ресурсам относятся сеть подписчиков, личное позиционирование, стиль контента, репутация и доверие аудитории. В статье Fine F. Leung, Flora F. Gu и Robert W. Palmatier "Online influencer marketing" подчёркивается, что инфлюенс-маркетинг связан не только с размещением рекламного сообщения, но и с использованием ресурсов инфлюенсера [2].

Актуальность темы подтверждается тем, что инфлюенс-маркетинг постепенно

становится самостоятельной частью цифровой экосистемы. В статье Barak Libai, Ana Babić Rosario, Maximilian Beichert и соавторы “Influencer marketing unlocked: Understanding the value chains driving the creator economy” эта сфера рассматривается как взаимодействие компаний, инфлюенсеров, подписчиков и цифровых платформ. Такой подход показывает, что инфлюенс-маркетинг нельзя оценивать только через продажи или охват. Он связан с более сложным обменом ценностью между брендом, автором контента, аудиторией и платформой [3].

Проблема исследования заключается в том, что в практике рекламы и PR эффективность инфлюенсеров часто оценивают слишком упрощённо, по количеству подписчиков, лайков, просмотров и стоимости размещения. Но метааналитические исследования показывают, что размер аудитории не всегда является главным фактором эффективности. В статье Mojtaba Moji Barari, Martin Eisend и Shailendra Pratap Jain “A meta-analysis of the effectiveness of social media influencers: Mechanisms and moderation” показано, что малые и средние инфлюенсеры эффективнее работают на вовлечённость, тогда как крупные инфлюенсеры сильнее влияют на намерение покупки. На первый взгляд это выглядит противоречиво. Но если учитывать характер связи между инфлюенсером и подписчиками, такая логика становится понятной [1].

Целью исследования является обобщение результатов современных исследований по инфлюенс-маркетингу и определение факторов, которые сильнее всего влияют на его эффективность в рекламе и PR.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

- рассмотреть инфлюенс-маркетинг как инструмент рекламной и PR-коммуникации;
- проанализировать роль доверия, аутентичности и привлекательности инфлюенсера;
- оценить влияние рекламной маркировки и раскрытия спонсорства на реакцию аудитории;
- сформулировать практические выводы для брендов и специалистов по рекламе и PR.

Теоретические основы исследования

Инфлюенс-маркетинг основан на предположении, что сообщение, переданное через лидера мнений, может восприниматься аудиторией как более доверительное, чем прямая реклама бренда. В этом смысле инфлюенсер выступает не только как рекламный носитель, он становится коммуникатором, который влияет на восприятие бренда через собственную репутацию, стиль общения и отношения с подписчиками.

Ключевым понятием здесь является доверие. В англоязычных исследованиях часто используется термин source credibility. Он означает, насколько аудитория воспринимает инфлюенсера как компетентного, честного и заслуживающего доверия. В метаанализе Barari, Eisend и Jain показано, что социальные медиа-инфлюенсеры влияют на вовлечённость и намерение покупки не только напрямую. Их влияние проходит через доверие к источнику и воспринимаемую привлекательность, которые затем воздействуют на отношение к рекламе и бренду [1].

Вторым важным понятием является аутентичность инфлюенсера. В англоязычной литературе используется термин authenticity. Для аудитории важно, чтобы инфлюенсер не выглядел случайным рекламным посредником, который сегодня продвигает один продукт, а завтра другой, никак с ним не связанный. В исследовании Robert Zniva, Wolfgang J. Weitzl и Christina Lindmoser “Be constantly different! How to manage influencer authenticity” показано, что уникальность и последовательность инфлюенсера усиливают восприятие его аутентичности, а сама аутентичность влияет на намерение покупки

через аутентичность бренда и отношение к бренду [8].

Третья особенность связана с теорией осознания рекламного воздействия. В зарубежных исследованиях она часто обозначается как Persuasion Knowledge Model. Смысл этой теории в том, что потребитель может начать воспринимать сообщение более критично, если понимает его рекламный или коммерческий характер. Это особенно важно для нативной рекламы и интеграций у блогеров, где рекламное сообщение встроено в обычный контент автора. В метаанализе Xia Liu и Hong Zhao "A meta-analysis of the effects of sponsorship disclosure in influencer marketing" показано, что раскрытие спонсорства повышает осознание рекламного воздействия и запоминаемость бренда, но снижает доверие к источнику [4].

Для PR особенно важно, что инфлюенсерская коммуникация связана с отношениями и репутацией. В отличие от классической рекламы, которая прямо сообщает о преимуществах товара или услуги, инфлюенсерская коммуникация часто действует мягче, через доверие, социальную близость, постоянный контакт и эффект рекомендации. Поэтому инфлюенс-маркетинг можно рассматривать как гибридный инструмент, где результата достигается во многом через механизмы PR, доверие, репутацию и отношения с аудиторией.

Методология исследования

В статье используется метод метааналитического обзора. Это означает, что работа не пересчитывает исходные коэффициенты из первичных исследований, а обобщает результаты уже опубликованных метаанализов, систематических обзоров и эмпирических работ по теме инфлюенс-маркетинга. Такой подход помогает увидеть общие закономерности и сопоставить выводы разных авторов. Поиск источников проводился по базе SpringerLink. В качестве ключевых слов использовались следующие запросы: influencer marketing, social media influencers, advertising disclosure, sponsorship disclosure, brand attitude, purchase intention, credibility, authenticity, public relations, digital marketing. В тексте статьи эти понятия переводятся на русский язык: инфлюенс-маркетинг, социальные медиа-инфлюенсеры, рекламная маркировка, раскрытие спонсорства, отношение к бренду, намерение покупки, доверие к источнику, аутентичность, связи с общественностью и цифровой маркетинг.

В основу отбора источников были положены несколько критериев. Во-первых, публикация должна быть связана с инфлюенс-маркетингом, рекламой, PR или цифровыми коммуникациями. Во-вторых, в статье должны рассматриваться показатели эффективности: вовлечённость, отношение к бренду, доверие, намерение покупки или распознавание рекламы. В-третьих, приоритет отдавался метаанализам, систематическим обзорам и эмпирическим исследованиям. В-четвёртых, использовались публикации не старше 2021 года, поскольку инфлюенс-маркетинг быстро меняется вместе с социальными сетями, алгоритмами и поведением аудитории.

При описании методологии учитывалась логика PRISMA. Это подход, который применяется для повышения прозрачности систематических обзоров и метаанализов. PRISMA помогает авторам в полной мере описывать, зачем проводился обзор, какие методы использовались и какие результаты были получены. Для этой статьи такая логика важна прежде всего как ориентир, она помогает сделать обзор не случайным набором источников, а последовательным анализом современных исследований по теме инфлюенс-маркетинга [6].

Результаты метааналитического обзора

Перед анализом результатов важно пояснить несколько терминов, которые встречаются в метааналитических исследованиях. Размер эффекта – это статисти-

ческий показатель, который позволяет сравнивать результаты разных научных работ между собой. Общий размер выборки показывает, сколько участников вошло в анализ. В метаанализе Meizhi Pan, Markus Blut, Arezou Ghiassaleh и Zach W. Y. Lee “Influencer marketing effectiveness: A meta-analytic review” авторы прямо указывают, что их работа объединяет 1 531 размер эффекта из 251 научной работы, чтобы оценить факторы эффективности инфлюенс-маркетинга.

Также важно пояснить основные содержательные термины. Доверие к источнику означает, насколько аудитория считает инфлюенсера честным, компетентным и заслуживающим доверия. Соответствие инфлюенсера бренду показывает, насколько образ автора, его стиль и аудитория подходят продвигаемому продукту. Поведенческая вовлечённость включает лайки, комментарии, репосты, переходы и другие реакции на публикацию. Намерение покупки означает готовность потребителя купить продукт. Рекламная маркировка является обозначением того, что публикация имеет коммерческий характер. Осознание рекламного воздействия возникает тогда, когда потребитель понимает, что сообщение направлено на убеждение и продвижение бренда [5].

Инфлюенс-маркетинг оказывает измеримое влияние на потребительские реакции

В статье Meizhi Pan, Markus Blut, Arezou Ghiassaleh и Zach W. Y. Lee “Influencer marketing effectiveness: A meta-analytic review” авторы обобщили большой массив исследований по инфлюенс-маркетингу. Работа включает 1 531 размер эффекта из 251 научной публикации, поэтому её можно использовать как одну из основных опор для оценки эффективности инфлюенсерских коммуникаций [5].

Важно, что авторы рассматривают эффективность не только через продажи. В центре внимания находятся разные результаты: отношение к бренду и рекламе, вовлечённость, намерение покупки, покупательское поведение и другие реакции потребителей. Для рекламы и PR это особенно существенно, потому что коммуникационный эффект не всегда сразу выражается в покупке. Иногда сначала появляется доверие, затем меняется отношение к бренду, и только потом потребитель совершает действие.

Близкий вывод представлен в статье Mojtaba Moji Barari, Martin Eisend и Shailendra Pratap Jain “A meta-analysis of the effectiveness of social media influencers: Mechanisms and moderation”. Авторы показывают, что социальные медиа-инфлюенсеры значимо влияют и на вовлечённость, и на намерение покупки. Более того, они могут быть эффективнее брендовых публикаций, виртуальных инфлюенсеров и знаменитостей, но преимущество зависит от конкретной задачи кампании [1]. Примечательно, что в этой логике инфлюенсер работает не просто как «источник охвата». Его основная сила связана с тем, что сообщение воспринимается как более личное и заслуживающее доверия. И уже через это доверие может формироваться отношение к бренду, вовлечённость и покупательское намерение.

Доверие к инфлюенсеру является одним из главных факторов эффективности

В метаанализе Pan, Blut, Ghiassaleh и Lee доверие к источнику рассматривается как один из ключевых факторов эффективности инфлюенс-маркетинга. Авторы показывают, что воспринимаемое доверие к инфлюенсеру связано с отношением к бренду, поведенческой вовлечённостью, намерением покупки и покупательским поведением. То есть доверие работает не как дополнительный бонус, а как один из центральных механизмов влияния [5]. Это можно объяснить довольно просто. Аудитория оценивает не только сам товар и не только рекламный текст, она оценивает человека, который говорит о бренде. Если инфлюенсер кажется компетентным, честным и близким по ценностям, его ре-

комендация воспринимается лояльнее, чем прямая реклама от компании.

Barari, Eisend и Jain приходят к похожему выводу, но через анализ механизма влияния. Они показывают, что инфлюенсеры усиливают вовлечённость и намерение покупки не только напрямую, но и через доверие, привлекательность, отношение к рекламе и отношение к бренду. То есть сначала аудитория принимает источник, затем лучше воспринимает сообщение, и уже после этого может сформироваться покупательский интерес [1].

Для PR это особенно важно. Инфлюенсер в такой коммуникации работает не просто как рекламная площадка, он становится носителем доверия. Если доверия нет, большое количество подписчиков само по себе не гарантирует результата.

Аутентичность и соответствие инфлюенсера бренду усиливают эффект коммуникации

Ещё один важный фактор – это соответствие инфлюенсера бренду. В метаанализе Pan, Blut, Ghiassaleh и Lee этот показатель рассматривается среди факторов, которые помогают объяснить эффективность инфлюенс-маркетинга. Проще говоря, если продукт органично вписывается в образ инфлюенсера, аудитория обычно воспринимает интеграцию спокойнее и лучше [5]. На первый взгляд может казаться, что главное подобрать блогера с подходящей аудиторией, но этого мало. Важно, чтобы бренд не выглядел случайным элементом в контенте автора. Например, если инфлюенсер обычно говорит о спорте, питании и здоровом образе жизни, реклама спортивного питания будет восприниматься естественнее, чем продвижение продукта, никак не связанного с его образом.

Эту мысль дополняет исследование Robert Zniva, Wolfgang J. Weitzl и Christina Lindmoser “Be constantly different! How to manage influencer authenticity”. Авторы показывают, что на восприятие аутентичности влияют уникальность и последовательность инфлюенсера. Если автор сохраняет узнаваемый стиль и не противоречит собственному образу, аудитория воспринимает его как более «настоящего» [7].

Для рекламы это означает, что интеграция должна быть не просто заметной, а естественной. Для PR это ещё важнее, аутентичность инфлюенсера может переноситься на бренд и усиливать доверие к нему.

Размер аудитории работает неоднозначно

В практике часто считают, что чем больше подписчиков, тем эффективнее инфлюенсер, однако исследование Barari, Eisend и Jain показывает, что всё не так просто. Малые и средние инфлюенсеры лучше работают на вовлечённость, а крупные инфлюенсеры сильнее влияют на намерение покупки [1]. У небольших инфлюенсеров часто сохраняется более тесный контакт с аудиторией. Подписчики чаще воспринимают их как «своих», активнее реагируют на публикации, комментируют и обсуждают контент. Крупные инфлюенсеры, напротив, дают более широкий охват и могут сильнее влиять на массовое восприятие бренда.

В том же исследовании показано, что социальные медиа-инфлюенсеры эффективнее знаменитостей по вовлечённости, но не имеют такого же явного преимущества по конверсии. Также они превосходят цифровых инфлюенсеров по влиянию на покупательское намерение, но не обязательно по вовлечённости. Это важная деталь, разные типы лидеров мнений решают разные коммуникационные задачи [1].

Практический вывод здесь достаточно простой. Если цель кампании обсуждение и живой контакт, стоит рассматривать микро- и средних инфлюенсеров. Если цель – узнаваемость и покупательское намерение, крупные инфлюенсеры могут быть более подходящими.

Рекламная маркировка не всегда снижает эффективность

Рекламная маркировка, один из самых спорных факторов инфлюенс-маркетинга. В статье Xia Liu и Hong Zhao "A meta-analysis of the effects of sponsorship disclosure in influencer marketing" авторы обобщили 288 размеров эффекта из 37 исследований с общей выборкой 12 721 участник. Они показали неоднозначный результат. Маркировка повышает осознание рекламного воздействия и запоминаемость бренда, но может снижать доверие к источнику, при этом общий эффект маркировки на отношение к бренду и поведенческие реакции оказался незначительным [4]. Это не значит, что маркировка сама по себе вредна, скорее она делает коммуникацию более прозрачной, но одновременно напоминает аудитории, что перед ней реклама. А когда человек понимает, что его пытаются убедить, он начинает воспринимать коммуникацию критичнее.

Похожие выводы есть у Pan, Blut, Ghiassaleh и Lee. Их метаанализ показывает, что эффективность инфлюенс-маркетинга зависит от множества факторов: характеристик инфлюенсера, сообщения, аудитории и условий коммуникации. Поэтому рекламную маркировку нельзя рассматривать изолированно, без учёта того, как она встроена в публикацию и насколько сама интеграция выглядит органичной [5]. Проблема не в самой маркировке. Проблема в том, как она меняет восприятие мотива инфлюенсера. Если публикация выглядит как грубая коммерческая вставка, аудитория может отреагировать скептически, если же автор честно обозначает рекламный характер публикации, но делает это в своём стиле и через личный опыт, эффект может быть «мягче».

Стратегия раскрытия рекламы влияет на вовлечённость

Статья Zofia Saternus, Cristina Mihale-Wilson и Oliver Hinz "Influencer marketing on Instagram-The optimal disclosure strategy from influencers' and marketers' perspectives" показывает, что важен не только сам факт рекламной маркировки, но и её форма. Авторы сравнили четыре стратегии раскрытия рекламы в Instagram[1]: явное раскрытие рекламы, «скрывающее» раскрытие, нейтральное раскрытие и отсутствие раскрытия [7]. В одном из полевых экспериментов лучший уровень вовлечённости показала публикация с явным раскрытием спонсорства, где ER составил 9,78 %. Для сравнения, публикация без раскрытия рекламы получила ER 5,73 %. Эти цифры важны, потому что они опровергают простую мысль, будто любая рекламная маркировка автоматически снижает реакции аудитории [7].

На первый взгляд результат неожиданный, но в нём есть логика, прозрачность может работать в пользу доверия, особенно если сама интеграция выглядит естественно. Аудитория не всегда негативно реагирует на рекламу как таковую. Чаще её раздражает не реклама, а ощущение обмана или неискренности. Для рекламы и PR это означает, что раскрытие спонсорства нужно воспринимать не как формальную обязанность, а как часть коммуникационной стратегии. Хорошо встроенная маркировка может не разрушить доверие, а наоборот поддержать его.

Выводы

Рассмотренные исследования показывают, что эффективность инфлюенс-маркетинга зависит не только от охвата, не только от количества подписчиков и не только от реакций на публикацию. Инфлюенсерская коммуникация работает сложнее, где на результат влияет сочетание доверия к автору, соответствия ин-

[1] Запрещены в РФ; принадлежит корпорации Meta, которая признана в РФ экстремистской.

флюенсера бренду, аутентичности, формы коммуникации, размера аудитории и способа раскрытия рекламного характера публикации.

Наиболее устойчивым фактором выступает доверие к инфлюенсеру. Если аудитория считает автора компетентным, честным и близким по ценностям, рекламное сообщение воспринимается убедительнее. В этом случае инфлюенсер фактически становится посредником доверия между брендом и потребителем. Для рекламы это повышает вероятность положительной реакции на сообщение, а для PR создаёт более мягкий и репутационно безопасный формат коммуникации. Второй важный фактор – соответствие инфлюенсера бренду. Когда продукт органично вписывается в контент, аудитория легче принимает интеграцию и реже воспринимает её как случайную коммерческую вставку.

Отдельно важно учитывать размер аудитории. Крупные инфлюенсеры могут быть полезны для повышения узнаваемости и формирования намерения покупки, но микро- и средние инфлюенсеры часто лучше подходят для вовлечённости, обсуждений и более близкого контакта с подписчиками. Поэтому выбор автора должен зависеть от цели кампании. Если бренду нужен широкий охват, логично рассматривать крупных инфлюенсеров. Если задача вызвать обсуждение, получить комментарии и живую реакцию, более эффективными могут оказаться небольшие авторы с устойчивым контактом с аудиторией.

Рекламная маркировка работает сложнее, чем может показаться. Она усиливает осознание рекламного воздействия, но сама по себе не обязательно снижает эффективность. Многое зависит от формы подачи, стиля инфлюенсера и того, насколько естественно бренд встроен в публикацию. Если маркировка выглядит грубо и разрушает привычный стиль автора, аудитория может отреагировать скептически, но, если раскрытие рекламы сделано честно и органично, оно может поддерживать доверие, а не разрушать его.

В практическом плане это означает, что бренд должен выбирать инфлюенсера не только по количеству подписчиков. Важнее сочетание доверия, аутентичности, смыслового соответствия бренду и способности честно, но органично встроить рекламное сообщение в привычный контент автора. Инфлюенс-маркетинг стоит рассматривать не как разовую покупку размещения, а как коммуникационную стратегию, где результат зависит от качества отношений между брендом, инфлюенсером и аудиторией.

Библиографический список

1. Barari M. M., Eisend M., Jain S. P. A meta-analysis of the effectiveness of social media influencers: Mechanisms and moderation // Journal of the Academy of Marketing Science. – 2026. – Vol. 54. – P. 28–48. – DOI: 10.1007/s11747-025-01107-3.
2. Leung F. F., Gu F. F., Palmatier R. W. Online influencer marketing // Journal of the Academy of Marketing Science. – 2022. – Vol. 50. – P. 226–251. – DOI: 10.1007/s11747-021-00829-4.
3. Libai B., Babić Rosario A., Beichert M. [и др.]. Influencer marketing unlocked: Understanding the value chains driving the creator economy // Journal of the Academy of Marketing Science. – 2025. – Vol. 53. – P. 4–28. – DOI: 10.1007/s11747-024-01073-2.
4. Liu X., Zhao H. A meta-analysis of the effects of sponsorship disclosure in influencer marketing // Marketing Letters. – 2025. – Vol. 36. – P. 519–532. – DOI: 10.1007/s11002-024-09757-z.
5. Pan M., Blut M., Ghiassaleh A., Lee Z. W. Y. Influencer marketing effectiveness: A meta-analytic review // Journal of the Academy of Marketing Science. – 2025. – Vol. 53. – P. 52–78. – DOI: 10.1007/s11747-024-01052-7.
6. Page M. J., McKenzie J. E., Bossuyt P. M. [и др.]. The PRISMA 2020 statement: an updated guideline for reporting systematic reviews // BMJ. – 2021. – Vol. 372. – Article n71. – DOI: 10.1136/bmj.n71.
7. Saternus Z., Mihale-Wilson C., Hinz O. Influencer marketing on Instagram – The optimal disclosure strategy from influencers' and marketers' perspectives // Electronic Markets. – 2024. – Vol. 34. – Article number 60. – DOI: 10.1007/s12525-024-00743-x.

8. Zniva R., Weitzl W. J., Lindmoser C. Be constantly different! How to manage influencer authenticity // Electronic Commerce Research. – 2023. – Vol. 23. – P. 1485–1514. – DOI: 10.1007/s10660-022-09653-6.

© Миронов О. С., 2026

УДК 659.1

ЭТАПЫ РАЗРАБОТКИ КОММУНИКАЦИОННОЙ КАМПАНИИ В ЦИФРОВЫХ МЕДИА

EDN MLBPPW

Н. В. Несмеянова *Магистрант, e-mail: natanesmeyanova@yandex.ru, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия*

STAGES OF DEVELOPING A COMMUNICATION CAMPAIGN IN DIGITAL MEDIA

N. V. Nesmeyanova *Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia*

Abstract. The relevance of the study is due to the active integration of various tools into the development of a communication campaign and significant changes in the market. In today's reality, a successful business or personal brand cannot do without proper preparation, market analysis, and the selection of appropriate tools that align with the goals and objectives of a communication campaign. The article examines the tools and performance indicators used to track the success of a campaign, as well as current trends and features of promotion in today's environment.

Keywords: communication campaign; KPI; AI; communication promotion strategy.

В мире социальных медиа к 2025–2026 годам сложилась новая система понимания. SMM принципиально изменил свою концепцию и превратился из публикаций контента в целостную коммуникационную систему с данными и приоритетом доверия. Цель данной работы – рассмотреть этапы разработки современной коммуникационной кампании, учитывающей изменение потребительского поведения, перегруженность потоком информации, высокой конкуренцией за внимание потребителя, сложность платформ размещения контента и другие особенности.

Прежде всего важен изменившийся за последние 2 года контекст исследования, и при разработке коммуникационной кампании бренда в социальных сетях следует его учитывать. Фундаментальные изменения коснулись:

1. Аудитории. Парадокс вызван тем, что с одной стороны никогда раньше не было такого разнообразия инструментов для продвижения и коммуникации с потребителем, с другой стороны аудитория не была раньше так закрыта и защищена от рекламного воздействия. «Рекламная усталость» – термин, говорящий о раздражении потребителя при рекламном взаимодействии. При неконтролируемом потоке информации, который ежедневно вынужден перерабатывать потребитель, растёт раздражение от повторяющихся рекламных сообщений, агрессивной политики некоторых брендов, призывающих к прямой покупке, целевому действию. Как следствие человек сознательно отписывается от рассылок, игнорирует рекламные баннеры, растут негативные ассоциации с брендами, использующими шаблонные форматы рекламы. Особенно остро «рекламная усталость» проявляется в социальных сетях, где потребитель ищет полезный контент, общение, развлечение, а сталкивается с продающим контентом. По данным исследований выявлено, что при концентрации рекламных сообщений в ленте выше 20 %, рост вовлечённости падает и растёт число отписок.

2. Кризис доверия. Аудитория больше не доверяет идеальной картинке и становится избирательной к контенту. Бренды, которые честно говорят о своих проблемах, признают свою уязвимость и несовершенство, делятся неудачами и поиском решений по преодолению неурядиц, выигрывают конкуренцию. После долгих лет трансляции образа идеального лица, модельной фигуры, люксовых интерьеров в рекламе сформировался образ «стерильности» как безликости. Пользователь больше не доверяет таким компаниям. Наоборот, в тренде готовность признать ошибки, юмор, «живой» язык. Аудитория проявляет больше лояльности к таким компаниям. По результатам исследований агентства КРОС и Brand Analytics, изучавших российский рынок SMM за 2024–2025 годы, компании, сознательно отказавшиеся от шаблонной рекламы, использующие UGC-контент, откровенность с пользователями, увеличили рост вовлечённости на 40–60 %. Компании, использующие в разработке коммуникационных стратегий «человеческий бренд», делают ставку на аутентичность и строят работу на принципах открытости к диалогу, признании ограничений, прозрачности и последовательности.

3. Тренд последних 2-х лет – переход от охватов к лояльности. Количество подписчиков перестало быть основной метрикой успеха. Фокус внимания сместился на вовлечённость, узнаваемость, растёт потребность в качественном контакте с потребителем.

4. Медиаполе проходит трансформацию. Меняются алгоритмы платформ, на смену одним площадкам приходят другие. Соответственно бренды тоже реагируют на изменения и формируют сообщества лояльных пользователей на разных социальных площадках.

5. Омниканальность – ещё один тренд, когда каналы коммуникации работают не сами по себе, а синхронизированы между собой и объединены единой системой. При этом создаётся непрерывный опыт взаимодействия компании и клиента.

6. Искусственный интеллект. ИИ уже задействован во многих сферах жизни человека. В коммуникациях ИИ используется в генерации текстов и идей, в аналитике, в адаптации контента под чат-боты.

При построении коммуникационной стратегии необходимо учитывать фундаментальные изменения – структурную трансформацию в коммуникации брендов и аудитории. Те компании, которые признают перемены и используют их в своей работе, общаются с клиентами открыто, формируют лояльную вовлечённую аудиторию, обладают конкурентным преимуществом. Учитывая существующие перемены в медиаполе, разработка коммуникационной кампании строится на следующих этапах:

1. Аудит и аналитика. Прежде всего анализируется реальное позиционирование бренда. Проводится мониторинг на предмет наличия шаблонного контента (текстового, визуального). Анализ целевой аудитории проводится с учётом того, какие форматы та отвергает, как аудитория фильтрует поток информации и какие триггеры отторжения характерны для целевой аудитории. Следует учитывать и снижение концентрации внимания потребителя к контенту из-за перегруженности информационным потоком, и поведенческий паттерн у аудитории. Современный анализ, который базируется на классических подходах в разработке стратегии, и учёт всех перечисленных деталей даст возможность создать креатив, который в большей степени вызовет отклик целевой аудитории.

2. Постановка целей и определение KPI. Классический подход с постановками целей по типу SMART корректируется в направлении бизнес-метрик. Акцент делается на показатели, влияющие на стоимость привлечения клиента (CAC), вовлечённость (ER), показатель удержания аудитории, LTV клиента. Измеримость показателей направлена не только на ко-

личество, но и на качество взаимодействия с аудиторией: позитивные и негативные отзывы, качество и скорость ответов на комментарии пользователей.

3. Разработка коммуникационной стратегии и тональность коммуникаций (Tone of voice). Сегодня особое внимание уделяется тону общения. Потребитель ценит доверительное общение, умение компаний признать ошибки, открытость. Соответственно и тексты не должны быть обезличены, в сообщениях приветствуется понятный, уважительный тон. Контент, который публикует бренд, предусматривает экспертность, понятный аудитории юмор, мемы – без прямого призыва к покупкам и навязчивого контента.

4. Выбор каналов и форматов коммуникации. Современная коммуникационная кампания предполагает работу на нескольких площадках (мультиканальность) и создание единой экосистемы. Бренд присутствует на двух-трёх платформах и создаёт контент, адаптированный под особенности каждой из площадок. Это экспертные посты для Телеграм канала, лонгриды для Яндекс.Дзен, короткие вертикальные видео, набирающие обороты в 2026 году в Вк. Вертикальный видеоконтент на 15–20 секунд становится очень популярным форматом и привлекает пользователей. Блогерство, как инструмент коммуникационной кампании, также претерпевает изменения. Вместо блогеров-миллионников брендам стало эффективнее работать с микро- и нано- блогерами, которые транслируют экспертный контент и повышают лояльность аудитории. Такие коллаборации с блогерами увеличивают ROI.

5. Планирование и реализация. Контент план сегодня – это гибкое расписание, в которое вносят правки и корректируют при необходимости, учитывая данные аналитики, мониторинга и обратную связь с аудиторией в процессе коммуникационной кампании. Контент активнее вовлекает аудиторию с помощью опросов, обратной связи, тестов. Это помогает удержать внимание пользователей. Новым обязательным пунктом стало проектирование AI дружественной архитектуры контента. Пользователь взаимодействует с информацией посредством: голосового поиска, чат-ботов в мессенджерах, генеративных ответов по запросу – AI ассистентов. Если контент не структурирован для анализа ИИ, он непонятен и соответственно невидим для потребителя. Поэтому важно определить: как будет извлекаться информация из текста AI ассистентом, есть ли в тексте чёткие ответы на ключевые вопросы. Интеграция AI имеет огромное значение для стратегии коммуникационной кампании, так как AI – не только инструмент автоматизации, а, трансформируя процесс распространения информации, становится посредником между аудиторией и брендом.

6. Оценка эффективности. При реализации современной коммуникационной кампании контроль становится постоянным. Коммуникационная кампания требует непрерывного мониторинга и динамической коррекции. Реакция аудитории, которая даёт обратную связь на пост в течение часа после публикации, алгоритмическая связь платформ, анализирующая контент непрерывно, волатильность коммуникационной среды, которая полна репутационных рисков для бренда – всё требует непрерывного контроля с целью влиять на процесс и принимать оперативные решения. Для комплексной аналитики используются единые дашборды. Они собирают данные статистики социальных сетей, основные показатели эффективности KPI. Для социальных сетей ключевыми показателями эффективности являются: прирост фолловеров и ER, для PR – медиаиндекс. Важной репутационной метрикой становится отслеживание AI ассистентами тональности сообщений о бренде. Системы Медиалогия, Brand Analytics, You Scan, использующие ИИ, позволяют отследить медийную активность,

публикации и тональность сообщений в кратчайшие сроки. Это помогает оптимизировать работу с аудиторией.

Заключение

Разработка современной коммуникационной кампании – это сложный динамический процесс, требующий постоянного мониторинга и анализа различных данных для генерации оптимального контента, выстраивания экосистемы с лояльной и вовлечённой аудиторией, подбора эффективных инструментов коммуникации, внедрения AI ассистентов в процессы и контроль на всех этапах кампании. Бренд, который учитывает в работе эти тренды, выстраивает диалог «на равных» со своей аудиторией, получит конкурентное преимущество.

Библиографический список

1. Аржанова К. А. Современные коммуникационные кампании: монография / К. А. Аржанова, А. М. Четвериков, И. Д. Языканов [и др.] ; под редакцией К. А. Аржановой. – Москва: Русайнс, 2024. – 336 с. – ISBN 978-5-466-08286-9.
2. Илли Р. Эстетика как код бренда. Привлекайте клиентов совершенным бизнес-продуктом / Риккардо Илли. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2023. – 224 с.
3. Кравченко Л. А. Актуальные и эффективные инструменты продвижения в современной России / Л. А. Кравченко // Финансовый бизнес. – 2023.
4. Марочкина С. С. Планирование и реализация коммуникационных кампаний и мероприятий: учебное пособие для студентов направления подготовки 42.03.01 и 42.04.01 «Реклама и связи с общественностью» / С. С. Марочкина, И. Б. Шуванов, Е. В. Щетинина; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Сочинский государственный университет. – Москва: ФЛИНТА, 2022. – 65, [1] с. – ISBN 978-5-9765-4920-3.
5. Самсонова Е. В. Особенности продвижения бизнеса в социальных сетях / Е. В. Самсонова // Академическая публицистика. – 2023.
6. Чумиков А. Н. Коммуникационные кампании: учебное пособие для студентов вузов / А. Н. Чумиков. – Москва: Аспект Пресс, 2014. – 160 с. – (Современные технологии PR. Мастер-класс А. Н. Чумикова; кн. 4). – ISBN 978-5-7567-0749-6.
7. Яблонских А. В. Влияние искусственного интеллекта на работу специалистов по коммуникациям / А. В. Яблонских // Социально-гуманитарное обозрение. – 2024. – № 1. – С. 22–27.

© Несмеянова Н. В., 2026

УДК 80

НАВЫКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ФАКТОР КАЧЕСТВА ОБСЛУЖИВАНИЯ И УДОВЛЕТВОРЁННОСТИ КЛИЕНТОВ В ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА

EDN MOIRZN

А. В. Рокотянская *Студентка,*
ORCID 0009-0007-6473-4192,
e-mail: alinattrr@yandex.ru,
О. В. Щербинина *старший преподаватель,*
e-mail: o.scherbinina@inbox.ru,
Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Россия

ENGLISH LANGUAGE SKILLS AS A FACTOR DETERMINING SERVICE QUALITY AND CUSTOMER SATISFACTION IN THE TOURISM INDUSTRY

A. V. Rokotyanskaya *Student,*
O. V. Sherbinina *Senior Lecturer,*
North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia

Abstract. The article examines the influence of English language skills on service quality and customer satisfaction in the tourism industry. English is considered a key tool of professional communication in hospitality, excursion services, and international tourism. The study shows that language competence improves communication, customer trust, and the competitiveness of tourism enterprises. The article also discusses problems of language training and prospects for improving professional education.

Keywords: English language; tourism industry; service quality; customer satisfaction; hospitality; intercultural communication.

В XXI веке индустрия туризма стала одной из наиболее динамичных сфер мировой экономики. Рост международного туризма и развитие цифровых технологий усилили значение качества обслуживания клиентов. Уровень сервиса во многом определяет впечатление туриста о стране, гостинице или туристической организации [1, с. 1337].

Английский язык является ключевым инструментом взаимодействия с клиентами в туристической отрасли, влияя на качество обслуживания и удовлетворённость клиентов [4, p. 86]. Его владение позволяет сотрудникам корректно интерпретировать потребности туристов, формировать доверительные отношения и минимизировать недопонимания, которые могут возникать в многоязычной среде.

Владение английским повышает доверие клиентов и снижает коммуникативные барьеры, способствуя формированию положительного опыта [2, p. 5]. Туристы ощущают психологический комфорт, возможность задавать вопросы и получать оперативные ответы, что напрямую повышает их удовлетворённость и лояльность к организации.

В условиях глобализации и высокой конкуренции туристические предприятия вынуждены повышать языковую компетентность сотрудников для укрепления репутации [6, с. 34]. Компании, чьи сотрудники владеют английским языком на высоком уровне, получают конкурентное преимущество на международном рынке и возможность расширять клиентскую базу. Качество обслуживания определяется профессионализмом персонала, скоро-

стью реагирования и умением учитывать индивидуальные запросы клиентов [5, с. 1340]. Знание английского языка помогает быстро и эффективно решать возникающие вопросы, предотвращать конфликты и создавать индивидуализированный подход к каждому клиенту.

Коммуникативные навыки персонала становятся критически важными для восприятия нематериальных услуг туристами [4, p. 88]. Уровень языковой подготовки влияет на восприятие информации, объяснение правил обслуживания и создание комфортной атмосферы, что формирует общий туристический опыт.

Английский язык позволяет обеспечивать межкультурное взаимодействие, необходимое для обслуживания международных туристов [3, p. 30]. Сотрудники должны учитывать культурные различия, понимать ожидания клиентов и адаптировать коммуникацию под различные национальные стандарты.

Клиенты положительно оценивают персонал, способный свободно общаться на английском языке, что повышает уровень лояльности [7, p. 142]. Доверие к компании формируется не только через качество услуг, но и через качество коммуникации и возможность четко получать ответы на свои запросы.

Эмоциональная составляющая взаимодействия - уверенность, грамотная речь - усиливает восприятие профессионализма и качества сервиса [5, p. 7]. Сотрудники, владеющие английским языком, демонстрируют уверенность, что повышает общий уровень удовлетворённости клиентов и укрепляет имидж компании.

Также, владение английским языком снижает количество конфликтов и позволяет быстро разрешать возникающие проблемы с бронированием, размещением и экскурсиями [6, p. 33]. Своевременная и понятная коммуникация предотвращает негативные отзывы и формирует позитивные впечатления у туристов.

В гостиничном бизнесе английский язык особенно важен при первичном контакте с клиентом, регистрации и предоставлении информации об услугах [4, p. 90]. Ошибки или недопонимания на этом этапе могут повлиять на общее впечатление о сервисе, поэтому грамотная коммуникация критически важна.

Цифровые платформы и системы онлайн-бронирования требуют грамотной коммуникации на английском языке для эффективного взаимодействия с клиентами [3, p. 34]. Это позволяет минимизировать ошибки при бронировании и оперативно реагировать на вопросы туристов.

Психологический комфорт клиентов напрямую связан с уровнем владения персоналом английским языком, что снижает тревожность туристов [2, p. 9]. Клиенты чувствуют себя безопасно и уверенно, когда их потребности корректно и своевременно понимаются сотрудниками.

Языковая компетентность сотрудников повышает персонализацию сервиса, учитывая индивидуальные предпочтения туристов и создавая положительный клиентский опыт [5, p. 11]. Персонализированный подход увеличивает вероятность повторного обращения и положительных рекомендаций.

Практико-ориентированное обучение, ролевые игры и цифровые тренажёры развивают коммуникативные навыки сотрудников [3, с. 187; 4, p. 92]. Это формирует готовность персонала к реальным ситуациям и повышает уверенность при общении с иностранными клиентами.

Развитие межкультурной компетентности и эмоционального интеллекта сотрудников критично для формирования доверия и положительной атмосферы [6, p. 32]. Умение учитывать культурные различия и эмоциональные состояния туристов помогает поддерживать высокий уровень сервиса. Профессиональная подготовка должна интегрировать изучение английского языка с навыками стрессоустойчивости и клиентоориентированности [3, с. 188]. Это обеспечивает комплексный подход к развитию сотрудников и повышает качество обслуживания.

Международные сети инвестируют в языковое обучение персонала, включая тренинги деловой коммуникации и разрешение конфликтов [2, p. 14]. Это позволяет поддерживать стандарты сервиса на международном уровне и развивать профессиональные компетенции сотрудников.

Английский язык необходим для взаимодействия с международными партнёрами, обмена опытом и участия в профессиональных программах [4, p. 92]. Сотрудники получают возможность интегрироваться в глобальное профессиональное сообщество и обмениваться лучшими практиками.

Использование английского языка в цифровом маркетинге позволяет привлекать англоязычную аудиторию и улучшать международный имидж организации [3, с. 188]. Грамотное оформление контента и коммуникация на платформе повышают узнаваемость бренда и доверие клиентов.

Навыки английского языка рассматриваются как стратегический ресурс, повышающий конкурентоспособность туристических организаций и качество обслуживания [5, p. 10; 7, p. 150]. Компании, которые вкладываются в языковое и межкультурное обучение персонала, получают долгосрочные преимущества на рынке и укрепляют лояльность клиентов.

Библиографический список

1. Домов Р. Г. Проблема качества обслуживания на этапе преддоговорной работы туристских организаций с клиентами // Креативная экономика. 2019. Т. 13, № 7. С. 1335–1346.
2. Донскова Л. И., Базарова М. Е., Макаров А. А., Мягкова Е. В. Клиентоориентированное обслуживание как стратегический приоритет в деятельности организации санаторно-курортного типа // Наука и туризм: стратегии взаимодействия. 2019. № 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klientoorientirovannoe-obsluzhivanie-kak-strategicheskiy-prioritet-v-deyatelnosti-organizatsii-sanatorno-kurortnogo-tipa (дата обращения: 18.05.2026).
3. Тельманова А. С., Осипова С. М., Тельманова Е. А. Adaptation of Tourism Services and Accessibility of Information in a Foreign Language as a Factor of International Tourism Development // Economy and Business: Theory and Practice. 2025. № 2-2. С. 185–189. DOI: 10.24412/2411-0450-2025-2-2-185-189. URL: https://journals.rcsi.science/2411-0450/article/view/386007 (дата обращения: 18.05.2026).
4. Bobanovic M., Grzinic J. The importance of English language skills in the tourism sector: A comparative study of students/employees perceptions in Croatia // Almatourism – Journal of Tourism, Culture and Territorial Development. 2011. Vol. 2, № 4. P. 84–93.
5. Čuić Tanković A., Vitezić V., Kraljić V. Employee communication and soft skills influencing tourists' satisfaction // European Journal of Tourism Research. 2023. Vol. 34. Article 3410. DOI: 10.54055/ejtr.v34i.2967. URL: https://ejtr.vumk.eu/index.php/about/article/view/2967 (дата обращения: 18.05.2026).
6. Miguel B. Effects of Cultural Diversity and Intercultural Communication on the Quality of Service and Customer Satisfaction in Hospitality and Tourism Settings in Brazil // International Journal of Modern Hospitality and Tourism. 2024. Vol. 4, № 1. P. 26–37. DOI: 10.47604/ijmht.2377. URL: https://iprjb.org/journals/index.php/IJMHT/article/view/2377 (дата обращения: 18.05.2026).
7. Radojevic T., Stanisic N., Stanic N. Inside the Rating Scores: A Multilevel Analysis of the Factors Influencing Customer Satisfaction in the Hotel Industry // Cornell Hospitality Quarterly. 2017. Vol. 58, № 2. P. 134–164.

© Рокотянская А. В., Щербинина О. В., 2026

УДК 338

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВЫГОРАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ: ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ, ПРОФИЛАКТИКА

EDN OATVGK

Е. В. Терелецкова *Кандидат, социологических наук, доцент, ORCID 0000-0002-6687-7601, e-mail: tere-letskova@mail.ru,*

П. А. Селезнёва *студентка, e-mail: seleznevapolina249@xmail.ru, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

PSYCHOLOGICAL BURNOUT OF AN ENTREPRENEUR: CAUSES, CONSEQUENCES, AND PREVENTION

E. V. Tereletskova *Candidate of Social Sciences, Associate Professor,*

P. A. Selezneva *Student, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article examines the phenomenon of psychological burnout among entrepreneurs as an urgent problem of the modern business community. The main causes leading to the development of burnout syndrome in business owners are identified, its consequences for health and professional activity are described, and recommendations for prevention of this condition are presented.

Keywords: psychological burnout; entrepreneur; burnout syndrome; stress; prevention; emotional exhaustion.

Предприниматели, в условиях жесткой конкуренции и динамичного рынка, ежедневно испытывают сильное эмоциональное и психологическое давление. Успешное руководство бизнесом требует не только экспертизы и стратегического видения, но и огромных внутренних сил. Груз ответственности за решения, финансовые риски, необходимость одновременного контроля множества процессов и постоянное стремление к росту часто приводят к хроническому стрессу. Со временем это может обернуться психологическим выгоранием – полным истощением на эмоциональном, физическом и ментальном уровнях.

Выгорание предпринимателя – это не просто усталость или плохое настроение. Это глубокое состояние, которое постепенно подрывает работоспособность, снижает качество решений, портит отношения с командой и близкими, а также негативно сказывается на здоровье. Многие предприниматели недооценивают первые сигналы выгорания, принимая постоянную перегрузку за признак успешности. Однако затяжной стресс неизбежно ведет к потере мотивации, опустошенности, тревоге и даже депрессии. В данной ситуации, важно вовремя определить проблему, найти истоки такого состояния, а затем начать профилактические действия. Важно отметить, что ««выгорающий» работник сам практически не замечает его симптомы, поэтому первыми обнаруживают искажения в его поведении коллеги» [3, с. 235].

Эмоциональное выгорание – это состояние глубокого опустошения, возникающее на фоне хронического стресса и длительной внутренней неудовлетворенности. Термин «эмоциональное выгорание» ввел в 1974 году американский психолог Герберт Фрейденбергер. Он описал его как длительное стрессовое состояние, приводящее к тяжелому физическому, умственному и эмоциональному истощению.

С психологической точки зрения выгорание развивается, когда человек систематически тратит больше эмоциональной

и ментальной энергии, чем успевает восстановить. Это не просто усталость после тяжелого дня – это результат долгого пренебрежения своими потребностями и игнорирования сигналов тела и психики [2].

В 2020 году аргентинские нейробиологи под руководством Луиса Мореры провели масштабное исследование по выгоранию с участием 281 человека. Ученые измеряли не только психологические показатели (истощение, цинизм, увлеченность), но и уровень кортизола в слюне участников.

Кластерный анализ помог выявить закономерность: по совокупности симптомов и гормонального профиля все участники распределились на четыре группы. Оказалось, что это не независимые типы состояний, а последовательные стадии единого процесса эмоционального выгорания.

Ключевым маркером перехода между стадиями оказался именно кортизол – наш «гормон мобилизации». В норме он помогает проснуться утром, справиться со стрессом, мобилизовать энергию. Но при движении от вовлеченности к выгоранию механизм выработки кортизола проходит через предсказуемые изменения: сначала разгоняется до предела, потом «ломается» [1]. Изучим каждую стадию подробнее.

1. Вовлеченность (Engaged) – оптимальное состояние с умеренным уровнем кортизола. Вы полны энергии и энтузиазма, трудности воспринимаются как интересные вызовы. Утренний подъем кортизола работает как надо – дает заряд на день.

2. Напряжение (Strained) – кортизол повышен, организм работает на износ. Энергия и увлеченность еще сохраняются, но уже появляется истощение. Это как ехать на машине с педалью газа в пол: скорость приличная, но двигатель перегревается.

3. Цинизм (Cynical) – пиковые значения кортизола, максимальное отстранение. Энтузиазм сменяется раздражением и обесцениванием. Организм кричит: «Какое стоп-слово?», но вы продолжаете функционировать через силу. По утрам уровень кортизола взлетает до небес и приводит к тревожным пробуждениям в 5:00.

4. Выгорание (Burned-out) – кортизол падает ниже нормы, наступает полная апатия. Организм больше не может поддерживать мобилизацию и переходит в режим минимального энергопотребления. Это уже не усталость, а системный сбой [1].

Предпринимательское выгорание долгое время было табуированной темой, ведь у многих свой бизнес ассоциируется с тотальной свободой и отсутствием какого-либо давления и стресса. Сегодня же фаундеры, наконец, сняли доспехи вечного достигатора и свободно заговорили о своем личностном и психологическом состоянии, не опасаясь критики общества.

Причины выгорания очень разнообразны, так как зависят от психологической конституции и устойчивости конкретного человека, его физического состояния. Если говорить о предпринимателях, то основные причины такие:

1. Высокий уровень ответственности.

Фаундер – лицо, которое отвечает за идею, стратегию, развитие, команду и операционные процессы, поэтому его включенность в бизнес (особенно на начальном этапе) максимальная. Отсюда – гиперответственность, страх делегирования, стресс из-за ощущения отсутствия контроля над внешними обстоятельствами, необходимость в выработке профессиональной гибкости для оперативной реакции при возникающих изменениях вовне.

2. Нарушение work-life balance.

У предпринимателей часто нарушается баланс между сферами жизни. Для здоровой психики крайне необходимо реализовываться и удовлетворять потребности в разных ролевых проявлениях, не только как собственник бизнеса. Из-за дисбаланса воз-

никает психологическая и физическая усталость, конфликты, что повышает уровень стресса и общей неудовлетворенности.

3. Завышенные ожидания.

Часто бывает так, что предприниматель ставит сразу высокие цели, зачастую достижение которых практически нереально. Но амбиции диктуют собственный темп, который приводит сначала к деструктивной самокритике, а затем к сильному разочарованию в собственных силах [4].

Следовательно, психологическое выгорание у предпринимателей является результатом кумулятивного воздействия множества детерминант, включая хронический стресс, значительный уровень ответственности, чрезмерную рабочую нагрузку, эмоциональное напряжение и недостаточный период восстановления. Например, «однообразный рабочий план либо внезапная смена работы считаются причинами эмоционального стресса» [5, с. 49]. Пренебрежение данными этиологическими факторами чревато существенными негативными последствиями как для личности предпринимателя, так и для жизнеспособности его предприятия. В связи с этим, своевременная оценка собственного психоэмоционального состояния и целенаправленное формирование среды, способствующей поддержанию как ментального, так и физического благополучия, приобретают первостепенное значение.

Эффективная борьба с выгоранием предпринимателя требует комплексного подхода: понимания его корней и освоения действенных методов преодоления. Выгорание – это не одномоментное событие, а постепенный процесс, который может проявляться от легкой усталости до полного эмоционального истощения и потери интереса к бизнесу. Именно поэтому универсального рецепта не существует – каждому предпринимателю необходим индивидуальный план действий для восстановления.

Меры по профилактике выгорания у предпринимателей.

1. Регулярный отдых.
2. Разделение ответственности и делегирование задачами.
3. Забота о своем физическом здоровье.
4. Установить границы работы и личной жизни.
5. Поиск сильных сторон в своей работе.
6. Поддерживать активный образ жизни.
7. Находить поддержку у коллег или специалистов
8. Установить приоритеты и умело распределять время [6].

Психологическое выгорание предпринимателей – это серьезная угроза, которая подрывает не только их личное самочувствие, но и успешность бизнеса. Хронический стресс, огромная ответственность и недостаток отдыха истощают человека как эмоционально, так и физически. Игнорирование ранних симптомов выгорания ведет к падению мотивации, проблемам со здоровьем и потере интереса к работе.

Чтобы избежать выгорания, необходимо не только понимать его корни, но и активно применять профилактические меры. Вероятность выгорания уменьшают устойчивая и интересная работа, представляющая возможности для демонстрации своих умений, для творчества, профессионального и личностного роста [3, с. 237]. Нахождение баланса между работой и личной жизнью, делегирование задач, достаточный отдых и забота о своем психологическом состоянии помогают снизить напряжение и сохранить силы.

Таким образом, забота о ментальном здоровье предпринимателя – залог его личного благополучия и устойчивого роста бизнеса. Способность вовремя распознавать признаки выгорания и принимать меры для его предотвращения обеспечивает высокую продуктивность, сохраняет мотивацию и повышает стрессоустойчивость.

Библиографический список

1. Варлакова Ю. Эмоциональное выгорание: когда жизнь теряет вкус https://singularity-app.ru/blog/emotsionalnoe-vygoranie/
2. Карпова Е. Сгорел на работе: что такое эмоциональное выгорание и чем оно опасно для предпринимателей https://sberbusiness.live/publications/chto-takoe-professionalnoe-vygoranie-i-kak-predprinimateliu-ego-izbezhat
3. Осинцева, П. В. Синдром профессионального выгорания работников, факторы риска психического выгорания / П. В. Осинцева, Е. В. Терелецкова // Наука сегодня: теория и практика: Сборник научных статей VIII Международной научно-практической конференции, Уфа, 22 октября 2020 года. Часть 1. – Уфа: Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2020. – С. 235–238.
4. Пронина М. Бизнес – продолжение нервной системы фаундера»: как предпринимателю распознать выгорание https://rb.ru/partners/vygoranie-predprinimatelej/
5. Растегняева, О. А. Профессиональный стресс и рекомендации по борьбе с ним / О. А. Растегняева, Е. В. Терелецкова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 6-2(57). – С. 48–50. – DOI 10.24412/2500-1000-2021-6-2-48-50.
6. Тарасов К. Как предпринимателю справляться с выгоранием https://journal.tarasovkn.ru/kak-predprinimatelyu-spravlyatsya-s-vygoraniem/

© Терелецкова Е. В., Селезнёва П. А., 2026

УДК 338.24

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ BIG DATA ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В МЕНЕДЖМЕНТЕ

EDN OGCKZU

В. К. Черкасова
С. А. Буянова
Д. Довлетова
А. Р. Матюнькина
А. А. Соколова

Студенты, e-mail: cherkasovavictoria200@mail.ru,
Пензенский казачий институт технологий,
Московский государственный
университет технологий и управления
им. К. Г. Разумовского,
г. Пенза, Россия

APPLYING BIG DATA TECHNOLOGIES TO OPTIMIZE MANAGEMENT DECISIONS IN MANAGEMENT

V. K. Cherkasova
S. A. Buyanova
D. Dovletova
A. R. Matyunkina
A. A. Sokolova

Students,
Penza Cossack Institute of Technology,
Moscow State University of Technology
and Management named after K. G. Razumovsky,
Penza, Russia

Abstract. The article explores the role of Big Data technologies in the process of optimizing management decisions in the context of digital business transformation. The relevance of the work is due to the need for modern organizations to transition from intuitive management methods to a scientifically grounded data-driven approach. The evolution of the conceptual characteristics of big data (the expansion of the basic 3V model to 6V) is considered. It is concluded that Big Data technologies have transformed from a narrow IT tool into a fundamental management model. It is proved that the success of digitalization depends on the formation of an appropriate corporate culture and the relevance of analytical tools.

Keywords: Big Data; management solutions; Data-driven approach; digital transformation; business analytics (BI); machine learning; data mining; information space; corporate culture; strategic management.

В эпоху цифровой трансформации Big Data становится не просто технологическим инструментом, а стратегическим ресурсом управления. Интеграция технологий больших данных позволяет современным организациям переходить от интуитивного к научно обоснованному принятию решений (data-driven подход). Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью систематизации разрозненных подходов к использованию Big Data в менеджменте и выявления конкретных механизмов оптимизации управленческих процессов с их помощью.

Big Data представляет собой маштабные потоки данных из разных источников: соцсетей, онлайн-транзакций, IoT-устройств, корпоративных систем и др. Анализ этих данных позволяет принимать более обоснованные управленческие решения [5].

Фундаментальной основой понимания специфики больших данных долгое время выступала классическая модель «3V», предложенная аналитиком Gartner Д. Лейни в 2001 году. Однако по мере усложнения информационных систем данная концепция была расширена до модели «6V», которая более полно отражает требования современного менеджмента (рис. 1).

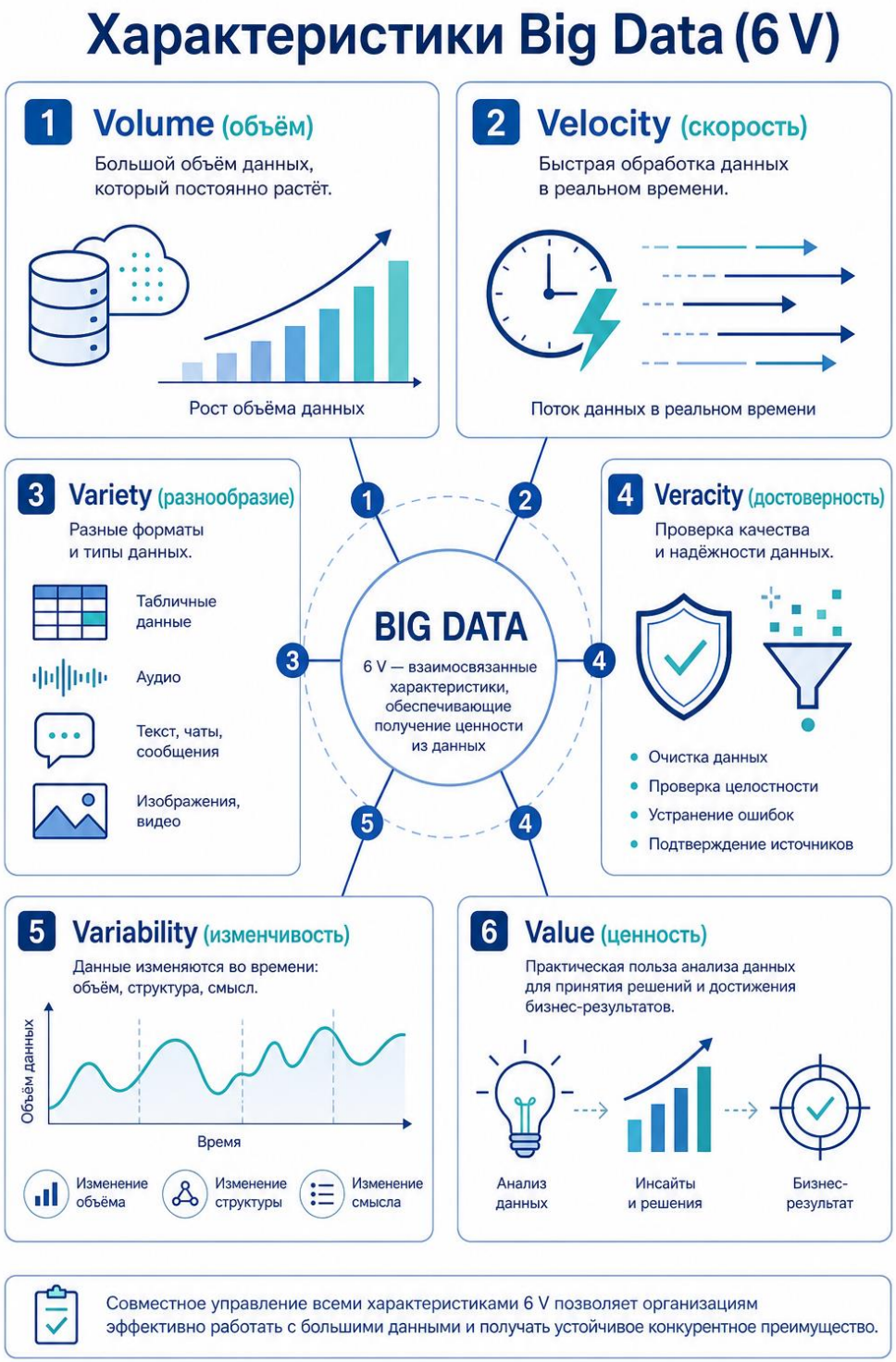

Рис. 1. **Характеристики Big Data («6 V»)**

Согласно результатам исследованиям НИУ ВШЭ, 65,6 % российских компаний, использующих Big Data, достигли системного уровня управления на основе

данных [1]. Флагманами в этой области выступают финансовый сектор, телекоммуникации, а также ИТ-компании и цифровые платформы.

Глобальные опросы показывают, что компании, активно инвестировавшие в аналитику и искусственный интеллект 9 лет назад, сегодня опережают конкурентов по показателям доходности. Это подтверждает долгосрочную ценность data driven подходов [4].

Переход к новой модели принятия управленческих решений обусловлена рядом преимуществ от внедрения цифровых инноваций. На рисунке 2 представлены ключевые преимущества применения Big Data в менеджменте.

Рис. 2. **Ключевые преимущества внедрения Big Data в управленческой практике**

Эффективное использование больших данных становится критически важным фактором обеспечения устойчивости организаций. Однако само по себе наличие данных не гарантирует управленческого успеха; ключевую роль играет выбор релевантных инструментов для их обработки. Базовые методы работы с массивами информации представлены на рисунке 3.

Рис. 3. **Базовые методы и техники работы с большими данными**

В управленческой практике данные методы работают в синергии. Технологии объединения данных позволяют создать единое информационное пространство компании (Data Lake). Инструменты Data Mining находят скрытые зависимости (например, между погодными условиями и логистическими задержками). Алгоритмы машинного обучения (ML) разрабатывают прогностические модели, прогнозируя отток клиентов или сбои в оборудовании, а системы визуализации (BI-системы) переводят сложные математические расчеты в интуитивно понятные дашборды для топ-менеджмента.

Таким образом, технологии Big Data эволюционировали от узкоспециализированного IT-инструмента до фундамента управленческой модели, определяющей долгосрочную конкурентоспособность бизнеса. В перспективе можно ожидать полную интеграцию больших данных с автономным искусственным интеллектом, что приведет к автоматизации рутинных управленческих решений. Успешность цифровой трансформации компании сегодня зависит не от объема накопленной информации, а от способности менеджмента выстроить корпоративную культуру data-driven, где грамотный выбор аналитических инструментов напрямую связан со стратегическими целями организации.

Библиографический список

1. Готовность российского бизнеса к экономике данных // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт статистических исследований и экономики знаний. – 2024. – 14 с. – (Мониторинг цифровой трансформации бизнеса ; вып. 2). – DOI: 10.17323/ISSEK_BDTM_2. – URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/895115225.pdf (дата обращения: 02.06.2026).

2. Мамедов А. А. Перспективы применения технологий больших данных в моделях управления эффективностью деятельности организации // Прогрессивная экономика. – 2025. – № 9. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-primeneniya-tehnologiy-bolshih-dannyh-v-modelyah-upravleniya-effektivnostyu-deyatelnosti-organizatsii (дата обращения: 02.06.2026).
3. Управление на основе данных: как Big Data меняет бизнес // Современные технологии управления. – URL: https://sovman.ru/articletop/tekhnologii-upravleniya/tekhnologii-analitiki-i-prognozirovaniya/upravleniye-na-osnove-dannykh-kak-big-data-menyayet-biznes/ (дата обращения: 02.06.2026).
4. Что такое Big Data и как технология больших данных влияет на бизнес // СберПро. – 2024. – 16 сентября. – URL: https://sber.pro/publication/chto-takoe-big-data-i-kak-izvlekat-vigodu-iz-dannih/ (дата обращения: 02.06.2026).
5. Что такое Big Data: простыми словами // MIND Software. – URL: https://mindsw.io/cases/chto-takoe-big-data/ (дата обращения: 02.06.2026).
6. Data-driven-подход в менеджменте // СберПро. – URL: https://sber.pro/publication/czifry-protiv-intuiczii-data-driven-podhod-v-menedzhmente/ (дата обращения: 02.06.2026).

© Черкасова В. К., Буянова С. А., Довлетова Д., Матюнькина А. Р., Соколова А. А., 2026

УДК 658.5

ПРОЦЕССНЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ: ОТ КОНЦЕПЦИЙ К ВНЕДРЕНИЮ

EDN OKAXQR

В. К. Черкасова
И. Л. Керимов
Ю. С. Кузнецова
К. А. Гуляйкина
К. А. Каминин

Студенты, e-mail: cherkasovavictoria200@mail.ru,
Пензенский казачий институт технологий,
Московский государственный университет
технологий и управления им. К. Г. Разумовского,
г. Пенза, Россия

A PROCESS-ORIENTED APPROACH TO MANAGEMENT: FROM CONCEPTS TO IMPLEMENTATION

V. K. Cherkasova
I. L. Kerimov
Yu. S. Kuznetsova
K. A. Gulyaykina
K. A. Kaminin

Students,
Penza Cossack Institute of Technology,
Moscow State University of Technology
and Management named after K. G. Razumovsky,
Penza, Moscow

Abstract. The article is devoted to the process approach to management (BPM – Business Process Management) as a modern management concept. The paper considers the enterprise activity as a set of interconnected business processes that are subject to optimization. The key characteristics of business processes (input, output, owner, participants, regulations, resources) are described, as well as the PDCA (Plan Do Check Act) continuous improvement cycle. The process approach is compared with the functional and situational approaches, and its main advantages are highlighted: clear distribution of responsibilities, coordination, transparency, and customer focus. The stages of BPM implementation in the organization are briefly outlined.

Keywords: process approach; BPM; business processes; organization management; PDCA cycle; Deming cycle; customer focus; process optimization.

Процессное управление – это современная концепция менеджмента, которая рассматривает деятельность любого предприятия как совокупность бизнес-процессов и предоставляет программные инструменты для их оптимизации. Иначе такой подход называется BPM – Business Process Management [1].

Конечная цель внедрения процессного подхода – облегчить управление бизнесом и повысить ценность продукта компании для ее клиентов [4].

Процессный подход фокусируется на выявлении и оптимизации бизнес-процессов компании, которые представляют собой последовательные действия сотрудников. Например, «Заказ товаров в службе доставки магазина» – это целый бизнес-процесс, где сразу задействованы три отдела: колл-центр, где принимают заказ, склад, где собирают заказ, и курьерскую службу, где доставляют заказ.

Но рассматривать бизнес-процессы отдельно невозможно, так как ни один из них не существует изолированно, не влияя на другие. Например, процесс доставки заказа связан с учетом товаров на складе, их закупкой и начислением платы курьеру. Суть процессного подхода заключается в комплексном рассмотрении всех бизнес-процессов с учетом их взаимосвязей, что обеспечивает непрерывность и слаженность работы.

Непрерывное улучшение это ключевой принцип философии процессного подхода. Наиболее популярной и эффективной моделью для такого улучшения является

цикл PDCA (Plan-Do-Check-Act), также известный как цикл Деминга [4].

Процесс решения проблем включает несколько этапов. На первом этапе (Plan) проводится анализ ситуации, формулируются цели, разрабатывается план действий и критерии успеха. На втором этапе (Do) план реализуется в ограниченном масштабе, фиксируются результаты и трудности. Далее этапе проверки (Check) фактические результаты сравниваются с запланированными, выявляются отклонения и их причины, оценивается эффективность. На заключительном этапе (Act) успешные изменения внедряются в основной процесс, а при неудаче разрабатывается новая гипотеза и цикл повторяется.

Процессный подход имеет четкие характеристики, которые должны учитывать организации для построения бизнес-процессов.

Рис. 1. **Схема процессного управления**

Любой бизнес-процесс начинается с точки входа и завершается в точке выхода. Для его реализации необходимы определённые ресурсы, включая сотрудников, материалы и оборудование. Регламент описывает методики выполнения работ, включая последовательность действий, стандарты и правила принятия решений. Например, в процессе обработки заказа клиента регламент может включать шаги: приём заказа, проверка наличия товара на складе, оформление заказа, отправка товара и уведомление клиента.

У каждого бизнес-процесса есть владелец – сотрудник, который управляет ресурсами в соответствии с регламентом. Помимо владельца, в бизнес-процессе участвуют другие сотрудники, выполняющие необходимые задачи. Например, в обработке заказа клиента владелец процесса может быть менеджером по работе с клиентами, а к процессу также могут быть привлечены складские работники, логисты и сотрудники службы доставки.

В менеджменте существует три основных способа организовать работу: функциональный, ситуационный и процессный

подход. Каждый решает свои задачи, но в современных условиях именно процессный показывает наилучшие результаты.

Представим ситуацию: клиент заказал нестандартную комплектацию товара.

При функциональном подходе начинается бюрократия. Менеджер отправляет запрос руководителю отдела продаж, тот согласовывает с директором по производству, производство проверяет со складом наличие компонентов. Каждый этап требует одобрения сверху, процесс растягивается на дни.

При ситуационном подходе менеджер может принять решение самостоятельно, но непонятно, учёл ли он все риски. Возможно, он пообещал клиенту срок, который производство не может выдержать.

При процессном подходе существует регламент для работы с нестандартными заказами. Менеджер знает, с кем согласовать вопрос, в какие сроки, какие документы заполнить. Владелец процесса контролирует, чтобы задача не зависла ни на одном этапе. Клиент получает быстрый и предсказуемый ответ [2].

Таблица 1

Сравнение подходов к управлению организацией [2]

Критерий	**Функциональный подход**	**Ситуационный подход**	**Процессный подход**
Основной фокус	Функции и отделы	Конкретные ситуации	Сквозные процессы
Структура	Иерархия, разделение по функциям	Гибкая, подстраивается под задачу	Кросс-функциональные команды
Управление	Через руководителей отделов	Через анализ ситуации	Через владельцев процессов
Цель	Выполнение функций	Оптимальное решение в текущих условиях	Ценность для клиента, конечный результат

Процессный подход к управлению бизнесом имеет несколько ключевых преимуществ:

1. Четкое распределение ответственности. Разделение бизнес-процессов на этапы и их регламентация позволяют определить ответственность каждого участника.

2. Координация внутри отделов. Чёткое распределение задач предотвращает конфликты и обеспечивает слаженную работу сотрудников.

3. Прозрачность процессов. Процессный подход обеспечивает видимость текущего состояния задач, ответственных лиц и затраченного времени, что позволяет выявлять и устранять узкие места.

4. Клиентоориентированность. В отличие от функционального подхода, где отделы ориентированы на внутренние показатели, процессный подход направлен на удовлетворение потребностей клиентов, обеспечивая своевременность и качество выполнения задач.

Главным преимуществом процессного подхода является прозрачность работы. Например, можно обнаружить, что 70% заказов задерживаются на этапе проверки

качества продукции. В этом случае необходимо либо оптимизировать процесс контроля, либо привлечь дополнительных сотрудников. Такой подход способствует более эффективному управлению и достижению бизнес-целей. Для внедрения процессного подхода в компании необходимо выполнить следующие шаги:

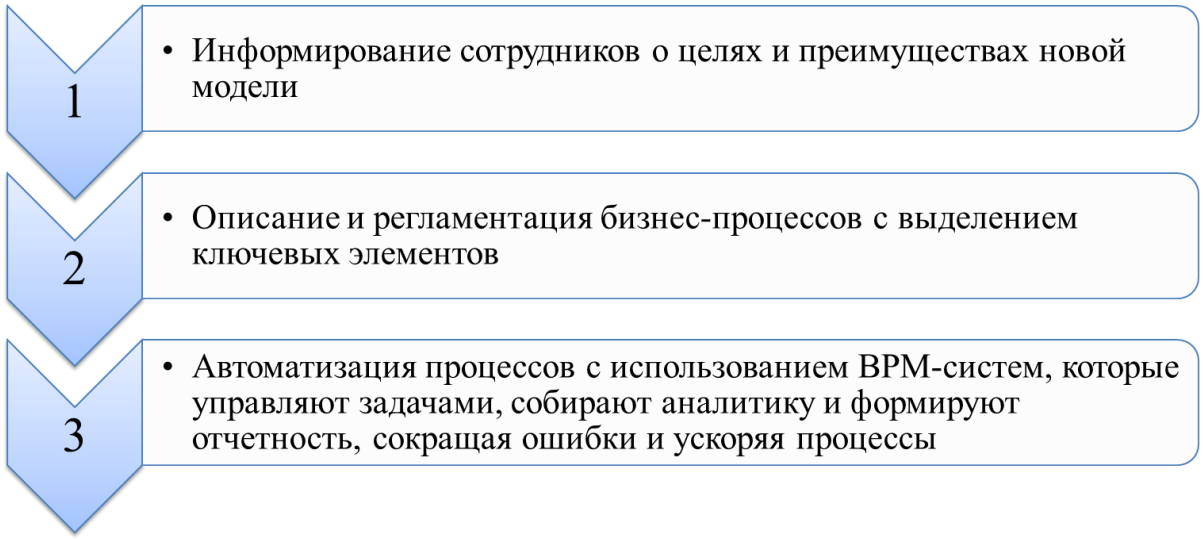

Рис. 2. **Внедрение процессного подхода в компании**

Таким образом, внедрение процессного подхода требует поэтапной работы с сотрудниками, детального описания бизнес-процессов и их последующей автоматизации с помощью специализированного программного обеспечения. В результате компания сокращает ошибки, повышает эффективность управления и улучшает качество обслуживания клиентов, что напрямую влияет на её конкурентоспособность и устойчивость на рынке.

Библиографический список

1. Процессное управление (BPM): суть и преимущества, системы управления бизнес-процессами [Электронный ресурс].– Режим доступа: URL: https://www.kp.ru/guide/protsessnoe-upravlenie.html
2. Процессный подход в управлении бизнесом: преимущества, функции, цели [Электронный ресурс].– Режим доступа: URL: https://penza.1cbit.ru/blog/protsessnyy-podkhod-v-upravlenii-biznesom-funktsii-tseli/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F
3. Процессный подход к управлению: как оптимизировать работу компании [Электронный ресурс].– Режим доступа: URL: https://www.isu-it.ru/blog/upravlenie-kachestvom/proczessnyij-podxod-k-upravleniyu-kak-optimizirovat-rabotu-kompanii/
4. Процессный подход к управлению: что это, суть и принципы, примеры, этапы внедрения [Электронный ресурс].– Режим доступа: URL: https://www.mango-office.ru/journal/for-marketing/osnovy/processnyj-podhod-v-menedzhmente.

© Черкасова В. К., Керимов И. Я., Кузнецова Ю. С., Гуляйкина К. А., Каминин К. А., 2026

УДК 331.5

ВЛИЯНИЕ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА РЫНОК ТРУДА И ЭКОНОМИКУ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ

EDN OQQMZS

И. И. Чернова *Кандидат экономических наук, доцент, e-mail: i.i.chernova@yandex.ru*

В. К. Черкасова *студент, e-mail: cherkasovavictoria200@mail.ru, Пензенский казачий институт технологий, Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского, г. Пенза, Россия*

THE IMPACT OF GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON THE LABOR MARKET AND THE ECONOMY: PROSPECTS AND CHALLENGES

I. I. Chernova *Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,*

V. K. Cherkasova *Students, Penza Cossack Institute of Technology, Moscow State University of Technology and Management named after K. G. Razumovsky, Penza, Russia*

Abstract. The article examines the impact of generative artificial intelligence (GAI) on the labor market and the economy. It describes the main types of GAI and their applications. It is noted that GAI can automate up to 85 % of routine tasks, but it does not completely replace humans. The article emphasizes the need for retraining employees and developing ethical standards for working with AI. The study shows that the implementation of GAI can bring significant savings to the Russian economy, but it requires systemic changes and support for human capital to be successful. This will optimize business processes and create new opportunities for developing professional skills.

Keywords: generative artificial intelligence; labor market; economy; automation; business processes; retraining; digital literacy; ethical standards; quality control.

В последние годы генеративный искусственный интеллект (ГИИ) стал одной из наиболее обсуждаемых тем в сфере технологий и экономики. Развитие ГИИ открывает новые перспективы для бизнеса, науки и общества в целом, но также ставит перед нами ряд вызовов.

Генеративный искусственный интеллект – это класс моделей машинного обучения, который может создавать новый контент: текст, изображения, музыку, видео и даже 3D-сцены. В отличие от традиционного ИИ, который фокусируется на анализе и классификации существующей информации, генеративный ИИ генерирует оригинальный контент. Ключевая задача – сгенерировать что-то новое, чего раньше не было, но что будет соответствовать запросу и выглядеть правдоподобно [3].

ГИИ использует методы глубокого обучения, такие как свёрточные нейронные сети (CNN), рекуррентные нейронные сети (RNN) и генеративно-состязательные сети (GAN). Эти методы позволяют моделям учиться на больших объёмах данных и генерировать новые данные, которые соответствуют обучающему набору.

Согласно исследованию, проведённому Онлайн-университетом «Зерокодер», Университетом Иннополиса, Высшей школой менеджмента СПбГУ и МГУ им. М. В. Ломоносова, ИИ способен автоматизировать до 85 % рутинных задач.

Однако это не означает полной замены человека – максимальный потенциал дополнения профессий составляет 70 %.

Степень автоматизации задач отличается в зависимости от типа деятельности. Лучше всего она работает в области культуры, спорта и организации досуга и развлечений – на 61,60 %. При этом меньше всего автоматизации поддаются такие сферы деятельности, как строительство (14,80 %), транспортировка и хранение (14,30 %), обрабатывающие производства (12,30 %) [1].

Рис. 1. **Процент автоматизации в зависимости от направления деятельности**

Расчеты показывают, что широкое внедрение генеративного ИИ способно принести российской экономике до 10,8 трлн руб. ежегодной экономии к 2030 году [2].

Наибольший вклад ожидается в следующих отраслях:

Рис. 2. **Вклад внедрения ГИИ**

Это свидетельствует о том, что генеративный ИИ может стать мощным инструментом для оптимизации бизнес-процессов и повышения конкурентоспособности российских компаний. Несмотря на значительный потенциал автоматизации, генеративный ИИ, не заменяет людей, а становится их помощником, освобождая от рутинных задач.

Внедрение генеративного ИИ в экономику может стать важным шагом на пути к повышению производительности и конкурентоспособности. Это позволит не только оптимизировать бизнес-процессы, но и создать новые возможности для развития профессиональных навыков и карьерного роста.

Однако внедрение ГИИ сопряжено с рядом вызовов, которые требуют внимательного изучения и разработки стратегий для их преодоления.

Рис. 3. **Перспективы и вызовы ГИИ**

Основными перспективами ГИИ являются оптимизация бизнес-процессов, создания новых профессий и развития новых отраслей. Это включает в себя автоматизацию рутинных задач, улучшение анализа данных, повышение точности прогнозирования, развитие новых профессий и навыков, таких как разработка и поддержка ИИ-систем, аналитика больших данных, машинное обучение и кибербезопасность, а также стимулирование появления новых отраслей и рабочих мест. Преимущества ГИИ способствует сокращению операционных расходов, повышению эффективности и ускорению принятия управленческих решений в бизнес-среде.

Рис. 4. **Рекомендации для адаптации к изменениям на рынке труда**

Однако внедрение ГИИ сталкивается с рядом вызовов, одним из ключевых аспектов является необходимость переобучения сотрудников для работы с новыми технологиями, повышение цифровой грамотности, освоение навыков программирования, анализа данных и работы с ИИ-системами. Во-вторых, использование ГИИ вызывает этические вопросы. Необходимо разработать этические нормы и

стандарты, регулирующие работу с ИИ, чтобы обеспечить конфиденциальность данных, определить ответственность за ошибки ИИ и обеспечить прозрачность его работы.

В-третьих, генеративные модели не всегда работают безупречно и могут генерировать некорректные данные или принимать ошибочные решения. Разработка систем контроля качества, тестирования и проверки результатов работы ИИ, а также создание механизмов для исправления ошибок – важная задача для обеспечения надёжности и точности работы генеративного ИИ. Сейчас работодатели сталкиваются с необходимостью адаптации к новым реалиям и вызовам. На рисунке 4 представлена концепция подготовки к изменениям на рынке труда в условиях развития ГИИ.

Таким образом, генеративный ИИ следует рассматривать не как угрозу, а как инструмент трансформации рынка труда и экономического роста. Его эффективное внедрение требует системного подхода к изменениям на рынке труда, включающего инвестиции в человеческий капитал, освоение ИИ, развитие навыков soft skills и переобучение сотрудников. Такой подход позволит минимизировать риски и максимально эффективно использовать потенциал ГИИ для устойчивого экономического роста.

Библиографический список

1. 85% работы может делать ИИ: как меняется рынок труда в России | РБК Компании [Электронный ресурс].– Режим доступа: URL: https://companies.rbc.ru/news/RaizuW9U30/85-rabotyi-mozhet-delat-ii-kak-menyaetsya-ryinok-truda-v-rossii/
2. Генеративный ИИ в России: как новые технологии изменят рынок труда - Инк. [Электронный ресурс].– Режим доступа: URL: https://incrussia.ru/news/generativnyj-ii-v-rossii-kak-novye-tehnologii-izmenyat-rynok-truda/
3. Генеративный ИИ: что такое, как работает, модели, типы, где используется | РБК Тренды [Электронный ресурс].– Режим доступа: URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/696618f99a79473e7421d81b
4. Генеративный искусственный интеллект [Электронный ресурс].– Режим доступа: URL: https://www.tadviser.ru/index.php/

© Чернова И. И., Черкасова В. К., 2026

УДК 330.16

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА КАК ПСИХОЛОГИЯ ВЛИЯЕТ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

EDN OUTIEY

И. И. Чернова
В. К. Черкасова

Кандидат экономических наук, доцент, e-mail: i.i.chernova@yandex.ru
студент, e-mail: cherkasovavictoria200@mail.ru,
Пензенский казачий институт технологий,
Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского,
г. Пенза, Россия

BEHAVIORAL ECONOMICS: HOW PSYCHOLOGY INFLUENCES ECONOMIC DECISIONS

I. I. Chernova

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

V. K. Cherkasova

Students,
Penza Cossack Institute of Technology,
Moscow State University of Technology and Management named after K. G. Razumovsky,
Penza, Russia

Abstract. The article examines behavioral economics as a scientific field that combines economic and psychological approaches to decision-making analysis. The key focus is on cognitive biases, which are actively used in marketing to influence consumer behavior. The article systematizes the main principles of behavioral economics and provides brief examples of their application. It also provides specific examples of how behavioral economics principles can be used in business and how they can benefit companies. The article emphasizes the ethical implications of using behavioral economics. It is emphasized that her tools should not be used for manipulation, but rather to help consumers make informed decisions.

Keywords: behavioral economics; cognitive biases; framing effect; anchor effect; ownership effect; marketing; consumer behavior.

Современная экономическая наука всё активнее отходит от классической модели «рационального агента», которая предполагает, что люди всегда принимают решения на основе полной и объективной информации. Но реальное поведение потребителей демонстрирует систематические отклонения от этой модели – и именно их изучает поведенческая экономика.

Поведенческая экономика – раздел экономической науки, который изучает психологические, социальные и когнитивные факторы людей и организаций, влияющие на принятие ими экономических решений [3].

В основе её принципов лежат когнитивные искажения – это ошибки мышления, которые возникают из-за особенностей работы мозга. Они предсказуемы и проявляются у многих людей в похожих ситуациях. Мозг использует их для экономии мыслительных ресурсов. Маркетологи же, в свою очередь, активно применяют эти принципы в своей деятельности. Акции «3 по цене 2» или «цена 99 рублей вместо 100» базируются на этих принципах.

Таблица 1

Основные принципы поведенческой экономики [2]

Принцип	Суть принципа (кратко)	Пример (кратко)
Эффект фрейминга	Восприятие зависит от формулировки информации	«На 97 % эффективен» убедительнее, чем «не сработал в 3 % случаев». «Экономия 500 руб.» или «скидка 25 %»
Эффект якоря	Первая информация (часто цена) задаёт точку отсчёта	Зачёркнутая «старая» цена рядом с новой создаёт ощущение выгоды
Желание избежать потерь	Боль от потерь сильнее радости от приобретений	«Не упустите шанс сэкономить 40 %» эффективнее, чем «получите скидку 40 %». Акции «только сегодня, только сейчас!»
Эффект владения	Собственное воспринимается как более ценное	Пробные периоды: начав пользоваться продуктом бесплатно, человек считает его «своим» и охотнее покупает
Социальные доказательства	Следование поведению большинства в неопределённости	Отзывы, рейтинги, счётчики продаж («уже купили 10 000 человек»)
Эффект вероятности	Переоценка вероятности легко запоминающихся событий	История «Анна похудела на 20 кг за 3 месяца» запоминается лучше, чем статистика «87% достигли результатов»
Эффект средней опции	Выбор среднего варианта из нескольких, избегание крайностей	Линейка тарифов: базовый → **стандартный (оптимальный)** → премиум
Ментальный учёт	Разделение денег на «категории» и разное отношение к тратам	Разбивка цены: «199 ₽ в день» вместо «5970 ₽ в месяц». «Курс по цене чашки кофе в день»

Поведенческая экономика показывает, что на выбор потребителя воздействуют не только объективные факторы (цена, качество), но и психологические триггеры: эмоции, стереотипы, когнитивные искажения. Компании успешно используют эти закономерности, чтобы стимулировать спрос и повышать продажи. Примеры использования поведенческой экономики:

Эффект привлекательной цены. Многие магазины, как офлайн, так и онлайн, активно применяют этот метод. Суть его в том, что цена, например, 99 рублей, кажется более выгодной, чем 100 рублей, хотя разница всего в один рубль. Это объясняется психологическими особенностями восприятия.

Эффект рекомендаций. Интернет-магазины и маркетплейсы часто используют этот прием. Когда мы выбираем товар, на его странице можно увидеть блоки с рекомендациями: «Выбор наших покупателей», «Покупатели рекомендуют», «Товары, которые часто покупают вместе». Превью этих товаров также представлено. В результате, эмоциональная составляющая часто берет верх над рациональными соображениями.

Эффект дефицита. Этот принцип активно применяется в сервисах бронирования и интернет-магазинах. Они показывают количество свободных товаров или людей, просматривающих этот же вариант в данный момент. Это создает ощущение срочности и побуждает к быстрому принятию решения.

Концепция «нуджинга». Этот подход, предложенный Ричардом Талером, предполагает изменение поведения людей через изменение их окружения без использования запретов и наказаний. Например, размещение в магазине товаров правильного питания на полках на уровне глаз может увеличить их потребление.

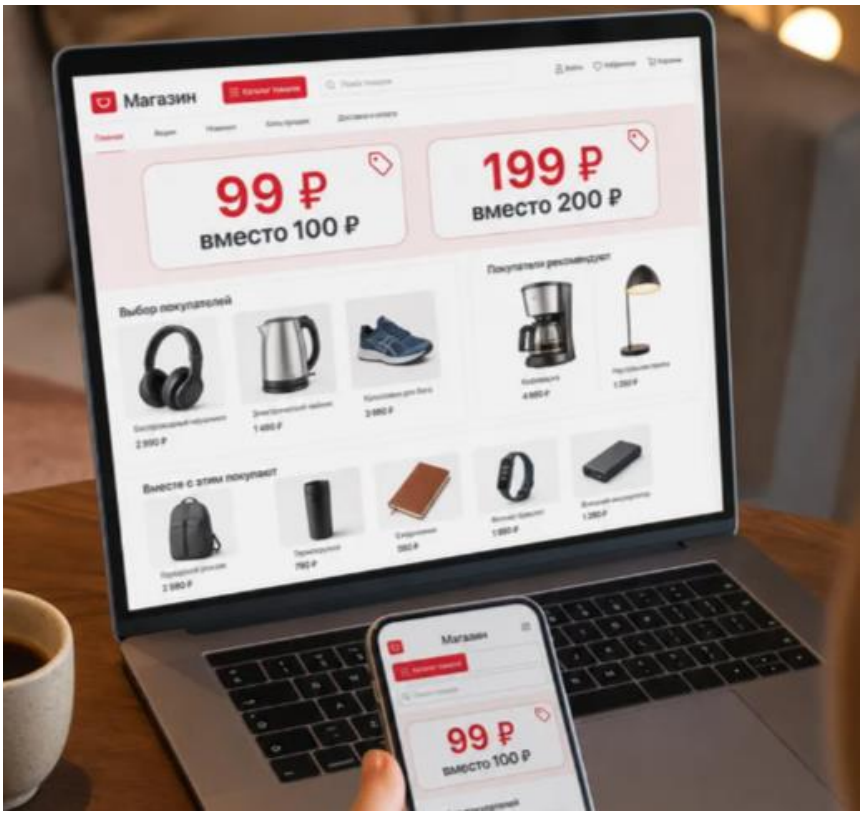

Рис. 1. **Примеры использования поведенческой экономики**

Применение принципов поведенческой экономики позволяет бизнесу выстраивать более эффективные коммуникации с аудиторией – без давления и манипуляций. Применение принципов поведенческой экономики в бизнесе:

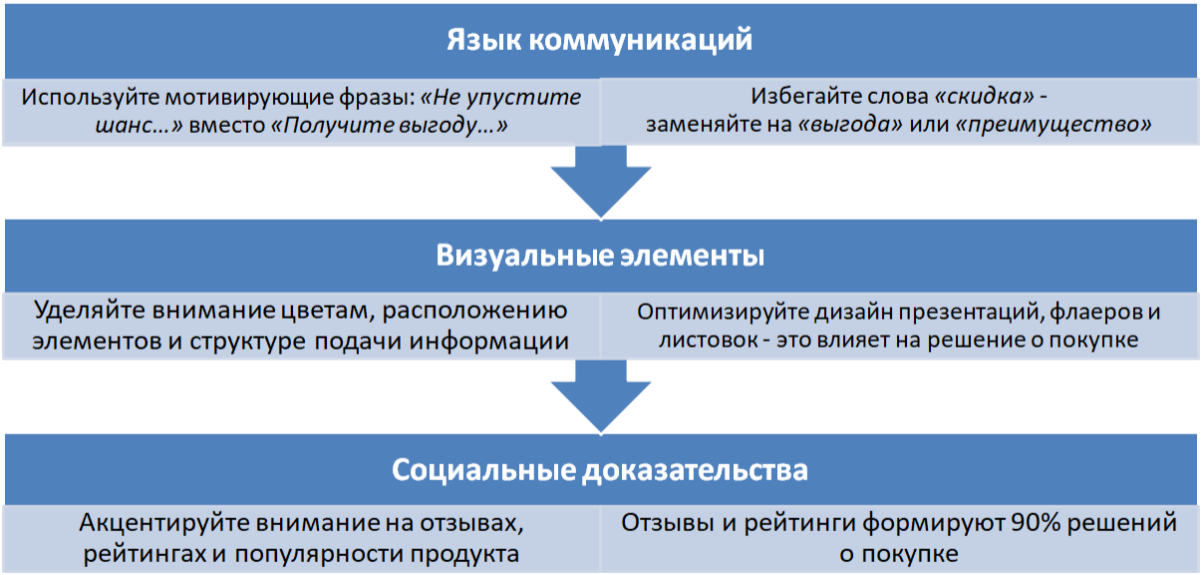

Рис. 2. **Применение принципов поведенческой экономики в бизнесе**

Таким образом, поведенческая экономика позволяет бизнесу повысить эффективность маркетинга за счёт грамотного использования её принципов, включающих создание ощущения дефицита для стимулирования покупок, улучшение формулировок и визуальных элементов, использование рекомендаций и социального доказательства. Эти методы помогают формировать лояльность клиентов, предлагая удобные условия, такие как пробные периоды и гарантии.

При этом важно помнить, что применение поведенческой экономики не должно переходить в манипуляцию клиентов. Правильное использование принципов поведенческой экономики приносит выгоду всем: бизнес достигает своих целей, а потребители получают более релевантные и удобные предложения.

Библиографический список

1. Как поведенческая экономика может помочь вам улучшить карьеру и жизнь // BrainApps.ru. – 2023. – 17 ноября. – URL: https://brainapps.ru/blog/2023/11/kak-povedencheskaya-ekonomika-mojet-pomoch/ (дата обращения: 02.06.2026).
2. Как применять поведенческую экономику в маркетинге // Unisender. – 2025. – 9 июля. – URL: https://www.unisender.com/ru/blog/kak-ispolzovat-povedencheskuyu-ehkonomiku-dlya-rosta-pribylnosti-biznesa/#anchor-1 (дата обращения: 02.06.2026).
3. Поведенческая экономика: что это простыми словами? // Финам.Ру. – 2024. – 27 ноября. – URL: https://www.finam.ru/publications/item/povedencheskaya-ekonomika-chto-eto-prostymi-slovami-20241127-1447/ (дата обращения: 02.06.2026).

© Чернова И. И., Черкасова В. К., 2026

УДК 338.24

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЕЙ: СУЩНОСТЬ И КЛАССИФИКАЦИЯ

EDN PESEMQ

Е. И. Янгирова
С. Ш. Алимкулов

Доктор экономических наук, профессор,
студент, alimkulov0105@mail.ru,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия

STRATEGIC DECISIONS IN THE ORGANIZATIONAL MANAGEMENT SYSTEM: ESSENCE AND CLASSIFICATION

E. I. Yangirova
S. Sh. Alimkulov

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Student,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia

Abstract. The article examines the essence of strategic decisions as a key element of the management system. A distinction is drawn between strategic, tactical, and operational decisions. Based on a systematic review, a multicriteria classification of strategic decisions is proposed. The significance of strategic decision quality for organizational competitiveness in an unstable environment is substantiated.

Keywords: strategic decisions; management system; classification of management decisions; strategic planning; management efficiency; competitiveness.

Современная деловая среда характеризуется нарастающей турбулентностью: геополитические сдвиги, цифровая трансформация, сжатие горизонтов планирования принципиально изменяют природу управленческой деятельности. Способность принимать обоснованные стратегические решения становится обязательным условием выживания. Вместе с тем до 90 % компаний сталкиваются с серьёзными трудностями при реализации стратегий [7], что делает изучение природы и типологии стратегических решений не теоретической, но остро практической задачей.

В научной литературе управленческое решение рассматривается как результат выбора альтернативы, осуществлённого руководителем в рамках должностных полномочий для достижения целей организации [3]. Стратегическое решение – особый вид управленческого решения, направленный на решение коренных проблем в масштабе всей организации с горизонтом от трёх до пяти лет и более. Оно связано с существенными преобразованиями (сменой технологической платформы, выходом на новые рынки, пересмотром рыночной позиции [2]) и обладает высокой ценой последствий: запаздывание стратегического решения на 3–6 месяцев влечёт потерю 10–15 % возможной выгоды [1].

Принципиальное значение имеет разграничение стратегических, тактических и оперативных решений. Тактические решения принимаются на среднем уровне управления, ориентированы на срок до одного года и обеспечивают выполнение стратегических задач через функциональные мероприятия. Оперативные решения направлены на управление повседневной деятельностью и устранение текущих сбоев [5]. Соотношение трёх уровней представлено в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика уровней управленческих решений

Признак	Стратегические	Тактические	Оперативные
Субъект принятия	Топ-менеджмент, совет директоров	Менеджмент среднего звена	Линейные руководители
Временной горизонт	3–10 лет	До 1 года	Дни, недели
Степень неопределённости	Высокая	Средняя	Низкая
Обратимость	Как правило, необратимы	Частично обратимы	Обратимы
Охват	Организация в целом	Функциональные подразделения	Отдельные процессы, операции
Частота принятия	Низкая	Средняя	Высокая
Цена ошибки	Критическая	Значительная	Умеренная

Источник: составлено авторами на основе [2; 5]

Стратегические решения занимают качественно особое место в иерархии управления: принимаемые редко, они задают систему координат для всех остальных решений организации. Стратегия в целом может быть понята как система взаимосогласованных стратегических решений по ключевым направлениям деятельности, определяющих внутреннее и внешнее поведение предприятия [8].

Сущностными признаками стратегических решений являются: инновационность (отсутствие готовых прецедентов, необходимость творческого синтеза); многокритериальность (одновременный учёт финансовых, рыночных, технологических, кадровых и репутационных факторов); высокая степень неопределённости (значительная часть релевантной информации недоступна или ненадёжна); системность воздействия (охват всей организации, включая внешние связи); долгосрочность и необратимость последствий (создание новых структур и компетенций, демонтаж которых сопряжён со значительными издержками).

Систематизация стратегических решений по различным основаниям повышает качество их разработки и оценки. В таблице 2 предложена авторская многокритериальная классификация.

Таблица 2

Многокритериальная классификация стратегических решений

Классификационный признак	**Виды стратегических решений**	**Краткая характеристика**
По уровню принятия	Корпоративные	Определяют бизнес-портфель компании, направления диверсификации
	Деловые (конкурентные)	Стратегия поведения в конкретном сегменте или отрасли
	Функциональные	Стратегия в области маркетинга, финансов, HR, логистики
По степени структурированности	Структурированные	Принимаются по установленным правилам и процедурам
	Слабоструктурированные	Содержат элементы неопределённости, требуют суждения
	Неструктурированные	Принципиально новые ситуации без аналогов
По характеру стратегических изменений	Решения роста	Завоевание новых рынков, поглощение конкурентов
	Решения стабилизации	Удержание достигнутых позиций, оптимизация
	Решения сокращения	Выход из нерентабельных направлений, реструктуризация
По объекту воздействия	Продуктово-рыночные	Изменение ассортимента, выход на новые сегменты
	Ресурсные	Перераспределение ключевых ресурсов и компетенций
	Организационные	Преобразование структуры, системы управления
	Технологические	Смена производственной или цифровой платформы
По условиям принятия	В условиях определённости	Известны все параметры и последствия
	В условиях риска	Известны вероятности различных исходов

	В условиях неопределённости	Вероятности исходов неизвестны или не могут быть оценены
По способу обоснования	Аналитические	На основе формализованных моделей и расчётов
	Интуитивные	На основе опыта и экспертной оценки
	Комбинированные	Сочетание аналитики и экспертного суждения

Источник: составлено авторами на основе [2; 5; 6; 8]

На корпоративном уровне решается вопрос о составе бизнес-портфеля; на деловом формируется конкурентная стратегия через лидерство по издержкам, дифференциацию или фокусирование; функциональные решения переводят деловую стратегию в плоскость конкретных политик [8]. Классификация по характеру изменений опирается на матрицу Ансоффа: стратегии роста (проникновение на рынок, развитие рынка/продукта, диверсификация), стабилизации (укрепление позиций, повышение операционной эффективности) и сокращения (ликвидация нерентабельных направлений) [10].

Большинство реальных стратегических решений принимается в условиях риска или неопределённости, что предполагает применение специализированного инструментария: PESTLE-, SWOT-анализа, сценарного моделирования, анализа разрывов, дерева решений, метода Монте-Карло. Мониторинг реализации обеспечивается системой KPI, позволяющей своевременно выявлять отклонения и инициировать корректирующие воздействия [11].

Цифровые технологии существенно изменяют информационную базу и скорость разработки стратегических решений [4]. Искусственный интеллект позволяет обрабатывать массивы данных, недоступные традиционному аналитическому аппарату, и генерировать варианты решений в режиме реального времени [9]. В условиях волатильности 2022–2025 годов скорость стратегического реагирования стала важнейшим конкурентным активом: запаздывание на 3–6 месяцев влечёт потерю 10–15 % возможной выгоды [1].

Качество стратегического решения определяется полнотой информационной базы, разнообразием рассмотренных альтернатив, согласованностью с ценностями организации и качеством процессов реализации. По данным ЭКОПСИ Консалтинг, лишь 10 % сотрудников понимают стратегические цели своей организации [7]. Это означает, что стратегические неудачи в большинстве случаев обусловлены не ошибочностью замысла, а разрывом между формулировкой решения и его трансляцией на операционный уровень – «стратегической пропастью».

Таким образом, стратегические решения образуют смысловое ядро системы управления: задают долгосрочный вектор развития, определяют распределение ресурсов и формируют конкурентную позицию. Предложенная многокритериальная классификация создаёт методологическую основу для дифференцированного подхода к их разработке и оценке. Практика показывает, что большинство стратегических неудач обусловлены дефектами реализации и коммуникации решений, что ставит на повестку дня задачу формирования механизмов сквозной трансляции

стратегии на все уровни организационной иерархии.

Библиографический список

1. Борисов Д. А. Управленческие решения – определение, требования, классификация // Образовательный портал «Work5». – 2024.
2. Дэйви Дж. Принятие управленческих решений: концепции, методы, модели. – СПб.: Питер, 2022. – 384 с.
3. Зуб А. Т. Стратегический менеджмент: системный подход. – М.: Генезис, 2022. – 336 с.
4. Иванова М. В. Управление современной организацией в контексте цифровой трансформации. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2023. – 198 с.
5. Квалифик. Управленческое решение: понятие, классификация и принятие решения // Академия ДПО. – 2023.
6. Кемеров В. Е. Стратегическое управление в условиях неопределённости. – М.: Инфра-М, 2023. – 272 с.
7. Минин С. Игра в KPI: почему компании не выполняют свои стратегии // Forbes.ru. – 2024.
8. Минцберг Г. Стратегическое управление: методы исследования. – М.: Альпина Паблишер, 2022. – 456 с.
9. Демиденко М. Стратегия больше не на 10 лет. Что теперь определяет успех // РБК. – 2025.
10. Ansoff H. I. Strategic Management. – 3rd ed. – London: Palgrave Macmillan, 2022. – 252 p.
11. Kaplan R. S., Norton D. P. The Balanced Scorecard: Strategy into Action. – Boston: Harvard Business Review Press, 2023. – 322 p.
12. Mintzberg H., Waters J.A. Of Strategies, Deliberate and Emergent // Strategic Management Journal. – 2022. – Vol. 43. – No. 2. – P. 257–272.

© Янгирова Е. И., Алимкулов С. Ш., 2026

УДК 334.012.23:004

СУЩНОСТЬ И КЛАССИФИКАЦИЯ ОПЕРАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ МАЛОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

EDN PNAINH

Е. И. Янгирова
Т. Ш. Намазов

Доктор экономических наук, профессор,
студент, e-mail: namazov.tur@gmail.com,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия

THE ESSENCE AND CLASSIFICATION OF A SMALL ENTERPRISE'S OPERATIONAL STRATEGY IN THE DIGITAL ECONOMY

E. I. Yangirova
T. Sh. Namazov

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Student, Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia

Abstract. The article reveals the essence of the operational strategy of a small enterprise in the digital economy. Five key characteristics that distinguish it from traditional approaches are identified. A multi-criteria classification of operational strategies is proposed, taking into account the level of digital maturity and methods of value creation.

Keywords: operational strategy; small enterprise; digital economy; flexibility; client-centricity; digital maturity; classification.

Переход к цифровой экономике радикально меняет условия конкуренции для малых предприятий. Если в индустриальной модели ключевым фактором успеха был масштаб, то сегодня на первый план выходят гибкость, скорость адаптации и способность перестраивать бизнес-процессы на основе данных [1, с. 18]. В этих условиях операционная стратегия перестаёт быть сугубо техническим элементом управления и превращается в важнейший инструмент обеспечения конкурентоспособности.

Сущность и отличительные черты.

В классическом понимании операционная стратегия представляет собой систему долгосрочных решений по организации ключевых бизнес-процессов для достижения корпоративных целей [2, с. 134]. В цифровой среде она приобретает ряд новых характеристик.

Во-первых, центральным принципом становится не тотальная минимизация издержек, а операционная гибкость. Для малого предприятия способность в считанные дни менять конфигурацию процессов в ответ на изменение спроса или появление новых цифровых каналов сбыта является обязательным условием выживания [3, с. 87].

Во-вторых, стратегия делается имманентно клиентоцентричной. Цифровые инструменты (социальные сети, чат-боты, CRM-системы) позволяют выстраивать операционные процессы «от клиентского опыта», обеспечивая уровень кастомизации, ранее доступный только в премиум-сегменте [4, с. 69].

В-третьих, происходит симбиоз физических и цифровых активов. Облачные сервисы (SaaS) дают малым предприятиям доступ к мощной операционной инфраструктуре без значительных капитальных затрат. По оценкам, к 2027 году около 70 % российского малого бизнеса планирует использовать облачные решения [5, с. 96].

В-четвёртых, важнейшим фактором становится экосистемная интеграция – встраивание в маркетплейсы, логистические платформы и банковские супераппы, что позволяет централизовать ряд функ-

ций и снизить нагрузку на собственные операционные мощности [5, с. 94].

В-пятых, формирование стратегии носит итеративный, эмерджентный характер. В отличие от длительных циклов планирования в крупных компаниях, здесь стратегия вызревает через серию краткосрочных цифровых экспериментов, A/B-тестирование процессов и быстрое масштабирование успешных решений [1, с. 112].

Соотношение конкурентной и операционной стратегий иллюстрирует таблица 1.

Таблица 1

Сравнение конкурентной и операционной стратегий малого предприятия

Признак	Конкурентная стратегия	Операционная стратегия
Фокус	Внешняя среда, рынок	Внутренние процессы, ресурсы
Цель	Создание уникального позиционирования	Обеспечение эффективности и гибкости
Вопрос	Как побеждать конкурентов?	Как организовать работу?
Горизонт	3–5 лет	От нескольких месяцев до 2–3 лет
Инструменты	SWOT, модель Портера, матрица Ансоффа	Бережливое производство, Agile, цифровые платформы

Источник: составлено по [2; 4].

Классификация операционных стратегий.

Многообразие цифровых инструментов и бизнес-моделей требует систематизации стратегических альтернатив. На основе анализа исследований [1; 3; 5] может быть предложена многокритериальная классификация.

По операционному приоритету выделяются: стратегия цифровой эффективности (автоматизация рутинных операций, снижение транзакционных издержек), стратегия гипер-кастомизации (персональная настройка продукта/услуги на основе цифровых профилей клиентов), стратегия экосистемной интеграции (встраивание в платформы маркетплейсов и агрегаторов).

По уровню цифровой зрелости различают фрагментарную (автоматизация отдельных участков без интеграции), интегрированную (сквозные процессы с единым аналитическим контуром) и интеллектуальную (использование предиктивной аналитики и ИИ) стратегии [5, с. 95].

По способу создания ценности можно говорить о процессно-ориентированной (оптимизация стандартных процедур), проектно-ориентированной (организация вокруг уникальных клиентских проектов) и платформенно-ориентированной (алгоритмическое сопряжение поставщиков и потребителей) стратегиях [3, с. 89].

По типу адаптивности выделяются проактивная (упреждающая перестройка на основе прогнозов), реактивная (быстрое реагирование на свершившиеся изменения) и гибридная стратегии [1, с. 120].

Особенности реализации.

В малом бизнесе стратегическое и операционное планирование обычно не разделены институционально – руководитель совмещает обе функции. Это ускоряет принятие решений, но повышает зависимость от компетенций одного лица. Цифровые технологии частично компенсируют этот дефицит, беря на себя рутинные операции. Однако практика показывает, что до 90 % стратегических неудач связаны не с ошибочностью замысла, а с

дефектами внедрения [2, с. 928]. Основные барьеры – нехватка финансов, квалифицированных кадров и сопротивление персонала изменениям.

Таким образом, операционная стратегия малого предприятия в цифровой экономике представляет собой непрерывный процесс реконфигурации бизнес-процессов на принципах гибкости, клиентоцентричности и экосистемной интеграции. Предложенная многокритериальная классификация создаёт основу для осознанного выбора стратегии в зависимости от цифровой зрелости и рыночной позиции компании.

Библиографический список

1. Глухов В. В. Операционный менеджмент: учебное пособие. – СПб.: Питер, 2018. – 320 с.
2. Томпсон А. А., Стрикленд А. Дж. Стратегический менеджмент: концепции и ситуации для анализа. – 12-е изд. – М.: Вильямс, 2006. – 928 с.
3. Лапуста М. Г. Малое предпринимательство: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 685 с.
4. Ерохин Д. В. Формирование операционной стратегии промышленного предприятия // Российское предпринимательство. – 2011. – № 12-2. – С. 68–73.
5. Малое и среднее предпринимательство в России. 2019: стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – 96 с.

© Янгирова Е. И., Намазов Т. Ш., 2026

UDC 338.48

THE IMPORTANCE OF DEVELOPING THE SPA AND RESORT INDUSTRY THE RUSSIAN ECONOMY

EDN QGJEGW

S. E. Kegeyan

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
ORCID 0000-0002-4390-1015,
e-mail: svetlana.kegeyan@mail.ru,

M. E. Prudnikova

Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor,
ORCID 0000-0003-2183-7320,
e-mail: prudnik@inbox.ru,
Sochi State University,
Sochi, Krasnodar region, Russia

Abstract. The article describes how the targeted development of the health resort complex (HRC) can become a catalyst for regional development, strengthening human capital, and import substitution in the tourism sector, significantly contributing to the country's economic stability. It emphasizes the multifaceted economic potential of the health resort industry.

Keywords: sustainable development; spa and resort industry; economic diversification; recreational potential; health and therapeutic tourism; infrastructure development; import substitution; tourism destinations; domestic resort industry; resort facilities.

In today's economic climate, Russia faces the complex challenge of finding new growth opportunities and ensuring sustainable development. Sanctions pressure and changes in global supply chains are forcing a rethinking of traditional economic models. In this context, we see the spa and resort industry not simply as a service sector, but as a strategic resource for economic diversification. This sector uniquely combines healthcare, tourism, recreation, and social support, creating a so-called multiplier effect. In this paper, we will demonstrate that targeted development of the spa and resort complex (SRC) can become a catalyst for regional development, strengthening human capital, and import substitution in the tourism sector, significantly contributing to the country's economic stability. The multifaceted economic potential of the spa and resort industry. Russia possesses colossal and unique natural and recreational potential. From the Black Sea resorts of the Caucasus and Crimea to the balneological resorts of the Caucasian Mineral Waters, from the Altai Mountains to the lakes of Karelia – the region's geography allows for the development of a wide variety of health and therapeutic tourism [3]. The economic potential of the SCC is realized through several key channels: direct financial flows and tax revenues. The activities of sanatoriums, boarding houses, and resort hotels generate significant revenue. Accommodation fees, medical treatments, meals, and additional services generate revenue for companies in the industry. These funds are not entirely at their disposal – a significant portion is transferred to budgets at all levels in the form of taxes: income tax, VAT, property tax, and insurance premiums. A resort tax, already in effect in several pilot regions, is an important tool. This targeted tax is directly used to develop resort infrastructure – embankment improvements, road repairs, garbage collection, etc. – creating a positive cycle: more tourists = more revenue = better infrastructure = even more tourists. Job creation and human capital development in the regions. The SCC is one of the most labor-intensive sectors of the economy. Unlike many high-tech industries, it creates a large number of jobs that do not require higher education but provide a stable income. These include maids, kitchen workers, security guards, drivers, janitors, and waiters. At the same time, vacancies are created for highly quali-

fied specialists: physiotherapists, balneologists, nutritionists, tourism managers, and marketers [4].

For many single-industry towns and rural areas located in resort areas, the sanatorium is often the city-forming enterprise. Its closure or decline leads to socio-economic disaster, while its development, conversely, revitalizes the entire area. Employment in the service sector is generally more stable and less susceptible to cyclical fluctuations than in manufacturing. Stimulation of related industries and infrastructure development. Investments in SCCs have a powerful multiplier effect. The construction or modernization of one resort stimulates demand in the following sectors:

Construction and building materials industry: cement, metal, furniture, and plumbing are required.

Agriculture: a constant supply of fresh, high-quality food products is essential.

Transportation: resort development requires improved access roads, which leads to increased traffic on road, rail, and air transport.

Energy and housing and utilities: an increase in the number of vacationers requires modernization of power, water, and sanitation systems. Thus, money invested in resorts is "spread" throughout the economy, creating added value far beyond the industry itself. Infrastructure development, initially aimed at tourists, is dramatically improving the quality of life for the region's permanent population [1]. Import substitution in tourism: a response to external challenges. The current foreign policy situation and the closure of many traditional outbound tourism destinations have created a problem, but also a unique opportunity, for the domestic resort industry. A major shift in demand has occurred: millions of Russians who previously vacationed annually in Turkey, Egypt, or Europe have been forced to turn to domestic offerings. Increased load and identification of problems. Resorts in Crimea, Krasnodar Krai, and the Caucasian Mineral Waters region faced unprecedented loads in the 2022–2023 summer seasons [3]. This led to a sharp increase in industry revenues, but also revealed systemic problems: Morally and physically outdated facilities. Many sanatoriums were built during the Soviet era and do not meet modern standards of comfort. A shortage of qualified personnel, especially in the service and hospitality sectors. Overload of transport and utility infrastructure, not designed for such peak loads. From a necessary measure to a competitive product. Initially, many tourists perceived a vacation in Russia as a forced and inferior alternative. The task of the government and businesses is to transform it into an attractive and competitive product in its own right. This requires: Profound modernization: Not just cosmetic renovations, but refurbishment of the hotel rooms and, crucially, the medical and diagnostic facilities. Improving service quality: Implementing hospitality standards, staff training, and developing a service culture. Differentiating the offering: Creating not only classic sanatoriums, but also wellness hotels, spa resorts, specialized children's camps, etc. Successful implementation of this task will not only maintain financial flows within the country (according to experts, tens of billions of dollars were spent annually on outbound tourism) but also begin to attract tourists from friendly countries – the CIS, BRICS, and others. Strengthening human capital is the foundation of the economy of the future [1]. The most important function of the SCC, in my opinion, is its contribution to the health of the nation. In the modern economy, the main resource is not oil or gas, but human capital. Healthy, educated, and motivated people are the foundation of labor productivity and innovative development. Preventive medicine and economic efficiency. Spa treatment is, above all, a powerful tool for prevention and rehabilitation. Regular treatment allows for: Reducing the incidence of chronic non-communicable diseases. Reducing the number of days of temporary disability. Direct economic losses from

sick leave payments and decreased productivity during employee illness are enormous. Extending the period of active work capacity, delaying the onset of disability and retirement, which is extremely important in an aging population. Corporate wellness programs. For businesses, investing in employee health through corporate vouchers is not an expense, but a strategic investment. It pays for itself through: Increased labor productivity. A well-rested and healthy employee works more efficiently. Absenteeism due to illness is reduced. Corporate morale and employee loyalty are strengthened. The government could encourage such programs through tax incentives, which would ease the burden on the mandatory health insurance system and ultimately generate more benefits for the budget than costs. Strategic development directions for the Russian health resort industry [4]. A systemic and consistent policy is needed to realize its full potential. We would highlight the following priority areas: Comprehensive infrastructure modernization. This applies not only to the health resorts themselves, but also to the access infrastructure. Key tasks: Transportation: modernization of airports in resort regions (Sochi, Mineralnye Vody, Simferopol, Petropavlovsk-Kamchatsky), development of high-speed rail service, road repairs. Public utilities: construction and modernization of wastewater treatment plants, water supply systems, and power grids to eliminate seasonal outages. Digitalization: providing high-speed internet even in remote resort areas. HR policy and scientific support. Without high-quality personnel, all investments in infrastructure will be in vain. Necessary: Update educational programs at universities and colleges that train specialists for the resort industry. Stimulate the influx of young specialists to the regions through programs such as "Zemsky Doctor" and similar programs. Develop scientific research in the field of balneology and medical rehabilitation at leading research centers [2].

Active promotion and marketing

It is necessary to create a strong national brand for "Recreation and Health in Russia."

Develop a unified digital platform for booking travel packages. Conducting large-scale advertising campaigns in the media and social networks, including in foreign languages.

Participation in international tourism exhibitions.

Government support and public-private partnerships (PPPs)

Creating preferential lending programs for the modernization and construction of resort facilities. Developing PPP mechanisms, where the state undertakes infrastructure projects (road construction, communications), while businesses undertake the creation and management of resort facilities. Expanding the resort tax to all major resort regions. The conducted analysis allows me to confidently assert that the resort industry is not a secondary sector, but a strategically important one for the Russian economy in the 21st century. Its development directly contributes to key objectives such as economic diversification, regional development, import substitution, and, most importantly, strengthening human capital [3].

Investments in the health and well-being sector are long-term and comprehensive, but their returns are evident in all areas of society. These investments are not only in the economy, but also in health, well-being, and social stability. We can see huge promising prospects for professional development for modern generation in this field–in management, medicine, service, marketing, and IT – applied in a dynamically developing, socially oriented industry. The further development of the health resort industry requires the consolidated efforts of the state, business, and society, and the future economic well-being of our country largely depends on how successfully we cope with this task.

Bibliography

1. Anishchenko, E. A. Resort Complex of the Russian Federation: Modern Aspect of Development / E. A. Anishchenko, A. B. Churánov, Z. Y. Tenova, L. H. Chakarova // International Journal of Economics and Financial Issues. – 2016. – Vol. 6, No. S1. – P. 139–144.
2. Economic and legal factors of formation of a favourable investment climate in the health resort complex / R. R. Abdrahimov, N. B. Gafurova, A. M. Evdokimov [et al.] // Amazonia Investiga. – 2022. – Vol. 11, No. 51. – P. 247–256. – URL: https://amazoniainvestiga.info/index.php/amazonia/article/view/1654/1797 (дата обращения: 29.04.2026).
3. Basnina, T. D. Managing the Russian health resort industry: Key challenges and development trends / T. D. Basnina, L. A. Valitova, M. Yu. Sheresheva // Upravlenets. – 2021. – Vol. 12, No. 1. – P. 62–77.
4. Vorobey, E. K. The Newest Generation of Spa and Resort Consumers / E. K. Vorobey, O. Yu. Vinogradskaya // Sotsial'no-ekonomicheskoe prostranstvo regionov = Social and Economic Space of Regions. – 2024. – Vol. 18, No. 3. – URL: https://vestnik.sutr.ru/journals_n/1729067636.pdf (дата обращения: 29.04.2026).

© Kegeyan S. E., Prudnikova M. E., 2026

UDC 316.35

YOUNG PEOPLE AS CONSUMERS OF PREVENTIVE HEALTH

EDN QLTZBN

S. E. Kegeyan
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
ORCID 0000-0002-4390-1015,
e-mail: svetlana.kegeyan@mail.ru,

M. E. Prudnikova
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor,
ORCID 0000-0003-2183-7320,
e-mail: prudnik@inbox.ru,
Sochi State University,
Sochi, Krasnodar region, Russia

Abstract. This article examines young people as active consumers of preventative health, representing a unique target audience who actively seek ways to optimize their physical and mental fitness, perceiving health not only as the absence of disease but also as a resource for achieving personal and professional goals.

Key words: target audience, self-discovery, personalized approach, healthy lifestyle, relationships, preventative wellness, self-improvement, mental well-being, self-fulfillment, people's motivation, preventative health.

Young people, as active consumers of preventive health, represent a unique target audience, comprising individuals aged 14 to 35, with specific characteristics and needs.

This age group, defined by the period between adolescence and adulthood, is characterized by a desire for self-discovery, experimentation, and the development of their own lifestyle, which directly impacts their attitudes toward health and well-being. Young people actively seek ways to optimize their physical and mental fitness, perceiving health not only as the absence of illness but also as a resource for achieving personal and professional goals [2].

One key characteristic is their technological savvy and preference for digital communication channels. Accustomed to instant access to information, they readily use mobile apps, online platforms, and social media to gain knowledge about a healthy lifestyle, choose fitness programs, and seek expert support. Young people value a personalized approach, flexibility, and the ability to tailor solutions to their individual needs and schedules. Another important characteristic is their social activity and desire to belong to a community. Young people often seek ways to engage in sports and wellness with friends or like-minded individuals, making group training, fitness clubs, and online marathons popular options. They also tend to share their experiences and achievements on social media, creating a viral effect and encouraging others to follow their example.

Overall, young people represent a highly promising and dynamic segment of the preventative wellness market. Their openness to innovation, drive for self-improvement, and proactive approach make them key agents of change in the industry. Understanding their needs and characteristics is essential for successful engagement and building long-term relationships [4].

Unlike younger generations, who are still heavily influenced by their parents and require their financial support, young people often have greater independence in decision-making and budgeting. This allows them to actively experiment with new products and approaches, shaping their own consumer preferences. Younger generations tend to be more focused on game-based and entertainment-based wellness, while young people strive for a holistic approach, combining exercise, healthy eating, and mental well-being.

Compared to older generations, young people are more active in using digital technologies and social media to search for information, select products, and share experi-

ences. They carefully study reviews, compare prices, and monitor trends, making them more informed and demanding consumers.

Unlike younger generations, young people have more developed critical thinking and are able to evaluate the effectiveness of proposed solutions based on personal experience and objective data. It is this combination of technological savvy, financial independence, and a desire for self-improvement that makes young people a key driver of the preventative health industry [1].

The financial influence of young people on the preventative health industry is difficult to overestimate. As active consumers, young people drive demand for certain goods and services, thereby determining the direction of the industry's development. Their willingness to invest in their health and wellness directly impacts the profitability of companies offering products and services in this area.

Furthermore, young people are a powerful force on social media, where they share their achievements, experiences, and impressions. This viral marketing helps attract new customers and strengthen the position of brands that care about their reputation and target a young audience. In fact, young people are not only consumers but also active market participants, shaping its culture and financial flows.

Young people are looking for more than just tools to maintain physical fitness or address specific health issues in the preventative wellness industry. They are seeking a holistic approach that will allow them to feel better, look more attractive, and be more successful in various areas of their lives. This is a generation for whom health is not simply the absence of illness, but a key resource for achieving goals and self-fulfillment [4].

Young people are turning to the industry because they see it as an opportunity to receive expert support, learn effective methods for maintaining health, and find like-minded people.

Working with young people in the preventative health industry requires a special approach that takes into account the specifics of this age group. A key consideration is the need to communicate in a language understandable and relatable to the younger generation. This involves the use of digital communication channels, an active presence on social media, and the creation of content that is relevant, interesting, and engaging.

Young people's specific needs are linked to a desire to receive not just information but also practical tools for improving their health and well-being. They value a personalized approach, flexibility in choosing programs, and the ability to tailor solutions to their individual lifestyle. Young people also value social interaction, so group classes, marathons, and online communities are very popular [2].

The industry is actively adapting to these needs, offering mobile apps with personalized workout and nutrition plans, online consultations with experts, discounts and promotions for students, and loyalty programs that encourage active participation.

Importantly, the industry creates a positive image of a healthy lifestyle, emphasizing its connection with success, self-confidence, and social status. This approach helps attract and retain a young audience, developing sustainable habits for their health and well-being.

Despite the enormous potential, working with the youth segment in the preventative health industry is fraught with a number of significant challenges. Firstly, there is intense competition for attention due to information overload and the abundance of alternative forms of leisure. Young people are constantly exposed to advertising, entertainment content, and offers from other industries, requiring wellness companies to develop creative and memorable advertising campaigns.

Secondly, trends are volatile and youth preferences rapidly shift. What was popular yesterday may no longer be relevant today, so companies must constantly monitor the situation, adapt their products, and offer new solutions that meet the changing needs of their audience.

Thirdly, maintaining long-term motivation is often difficult. Young people, who are prone to quick results, may become disillusioned with preventative measures that require systematic effort and time. Therefore, the industry must offer engaging programs that deliver visible results and maintain interest in a healthy lifestyle over the long term.

Finally, an important factor is the financial constraints of many young people. Expensive wellness programs and products may be inaccessible to a significant portion of the audience, necessitating the development of more affordable and flexible solutions. Overcoming these challenges will allow the preventative health industry to effectively engage with young people.

A significant factor is the perception of preventative health as something scientifically imposed by the older generation or not meeting their current needs. Many young people believe that health care is the prerogative of older adults, and as long as their bodies function without any visible problems, there is no need to spend time and money on preventative care [3].

Another reason may be the unrealistic nature of the proposed models and standards. Images of the "perfect" body, promoted by advertising and social media, are often unattainable and evoke feelings of inadequacy, discouraging exercise or strict diets.

First, the explosive growth in the popularity of wearable devices and mobile apps that track physical activity, sleep, heart rate, and stress levels gives young people the opportunity to monitor their health in real time. The data obtained serves as the basis for developing personalized training programs, dietary adjustments, and relaxation techniques.

Second, online platforms offering virtual fitness classes, webinars, and consultations with nutritionists and psychologists provide a flexible and accessible format for exercising and receiving professional support, fitting into the dynamic lifestyles of young people.

Finally, increasing attention is being paid to mental well-being. Mobile apps offering meditation techniques, mindfulness, and stress management programs are helping young people cope with the challenges of the modern world and maintain balance between their physical and mental health. These innovations, integrated into everyday life, are fostering a culture of mindfulness toward health and well-being among young people [4].

Young people also play a key role in promoting a healthy lifestyle through social media. They share their achievements, experiences, and impressions, creating a viral effect and attracting new customers to the industry. Their influence extends not only to themselves but also to those around them, shaping a culture of health and well-being. Brands that successfully engage with a youth audience gain a competitive advantage and ensure sustainable growth in the future. Overall, young people are not only important consumers but also active participants in the development of the preventative health industry.

Bibliography

1. Lyadova, A. V. Health preservation in the views of students: features and factors of formation / A. V. Lyadova // Higher education in Russia. – 2024. – Vol. 33, № 8–9. – P. 140–160.
2. Vorotylkina, I. M. Modern trends in a healthy lifestyle of students / I. M. Vorotylkina, N. G. Bazhenova, R. I. Bazhenov // The world of science. Sociology, philology, cultural studies. – 2022. – Vol. 13, № 4. – URL: https://sfk-mn.ru/PDF/59SCSK422.pdf (дата обращения: 29.04.2026).
3. Vorobey, E. K. The Newest Generation of Spa and Resort Consumers / E. K. Vorobey, O. Yu. Vinogradskaya // Sotsial'no-ekonomicheskoe prostranstvo regionov = Social and Economic Space of Regions. – 2024. – Vol. 18, № 3. – URL: https://vestnik.sutr.ru/journals_n/1729067636.pdf (дата обращения: 29.04.2026).
4. Skvortsova, E. S. Self-assessment of health by adolescents and their commitment to medical prevention programs / E. S. Skvortsova, N. P. Lushkina // Social aspects of population health. – 2024. – Vol. 70, № S5. – URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/1688/30/lang,ru/ (дата обращения: 29.04.2026).

© Kegeyan S. E., Prudnikova M. E., 2026

УДК 81’26

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

EDN QNWRLQ

А. В. Матвиенко
Е. В. Середа

Студент, e-mail: flgtvrk@vk.com,
научный руководитель,
кандидат филологических наук, доцент,
e-mail: evsereda@mail.ru
Российский государственный
социальный университет,
г. Москва, Россия

THE MAIN WAYS OF TRANSLATING TERMINOLOGICAL PHRASES FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

A. V. Matvienko
E. V. Sereda

Student
Scientific supervisor,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Russian State Social University,
Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the problem of translation of terminological phrases in telecommunication texts. The author considers translation as a multidimensional process in which the translator's decisions are determined not only by linguistic, but also by communicative, pragmatic and socio-cultural factors. Within the framework of the communicative and functional approach (V. N. Sdobnikov), three main translation strategies are defined, but the main focus is on the operational level – translation transformations.
Keywords: translation transformations; terminological phrases; telecommunication terminology; English.

Перевод терминологических словосочетаний в телекоммуникационных текстах представляет собой многомерный процесс, в котором переводчик принимает решения, руководствуясь не только лингвистическими, но и коммуникативными, прагматическими и социокультурными факторами. В современном переводоведении, особенно в рамках коммуникативно-функционального подхода, разработанного В. В. Сдобниковым и другими исследователями, ключевым понятием является стратегия перевода – общая программа действий, определяющая, как именно будет адаптирован исходный текст для достижения поставленной цели [7, с. 187–190]. Выделяются три основные стратегии:

1) стратегия коммуникативно-равноценного перевода;
2) стратегия терциарного перевода;
3) стратегия переадресации.

Более того, перевод терминологических словосочетаний требует от переводчика не только знания специальной лексики, но и владения системой приемов, позволяющих адекватно передать значение, структуру и коммуникативную функцию исходной единицы. Эти приемы в переводоведении принято называть переводческими трансформациями. Под трансформациями понимаются разнообразные межъязыковые преобразования, при помощи которых осуществляется переход от исходного текста (ИТ) к тексту

перевода (ПТ) при сохранении денотативной и прагматической эквивалентности. В отличие от стратегий, которые задают общую направленность перевода (например, ориентация на коммуникативный эффект или на заказчика), трансформации носят операционный характер и могут применяться вне зависимости от избранной стратегии. Как пишет И. А. Надточенко, именно владение трансформациями позволяет переводчику преодолевать структурные и семантические расхождения между английским и русским языками, особенно в области многокомпонентных терминов.

В современном переводоведении сложилась разветвленная типология переводческих трансформаций. В рамках данного исследования, ориентированного на перевод терминологических словосочетаний в телекоммуникационных текстах, наиболее релевантной представляется классификация, выделяющая лексические, грамматические и лексико-грамматические трансформации. Лексические трансформации применяются, когда в языке перевода отсутствует прямой эквивалент для исходного термина; грамматические – когда расхождения в строе языков требуют изменения синтаксической структуры; лексико-грамматические (комплексные) сочетают оба типа изменений. Рассмотрим каждую группу подробно, иллюстрируя примерами из телекоммуникационной терминологии.

Лексические трансформации включают в себя такие приемы, как транскрипция, транслитерация, калькирование, генерализация, конкретизация и смысловое развитие. Эти трансформации связаны с лексическим уровнем и затрагивают прежде всего выбор соответствия для отдельного слова или компонента словосочетания.

Транскрипция и транслитерация – способы передачи иноязычного термина буквами языка перевода. Транскрипция ориентируется на произношение, транслитерация – на графический облик. В телекоммуникационных текстах данные приемы чрезвычайно распространены, особенно для передачи аббревиатур, названий протоколов, фирменных наименований. Как отмечают М. Г. Волкова, С. Л. Васильева и А. А. Абрамова, «в сфере информационных технологий транслитерация составляет около 40 % всех способов перевода терминов» [2]. Примерами могут служить *router* → «роутер», *switch* → «свитч», *gateway* → «гейтвей» (хотя встречается и «шлюз»), *Bluetooth* → «Блютуз». Д.М. Унгалова подчеркивает, что транслитерация часто является первым шагом в освоении нового термина; в дальнейшем он может либо закрепиться в языке, либо быть вытесненным смысловым эквивалентом. Выбор приема зависит от степени укорененности термина в русском языке. Например, термин *firewall* первоначально переводился как «межсетевой экран», но впоследствии уступило место транслитерированному «файрвол».

Калькирование – поморфемный или пословный перевод термина с сохранением его внутренней формы. Этот прием предпочтителен, когда компоненты английского словосочетания имеют прямые соответствия в русском языке. Например, *network security* → «сетевая безопасность», *data transmission* → «передача данных», *mobile network* → «мобильная сеть». О. В. Шурлина в своем сопоставительном исследовании на материале терминологической базы *Microsoft* отмечает, что калькирование активно используется для двухкомпонентных атрибутивных словосочетаний, однако при трех и более компонентах может приводить к громоздким и неестественным конструкциям.

Генерализация – замена видового понятия родовым, более широким по смыслу. В телекоммуникационных текстах генерализация может применяться, когда точный русский эквивалент отсутствует или когда термин не играет ключевой роли. Например, *smartphone* может переводиться как «телефон» (вместо «смартфон») в текстах для широкой аудитории.

И. А. Надточенко предупреждает, что генерализация допустима лишь при сохранении денотативной идентичности; в противном случае она ведет к искажению. В технической документации для специалистов генерализация не рекомендуется.

Конкретизация – обратный прием: замена родового понятия видовым. Например, *device* в контексте может быть переведено как «маршрутизатор» или «коммутатор» в зависимости от ситуации. Конкретизация помогает избежать неопределенности и повысить точность. Как пишет Ф. Б. Абдуллаева, в переводах стандартов связи конкретизация часто применяется для уточнения функционального назначения оборудования [9].

Смысловое развитие – замена слова или словосочетания исходного языка на такое, которое логически выводится из него, но не является прямым эквивалентом. Например, *handover* может быть переведено как «эстафетная передача» (развитие образа эстафеты). Другой пример: *call drop* → «обрыв соединения» (развитие идеи «падения» звонка в «обрыв»). Смысловое развитие требует от переводчика глубокого понимания технологии и контекста.

Грамматические трансформации охватывают изменения формальной структуры терминологического словосочетания при сохранении его смысла. К ним относятся: перестановка, замена формы слова, трансформация части речи, замена синтаксических функций, синтаксическое уподобление, членение и объединение предложений (применительно к словосочетаниям чаще речь идет о членении/объединении компонентов).

Перестановка – изменение порядка слов в терминологическом словосочетании. Английские атрибутивные цепочки строятся по принципу «определение перед определяемым», тогда как в русском языке зависимые компоненты чаще располагаются после главного. Например, *network management system* при калькировании дало бы «управление сетью система»; путем перестановки получаем «система управления сетью». И. А. Надточенко приводит пример *core network node* → «узел основной сети», где перестановка сочетается с заменой падежа. Перестановка является практически обязательной для трех- и четырехкомпонентных терминов.

Замена формы слова – изменение числа, падежа, рода. Например, *data* в английском обычно имеет форму множественного числа, в русском же «данные» также множественное, но *information* (ед.ч.) может переводиться как «сведения» (мн.ч.). В терминологических словосочетаниях замена формы слова часто сопровождается другими трансформациями.

Трансформация части речи (или функциональная замена) – один из самых частотных приемов при переводе английских терминологических словосочетаний. Английское существительное в атрибутивной позиции часто заменяется русским прилагательным или существительным в родительном падеже. Например, *optical fiber* → «оптоволоконный» (прилагательное), *satellite communication* → «спутниковая связь» (прилагательное), *quality of service* → «качество обслуживания» (существительное в родительном падеже). М. Г. Волкова с соавторами отмечают, что при переводе IT-терминов трансформация части речи наблюдается более чем в 50 % случаев [2]. О. В. Шурлина подтверждает, что замена английского атрибутивного существительного русским прилагательным или родительным падежом является «наиболее естественным способом адаптации терминологических словосочетаний к русской синтаксической норме».

Замена синтаксических функций – изменение роли компонента в словосочетании. Например, в английском словосочетании *frequency hopping* (прыжковая частота) главное слово – *hopping* (перескок), а *frequency* определяет. При переводе на русский «псевдослучайная перестройка рабочей частоты» главным становится

«перестройка», а «частоты» – зависимым. Такие замены обусловлены различиями в синтаксических моделях.

Синтаксическое уподобление (дословный перевод) применяется, когда структуры английского и русского словосочетаний совпадают. Например, *wireless network* → «беспроводная сеть» (прилагательное + существительное). Однако в телекоммуникационной терминологии случаи полного совпадения встречаются редко, в основном для двухкомпонентных сочетаний с прилагательным.

Членение и объединение компонентов терминологического словосочетания. Членение – это разбиение длинной атрибутивной цепочки на несколько более простых конструкций. Например, *internet protocol television service provider* – «провайдер услуг телевидения на основе интернет-протокола» (словосочетание разбито на несколько частей). Объединение, напротив, происходит, когда два английских термина сливаются в один русский: *base station* → «базовая станция» (уже устоявшийся термин, но внутренне объединяет два слова). Как показывает Д. М. Унгалова, членение предпочтительно для длинных цепочек, так как оно повышает читаемость текста перевода.

Лексико-грамматические (комплексные) трансформации сочетают в себе изменения и на уровне лексики, и на уровне грамматики. К ним обычно относят антонимический перевод, описательный перевод и компенсацию. Эти трансформации наиболее радикальны и применяются, когда другие способы не позволяют достичь адекватности.

Антонимический перевод – замена утвердительной конструкции отрицательной или наоборот с сохранением смысла. В терминологических словосочетаниях антонимический перевод используется редко, но иногда помогает избежать неестественных оборотов. Например, *lossless compression* → «сжатие без потерь» (отрицательная конструкция вместо буквального «беспотерьное сжатие»). Другой пример: *non-repudiation service* → «услуга, исключающая отказ» (отрицание преобразовано в утверждение). По мнению Ф. Б. Абдуллаевой, антонимический перевод в технических текстах требует осторожности, так как может изменить акценты [9].

Описательный перевод – передача значения терминологического словосочетания через развернутое описательное выражение. Этот прием широко используется для неологизмов, у которых еще нет устоявшегося краткого эквивалента. Например, *beamforming* → «формирование пространственного луча», *edge computing* → «вычисления на границе сети», *network slicing* → «разделение сети на виртуальные сегменты». И. А. Надточенко отмечает, что описательный перевод часто является временной мерой: со временем термин может быть заменен более кратким заимствованием или калькой. Д. М. Унгалова добавляет, что в переводах руководств для широкой аудитории описательный перевод предпочтительнее транслитерации, так как он понятен без дополнительных знаний. Недостатком является громоздкость и возможная потеря терминологичности.

Компенсация – прием, при котором смысловая или стилистическая потеря в одном месте текста восполняется в другом. Применительно к терминологическим словосочетаниям компенсация может использоваться, если приходится упростить сложный термин, но связанный с ним нюанс можно пояснить в сноске, в глоссарии или в соседнем предложении. Например, переводчик заменяет *orthogonal frequency-division multiplexing* на «OFDM» с последующим пояснением: «OFDM (мультиплексирование с ортогональным частотным разделением)». В данном случае потеря развернутости компенсируется добавлением расшифровки аббревиатуры. О. В. Шурлина подчеркивает, что компенсация особенно востребована при переводе стандартов, где каждый термин важен, но объем текста ограничен [8].

Все перечисленные трансформации – лексические, грамматические и лексико-грамматические – составляют арсенал переводчика, работающего с телекоммуникационными терминологическими словосочетаниями. Важно подчеркнуть, что они не связаны жестко с какими-либо стратегиями перевода (коммуникативно-равноценной, терциарной или переадресации). Одна и та же трансформация, например калькирование, может применяться и при точном переводе для специалистов, и при адаптации текста для широкой аудитории. Различие будет не в самой трансформации, а в критериях ее применения и допустимой степени отклонения от оригинала. Как справедливо отмечает В. В. Сдобников, выбор конкретных трансформаций определяется не столько стратегией, сколько характером расхождений между языками и требованиями к качеству перевода в каждой конкретной коммуникативной ситуации [7, с. 205–207].

На основе проведенного анализа можно сформулировать несколько практических рекомендаций. При переводе двухкомпонентных терминологических словосочетаний наиболее частотны калькирование (для прозрачных сочетаний) и транслитерация (для заимствований). Для трех- и четырехкомпонентных цепочек необходимы перестановка, замена частей речи и членение. Для новых терминов, не имеющих эквивалентов, оптимальным является описательный перевод или транслитерация с пояснением. При этом важно соблюдать единообразие: если выбран определенный вариант перевода для ключевого термина, он должен использоваться во всем тексте.

В качестве иллюстрации применения трансформаций к конкретным терминам из телекоммуникационной сферы приведем несколько примеров, заимствованных из анализа М. Г. Волковой и др. и И. А. Надточенко. Термин *handover* переводится по-разному: «передача обслуживания» (калькирование + добавление слова «обслуживания»), «эстафетная передача» (смысловое развитие), «хэндовер» (транслитерация). Выбор зависит от контекста и целевой аудитории. Термин *throughput* – «пропускная способность» (функциональная замена, так как буквальное «сквозная пропускная способность» избыточно). Термин *latency* – «задержка» (конкретизация, так как буквально «латентность»). Термин *jitter* – в технических текстах обычно транслитерируется как «джиттер», но иногда описывается как «вариация задержки».

Исследование О. В. Шурлиной на материале терминологической базы *Microsoft* показывает, что даже в рамках одной компании могут сосуществовать разные трансформации для одного понятия [8]. Например, *cloud computing* фигурирует в переводах и как «облачные вычисления» (калькирование), и как «облачные технологии» (генерализация), и как «клауд» (транслитерация). Это подтверждает тезис о том, что выбор трансформации – не строго детерминированный, а вероятностный процесс, зависящий от множества факторов.

Ф. Б. Абдуллаева подчеркивает, что при переводе терминологических словосочетаний необходимо учитывать не только собственно лингвистические, но и экстралингвистические факторы: традиции русской технической школы, наличие уже опубликованных переводов, требования заказчика [9]. Например, термин *base station* уже десятилетия переводится как «базовая станция» (калька), и попытка ввести другой вариант приведет к непониманию.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что переводческие трансформации представляют собой гибкий инструментарий, позволяющий переводчику преодолевать структурные, семантические и прагматические различия между английским и русским языками. Лексические трансформации (транскрипция, транслитерация, калькирование, генерализация, конкретизация, смысловое разви-

тие) обеспечивают выбор адекватного лексического соответствия. Грамматические трансформации (перестановка, замена формы слова, трансформация части речи, замена синтаксических функций, синтаксическое уподобление, членение и объединение) позволяют перестроить структуру терминологического словосочетания в соответствии с нормами русского языка. Лексико-грамматические трансформации (антонимический перевод, описательный перевод, компенсация) используются в наиболее сложных случаях, когда прямое или грамматически адаптированное соответствие отсутствует. Все эти трансформации могут применяться как по отдельности, так и в комбинации друг с другом. При этом они не привязаны к какой-либо одной стратегии перевода, а представляют собой универсальный операционный аппарат, который переводчик использует в любой стратегии в зависимости от поставленной задачи.

Библиографический список

1. Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 6 (224). С. 62–71. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-terminov-v-sfere-informatsionnyh-tehnologiy/ (Дата обращения 14.11.2024)
2. Волкова М. Г. Особенности перевода терминов в сфере информационных технологий / М. Г. Волкова, С. Л. Васильева, А. А. Абрамова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2022. – № 6 (224).
3. Колечкин И. С., Середа Е. В. Реализация образовательных возможностей и аксиологического потенциала цифровой образовательной среды ФГИС «Моя школа» // В сборнике: Современные образовательные технологии. Сборник научных статей 11-й Международной научно-технической конференции. Москва, 2024. С. 385–392.
4. Кулешова В. М. Введение в теорию и практику перевода научно-технической литературы: курс лекций. Минск: БГУ, 2001. 59 с.
5. Реформатский А. А. Что такое термин? // Введение в языкознание. М., 1967.
6. Середа Е. В., Криворучко Г. П. Сложности в восприятии энантиосемии у иностранных обучающихся // Современное профессиональное образование. 2025. № 1. С. 67–72.
7. Сдобников В. В. Перевод и коммуникативная ситуация : монография / В. В. Сдобников. – 4-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2022. – 463 с.
8. Шурлина О. В. Английские и русские термины сферы информационных технологий: сопоставительный аспект (на материале терминологической базы данных компании «Майкрософт») / О. В. Шурлина // Исследования языка и современное гуманитарное знание. – 2024. – № 1.
9. Abdullayeva F. B. Terminological Precision and Linguistic Challenges in Technical Translation / F. B. Abdullayeva // American Journal of Philological Sciences. – 2025. – Vol. 5, No 4. – P. 333–337. – DOI: 10.37547/ajps/Volume05Issue04-82.

© Матвиенко А. В., Середа Е. В., 2026

УДК 81’26

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПО ЭКСПЛУАТАЦИИ ЦЕНТРОВ ОБРАБОТКИ ДАННЫХ

EDN QQPJXH

А. В. Матвиенко
Е. В. Середа

Студент, e-mail: flgtvrk@vk.com,
научный руководитель,
кандидат филологических наук, доцент,
e-mail: evsereda@mail.ru,
Российский государственный
социальный университет,
г. Москва, Россия

FEATURES OF THE TRANSLATION OF TERMINOLOGICAL PHRASES FROM ENGLISH INTO RUSSIAN BASED ON THE TEXTS ON THE OPERATION OF DATA CENTERS

A. V. Matvienko
E. V. Sereda

Student
Scientific supervisor,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Russian State Social University,
Moscow, Russia

Abstract. This article is devoted to the consideration of problems related to the translation of terms and phrases from English into Russian based on the texts on the operation of data centers. The article discusses the translation features of single-word and multi-word terms, which use various translation methods to convey their meaning.
Keywords: data center; data center; fault tolerance; redundancy; microclimate; translation; term; English; Russian; phrase.

В современном мире очень важную роль занимают телекоммуникации и Интернет. Эти вещи позволяют не только обмениваться информацией между друзьями, родственниками и коллегами. Они позволяют нам платить за товары банковскими картами, бронировать билеты на самолеты, покупать товары за рубежом и делиться моментами из жизни в соцсетях. И все это делается удаленно, без использования проводов и кабелей. Все это возможно благодаря тому, что существуют Центры Обработки Данных (далее – ЦОД) [2].

В них сосредотачиваются телекоммуникации всего города, района, страны. Они принимают беспроводные сигналы, обрабатывают их и хранят огромные объемы информации. Все это позволяет нам получать любую информацию или открывать любую страницу в сети Интернет буквально за долю секунды. Но все эти процессы могут быть налажены исключительно за счет того, что носители разных языков, культур могут обмениваться необходимым опытом и информацией без потери изначального смысла. Именно поэтому проблема данной статьи является достаточно актуальной на данный момент, и вряд ли утратит свою актуальность, как ее не утратили переводы медицинской литературы, инженерных пособий и т.п. Обмен опытом в этой сфере критически важен и нам необходимо понимать, как упростить перевод таких текстов.

Для начала необходимо иметь представление о том, что такое термин. В учебнике А. А. Реформатского «Введение в языковедение» отмечено, что «термины – это слова специальные, ограниченные своим особым назначением, слова,

стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и называние вещей» [4, с. 110].

В нашем случае необходимо рассмотреть термины из технической области, а именно, инженерные термины и терминологические словосочетания. Рассматривать перевод терминов и терминологических словосочетаний мы будем на примере англоязычной статьи о работе ЦОД – «Data Center Operations: A Comprehensive Guide for Operators» [7].

Рассмотрим первое словосочетание – *lightning arrester.* Чтобы узнать его перевод, необходимо понимать, что дословный перевод зачастую не используется в технической терминологии. В данном случае *lightning* – это молния, а *arrester* никак не связан с представителями ведомственных структур. *Arrester* – означает буквально «разрядник», в большинстве текстов связанных с электроникой. Таким образом, понимая специфику текста, в котором находится данное словосочетание и зная правила эксплуатации электроустановок, мы делаем вывод, что данное словосочетание переводится как «молниеотвод». Здесь мы задействуем способ перевода «использование эквивалента» по В. М. Кулешовой [3, с. 13]

Следующее слово, которое мы рассмотрим – *chiller*. Оно происходит от слова «охлаждать», и в неформальной среде оно может переводиться методом транскрибирования как «чиллер». Однако в официальных текстах данное слово корректно переводится как «холодильная машина». Происходит это из-за того, что российские инженеры уже придумали такое устройство, а не полностью позаимствовали его у западных коллег. Поэтому здесь используется подбор эквивалента [1, с. 67].

Рассмотрим следующий пример – словосочетание *public cloud computing.* Его можно перевести как «публичное облако вычислений». Для того, чтобы грамотно перевести это терминологическое словосочетание, необходимо понимать современные тренды в информационных технологиях. На сегодняшний день очень популярно арендовать виртуальное пространство в ЦОД, используя оборудование арендодателя и все его наработки в области охлаждения, электропитания и безопасности как физической, так и информационной. Такое пространство и называется «облако». Публичное оно потому, что любой может использовать эту услугу. Самое главное при переводе – опустить последнее слово «вычислений». Оно не несет в себе информативности, если мы погружены в контекст перевода. Здесь следует использовать метод генерализации, опуская слово *computing* [1, с. 68]. Значит верный вариант перевода – «Публичное облако».

Возвращаясь к использованию наработок ЦОД в области бесперебойного электропитания и охлаждения, рассмотрим устойчивый термин-аббревиатуру – *IaaS (Infrastructure as a Service).* Он дословно переводится как «инфраструктура как сервис». То есть в этом случае уместен дословный перевод.

Следующий пример *bypass.* У этого слова есть устойчивый перевод «обходной путь». Однако, это слово стоит переводить методом транскрибирования – *байпас.* Оно означает обходной путь для электричества в случае отказа или неисправности основного. «Байпас» звучит лаконичнее и может использоваться в официальных документах.

Рассмотрим еще ряд примеров из статьи «Data Center Operations: A Comprehensive Guide for Operators», для передачи которых на русский язык тоже требуется принятие переводческих решений:

- *They were going to burn in some firewalls.*

В данном случае *burn in* полностью эквивалентно глаголу *troubleshoot – выявление неполадок. Burn in* – загрузка оборудования с целью диагностики, устранения неполадок в работе. Это является примером приема «описание» [1, с. 67]. Слово *firewalls* может быть транскрибировано на русский язык и в профессиональных кру-

гах слово «файрволл» будет понятным, однако, лучше перевести его как *межсетевой экран.* По сути – невидимая (огненная) стена, которая защищает выход в глобальную сеть посредством шифровки сообщений. В конечном итоге мы получаем перевод:

Они собирались проверить наличие неполадок в работе некоторых межсетевых экранов.

o *This power strip is way better for the cabinet.*

Слово *power strip* в сфере электрики переводится как «удлинитель», но в случае с ЦОД оно имеет другое значение – устройство распределения питания. *The cabinet* имеет множество вариантов перевода, но в ЦОД оно имеет одно строгое значение – серверный шкаф, стойка. Оба термина переведены с использованием эквивалента [3, с. 13] в русском языке. Итак, получаем результат:

Данное устройство распределения питания гораздо лучше для этой стойки.

o *This process involves managing the transition between AC and DC…*

Это пример включает в себе две аббревиатуры, известные многим людям, далеким от электрики, однако стоит уточнить, что *AC – alternating current* и *DC – direct current.* Переводится как переменный и постоянный ток соответственно.

Этот процесс включает управление переходом между переменным и прямым током.

o *Any downtime is unacceptable for the PT.*

Рассмотрим особенности перевода данного предложения. *Downtime* – вынужденное бездействие, простой. В нашем случае верно будет трактовать это как «время простоя», то есть некоторое *время простоя, которое недопустимо (unacceptable) для PT.* Что же такое *PT?* Существует несколько вариантов перевода данной аббревиатуры: *Physical Therapist, Penetrant Testing, Path Traversal* и другие. Физиотерапевт, дефектоскопия и обход пути (схоже с *bypass*). Нас не интересует медицина, поэтому первый вариант нам не подходит. В дефектоскопии вряд ли критически важно «время простоя». Ну и «обходной путь», пожалуй, самый подходящий вариант. Но, возможно, существуют и более удачные варианты? Мы не рассмотрели один вариант, который является безальтернативным в этом предложении – *Power Transformer* – трансформатор. И именно время его простоя *критически недопустимо.* Получаем полное предложение:

Любое время простоя трансформатора является недопустимым.

o *The Rack PDU does not require this cookie by default*

Здесь следует начать с более часто встречающегося слова в повседневной жизни – *cookie. Cookie (куки) — это небольшие фрагменты данных, которые содержат информацию о пользователе и его действиях на сайте [5].* Интересно здесь значение словосочетания *Rack PDU.* Оба этих слова уже обсуждались выше, но в случае с *rack* нами был рассмотрен его синоним – *cabinet*, а синонимом *PDU* (*Power distribution unit*) являлось словосочетание *power strip*. В итоге получаем следующие значения: *Rack* – серверная стойка, и *PDU* – устройство распределения питания. Соответственно, *Rack PDU – это устройство распределения питания, по формфактору рассчитанное на стандартную серверную стойку.*

По стандарту, устройство распределения питания не требует этот куки-файл.

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что в рассматриваемой сфере свое применение находят различные способы перевода терминологических словосочетаний, такие как: подбор эквивалента, генерализация и транскрибирование.

Также, рассмотренные выше примеры наглядно доказывают, что без понимания принципов работы ЦОД невозможно верно передать смысл многих терминологических словосочетаний. Для этого требу-

ются знания в основном из области электрики. Особую сложность представляет собой перевод аббревиатур и профессионализмов. На данный момент количества специальной литературы о ЦОД на русском языке критически мало по сравнению с количеством источников на иностранных языках. Но эта сфера «встала на свои рельсы» в нашей стране в конце 2000-х годов и уверенно развивается и по сей день, несмотря на давление со стороны мирового сообщества.

Библиографический список

1. Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2022. – Вып. 6 (224). – С. 62–71. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-terminov-v-sfere-informatsionnyh-tehnologiy/ (дата обращения: 14.11.2024).
2. Колечкин И. С. Реализация образовательных возможностей и аксиологического потенциала цифровой образовательной среды ФГИС «Моя школа» / И. С. Колечкин, Е. В. Середа // Современные образовательные технологии : сборник научных статей 11-й Международной научно-технической конференции. – М., 2024. – С. 385–392.
3. Кулешова В. М. Введение в теорию и практику перевода научно-технической литературы : курс лекций / В. М. Кулешова. – Минск : БГУ, 2001. – 59 с.
4. Реформатский А. А. Что такое термин? / А. А. Реформатский // Введение в языкознание. – М., 1967.
5. Середа Е. В. Сложности в восприятии энантиосемии у иностранных обучающихся / Е. В. Середа, Г. П. Криворучко // Современное профессиональное образование. – 2025. – № 1. – С. 67–72.
6. Cookies: что это такое и зачем сайты их используют [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://yandex.ru/adv/edu/materials/ (дата обращения: 14.11.2024).
7. Mary Zhang. Data Center Operations: A Comprehensive Guide for Operators [Электронный ресурс] / Mary Zhang. – Режим доступа : https://dgtlinfra.com/data-center-operations/ (дата обращения: 14.11.2024).

© Матвиенко А. В., Середа Е. В., 2026

УДК 81'33

АФФЕКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ВОСПРИЯТИЯ ГЕНЕРАТИВНОГО КОНТЕНТА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

EDN QXZWXS

Е. М. Плечкова

Магистрант,
e-mail: ekaterinaplechkova39@gmail.com,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций,
г. Санкт-Петербург, Россия

AFFECTIVE PRACTICES OF PERCEIVING GENERATIVE CONTENT ON SOCIAL MEDIA

E. M. Plechkova

Master's student,
Saint Petersburg State University,
School of Journalism and Mass Communications,
Saint Petersburg, Russia

Abstract. The subject of the article is affective practices of perceiving generative content on social media. The aim of the study is to identify the affective practices through which technologically engaged social media audiences perceive generative content. The empirical base consists of 967 user comments to 19 publications of the Telegram channel “Hi, AI” posted in 2025, analysed through content analysis with elements of discourse analysis. The article shows that user reactions are organized around three trajectories: participation (624 units), resistance (193 units), and ironic distancing (143 units). Participation prevails because the technologically engaged audience treats generative content as a tool to be tested in action, whereas resistance arises selectively when AI affects labour, trust and the role of human presence in communication.

Keywords: affect; affective practices; generative content; artificial intelligence; Telegram; content perception.

Введение

Одной из наиболее заметных тенденций развития современной медиасреды становится увеличение доли генеративного контента. По данным Ahrefs, 74,2 % из 900 тыс. англоязычных веб-страниц, появившихся в апреле 2025 г., содержали контент, созданный с использованием искусственного интеллекта (ИИ) [1]. А по оценкам Д. Спеннемана, основанным на анализе характерных для ChatGPT языковых маркеров, около 30 % текстовой информации в источниках в 2025 г. могло иметь генеративное происхождение [7]. Такое широкое распространение ИИ-контента повлияло не только на трансформацию медиапроизводства, но и на изменение взаимодействия аудитории с ним.

Вместе с тем, современная коммуникативистика все чаще обращается к теориям аффекта, в которых фокус смещается от рациональных моделей коммуникации к тем уровням взаимодействия, где определяющую роль играют телесные реакции, чувства, эмоции. Понятие аффекта не имеет четкой трактовки. Ученые рассматривают его как субъективное переживание, как психобиологическую реакцию, как синтез телесных ощущений, интерпретаций, культурных категорий и конкретной ситуации [2; 5; 6; 8].

Наиболее продуктивным для изучения медиакоммуникации является подход М. Уэтерелл, которая предлагает определять аффект как «воплощенное производство смысла» [8, с. 4]. Эта дефиниция соединяет два измерения, которые нередко разводятся в теории – телесное и семиотическое. Синтез позволяет избежать упрощенной хронологии, согласно кото-

рой сначала возникает «чистый» аффект, затем он осмысляется, а затем превращается в эмоцию [4; 8]. В социальном опыте телесная реакция и интерпретация разворачиваются совместно: человек не просто испытывает неопределенное возбуждение, а уже в ходе ситуации начинает понимать его как тревогу, радость и т. д. Это понимание опирается на культурные категории, доступные формы выражения, нормы уместности и реакции других участников.

Аффективная практика не тождественна отдельной эмоции. Это форма деятельности, в которой чувство создается, оформляется, распознается и используется. Исследователь не исходит из готового перечня эмоций, а прослеживает, как сами участники делают ситуацию тревожной, смешной, значимой или безразличной. М. Уэтерелл поэтому оставляет вопрос о том, что считать аффективным, самим практикам и их участникам [8, с. 98].

Таким образом, аффективные практики можно определить как социально организованные способы телесно-смыслового участия, через которые аффект производится, распознается и включается в действие. Это понятие связывает индивидуальное переживание с коллективными формами его выражения, телесный отклик – с культурной интерпретацией, ситуативную интенсивность – с устойчивыми способами взаимодействия.

В связи с этим цель исследования состоит в выявлении и описании аффективных практик, через которые технологически вовлеченная аудитория социальных сетей воспринимает генеративный контент. Для достижения этой цели анализируется, какие формы пользовательского участия, сопротивления и дистанцирования проявляются в комментариях к публикациям о технологиях искусственного интеллекта.

Материалы и методы

Эмпирическую базу составили 967 комментариев к 19 публикациям телеграм-канала «Hi, AI» [3], размещенным с 1 января по 20 декабря 2025 г. Комментарии охватывают период с 1 января 2025 г. по 18 февраля 2026 г. Отбор проводился по ключевым словам «ИИ», «нейросеть», «искусственный интеллект». Методы исследования – контент-анализ, элементы дискурс-анализа. Корпус отражает восприятие технологически вовлеченной аудитории и не претендует на репрезентацию массового пользователя социальных сетей.

Результаты анализа

В ходе анализа мы выявили три основные аффективные траектории восприятия генеративного контента – это соучастие, сопротивление и ирония. Наиболее заметной является практика соучастия (624 единицы). Оно возникает там, где публикация о генеративном контенте воспринимается как приглашение к действию. Пользователь стремится не только обсудить ИИ, но и применить его: найти сервис, получить инструкцию, проверить эффективность и доступ, опубликовать собственный результат.

Ключевой пример – пост от 3 апреля 2025 г., который сообщает о том, что канал запустил собственный бот, в котором можно редактировать изображения на базе Gemini 2.0. Из 100 комментариев к нему 61 представляет собой команду /photo. Подобные комментарии связаны с тем, что команда присутствует в тексте поста: при нажатии на нее автоматически отправляется соответствующий комментарий. В этом случае можно проследить действие – 61 пользователь потенциально вовлекся в изучение бота.

Типичные реплики этой траектории: «Как это сделать?», «А как такое сделать?», «Не дает сделать почему-то», «Когда откроете бесплатный доступ??», «Как сделать фото со звездой?». В них интерес переходит в запрос инструкции, фрустрация – в жалобу на интерфейс, восхищение – в желание воспроизвести результат.

Эффект этой практики связан с инфраструктурными ожиданиями. Пользователи оценивают генеративный сервис через понятность, доступность. ИИ в этой траек-

тории осмысляется не абстрактно, а через опыт использования.

Сопротивление – вторая важная траектория (193 единицы). Она возникает там, где ИИ связывается с рисками контроля, замены человека, утраты доверия или непрозрачной автоматизации. Так, в обсуждении биометрии в сервисе World пользователи пишут: «Цифровой концлагерь!», «Сканирование радужки глаза за деньги?», «Сбор биометрии под разным соусом, не более того!». В этих репликах технология воспринимается как вторжение в телесную автономию и приватность. В обсуждении автоматизированных коллцентров сопротивление связано с утратой человеческого контакта: «РОБОТЫ БЕСЯТ», «Вряд ли ИИ сможет заменить полноценно людей, все же человеческий фактор играет свою роль». В постах о сильном ИИ тревога принимает форму предельного сценария: «Если ИИ догадается отключить людей от электричества, то большая часть населения точно умрет».

Здесь эмоция делает аффект видимым отказ от доверия, критику биометрической проверки, отрицание полной заменимости человека, сомнение в легитимности автоматизированной коммуникации. Прямые требования маркировки ИИ-контента в корпусе единичны – чаще нормирование идет через разграничение допустимого эксперимента и принудительной или обманной автоматизации.

Показательно, что сопротивление в этом корпусе почти не связано с эстетическим неприятием «некрасивой генерации». Оно социально: касается труда, коммуникации, приватности и статуса доказательства. Поэтому даже в постах о генеративных инструментах сопротивление часто вспыхивает не вокруг изображения как такового, а вокруг вопроса, может ли ИИ заменить человека и должен ли пользователь под это подстраиваться.

Ироническое дистанцирование – третья траектория (143 единицы). Оно позволяет пользователям оставаться внутри обсуждения, но не принимать технологические обещания буквально. Особенно отчетливо ирония проявляется в комментариях «слово бесплатно, сразу дает повод задуматься □», «Куда 5ю дели?? □», «уровень дискуссии запредельный□», «Щас каждый день начнут <…> хаха». Здесь аффект становится видимым через эмодзи и саркастические интонации.

Ирония чаще появляется вокруг обещаний бесплатного доступа, технологических сбоев, переименований моделей, маркетинговых преувеличений и «революционных» анонсов. Пользователь не отказывается от ИИ, но снижает пафос новизны и оставляет за собой право не доверять обещанию без проверки.

Выводы

Анализ показывает, что восприятие генеративного контента в социальных сетях организуется как набор аффективных практик, а не как сумма индивидуальных эмоций. Для технологически вовлеченной аудитории первична логика освоения. Генеративный контент выступает инструментом, который необходимо проверить в действии. Именно поэтому наиболее заметной траекторией становится соучастие. Сопротивление включается избирательно. Оно усиливается не при любом упоминании ИИ, а в ситуациях, где технология затрагивает труд, доверие и человеческое присутствие. Это позволяет говорить не о тотальном технофобном восприятии, а о ситуативной критике конкретных способов применения ИИ. Ирония фиксирует третью позицию: пользователь не отвергает технологию, но и не принимает ее рекламную самоочевидность. Через смех и сарказм аудитория регулирует степень доверия к ИИ-повестке.

Главный вывод состоит в том, что для технологически вовлеченной аудитории генеративный контент не является исключительно объектом страха или восхищения. Он становится средой действия, проверки, критики и дистанцирования. Аф-

фект в этой среде производится внутри коммуникации.

Методологически важно, что специализированная аудитория канала смещает результат: анализ описывает поведение не массового пользователя, а ранних и технологически мотивированных участников сетевого обсуждения. Именно поэтому в корпусе доминирует не паника, а инструментальное соучастие, поверх которого уже наслаиваются сопротивление и ироническое дистанцирование.

Библиографический список

1. 74 % of New Webpages Include AI Content (Study of 900k Pages) [Электронный ресурс] // Ahrefs. URL: https://ahrefs.com/blog/what-percentage-of-new-content-is-ai-generated/ (дата обращения: 10.03.2026).
2. Barrett L. F. Solving the emotion paradox: Categorization and the experience of emotion // Personality and Social Psychology Review. – 2006. – № 1. – P. 20–46.
3. Hi, AI [Электронный ресурс] // Telegram. URL: https://t.me/hiaimedia (дата обращения: 20.04.2026).
4. Leys R. The turn to affect: A critique // Critical Inquiry. – 2011. – № 3. – P. 434–472.
5. Russell J. A. Core affect and the psychological construction of emotion // Psychological Review. – 2003. – № 1. – P. 145–172.
6. Scherer K. R. The dynamic architecture of emotion: Evidence for the component process model // Cognition and Emotion. – 2009. – Vol. 23. № 7. – P. 1307–1351.
7. Spennemann D. «Delving into» the quantification of Ai-generated content on the internet (synthetic data) [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/390772908_Delving_into_the_quantification_of_Ai-generated_content_on_the_internet_synthetic_data (дата обращения: 10.03.2026).
8. Wetherell M. Affect and Emotion: A New Social Science Understanding. – London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 2012. – 20 p.

© Плечкова Е. М., 2026

УДК 82-8

ОПЫТ КИТАЙСКОГО ФОТОЖУРНАЛИСТА СЕ ХАЙЛУНА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ МЕДИА

EDN RPWMWN

Ян Чжи

Кандидат филологических наук, профессор,
e-mail: yz20002@mail.ru,
Институт журналистики и коммуникаций
Хэнаньского университета,
г. Кайфын, Провинция Хэнань, Китай

THE EXPERIENCE OF CHINESE PHOTOJOURNALIST XI HAILUN IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF FORMING PROFESSIONAL IDENTITY AMONG MEDIA SPECIALISTS

Yan Zhi

Candidate of Philological Sciences, Professor,
Henan University School of Journalism
and Communication,
Kaifeng, Henan Province, China

Abstract. The article presents the components of a journalist's professional identity and emphasizes the dialectical relationship between professional journalistic ideology and professional journalistic identity. The experience of Chinese photojournalist Xie Hailun was chosen for the prologue presentation of our topic of interest: the significance of the experience of distinguished journalists and photojournalists in shaping the professional identity of young media specialists.

Keywords: professional identity; journalism; photojournalism; Se Hailun; social responsibility.

С распространением социальных сетей остро встал вопрос о сути профессии журналиста, ее отличии от неинституализированных форм медиакоммуникации, необходимости сплочения журналистского сообщества на фоне приобретающей авторитет блогосферы [3]. Кроме того, имеет место тенденция к отчуждению личности журналиста, часто неразличимого в гуле «всеобщего микрофона», к тому же вынужденного экономить физические и эмоциональные ресурсы в условиях конвергированного медиаполя, требующего адаптации контента к различным формам медиа и владения инструментарием этих форм (ТВ, радио, прессы, электронных площадок).

Обсуждение этих проблем специалистами выявило диалектическую взаимосвязь профессиональной идентичности и профессиональной идеологии. Профессиональная идеология как таковая представляет собой «совокупность идей, убеждений, ценностей, стандартов и поведенческих стереотипов, разделяемой представителями сферы деятельности» [1, с. 31]; профессиональная идеология журналиста (ПИЖ) – «совокупность… идей и принципов, которая выражает интересы профессионального сообщества журналистов и обеспечивает системную целостность института журналистики» (С. Г. Корконосенко, СПбГУ [5]). Если журналист приемлет ПИЖ, на ее основе будет формироваться профессиональная идентичность, если не приемлет – не будет.

Составляющие профессиональной идентичности журналиста следующие:

- ролевой статус (объективный информатор, и/или просветитель, и/или субъект гражданской журналистики соучастия);

- скоррелированность персональной «картины мира» и государственной идеологии и политики;
- профессиональная этика (ценности, принципы, установки, самоконтроль);
- профессиональная культура (культура речи, «когнитивные маркеры культурной памяти» [2, с. 164]);
- социализация (социальная ответственность, солидарность, готовность к соучастию и диалогу).

Следуя профессиональной идеологии и обладая профессиональной идентичностью, журналист способен формировать общественное мнение, репрезентировать образ социального времени, пропагандировать общечеловеческие ценности, а также привлекать внимание к неблагополучным явлениям в социуме, способствуя их корректировке и даже преодолению. В настоящей статье будет сделан акцент на последней позиции.

Если говорить о подготовке журналистских кадров, то акценты на профессиональной идеологии и идентичности возможно расставлять не только в процессе преподавания этики журналистской деятельности, политологии, социологии, но и целого ряда других дисциплин: основ, теории, истории журналистики, а также фотожурналистики. История мировой фотожурналистики знает множество бесценных примеров реализации профессиональной идентичности посредством работы с фотокамерой. Акцент на этих примерах – видимый опыт, воздействующий сильнее правил и кодексов этики журналистской деятельности. Приведем некоторые из таких примеров.

Западные фотожурналисты: основатель документальной фотографии *Якоб Риис (1849–1914),* снимавший жизнь нью-йоркских трущоб; *Льюис Хайн (1974–1940),* фотохроникер индустриальной Америки, зафиксировавший, в том числе, строительство нью-йоркских «башен-близнецов» в 1920–1930-е гг.; *Дороте́я Ланж (1895–1965),* хроникер американской Великой депрессии и нападения на Перл-Харбор в 1941 г.; *Эрих Заломон (1886–1944),* известный фотографиями в области дипломатии и судопроизводства; военный фотограф *Роберт Капа (1913–1954),* освещавший японско-китайскую войну 1937–1945 гг. и Вторую мировую войну в Европе; социальный фотограф *Маргарет Бурк-Уайт (1904–1971),* снимавшая повседневную американскую жизнь и американских солдат в местах военных действий; *Юджин Смит (1918–1978)*, запечатлевший экологическую катастрофу в японском городке Минамата[1] и др. Как очевидно, это профессионалы, близко к сердцу воспринимавшие современные им события и реалии, делавшие свою работу не ради кадра-картинки, а для информирования и отклика аудитории и ответственных лиц.

Что касается советских военных фотожурналистов, в их работах, действительно, много ярких символических кадров, но в данном случае это мощное средство воодушевления соотечественников на борьбу с врагом: знаменитый «Комбат» *Макса Альперта (1899–1980),* снятый в момент, когда командир воодушевляет бойцов перед атакой; фотоснимки *Александра Устинова (1909–1995), Евгения Халдея (1916–1997), Михаила Калашникова (1906–1944),* погибшего при штурме Севастополя, и ряда других фотокорреспондентов-героев.

В истории китайской фотожурналистики также присутствует ряд крупных примеров социальной ответственности, стремления участвовать в решении конкретных проблем. Равно как опыт каждого из наиболее известных и принципиальных (потому и известных) западных фотожурналистов являет собой полноценную главу в «книге профессии», формирующей идентичность журналиста, так же значим

[1] Фильм 2020 г. «Минамата» (другое название – «Великий») с Джонни Деппом в главной роли.

профессиональный опыт ряда китайских фотографов. Назовем пионеров этой когорты. *Ван Янцзы (1909–1957)* в 26 лет предпринял длительную поездку на Северо-Запад страны, документируя тяжелую жизнь национальных меньшинств. *Фан Дачжэн (1912–1937)* – военный фотожурналист, «китайский Роберт Капа», погибший на поле боя в самом начале японо-китайской войны. *Чжан Чунчжан (1930–1924)* запечатлел борьбу героических групп китайских добровольцев против американской агрессии в Серной Корее (1950–1959). Список можно продолжать.

Если говорить о современном Китае, формировавшемся с введением реформ и открытости Дэн Сяопином в 1978 г., то позитивные перемены стали не только основанием стремительного экономического роста, расширения доступа к информации из-за рубежа, но также огромного разрыва между поколениями и социальными группами. Искусство фотографии позволило не только отразить красоту побед, но и жизнь социально уязвимых слоев населения. *Се Хайлуна (р. 1951)*[1] тронула проблема школьного образования в глухих и наиболее бедных районах Китая. Он не просто запечатлел ее в кадрах, но и способствовал началу централизованной работы над ее преодолением.

Фото 1. **Сельские дети на школьном дворе**

Се Хайлун окончил факультет журналистики Пекинского института телерадиовещания, но с самого начала работал именно фотожурналистом. Уже самые ранние его фоторабоы были сосредоточены на непривилегированных и маргина-

[1] Специальная премия Китайского общества новостной фотографии (1986), Особая почетная премия Китайской ассоциации фотографов (1997), Премия Китайского фонда борьбы с бедностью (2006), Премия глобального фотоконкурса «Внимание к бедности», совместно организованном Синьхуа и Программой развития ООН (2011), Премия за прижизненные достижения в фотографии «Золотой дракон» на 5-й Всекитайской выставке фотографического искусства в Гонконге (2014), «Золотая статуэтка» от Всекитайской федерации литературы и искусства и Китайской Ассоциация фотографов (2015), «Фотограф года» по версии Глобального рейтинга китайских фотографов (2018, 2019).

лизированных социальных группах. Когда в 1986 году в Китае началось внедрение девятилетнего обязательного образования, Се Хайлун начал свой фотопроект по исследованию состояния сельского базового образования в Китае. Побывал в бедных и отсталых сельских районах, посетив в общей сложности 20 провинций и более 100 уездов. Движущей эмоциональной силой для фотожурналиста стало не только глубокое сочувствие школьникам и их семьям, но и тот факт, что значительное большинство детей страстно хотели учиться.

Фото 2. **Семья из горной деревни**

Благодаря работам Се Хайлуна, условия и качество образования в бедных районах, драмы детей, бросавших обучение в школе, привлекли внимание правительства и общественности. В октябре 1989 г. Центральный комитет Коммунистического союза молодежи Китая и Китайский фонд развития молодёжи запустили программу помощи учащимся «Проект Надежда» (希望工程); дальнейшая работа Се Хайлуна продолжалась в его формате. Сделанный в сельской местности провинции Аньхой снимок первоклассницы Су Миньцзюань «Большие глаза» (1991) стал символом проекта[1]. В 1992 году фотовыставка «Проекта Надежда» была представлена в Пекине, Тайбэе и Гонконге.

[1] По состоянию на сентябрь 2019 г. в рамках проекта собраны пожертвования на сумму 15,229 млрд юаней, оказана помощь 5,9942 млн учащихся из малообеспеченных семей, построено 20 195 школ. Кроме того, запущены такие «под-проекты», как «Операция “Исполнение мечты”», «Кухня “Надежда”» (помощь в питании), «Обучение сельских учителей». В 2006 году совместно с Су Минцзюань Се Хайлун выставил на аукционе фотографию «Большие глаза» для приобретения авторских прав с целью сбора средств для «Проекта Надежда».

Фото 3. **«Большие глаза»**

Фото 4. **Ученица**

Более 30 лет Се Хайлун вел съемку детей в отдаленных сельских школах, документируя их состояние сначала накануне перемен, затем – в процессе модернизации. В настоящее время, будучи почетным пенсионером Китайской Ассоциации фотографов, продолжает фиксировать последующую жизнь тех детей, которые когда-то не могли посещать школу [4].

За годы своей практики Се Хайлун глубоко убедился в том, что раскрытие большой темы начинается с малого. «Капля воды отражает сияние солнца. Обыденные фото лучше наводят на размышления, нежели эффектные. Скрытое глубоко, открытое поверхностно» [6, с. 47].

Опыт китайского фотожурналиста Се Хайлуна свидетельствует о том, что нервнодушный объектив, как и неравнодушное «перо», – средство не просто информирования, но, главное, – создания поля гласности, мотивирующей власть и общественность к разрешению неблагополучных ситуаций. Полагаем, что целенаправленная трансляция подобного опыта различных представителей журналистской профессии разных стран и эпох в процессе преподавания ряда дисциплин журналистского образования является необходимым условием формирования профессиональной идентичности будущих специалистов медиа.

Библиографический список

1. Бережная М. А. Социальные темы как катализатор профессиональной идеологии в журналистике // Журналистика XXI века: профессиональная идеология для ускользающей профессии / отв. ред. С. Г. Корконосенко. СПб.: Санкт-Петерб. гос. ун-т; Высш. шк. журн. и мас. ком., 2017. С. 29–38.
2. Ерофеева И. В. Профессиональная идеология журналиста в ракурсе национальной идентификации // Журналистика XXI века: возвращаясь к профессиональной идеологии: материалы междунар. науч.-практ. конф., 18–19 нояб. 2022 г. / отв. ред. С. Г. Корконосенко. Санкт-Петербург, 2022. С. 163–165.
3. Журналистика XXI века: возвращаясь к профессиональной идеологии: матер. междунар. научно-практической конференции, 18–19 ноября 2022 г. / отв. ред. С. Г. Корконосенко. СПб.: Медиапапир, 2022. 214 с.
4. Посланник, вдохновивший волонтерское движение с помощью фотообъектива: интервью с фотожурналистом Се Хайлуном // Китайский художественный обозреватель. 2013. № 11. С. 26. 用镜头传播志愿者文化的使者 ——公益摄影师解海龙访谈录 . 中国文艺网. 2013-11-26.
5. Профессиональная идеология журналистики. Электронный ресурс: https://j21.tb.ru/project Дата обращения: 12.05.2026.

6. Хуан Цзин. Исследования документальной фотографии в Китае с конца XX века. Шаньдун: Шаньдунский ун-т, 2009. 58 с. 黄静. 中国20世纪末以来的纪实摄影研究 [D]/黄静//山东：山东大学, 2009–58 頁.

© *Ян Чжи, 2026*

UDC 81

THE CONCEPT «TRAVEL» AND ITS LEXICAL REPRESENTATION IN MODERN ENGLISH

EDN RRYRWY

E. S. Korol
A. I. Dzyubenko

Student, e-mail: ekoro@sfedu.ru,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
ORCID 0000-0002-3228-4277,
e-mail: aidzyubenko@sfedu.ru,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article explores the concept as a key notion in contemporary cognitive linguistics, emphasizing its complex and multifaceted nature. The article focuses on the concept of «travel» labeling it as one of the basic concepts. The article provides the analysis of usual lexical means of realizing the concept «travel» in contemporary English. Through the examination of nouns and verbs and their synonyms, the research reveals semantic distinctions based on purpose, duration and mode of travelling. The analysis concludes that «travel» is a multidimensional concept, integrating physical movement with its social, cultural and cognitive aspects.
Keywords: concept; cognitive linguistics; travel; lexico-semantic analysis; linguistic representation.

Contemporary cognitive linguistics is engaged in the study of the system of meanings related to what a person knows about the world, how a person manipulates these symbols, and how they comprehend the world and themselves in it. The concept is a key notion in cognitive linguistics, while its content varies across the frameworks of different scientific schools and scholars. The issue of interpretation lies in the fact that the concept is a mental category which is still studied by representatives of various disciplines, including philosophy, logic, psychology and cultural studies.

S. A. Askoldov was the first domestic researcher to use this term. In 1928, in the article «The concept and the word» he defined the concept as «a mental formation that in the process of thinking replaces an indefinite number of objects of the same kind» [1].

D. S. Likhachev, opposing to S. A. Askoldov's viewpoint, defined the concept as a generalized mental unit that reflects and interprets phenomena of reality and represents a generalisation of the sets of word meanings in the individual consciousness of language speakers. In his view, the concept is the result of layering the new meaning onto the personal life experience.

Among many interpretations, the approach of E. S. Kubryakova should be noted. In the «Short dictionary of cognitive terms» the concept is defined as an operative content unit of memory, mental lexicon, conceptual system and the language of the brain, representing the entire picture of the world reflected in the human psyche [3, p. 90–92].

A. P. Babushkin and I. A. Sternin define the concept as «a discrete mental formation that serves as the basic unit of the person's cognitive code, possessing a relatively organised internal structure, representing the result of the cognitive activity of the individual and society and carrying complex encyclopedic information about the reflected object or phenomenon, and about the interpretation of this information by public consciousness, and about the attitude of public consciousness toward the given object or phenomenon [2, p. 7–8].

A viewpoint close to this interpretation is that of M. V. Pimenova: «a concept is a certain representation of a fragment of the world or part of such a fragment, having a complex structure expressed through different groups of features, realised by various linguistic means and methods» [4].

Thus, in contemporary cognitive linguistics, the concept is regarded as a complex and

multifaceted mental formation, lacking a single universal definition. Despite differences in scholars' approaches all interpretations converge on the idea that the concept is related to the process of thinking, storing and interpreting information about the world. It functions as a fundamental unit of the human cognitive system, reflecting both individual experience and collective consciousness, and is realised through language providing a link between consciousness and reality.

The next logical step after examining the nature of the concept is the analysis of the process of its fixation and realisation in language. While language serves as a primary instrument for expressing mental formations, the usual means of their objectification - lexical, phraseological and grammatical units – reflect the most typical and commonly used ways in which speakers conceptualise the surrounding world. Usual means may coincide with the linguistic norms recorded in widely recognised dictionaries or they may deviate from it. In this study, we focus on the concept of «travel», which holds cultural significance and is considered one of the basic concepts alongside «life», «family», «freedom», «happiness» and «home», within the limits of linguistic norms documented in dictionaries. The analysis of synonymy and antonymy and collocational patterns of lexemes, associated with the realization of travel will allow for a more precise construction of the interpretive field of this concept in Anglo-American linguoconsciousness.

As the main lexicographic source, the «Oxford Learner's Thesaurus» was used. This dictionary provides the following definition of the lexeme «travel»: «the activity of going to different places for business or pleasure especially over long distances» [7]. The definition is neutral in meaning and implies movement to different places over long distances, often for specific purposes.

The lexeme «travel» is accompanied by the following synonymous units: tourism, sightseeing, travelling. A common feature of these words is the designation of the act or process of movement to various places. However, there is also a semantic difference between them, which may affect there compatibility and context.

The lexeme «tourism» in the same dictionary is defined as «the business activity connected with providing accommodation services and entertainment for people who are visiting a place for pleasure» [7]. It denotes a type of business activity related to providing conditions for travellers, rather than the act of travelling itself, as in case of «travel».

The next unit «sightseeing» is defined as «the activity of visiting interesting places and buildings as a tourist» [7]. The lexeme implies visiting places of interest. Unlike «travel», this lexeme includes a specific purpose – visiting sights – and is therefore considered a narrower, more specialised synonym for the realisation of the concept of «travel».

The word «travelling» according to its definition fully coincides with «travel»; the only basis for distinguishing between the two lexemes is the number of people involved in the journey. Using «travel» implies people in general and therefore the statement sounds formal and generalised, whereas «travelling» requires reference to a specific person which provides the utterance with a more conversational and personal character.

It is also necessary to mention the synonym «journey» which is defined in the dictionary as «the act of travelling from one place to another, especially when they are far apart». At first glance, this lexeme coincides with «travel». However, after analysing examples it can be stated that the use of «journey» emphasises the route itself and the process of movement between two points. Moreover, «journey» is often found in metaphorical phrases, for example, «spiritual journey» or «a journey of self discovery».

In this study, it is vital to mention the synonym «trip» which denotes a specific person's short-term, often planned, journey and their returning, for example, by taxi or a business trip.

In the «Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms» the lexeme «travel» as a

noun is presented with two additional synonym sets: 1) globe-trotting, moving around, peregrination, touring, wandering; 2) cruise, drive, excursion, expedition, exploration, flight, hike, holiday, migration, mission, outing, pilgrimage, ramble, ride, safari, sail, sea passage, track, visit, voyage, walk.

In order to determine whether these lexemes are suitable for the realisation of the concept of travel, it is necessary to analyse the semantic meaning of each unit in each group.

The lexeme «globe-trotting» denotes travelling around the world and visiting different countries, often as a lifestyle. «Moving around» is used to describe general movement that is not necessarily for long distance or planned and may even be random or chaotic. The archaic noun «peregrination» means pilgrimage or wandering and emphasises the thoughtful nature of the journey and its length. «Touring» describes trips involving sightseeing with the defined route. The last synonym in the first group of this dictionary entry is «wandering» which characterises free movement without any specific purpose or plan and, in some contexts, may be translated as «vagrancy».

As for the second group of nouns. The noun «cruise» expresses a pleasant trip by ship. «Drive» characterises a journey by car, while «ride» refers to travel on horseback or by bicycle. «Excursion» is viewed as a short trip for pleasure or educational purposes. «Expedition» describes the journey with a specific aim, especially an exploratory one. The noun «exploration» corresponds to research or investigation of new places. «Flight» implies air travel. «Hike» means a long walk in the countryside, a trek. The widely used «holiday» refers to «vacation». «Migration» denotes large-scale long-term and seasonal movement of people or animals. «Mission» refers to a journey with a specific, often political, military or religious purpose. «Outing» is a one-day trip outside the city. The noun «pilgrimage» is explained as a religious journey, while «ramble» is interpreted as a leisurely walk without a fixed route. «Safari» denotes a short trip for observing or hunting wild animals, especially in Africa. «Sail» implies travel by sailing vessel, whereas «sea-passage» is actually a sea crossing. The noun «trek» is semantically similar to «hike» and coincides in denoting a long walk outside the city. «Visit» is used to describe movement with the purpose of seeing a place or a person. The lexeme «voyage» characterises a long sea or even space journey. The noun «walk» is commonly used as movement on foot.

After reviewing the two groups of nouns it can be concluded that dictionaries provide a large number of usual means for the representation of the concept of «travel». However, within the two mentioned categories the words can be further divided into subgroups according to additional features, such as purpose, mode of transportation and duration.

The subgroup according to purpose includes two points:

1) travel for specific goals (research, work, business). This group includes the nouns: expedition, exploration, mission, pilgrimage, migration, peregrination, visit, voyage;

2) travel for pleasure. The words, such as: holiday, tourism, tour, trip, excursion, outing, safari and cruise, might be found in this category.

According to the mode of transportation the synonyms of travel are divided into:

1) air travel, which includes only the noun «flight»;

2) land travel, which consists of «drive», «ride», «walk», «hike», «ramble», «trek», «trip», «journey», «visit»;

3) water travel, containing «cruise», «voyage», «sail», «sea-passage».

According to duration travelling can be:

1) short-term, for example, «trip», «drive», «outing», «visit», «flight», «excursion», «walk», «ride»;

2) medium-term, for instance, «tour», «safari», «cruise», «holiday»;

3) long-term, for example, «voyage», «trek», «expedition», «exploration», «peregrination», «migration».

However, when discussing the means of realising the concept of «travel» in contemporary English, the study can not be limited to the analysis of the nouns only. Therefore, the analysis of the definitions and synonyms of verbs that contribute to the objectivation of given concept will be carried out. The verb «to travel» is defined in an online dictionary as «to go from one place to another especially over a long distance». The «Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms» presents a range of verbs that are semantically similar to travel: gad about, gallivant, journey, make a trip, move, proceed, progress, roam, rove, wander. The analysis of this group of lexemes will be conducted in comparison with the core unit «travel».

The phrasal verb «gad about» means to visit different places and have fun especially when one should be doing something else and carries the meaning of «to wander around in search of entertainment». Unlike travel, it does not imply a purpose as it refers to a frivolous search for leisure activities.

The verb «gallivant» is similar to the previous verb, but it is more colloquial and emotionally expressive and can be interpreted as to roam around in search of amusement.

«Journey» is rarely used as a verb and appears only in contexts where it is necessary to emphasise the length of a trip.

The fixed expression «make a trip» refers to a specific journey and, in comparison with travel, has a narrower semantic scope, whereas «move» on the contrary denotes any kind of activity or movement not always related to travel.

The lexeme «proceed» is defined in the online dictionary as «to move forward or travel in a particular direction» and it emphasises continuation as a more formal way of expressing the concept «travel».

The verb «progress» is more often used in a metaphorical sense meaning to advance in development or to succeed.

The colloquial verbs «roam» and «wander» imply aimless travel, so does the archaic and literary verb «rove».

The above-mentioned verbs can be divided into two groups according to the degree of formality:

1. neutral (journey, make a trip, move, proceed, progress);
2. colloquial (roam, wander, gad about, gallivant).

Moreover, the «Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms» presents a group of words united with the mark «go». These include: aviate, circumnavigate, commute, cruise, cycle, drive, emigrate, fly, free wheel, hike, hitchhike, march, migrate, motor, navigate, paddle, pedal, pilot, punt, ramble, ride, row, sail, shuttle, steam, tour, trek, walk. In this part of the study, only those words that have not been mentioned yet will be analysed via dividing into categories.

1. Types of movement by mode and means:

a. Walking. The definitions of pedestrian travel verbs reflect physical direct contact with the environment, from casual walks to long hikes. These are: walk, ramble, hike, trek, march.

b. On wheels. This type of travel is characterised by using vehicles or mechanisms. The verbs: cycle, pedal, ride, drive, motor, free-wheel, usually emphasise the speed and technology of travelling.

c. Water travel. It involves the exploitation of different types of vessels and methods of moving about the water surface. This includes the verbs, such as: row, paddle, punt, sail, steam, pilot.

d. Air travel. This category is represented with the help of the verbs: fly, aviator, pilot, that normally highlight the technical aspect of flying.

2. Types and aims of movement:

a. The regular travelling can be described with the verbs «commute» and «shuttle».

b. The continuous, global travelling aimed at exploring the world, resting or having adventures in any type of discourse is

represented by the lexemes «circumnavigate», «tour» and «cruise».

c. The social aspect of travelling, especially in the cases when the purpose is to relocate or resettle, is revealed in the following verbs: «migrate», «emigrate».

The analysis of the usual linguistic means of representing the concept «travel» in the English language reveals its high degree of conceptual and lexico-semantic richness. The concept is primarily realised through verb units that denote various modes of movement (on foot, by water, by air, on vehicles) which reflects the physical aspect of relocation as a fundamental component of the mental idea of «travel». Besides this, the lexemes denoting the goals and specifics of journeys (commute, emigrate, tour) are actively used, granting the concept additional social, cultural and pragmatic dimensions. The systematic and stable use of certain lexical groups indicates that the concept is firmly established in the linguistic consciousness of native English speakers and is closely linked with basic life scenarios: exploration, movement, change of location and learning new things.

Thus, usual linguistic means present the concept of travel as a multidimensional phenomenon that includes not only physical movement through space but also the associated cognitive and emotional components. The concept is realised through stable lexico-semantic fields that help form a unified cognitive space in which «travel» is understood as the integral part of the human experience.

Bibliography

1. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / С. А. Аскольдов. – М., 1997. – с. 269.
2. Бабушкин, А. П. Когнитивная лингвистика и семасиология: монография / А. П. Бабушкин, И. А. Стернин. – Воронеж: ООО «Ритм», 2018.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – Москва: Филол. фак. МГУ, 1996.
4. Пименова, М. В. Душа и дух: особенности концептуализации / М. В. Пименова. – Кемерово: Графика, 2004. – 386 с.
5. Oxford Advanced Learner's Dictionary, URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (дата обращения: 10.04.2026).
6. Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms. – Oxford: Oxford University Press, 1999.
7. Oxford Learner's Thesaurus. – Oxford: Oxford University Press, 2012.

© Korol E. S., Dzyubenko A. I., 2026

UDC 81

LEXICAL MEANS OF ACTUALIZATION OF PERSUASIVENESS IN MODERN ENGLISH

EDN RVNGJT

D. A. Zeleniuk
Student, e-mail: zeleniuk@sfedu.ru,
A. I. Dzyubenko
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
ORCID 0000-0002-3228-4277,
e-mail: aidzyubenko@sfedu.ru,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The present article investigates the system of lexical means representing persuasiveness in contemporary English, with particular reference to the semantic structure of relevant vocabulary units. Special attention is focused upon the analysis of synonymous sets associated with the verb “persuade”. The article examines the semantic distinctions among the identified lexical units, classifies them according to evaluative connotation, and determines the degree to which each unit manifests the core semantic component of persuasive influence. The findings demonstrate that the majority of the lexical items under examination are characterized by a persuasive semantic component and may be effectively employed in the domain of persuasive communication in the modern English discourse.

Keywords: persuasiveness; persuasive semantics; communicative strategy; mental influence; verbal influence.

In contemporary linguistics, the phenomenon of persuasiveness constitutes a subject of particular scholarly interest and is studied by foreign and Russian scientists from a variety of theoretical perspectives.

Communicative strategies aimed at influencing both the rational and emotional spheres of the individual have long been the object of scholarly investigation. Such phenomena attracted the attention of philosophers and scholars as early as the period of ancient rhetoric. A significant number of foundational concepts in the theory of public speaking originate from various forms of linguistic impact exerted upon the recipient. According to Aristotle, persuasion as a discipline may be defined as “the ability to find possible ways of persuading about each given subject” [1].

With regard to the contemporary etymology, it should be noted that scholars differs in its interpretation of the term. Some scientists argue that the concept is fundamentally rooted in the Greek verb “peithein” and the Latin “persuadere”, the semantics of which: 1) to convince, 2) to induce. In ancient rhetoric, these terms were employed to characterize the primary aim of discourse, which included an emotional and rational side. According to E. V. Shelestyuk, the origin of the term derives from the English “persuasion” meaning “the act of convincing or persuading somebody” and “persuasiveness” denoting “the ability to persuade somebody” [3].

Despite the debate among scientists regarding the diachronic of the term “persuasiveness”, it is indisputable that contemporary theories of persuasiveness have been shaped and systematized on the basis of ancient rhetorical doctrines. Modern science often referred to as the “New Rhetoric” or “neorhetoric” is based on principles of ancient rhetorical traditions. A distinctive feature of this modern approach lies in its interdisciplinary integration with communication theory, psycholinguistics and other humanitarian disciplines. The object of study of the New Rhetoric is effective and well-formed discourse, the primary aim of which is to persuade and to exert a persuasive influence on the recipient.

For a most comprehensive examination of this phenomenon, it is necessary to consider the principal approaches to interpreting the term within modern linguistic scholarship.

In "A Dictionary of Literary Terms" persuasiveness is defined as "a conventionalized form of mental and verbal interaction embedded in communication, which is constructed on the basis of specific text types and represents an attempt by the speaker to exert verbal influence on the recipient's attitudinal framework" [2].

A. V. Golodnov conceptualizes persuasiveness as specific types of mental and verbal influence, primarily understood as the verbal impact of the sender upon the consciousness of the recipient.

V. E. Chernyavskaya defines this phenomenon as "the influence exerted by the author of an oral or written message upon the addressee with the aim of convincing them of something or inducing them to perform certain actions". This interpretation allows us to conclude that persuasiveness reflects the communicator's intention to exert both explicit and implicit influence on the listener. In other words, communication in this context involves a unilateral, directionally oriented impact on the addressee. A defining condition of such influence is the preservation of the recipient's freedom of choice; the ultimate decision to act of refrain from action remains with the recipient. A communicative action that does not leave a choice to the addressee cannot be classified as instances of persuasiveness.

It should be noted that, depending on the type of discourse, both the aims and the methods of persuasive influence vary significantly. Political and advertising discourse are primarily oriented toward prompting the recipient to perform specific actions, literary discourse is directed at influencing, transforming, or even shaping the reader's inner world. In other words, it appeals to the reader's worldview, attitudes, and moral values. A distinctive feature of persuasiveness in literary discourse lies in the fact that the author does not exert influence directly; this influence is mediated through lexical means and stylistic resources of the language.

In the English language, there exists a distinct layer of vocabulary capable of conveying persuasive influence. Of particular semantic significance is the verb "persuade". In the "Oxford Learner's Thesaurus" this lexeme is defined as "to make somebody agree to do something by giving them good reasons for doing it", a definition that carries a positive connotation and presupposes the recipient's freedom of choice, thereby reflecting the essence of persuasive influence [6].

The same thesaurus also provides a range of synonymous verbs that retain the meaning of convincing or influencing the addressee, including: convince, win somebody over, coax, take somebody into something, cajole, get round somebody, convert. All these lexical items share the general semantic component of exerting influence upon an individual through encouragement or persuasion, and are likewise characterized by a predominantly positive connotation. The use of verbs from this synonymous set implies that the sender not only seeks to incline the recipient toward a particular choice or course of action but also provides a set of compelling or advantageous reasons to support that decision.

For a more precise understanding of the meaning of these lexical items, it is necessary to examine the semantic distinctions between them. The verb "convince" is closely related to "persuade". The lexical item "persuade" is typically employed in contexts where the recipient is not only led to adopt a particular belief but is also provided with motivating incentives or reasons for action, whereas "convince" is used in situations where the speaker seeks to establish the correctness or optimality of a particular course of action in the recipient's judgment.

The verbs "coax" and "cajole" likewise display semantic proximity and retain a persuasive component. A distinctive feature of this pair lies in the mode of persuasive interaction. In such cases the speaker appeals to the recipient in a polite and amicable manner. The difference between "coax" and "cajole"

lies in the degree of softness: “coax” implies a more gentle form of interaction.

Particular attention should be paid to the phrasal verbs. The verb “win somebody over” denotes persuading an individual and securing their approval or agreement on an issue with respect to which they previously disagreed with the speaker, it conveys the semantic component of “reassessment”. The lexical item “take somebody into something” expresses a comparatively weaker degree of influence and is typically used in context where a person is induced to perform an action that they are not particularly inclined to undertake. The verb “get round somebody” appeals primarily to the recipient’s emotions, such influence presupposes a degree of affability and tact on the part of the sender.

The last item in the synonymous set is the verb “convert”, which is employed to denote persuading the addressee to change not only their opinion or attitude but even a habit or religion. Such transformation is often represented as abrupt and may carry a somewhat humorous or ironic connotation.

The thesaurus under consideration also provides the following synonymous set: “convince, satisfy, persuade”. All three verbs exhibit persuasive semantics in the sense of “causing someone to believe something”. The lexeme “satisfy” differs in that its communicative purpose is not merely to induce belief but rather to demonstrate and substantiate that a given proposition is true or valid.

In the “Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms” the lexical item “persuade” is associated with an extended range of synonymous items, including: “entice, exhort, importune, induce, influence, inveigle, press, prevail upon, prompt, talk into, tempt, urge, wheedle (into) [5].

These verbs can be classified according to their evaluative connotation into three groups: positive, neutral, negative. The first group comprises verbs such as “entice” and “wheedle”. The verb “entice” denotes persuasion through the promise of a desirable benefit or reward, whereas “wheedle” refers to influencing someone by means of flattery or ingratiating speech.

Verbs such as “include, prompt, talk somebody into” may be classified as carrying a neutral lexical meaning. They denote the exertion of influence upon an individual with the aim of persuading them to adopt a belief or to perform a particular action in the interest of the speaker. At the same time, this type of persuasion does not inherently imply either insistence or affability on the part of the speaker, which justifies the absence of explicit positive or negative evaluative marking in their semantics.

The final group comprises verbs with a negative connotation: exhort, importune, influence, inveigle, press, prevail upon, tempt, urge. These lexical items may be further differentiated according to the degree of insistence and the nature of the persuasive pressure embedded in their meaning.

1. The verb “influence” in the context of persuasive impact denotes an effect on an individual’s behavior, beliefs, or opinions. It may be considered synonymous with “convert”, although the latter typically carries a more positive evaluative component.
2. The lexeme “exhort” conveys the meaning of strong or earnest recommendation in an attempt to induce someone to act in accordance with the speaker’s intentions.
3. The verb “urge” is used to express insistent advice or an attempt to persuade the recipient to undertake a specific course of action.
4. The phrasal verb “prevail upon” applies in context where the speaker seeks to persuade the addressee to do something they are initially unwilling or reluctant to do.
5. The lexeme “press” denotes a situation in which an individual persistently and forcefully attempts to convince someone to act in their interest.
6. The verb “inveigle” implies persuasion achieved through deceit or manipulative means in order to influence the addressee.
7. The lexeme “importune” refers to a form of insistence that is excessive and poten-

tially irritating or even troublesome for the recipient.

8. The semantic content of the verb "tempt" is associated with an appeal to the recipient's emotions, implying not merely an attempt to induce action but to make the addressee desire to engage in behavior that may be considered improper or undesirable.

In the "Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms" the noun persuasion is likewise included. In the "Oxford Advanced Learner's Dictionary" this lexeme is defined as "the act of persuading somebody to do something or to believe something", which may be rendered as "the process of convincing" [4]. The same dictionary of synonyms and antonyms provides the following synonymous sets fot this noun: 1) argument, blandishments, brainwashing, cajolery, coaxing, conditioning, enticement, exhortation, inducement, propaganda, reasoning; 2) affiliation, belief, conviction, creed, denomination, faith, religion, sect.

The lexeme "argument" is defined either as a disagreement or, alternatively, as a reason supporting a particular idea; it is more commonly associated and is not typically employed denote persuasive influence.

The noun "blandishments" carries the semantic meaning of pleasant or flattering words and actions used in the process of persuading someone. The word "brainwashing" refers to the process of influencing the addressee by instilling in them the belief that certain information is unquestionably true. The noun "cajolery" derived from the verb "cajole" retains its lexical meaning of persuasive influence, as does the noun "coaxing". The lexeme "conditioning" denotes a form of psychological influence exerted upon the recipient, which subsequently leads to automatic, unreflective responses.

The noun "enticement" refers to something offered by the speaker in order to persuade the recipient to perform a particular action. "Exhortation" denotes an act characterized by a high degree of insistence, aimed at influencing someone's behavior. The lexical item "inducement" is used to denote something that the recipient will obtain upon performing a given action and is thus semantically close to "enticement". The noun "propaganda" is understood as a set of ideas or claims, potentially misleading or false, employed to secure support or influence others. Finally, the lexeme "reasoning" describes the process of logical thinking or rational consideration.

An analysis of the first group of lexical items within this synonymous set suggests that all of the aforementioned units, with the exception of word "argument", can be employed to denote persuasive influence.

This makes it possible to proceed to the analysis of the second group of nouns within the same synonymous set. The first lexeme "affiliation" denotes an individual's association with a particular political party or religious organization. The noun "belief" is defined as a strong feeling or conviction that something or someone exists or is true. The lexeme "conviction" refers to a firmly held belief or persuasion.

The linguistic unit "creed" is used to characterize a system of principles or religious doctrine, while "denomination" is interpreted as a branch or subdivision of a particular religion. The noun "faith" denotes belief or trust in something, whereas "religion" refers more broadly to a system of beliefs and practices. Finally, "sect" designates a group of individuals belonging to a specific religious tradition but distinguished by particular doctrines.

An analysis of the lexical meanings of each unit in this second group demonstrates that despite their inclusion in the same synonymous set as the first group, the semantic component of persuasive influence is explicitly manifested only in the lexeme "conviction".

Of particular relevance to this topic is also the adjective "persuasive", which is used to describe a person capable of convincing others. A corresponding synonymous set includes the following lexical items: cogent,

compelling, conclusive, credible, effective, efficacious, eloquent, forceful, influential, logical, plausible, potent, reasonable, telling, unarguable, valid, watertight [5].

This group of lexical units may be analyzed in terms of the degree to which the semantic component of persuasiveness is manifested in each of them.

- The adjective “cogent” denotes something clearly expressed and capable of exerting a strong influence on people’s beliefs;
- The lexeme “compelling” refers to something that can induce an individual to accept certain information or events as true;
- The linguistic unit conclusive is used to describe evidence that does not allow for doubt on the part of the recipient;
- The adjective “credible” characterizes something that can be believed and relied upon;
- The lexeme “effective” is employed to indicate the achievement of a successful, intended, or desired result;
- The adjective “eloquent” is associated with the use of language, implying clarity and expressiveness capable of producing a strong impact on an audience;
- The lexical unit “forceful” denoted a clear and emphatic expression of ideas intended to secure the addressee’s belief;
- The adjective “influential” is used to describe someone or something that exerts a significant impact on others;
- “Logical” is applied to something that appears rational and well-reasoned;
- The adjective “plausible” describes a person who appears sincere while potentially pursuing the aim of deceiving others;
- The lexeme “potent” denotes something capable of exerting a strong effect on an individual’s body or mind;
- The word “telling” is interpreted as something that produces a significant or impactful effect;
- The adjective “reasonable” characterizes something as acceptable and appropriate within a given context;
- The lexeme “unarguable” conveys the meaning of something that cannot reasonably be disputed or disagreed with;
- “Valid” describes something that is logically sound or true;
- The word “watertight” is typically used to characterize arguments or reasoning that are thoroughly constructed and free from flaws or weaknesses;
- The adjective “efficacious” is employed to denote the achievement of a desired result. It is not generally associated with human agents and, therefore, cannot be considered within the framework of persuasive meaning.

On the basis of the analysis conducted above, it can be concluded that all the lexical items provided in the “Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms” exhibit a persuasive semantic component, with the exception of the adjective “efficacious”. It should be noted that the lexical units examined may be effectively employed within the domain of persuasive communication in contemporary English.

Bibliography

1. Aristotle. The Rhetoric / Aristotle. – M.: Labyrinth, 2000. – 220 p.
2. Timofeev, L.I. A Glossary of Literary Terms / L. I. Timofeev, – M.: Prosveshenie, 1974. – 509 p.
3. Shelestyuk E.V. Speech impact: ontology and research methodology. Monograph / E. V. Shelestyuk, – M.: Nauka, 2014. – 356 p.
4. OxfordAdvanced Learner's Dictionary, URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (дата обращения: 09.04.2026).
5. Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms. – Oxford: Oxford University Press, 1999.
6. Oxford Learner's Thesaurus. – Oxford: Oxford University Press, 2012.

© Zeleniuk D. A., Dzyubenko A. I., 2026

УДК 349.2

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ТРУДОВЫЕ СПОРЫ СПОРТСМЕНОВ И ТРЕНЕРОВ: ПОНЯТИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ ШОС

EDN RWGHAK

М. З. Дарбишухумаев

Аспирант,
e-mail: public-science@rambler.ru,
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина,
г. Москва, Россия

INDIVIDUAL LABOR DISPUTES OF ATHLETES AND COACHES: CONCEPT, CLASSIFICATION, AND PROCEDURAL FEATURES IN THE SCO MEMBER STATES

M. Z. Darbishukhumaev

Postgraduate Student,
Kutafin Moscow State Law University,
Moscow, Russia

Abstract. The relevance of the study is due to the development of professional sports and cross-border mobility of athletes in the member states of the Shanghai Cooperation Organisation (hereinafter – SCO) in the absence of a unified conceptual framework and a typological classification of individual labor disputes (hereinafter – ILDs) involving athletes and coaches. The aim of the work is to generalize doctrinal and legal approaches to the concept of ILDs in the sports sector, to develop an extended typological classification, and to characterize the procedural features of considering such disputes in the national legal orders of the SCO countries. The methodology includes formal-legal and comparative-legal analysis of sources of labor and sports legislation, systematization of doctrinal positions of leading labor law researchers, and examination of judicial practice of the Russian Federation and decisions of the European Court of Human Rights. As a result, the necessity of a flexible understanding of ILDs covering the pre-trial phase and alternative forms of resolution is substantiated; a six-fold typological classification (transfer disputes, image rights disputes, disciplinary disputes, medical disputes, disputes about admission to competitions, and disputes about bonus payments) is proposed; the advantages and disadvantages of extrajudicial sports justice in the SCO countries are systematized.

Keywords: individual labor dispute; athletes; coaches; SCO; classification of labor disputes; sports arbitration; jurisdictional bodies of sports federations; compulsory arbitration; image rights; transfer disputes.

Профессиональный спорт порождает трудовые конфликты, природа которых существенно отличается от споров в иных отраслях экономики. Высокая физическая и психологическая нагрузка, ненормированный график тренировок и соревнований, постоянная мобильность, краткосрочность профессиональной карьеры и значительная публичность результатов труда – обстоятельства, придающие трудовым спорам в спорте особую остроту [1]. В государствах – членах ШОС, объединяющих десять стран с различными правовыми традициями, теоретическое осмысление и нормативное оформление подобных споров пребывают на разных стадиях развития, что актуализирует задачу их сравнительно-правового изучения.

Индивидуальные трудовые споры с участием спортсменов и тренеров образуют категорию разногласий между работником-спортсменом (или тренером) и

работодателем – спортивным клубом или организацией – по вопросам применения трудового законодательства, условий трудового договора и связанных с трудом нормативных актов в сфере спорта. Российский законодатель закрепил легальную дефиницию: согласно ст. 381 Трудового кодекса РФ, индивидуальным трудовым спором признаются неурегулированные разногласия между работником и работодателем по вопросам применения трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, коллективного договора, соглашения, локального нормативного акта, трудового договора, о которых заявлено в орган по рассмотрению индивидуальных трудовых споров [2]. Ключевыми признаками выступают непосредственная связь разногласия с трудовыми отношениями и невозможность разрешить конфликт прямыми переговорами сторон.

В современной доктрине трудового права единого определения ИТС не выработано. И. К. Дмитриева определяет трудовые споры как неурегулированные разногласия, возникающие между работником и работодателем либо между работниками и работодателями (их представителями) по вопросам применения трудового законодательства [3, с. 474]. М. О. Буянова придерживается более узкого формально-юридического подхода, считая обязательным признаком факт передачи разногласия на рассмотрение юрисдикционного органа [4]. М. В. Лушникова и А. М. Лушников отстаивают широкий взгляд: спор существует независимо от способа его разрешения, разногласие сторон уже образует трудовой спор [5]. И. А. Костян связывает момент возникновения спора с определением сторонами круга вопросов, по которым выявлены разногласия [6]. В. А. Сафонов формулирует обобщающее понимание, охватывающее как существующие трудовые права, так и вопросы установления новых условий труда [7]. Различие подходов имеет прикладной эффект: от него зависит, с какого момента и в каком порядке конфликт спортсмена и клуба получит правовую квалификацию.

Сопоставление легального определения с доктринальными подходами выявляет три ключевых параметра расхождения. Первый касается момента возникновения спора: ст. 381 ТК РФ относит его к моменту обращения в юрисдикционный орган, тогда как Лушниковы, Костян и Сафонов признают спор уже на досудебной стадии. Второй связан с формой разрешения: законодатель ориентирован на государственные и квазигосударственные механизмы (комиссия по трудовым спорам, суд, арбитражное учреждение), доктрина допускает любой не противоречащий закону порядок, включая медиацию и внутренние процедуры федераций. Третий – по субъектному составу: некоторые авторы говорят о «субъектах трудового права», что охватывает представителей сторон, правопреемников и бывших работников. Расширенный доктринальный подход воспринят, в частности, законодателем Республики Казахстан, который прямо включил в понятие ИТС споры с бывшими работниками и работодателями [8]; в Республике Беларусь легальной дефиниции нет, и большинство белорусских авторов восприняли советскую традицию определения трудовых споров через категорию «разногласий» [9].

В контексте профессионального спорта более гибкое доктринальное понимание представляется оправданным. Спортивные клубы и спортсмены зачастую не заинтересованы в эскалации и публичной огласке конфликта; немалая часть разногласий разрешается внутри федераций и лиг, посредством медиации и третейского разбирательства. Строгое формально-юридическое понимание ИТС оставило бы за рамками анализа значительную часть подобных конфликтов, что препятствовало бы выработке адекватных правовых механизмов их урегулирования. Обобщенное определение ИТС спортсменов и тренеров с учетом современных

подходов сводится к следующему: неурегулированное разногласие между работником (включая бывшего работника или соискателя) и работодателем (включая бывшего или потенциального) по вопросам реализации трудовых прав и обязанностей, переданное на рассмотрение уполномоченного органа.

Формирование специального регулирования труда спортсменов в странах ШОС происходит асинхронно. В России Глава 54.1 Трудового кодекса РФ, введенная в 2008 г., образовала базовое правовое ядро регулирования труда спортсменов и тренеров; нормы определили особые условия трудовых договоров, порядок их заключения и прекращения, дополнительные основания ответственности. В Республике Беларусь специальное регулирование появилось позднее: в 2019 г. в Трудовой кодекс РБ введена Глава 26.1 [10, с. 60–72]. В Республике Казахстан до настоящего момента отсутствует выделенная глава трудового кодекса, посвященная спорту; отношение законодателя к сфере ограничивается Законом Республики Казахстан от 03.06.2014 № 228-V «О физической культуре и спорте» и общими нормами Трудового кодекса. Р. О. Букенов справедливо отмечает, что формирование специального нормативно-правового регулирования труда спортсменов в Казахстане пребывает на начальном этапе [11].

Спортивная деятельность порождает характерные причины трудовых споров. К числу распространенных поводов относятся нарушения условий оплаты труда (задержки выплат заработной платы, премий, вознаграждений за спортивные результаты), вопросы продления или прекращения контрактов (незаконное увольнение, односторонний разрыв контракта клубом), дисциплинарные взыскания и отстранения от соревнований, несоблюдение гарантий при получении травм и профессиональных заболеваний, несогласие с переводом в другую команду или отказ отпустить спортсмена при переходе в другой клуб [12]. Нередко конфликт возникает на стыке трудовых и собственно спортивных аспектов: например, отстранение игрока за допинговое нарушение влечет лишение заработной платы и расторжение контракта, что порождает комплексный спор.

Проведенный анализ позволяет предложить расширенную видовую классификацию индивидуальных трудовых споров с участием спортсменов и тренеров, учитывающую отраслевую специфику профессионального спорта. Шесть типовых видов споров выделяются как самостоятельные категории, требующие специализированных процессуальных подходов.

Трансферные споры представляют собой разногласия, связанные с переходом спортсмена (или тренера) из одной организации в другую: отказ клуба отпустить спортсмена при наличии предложения от другого клуба, конфликты о выплате компенсации за подготовку, споры о размере трансферного платежа. Подобные споры находятся на стыке трудового и спортивного права, затрагивают принцип свободы труда и одновременно регулируются нормами международных федераций (например, регламентами FIFA по переходам игроков). В пространстве ШОС с развитием трансграничных лиг (прежде всего Континентальной хоккейной лиги, объединяющей клубы России, Казахстана, Беларуси и Китая) подобные конфликты приобретают все большую актуальность.

Споры о правах на изображение спортсмена (NIL – Name, Image, Likeness) охватывают конфликты вокруг коммерческого использования личности спортсмена: его имени, образа, имиджа в рекламных кампаниях, мерчандайзинге, видеоиграх. Имиджевые права приобрели значительную ценность, и вокруг них нередко ведутся судебные споры. В государствах ШОС проблематика NIL только начинает выходить на передний план; отсутствие четких норм приводит к конфликтам, в

которых пересекаются нормы трудового, гражданского и интеллектуального права. Включение подобных споров в видовую классификацию подчеркивает их значимость и стимулирует разработку специальных правовых механизмов.

Дисциплинарные споры включают разногласия, вытекающие из применения дисциплинарных взысканий со стороны работодателя или связанных организаций (лига, федерация). Особенность спорта в двойном воздействии санкций: они затрагивают трудовые отношения (лишение заработной платы за период отстранения, досрочное увольнение) и одновременно спортивную карьеру (неучастие в матчах, урон репутации). Разрешение таких споров требует обеспечения баланса между внутренними регламентами спортивных организаций и гарантиями трудового законодательства.

Медицинские споры связаны с вопросами здоровья спортсмена и медицинского обеспечения трудовой деятельности: выплата компенсаций за время восстановления после травмы, обеспечение лечения, продолжение выплат заработной платы травмированному спортсмену до возвращения в строй, допуск к тренировкам и соревнованиям по медицинским показаниям. Указанная категория отражает узкоспециализированный аспект спортивного труда и требует специальных норм о страховании спортсменов и порядке медосмотра.

Споры о допуске к соревнованиям пересекаются с дисциплинарными, но выделяются в самостоятельный вид, поскольку касаются права спортсмена или команды на участие в спортивном мероприятии. Причинами недопуска могут быть дисциплинарные санкции, несоблюдение формальных критериев (возрастных или квалификационных), споры о смене спортивного гражданства. К. С. Якимова справедливо отмечает, что споры, связанные исключительно с выполнением спортивных регламентов, формально не подпадают под трудовой спор и рассматриваются в иной плоскости [13, с. 18–52], однако на практике граница размыта: недопуск часто имеет трудовой аспект, поскольку спортсмен лишается заработка и возможности выполнить контракт.

Споры о контрактных бонусах и премиальных выплатах образуют шестую категорию. Спортивные трудовые договоры предусматривают помимо оклада различные бонусы за результаты, выслугу лет, коммерческие достижения. Конфликты возникают при задержке либо невыплате обещанных премий, при разногласиях о достижении оговоренного результата (статистические показатели игрока, дающие право на бонус) или о размере выплат при сложной формуле расчета. Подобные споры близки к обычным трудовым спорам о начислении заработной платы, но отличаются условным характером бонусов и нередко требуют привлечения спортивных экспертов.

Предложенная классификация отражает реальные направления конфликтов на стыке труда и спорта в государствах – членах ШОС. Традиционных механизмов рассмотрения через комиссии по трудовым спорам и государственные суды зачастую недостаточно: трансферные и допинговые споры носят международный характер, имиджевые затрагивают интеллектуальную собственность, медицинские требуют специальных знаний в области спортивной медицины. Разграничение видов споров помогает формировать специализированные пути их разрешения.

Особенности рассмотрения ИТС в профессиональном спорте определяются как спецификой самих споров, так и институциональным разнообразием юрисдикционных органов. В Российской Федерации Закон «О физической культуре и спорте» в ст. 36.5 предусматривает, что общероссийские спортивные федерации и профессиональные лиги вправе создавать постоянно действующие органы по урегулированию споров, наделенные компетенцией по рассмотрению споров в сфере спорта, аналогичной компетенции спор-

тивных арбитражей [14]. По существу, закон допускает двойную систему: спор может передаваться либо в спортивный арбитраж (третейский суд), либо в юрисдикционный орган при федерации [15, с. 106–119]. В 2019 г. распоряжением Министерства юстиции РФ № 520-р от 25.04.2019 при Автономной некоммерческой организации «Спортивная арбитражная палата» был создан Национальный центр спортивного арбитража, наделенный правом постоянно действующего арбитражного учреждения для спортивных споров.

В отличие от России, законодательство Республики Беларусь не содержит нормы, прямо разрешающей создавать органы по рассмотрению споров в спортивных федерациях. Закон Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» 2014 г. определяет статус профессиональных спортсменов, допускает заключение с ними гражданско-правовых договоров, но не устанавливает юрисдикционных органов для трудовых конфликтов. В Республике Казахстан ситуация близка к белорусской: специальных постоянно действующих органов по трудовым спорам в спорте законодательство не предусматривает, однако спортивные федерации страны перенимают опыт международных образцов – при Казахстанской федерации футбола создана Палата по разрешению споров по образцу РФС, при Профессиональной футбольной лиге Казахстана функционирует свой орган. Казахстанские спортсмены при возникновении конфликтов обращаются либо напрямую в суд, либо в специальные юридические органы при федерациях, либо в Спортивный арбитражный суд в Лозанне (Court of Arbitration for Sport) [11].

Принципиальный вопрос рассматриваемых отношений – арбитрабельность ИТС спортсменов, то есть возможность передавать их на рассмотрение третейского суда. В трудовом праве многих стран индивидуальные трудовые споры считаются не полностью арбитрабельными, особенно споры о восстановлении на работе, поскольку затрагивают публичные интересы. Однако для спортивной сферы российский законодатель сделал исключение: ст. 348.13 Трудового кодекса РФ прямо разрешает передачу ИТС спортсмена или тренера на арбитражное рассмотрение при наличии арбитражного соглашения между работником и работодателем. Реальная свобода заключения подобного соглашения у спортсмена ограничена: типовые контракты, как правило, содержат арбитражную оговорку, а отказ от нее означает невозможность подписать договор. Возникает ситуация, описанная Европейским судом по правам человека в решении по делу «Mutu and Pechstein v. Switzerland» 2018 г. как «обязательный арбитраж» (compulsory arbitration): спортсменка фактически не имела выбора, кроме как подписать арбитражную оговорку, иначе ее не допустили бы до соревнований [16].

Российская практика смягчает противоречие через позицию государственных судов: третейская оговорка не лишает спортсмена права на суд. М. О. Буянова обосновывает, что современное законодательство Российской Федерации позволяет рассматривать в арбитраже любые индивидуальные споры спортсменов, включая споры о восстановлении на работе, ссылаясь на изменения 2020–2021 гг. в Гражданском процессуальном кодексе РФ и новой редакции Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [17]. В Беларуси и Казахстане арбитрабельность трудовых споров в спорте традиционно более консервативна, однако международный спорт фактически вынуждает признавать арбитраж: решения Спортивного арбитражного суда в Лозанне по спорам спортсменов признаются и исполняются в государствах – членах ШОС согласно Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г.

Преимущества рассмотрения ИТС в специализированных спортивных органах существенны и носят системный характер. Профессиональная компетентность арбитров и членов палат, обладающих знаниями о регламентах федераций, трансферных механизмах и антидопинговых правилах, обеспечивает учет спортивной специфики. Оперативность процедуры – ключевое преимущество для отрасли, в которой соревновательный сезон ограничен по времени: Палата РФС по разрешению споров за один месяц (с 17 сентября по 22 октября 2020 г.) рассмотрела 21 спор, вытекающий из трудовых отношений футболистов и клубов, тогда как государственные суды Российской Федерации за период 2016–2020 гг. рассмотрели лишь 220 дел по искам спортсменов к работодателям [13, с. 18–52]. Конфиденциальность процедуры и неформализованность процесса дополняют картину преимуществ. Исполнение решений достигается, как правило, без обращения к судебным приставам – посредством рычагов воздействия федерации (штрафы, лишение очков, запрет на заявки игроков), что мотивирует добровольное исполнение и экономит ресурсы на принудительное взыскание.

Недостатки внесудебных механизмов также подлежат учету. Юрисдикционные органы при федерациях создаются самими спортивными организациями, что порождает риск аффилированности с интересами определенных участников. Я. Н. Ржепик справедливо отмечает, что российское законодательство слишком мягко регулирует формирование подобных органов, позволяя федерациям устанавливать правила по своему усмотрению, что чревато нарушением принципа равенства сторон [15, с. 106–119]. Решения внутренних палат федераций не могут быть предъявлены судебным приставам и обеспечиваются исключительно спортивными санкциями: при банкротстве или расформировании клуба-работодателя подобный механизм перестает защищать интересы спортсмена. Не урегулирован вопрос об обеспечительных мерах, нет единства процессуальных гарантий, исполнение решений может затрагивать права третьих лиц, не участвовавших в споре.

Процессуальные особенности рассмотрения ИТС в профессиональном спорте сводятся к трем началам. Первое – ускоренные сроки разбирательства: регламенты федераций устанавливают сжатые дедлайны, измеряемые днями и неделями. На международном уровне в период Олимпийских игр создается специальное «ad hoc» отделение Спортивного арбитражного суда в Лозанне, выносящее решения в считанные часы. Второе – автономность спортивной юстиции: спортивные федерации и лиги принимают регламенты, кодексы и положения, которые наряду с трудовым законодательством применяются при разрешении споров. Третье – многоступенчатость обжалования: прежде чем обратиться во внешнюю инстанцию, спортсмен должен пройти доступные ступени обжалования внутри страны или организации. Регламенты ФИФА, в частности, требуют наличия в каждой национальной федерации независимого органа по рассмотрению споров; лишь после исчерпания внутренних процедур допускается жалоба в Спортивный арбитражный суд в Лозанне.

Обзор моделей государств – членов ШОС демонстрирует, что страны блока характеризуются разной степенью институционализации спортивной юстиции. Россия пошла по пути подробной правовой регламентации: специальная глава Трудового кодекса РФ, упоминание спортивного арбитража в законе, создание Национального центра спортивного арбитража. Беларусь приняла модель, допускающую гибкость в форме контрактов (трудовой или гражданско-правовой) и опирающуюся преимущественно на общесудебную защиту. В. М. Сморчкова обоснованно указывает, что белорусский законодатель, вводя норму о гражданско-правовых договорах с профессиональны-

ми спортсменами, ясно дал понять о возможности регулирования отношений нормами как Гражданского, так и Трудового кодексов [18]. Казахстан находится на этапе реформ: казахстанские исследователи предлагают дополнить ст. 159 Трудового кодекса РК положением о возможности обращения субъектов спорта в спортивный арбитраж [11]. Прочие государства блока в разной мере перенимают отдельные элементы перечисленных моделей.

Сравнительно-правовой анализ позволяет констатировать формирование в пространстве ШОС гибридной системы защиты трудовых прав спортсменов, характеризующейся сочетанием внесудебных спортивных механизмов (для оперативности и отраслевой экспертизы) с гарантированной возможностью судебного контроля как последней инстанции. Оптимальной представляется модель, при которой внутреннее рассмотрение спора в спортивной организации становится обязательным первым этапом, а его результаты могут быть пересмотрены независимым арбитражем или государственным судом по требованию неудовлетворенной стороны. Российское законодательство ближе других к подобной конструкции, однако нуждается в устранении пробелов, прежде всего в части легального признания статуса юрисдикционных органов и увязки их решений с трудовым правом [19].

Подводя итог, индивидуальные трудовые споры спортсменов и тренеров образуют особую категорию трудовых конфликтов, лежащих на пересечении трудового и спортивного права. Их корректное правовое осмысление требует гибкого понимания, охватывающего как формально-юридический момент обращения в юрисдикционный орган, так и досудебную фазу конфликта, а также альтернативные формы урегулирования. Предложенная видовая классификация (трансферные, имиджевые, дисциплинарные, медицинские, споры о допуске и о премиальных выплатах) учитывает реальные направления конфликтов в профессиональном спорте государств – членов ШОС и стимулирует разработку специализированных процессуальных механизмов. В масштабах ШОС обмен опытом и разработка модельных рекомендаций по разрешению спортивных трудовых споров способны содействовать выработке общих стандартов защиты прав спортсменов и тренеров при сохранении национального суверенитета и публично-правовых гарантий.

Библиографический список

1. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, возникающим из трудовых правоотношений спортсменов и тренеров (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 1.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
3. Трудовое право России: учебник / под ред. А. М. Куренного. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2008. – 608 с. (Автор главы – Дмитриева И. К.).
4. Буянова М. О. Трудовые споры. – М., 2010. – 293 с.
5. Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права: учебник в двух томах. Том 2: Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право. – М., 2009. – 1152 с.
6. Костян И. А. Индивидуальные трудовые споры и гарантии их разрешения: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2000. – 244 с.
7. Сафонов В. А. Коллективные трудовые споры (проблемы теории и практики): дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2002. – 229 с.
8. Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23.11.2015 № 414-V (в ред. от 01.07.2021).
9. Пилипенко Н. С. Теоретико-правовые подходы к исследованию понятия «индивидуальный трудовой спор» // Трудовое право. – 2019. – № 4. – С. 17–22.
10. Мельник В. Н. Сравнительный анализ норм, регулирующих труд спортсменов и тренеров в Российской Федерации и Республике Беларусь // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – № 3. – С. 60–72.
11. Букенов Р. О. Механизм разрешения трудовых споров в сфере физической культуры и спорта. – Нур-Султан: Университет КАЗГЮУ, 2022.
12. Васькевич В. П. Некоторые вопросы правоприменения по спорам, связанным с осу-

ществлением профессиональной деятельности спортсмена // Вестник гражданского процесса. – 2022. – № 3. – С. 139–145.
13. Якимова К. С. Разрешение трудовых споров с участием спортсменов: обзор судебной практики // Трудовое право в России и за рубежом. – 2021. – № 1. – С. 18–52.
14. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 10.12.2007. – № 50. – Ст. 6242.
15. Ржепик Я. Н. Проблемы рассмотрения индивидуальных трудовых споров спортсменов и тренеров в юрисдикционных органах спортивных федераций и профессиональных спортивных лиг // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2023. – № 2 (16). – С. 106–119.
16. Mutu and Pechstein v. Switzerland – ECHR Judgment (Application no. 40575/10 and 67474/10), 02.10.2018.
17. Буянова М. О. Особенности порядка рассмотрения индивидуальных трудовых споров спортсменов и тренеров // Российский юридический журнал. – 2022. – № 6. – С. 127–130.
18. Сморчкова В. М. Трудоправовой статус профессионального спортсмена в Республике Беларусь // Спортивное право в Республике Беларусь: сб. науч. ст. Вып. 4. – Минск, 2014. – С. 376–386.
19. Рогачев Д. И. Модернизация правового регулирования труда спортсменов и тренеров // Новое спортивное законодательство: материалы Международной науч.-практ. конф. «Спортивное право: перспективы развития». – М., 2009. – С. 108–126.

© Дарбишухумаев М. З., 2026

УДК 341.9:347.451

ВЕНСКАЯ КОНВЕНЦИЯ 1980 ГОДА КАК ИНСТРУМЕНТ ЮРИДИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ДОГОВОРОВ ПОСТАВКИ

EDN SDKTUR

Лун Юйцянь

Выпускница бакалавриата,
Ляонинский университет,
Шэньян, Китай

THE CISG AS A LEGAL SUPPORT TOOL FOR RUSSIAN-CHINESE SUPPLY CONTRACTS

Long Yuqian

Bachelor's graduate,
Liaoning University,
Shenyang, China

Abstract. The article examines the use of the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG) in legal support for supply contracts between Russian and Chinese businesses. The study focuses on the Convention's automatic application, the parties' right to exclude or modify its rules, the written-form requirement relevant to a Russian party, conformity of goods, inspection and notice duties, and impediments to performance. The author argues that the CISG should not remain an implied legal background: its rules must be translated into express contractual clauses on applicable law, technical specifications, acceptance, notification, documentary evidence and liability. Such drafting increases predictability and reduces dispute risk in cross-border trade.

Keywords: CISG; international sale of goods; Russian-Chinese trade; supply contract; applicable law; conformity of goods; contractual risk.

Введение

Договор поставки между российской и китайской компанией требует не только согласования товара, цены и оплаты, но и определения материально-правового режима сделки. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (далее – Венская конвенция, CISG) создает унифицированные правила для международной продажи товаров. Китай участвует в Конвенции с 1 января 1988 г., Российская Федерация – с 1 сентября 1991 г. [6]. Поэтому в типичной поставке между предприятиями двух государств CISG применяется непосредственно, если стороны не изменили этот режим в договоре.

Цель статьи состоит в выявлении условий, которые позволяют использовать CISG для снижения договорных рисков российско-китайской поставки. В работе применены формально-юридический метод и практико-ориентированный анализ: положения Конвенции соотносятся с решениями, которые юрист должен закрепить до начала исполнения сделки. Научную основу составляют исследования применения CISG в отношениях с китайскими контрагентами и современной практики исключения Конвенции [1; 3; 4].

Применимость CISG и выбор договорного режима

Статья 1 CISG связывает применение Конвенции с местом нахождения коммерческих предприятий сторон. Для поставщика из КНР и покупателя из России это означает применение CISG на основании участия обоих государств в Конвенции [2]. При этом формула «к договору применяется право Российской Федерации» не исключает CISG автоматически, поскольку Конвенция действует для России как часть регулирующего такую сделку правового режима. Если стороны намерены отказаться от нее либо изменить действие отдельных положений, они должны выразить это прямо на основании статьи 6 CISG. Данный подход особенно важен с

учетом анализа китайской судебной практики, в которой отсутствие ссылки сторон на CISG не всегда должно трактоваться как ее согласованное исключение [4].

В контракте целесообразно разделить два решения: выбрать национальное право для вопросов, которые CISG не регулирует, и отдельно указать судьбу самой Конвенции - полное применение, частичное изменение либо исключение. Для российско-китайского договора необходимо также учитывать позицию сторон по Общим условиям поставок товаров из СССР в КНР и из КНР в СССР 1990 г. С. И. Крупко показывает, что в практике вопрос о соотношении этого документа и CISG способен повлиять на определение прав и обязанностей контрагентов [3, с. 61–70]. Поэтому договор должен прямо закреплять, применяют ли стороны соответствующие общие условия.

Форма сделки, качество и приемка товара

При трансграничной поставке стороны часто изменяют заказ через переписку, счета, спецификации и электронные приложения. Однако Российская Федерация сделала заявление по статьям 12 и 96 CISG: положения, допускающие неписьменную форму заключения или изменения договора, не применяются, когда коммерческое предприятие хотя бы одной стороны находится в России [6]. Следовательно, российско-китайский контракт должен закреплять письменную структуру сделки: основной текст, спецификации, согласованные изменения, адреса для обмена документами и полномочия лиц, чьи подтверждения изменяют условия поставки.

Главный предметный риск связан с соответствием товара договору. Статья 35 CISG требует поставить товар в согласованных количестве, качестве, описании и упаковке. Общей формулировки о «надлежащем качестве» недостаточно, если стороны приобретают оборудование, комплектующие или товары с обязательной маркировкой. В договор следует включить измеримые технические характеристики, стандарт или образец, комплектность, требования к упаковке, язык документации и перечень сертификатов. Тем самым сторона превращает спор о качестве в проверку заранее определенных параметров. Значимость точного согласования требований подтверждает и анализ применения Венской конвенции в договорных отношениях участников БРИКС, включая Россию и Китай [1, с. 66–74].

После поставки риск переходит в процедуру приемки. В соответствии со статьями 38–39 CISG покупатель должен осмотреть товар в практически возможный короткий срок и уведомить продавца о несоответствии, указав характер дефекта, в разумный срок после его обнаружения [2; 5]. Поэтому контракт должен определять место и срок осмотра, правила отбора образцов, способ направления претензии, доказательства дефекта и порядок хранения спорной партии. Без такой процедуры покупатель может столкнуться не только с дефектным товаром, но и с невозможностью доказать своевременность требования.

Ответственность и препятствия к исполнению

CISG предусматривает требование исполнения, устранение недостатков, замену товара при существенном нарушении, снижение цены, расторжение договора и взыскание убытков. Практический договор должен уточнять, какие отклонения стороны признают существенными, кто несет расходы на возврат либо замену партии и как рассчитываются подтвержденные убытки. Одновременно необходимо согласовать последствия препятствий к исполнению. Статья 79 CISG допускает освобождение от ответственности за убытки при препятствии вне контроля стороны, которое нельзя было разумно предвидеть или преодолеть, однако не освобождает от необходимости уведомить контрагента [2]. В договоре следует закрепить перечень подтверждающих документов, срок уведомления, обязанность рассмотреть альтернативный маршрут по-

ставки и момент, после которого длительное препятствие дает право прекратить сделку.

Практическая модель договорной проверки

До подписания российско-китайской поставки юристу следует проверить пять блоков. Первый блок - место нахождения коммерческих предприятий и прямое указание на применение либо исключение CISG и ОУП СССР – КНР. Второй – письменная форма контракта и порядок изменения спецификаций. Третий – измеримые параметры товара, документы качества и процедура приемки. Четвертый - средства защиты, убытки и режим препятствий к исполнению. Пятый – согласованность этих условий с оговоркой о разрешении споров: доказательства качества и уведомления должны быть пригодны для представления в выбранном суде или арбитраже.

Выводы

Венская конвенция 1980 г. представляет собой прикладную правовую основу российско-китайской поставки. Она по общему правилу применяется к продаже товаров между предприятиями России и Китая, допускает договорное изменение своего режима и регулирует ключевые вопросы качества, приемки и ответственности. Вместе с тем предсказуемость сделки возникает только тогда, когда стороны прямо определяют применимый режим, сохраняют письменную доказательственную базу, описывают товар через проверяемые параметры и заранее согласуют действия при нарушении либо препятствии к исполнению. В юридическом сопровождении международного бизнеса CISG должна использоваться не как подразумеваемая ссылка на международное право, а как основа для точной конструкции коммерческого договора.

Библиографический список

1. Алимова Я. О. Особенности применения Венской конвенции о договорах международной купли-продажи 1980 г. в странах БРИКС (новый состав) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 3 (127). С. 66-74. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.127.3.066-074.
2. Венская конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 г.) // UNCITRAL. URL: https://uncitral.un.org/en/texts/salegoods/conventions/sale_of_goods/cisg
3. Крупко С. И. Право, подлежащее применению к договору международной купли-продажи товаров между российскими и китайскими предприятиями: опыт МКАС при ТПП РФ и российских государственных судов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 9. С. 61–70. DOI: 10.24411/2072-4098-2019-10905.
4. Pohl-Michałek M. CISG Exclusion during Legal Proceedings: Does Chinese Court Practice Reflect the CISG's Goals? // The Chinese Journal of Comparative Law. 2023. Vol. 11. No. 1. Article cxad003. DOI: 10.1093/cjcl/cxad003.
5. UNCITRAL Digest of Case Law on the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods. 2016 Edition. New York: United Nations, 2016. URL: https://uncitral.un.org/sites/default/files/media-documents/uncitral/en/cisg_digest_2016.pdf
6. UNCITRAL. Status: United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (Vienna, 1980). URL: https://uncitral.un.org/en/texts/salegoods/conventions/sale_of_goods/cisg/status

© Лун Юйцянь, 2026

УДК 341.638

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ АРБИТРАЖ В КНР ПОСЛЕ РЕФОРМЫ 2025 ГОДА: ПРАВОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО БИЗНЕСА

EDN SNFAKO

Лун Юйцянь

Выпускница бакалавриата,
Ляонинский университет,
Шэньян, Китай

INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION IN THE PRC AFTER THE 2025 REFORM: LEGAL OPPORTUNITIES FOR RUSSIAN-CHINESE BUSINESS

Long Yuqian

Bachelor's graduate,
Liaoning University,
Shenyang, China

Abstract. The article examines changes in legal support for Russian-Chinese commercial transactions after the revised Arbitration Law of the People's Republic of China entered into force. It analyses rules on the seat of arbitration, online proceedings, the limited availability of ad hoc arbitration, interim measures, and enforcement of foreign awards. The reform is considered through contractual tasks: drafting an arbitration clause, choosing a procedure, and assessing counterparty assets. The author concludes that the new law increases predictability while requiring more precise preparation of cross-border contracts.

Keywords: international commercial arbitration; PRC; Russian-Chinese business; cross-border contract; arbitration agreement; seat of arbitration; recognition and enforcement of awards; New York Convention.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

В российско-китайском коммерческом договоре раздел о разрешении споров определяет не только процедуру на случай конфликта, но и фактическую возможность получить исполнение. Стороны могут согласовать поставку, оплату и ответственность, однако неточная арбитражная оговорка осложнит определение компетентного органа, принятие обеспечительных мер и обращение взыскания на активы. Значение арбитража усиливает Нью-Йоркская конвенция 1958 г., которая создает основу признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений [1].

Актуальность темы связана с реформой китайского законодательства. Новая редакция Закона КНР «Об арбитраже», принятая 12 сентября 2025 г., действует с 1 марта 2026 г. Закон закрепил онлайн-процедуры, правила о месте арбитража в спорах с иностранным элементом, ограниченную возможность арбитража ad hoc и уточненный порядок исполнения иностранных решений [2, ст. 11, 81, 82, 88, 96]. Для участников международного бизнеса эти новеллы значимы уже при заключении договора: выбранная оговорка должна учитывать не только удобство рассмотрения спора, но и дальнейшую защиту имущественного интереса.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ СТАТЬИ

В российской литературе китайская модель арбитража рассматривалась через требования к арбитражному соглашению, реформирование процедуры и исполнение решений. К. С. Рудь характеризовала правила международного коммерческого арбитража в КНР [7, с. 124–136], Е. П. Русакова выделяла направления развития китайской процедуры [8, с. 303–305], В. А. Козловская показывала значение точной формулировки соглашения в материковом Китае и Гонконге [6, с. 23–31].

После появления проекта реформы особое значение получила проблема ad

hoc. Янь Чжэ связывал ее развитие с потребностями внешнеэкономического оборота [9, с. 161–166], а Ду Тао и Чжао Чэньтин раскрыли правовые ограничения и перспективы этого механизма [3, с. 713–732]. Для оценки исполнения решений важны исследование А. А. Качулиса о публичном порядке в КНР [5, с. 445–461] и иностранные работы о практике признания иностранных арбитражных решений в Китае [11, p. 1–26; 12, p. 75–96]. Сравнительную основу дают исследования российской реформы [4, с. 9–22] и российско-китайского развития арбитража [10, с. 149–198]. Однако прикладной вопрос о том, как действующая с 2026 г. редакция закона должна влиять на условия коммерческого договора, требует отдельного рассмотрения.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема исследования заключается в том, что трансграничный договор часто содержит сокращенную формулу о передаче споров в арбитраж, тогда как новый китайский режим требует согласовать несколько юридически связанных решений: вид процедуры, место арбитража, способ уведомления, возможность срочного обеспечения и предполагаемую юрисдикцию исполнения. Цель статьи состоит в выявлении новелл, которые должны учитываться при юридическом сопровождении российско-китайских коммерческих сделок.

Объект исследования составляют отношения российских и китайских коммерческих участников при разрешении договорных споров. Предмет исследования образуют нормы Закона КНР «Об арбитраже» в редакции 2025 г. и научные подходы к выбору процедуры и исполнению решения. В работе применяются формально-юридический метод для анализа статей закона и сравнительно-правовой метод для сопоставления новых правил с выводами научной литературы. Результаты оцениваются через риск-ориентированный подход: каждая норма соотносится с действием, которое стороны могут закрепить в договоре до возникновения спора.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первое значимое изменение касается места арбитража. Согласно статье 81 закона стороны спора с иностранным элементом вправе письменно определить место арбитража; при отсутствии ясного согласования его устанавливают по выбранным правилам либо определяет состав арбитров [2, ст. 81]. Место арбитража связывает спор с применимым процессуальным режимом и компетентным судом. Поэтому условие «споры рассматриваются в международном арбитраже» не обеспечивает предсказуемости. В контракте следует называть арбитражное учреждение, регламент, место арбитража, язык разбирательства и применимое материальное право. Такой подход соответствует выводам о необходимости определенной арбитражной оговорки [6, с. 23–31].

Второе изменение относится к цифровой процедуре и обеспечению требований. Статья 11 признает проведение арбитража посредством информационных сетей, если сторона прямо не возражает; онлайн-производство имеет равную юридическую силу с очным [2, ст. 11]. Для российской и китайской компаний это снижает организационные расходы, но одновременно требует заранее определить электронные адреса для уведомлений, язык электронных документов и порядок участия в дистанционных заседаниях. Кроме того, статья 39 позволяет ходатайствовать о сохранении имущества или запрете определенных действий, а для споров с иностранным элементом закон предусматривает участие суда в обеспечении доказательств [2, ст. 39, 79]. Следовательно, до заключения договора юристу необходимо установить, где находятся активы и доказательства, которые потребуется сохранить при споре.

Третья новелла связана с арбитражем ad hoc. Статья 82 не допускает его как универсальную замену институциональному арбитражу: механизм применяется к иностранным морским спорам либо к определенным спорам предприятий, зарегистрированных в специальных зонах и иных предусмотренных государством территориях [2, ст. 82]. Научные исследования ранее фиксировали стремление КНР осторожно расширять данный формат и одновременно сохранять судебный контроль [3, с. 713–732; 9, с. 161–166]. Поэтому обычная российско-китайская сделка поставки или услуг не должна автоматически включать оговорку ad hoc. Без подтверждения условий закона безопаснее выбрать признанное арбитражное учреждение.

Четвертый результат касается исполнения. Статья 88 предоставляет стороне иностранного арбитражного решения возможность обратиться в народный суд средней ступени по месту нахождения ответчика или его имущества; при отсутствии такой связи закон допускает обращение по месту заявителя либо по месту, имеющему надлежащую связь со спором [2, ст. 88]. Данный механизм действует во взаимодействии с Нью-Йоркской конвенцией [1]. Вместе с тем исполнение попрежнему может зависеть от возражений, в том числе связанных с публичным порядком, что подтверждают исследования китайской практики [5, с. 445–461; 11, p. 1–26; 12, p. 75–96]. Следовательно, выбор процедуры необходимо завершать проверкой местонахождения основных активов контрагента и возможных оснований для отказа в признании решения.

Результаты позволяют предложить краткую модель арбитражной оговорки для договора с китайским контрагентом. Стороны должны указать конкретное учреждение и регламент, место арбитража, число арбитров, язык, применимое право, допустимость онлайн-заседаний и способы электронного уведомления. В отдельном блоке договорной подготовки следует определить имущество, за счет которого может исполняться решение, и суд, в который потребуется обращаться за обеспечением или признанием решения. Такая конструкция переводит арбитраж из формального раздела договора в инструмент управления коммерческим риском.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ И ВЫВОДЫ

Реформа не меняет назначение арбитража как способа разрешения коммерческого спора, но делает его договорное проектирование более значимым. Закон КНР прямо связывает иностранный спор с местом арбитража, допускает цифровой формат, закрепляет специальный режим ad hoc и уточняет обращение за исполнением иностранного решения. Эти положения повышают предсказуемость для участников международной торговли, если стороны переводят их в точные условия договора.

Исследование позволяет сформулировать четыре вывода. Во-первых, в российско-китайском контракте необходимо прямо определять место и институциональный формат арбитража. Во-вторых, онлайн-процедуру и электронные уведомления следует согласовывать заранее. В-третьих, ad hoc допустим только после проверки специальных условий китайского закона. В-четвертых, арбитражная оговорка должна сопровождаться анализом активов и возможного маршрута исполнения. Следовательно, новая редакция Закона КНР «Об арбитраже» создает более современную среду для трансграничного бизнеса, но результат ее применения зависит от качества юридического сопровождения сделки.

Библиографический список

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.). URL: https://uncitral.un.org/en/texts/arbitration/conventions/foreign_arbitral_awards (дата обращения: 28.05.2026).

2. Arbitration Law of the People's Republic of China (2025 Revision) / 中华人民共和国仲裁法（2025修订）: adopted on 12 September 2025; effective from 1 March 2026. URL: https://policy.mofcom.gov.cn/claw/clawContent.shtml?id=103718 (дата обращения: 28.05.2026).
3. Ду Тао, Чжао Чэньтин. Арбитраж ad hoc в Китае: эволюция, правовые дилеммы и перспективы развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2025. Т. 29. № 3. С. 713–732. DOI: 10.22363/2313-2337-2025-29-3-713-732. URL: https://journals.rudn.ru/law/article/view/46222 (дата обращения: 28.05.2026).
4. Засемкова О. Ф. Международный коммерческий арбитраж в России: итоги реформы // Lex russica. 2021. Т. 74. № 8. С. 9–22. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.009-022. URL: https://lexrussica.msal.ru/jour/article/view/2038 (дата обращения: 28.05.2026).
5. Качулис А. А. Оговорка о публичном порядке в законодательстве и судебной практике Китайской Народной Республики // Правоведение. 2021. Т. 65. № 4. С. 445–461. DOI: 10.21638/spbu25.2021.405. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ogovorka-o-publichnom-poryadke-v-zakonodatelstve-i-sudebnoy-praktike-kitayskoy-narodnoy-respubliki (дата обращения: 28.05.2026).
6. Козловская В. А. Правовое регулирование арбитражных соглашений в соответствии с законодательством материкового Китая и Гонконга // Уральский журнал правовых исследований. 2020. № 5 (12). С. 23–31. URL: https://lawresearch.usla.ru/index.php/lawresearch/article/view/258 (дата обращения: 28.05.2026).
7. Рудь К. С. Международный коммерческий арбитраж в КНР // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2020. № 19. С. 124–136. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-kommercheskiy-arbitrazh-v-knr (дата обращения: 28.05.2026).
8. Русакова Е. П. Тенденции реформирования арбитражной процедуры в Китае // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 5. С. 303–305. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-reformirovaniya-arbitrazhnoy-protsedury-v-kitae (дата обращения: 28.05.2026).
9. Янь Чжэ. Политическая и правовая основы арбитража ad hoc в Китае // Юридическая наука. 2022. № 5. С. 161–166. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-i-pravovaya-osnovy-arbitrazha-ad-hoc-v-kitae (дата обращения: 28.05.2026).
10. Янь Чжэ. Тенденции развития международного коммерческого арбитража в Российской Федерации и Китайской Народной Республике (сравнительно-правовое исследование): дис. … канд. юрид. наук: 5.1.3. Москва: МГИМО МИД России, 2026. 251 с. URL: https://mgimo.ru/upload/diss/2025/yan-chzhe-diss.pdf (дата обращения: 28.05.2026).
11. Alford R. P., Ku J. G., Xiao B. Perceptions and Reality: The Enforcement of Foreign Arbitral Awards in China // UCLA Pacific Basin Law Journal. 2016. Vol. 33. No. 1. P. 1–26. DOI: 10.5070/P8331032647. URL: https://scholarship.law.nd.edu/law_faculty_scholarship/1509/ (дата обращения: 28.05.2026).
12. Gan L., Yang S. Issues in the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards in China // Asian International Arbitration Journal. 2017. Vol. 13. No. 1. P. 75–96. URL: https://kluwerlawonline.com/journalarticle/Asian%2BInternational%2BArbitration%2BJournal/13.1/AIAJ2017004 (дата обращения: 28.05.2026).

© Лун Юйцянь, 2026

УДК 343

ПРАВОНАРУШЕНИЯ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПОСЛЕВОЕННОМ СССР: СОСТОЯНИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОФИЛАКТИКИ

EDN SOAJZL

И. В. Упоров

Доктор исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
ORCID 0000-0002-0906-5228,
e-mail: uporov@list.ru,
Российская академия естествознания,
г. Краснодар, Россия

JUVENILE DELINQUENCES IN THE POST-WAR USSR: THE STATUS AND ORGANIZATIONAL AND LEGAL BASIS OF PREVENTION

I. V. Uporov

Doctor of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Professor,
Russian Academy of Natural Sciences
Krasnodar, Russia

Abstract. This article examines the specifics of the Soviet state's domestic policy regarding juvenile offenders in the years following the end of the Great Patriotic War (1945–1953). It analyzes the relevant legal acts regulating this area, the structure of law enforcement and other government agencies charged with addressing this increasingly complex social problem, statistical data, and related scholarly works. It is noted that during the period under review, the authorities made contradictory decisions: some intensifying repressive measures, others actually improving the situation of a large number of orphans, a significant number of whom, due to difficult life situations, turned to crime. Public organizations, primarily the Komsomol, were also involved in addressing this problem. Beginning in the late 1940s, the situation began to shift toward more active prevention of juvenile delinquency, and a mitigation of criminal penalties for juvenile offenders only began after Stalin's death.
Keywords: minors; delinquency; post-war period; law enforcement; prevention; homelessness; theft.

Основную нагрузку в борьбе с правонарушениями, и прежде всего с преступностью среди несовершеннолетних и соответствующей профилактики в послевоенное (равно как и в последующее) время несли органы внутренних дел [1, с. 141]. В этой связи следует заметить, что после войны НКВД СССР определенным образом реструктуризировался. Так, специально созданная для этого 9 августа 1945 г. комиссия (во главе с С. Н. Кругловым) представила наркому Л. П. Берии довольно обширный проект изменений, среди которых было предложение упразднить Отдел НКВД СССР по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, передав его функции в ГУМ НКВД СССР. 10 января 1946 г. Л. П. Берия и С. Н. Круглов подписали акт приема и сдачи дел по НКВД СССР. В приемо-сдаточном акте, однако, вопреки представленному выше проекту Отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в структуре НКВД сохранялся [2, с. 87–88], что свидетельствует о важности для советской власти этого направления правоохранительной деятельности. Несколько позже НКВД СССР в результате административных преобразований трансформировался в МВД СССР, в составе которого текущей борьбой с преступностью занималась милиция под руководством ГУМ (Главное управление милиции), где в апреле 1952 г. был создан отдел по предотвращению преступности со стороны несовершеннолетних (ранее эти функции выполняло Управление уголовного розыска [2,

с. 88]). Что касается структуры пенитенциарных учреждений для подростков-правонарушителей, то она некоторым изменилась, но принципиальных изменений с довоенным временем не произошло [3, с. 276].

Характеризуя общую карательную политику советского государства в послевоенный период, необходимо отметить ряд противоречивых решений. Так, в 1947 г. была отменена смертная казнь. В Указе ПВС СССР «Об отмене смертной казни» [4] в качестве мотива данного решения отмечалось, в частности, что победа советского народа в Великой Отечественной войне, международная обстановка после капитуляции Германии и Японии показывает, что дело мира можно считать обеспеченным на длительное время, соответственно, «применение смертной казни больше не вызывается необходимостью в условиях мирного времени» [4]. Однако, как показали ближайшие годы, это решение явно выпадало из логики карательной политики, в рамках которой, в частности, принимались меры по усилению уголовной ответственности, в том числе и значительному (в частности, за хищения государственного и личного имущества по Указа ПВС ВС СССР от 4 июня 1947 г. и др.), и такие меры в значительной мере относились и к несовершеннолетним преступникам. Вновь стали расширяться уголовно-политические репрессии. Так, если в 1946 г. смертные приговоры составляли 2,3 % от всех приговоров, вынесенных по уголовно-политическим делам, то в 1952 г. – уже 5,6 % [5, с. 28].

В контексте нашего исследования отметим, что среди молодежи, в том числе несовершеннолетних власть также «отыскивала» политических преступников. Так, во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. имел место такой феномен, как возникновение молодежных подпольных политических организаций, не согласных с правящим курсом в стране. В 1946–1947 гг. в ряде городов (Москва, Ленинград, Воронеж, Свердловск и другие) возникли нелегальные группы и кружки молодежи. Цели ставились вполне житейские и по-юношески просто, например: «Захотелось нам, чтобы все были сыты, одеты, чтобы не было лжи, чтобы радостные очерки в газетах совпадали с действительностью». В программных документах молодежных групп Сталин обвинялся в предательстве интересов революции, звучал призыв к восстановлению справедливости и социализма. Представления о социализме у участников этих групп формировались при чтении и самостоятельном осмысливании (а не заучивании цитат) работ К. Маркса и В. И. Ленина. И вывод: построенный в СССР Сталиным «социализм» есть не реализация великой мечты основоположников марксизма-ленинизма, а ее грубое извращение. Конспиративные встречи, псевдонимы, проверки вновь принятых членов – все это напоминало игру, только наказание получилось слишком жестоким и взрослым [6]. Например, в январе – марте 1951 г. МГБ СССР арестовало группу юношей и девушек, якобы вынашивавших "террористические замыслы", направленные против руководства страны. Как выяснилось в ходе следствия, они входили в так называемый "Союз борьбы за дело революции" (СДР), возникший в августе 1950 г. и состоявший из старшеклассников и студентов-первокурсников, в основном детей репрессированных родителей. Подражая большевикам-подпольщикам дореволюционной поры, ребята собрали гектограф и печатали листовки. В 1952 г. Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла приговор, определив жесткие приговоры, молодость здесь не стала смягчающим обстоятельством [6].

И в целом ситуация в стране складывалась таким образом, что уже в 1950г. смертная казнь была восстановлена (сначала за особо тяжкие преступления против государства, а затем и за тяжкие общеуголовные преступления). После этого

государство продолжало принимать репрессивные акты, о приоритете которых свидетельствует и тот факт, что в рассматриваемый период (июнь 1945 – март 1953 г.) была проведена только одна амнистия, а именно связанная с Победой (Указ ПВС Верховного Совета СССР «Об амнистии в связи с Победой над Гитлеровской Германией» от 7 июля 1945 г.). Между тем в дальнейшем поводы для амнистии имелись, например, в 1947 г. отмечалось 30-летие Великого Октября, в 1950-м году 5-летие Победы. Однако власть не посчитала нужным смягчать участь преступников, и следующая амнистия (после 1945 г.) была проведена только после смерти Сталина, причем практически сразу – 27 марта 1953 г. (Указ ПВС СССР «Об амнистии» от 27 марта 1953 г.).

При этом каждая амнистия традиционно всегда касалась немалой части несовершеннолетних преступников, и отказ власти от амнистии по сути означал отказ смягчить участь многих подростков-правонарушителей. Отмеченные и другие репрессивные акты свидетельствуют о том, что внутриполитическое положение в СССР после окончания войны было достаточно сложным. Первые послевоенные годы характеризовались всплеском как общеуголовной, так и корыстной хозяйственной преступности. Так, за первый послевоенный 1946 г. в СССР было зарегистрировано органами внутренних дел 1014274 преступлений. Это оказалось почти на 20 % больше, нежели в 1945 г. В 1947 г. этот показатель неуклонно возрастал [7. л. 344–346]. Состояние общеуголовной преступности в послевоенные годы подробно описано, в частности, М. Э. Жарким [8]. Так, в целом по СССР число хищений имущества выросло в 1947 г. относительно 1946г. на 43,7 %, случаи бандитизма, разбоя и грабежа в 1947 г. – почти в два раза чаще [7, л. 347]. Помимо этого распространенными были злоупотребления должностным положением.

При этом особенностью послевоенной преступности являлось более активное втягивание в преступную деятельность несовершеннолетних. Так, среди привлеченных к уголовной ответственности в 1946 г. несовершеннолетние по некоторым составам преступлений составляли до одной трети, в частности, совершались преимущественно кражи, грабежи, хулиганские действия, реже убийства. Такое положение имеют свое объяснение. Дело в том, что война породила новую волну беспризорщины (хотя и меньшего масштаба, чем во время Гражданской войны). А неурожай 1946 г. и связанный с этим голод в ряде регионов вызвал заметный рост беспризорности в СССР. С осени этого года среди задержанных в детских приемниках-распределителях заметно увеличилось число детей из сельской местности: если в первом квартале 1946 г. в распределители из села поступало по всей стране почти 55 тысяч детей, то в третьем почти в два раза больше; кроме того, количество беспризорных детей увеличивалось из-за ухода их из семей и побегов из детских учреждений, оказываясь на улице, дети промышляли мелкими кражами, обменом и торговлей, попрошайничеством [9, с. 41]. Так, в г. Ленинграде число беспризорных детей возросло во II-м полугодии 1946 г. до 3042 человек, в Свердловске – до 1981, Ростове-на-Дону – до 801. Повышение беспризорности и безнадзорности детей происходило в Татарской и Башкирской АССР, Куйбышевской, Калужской, Крымской, Новосибирской областях и в Краснодарском крае.

Указанные и другие подобные факты стали уже не могли оставаться без внимания органов власти СССР. И наряду с мерами репрессивного характера одновременно стали приниматься решения, направленные на оказание реальной помощи детям-сиротам. Так, в апреле 1947 г. было принято Постановление Совета Министров СССР «Об улучшении работы по устройству детей и подростков, оставшихся без родителей [10]. Данное Постановление обязывало Министерство трудовых резервов организовать до 1 июня

1947 г. 80 специальных ремесленных и 20 сельскохозяйственных училищ для устройства подростков, направляемых из детских приемников-распределителей (далее также – ДПР) и из детских домов. Кроме того, МВД надо было организовать до 1 августа того же года детские колонии на 10 тыс. человек. На организацию и содержание детских домов и колоний выделили из резервного фонда Совмина СССР 299,8 млн. руб. Столичные и провинциальные власти обязывались взять под особое наблюдение всю работу по устройству детей, оставшихся без родителей. Если прежде Советы депутатов трудящихся и милиция вели борьбу с беспризорниками и всячески отстранялись от устройства бездомных и голодных детей, то после принятия постановления они должны были заниматься и этим вопросом.

Можно еще отметить принятое в июне 1947 г. Постановление ЦК ВЛКСМ «Об участии комсомольских организаций в улучшении работы детских домов и устройстве детей, оставшихся без родителей», которым на горкомы, райкомы и обкомы комсомола были возложены задачи решать вопросы, связанные с постановкой воспитательной работы в детских домах и улучшением материально-бытовых условий детей-сирот. Особо в документе подчёркивалось, что данную работу стоит воспринимать не как кратковременную кампанию, а как важнейшую политическую и государственную задачу комсомола. Там же говорилось о необходимости содействия со стороны комсомольских организаций партийным и советским органам в создании ремесленных и сельскохозяйственных училищ для устройства подростков, направляемых из детских приёмников-распределителей МВД и из детских домов. В первую очередь эта помощь должна была выражаться в поиске, ремонте и оборудовании помещений, в создании для каждого училища необходимой производственной базы. Комсомольские организации обязывались оказывать активную помощь детским домам, в том числе в оборудовании спортивных площадок, посадке деревьев, совместно с органами здравоохранения добиваться улучшения санитарного состояния детских домов [11].

При этом важное значение придавалось начальному профессиональному обучению подростков, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Соответственно подростков 13–16 лет направляли в ремесленные училища и школы ФЗО, а чаще учениками непосредственно на производстве. При большом потоке детей отбор их для трудоустройства и на учебу нередко проводили наспех, учитывая переполненность ДПР – в каждом из них примерная численность должна была составлять от 40 до 60–80 чел, но в 1940-е гг. количество поступающих детей существенно превышало возможности ДПР [12, с. 19]; соответственно и на работу или на учебу попадали ранее судимые подростки, некоторые из них вскоре совершали тяжкие преступления. Так, из детприемника Ростова-на-Дону на трудоустройство в колхоз «Красный путиловец» 9 марта 1947 г. прибыли несовершеннолетние Стурайкин и Иванов. Их определили на квартиру к колхознице Поруковой. 20 марта они убили хозяйку дома, забрали вещи, деньги и скрылись. По чистой случайности вскоре оба были задержаны; выяснилось, что ранее они были судимы за кражу. Арзамасский ДПР (Горьковская область) в течение года направил в колхозы 1200 подростков, из которых большинство сбежали. Причиной явились тяжелый труд, полуголодное существование в колхозах. Беспризорники, совершая мелкие хищения продуктов питания и вещей, переходили в разряд малолетних правонарушителей, после задержания и суда попадали в трудовые воспитательные колонии, затем в исправительно-трудовые лагеря для взрослых [13]. В результате у многих из них складывался криминальный образ жизни, поскольку иного они просто не знали.

При таких обстоятельствах важнейшее значение стало придаваться предупреждению преступности среди несовершеннолетних – эта функция по-прежнему возлагалась прежде всего на органы внутренних дел на основе тех структурных подразделений и методических указаний, которые сложились в завершающий период войны. Такой подход принес определенные результаты и к концу рассматриваемого периода ситуация с преступностью некоторым образом улучшилась [14; 15 и др.]. Дополнительными импульсами в решении рассматриваемой проблемы послевоенного времени стали такие решения органов власти и управления, как Постановление Совета Министров СССР «О мерах ликвидации детской беспризорности в РСФСР» (8 апреля 1952 г.), Директива МВД СССР «Об условно-досрочном освобождении из детских трудовых колоний» (27 ноября 1947 г.), Приказ МВД СССР «Об улучшении работы трудовых воспитательных колоний МВД» (11 апреля 1951 г.) и др. И во второй половине 1950-х гг. ситуация с девиантным поведением несовершеннолетних стала заметно улучшаться.

Подытоживая, можно отметить, что проблема борьбы с преступностью в СССР после окончания Великой Отечественной войны стала одной из ключевых во внутренней политике государства. Одним из важнейших факторов этого явления следует назвать прежде всего сложившееся сразу после войны трудное положение с продовольствием, следствием чего стал резкий рост числа хищений, и прежде всего среди несовершеннолетних. Был определен приоритет в борьбе с хищениями – усиление карательных мер, и такой подход вполне вписывался в рамки действующей в СССР административно-командной системы управления обществом и государством. Отталкиваясь от него, в сфере борьбы с преступностью действовали и правоохранительные органы, структура которых в рассматриваемый период не претерпела принципиальных изменений по сравнению с довоенным временем. Основную нагрузку в борьбе с подростковой преступностью в послевоенное время несли органы внутренних дел. Текущей борьбой с преступностью занималась находившаяся в структуре НКВД (МВД) СССР милиция под руководством ГУМ (Главное управление милиции), где функции предотвращения преступности со стороны несовершеннолетних выполняло Управление уголовного розыска, а в апреля 1952 г. был выделен отдел по этому направлению. В центральной аппарате НКВД (МВД) СССР также имелось подразделение, занимавшееся несовершеннолетними правонарушителями, в отношении которых власть в целом также усиливала карательные меры. О приоритете репрессивных мер свидетельствует и тот факт, что в рассматриваемый период была проведена только одна амнистия, и несовершеннолетние преступники, немалая часть которых ранее неизменно освобождалась при амнистиях, оставалась в местах лишения свободы, что еще больше усугубляло проблемы предупреждения среди них совершения новых преступлений. С конца 1940-х гг. ситуация стала меняться в направлении активизации профилактики подростковой преступности, а смягчение уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних правонарушителе стало происходить только после смерти Сталина.

Библиографический список

1. Бикчурина Э. З., Кабиров Д. Э. Роль органов внутренних дел ТАССР в борьбе с беспризорностью и детской преступностью в 1930–1940-е годы // Вестник КЮИ МВД России. 2021. № 2. С. 141–151.
2. Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. Документы / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: Росспэн, 2003.
3. Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: Историко-правовой анализ тенденций развития: монография. Санкт-Петербург, 2004.
4. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене смертной казни» от 26.05.1947 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 17.

5. Попов В. П. Государственный террор в советской России. 1923–1953 (источники и интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 25–30.
6. Пока свободою горим. (О молодёжном антисталинском движении конца 40-х – начала 50-х годов) / Составитель и автор предисловия И. А. Мазус. М.: Пик, 2004.
7. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 497. Л. 344–347.
8. Жаркой М. Э. Милиция Ленинграда в механизме реализации карательной политики послевоенных лет (1945–1957 гг.): исторические уроки деятельности. СПб., 2004.
9. Федин С. А. Из истории борьбы Нижневолжской милиции с детской беспризорностью и безнадзорностью в послевоенный период // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 3. С. 37–43.
10. Постановление Совета Министров СССР от 07.04.1947 г. Об улучшении работы по устройству детей и подростков, оставшихся без родителей // СЗ СССР. 1947. № 16.
11. Беляев А. А. Шефство комсомола над детскими домами (на материалах Тамбовской области 1946–1953 гг.) // Ист., филос., полит. и юрид. науки. 2009.№ 2. С. 18–21.
12. Маркдорф Н. М. Проблемы ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в Кузбассе (1944–1950) // История повседневности. 2020. № 4. С. 64–79.
13. Зима В. Ф. Социология бесправия: реакция сталинской юстиции на голод в СССР в 1946–1947 гг. // Социологические исследования. 1999. № 2. С. 87–98.
14. Смирнова Н. В. Деятельность органов НКВД-МВД в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних в Ленинграде и Ленинградской области (1941–1949 гг.): историко-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 1997.
15. Упоров И. В. Мировой экономический кризис и статистика преступности в России // Общество и право. 2009. № 5 (27). С. 41–44.

© Упоров И. В., 2026

УДК 343.9

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДМЕТА МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ, В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

EDN SPIRDE

А. В. Щербакова

Аспирант,
e-mail: Anastasia-2727@yandex.ru,
Московский финансовый промышленный университет «Синергия»,
г. Москва, Россия

TRANSFORMATION OF THE SUBJECT OF FRAUD COMMITTED USING SOCIAL ENGINEERING IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

A. V. Shcherbakova

Postgraduate Student,
Moscow Financial and Industrial University "Synergy",
Moscow, Russia

Abstract. This article examines the origins of fraud and the transformation of fraudulent methods in the context of digitalization. Social engineering is analyzed as a key tool for negatively influencing victims, allowing attackers to maintain anonymity. Vulnerabilities in the security systems of the banking sector, electronic money, and the digital ruble are identified. The main risk factors are the fragmentation of anti-fraud mechanisms and the insufficient level of financial literacy among the population.

Keywords: Fraud; social engineering; crime target; digitalization; electronic money; digital ruble; anonymity; drop cards.

Введение

В эпоху тотальной цифровизации происходит генезис предмета мошенничества. Традиционное хищение наличных денежных средств видоизменилось в дистанционные посягательства на безналичные активы, электронные денежные средства (ЭДС) и цифровой рубль. В 2025 году активность злоумышленников достигла критических масштабов, а применение ими искусственного интеллекта создало угрозу когнитивной безопасности граждан. Ключевым инструментом преступников остается социальная инженерия, которая позволяет использовать психологические уязвимости (страх, доверие, эффект внезапности, сопровождающиеся острыми переживаниями) для получения доступа к чужому имуществу или приобретения права на чужое имущество.

Основная сложность борьбы с данными преступлениями заключается в новизне технологий и низкой осведомленности населения. Пользователи зачастую не знакомы с регламентами работы платформы цифрового рубля, что позволяет мошенникам успешно маскировать свои действия под официальные запросы ЦБ РФ. Разрозненность антифрод-систем различных банков и платёжных сервисов создает уязвимости в надлежащем выявлении и блокировке мошеннических действий, совершаемых с использованием социальной инженерии.

Цель исследования – проанализировать трансформацию предмета мошенничества и обосновать необходимость баланса между удобством цифровых платежей и технической защищенностью пользователей от мошеннических методов социальной инженерии.

Основная часть

По данным международных экспертов в сфере кибербезопасности, в 2025 году активность злоумышленников достигла

критических масштабов: системой антифишинга заблокировано свыше 554 млн попыток перехода по вредоносным ссылкам, а доля спама в глобальном почтовом трафике составила почти 45 %[1]. На наш взгляд, целесообразно рассмотреть предмет мошенничества, совершаемого с использованием социальной инженерии, в эпоху цифровизации. Последствиями применения мошенниками социальной инженерии могут быть: кризис доверия, повышенная подозрительность, самобичевание, нарушение когнитивной безопасности и др.

Социальная инженерия активно применяется при фишинговых и вишинговых (голосовой фишинг) атаках. Её приемы оказывают деструктивное воздействие на жертву. Социальная инженерия включает в себя совокупность психологических приемов, применяемые преступниками с целью получения конфиденциальных данных, побуждения жертв к совершению определенных действий. Результатом применения социальной инженерии при совершении мошенничества является хищение денежных средств, присвоение права на имущество, участие в финансовых пирамидах. Кроме того, действия злоумышленников могут ограничиваться получением личных данных, т.к. многие мошенники не только владеют знаниями психологических приемов воздействия на жертву, но и навыками в сфере IT-технологий.

На сегодняшний день, мы видим, что чаще предметом мошенничества становится безналичная форма денежных средств. При этом, безналичные денежные средства дают возможность мошеннику воздействовать на жертву на дистанции, «обезличивая» себя. Важно подчеркнуть, что злоумышленники осуществляют скрытый сбор данных, используют ИИ для создания, к примеру, дипфейков, а также «спящие» фишинговые ресурсы, т.е. размещение множества фишинговых ссылок на одном домене, затрудняющие их обнаружение автоматизированными системами, и продление работы вредоносного ресурса. Основными проблемами безналичных денег, как предмета мошенничества, выступают: высокий уровень доверия жертв к звонящим, представляющимся сотрудниками банка; сложность визуального отличия фишинговых сайтов от легитимных ресурсов; недостаточная финансовая грамотность населения и мгновенное списание средств после ввода платёжных данных.

Электронные денежные средства (ЭДС) также становятся предметом фишинга через фейковые страницы платёжных систем, смишинга посредством сообщений о выигрышах с требованием ввести данные кошелька, вишинга в форме звонков от «поддержки» платёжной системы, а также через фейковые объявления о продаже товаров с оплатой через ЭДС. ЭДС являются предметом мошеннических посягательств ввиду анонимности кошельков, затрудняющей идентификацию получателя, слабой защиты некоторых платёжных систем и возможности мгновенного обналичивания или конвертации в криптовалюту. На наш взгляд, важно упомянуть одну из распространенных схем хищения, которая заключается в убеждении жертвы конвертировать безналичные денежные средства, находящиеся на счете в банке, в цифровой рубль для «депонирования на защищенный счет». При этом, следует акцентировать внимание на том, что при мошеннических посягательствах, совершаемых с использованием социальной инженерии, предметом хищения выступает не конкретная форма денежных средств (наличные деньги, де-

[1] Фишинг и спам: лучшие кампании 2025 года // kaspersky блог daily URL: https://www.kaspersky.ru/blog/spam-and-phishing

нежные средства на карте или код), а имущественный эквивалент, право на который утрачивает жертва.

Наряду с ЭДС, Цифровой рубль (ЦР) подвержен рискам атак мошенников, использующих социальную инженерию. Преступники осуществляют фишинговые атаки через поддельные приложения ЦБ РФ или Госуслуг с запросом доступа к кошельку ЦР. Кроме того, злоумышленники совершают вишинг посредством звонков от имени сотрудников ЦБ с предложением «обновить» кошелёк, а также смишинг через SMS от имени ЦБ о необходимости подтвердить операцию. Полагаем, что уязвимостями жертв мошенничества, совершаемого с использованием социальной инженерии будут являться: новизна технологий, применяемых преступниками; низкая осведомлённость пользователей о правилах безопасности их использования. Возникает необходимость баланса между контролем и конфиденциальностью, а также сложность технической реализации защитных механизмов без потери удобства использования.

Подытоживая сказанное, можно привести ряд ключевых проблем, способствующих распространению мошенничества с применением социальной инженерии:

1) Применение социальной инженерии воздействующей на уязвимости жертвы (доверие, страх). Злоумышленники рассчитывают на испуг жертвы, растерянность в результате внезапно поступившего звонка, сообщения или электронного письма. 2) Низкая финансовая грамотность пользователей не позволяет им своевременно распознавать признаки мошеннических атак. Мошенники, используя эффект внезапности, воздействуют на жертву, не знающую регламентов банков, и которая сама выполняет определенные действия, раскрывая конфиденциальные данные и передавая их мошенникам. Преступники рассчитывают на низкую осведомленность жертвами, как работают технологии (подмена номеров, дипфейки), заставляя верить «картинке» или «голосу». Разрозненность систем защиты между банками, ЭДС и ЦР создаёт «слабые звенья», которыми пользуются преступники. Если ЭДС переводятся из банка на анонимный электронный кошелек, цепочка расследования часто обрывается. При этом, важно обратить внимание, что мошенники совершают многоступенчатые переводы (транзиты) через разные типы платежных систем.

Таким образом, был исследован предмет мошенничества и механизмов его совершения с использованием социальной инженерии в условиях цифровизации. Эффективность социальной инженерии в схемах хищения различных видов активов (безналичные денежные средства, ЭДС, цифровые рубли) обусловлена возможностью дистанционного манипулирования жертвой и анонимностью действий преступников. Наряду с низкой финансовой грамотностью, уязвимость системы создается разобщенностью защитных механизмов банков, что является основанием для дальнейшей разработки мер противодействия данному виду преступления.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы: Цифровой рубль и ЭДС становятся предметом фишинга и вишинга из-за недостаточной информированности граждан о правилах их использования; Социальная инженерия становится высокотехнологичным процессом, где использование дипфейков и подмены номеров заставляет жертв верить «картинке» и самостоятельно совершать определенные действия с личными данными, продиктованные мошенниками.

Практические рекомендации: Для минимизации рисков необходима техническая модернизация (внедрение ИИ-мониторинга транзакций), но и создание единого межбанковского механизма за-

щиты, исключающего существование уязвимостей, пробелов в цепочке платежей.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в связи с внедрением цифрового рубля).
2. Бузыканова, Е. В. (2026). Мошенничество как социально-психологический феномен: история и подходы к исследованию. Психология и право, 16 (1), 51–64. https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160104
3. Мешкова, Н. В., Кудрявцев, В. Т., Ениколопов, С. Н. (2022). К психологическому портрету жертв телефонного мошенничества. Вестник Московского университета, 14 (1), 138—157. https://doi.org/10.11621/vsp.2022.01.06
4. Митник, К. Д., Саймон, В. Л. (2004). Искусство обмана. Пер. с англ. М.: Компания АйТи.
5. Объедкова Е. Ю. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Экономика и социум. 2022. №10-2 (101). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/moshennichestvo-s-ispolzovaniem-elektronnyh-sredstv-platezha
6. Онищенко, О. Р. (2005). Манипулирование сознанием и поведением жертв при мошенничестве: Дис. … канд. психол. наук: 19.00.06 Юридическая психология. М. URL: https://elibrary.ru/nnpalh
7. Сафонова Д. В. Особенности объекта и предмета преступления, предусматривающего ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. №b4 (47). С. 83–88. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-47-4-83-88
8. Сиротин В. П., Архипова М. Ю., Куликова С. В., Воронкова Т. Н., Нарциссова С. Ю. (2023). Социальная инженерия и информационная безопасность. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Эдитус». URL: https://elibrary.ru/qlthgh
9. Стрижов Е. Ю. (2011). Нравственно-психологические детерминанты мошенничества: Автореф. дис. … д-ра психол. наук: 19.00.06 Юридическая психология. Академия управления МВД Российской Федерации. Москва. URL: https://elibrary.ru/qflsvd

© Щербакова А. В., 2026

УДК 378

ГЕЙМИФИКАЦИЯ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ (НА ПРИМЕРЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ТЕОРИЯ ВЕРОЯТНОСТЕЙ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА» ДЛЯ ПСИХОЛОГОВ)

EDN TLEUZW

Н. А. Абакумова *Кандидат социологических наук, доцент, ORCID 0000-0001-5800-511X, e-mail: aba78@mail.ru,*

Л. М. Лысенко *кандидат сельскохозяйственных наук, заведующий кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, e-mail: lysenko@alt.ranepa.ru,*

Е. Г. Свердлова *кандидат физико-математических наук, доцент, ORCID 0009-0002-3429-3844, e-mail: egsverdlova@mail.ru,*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал, г. Барнаул, Алтайский край, Россия

GAMIFICATION OF MATHEMATICS EDUCATION IN HIGHER EDUCATION: THE CASE OF "PROBABILITY THEORY AND MATHEMATICAL STATISTICS" FOR PSYCHOLOGISTS

N. A. Abakumova *Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,*

L. M. Lysenko *Candidate of Agricultural Sciences, Head of the Department of Humanities and Natural Sciences,*

E. G. Sverdlova *Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration, Altai branch, Barnaul, Russia*

Abstract. The paper examines the potential of gamification as a didactic tool for teaching mathematics to humanities majors, using the course “Probability Theory and Mathematical Statistics” as a case study. The authors synthesise theoretical frameworks of game mechanics integration into university curricula and identify specific cognitive challenges that psychology students typically face when dealing with probabilistic and statistical content. The empirical part draws on a script of an intellectual game on probability theory and mathematical statistics, conducted with psychology undergraduates. Six game rounds are analysed in detail: team presentations, auditory recognition of numerical data (“Guess the Tune”), term identification from visual clues (“Where Is the Logic?”), statistical concept puzzles, binary true/false testing of probabilistic judgments, and three combinatorial/conditional probability problems. The findings indicate that stepwise implementation of game-based tasks reduces math anxiety, triggers cognitive engagement, and fosters transferable skills such as rapid decision-making, collaborative reasoning, and application of abstract probabilistic schemes to contextual scenarios. The

conclusion emphasises the feasibility of regular gamified sessions in mathematics training for non-STEM students, their role in overcoming the “mathematics barrier”, and enhancing the appeal of statistical reasoning.
Keywords: gamification; higher education; mathematics education; probability theory; statistics; psychology students; educational games; cognitive engagement.

Геймификация (gamification) – это интеграция игровых механик, сюжетов и элементов соревнования в образовательные процессы неигрового характера. В высшей школе геймификация решает ряд ключевых задач: повышение учебной мотивации, снижение тревожности при изучении сложных дисциплин, развитие коммуникативных навыков и формирование устойчивого интереса к предмету. Игровые форматы (квизы, кейс-чемпионаты, интеллектуальные марафоны) особенно востребованы в гуманитарных направлениях, где студенты нередко испытывают «математический барьер». Математика традиционно воспринимается студентами-гуманитариями как абстрактная и оторванная от жизни дисциплина. Геймификация в этом контексте призвана:

- визуализировать случайные процессы и статистические закономерности через игровые сюжеты;
- снизить страх перед формулами и расчетами за счет коллективного решения задач;
- акцентировать не на вычислительную сложность, а логику и интерпретацию результатов;
- показать прикладную ценность математических методов в психологии, социологии, экономике.

Эффективными приемами становятся: работа в командах, ограничение времени на ответ, разноуровневые задания (от разминки до исследовательских кейсов), включение аудиовизуального контента.

В статье рассматривается практический опыт на примере интеллектуальной игры по теории вероятностей и математической статистики для студентов направления «Психология».

Преподаватели кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Алтайского филиала РАНХиГС систематически внедряют активные методы обучения, в частности игровые форматы итогового и промежуточного контроля. Ежегодно в осенне-зимний период проходит интеллектуальная игра по теории вероятностей и математической статистики для студентов направлений «Психология». Наиболее репрезентативной в контексте геймификации вероятностно-статистического блока признана игра, сценарий которой содержит разнородные раунды, моделирующие различные когнитивные операции. Ниже последовательно рассматриваются структурные элементы интеллектуальной игры с позиций их дидактической нагрузки и методической обоснованности, которая состоялась в 2025 году.

1. Этап презентации команд как механизм снижения аффективных барьеров.

Вместо традиционного устного приветствия участникам был предложен формат краткой творческой самопрезентации («визитная карточка») с выбором названия. Вот некоторые названия команд: «Ковбои статистики», «Пифагор в малине», «Агентство пяти минут», «InstaExcel», «Фокус вероятности». Оценочная процедура предполагала выставление баллов членами жюри (максимум 5 баллов от каждого) с последующим суммированием. Данный раунд выполняет не столько диагностическую, сколько психогигиеническую функцию: игровая атрибутика и юмористические элементы снижают тревожность перед математическим содержанием, что соответствует рекомендациям по работе с гуманитарными студенческими контингентами

2. Аудиальный раунд «Угадай мелодию»: извлечение числовых данных из вербально-музыкальных стимулов.

Студентам включали пять фрагментов песен, где встречались числа. Вот они: «5 минут», «Миллион алых роз» (там – миллион), «Три белых коня», «18 мне уже» и «И снова 3 сентября». Задание простое: услышать каждое число, записать его, а потом сложить. В итоге получается 1 000 029. С первого взгляда задача слишком лёгкая. Но она решает другую цель: заставляет мозг работать сразу с музыкой и счётом. Слуховая нагрузка мешает включить «автоматический счёт», и человек вынужден реально складывать – пусть и элементарно. Плюс знакомые мелодии снижают напряжение, из-за этого материал запоминается лучше (даже не цифры, а сам подход).

3. Раунд «Где логика.

Задание «Где логика?» построено на визуальных рядах. На каждом слайде – несколько картинок. Нужно понять, какое общее понятие их связывает. Ответ дают по готовности, на всё – 5 секунд. Ошиблись – ход переходит к другой команде. В ходе игры были успешно декодированы следующие конструкты: «вероятность», «гипотеза», «геометрическая фигура», «гистограмма» и «статистика». С точки зрения методологии дисциплины, данный этап иллюстрирует формирование метапредметных связей: абстрактное вероятностное понятие не вводится дедуктивно, а реконструируется через индуктивное обобщение визуальных ассоциаций, что снижает когнитивную нагрузку на этапе первичного узнавания терминов.

4. Ребусы как средство визуальной дешифровки вероятностных понятий.

Командам раздали бланки, содержащие пять ребусов, решение которых следовало представить в письменной форме (лимит – 30 секунд на каждый). Правильные ответы распределились следующим образом: репрезентативность, медиана, мода, критерий Манна-Уитни, корреляция. С дидактической позиции примечателен последний термин – «корреляция», традиционно вызывающий трудности у студентов-психологов на этапе перехода от дескриптивной статистики к анализу связей. Ребусная форма репрезентации позволяет задействовать зрительно-пространственную рабочую память в обход вербальных стереотипов, тем самым облегчая последующее оперирование понятием в контексте статистических гипотез.

5. Бинарное тестирование «Да / Нет»: элиминация типичных ошибок вероятностного мышления.

Участникам предъявляли 10 утверждений с требованием оценить их истинность в пределах 5 секунд на каждое. Приведём наиболее показательные пункты с точки зрения частоты ошибочных интуитивных решений:

- *Утверждение:* «Если при 99 опытах событие А произошло 5 раз, то событие А является случайным». Верный ответ – да, ибо даже малая частота при конечном числе испытаний не противоречит определению случайности по А. Н. Колмогорову.
- *Утверждение:* «Новый пятак, брошенный 100 раз, может выпасть гербом во всех 100 случаях». Верный ответ – да, что акцентирует независимость испытаний в схеме Бернулли.
- *Утверждение:* «Из мешка, содержащего 100 ужей и 2 гадюк, вероятность извлечь гадюку равна 0,02». Верный ответ – нет, так как $2/102 \approx 0{,}0196$ (студенты часто ошибочно принимают знаменатель за 100).

Данный раунд выполняет функцию экспресс-диагностики сформированной вероятностной интуиции и позволяет скорректировать «эвристику доступности» в режиме реальной игры. Научный интерес представляет тот факт, что групповое обсуждение в команде уменьшает долю импульсивных ответов по сравнению с индивидуальным тестированием.

6. Решение вероятностных задач повышенной сложности как кульминационная фаза игры.

Три задачи были предложены с возрастающим временным лимитом (3, 4 и 5 минут соответственно) и единым «весом»

5 баллов каждая. Для этого этапа отобрали классические вероятностные сюжеты – из комбинаторики и геометрии. Но их чуть упростили и подстроили под гуманитариев. Никаких громоздких формул на старте.

Задача 1 (о муравьях – переписана полностью)

Условие. Есть равносторонний треугольник. В каждом из трёх углов сидит по муравью. Каждый ползёт в какой-то другой угол (выбирает случайно). Спрашивается: какова вероятность, что они не столкнутся?

Вариантов направлений всего 8 (2^3). Не столкнутся, только если все движутся одинаково – либо по часовой стрелке, либо против. Значит, подходящих исходов – 2. Вероятность = 2/8 = 0,25. Хороша эта задача тем, что не требует вычислений «в лоб». Достаточно заметить симметрию. Такие сюжеты называют «островными». Ответ получается коротким и красивым.

Задача 2 (о коллекционере – наклейки «Барби»)

Суть задачи – разобрать житейскую ошибку. Ирочке кажется: куплю 20 жевачек и соберу все 20 разных наклеек. В реальности каждый вкладыш попадается случайно, и все типы наклеек равновероятны. Подсчёт простой (хоть и громоздкий). Всего вариантов получить 20 наклеек – 20^{20}. А вот собрать 20 *разных* можно только одним способом – вытащить каждую по одному разу. Это 20! вариантов (перестановки). Отношение $20!/20^{20}$ даёт ничтожную вероятность, примерно 2,3 на 100 миллионов. Ирочка ошибается.

Соответственно, $P = 20! / 20^{20} \approx 2{,}3 \cdot 10^{-7}$. Математическая строгость расчёта позволяет наглядно опровергнуть распространённое заблуждение о быстром наборе полной коллекции. Для психологов это задание служит также иллюстрацией когнитивного феномена «игнорирования комбинаторного взрыва».

Задача 3 (о таблетках Морфеуса).

Условие. Имеется 50 красных и 50 синих таблеток, раскладываемых участником по двум коробкам произвольно. Затем агент выбирает коробку случайным образом и извлекает из неё одну таблетку наугад. Требуется максимизировать вероятность получения красной таблетки.

Оптимальная стратегия: в первую коробку поместить одну красную таблетку, во вторую – все оставшиеся (49 красных + 50 синих). При этом вероятность будет равна $0{,}5 \times 1 + 0{,}5 \times (49/99) \approx 0{,}7475$. Методическая ценность задачи выходит за рамки чистого расчёта: она побуждает к рефлексии над тем, как неравномерное распределение ресурсов (аналог неравных вероятностей в выборке) способно изменить итоговый шанс. Такая форма подачи близка к игровой теории принятия решений и рекомендуется для формирования стратегического компонента статистического мышления. Такого рода задачи развивают стратегическое мышление в условиях неопределенности (что напрямую связано с принятием решений в психологии), а также показывает, как неравномерное распределение ресурсов меняет вероятность.

Каждая задача фиксировалась на отдельном бланке, который после завершения лимита передавался в жюри. Соревновательный аспект и дефицит времени моделируют работу в условиях неполной определённости, что повышает переносимость полученных навыков в профессиональные контексты (например, психологическое консультирование требует быстрой оценки вероятностных сценариев).

Проведенный анализ и опыт реализации интеллектуальной игры по теории вероятностей и математической статистики позволяют сформулировать следующие выводы:

1. **Формирование познавательной активности.** Игровой формат превращает математику из «страшной» обязательной дисциплины в пространство интеллектуального вызова. Студенты

решают задачи не из-под палки, а из интереса победить команду соперников или просто понять «в чем подвох».

2. **Снижение математической тревожности.** Элементы творчества (визитка, ребусы, угадай мелодию) создают безопасную среду, где ошибка не ведет к плохой оценке, а становится частью обучения.
3. **Популяризация математики среди гуманитариев.** Через знакомые образы (песни, киноцитаты, персонажи) студенты открывают для себя, что теория вероятностей описывает реальные случайности – от жизненных шансов до стратегий в играх.
4. **Развитие метапредметных компетенций.** Быстрота реакции, умение работать в команде, аргументировать ответ – именно эти качества востребованы в будущей профессиональной деятельности психологов и экономистов. Математика здесь выступает полигоном для их отработки.

Таким образом, геймификация дисциплин вероятностно-статистического цикла является не просто развлекательным дополнением, а эффективным педагогическим инструментом, способствующим развитию устойчивого интереса к математике, осознанному усвоению ее методов и снижению психологических барьеров у студентов гуманитарных направлений. Регулярное проведение подобных игр (с фиксацией в портфолио студентов) может быть рекомендовано в качестве элемента системы оценивания образовательных результатов.

Библиографический список

1. Абакумова Н. А. Развитие математического мышления как основы формирования интеллектуального капитала будущего экономиста // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. – Ч. 1. – Уфа: OMEGA SCIENCE, 2020. – С. 139–140.
2. Волкова Т. Г., Таланова И. О. Геймификация в образовании: проблемы и тенденции // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 5 (128). – С. 26–33.
3. Катержина С. Ф., Собашко Ю. А., Жбанов Е. А. Об опыте использования геймификации в высшем образовании на примере преподавания математических дисциплин // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2022. Т. 28, № 3. – С. 151–157.

© Абакумова Н. А., Лысенко Л. М., Свердлова Е. Г., 2026

УДК 376

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЛКОЙ МОТОРИКИ У ДЕТЕЙ С ДИАГНОЗОМ ДЦП

EDN TOUCQL

В. А. Бабайцева *Старший преподаватель, ORCID 0009-0009-8823-6985, e-mail:babaytseva.lera@mail.ru,*

А. Д. Савина *студентка, e-mail: alna.savina.05@bk.ru, Института физической культуры, спорта и туризма, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия*

THEORETICAL ASPECTS OF THE FORMATION OF SMALL MOTOR IN CHILDREN WITH A DIAGNOSIS OF STROKE

V. A. Babaytseva *Senior Lecturer,*

A. D. Savina *Student, Institute of Physical Culture, Sports and Tourism, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia*

Abstract. The relevance of the study is due to the high prevalence of cerebral palsy and the central nature of fine motor impairments, which limit the child's ability to perform self-care, writing, and social adaptation. The article analyzes the neurophysiological mechanisms of motor disorders in various clinical forms of CP (spastic, hyperkinetic, ataxic) and typical manifestations of hand praxis disorders: difficulties in maintaining posture, inability to perform isolated finger movements, reduced grip strength, high muscle fatigability, and the presence of synkinesis. Based on a synthesis of current research, three leading approaches to correction are systematized: functional training (repetition of isolated movements), activity-based approach (manual work), and the use of non-traditional drawing techniques. A comparative analysis of the effectiveness of each approach depending on the form of CP and age is conducted, demonstrating the absence of a universal method. The author's position is substantiated: the optimal approach is the integration of methods, prioritizing manual work at the initial stage, short-term inclusion of isolated exercises, and systematic use of non-traditional drawing to maintain motivation and sensory stimulation.

Keywords: cerebral palsy; fine motor skills; hand praxis; correctional pedagogy; spasticity; hyperkinesis; non-traditional drawing techniques.

Актуальность изучения теоретических основ развития мелкой моторики при детском церебральном параличе обусловлена высокой распространённостью данной патологии (по данным ВОЗ, 2–2,5 случая на 1000 новорождённых [8]) и устойчивостью вызываемых ею нарушений психомоторного развития. Как отмечают Г. А. Суслова, В. В. Кирьянова, О. В. Булина и другие [3], несмотря на совершенствование медицинских технологий, проблема ДЦП сохраняет медико-социальную значимость на протяжении десятилетий. В структуре двигательного дефекта при ДЦП поражение тонких дифференцированных движений кистей и пальцев занимает центральное место, поскольку именно от него зависит возможность овладения навыками самообслуживания, письма и трудовой деятельности.

Первичным звеном двигательных расстройств при ДЦП служит повреждение структур головного мозга, отвечающих за регуляцию мышечного тонуса и формирование произвольных моторных программ. Согласно данным Сусловой и соавторов [3], в зависимости от локализации поражения (пирамидные или экстрапирамид-

ные пути, мозжечок, кора) формируются разные клинические формы. При спастических формах повышается тонус мышц-сгибателей кисти, что приводит к патологической установке «рука-коготь» и резкому ограничению активных разгибательных движений. При гиперкинетической форме целенаправленное действие затруднено из-за непроизвольных насильственных движений (хореоатетоз, торсионные спазмы). Мелкая моторика страдает тем сильнее, чем более тонкую дифференцировку требует действие, поскольку именно корковые уровни регуляции наиболее уязвимы при перинатальных поражениях. Как подчёркивает С. А. Абасова [1], двигательные нарушения при ДЦП носят не периферический, а центральный характер, что проявляется в сочетании парезов, гиперкинезов, атаксии, синкинезий и патологических тонических рефлексов.

У детей с ДЦП типичными проявлениями моторной недостаточности выступают трудности удержания позы кисти, неспособность к изолированным движениям пальцев (особенно указательного и большого), сниженная сила захвата, нарушение переключения с одного движения на другое. А. Л. Махонина, А. Н. Кондратова и В. И. Васильева [4] описывают, что даже при относительно лёгких формах дети испытывают значительные сложности при выполнении графических проб – обведении контуров, штриховке, рисовании линий. Кроме того, наблюдается высокая истощаемость мелкой мускулатуры: после 2–3 минут целенаправленных движений качество резко падает, появляются синкинезии. Как указывает Д. О. Царева [7], эта особенность требует дробной организации занятий с частыми паузами для расслабления кисти.

В современной специальной педагогике сложились три ведущих подхода, каждый из которых опирается на разные представления о механизмах двигательного научения.

Первый – функционально-тренировочный подход – базируется на идее многократного повторения изолированных движений для формирования условно-рефлекторных связей. Его теоретическую основу составляет принцип нейропластичности. Как показано в работах Д. М. Павлюченко [5; 6], на практике этот подход реализуется через систематическую тренировку различных типов захватов (щипцовый, ключевой, цилиндрический), пассивное и активное разведение пальцев, противопоставление большого пальца. Однако у этого метода есть ограничения. Он требует от ребёнка относительно высокой сохранности способности к изолированным движениям, поэтому при грубых гиперкинезах или выраженной спастике его применение малоэффективно. К тому же абстрактные повторяющиеся упражнения быстро надоедают детям, что снижает мотивацию. Кроме того, при неправильной технике возможно закрепление патологических двигательных стереотипов [6].

Второй подход – деятельностный, основанный на включении моторных операций в осмысленную предметную деятельность. Его теоретическую базу составляет учение о единстве сознания и деятельности. Наиболее ярко этот подход представлен в методиках ручного труда – складывании бумаги, вырезании, плетении, нанизывании бусин, работе с мозаикой, лепке из пластилина, сортировке природных материалов [5]. Такие занятия не только тренируют пальцы, но и создают у ребёнка устойчивую мотивацию за счёт получения конкретного продукта (поделки). Деятельностный подход предъявляет средние требования к сохранности движений: при спастике он хорошо сочетается с предварительными расслабляющими процедурами, при гиперкинезах может потребоваться дополнительная фиксация кисти.

Третий подход – использование нетрадиционных техник рисования. А. Д. Васильева [2] обосновывает, что рисование пальцами, ладонями, оттисками печатками, монотипия, кляксография и другие подобные техники максимально доступны

даже при грубых двигательных ограничениях. Ребёнку не нужно удерживать карандаш или кисть с заданной силой нажима; он может действовать всей кистью, ладонью, кулаком, что позволяет варьировать амплитуду и компенсировать недостаток тонкой дифференциации. Одновременно стимулируются тактильная чувствительность, зрительно-моторная координация и произвольная регуляция силы движения [2]. Этот подход особенно эффективен при гиперкинетической форме ДЦП, так как он позволяет «канализировать» избыточные движения в русло творческой деятельности. Мотивация детей, как правило, очень высока благодаря яркости и свободе самовыражения.

Сравнивая эти три подхода, можно заключить, что ни один из них не является универсальным. Функционально-тренировочный метод даёт хорошие результаты на этапе формирования базовых изолированных движений, но требует высокой мотивации и строгого контроля техники. Деятельностный подход наиболее гармоничен, так как соединяет тренировку моторики с осмысленной деятельностью, однако он предполагает средний уровень сохранности движений. Нетрадиционное рисование – самый щадящий и мотивирующий метод, но он не решает задачи подготовки к письму без дополнения более точными упражнениями. Оптимальной представляется интеграция: на начальном этапе ведущую роль играет деятельностный подход с крупными деталями; для отработки изолированных движений кратковременно вводятся элементы функционально-тренировочных упражнений; а для поддержания интереса и сенсорного обогащения систематически используются нетрадиционные техники рисования. При спастических формах приоритет отдаётся предварительному расслаблению и ручному труду; при гиперкинезах – нетрадиционному рисованию и фиксациям [6].

Сенситивным периодом для развития ручной умелости у детей с ДЦП является старший дошкольный возраст (5–7 лет). Махонина, Кондратова и Васильева [4] отмечают, что именно в этом возрасте при правильно организованной коррекционной работе достигается наибольший прогресс. Это связано с тем, что к пяти годам у ребёнка с церебральным параличом завершается формирование основных компенсаторных механизмов (в пределах, допустимых поражением).

Системная связь мелкой моторики с другими функциями. Между уровнем развития кистевого праксиса и речевым развитием существует прямая корреляция. Как обоснованно утверждает Д. О. Царева [7], это объясняется общностью нейрофизиологических механизмов: моторные зоны коры, отвечающие за тонкие движения пальцев, и речедвигательная область Брока находятся в непосредственном соседстве и обладают взаимным влиянием. Поэтому в системе коррекции ДЦП упражнения на развитие мелкой моторики традиционно сочетают с логопедическим массажем и артикуляционной гимнастикой. Кроме того, недоразвитие мелкой моторики ведёт к серьёзным барьерам социальной адаптации – трудностям письма, самообслуживания, что ограничивает инклюзию ребёнка в коллектив сверстников [3].

Обобщение проанализированных источников позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, мелкая моторика при ДЦП – не изолированный дефект, а системное нарушение, связанное с мышечным тонусом, координацией, зрительным контролем, речью и познавательной сферой. Поэтому коррекционные упражнения должны одновременно воздействовать на несколько функций (например, сжимание поролоновой губки развивает силу захвата и одновременно даёт тактильную обратную связь).

Во-вторых, эффективность упражнений резко снижается без учёта клиниче-

ской формы ДЦП. В проанализированных источниках [1; 3; 6] дифференцированный подход декларируется, но редко операционализируется в виде конкретных алгоритмов для педагога. При спастике обязательны предварительные тепловые процедуры, пассивные растяжки и покачивания; при гиперкинезах – фиксация кисти с помощью утяжеления или опоры.

В-третьих, методическая ошибка многих рекомендаций – сведение работы лишь к крупной моторике без систематической нагрузки на пальцы. Целенаправленная работа с кистью должна начинаться с 3–4 лет (пассивная гимнастика, массаж, захват крупных предметов), а в старшем дошкольном возрасте занимать не менее 15–20 минут ежедневно [4; 6].

В-четвёртых, наиболее перспективным представляется синтез ручного труда и кратких нейродинамических проб. В рассмотренных работах [2; 5; 7] этот синтез почти не представлен, что составляет зону для дальнейших исследований.

В-пятых, главный практический вывод для педагога: ориентиром эффективности должно служить не количество выполненных упражнений, а качество движений и отсутствие синкинезий. Даже одно правильно выполненное изолированное движение с расслабленной кистью ценнее десяти, сопровождающихся напряжением плечевого пояса или лицевой мускулатуры [1].

Заключение. Теоретический анализ показал, что нарушения мелкой моторики при ДЦП имеют центральный нейрофизиологический генез и клинически проявляются в зависимости от формы заболевания. Коррекционная работа должна строиться на интеграции функционально-тренировочного, деятельностного и творческого подходов с обязательным учётом формы ДЦП и возраста ребёнка. Наиболее продуктивной представляется модель, в которой ручной труд служит основой для формирования целенаправленных действий, нетрадиционные техники рисования – средством поддержания мотивации и сенсорной стимуляции, а краткие изолированные упражнения – инструментом отработки конкретных двигательных элементов. Практическим результатом статьи может служить рекомендация для педагогов: на каждом занятии обязательно включать хотя бы один элемент ручного труда и один элемент нетрадиционного рисования, а также проводить еженедельную диагностику наличия синкинезий для коррекции методики.

Библиографический список

1. Абасова, С. А. Особенности психологического обследования детей с ДЦП и психодиагностика нарушений моторики / С. А. Абасова // Психолого-педагогические проблемы современного образования: пути и способы их решения. – Москва: ООО "Парнас", 2022. – С. 362–368.
2. Васильева, А. Д. Развитие мелкой моторики у детей старшего дошкольного возраста с нарушением опорно-двигательного аппарата посредством нетрадиционных техник рисования / А. Д. Васильева // Вестник науки. – 2025. – Т. 3, № 2(83). – С. 252–261.
3. Детский церебральный паралич: медицинские технологии совершенствуются, актуальность проблемы остается / Г. А. Суслова, В. В. Кирьянова, О. В. Булина [и др.] // Children's Medicine of the North-West. – 2024. – Т. 12, № 4. – С. 7–20.
4. Махонина, А. Л. Особенности организации работы с детьми, имеющими детский церебральный паралич, в условиях ДОО / А. Л. Махонина, А. Н. Кондратова, В. И. Васильева // Вопросы науки и образования: новые подходы и актуальные исследования. – Чебоксары: ООО "Центр научного сотрудничества "Интерактив плюс", 2024. – С. 116–118.
5. Павлюченко, Д. М. Использование ручного труда в развитии мелкой моторики детей старшего дошкольного возраста с детским церебральным параличом / Д. М. Павлюченко // Психолого-педагогическое сопровождение общего, специального и инклюзивного образования детей и взрослых. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2023. – С. 165–167.
6. Павлюченко, Д. М. Развитие мелкой моторики у детей старшего дошкольного возраста с детским церебральным параличом / Д. М. Павлюченко // Развитие социально-устойчивой инновационной среды непрерывного педагогического образования. – Абакан: Хакасский госу-

дарственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2022. – С. 146-148.
7. Царева, Д. О. Развитие мелкой моторики у детей с детским церебральным параличом / Д. О. Царева // Лучшие научные исследования студентов и учащихся. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. – С. 135–137.
8. Формы ДЦП [Электронный ресурс] // Благотворительный фонд «Добросердие» : сайт. – 2017. – 31 мая. – URL: https://dobroserdie.com/o-dtsp/formy-dtsp/ (дата обращения: 13.05.2026).

© Бабайцева В. А., Савина А. Д., 2026

УДК 378

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФИЗИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

EDN TVCJTO

Ю. Л. Бадаев

Кандидат педагогических наук, доцент,
ORCID 0000-0002-0694-0752,
e-mail: 9057551299@mail.ru,
Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана,
г. Москва. Россия

PROBLEMS OF STUDYING PHYSICS IN A MODERN SCHOOL

Yu. L. Badaev

Associate Professor,
Bauman Moscow State Technical University,
Moscow, Russia

Abstract. Understanding the fundamental concepts of physics requires abstract thinking, mathematical skills, and practical application of knowledge. To master physics as a science, one must develop a physical intuition and a distinctive way of thinking, where mathematics plays a key role. The parallel study and interpenetration of mathematics and physics in schools can greatly contribute to their development.

Keywords: studying Physics; Mathematics; challenges; education; qualifications.

Физика – наука о природе и законах, которые управляют движением, энергией и взаимодействиями. На законах физики построены законы экономики, социологии, психологии и многих других научных дисциплин. Это делает физику особой, элитной наукой. Для многих студентов она вызывает восхищение и любопытство, но одновременно сопряжена с рядом сложностей. Понимание фундаментальных концепций требует абстрактного мышления, математических навыков и практического применения знаний. Физика должна войти в умы на подсознательном уровне, подобно тому как родной язык входит с самого рождения, и в последствии используется без каких-либо когнитивных усилий, не задумываясь. Он становится частью сознания, в отличии от иностранного языка, если приступить к его изучению не с самого рождения.

Для овладения физикой как наукой, должна сформироваться физическая интуиция и характерный образ мышления. Изучение физики во всех странах начинают еще в средней школе. В России это, как правило, 7 класс. К окончанию школы у ученика все это уже должно сформироваться, чтобы потом быстро и правильно маршрутизировать получаемую информацию в ходе дальнейшего изучения физики в вузе.

В изучении физики ключевую роль играет математический аппарат (интегралы, векторное исчисление, дифференциальные уравнения). Недостаток математики затрудняет понимание. Но даже имея достаточную математическую подготовку, школьник, а в последствии студент, не всегда видит связь между математическими методами и конкретными физическими задачами. Часто можно наблюдать студента, который прекрасно владеет методами высшей математики, прекрасно владеет интегральным и дифференциальным исчислением, решает довольно сложные математические задачи, но при этом совершенно не умеет применять данные навыки к решению задач по физике.

Проблема своими корнями уходит еще в школьное образование, где физика и математика преподносятся как почти не связанные между собой предметы. В ходе освоения курса физики многие учащиеся заучивают решения, не понимаю принципа. Учителя физики всячески избегают

применения математических методов решения задач, заменяя их малопонятными суррогатными технологиями. Например, те задачи, которые можно легко решить при помощи интегрирования, предлагается решить путем расчета площади под неким графиком, при этом связь данного метода с поставленной задачей плохо просматривается, хотя, по сути, площадь под графиком есть геометрическая интерпретация интеграла. Учащемуся предлагается применить интегрирование не понимая его сути. Аналогично при решении оптимизационных задач, где можно путем дифференциального исчисления найти экстремумы функции и быстро решить задачу, предлагается искать решение чуть ли не методом подбора. В беседах со школьными учителями физики, например на курсах повышения квалификации на вопрос о методах решения задач можно зачастую услышать полное неприятие каких-либо математических методов кроме арифметических и самых простых тригонометрических, при том что и дифференциальное исчисление и интегралы формально включены в курс школьной математики.

Также наблюдается и тот факт, что сами учителя физики плохо владеют математическим аппаратом. В результате выпускник школы в большинстве случаев не понимает прикладного смысла математических методов, в то время как физика является отличным визуализатором математики, позволяя осознать ее на интуитивном уровне, подобно тому, как человек применяет языковое общение на родном языке. Язык математики должен стать родным для изучающих физику.

Неумение использовать математические методы в физике приводит еще и к формированию психологического барьера к дальнейшему обучению в высших учебных заведениях, где эти навыки крайне необходимы. Страх неуспеха, тревога перед сложной темой, чувство «непомерности» материала вводит студента в психологический ступор. На преодоление этого барьера уходит много времени. Такие студенты только после двух-трех семестров изучения физики начинают вникать в суть, но к этому моменту основы физики уже должны быть сформированы в умах. Бесценное время обучения безвозвратно потеряно.

Решение проблемы видится в развитии параллельного изучения математики и физики, показывая шаг за шагом физический смысл того или иного математического метода. При решении задач уже в школе, в старших классах применять интегральное исчисление, применять производные, вводя определения таких физических величин, как скорость, ускорение и подобных им исключительно через производные. Применять дифференциальное исчисление для нахождения максимальных и минимальных значений тех или иных величин в задачах. Проходя тот или иной раздел математики тут же незамедлительно демонстрировать его применение в физике, формируя тем самым тесную логическую связь между двумя дисциплинами.

Многие школьные учителя боятся применять методы высшей математике в решении физических задач, опасаясь, что последние станут непомерно сложными. Однако, основная сложность физики в школе заключается именно в том, что ее представление сильно фрагментировано и, как следствие, отсутствует понимание физического смысла того или иного понятия и логические связи между понятиями, которые и формируются математическими методами. Объяснение физики на языке математики не усложняет, а наоборот наводит мосты между фрагментированными физическими законами и понятиями в умах учеников, делая материал более структурированным и логически понятным уже даже ввиду того, что математика и ее методы знакомы школьникам с первого класса в отличии от физики, которая начинает изучаться только с седьмого.

Логично предположить, что экстраполяция наработанных математических навыков на освоение физики сделает ее более прозрачной, поскольку обучение будет вестись на уже привычном языке и привычными методами.

Библиографический список

1. Бадаев Ю. Л. Проблемы изучения физики студентами технических вузов и перспективные пути их решения // Проблемы современного образования. 2020. № 4. С. 103–106.
2. Бадаев, Ю. Л. Преимущества и недостатки ди станционной формы обучения и ее влияние на качество образования естественнонаучного направления / Ю. Л. Бадаев // Проблемы современного образования. 2021. № 2. С. 187–191.

© Бадаев Ю. Л., 2026

УДК 021.2

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОСВЕЩЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ОБЩЕДОСТУПНОЙ БИБЛИОТЕКИ

EDN TXSVEQ

Е. Н. Балашова *Кандидат исторических наук, доцент, e-mail: balashova_en@mail.ru,*

А. А. Сиротина *студентка, e-mail: nastasabaeva151@gmail.com, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, г. Тамбов, Россия*

LOCAL HISTORY ASPECT OF EDUCATING USERS OF A PUBLIC LIBRARY

E. N. Balashova *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,*

A. A. Sirotina *Student, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russia*

Abstract. This article examines the modern public library as a service institution and the specifics of its activities, namely, the implementation of a pedagogical focus and the fulfillment of an educational function. This issue is explored using local history education as an example – the most in-demand subject area of user service. Today, both traditional, proven formats and innovative forms, including games and excursions, are used for this purpose. The public library's efforts to introduce users to local history are examined using materials from City Library No. 3 of the Ryazan Central Library named after I.I. Makarov in the Ryazan Region.

Keywords: service activities; library pedagogy; local history education; public library; forms of library services.

Сфера сервиса активно востребована в современном обществе, она расширяется и трансформируется с учетом реалий сегодняшнего дня. К сфере услуг можно отнести и общедоступную библиотеку. Ряд характеристик присущ библиотеке, как любому сервисному учреждению:

- безусловный приоритет потребностей пользователей,
- всё большая индивидуализация услуг,
- двойственный характер оценки потребителем качества обслуживания: оценка самой услуги и условий ее предоставления,
- включенность в понятие «комфортности» временных, психологических, этических, эстетических, технологических компонентов и т.д.

Вместе с тем библиотечное обслуживание пользователей как сервисная деятельность имеет специфику по сравнению с другими учреждениями сервиса. Так, одной из основных целей своей деятельности она ставит не просто обеспечение доступа к документам, информации, знаниям по запросам пользователей, но и просвещение по актуальным тематическим направлениям. На сегодняшний день активно востребована педагогическая функция общедоступной библиотеки (реализуется демократическое направление педагогики, построенное не на принуждении, долженствовании, а на добровольной заинтересованности обучающихся). Деятельность библиотек в этом направлении трудно переоценить: они обладают уникальным фондом документов и остаются наиболее доступными для всех категорий населения.

Так, сегодня особенно востребовано патриотическое просвещение пользователей библиотек, важным аспектом которого является работа по продвижению краевед-

ческой тематики, поскольку патриотизм начинается с любви к «малой Родине».

Краеведение сегодня является одним из самых содержательных направлений работы общедоступных библиотек. Общедоступные библиотеки становятся центрами популяризации данной тематики, привлекая внимание читателей к культурно-историческому наследию своего города или региона [4].

К традиционным формам и методам краеведческого просвещения относят: выставки, лекции, чтения, викторины, игры из серии «Путешествуя по родному краю», экскурсии, папки-досье, встречи со знаменитыми земляками.

К популярным инновационным формам краеведческой работы можно отнести: выставки-инсталляции, панорамы, краеведческие квесты, флешмобы, лэпбуки и флешбуки, исторические реконструкции (проводились и раньше, но в последнее время приобрели популярность), фольклорные праздники [3].

Важно сказать и о экспериментальных формах предоставления краеведческой информации – настольных играх. Об этом в своей работе подробно рассказывает И. П. Ревинова [2].

Исследование форм и методов краеведческого просвещения было осуществлено на базе Городской библиотеки № 3 МБУК «Ряжская Центральная библиотека имени И. И. Макарова» Рязанской области [1].

От года к году количество краеведческих мероприятий в библиотеке растет, появляются новые формы и форматы взаимодействия с посетителями учреждения.

Формы и методы краеведческого просвещения рассматриваются с точки зрения следующих направлений:

- историческое краеведение;
- экологическое краеведение;
- географическое краеведение;
- литературное краеведение.

Продвижение исторического краеведения осуществляется в библиотеке через такие форматы, как онлайн- и оффлайн-экскурсии по историческим местам, краеведческие квесты для детей и молодежи, публикации архивных фотографий в социальных сетях, конкурсы и проекты.

В практике библиотеки есть сразу несколько успешных мероприятий по данному направлению. Так, два раза в год проводится краеведческий квиз «Формула «4Р»: Россия. Рязань. Ряжск. Родина», он пользуется популярностью у учащихся 5–8 классов.

Важный аспект краеведческого просвещения пользователей – знакомство с местными достопримечательностями. Библиотека реализует интерактивную экскурсию «История одного железнодорожного узла» для читателей школьного возраста. Сотрудники библиотеки договариваются с руководством железнодорожной станции «Ряжск-1», краеведческим музеем города, городской администрацией и другими учреждениями о проведении экскурсии, организуют точки маршрута. О востребованности мероприятия говорит тот факт, что от Ряжской средней школы № 4 поступил запрос на проведение нескольких подобных экскурсий как для детей, так и для педагогического состава.

В январе 2025 года в стенах Городской библиотеки № 3 МБУК «Ряжская Центральная библиотека имени И. И. Макарова» стартовал масштабный историко-краеведческий проект «Герой с соседнего двора», предполагающий сбор архивных материалов о земляках, внесших вклад в победу в Великой Отечественной войне как на фронте, так и в тылу. Фотографии и информация предоставляются жителями города Ряжск. На конец марта 2025 г. собрана информация о 17 фронтовиках и 24 тружениках тыла. Это фотографии послевоенных лет, очерки и рассказы, аудиозаписи встреч фронтовиков с населением, юбилейные медали и многое другое.

В 2025 г. к 9 мая в библиотеке в рамках реализации проекта была оформлена интерактивная выставка о судьбах земляков, принявших участие в Великой Отечественной войне. Совместно с создателями

электронной народной энциклопедии «Весь Ряжск» был создан видеофильм «Дети войны. Ряжск», в котором о войне рассказали участники событий тех лет. Фильм презентовали на общегородском мероприятии «А память нам покоя не дает» 22 июня в рамках серии мероприятий, приуроченных ко Дню памяти и скорби.

Важное направление работы библиотеки – экологическое краеведение; оно позволяет связать глобальные экологические проблемы с конкретной местностью, делая их более понятными и близкими каждому.

Традиционно четыре раза в год проводится фотовыставка «Природа родного края». Местные фотографы-любители выставляют свои пейзажные фотографии в стенах библиотеки зимой, весной, летом и осенью. Данная практика существует уже два года, ежегодно фотовыставку посещает 150–170 человек.

Также библиотека регулярно проводит экологические квесты и викторины, позволяющие проверить знания о природе родного края. Целевая аудитория таких мероприятий – дети и подростки.

Географическое краеведение – весьма узкое направление краеведческой деятельности исследуемой библиотеки. С 2023 г. перед началом учебного года на базе библиотеки организуется детская образовательная конференция «География Ряжска: природа, рельеф, климат» среди школьников в возрасте 15–17 лет.

В 2025 г. продолжило свою деятельность любительское краеведческое объединение «Родник». За 2025 год уже проведено 97 мероприятий краеведческой направленности, что составляет больше половины из проведенных мероприятий в библиотеке в целом (173 мероприятия). При этом, из 97 мероприятия 61 было организовано именно для членов объединения «Родник».

Библиотека проводит активную работу по знакомству пользователей с творчеством писателей и поэтов – уроженцев Рязанского края. Особняком здесь стоит фигура С. А. Есенина, родившего в селе Константиново Рязанской области.

Так, в честь дня рождения поэта в библиотеке была организована выставка «Вас помнящий всегда, Сергей Есенин», на которой были представлены книги с комментариями, биографией, фотографиями и воспоминаниями о Есенине. Кроме того, на выставке можно было увидеть работы учеников детской художественной школы. Количество участников – 69 человек.

Традиционным является серия информационных часов «Поэтическое сердце России», посвященных творчеству С. А. Есенина. Каждое мероприятие из серии начиналось с вводной части – краткая биография С. А. Есенина, основные темы и мотивы лирики поэта, демонстрация редких фотографий и документов. Далее библиотекарем выбирается одна из тем информационного часа.

Мероприятия по краеведческому просвещению проходят в библиотеке не только в самом учреждении, но и вне его стен. В рамках IX межрегиональной акции «Читаем Анатолия Митяева» в Ряжской СОШ № 4 для учеников 2 класса были организованы литературно-краеведческие чтения, посвященные сказочнику и писателю-фронтовику, журналисту и редактору студии «Союзмультфильм» А. В. Митяеву, уроженцу Рязанской области. В ходе мероприятия с помощью презентации библиотекарь познакомила детей с биографией писателя, затем состоялось чтение с обсуждением одного из рассказов А. В. Митяева – «Пингвины». В завершение программы была показана экранизация данного произведения – мультфильм «Пингвины», после просмотра которого детям было предложено поделиться своими впечатлениями и эмоциями на лепестках специальной «ромашки». Количество участников – 52 человека.

В сентябре 2025 г. стартовал масштабный краеведческий проект «Сердце Рязанской земли», в рамках которого к

2027 г. сотрудниками Городской библиотеки № 3 совместно с Краеведческим музеем города Ряжск будет подготовлена и издана книга «Рясское поле. 525 лет великой истории», приуроченная к 525-летнему юбилею со дня основания. Конец 2025 г. был посвящен сбору архивных документов, которые составят основу будущей книги.

В рамках внедрения новых форматов в краеведческую деятельность Городской библиотеки № 3 была проведена литературно-музыкальная гостиная «Есенин в музыке». Цель мероприятия – познакомить участников с творчеством С. А. Есенина через музыкальные интерпретации его стихов, показать взаимосвязь поэзии и музыки. Формат мероприятия предполагал непосредственное знакомство с песнями на стихи С. А. Есенина. В мероприятии приняло участие 24 человека в возрасте от 11 до 19 лет.

Партнерами мероприятия выступили МБУ ДО «Ряжская детская музыкальная школа и МБУК «Ряжский районный Дом культуры».

На примере деятельности Городской библиотеки № 3 МБУК «Ряжская центральная библиотека» Рязанской области можно убедиться, что общедоступные библиотеки уделяют повышенное внимание краеведческому просвещению пользователей. Сотрудники учреждения внедряют новые форматы мероприятий и формы взаимодействия с читателями, что способствует повышению интереса к родному краю.

Библиографический список

1. МБУК «Ряжская центральная библиотека имени И. И. Макарова» : [сайт]. – URL: https://xn--80aaafahbhg3aueba9f0h.xn--p1ai/ (дата обращения: 14.10.2025).
2. Ревинова И. П. Настольные игры в краеведении // Современная библиотека. – 2024. – № 3. – С. 56–58.
3. Современное содержание и актуальные формы краеведческой деятельности в общедоступной библиотеке : методическое пособие / МКУК «ЦБС АМР», методико-библиографический отдел ; составитель З. Н. Давлетшина. – Аша, 2024. – 48 с. – URL: https://example.com/metodicheskoe_posobie.pdf (дата обращения: 30.10.2025).
4. Степанов В. К. Как переформатировать краеведческую деятельность в библиотеке // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2022. – № 4. – С. 100–104.

© Балашова Е. Н., Сиротина А. А., 2026

УДК 372.851

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ ПО СПЕЦИАЛЬНЫМ МАТЕМАТИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ: АНАЛИЗ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ, СХЕМ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОМ ОБУЧЕНИЯ

EDN UMTFBK

О. В. Гателюк
Т. Ю. Круковская

Кандидат физико-математических наук, доцент,
кандидат педагогических наук, доцент,
Омский государственный университет
путей сообщения,
г. Омск, Россия

FEATURES OF TRAINING STUDENTS OF TECHNICAL UNIVERSITIES IN SPECIAL MATHEMATICAL DISCIPLINES: ANALYSIS OF INTELLECTUAL PROBLEMS AND LEARNING PROCESS MANAGEMENT SCHEMES

O. V. Gatelyuk

Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Associate Professor,

T. Yu. Krukovskaya

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor
Omsk State Transport University,
Omsk, Russia

Abstract. The proposed article shows individual didactic conditions for training students of technical universities who study special mathematical disciplines in the specified specialties and areas of training. It has been found that at the stage of mastering the normative content and methods of practical actions, students face difficulties in achieving the regulated professional competencies when performing typical tasks: the educational process is carried out in a reduced time frame for some disciplines, and the logical sequence of mastering other disciplines is disrupted, resulting in a lack of mathematical experience, abstract thinking skills, and others. For this reason, the didactic task is to identify the most significant difficulties in studying the subject content of the disciplines under consideration, and to find methodological methods and techniques that can help mitigate or eliminate these difficulties. The article proposes some practical and informal methodological methods and techniques that reflect the experience of teaching special mathematical disciplines.

Keywords: technical applications; circuit design; set power; combinatorial elements.

Специальные математические дисциплины в техническом вузе железнодорожной отрасли занимают одно из значимых мест в математической подготовке студентов в целом. Такими дисциплинами являются «Алгебра», «Дискретная математика», «Вероятностно-статистическое обеспечение защиты информации», «Численные методы», «Математическая логика и теория алгоритмов», «Исследование операций». Эти дисциплины изучаются студентами, обучающимися на специальностях «Информационная безопасность» (специализация 10.05.02 «Информационная безопасность телекоммуникационных систем», специализация 10.05.03 «Информационная безопасность автоматизированных систем» и специализация 10.05.04 «Информационно-аналитические системы безопасности»). Также студентами изучаются такие дисциплины «Алгебра», «Дискретная математика», «Вероятностно-статистическое обеспечение защиты информации», «Численные методы», а на специализациях 10.05.03 и 10.05.04 – «Математическая логика и теория алгоритмов», на специализации 10.05.03 – «Исследование операций». Понятно, что этот блок дисциплин направлен на изучение математических методов защиты информации. Нормативное предметное содержание таких дисциплин ориентирова-

но на синтез общих классических разделов курса «Математика» (линейная алгебра, математический анализ, дифференциальные уравнения и др.) и носит фундаментальный и прикладной характер. Так, например, дисциплина «Математическая логика и теория алгоритмов» в процессе подготовки студентов технических вузов – будущих IT-специалистов, выступает не просто абстрактной дисциплиной, а является основой профильных инженерных дисциплин.

Наблюдаемые условия обучения студентов по этой дисциплине таковы, что количество часов на полноценное преподавание этой дисциплины в соответствии с учебным планом в Омском государственной университете путей сообщения катастрофически мало и составляет: на специализациях 10.05.03 и 10.05.04 − 72 часа в 3-м семестре и 108 часов в 4-м семестре. Для изучения этой дисциплины студентами, обучающимися на направлении подготовки 12.03.01 − 180 часов в 1-м семестре, причем студент первого курса практически еще не имеет математического опыта, серьезных навыков абстрактного мышления. По этой причине в данном курсе более усилено внимание тем аспектам, которые будут необходимы и востребованы студентами для понимания технических приложений основ дисциплины в последующих дисциплинах профессиональной подготовки. В такой ситуации мы предлагаем некоторые методические приемы, на наш взгляд, способствующие достижению регламентированных образовательных целей и формированию профессиональных компетенций.

Так, во-первых, на первой лекции обычно делается небольшой экскурс в историю математики, чтобы показать место и роль математики, в том числе и математической логики в развитии человеческого общества, в дальнейшем рассматриваются вопросы теории множеств, в том числе понятия мощности множеств. Необходимость и значимость рассмотрения этих вопросов связана с тем, что некоторые положения теории множеств используются в дальнейшем изложении дисциплины, а также при изучении дисциплин «Дискретная математика», «Криптография» и др.

Далее, во-вторых, рассматриваются булевы функции и соответствующее математическое обоснование, а также конкретизируется проблема минимизации, что в дальнейшем развивается как при изучении дисциплин «Дискретная математика», так и «Схемотехника». В этом случае, более конкретно рассматриваются два метода минимизации в классе дизъюнктивных и конъюнктивных нормальных форм: метод Квайна-Петрика и метод карт Карно-Вейча.

В процессе изучения дисциплины «Схемотехника» также важным является решение вопроса о полноте системы булевых функций. Максимально неформально вводятся понятия функционально замкнутых классов, способы определения принадлежности данной булевой функции этим классам, также показываются леммы о несамодвойственной, нелинейной и немонотонной функции. На основании этих лемм формулируется теорема Поста о полноте системы булевых функций.

В-третьих, в курсе на уровне, доступном студентам с недостаточным уровнем математической подготовки также рассматриваются некоторые вопросы формальных исчислений: исчисления высказываний и исчисления предикатов. Понятно, что в том объеме и подробностях, в которых эти исчисления излагаются на математических факультетах, давать положения этих исчислений студентам младших курсов нет смысла, поэтому многие положения этих исчислений не доказываются. Мы констатируем, что понятие предиката и кванторных операций над предикатами достаточно трудно усваивается студентами и по этой причине для повышения наглядности учебного материала студентам предлагаются упражнения следующего вида:

«Задано выражение предиката от двух переменных вида $P(x;y) = \{x^2 - y^2 \leq 1\}$. Необходимо построить множество истинности предиката и провести кванторные операции над предикатом: определить истинность следующих высказываний:

$$\forall x \forall y\, P(x;y);\ \forall x \exists y\, P(x;y);\ \exists x \forall y\, P(x;y);\ \forall y \exists x\, P(x;y);\ \exists y \forall x\, P(x;y);\ \exists x \exists y\, P(x;y).$$

В-четверых, раздел, посвященный теории алгоритмов, излагается в более традиционной последовательности: теория рекурсивных функций, машины Тьюринга, нормальные алгоритмы Маркова.

Внимание студентов обращается на так называемые алгоритмически неразрешимые проблемы: проблему самоприменимости, проблему остановки. В данном разделе показывается эквивалентность различных подходов к формализации понятия алгоритма. Рассматриваются также теория рекурсивных множеств и предикатов. Эта теория позволяет обосновать примитивную рекурсивность как функций $p(n) = p_n$, которая выдает n-е простое число, так и функций $\left[\frac{x}{y}\right]$ – целой части от деления натурального числа x на натуральное число y, так и $rest(x;y)$, выдающую остаток от деления натурального числа x на натуральное число y. Вычисление этих функций активно используется в различных криптографических протоколах.

На лекциях также предлагается студентам понятие сложности алгоритма, P и NP – полные задачи и некоторые теоретико-числовые алгоритмы, например, алгоритм Евклида. Для визуализации работы машин Тьюринга и нормальных алгоритмов Маркова используются свободно распространяемые программные средства turing и marcov, которые позволяют пошагово увидеть работу соответствующих алгоритмов. Эти же средства позволяют студентам создать свои собственные программы как программный образ машины Тьюринга, так и нормальных алгоритмов Маркова. Уместно сделать только одно замечание. На наш взгляд, изучение дисциплины «Математическая логика и теория алгоритмов» осуществляется студентами, обучающихся на направлении подготовки 12.03.01 в 1-м семестре на 1-м курсе является преждевременным. Наблюдения показывают, что способность понимать логические конструкции математического языка, умение использовать термины и обороты логического характера на этом этапе обучения пока недостаточно развиты и очевиден этап перехода от школьной математики к вузовской математике, что в какой-то мере должно отражаться в планировании и формировании учебных планов.

Выскажем некоторые замечания по поводу преподавания курса «Алгебра». Курс алгебры на специальности 10.05.02 «Информационная безопасность» читается студентам 1-го курса в ходе первого и второго семестров. В этом курсе традиционно рассматриваются элементы комбинаторики; основные алгебраические структуры: полугруппы, группы, кольца, поля и их свойства; элементы теории чисел и сравнений; делимость многочленов; линейная алгебра; первообразные корни и дискретные логарифмы. Материал разнообразный и достаточно сложный. Эта структура материала освящена вышедшим в ОмГУПС учебным пособием в 3 частях [1]. Пособие написано достаточно формально и трудно для первокурсника, имеющего недостаточную математическую подготовку. Спорным является рассмотрение понятия полугруппы перед введением понятия группы. Понятие группы неформально объяснить гораздо проще, чем понятие полугруппы. С примерами группы школьник встречался ранее как,

например, группой целых чисел по сложению. Можно легко объяснить группу симметрий треугольника, и из рассмотрения свойств этой группы дать студентам мотивацию введения понятия группы именно в той форме, которая принята в алгебре. Именно таков порядок изложения принят в замечательной книге [2], по которой один из авторов осваивал теорию групп, будучи еще школьником.

Понятия полугруппы и моноида и их примеры являются более абстрактными, менее связанными со школьной математикой, и поэтому должны рассматриваться позже.

Обобщая практический опыт, наблюдения за учебной деятельностью студентов указанных специальностей и направлений подготовки, мы предлагаем в данном частном случае понимать и принимать наиболее существенные и очевидные трудности достижения образовательных целей: недостаток аудиторного времени, нарушение логической последовательности изучения отдельных дисциплин, вследствие этого отсутствие у студентов в полной мере учебных достижений, недостаточность математического опыта и навыков абстрактного мышления в мере, достаточной для восприятия учебного содержания и его использования в смежных дисциплинах, неразвитость способности понимать и использовать логические конструкции математического языка и др.

В такой ситуации дидактический потенциал предлагаемых методических средств и приемов раскрывается в конкретизации отдельных понятий, лемм, теорем и избегании их формализма, проработке доступных для восприятия и самостоятельного выполнения по образцу индивидуальных заданий, применении сравнительного анализа разных методов (если это возможно), например методы минимизации в классе дизъюнктивных и конъюнктивных нормальных форм и др. Такие методические средства и приемы позволяют студентам, на наш взгляд, постепенно переходить от простых к более усложняющимся мыслительным действиям и способам действий обогащать свои личные интеллектуальные знания и умения.

Библиографический список

1. Мартынов, Л. М. Алгебра для криптографии : учебное пособие / Л. М. Мартынов. – Омск : ОмГУПС, [б. г.]. – Часть 1 – 2015. – 154 с. – ISBN 978-5-949-41131-5. – Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. – URL: https://e.lanbook.com/book/129189 (дата обращения: 25.05.2026)
2. Алексеев, В. Б. Теорема Абеля в задачах и решениях / В. Б. Алексеев. – М. МЦНМО, 2001. – Текст : непосредственный. – URL: old.mccme.ru› free-books/pdf/alekseev. pdf (дата обращения: 25.05.2026)

© Гателюк О.В., Круковская Т.Ю., 2026

УДК 376.37

ЛОГОПЕДИЧЕСКАЯ РАБОТА ПО РАЗВИТИЮ ФОНАЦИОННОГО ДЫХАНИЯ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ДИЗАРТРИЕЙ

EDN IARCVG

С. С. Григорьева *Студентка,*
Н. В. Иванова *кандидат педагогических наук, доцент,*
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

SPEECH THERAPY WORK ON THE DEVELOPMENT OF PHONATION BREATHING IN PRESCHOOL CHILDREN WITH DYSARTHRIA

S. S. Grigorieva *Student,*
N. V. Ivanova *Candidate of Pedagogical Sciences,*
Associate Professor,
Smolensk State University,
Smolensk, Russia

Abstract. This study presents the challenges and relevance of organizing and implementing speech therapy to develop phonation breathing in preschool-aged children with dysarthria. Breathing is one of the most important life-support functions of the human body. It enables gas exchange between the body and the environment, making all living things possible. The nature of phonation breathing disorders in dysarthria largely depends on the type of the disorder. In pseudobulbar dysarthria, the most common type, increased muscle tone is observed throughout the body, including the respiratory muscles.

Purpose: to test the effectiveness of speech therapy work on the development of phonation breathing in preschool children with dysarthria.

Methods: analysis, synthesis, generalization, classification, observation, description, experiment. Research methods: L. I. Belyakova's method for assessing physiological and phonatory breathing, E. A. Dyakova's method for examining speech breathing, as well as E. F. Arkhipova's diagnostic developments, taking into account the specifics of dysarthric disorders.

Results: speech therapy work to develop phonatory breathing in preschoolers with dysarthria will be effective if it is carried out systematically and step-by-step, with a comprehensive impact on respiratory, vocal, and articulatory functions, the use of game methods, and the interaction of all participants in the correctional process.

Practical significance: the developed system of speech therapy work can be recommended for use in the practical activities of speech therapists in preschool educational institutions, as well as for homework for parents with children with dysarthria.

Keywords: speech therapy; phonation breathing; preschool age; preschoolers; dysarthria.

Дыхание может значительно улучшить состояние детей с дизартрией, которая представляет собой одно из наиболее распространённых речевых нарушений. Первично при дизартрии значительно страдает звукопроизношение, а уже потом присоединяется просодическая сторона речи, включающая голос, темп, ритм, интонацию и, что особенно важно, речевое дыхание. Кроме того, исследование эффективных методов логопедической работы может содействовать разработке новых подходов и программ терапии, что будет полезным и для специалистов, и для родителей. Для углубление в тему исследования определим специфику и сущность основных понятий.

Дыхание является одной из важнейших функций жизнеобеспечения человеческого организма. Благодаря дыханию осуществляется газообмен между организмом и окружающей средой, что делает возможным существование всех живых существ. Однако у человека дыхание выполняет не только жизнеобеспечивающую функцию, но и принимает непосредственное участие в речеобразовании. В этой связи в научной литературе принято разли-

чать два основных вида дыхания: физиологическое (или жизненное) и фонационное (речевое). Каждый из этих видов имеет свои особенности и механизмы реализации, которые необходимо учитывать при изучении процессов речепроизводства [3].

Физиологическое дыхание направлено преимущественно на обеспечение организма кислородом и выведение углекислого газа. Дыхание реализуется на бессознательном уровне, автоматически посредством вдоха и выдоха, то есть вне зависимости от функционирования сознания [4]. Совершенно иначе организовано фонационное дыхание. Под фонационным дыханием в логопедии и психофизиологии понимается процесс дыхания во время речи, который обеспечивает не только газообмен, но и создание воздушного потока, необходимого для голосообразования [2].

Развитие фонационного дыхания у ребенка не происходит изолированно, оно представляет собой часть общего психофизического созревания организма и тесно связано с формированием всех компонентов речевой функциональной системы. Представим особенности развития речевой функциональной системы детей в соотношении с несколькими детскими возрастными периодами:

- к концу первого года жизни, когда у ребёнка появляются первые слова, начинают формироваться начальные предпосылки речевого дыхания;
- на втором-третьем году жизни, в период активного накопления словаря и появления фразовой речи, речевое дыхание продолжает развиваться;
- в младшем дошкольном возрасте (3–4 года) у детей продолжают наблюдаться трудности в координации дыхания и речи;
- в старшем дошкольном возрасте (5–7 лет) у нормально развивающихся детей происходит качественный скачок в формировании речевого дыхания.

Соотнеся особенности фонационного дыхания у ребёнка в ракурсе каждого возрастного периода, заключим, что характер нарушений фонационного дыхания при дизартрии во многом зависит от формы заболевания. При псевдобульбарной дизартрии, которая встречается наиболее часто, наблюдается повышение мышечного тонуса в мышцах всего тела, в том числе и в дыхательных. Ребенок не может сделать глубокий вдох, так как мышцы, расширяющие грудную клетку, находятся в состоянии постоянного напряжения. Выдох также затруднен, он получается коротким и слабым, поскольку мышцы-выдыхатели не могут активно сокращаться [1]. При мозжечковой дизартрии, которая встречается реже, мышечный тонус, напротив, снижен. Ребенок не может удерживать необходимый для речи подскладочный уровень давления воздуха, из-за чего голос звучит слабо, с затуханием [5]. При подкорковой (экстрапирамидной) дизартрии дыхательные нарушения проявляются в виде непроизвольных движений дыхательной мускулатуры. У ребенка могут наблюдаться внезапные форсированные вдохи или выдохи, которые прерывают плавное течение речи [6].

Для того чтобы понять, с какими именно нарушениями фонационного дыхания приходится сталкиваться у детей с дизартрией, и определить основные направления коррекционной работы, было организовано специальное научное эмпирическое исследование. Констатирующий эксперимент проводился на базе дошкольного образовательного учреждения Смоленска в период с сентября по октябрь 2025 года. В исследовании приняли участие две группы детей старшего дошкольного возраста. Экспериментальную группу составили 10 детей в возрасте 5–6 лет с логопедическим заключением «стертая псевдобульбарная дизартрия». Контрольную группу составили 10 детей того же возраста с нормальным речевым развитием. Такое разделение позволило не только выявить особенности дыхания у детей с дизартрией, но и сравнить полученные результаты с возрастной нормой.

По результатам проведённого исследования на констатирующем этапе были получены следующие результат (таблицы 1, 2, 3):

Таблица 1

Сравнительная характеристика физиологического дыхания у детей экспериментальной и контрольной групп

Параметры оценки	Экспериментальная группа (дети с дизартрией)	Контрольная группа (норма)
Преобладающий тип дыхания	ключичный – 70 %, грудной – 30 %, диафрагмальный – 0 %	ключичный – 10 %, грудной – 10 %, смешанный грудобрюшной – 80 %
Характер дыхания	поверхностное, учащенное (70 %), ритмичное (30 %)	ритмичное (90 %), поверхностное (10 %)
Способ дыхания	ротовое (60 %), носовое (40 %)	носовое (100 %)
Наличие затруднений	заметное напряжение плечевого пояса (70 %), шумное дыхание (40 %)	без видимых затруднений (100 %)

Источник: Составлено авторами.

Как видно из таблицы, различия между группами являются весьма существенными. У детей с дизартрией физиологическое дыхание характеризуется преобладанием неоптимального ключичного типа, поверхностностью, частым ротовым дыханием и наличием видимого напряжения. Это создает неблагоприятную основу для формирования правильного речевого дыхания и требует специальной коррекционной работы уже на подготовительном этапе.

Таблица 2

Результаты обследования неречевого выдоха у детей экспериментальной и контрольной групп

Параметры оценки	Экспериментальная группа (дети с дизартрией)	Контрольная группа (норма)
Средняя длительность выдоха (сек)	1,8 сек	4,5 сек
Сила выдоха (достаточная)	20%	90%
Направленность струи (целенаправленная)	20%	80%
Регуляция силы выдоха (сформирована)	10%	70%
Средний балл по группе	1,3	2,4

Источник: Составлено авторами.

Как видно из таблицы, дети с дизартрией значительно уступают своим сверстникам с нормальным речевым развитием по всем показателям неречевого выдоха. Средний

балл по группе (1,3) соответствует низкому уровню, тогда как в контрольной группе этот показатель приближается к среднему уровню (2,4). Особенно показательным является низкая способность детей с дизартрией регулировать силу выдоха – этот навык сформирован лишь у 10 % обследованных, тогда как в норме – у 70 %.

Таблица 3

Результаты обследования фонационного выдоха у детей экспериментальной и контрольной групп

Параметры оценки	Экспериментальная группа (дети с дизартрией)	Контрольная группа (норма)
Средняя длительность фонации (сек)	2,3 сек	6,0 сек
Количество слов на одном выдохе	1-2 слова	5-6 слов
Количество детей, допускающих доборы воздуха	90%	10%
Количество детей с затуханием	80%	10%
Средний балл по группе	1,3	2,6

Источник: Составлено авторами.

Данные таблицы наглядно демонстрируют, что у детей с дизартрией фонационное дыхание сформировано на низком уровне. Средний балл по группе (1,3) значительно отстает от показателей контрольной группы (2,6). Подавляющее большинство дошкольников с дизартрией не могут произнести на одном выдохе даже короткую фразу, их голос быстро затухает, речь становится смазанной и неразборчивой.

Таблица 4

Результаты обследования дыхания в связной речи у детей экспериментальной и контрольной групп

Параметры оценки	Экспериментальная группа (дети с дизартрией)	Контрольная группа (норма)
Паузы для вдоха совпадают со смысловыми границами	10%	80%
Наличие доборов воздуха внутри фразы	90%	20%
Речь плавная, интонационно оформленная	10%	90%
Средний балл по группе	1,2	2,5

Источник: Составлено авторами.

Результаты показывают, что только 10 % детей с дизартрией демонстрируют в связной речи относительно сформированное фонационное дыхание, тогда как в контрольной группе этот показатель составляет 80 %. Подавляющее большин-

ство дошкольников экспериментальной группы (90 %) делают доборы воздуха внутри фразы, их речь лишена плавности и интонационной выразительности.

Таблица 5

Уровни сформированности фонационного дыхания у детей экспериментальной и контрольной групп (в %)

Уровень сформированности	Экспериментальная группа (дети с дизартрией)	Контрольная группа (норма)
Высокий уровень	0%	40%
Средний уровень	30%	50%
Низкий уровень	70%	10%

Источник: Составлено авторами.

Итак, результаты констатирующего эксперимента подтвердили наличие у дошкольников с дизартрией выраженных нарушений фонационного дыхания. Эти нарушения носят системный характер, затрагивают все компоненты дыхательной функции, существенно снижают качество речи и требуют целенаправленной коррекционной работы.

Для систематизации наблюдений о связи типа дыхания с характером мышечного тонуса и особенностями артикуляционной моторики мы составили характеристику взаимосвязи, которая представляет наиболее характерные корреляции, выявленные у детей экспериментальной группы. Так, тип дыхания достаточно четко коррелирует с состоянием мышечного тонуса и особенностями артикуляционной моторики. Это наблюдение имеет важное практическое значение, поскольку позволяет еще до проведения детального обследования артикуляции предположить характер нарушений и выбрать адекватные методы коррекции – расслабляющие при спастичности и активизирующие при гипотонии.

Следующая важная взаимосвязь, которая привлекла наше внимание, касалась влияния короткого речевого выдоха на качество голоса. У всех детей экспериментальной группы отмечались те или иные нарушения голоса, но характер этих нарушений коррелировал с особенностями дыхания. У детей с наиболее коротким выдохом (менее 2 секунд) голос звучал очень тихо, с затуханием буквально после первого-второго слова. Эти дети говорили как бы «на остаточном выдохе», стараясь успеть сказать, пока хватает воздуха, отчего голос к концу фразы практически исчезал, переходя в шепот. При попытке говорить громче возникало перенапряжение мышц шеи, лицо краснело, набухали шейные вены, что свидетельствовало о чрезмерных усилиях при голосообразовании.

Библиографический список

1. Архипова Е. Ф. Логопедическая работа с детьми раннего возраста : учебное пособие / Е. Ф. Архипова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2020. – 223 с.
2. Белякова Л. И. Логопедия. Дизартрия : учебное пособие для вузов / Л. И. Белякова, Н. Н. Волоскова. – М. : Владос, 2020. – 287 с.
3. Визель Т. Г. Основы нейропсихологии : учебник для вузов / Т. Г. Визель. – М. : Владос, 2020. – 335 с.
4. Ковшиков В. А. Психолингвистика. Теория речевой деятельности : учебник / В. А. Ковшиков, В. П. Глухов. – М. : АСТ, 2020. – 448 с.
5. Корнев А. Н. Нарушения чтения и письма у детей : учебное пособие / А. Н. Корнев. – СПб. : Речь, 2020. – 336 с.

6. Приходько О. Г. Логопедический массаж при коррекции дизартрических нарушений речи у детей раннего и дошкольного возраста / О. Г. Приходько. – СПб. : Каро, 2020. – 160 с.

© Григорьева С. С., Иванова Н. В., 2026

УДК 376.37

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАРУШЕНИЙ ПРОИЗНОШЕНИЯ СОНОРНЫХ ЗВУКОВ У ДЕТЕЙ СО СТЕРТОЙ ДИЗАРТРИЕЙ

EDN HEFBJL

Е. Р. Дармодехина
Е. А. Колодовская

Студентка, e-mail: ktrnltshv@vk.com,
кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: anastasiya-sml@yandex.ru,
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

SOME FEATURES OF PRONUNCIATION DISORDERS OF SONOROUS SOUNDS IN CHILDREN WITH ERASED DYSARTHRIA

E. R. Darmodekhina
E. A. Kolodovskaya

Student,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Smolensk State University,
Smolensk, Russia

Abstract. Sonorant pronunciation disorders are a common problem in children with mild dysarthria. This necessitates studying the specifics of these disorders and developing effective approaches to their correction.
A comprehensive approach to assessing the speech development of children with mild dysarthria, including analysis of the articulatory apparatus, fine motor skills, and overall motor coordination, allows us to identify the specific characteristics of sonorant pronunciation disorders.
Recognizing the importance of timely and accurate diagnosis stimulates the search for and development of modern approaches to intervention. Emphasis is placed on the comprehensive collaboration of specialists, including speech therapists, neurologists, and teachers, to create a unified system of support for the child.
Keywords: preschool children; erased dysarthria; pronunciation of sonorous sounds; neurophysiological mechanisms; audilogophonetic analysis; acoustic analysis; electromyography.

Нарушения артикуляции сонорных звуков у детей со стёртой дизартрией обусловлены сложными нейрофизиологическими и моторными нарушениями, которые влияют на точность и координацию движений органов речи. Сонорные звуки, к которым относятся носовые, боковые и дрожащие согласные, требуют слаженной работы дыхательной системы, голосовых связок и артикуляторных мышц для формирования правильного звучания [4].

При стёртой дизартрии наблюдается снижение тонуса и слабость мышц, участвующих в артикуляции, что приводит к нарушению их координации и снижению точности движений.

Наиболее распространенными у дошкольников со стертой дизартрией являются нарушения произношения свистящих звуков. За ними следуют нарушения произношения шипящих звуков. Менее распространенными, но не менее важными для коррекционной работы, оказываются нарушения произношения соноров [л] и [р] [2].

Произношение носовых звуков требует плотного смыкания губ или языка с небом при одновременном свободном прохождении воздуха через носовую полость. В результате носовые согласные могут звучать приглушённо или с добавлением посторонних шумов, что снижает разборчивость речи и затрудняет восприятие.

Боковые согласные, такие как [л], требуют точного бокового контакта языка с альвеолярным отростком и правильного формирования боковых резонаторов. Дрожащие согласные требуют быстрого и ритмичного сокращения мышц языка. При наличии моторных дефицитов, связанных с

нарушением иннервации и координации, артикуляция таких звуков становится неритмичной, замедленной или невозможной.

Нарушения произношения сонорных звуков при стёртой дизартрии часто остаются незамеченными на ранних этапах, поскольку они выражены слабо и могут компенсироваться контекстом речи, однако именно эти звуки играют важную роль в формировании мелодики и ритма речи, а их искажение снижает общую разборчивость и выразительность.

Причины таких нарушений связаны с комплексными нарушениями моторного контроля, обусловленными поражением корково-подкорковых путей, ответственных за планирование и реализацию произвольных движений.

Сонорные согласные отличаются своим резонансным звучанием, что обусловлено особенностями прохождения воздушной струи через голосовой тракт без значительного смыкания, как это характерно для шумных согласных.

Для их правильного формирования требуется не только достаточная мышечная сила, но и высокая точность в координации движений, поскольку даже незначительные отклонения в артикуляторной позиции могут привести к искажению звука или потере его акустических характеристик.

Координационные нарушения при стёртой дизартрии проявляются в нарушении временных параметров движения и несогласованности работы различных мышечных групп. Это особенно критично для сонорных звуков, артикуляция которых требует точного синхронного участия нескольких мышц.

Воздействие этих нарушений на восприятие речи многогранно. Искажения сонорных звуков приводят к снижению фонемной чёткости, что затрудняет распознавание слов и фраз, особенно в сложных акустических условиях.

Нейрофизиологические механизмы, лежащие в основе стёртой дизартрии, включают нарушение передачи сигналов в пирамидных и экстрапирамидных системах, что отражается на моторном планировании и выполнении речевых движений [1].

При этом степень выраженности нарушений может быть вариабельной и зависеть от локализации и объёма поражения. В клинической практике часто наблюдаются сочетанные моторные дефициты, при которых слабость мышц сочетается с замедленностью и снижением координации, что значительно усложняет артикуляцию сонорных звуков.

Выявление и оценка нарушений сонорных звуков требуют комплексного подхода, включающего аудиолого-фонетический анализ, который позволяет детально исследовать качество произношения и специфику артикуляционных дефектов.

При этом использование современных инструментальных методов, таких как акустический анализ и электромиография, позволяет оценить степень и характер искажений, а также контролировать динамику коррекционного процесса.

Электромиографический мониторинг предоставляет данные о функциональном состоянии мышц, участвующих в формировании сонорных звуков, выявляя степень их активности и возможные дисфункции. Такой подход позволяет не только подтвердить клинические наблюдения, но и выявить скрытые моторные нарушения, которые могут быть незаметны при традиционном обследовании.

Что касается акустического анализа, то с его помощью в части современных программных средств фиксируются и обрабатываются звуковые параметры речи, включая спектральные характеристики, длительность и амплитуду звуковых элементов.

Также включение в коррекционную программу элементов развития речевой выразительности и эмоциональной интонации способствует восстановлению полноценного речевого взаимодействия и улучшению качества жизни детей со стёртой дизартрией [3].

Таким образом, коррекционная работа с детьми, страдающими нарушениями произношения сонорных звуков в рамках

стёртой дизартрии, должна опираться на данные, полученные в процессе комплексной диагностики, и учитывать индивидуальные особенности пациента.

В результате современные технологии повышают мотивацию ребенка и ускоряют процесс обучения, что особенно важно для детей с нейромоторными нарушениями.

Включение игровых элементов и использование специализированных компьютерных программ способствует созданию благоприятной атмосферы для занятий и поддерживает устойчивый интерес к речевой терапии [5].

В совокупности, методы диагностики и коррекции нарушений сонорных звуков при стёртой дизартрии представляют собой взаимодополняющий комплекс мер, направленных на точное выявление дефектов, объективную оценку их тяжести и разработку индивидуализированных программ лечения.

Библиографический список

1. Карелина, И. Б. Новые направления в коррекции минимальных дизартрических расстройств / И. Б. Карелина // Дефектология. – 2011. – № 1. – С. 51–54.
2. Лопатина, Л. В. Преодоление речевых нарушений у дошкольников (коррекция стертой дизартрии) / Л. В. Лопатина, Н. В. Серебрякова. – Санкт-Петербург : Союз, 2000. – 192 с.
3. Соботович, Е. Ф. Проявление стертых форм дизартрии и методы их диагностики / Е. Ф. Соботович // Дефектология. – 2014. – № 4. – С. 31–35.
4. Токарева, О. А. Дизартрия / О. А. Токарева. – Москва : Просвещение, 2014. – 155 с.
5. Шашкина, Г. Р. Логопедическая работа с дошкольниками / Г. Р. Шашкина, Л. П. Зернова, И. А. Зимина. – Москва : Академия, 2003. – 267 с.

© Дармодехина Е. Р., Колодовская Е. А., 2026

УДК 372.881.1

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ В КУРСЕ ESP

EDN GYBKEN

Г. Н. Иванова

Старший преподаватель,
ORCID 0000-0001-7779-2876,
e-mail: galinaview@yandex.ru,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

DEVELOPING STUDENTS' FOREIGN LANGUAGE LEXICAL COMPETENCE IN THE ESP COURSE

G. N. Ivanova

Senior teacher,
Perm State National Research University,
Perm, Russia

Abstract. The article examines some aspects of developing foreign-language lexical competence in students of non-linguistic faculties at Perm State National Research University while studying the "English for Specific Purposes" course. Foreign language lexical competence is an important component of communicative competence and is formed in the process of studying professionally-oriented vocabulary for the purpose of subsequent use in communication situations. A definition of professional lexical competence is given. The stages of mastering foreign-language text terminology are described. The principles of selecting professionally relevant vocabulary are shown. Some techniques for vocabulary study are discussed using legal texts.

Keywords: foreign language lexical competence; professionally-focused vocabulary; professional terminology; lexical skill; foreign language teaching.

В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования Российской Федерации, будущий специалист в процессе обучения иностранному языку должен овладеть достаточным уровнем коммуникативной компетенции для решения задач профессионального общения.

Одним из важнейших компонентов иноязычной коммуникативной компетенции является лексическая компетенция, которая формируется в процессе изучения лексики профессиональной направленности с целью последующего применения в ситуациях профессионального общения.

В этой связи формирование навыков использования профессионально-ориентированной лексики в иноязычной речи обучающихся является актуальной задачей.

Различные аспекты формирования лексической компетенции обучающихся изучали такие учёные, как Н. Д. Гальскова и Н. И. Гез [2, с. 53], С. Н. Хамова [6, с. 78], Л. А. Новиков [3, с. 120], С. Г. Тер-Минасова [5, с. 141] и другие.

Цель данной статьи – рассмотрение некоторых вопросов формирования иноязычной лексической компетенции студентов неязыковых факультетов Пермского государственного национального исследовательского университета в ходе освоения курса "English for Specific Purposes".

«Профессиональная лексическая компетенция представляет собой интегрированное понятие, выражающее способность применять соответствующую лексику, сформированные на её основе навыки и умения, когнитивно-речевой опыт в различных ситуациях, связанных с будущей профессиональной деятельностью студентов» [4, с. 127]. Другими словами, лексическая компетенция – это совокупность лексических знаний, умений и навыков,

позволяющих обучающимся определять значение слова и употреблять его в соответствующем контексте.

Под лексическим навыком мы понимаем «автоматизированное действие по выбору лексической единицы адекватно замыслу и в соответствии с нормами сочетания с другими единицами в продуктивной речи, а также автоматизированное восприятие и ассоциирование со значением в рецептивной речи» [1, с. 231]. По определению С. Г. Тер-Минасовой, лексическая компетенция представляет собой «способность человека определять контекстуальное значение слова, сравнивать объём его значения в двух языках, понимать структуру значения слова, основанную на лексических знаниях, навыках, умениях, а также личном языковой и речевом опыте» [5, с. 141].

Лексическая компетенция считается сформированной при условии свободного владения студентами профессиональной терминологией.

Термин, по определению Л. А. Новикова, это слово или словосочетание, являющееся наименованием научного или технического понятия и определяющее его [3, с. 120]. Термин однозначен, стилистически нейтрален, характеризуется полной определённостью значения и устойчивостью употребления. Он используется для точного обозначения специальных понятий.

В процессе обучения иностранному языку в вузе основным средством информации является текст. Работа над овладением терминологией иноязычного текста может быть разделена на три этапа: предтекстовый – ознакомительный, текстовый – формирование лексических навыков, и послетекстовый – совершенствование лексических навыков.

На первом этапе осуществляется ознакомление студентов с графическими и звуковыми образами, записывается фонетическая транскрипция, выполняются репродуктивные упражнения на определение терминов.

При изучении профессионально-ориентированной лексики внимание обучаемых обращается на такие факторы, как способы словообразования при помощи суффиксов и префиксов, синонимия, наличие определений, выраженных именем существительным, полисемия слова, лексическая сочетаемость слов.

Второй этап работы с терминологической лексикой включает изучающее чтение текста по специальности. Выполняются условно-коммуникативные упражнения, предусматривающие смоделированные ситуации общения.

Третий, послетекстовый, этап развития лексических навыков предполагает выполнение упражнений, направленных на развитие речевых умений. Происходит закрепление терминов в речи в процессе обсуждения текста, проведения дискуссии.

Таким образом, последовательная организация работы с лексикой выступает важным фактором усвоения лексических единиц обучающимися, способствует формированию необходимых коммуникативных навыков. Степень владения терминологической лексикой влияет на способность понимать аутентичные тексты по специальности для получения достоверных данных, на умение получать и использовать информацию в профессионально-ориентированной коммуникации.

В процессе освоения курса «Иностранный язык в сфере юриспруденции» на юридическом факультете ПГНИУ осуществляется отбор профессионально-ориентированной лексики юридической направленности в соответствии с изучаемыми темами. Акцент делается на ту её часть, которая по своему лексико-семантическому составу и объёму соответствует задачам курса. Данная профессиональная лексика должна тематически и функционально обеспечить формирование у обучающихся стойких речевых умений и навыков, предусмотренных программой обучения.

Рассмотрим некоторые приёмы работы с лексикой на материале текста "The

Causes of Crime" («Причины преступности»). Задания направлены на усвоение, расширение юридического словаря и его активизацию посредством догадки о значении слова из контекста, выбора правильных дефиниций из контекста, распределения слов по группам, описывающим определённое явление и включают следующие упражнения: 1. На предтекстовом этапе студенты догадываются о значении следующих слов и фраз: perverse persons, theological grounds, a sophisticated theory, physical traits, to confirm finding(s), direct ratio, incidence of crime, mentally deficient, prone to criminality. Знание правил словообразования, отнесения слов к определённым частям речи способствует успешному выполнению задания. 2. После прочтения текста студентам предлагается задание на выбор следующих дефиниций из контекста: following a rule or instruction (law-abiding), people are put there as punishment for a crime (jailed criminals), relating to young people (juvenile), not by chance or by accident (deliberately). 3. Следующее упражнение предполагает заполнение таблицы, в которой студенты делают записи об основных характеристиках каждой из теорий, объясняющих причины преступности.

Другие приёмы работы с лексикой включают запоминание не просто отдельных слов, а целой «семьи» слов, например: crime – criminal – criminalist – criminality – criminate – crimination – criminology, способствуя таким образом развитию и закреплению навыков словообразования.

Нахождение слов, в семантическом плане близких к данном ключевому слову ("Spider activity"), также является эффективным способом формирования и расширения лексического запаса. Например, студентам предлагается составить словосочетание со словом "drug": drug misuse, drug user, drug addict, drug overdose, hard drugs, soft drugs, drug trafficking.

Описанные методы работы с лексикой хорошо себя зарекомендовали в ходе учебной практики, способствуют прочному запоминанию профессиональной терминологии, что подтверждает контроль остаточных знаний, проводимый в конце курса обучения.

Таким образом, иноязычная лексическая компетенция формируется в процессе изучения лексики профессиональной направленности в ходе изучения курса ESP. Процесс формирования лексической компетенции представляет собой поэтапную работу с лексической единицей: от устного представления в предложении или контексте до применения в ситуации профессионального общения. Отбор профессионально-ориентированной лексики осуществляется в соответствии с целями и задачами курса обучения, что создаёт условия для формирования у обучающихся речевых умений и навыков.

Библиографический список

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Москва: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
2. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика: учеб. пособие. Изд-е 2-е., испр. М.: Академия, 2005. 336 с.
3. Новиков Л. А. Современный русский язык. Теоретический курс. Лексикология / Л. А. Новиков, В. В. Иванов, Е. И. Кедайтенс, Л. Н. Тихонов. – М.: - Русс.яз., 1987. – 160 с.
4. Стародубцева О. Г. Лексическая компетенция как языковая основа профессионально-коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза // Бюллетень сибирской медицины. 2013. Т. 12, № 3. С. 127–131.
5. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие. Москва: Слово, 2000. 624 с.
6. Хамова С. Н. Обучение профессионально-ориентированной лексике студентов-бакалавров нелингвистических направлений с различным уровнем владения иностранным языком // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 1А. С. 78–88.

© Иванова Г. Н., 2026

УДК 376.37

ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДЛОГОВ ДОШКОЛЬНИКАМИ С ОНР

EDN DWQFJF

Е. В. Крылова *Кандидат педагогических наук, доцент, e-mail: 30kel01@mail.ru,*

К. С. Васильева *студентка, e-mail: vks21skv@gmail.com, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия*

DIAGNOSTICS OF SPATIAL AND PREPOSITIONAL COMPETENCE IN OLDER PRESCHOOLERS WITH GENERAL SPEECH DISORDER

E. V. Krylova *Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,*

K. S. Vasilyeva *Student, Smolensk State University, Smolensk, Russia*

Abstract. Due to the steady increase in the number of children with general speech underdevelopment and the variability of speech symptoms, the relevance of studying the peculiarities of children's acquisition of the grammatical system of the language is evident. This article presents a study of the peculiarities of understanding and using spatial prepositions by preschoolers with general speech underdevelopment. Through quantitative and qualitative analysis of the research results, the specific difficulties faced by this category of children in mastering prepositions (omissions, substitutions, and violations of agreement with case forms) are described, and the correlation between understanding and using prepositions by preschoolers with general speech underdevelopment is shown. The obtained data emphasize the need for targeted correction of prepositional constructions and can serve as a basis for planning speech therapy work.

Keywords: spatial prepositions; general speech underdevelopment; spatial relations; prepositional-case constructions; preschoolers.

С каждым годом растёт число детей с нарушениями речи. По данным И. Б. Карелиной из 23963 обследуемых детей в возрасте от 1,5 до 7 лет лишь 31 % имели нормальное речевое развитие и 63 % – различные речевые нарушения [1]. На сегодняшний день по данным Министерства просвещения 87 % детей дошкольного возраста имеют нарушения речи, среди которых дети с общим недоразвитием речи составляют самую многочисленную группу – около 40 % [3].

Общее недоразвитие речи (ОНР) характеризуется стойким отставанием в формировании всех компонентов языковой системы, ведущим симптомом которого является недоразвитие грамматического строя речи. Трудности в овладении предлогами являются одними из наиболее распространённых в процессе усвоения речи детьми с ОНР. Ошибки в предложных конструкциях детей достаточно разнообразны и стойки. Несмотря на высокую распространённость речевых нарушений и разнообразие методических подходов к коррекции данного нарушения, предложным конструкциям уделено недостаточно внимания. Данный факт подтверждает актуальность данного исследования.

Предлог – это служебная часть речи, выражающая связь существительного, местоимения и числительного с другими словами в словосочетании или в предложении [6, с. 152]. Изучением предлогов с позиции лингвистики занимались такие учёные как Н. П. Некрасов, Л. В. Щерба, А. А. Шахматов, Г. А. Золотова, Н. Ю. Шведова, В. В. Виноградов,

Р. П. Рогожникова, Ю. Г. Скиба, В. Н. Ярцева, Ю. И. Леденев, Н. И. Астафьева, Ю. П. Рухлов, М. В. Всеволодова и др. [4].

Усвоение предлогов следует за усвоением флексийной системы языка. На этом этапе лексико-грамматические значения формируются посредствам взаимодействия трех составляющих: предлога, лексической основы и падежного окончания. Эффективное усвоение предложных конструкций предполагает достаточный уровень сформированности пространственных представлений [2].

В онтогенезе у нормотипичного ребенка в речи сначала появляются предлоги в, на, под с ярко выраженным конкретным содержанием, а позднее – предлоги над, из, около, за, перед, между, по и др.

Успешное речевое развитие играет ключевую роль в общем становлении ребёнка. К концу дошкольного возраста дети должны свободно владеть устной речью – в том числе грамотно использовать различные грамматические конструкции.

Особую роль в этом процессе играют предлоги: они дают ребёнку возможность не только передавать пространственные и временные отношения, но и формулировать свои мысли более точно и понятно. Таким образом, освоение предлогов – значимый этап в формировании грамматического компонента речевой деятельности. Пространственные предлоги являются наиболее распространёнными в русском языке. Они указывают направление движения, место и расположение объектов в пространстве.

Цель исследования – выявить особенности понимания и употребления пространственных предлогов дошкольниками с ОНР, описать специфические ошибки и установить корреляцию между пониманием и употреблением предлогов дошкольниками с ОНР.

Исследование углубляет теоретические представления о роли предлогов в речевом развитии и позволяет реализовать эффективную диагностику и коррекцию синтаксических отношений между словами в словосочетаниях и предложениях.

Программа исследования включала следующие методы:

- Организационный. Сравнительный метод (сравнение патологии с нормой).
- Эмпирические. Констатирующий эксперимент, биографический метод (сбор и анализ анамнестических данных).
- Количественно-качественные методы обработки данных.
- Интерпретационный.

Исследование проводилась с использованием методических рекомендаций Семаго Н. Я. и Семаго М. М [5]. Обследование предполагало два этапа: сначала исследовалось понимание предлогов (действия по инструкции), затем – употребление (ответы на вопросы, описание). В исследовании участвовали 10 дошкольников 5–6 лет с ОНР. В протоколе отмечалось верное понимание/употребление, также регистрировался тип ошибки: пропуск предлога, замена предлога, неправильное падежное согласование, смешение близких по значению предлогов.

Первый этап продемонстрировал способность детей понимать предлоги. Эксперимент показал следующие результаты:

- Предлоги В, НА правильно воспринимаются 10 детьми (100 %).
- Предлоги ИЗ и С доступны 9 испытуемым (90 %), 1 ребёнок (10 %) смешивал эти понятия.
- Предлог НАД у 4 детей (40 %) воспринимался как НА;
- Предлог ПОД у 1 ребёнка (10 %) – как ЗА.
- Предлог ОКОЛО 6 дошкольниками понимался правильно, 4 ребёнка (40 %) смешивали с предлогом У.
- Предлог У правильно понят был только 1 ребёнком (10 %), 9 детей 90 % смешивали его с предлогом ОКОЛО.
- Предлоги ЗА и ПЕРЕД неправильно воспринимались только 1 ребёнком (10 %), наблюдалось смешение понятий.
- Предлог МЕЖДУ 5 дошкольниками (50 %) воспринимался правильно, 1

ребёнок (10 %) воспринимал его как ПЕРЕД, 1 человек (10 %) – как В и 1 (10 %) – как НА.

- Предлог К у 9 испытуемых (90 %) не вызывал трудностей, у 1 ребёнка (10 %) воспринимался как В.
- Предлог ОТ 4 детьми (40 %) воспринимался как К, 1 ребенок (10 %) понял как ИЗ, 5 дошкольников (50 %) правильно поняли предлог.
- Сложные предлоги ИЗ-ЗА и ИЗ-ПОД доступны для понимания только 1 ребёнку (10 %).

На втором этапе исследовалась способность употреблять предлоги в речи. Эксперимент показал следующие результаты:

- Предлоги В и НА все испытуемые знают и без труда ими пользуются (100 %).
- Предлогом ИЗ правильно используют 3 ребёнка (30 %); 5 испытуемых (50 %) пропускают, но сохраняют правильное окончание существительных; 2 ребёнка (20%) заменяют на предлог С.
- Предлог С 4 дошкольника (40 %) используют в речи; 2 испытуемых (20 %) пропускают его, сохраняя правильное окончание существительных; 1 ребёнок (10 %) заменяет на ИЗ; 1 (10 %) – на предлог ОТ.
- Предлог НАД вызывает у дошкольников особые трудности, во время эксперимента никто из детей не назвал предлог. 3 ребёнка (30 %) заменили НАД предлогом НА, 3 (30 %) – словом «наверху», 4 (40 %) пропустили предлог, сохраняя правильное окончание соответствующего существительного.
- Предлог ПОД используется правильно 4 испытуемыми (40 %), 3 ребёнка (30 %) его игнорируют, 2 (20 %) заменяют словом «сзади», 1 (10 %) – «внизу».
- Предлоги У и ОКОЛО 100 % у испытуемых используются в речи как слова «тут», «там», «возле».
- Предлог ЗА используют правильно 3 (30 %) дошкольника, 5 (50 %) заменяли словом «сзади», 2 (20 %) – пропускали.
- Предлог ПЕРЕД был отмечен в речи 4-х детей (40 %), у 3-х (30 %) заменяется словом «спереди», 1 ребёнок (10 %) заменил предлогом ЗА, 2 (20 %) пропускают.
- Предлог МЕЖДУ всеми детьми (100 %) заменяется словом «посередине» или пропускается.
- Предлог К используется 9 дошкольниками (90 %), 1 ребёнок (10 %) пропускает предлог в речи.
- Предлог ОТ употребляется 5 испытуемыми (50 %), в остальных случаях наблюдается смешение с предлогом К.
- Сложные предлоги ИЗ-ЗА и ИЗ-ПОД доступны в речи только 1 ребёнку (10 %), остальные 9 детей (90 %) заменяют их на простые ЗА и ПОД.

На рисунке 1 представлены данные, отражающие результаты исследования понимания и употребления предлогов дошкольниками с ОНР.

Предлоги – это языковое выражение пространственных отношений. Они обозначают то, что ребёнок осваивает на уровне ощущений и действий. Нарушение понимания или употребления предлогов свидетельствует о снижении способности к пространственным представлениям, что подтверждается в работах Н. Я. Семаго и М. М. Семаго, а также в идеях А. И. Моисеева.

Результаты исследования убедительно показывают, что способности использовать предлоги у детей с ОНР значительно ниже возможностей их понимания.

Недостаточное понимание обусловлено затруднениями в восприятии пространственных отношений, так как пространственные представления о собственном теле, о взаимоотношении внешних объектов и тела у дошкольников с ОНР находятся на низком уровне развития.

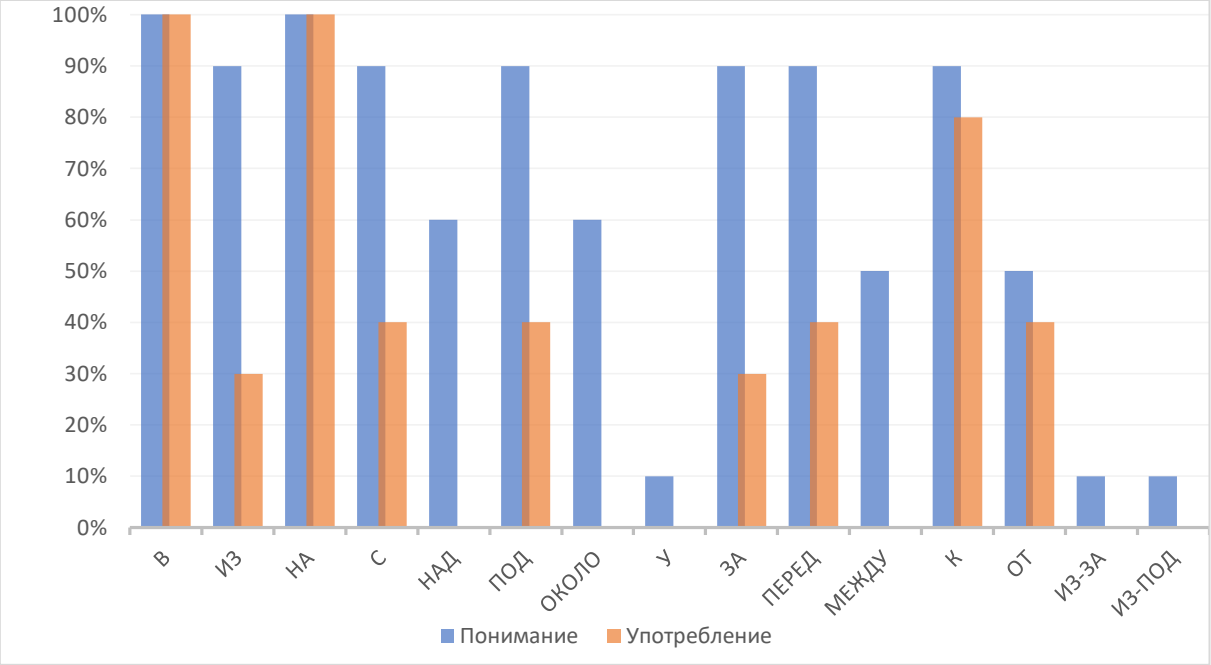

Рис. 1. **Особенности понимания и употребления предлогов дошкольниками с ОНР**

Особенности использования связаны с непониманием грамматического значения. Дети не осознают семантику предлогов, не выделяют их как отдельное слово. Недостаточная языковая способность и ограниченный коммуникативный опыт приводят к трудностям построения предложений, где предлог играет ключевую роль в выражении отношений между объектами и действиями.

Результаты исследования подтверждают, что чем раньше предлог появляется в онтогенезе, тем он доступнее детям с ОНР и, соответственно, легче воспринимается и используется.

Предлоги, обозначающие место, усваиваются детьми гораздо лучше предлогов, обозначающих направление. Это связано с тем, что предлоги места имеют более точное значение и более конкретную визуализацию.

Значительные трудности дошкольники с ОНР испытывают в понимании и использовании предлогов-антонимов. Можно предположить, что это связано со сложностями пространственно-ориентировочных представлений.

Таким образом, чтобы правильно употреблять предлоги ребёнок должен осознавать их семантические и пространственные значения, а также уметь соотносить их с конкретными ситуациями, что логопеду следует учитывать при планировании коррекционной работы.

Библиографический список

1. Карелина И. Б. Классификация задержек речевого развития различного генеза // Специальное образование. 2015. С. 149.
2. Никишкова П. И. Особенности усвоения предложно-падежных конструкций детьми дошкольного возраста с различными нарушениями развития // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2023. № 12 (89).
3. Полосухина Е. Л., Дергачёва Е. В. Современные педагогические технологии в формировании звукового анализа детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи третьего уровня // Вестник науки № 12 (81). Том 4. 2024. С. 1173–1178.

4. Раевская М. В. Теоретические проблемы изучения предлогов в отечественной лингвистике // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2014. № 2. С. 21–23/
5. Семаго Н. Я., Семаго М. М. Пространственные представления ребёнка // Школьный психолог: еженедельная газета Издательского дома «Первое сентября». 2000. № 35. С. 8–9.
6. Толковый словарь государственного языка Российской Федерации: в 2 томах. Т. 2. П–Я / под науч. ред. Н. М. Кропачева, С. А. Белова, С. А. Кузнецова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2025. С. 152.

© Крылова Е. В., Васильева К. С., 2026

УДК 657

ЭТИОЛОГИЯ И МЕХАНИЗМЫ ЭХОЛАЛИИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

EDN DUUYOX

Е. В. Крылова *Кандидат педагогических наук, доцент, e-mail: 30kel01@mail.ru,*

С. С. Колочихина *студент, e-mail: snezhana408@mail.ru,*

Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия

ETIOLOGY AND MECHANISMS OF ECHOLALIA IN PRESCHOOL CHILDREN

E. V. Krylova *Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,*

A. N. Kolochikhina *Student,*

Smolensk State University, Smolensk, Russia

Abstract. This article examines the key aspects of the phenomenon of echolalia as an independent speech phenomenon manifested in preschool children under various developmental conditions. The causes of echolalia are analyzed, as well as the features of its manifestation in children with autism spectrum disorders, alalia, delayed mental development, and normal speech development. It is emphasized that echolalia itself indicates the emergence and functioning of motor speech mechanisms.

Special attention is given to the classification of echolalia, including exact and mitigated types, and their functional significance in the process of developing communicative skills. The psychological, pedagogical, and clinical characteristics of children with echolalia are considered, which allows for a deeper understanding of the specifics of speech development and the difficulties faced by children in different groups.

The article analyzes etiological factors influencing the formation of echolalia, including biological, social, and psychological components, as well as the features of their interaction. A special place is given to the review of psychological and pedagogical conditions that promote speech development and echolalia correction, including methods aimed at forming conscious speech and reducing automatic repetitions.

The importance of a comprehensive individualized approach integrating behavioral and speech correction methods is emphasized. The role of social interaction and play activities as effective means of stimulating speech activity and developing communicative skills is highlighted.

The presented review contributes to the systematization of knowledge about the phenomenon of echolalia in various developmental contexts and forms practical recommendations for specialists in speech therapy, psychology, and pedagogy aimed at improving the effectiveness of corrective work and supporting full speech development in preschool children.

Keywords: echolalia; types of echolalia; etiology of echolalia; autism spectrum disorders; alalia; mental retardation; speech development; speech correction; speech therapy; speech activity.

Эхолалия представляет собой особое явление в развитии речи у детей дошкольного возраста, проявляющееся в повторении услышанных слов или фраз. Это явление может встречаться у детей с различными особенностями речевого развития – как при нормальном развитии, так и при расстройствах аутистического спектра, алалии и задержке речевого развития. Эхолалия сама по себе свидетельствует о функционировании моторных речевых механизмов.

Эхолалия, может быть, как вариантом нормы на ранних этапах речевого развития, так и проявлением речевых нарушений в различных клинических состояниях. В разных группах детей её проявления и функции могут существенно различаться в зависимости от индивидуальных особенностей и характера речевого развития [6].

Среди основных видов эхолалии традиционно выделяют точную и смягчённую формы, каждая из которых имеет свои особенности и функциональное зна-

чение в развитии речи и коммуникативных навыков.

Точная эхолалия характеризуется дословным, практически без изменений повторением услышанных слов или фраз. Повторение может быть немедленным, когда ребёнок воспроизводит услышанное сразу же, либо отложенным – спустя некоторое время после восприятия.

Такая форма эхолалии часто встречается у детей с аутизмом, алалией, задержкой психического развития.

У детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) точная эхолалия является одним из характерных проявлений. Здесь она часто выполняет функции коммуникативного и поведенческого характера – например, поддержания контакта, саморегуляции или самостимуляции.

Немедленная эхолалия может служить способом заполнения пауз в разговоре, когда ребёнок испытывает затруднения с формулировкой собственного высказывания.

Отложенная эхолалия при аутизме связана с феноменальной слуховой памятью и способностью воспроизводить услышанные фразы спустя длительное время, иногда даже без понимания их смысла.

У детей с алалией, которая характеризуется нарушением речевого развития вследствие поражения речевых зон мозга, точная эхолалия часто развивается как компенсаторный механизм.

Поскольку самостоятельное речевое производство затруднено, ребёнок использует повторение услышанных слов и фраз для участия в коммуникации и развития речевых навыков.

В таких случаях эхолалия может помочь освоить звуковую структуру языка и интонационные особенности, однако без коррекционной поддержки она часто препятствует переходу к осознанной, самостоятельной речи.

При задержке психического развития точная эхолалия связана с когнитивными трудностями, которые проявляются в ограниченном понимании и усвоении речевого материала.

Повторение слов и фраз без осмысления может служить способом взаимодействия с окружающими, однако не способствует развитию полноценного речевого общения.

В таких случаях эхолалия может сопровождаться другими проявлениями задержек в психическом и речевом развитии, требуя комплексного подхода к диагностике и коррекции.

Интересно, что точная эхолалия может появляться и у детей с нормальным речевым развитием, особенно на ранних этапах формирования речи [2].

В этот период повторение услышанных слов и фраз помогает ребёнку осваивать звуковой строй языка, интонацию и ритмические особенности речи.

В целом, эхолалия играет важную роль в развитии речи и общения у детей с разным уровнем речевого развития. На первых этапах повторение услышанных слов и фраз является нормальным и помогает ребёнку учиться правильно произносить звуки, понимать интонацию и ритм языка. Это своего рода естественный этап, через который проходят почти все нормотипичные дети.

Однако если эхолалия сохраняется после 3–4 лет и не переходит в самостоятельную речь, это может мешать ребёнку полноценно общаться и выражать свои мысли. В таких случаях эхолалия становится сигналом, что ребёнку нужна помощь специалистов и индивидуальный подход в развитии речи.

Коррекционная работа помогает ребёнку научиться использовать речь осознанно, а не просто повторять услышанное, что важно для успешного общения и социализации.

Точная эхолалия демонстрирует сохранность слуховой памяти и речевого моторного аппарата, однако может указывать на недостаточное понимание смысла повторяемых высказываний, что затрудня-

ет развитие самостоятельной речи и полноценного общения [2].

Смягчённая эхолалия предполагает внесение изменений в повторяемые слова или фразы – изменение грамматических форм, интонации, порядка слов или добавление новых элементов. Это отражает попытки ребёнка адаптировать услышанное к своим речевым возможностям и коммуникативным потребностям.

Смягчённая эхолалия рассматривается как промежуточный этап между автоматическим повторением и осознанным использованием речи, служа своего рода «переходным мостиком» в развитии самостоятельной речи.

С точки зрения психолого-педагогических и клинических характеристик детей, эхолалия может выполнять широкий спектр функций, которые зависят от индивидуальных особенностей ребёнка, его когнитивного и эмоционального состояния, а также от контекста, в котором она проявляется [4].

Одной из ключевых функций эхолалии является привлечение внимания. Дети, испытывающие трудности в самостоятельном построении речи, могут использовать повторение услышанных слов или фраз как способ инициировать взаимодействие с окружающими. Ребёнок может повторить фразу взрослого, чтобы привлечь его внимание или выразить желание продолжить общение, даже если он не полностью понимает смысл сказанного.

Эхолалия также может служить средством выражения эмоций. Дети, у которых ограничен словарный запас или отсутствуют навыки осознанного вербального выражения чувств, могут использовать запомнившиеся фразы, связанные в их памяти с определёнными эмоциональными состояниями [5].

Такой ребёнок может повторить строку из мультфильма или фильма, которая ассоциируется у него с радостью, страхом или грустью, чтобы передать свои переживания взрослым. Это особенно характерно для детей с расстройствами аутистического спектра, где эхолалия может быть способом восстановления эмоционального равновесия или самостимуляции.

В некоторых случаях эхолалия выполняет компенсаторную функцию, помогая ребёнку справляться с недостатком самостоятельной речи. Повторение услышанных фраз позволяет ребёнку участвовать в коммуникации, даже если он не способен самостоятельно сформулировать ответ. Это может быть особенно полезно в ситуациях, когда ребёнок испытывает трудности с осмыслением услышанного или с поиском подходящих слов.

Кроме того, эхолалия может быть способом саморегуляции. Дети, особенно те, у которых наблюдаются сопутствующие состояния, такие как аутизм или синдром Дауна, могут использовать повторение слов или фраз для снижения тревожности, восстановления внутреннего равновесия или поддержания концентрации [1].

Однако, несмотря на потенциально положительные аспекты эхолалии, дети, у которых она задерживается, часто сталкиваются с серьёзными трудностями в понимании и использовании речи. Они могут испытывать проблемы с осознанием смысла слов, построением грамматически правильных предложений и адаптацией речи к конкретным ситуациям.

Ребёнок может повторять услышанную фразу без учёта её уместности в данном контексте, что затрудняет взаимодействие с окружающими. Также, в данном вопросе особое внимание уделяется нейрофизиологическим и когнитивным предпосылкам возникновения эхолалии.

Этиологические факторы, влияющие на формирование эхолалии, включают биологические, социальные и психологические компоненты, а их взаимодействие рассматривается как ключевой фактор, определяющий особенности речевого развития.

Важным элементом коррекционной практики является интеграция поведенческих и речевых методов, что позволяет учитывать индивидуальные особенности

ребёнка и создавать более эффективные программы коррекции.

Социальное взаимодействие и игровая деятельность рассматриваются как ключевые средства стимулирования речевой активности и формирования коммуникативных навыков [7].

Игровая среда предоставляет ребёнку возможность практиковать речь в естественных условиях, что способствует развитию как вербальных, так и невербальных форм общения.

Взаимодействие с взрослыми и сверстниками играет важную роль в мотивации к речевой активности и освоении новых коммуникативных стратегий.

Обобщая существующие представления о феномене эхолалии, можно отметить, что несмотря на значительный объём теоретических знаний, вопросы оптимального сочетания психолого-педагогических условий и методик коррекции остаются актуальными и требуют дальнейшего развития.

В частности, необходима адаптация коррекционных программ с учётом индивидуальных особенностей каждого ребёнка, что позволит повысить эффективность коррекционной работы и поддержать полноценное речевое развитие [3].

Изучение разнообразных форм эхолалии и их проявлений, в сопоставлении с психолого-педагогическими и клиническими особенностями детей с различными нарушениями речи, необходимо для более глубокого осмысления закономерностей речевого развития и точной идентификации возникающих затруднений.

В то же время анализ имеющихся научных публикаций свидетельствует о существенном пробеле в исследовании эхолалии у детей дошкольного возраста, страдающих разными нозологиями, а также о недостаточной представленности и практической апробации соответствующих коррекционно-педагогических методик.

Таким образом, на сегодняшний день является особенно актуальным разработка классификаций форм эхолалии, методики их диагностики, а также разработка коррекционных программы преодоления эхолалии у детей с различными нарушениями в развитии.

Библиографический список

1. Акименко В. М. Речевые нарушения у детей. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. – 141 с.
2. Бенилова С. Ю. Логопедия. Системные нарушения речи у детей (этиопатогенез, классификации, коррекция, профилактика). – Москва : МПСУ ; Воронеж : МОДЭК, 2014. – 530 с.
3. Бобылова М. Ю. Задержка речевого развития у детей: введение в терминологию // Русский журнал детской неврологии. – 2017. – № 1.
4. Громова О. Е. Норма и задержка речевого развития у детей // Дефектология. – 2019. – № 2. – С. 66–69.
5. Жулина Е. В. Система ранней помощи детям с задержкой речевого развития : монография. – Нижний Новгород : НГПУ, 2018. – 143 с.
6. Лебединский В. В. Нарушения психического развития у детей : учебное пособие. – Москва : Издательство Московского университета, 1985. – 148 с.
7. Ягунова К. В. Речевые нарушения у детей раннего и дошкольного возраста // Российский вестник перинатологии и педиатрии. – 2018. – Т. 63, № 6. – С. 23–30.

© Крылова Е. В., Колочихина С. С., 2026

УДК 372.41

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ К ОВЛАДЕНИЮ НАВЫКАМИ ЧТЕНИЯ НА ЛОГОПЕДИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ

EDN VVPNQT

Е. В. Крылова *Кандидат педагогических наук, доцент, ORCID 0000-0002-6616-4361, e-mail: 30kel01@mail.ru,*

В. А. Логинова *студент, ORCID 0009-0007-2225-780X, e-mail: logino-va54vik2001@mail.ru,*

Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия

DEVELOPING READING READINESS IN PRIMARY SCHOOL CHILDREN WITH GENERAL SPEECH UNDERDEVELOPMENT IN SPEECH THERAPY SESSIONS

E. V. Krylova *Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,*

V. A. Loginova *Student,*

Smolensk State University, Smolensk, Russia

Abstract. This article addresses the issue of developing readiness for reading acquisition in primary school children with general speech underdevelopment (GSD). The psychophysiological mechanisms underlying reading are analyzed, and the characteristics of speech development disorders in children at Levels III and IV are described. The article discusses the main prerequisites for a child's acquisition of reading skills: phonemic, lexical-grammatical, cognitive, visual-spatial, and motor.

Keywords: speech development disorders; general speech underdevelopment; reading; phonemic processing; lexico-grammatical development; executive and cognitive functions.

В процессе обновления начального образования возрастает роль своевременного развития ключевых учебных умений, где чтение приобретает определяющее значение. Этот процесс служит не просто способом усвоения знаний, но и всеобъемлющим средством интеллектуальной активности, включения в социальную среду и становления личности ребенка. Степень освоения навыков чтения в младшем школьном возрасте в значительной мере предопределяет результативность всего дальнейшего образования, культуру речи, мыслительные способности и независимость учеников.

При этом в текущей педагогической среде наблюдается рост количества первоклассников, приходящих в школу с отклонениями в речевом развитии. Отдельную категорию составляют младшие школьники с общим недоразвитием речи (ОНР), у которых все стороны речевой системы недостаточно развиты при нормальном слухе и интеллекте. Дефицит фонематических процессов, бедность словаря, сбои в грамматическом строе речи, затруднения в произнесении звуков создают препятствия на пути к овладению навыками чтения. Трудности с освоением навыков с чтения порождают возникновение у школьников дополнительных проблем: снижение интереса к обучению, неуспешность по всем основным дисциплинам и эмоциональному неблагополучию.

Проблема формирования предпосылок для освоения чтения у этих учеников предполагает организованную и последовательную логопедическую помощь. Готовность к овладению чтением трактуется как набор условий, охватывающий разви-

тый фонематический слух, умения анализа и синтеза звуков, адекватный уровень лексико-грамматических ресурсов языка, зрительно-пространственные навыки, а также функции саморегуляции и познания. Незавершенность подходов к содержанию и структуре такой логопедической помощи в школьной практике обосновывает значимость предлагаемого исследования.

Чтение входит в число самых трудных форм речевой и интеллектуальной деятельности человека. За видимой легкостью скрывается многоступенчатая рабочая система, объединяющая сенсорные механизмы, высшие душевные функции и структуры управления.

Анализ научных данных подтверждает, что овладение чтением строится на сложной сети телесно-душевных и психологических процессов. Их совершенствование охватывает не только связи звуков и букв, но и фонематическое различение, обобщения языка, мыслительные операции и управление поведением. Соблюдение подобных принципов необходимо для построения действенной логопедической поддержки, ориентированной на подготовку детей с проблемами речи к навыкам чтения.

В логопедической практике принято выделять ключевые направления подготовки ребенка к чтению: развитие фонематического восприятия, формирование навыков звукового анализа и синтеза, уточнение и расширение словаря, совершенствование грамматического строя речи, развитие зрительно-пространственных представлений и мелкой моторики. Каждое направление находит воплощение в методических принципах отечественной дефектологии.

Фонематический подход стоит в центре системы подготовки к чтению. Его основа – идея о том, что чтение опирается на способность различать и понимать звуковую сторону слова. Т. Б. Филичева и Г. В. Чиркина отмечают, что дети с ОНР испытывают серьезные затруднения при выделении звука в слове, установке его места и последовательности [12].

Далее следует этап освоения простого звукового анализа. Ребенок осваивает определение первого и последнего звука, а затем всей их цепочки в слове. Особый упор делается на осознанность этого действия. Постепенно вырабатывается навык звукового синтеза – сборки звуков в полное слово, как показано в работах Р. И. Лалаевой [6].

Лексико-грамматический подход фокусируется на росте словарного запаса и грамматических обобщений как базе для понимания текста. Р. И. Лалаева подчеркивает, что ограниченность словаря и аграмматизмы сильно усложняют смысловую обработку чтения [6].

Когнитивный подход, представленный в исследованиях Н. Н. Малофеева, акцентирует значение общих познавательных процессов в подготовке к чтению. Нестабильность внимания, малый объем вербальной памяти, проблемы произвольной регуляции добавляют барьеров в процессе формирования навыков чтения [8].

Зрительно-пространственный аспект подготовки к чтению касается оптико-гностических и пространственных представлений. М. М. Безруких указывает, что слабость зрительного анализа и синтеза вызывает путаницу букв и сбои в чтении [4].

Моторный компонент требует особого рассмотрения. Развитие мелкой моторики видится как опосредованный способ активации речевых зон мозга, что отмечено у Т. Б. Филичевой [13].

Комплексный подход к готовности к чтению объединяет все указанные направления. Обзор методик показывает высшую эффективность модели, интегрирующей фонематический, лексико-грамматический и когнитивный блоки.

Исследование проводилось на базе общеобразовательной организации г. Москва, реализующей адаптированные образовательные программы для детей с

тяжёлыми нарушениями речи. В качестве экспериментальной базы выступили учащиеся 1 класса, имеющие заключение территориальной психолого-медико-педагогической комиссии о наличии общего недоразвития речи (III и IV уровни).

В исследовании приняли участие 10 младших школьников в возрасте 7–8 лет. Все дети имели сохранный слух и интеллект, обучались по адаптированной образовательной программе и посещали логопедические занятия. При этом уровень речевого развития у них был неодинаков: 2 ученика с ОНР (III уровень речевого развития), 8 детей имели IV уровень. Такое распределение позволило увидеть не только общие закономерности формирования навыков чтения у детей с ОНР, но и различия, обусловленные степенью выраженности речевого дефекта.

При выборе диагностических методик особое внимание уделялось их соответствию целям исследования. Необходимо было охватить ключевые компоненты готовности к чтению: фонематический, лексико-грамматический и регуляторно-когнитивный. В результате были отобраны три взаимодополняющие методики, каждая из которых позволяла «увидеть» определённую сторону рассматриваемого процесса.

– задания на определение уровня сформированности фонематического восприятия и навыков звукового анализа и синтеза (по Р. И. Лалаевой, О. Н. Двуреченской).

– задания на изучение лексико-грамматического строя речи и уровня сформированности языковых обобщений (на основе подходов Т. Б. Филичевой, Т. В. Тумановой, В. П. Глухова).

– задания на исследование регуляторных и когнитивных предпосылок чтения – задания, отражающие нейропсихологический подход (с опорой на идеи А. Р. Лурии и современные логопедические адаптации).

Анализ результатов исследования показал, что наиболее выраженные трудности наблюдаются у детей в области фонематических процессов и регуляторных функций. Лексико-грамматический компонент, хотя и имеет свои особенности, в ряде случаев оказывается более сформированным за счёт компенсаторных механизмов.

Интересным оказалось и распределение ошибок. Например, ребёнок, испытывающий трудности в звуковом анализе, одновременно демонстрировал слабость самоконтроля. В таких случаях ошибки носили «цепной» характер: одно затруднение порождало другое. Результаты проведенного исследования наглядно представлены на рисунке 1.

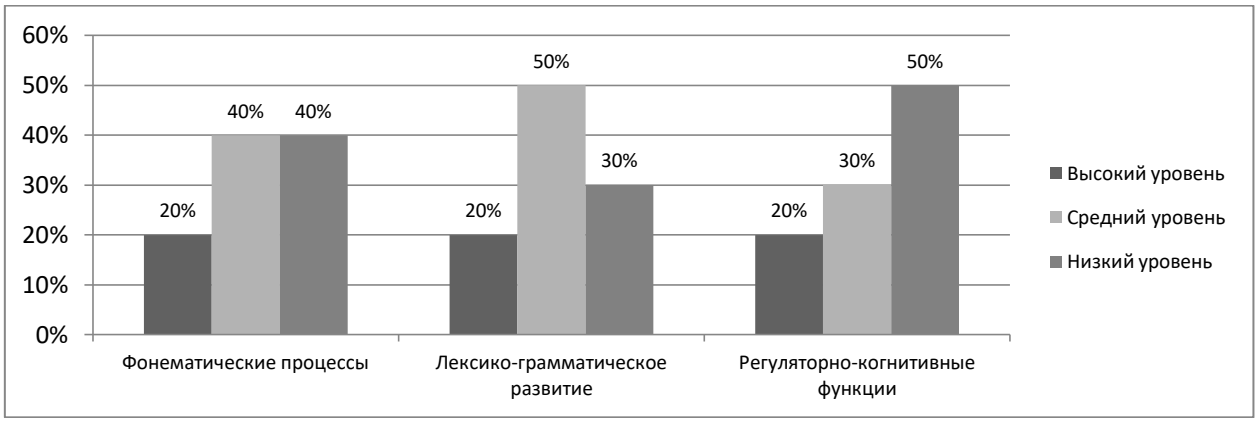

Рис. 1. **Сравнительное распределение уровней сформированности компонентов готовности к чтению у школьников с ОНР на констатирующем этапе исследования**

Анализ результатов выявил следующее: высокий уровень готовности к чтению практически отсутствует; доминирует средний уровень с нестабильными навыками; немало детей с низким уровнем. В итоге, у детей с ОНР готовность к чтению проявляется неодинаково и остаётся недостаточно развитой.

Эти данные свидетельствуют, что готовность к чтению представляет собой не изолированный навык, а комплексное образование из взаимосвязанных компонентов. В исследуемой группе трудности не бывают изолированными: слабое фонематическое восприятие сочетается с бедностью словаря и дефицитом регуляции деятельности, образуя «узел» препятствий для освоения чтения.

Примечательно, что полное отсутствие предпосылок не наблюдается – они просто нестабильны, недостаточно осознанны и слабо автоматизированы. В одних ситуациях ребёнок успешно выполняет задание, в других – испытывает затруднения. Это предполагает особую стратегию коррекционной работы: вместо изолированного развития функций нужно формировать целостную систему с учётом их взаимодействия.

Содержание коррекционной программы опиралось на итоги констатирующего этапа. Ключевую роль в логопедической работе играло развитие фонематических процессов с постепенным усложнением заданий через операции звукового анализа и синтеза. Умения формировались поэтапно: от односложных структур к двусложным, затем к словам сложной слоговой структуры. Параллельно корректировались лексико-грамматические средства речи как основа для понимания текста – уточнялся словарь, углублялись значения слов, отрабатывались их употребления в разных контекстах путём заданий на называние, классификацию и установление семантических связей.

Ключевую роль в логопедической работе играло развитие фонематических процессов с постепенным усложнением заданий через операции звукового анализа и синтеза. Умения формировались поэтапно: от односложных структур к двусложным, затем к словам сложной слоговой структуры. Параллельно корректировались лексико-грамматические средства речи как основа для понимания текста – уточнялся словарь, углублялись значения слов, отрабатывались их употребления в разных контекстах путём заданий на называние, классификацию и установление семантических связей.

Формирующий этап эксперимента выявил сдвиги в развитии готовности к чтению у младших школьников с ОНР. Главная цель состояла в отслеживании изменений фонематических, лексико-грамматических и регуляторно-когнитивных функций как основных предпосылок чтения. Такой мониторинг динамики позволил судить об эффективности комплексного логопедического воздействия и очертить пути дальнейшей коррекции.

Результаты проведенного исследования на контрольном этапе исследования представлены далее графически на рисунке 2.

Результаты отражают благоприятную динамику: доля детей с высоким уровнем готовности выросла с 20 % до 35 %, а с низким снизилась с 35 % до 15 %. Количество учащихся со средним уровнем увеличилось, сигнализируя о переходе части низкоуровневых детей в более успешную группу. Эти трансформации подтверждают продуктивность логопедической работы и обосновывают системный подход к созданию рассмотренных предпосылок чтения при общем недоразвитии речи.

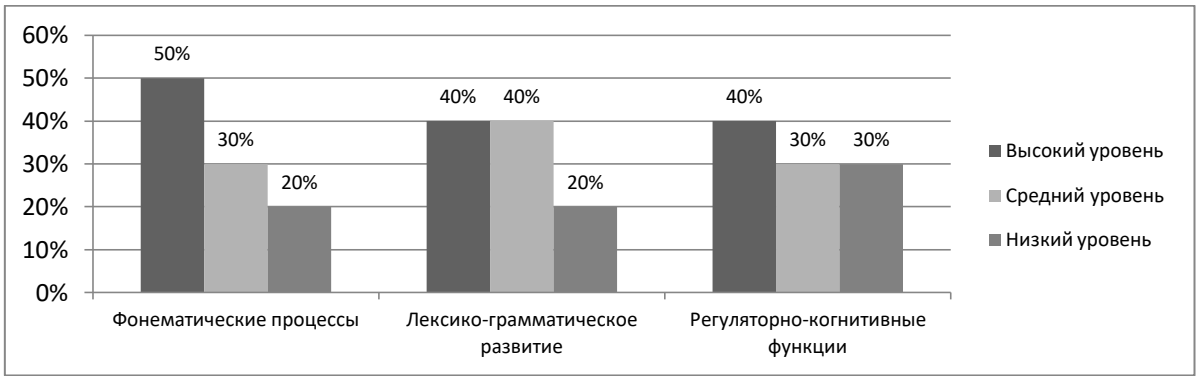

Рис. 2. **Сравнительное распределение уровней сформированности компонентов готовности к чтению у детей с ОНР на контрольном этапе исследования**

В итоге проведённое исследование даёт основание заключить, что формирование готовности к чтению у младших школьников с общим недоразвитием речи требует системного, комплексного и индивидуально ориентированного подхода с учётом психофизиологических и психолого-педагогических особенностей детей. Полученные данные формируют методическую базу для организации коррекционной работы в школьных и дошкольных учреждениях и могут быть рекомендованы педагогам-логопедам для внедрения в практику.

Библиографический список

1. Федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации» : (с изм. и доп.). – Москва, 2012.
2. Приказ Минобрнауки России № 1155 от 17.10.2013 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования». – Москва, 2013.
3. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – Санкт-Петербург : Питер, 2016. – 288 с.
4. Безруких, М. М. Трудности обучения в начальной школе : причины, диагностика, помощь / М. М. Безруких. – Москва : Академия, 2013. – 256 с.
5. Зимняя, И. А. Педагогическая психология / И. А. Зимняя. – 2-е изд. – Москва : Логос, 2000. – 384 с.
6. Лалаева, Р. И. Коррекция общего недоразвития речи у дошкольников / Р. И. Лалаева, Н. В. Серебрякова. – Санкт-Петербург : Союз, 1999. – 160 с.
7. Латыпова, Е. М. Формирование навыков чтения у детей младшего школьного возраста с общим недоразвитием речи III уровня на логопедических занятиях / Е. М. Латыпова // Тьюторское сопровождение в системе общего, дополнительного и профессионального образования : материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Челябинск, 15–25 февраля 2023 года. – Челябинск : Край Ра, 2023. – С. 186–189.
8. Малофеев, Н. Н. Специальное образование в меняющемся мире / Н. Н. Малофеев. – Москва, 2010. – 319 с.
9. Менг, Н. В. Готовность ребенка младшего школьного возраста с общим недоразвитием речи III уровня к овладению навыком чтения / Н. В. Менг, С. Г. Щербак // PROчтение: дислексия в XXI веке : сборник материалов IX Международной научно-практической конференции Российской ассоциации дислексии, Москва, 10 сентября 2020 года. – Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. – С. 268–274.
10. Неботова, Е. К. Логопедическая работа по формированию навыков беглого чтения у младших школьников с тяжелыми нарушениями речи / Е. К. Неботова // Студенческий электронный журнал СтРИЖ. – 2023. – № 5 (52). – С. 56–59.
11. Платонова, И. Ю. К вопросу о формировании готовности к освоению письма и чтения у детей с общим недоразвитием речи / И. Ю. Платонова, Г. М. Вартапетова // Вопросы педагогики. – 2020. – № 6–2. – С. 198–201.
12. Филичева, Т. Б. Устранение общего недоразвития речи / Т. Б. Филичева, Г. В. Чиркина. – Москва : Айрис-Пресс, 2004. – 224 с.

13. Филичева, Т. Б. Дети с общим недоразвитием речи / Т. Б. Филичева, Т. В. Туманова. – Москва : ГНОМ, 1999. – 80 с.
14. Ybytayeva, A. K. Ways to develop coherent speech in children with General speech underdevelopment / A. K. Ybytayeva, G. K. Alshinbekova // Научный альманах. – 2020. – № 4–2 (66). – P. 162–166. – EDN DMWOBR.

© Крылова Е. В., Логинова В. А., 2026

УДК 376.37

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД К КОРРЕКЦИИ ЗВУКОПРОИЗНОШЕНИЯ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

EDN WCDJUW

Е. В. Крылова *Кандидат педагогических наук, доцент, e-mail: 30kel01@mail.ru,*

В. Н. Осипцова *студентка, e-mail: osiptsovavalerya@yandex.ru, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия*

A DIFFERENTIATED APPROACH TO CORRECTING SOUND PRONUNCIATION IN PRESCHOOL CHILDREN

E. V. Krylova *Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,*

V. N. Osiptsova *Student, Smolensk State University Smolensk, Russia*

Abstract. The article presents an experimental study of speech sound disorders in preschool children, which includes specific features caused by different pathogenetic mechanisms: insufficient coordination of voluntary movements of the articulatory apparatus, impaired muscle tone, and abnormalities in the structure of the articulatory apparatus. The authors of the article emphasize the need for a differentiated approach to the correction of speech sound disorders based on the mechanisms of their occurrence.

Keywords: preschoolers, dyspraxia; speech sound examination; speech sound disorder; articulatory muscle tone disorder; articulatory apparatus motor disorder; articulatory apparatus anomaly.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью более точного углубленного изучения механизмов нарушений звукопроизношения у детей дошкольного возраста.

В последние годы в практике логопедов все чаще используется такой термин как диспраксия, коррекция которой предполагает применение специфических приемов, отличных от нарушений звукопроизношения другой этиологии. В научной литературе это понятие не ново. Изучением диспраксии занимались такие учёные как Е. В. Усольцева, Е. В. Ефимова [7, с. 104], С. А. Шабалина, А. Е. Ионова [8, с. 23], Н. Г. Минаева, А. В. Ледакова [4, с. 249], В.Ф.Воробьев [3, с. 10], Т. Г. Визель [2].

Понимание механизмов диспраксии позволяет не только определить механизм нарушения, но и правильно спланировать коррекционную работу [5, с. 140].

Цель данного исследования была направлена на изучение нарушений звукопроизношения у детей дошкольного возраста и выделение патогенетических механизмов, их обусловливающих.

Экспериментальное исследование проводилось на базе МБДОУ ДС № 72 «Колокольчик» г. Смоленска в группах для детей старшего дошкольного возраста (5,5–5,8 лет). В исследовании приняло участие 11 человек.

Диагностический материал на основе методических рекомендаций Е. Ф. Архиповой [1], Н. М. Трубниковой [6].

Исследование проводилось в следующих направлениях:

Раздел 1. Исследование двигательных функций артикуляционного аппарата.

Цель – выявить двигательные возможности губ, двигательные функции челюсти, языка и мягкого нёба.

При проведении заданий обращалось внимание на способность к переключению и удержанию позы, а также на подвижность губ, нижней челюсти; наличие

или отсутствие тремора, гиперкинезов, мимических синкинезий, слюнотечения; подвижность мягкого нёба.

Раздел 2. Исследование динамической организации движений артикуляционного аппарата.

Цель – выявить способен ли ребёнок повторить серии движений.

При выполнении отмечались точность и полнота движений, равномерность работы мышц языка, способность к переключению; наличие или отсутствие отклонения, тремора кончика языка, гиперкинезов; наличие/отсутствие изменения цвета кончика языка.

Раздел 3. Исследование звукопроизношения.

Цель – оценить произношение звуков изолированно, в слогах, в словах и в предложениях. Фиксировались: отсутствие, искажение, замены и смешения звуков.

Раздел 4. Исследование состояния артикуляционного аппарата.

Цель – оценить состояние артикуляционного аппарата.

Во время исследования артикуляционной моторики обращалось внимание на состояние артикуляционного аппарата, а именно: губ (толстые, тонкие, естественной толщины, наличие/отсутствие расщелин, рубцов); зубов(ровные, расположены вне челюстной дуги, мелкие, редкие, кривые, здоровые, наличие кариеса, наличие диастем); челюстей (прогения, прогнатия, норма); языка (толстый, тонкий, вялый, напряженный, маленький, длинный, узкий, оттянут вглубь рта); подъязычной уздечки (короткая, эластичная приращенная, неэластичная, норма); твёрдого нёба (куполообразное, естественной высоты, чрезмерно узкое, высокое плоское, низкое, наличие расщелины твёрдого нёба, наличие/отсутствие расщелины); маленького язычка (отсутствует, расщеплён, свисает неподвижно по средней линии, отклоняется в сторону).

В процессе исследования двигательных функций, двигательной организации и состояния артикуляционного аппарата были получены следующие результаты:

– у троих детей (27,27 %) отмечались трудности в удержании артикуляционных поз, недостаточная полнота движений, проблемы в выполнении последовательных действий;

– у одного ребёнка (9,09 %) короткая подъязычная связка и есть кариес верхних зубов;

– у семи детей (63,64 %) отмечались сложности во время переключения и удержания артикуляционных поз, а также мимические синкинезии;

– у двоих детей (18,18%) – малоподвижность мягкого нёба, толстый и вялый язык;

– у одного ребёнка (9,09 %) – неправильный прикус (прогнатия).

При исследовании звукопроизношения были получены следующие результаты (таб. 1).

Таким образом, исходя из полученных данных, 7 обследуемых детей (63,64 %) имеют нарушения переключения и удержания артикуляционных поз, моторную неловкость, трудности в переключении движений, сложности в удержании равновесия, проблемы в выполнении последовательный действий, что указывает на диспраксические расстройства. Вследствие этого у детей преимущественно отмечались замены и смешения звуков в речи.

Таблица 1

Результаты экспериментального исследования звукопроизношения (по видам нарушений)

Звуки	**Вид нарушений звукопроизношения**	**Частота употребления случаев в речи**
Заднеязычные ([к],[г],[х] и их мягкие пары)	Замены	45,45 %
Свистящие ([с],[з] и их мягкие пары и [ц])	Замены	63,64 %
	Искажения	18,18 %
	Смешения	18,18 %
Шипящие ([ш],[ж],[щ],[ч])	Замены	63.64 %
	Смешения	18,18%
	Искажения	27.27 %
Соноры ([л],[л`],[р],[р`])	Отсутствие	45,45 %
	Искажения	54,55 %

У 2 детей (18,18 %) отмечался гипотонус мышц артикуляционного аппарата, что обуславливает искажения и замены звуков в речи. У 2 детей (18,18 %) были выявлены аномалии в строении артикуляционного аппарата: короткая подъязычная связка и неправильный прикус, что является причиной пропусков и замен звуков в речи обследуемых.

Таким образом, исследование показало, что у детей с диспраксией наблюдаются замены и смешения звуков в речи, обусловленные недостаточной координацией произвольных движений органов артикуляционного аппарата. Следовательно, коррекционная работа должна включать следующие направления: развитие двигательных функций артикуляционного аппарата; развитие артикуляционного праксиса; развитие мелкой и крупной моторики; коррекция звукопроизношения.

У детей с нарушением мышечного тонуса в артикуляционном аппарате отмечались искажения и замены звуков в речи. Таким образом, логопедическая работа будет строится по следующим направлениям: нормализация тонуса мышц артикуляционного аппарата; развитие артикуляционной моторики; коррекция звукопроизношения; развитие общей и мелкой моторики.

Дети, имеющие аномалии в строении артикуляционного аппарата, заменяли и пропускали звуки в речи. Коррекционная работа в этом случае предполагает участие таких специалистов как хирург и ортодонт.

Таким образом, исследование показало, что большая часть детей имеют диспраксические расстройства, что в свою очередь, указывает на актуальность разработки эффективных методов и приемов их коррекции, которых, к сожалению, на се-

годняшний день в специальной литературе недостаточно.

Библиографический список

1. Архипова Е. Ф. Профилактика нарушений звукопроизношения у детей. – Москва : В. Секачев, 2017. – С. 74.
2. Визель Т. Г. Основы нейропсихологии. Теория и практика. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : АСТ, 2021. – 544 с.
3. Воробьев В. Ф. Методика коррекции диспраксии у детей с общим недоразвитием речи средствами адаптивного физического воспитания // Научное обозрение. – 2021. – № 3. – С. 10.
4. Минаева Н. Г., Ледакова А. В. Особенности развития и коррекции звукопроизносительных навыков у дошкольников с артикуляционной диспраксией // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – С. 249.
5. Селиверстов В. И. Понятийно-терминологический словарь логопеда. – Москва : ВЛАДОС, 1997. – С. 155.
6. Трубникова Н. М. Структура и содержание речевой карты : учебно-методическое пособие. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 1998. – С. 51.
7. Усольцева Е. В., Ефимова Е. В. Артикуляционная диспраксия // Инновационная наука. – 2020. – № 12. – С. 104.
8. Шабалина С. А., Ионова А. Е. Коррекция диспраксических расстройств у детей дошкольного возраста с тяжелыми нарушениями речи // Специальная педагогика и психология. – 2023. – № 2. – С. 23.

© Крылова Е. В., Осипцова В. Н., 2026

УДК 159.923

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И РАЗВИТИЕ СЕМИОТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ НАЧАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

EDN XJYSEO

М. В. Ломако
Л. В. Лапшина

Учителя, e-mail: lomako.marina2015@yandex.ru,
e-mail: liud.lapshina@yandex.ru,
Средняя общеобразовательная школа № 12,
г. Коломна, Московская область, Россия

THE ROLE OF DIGITAL TECHNOLOGIES AND THE DEVELOPMENT OF THE SEMIOTIC FUNCTION IN MODERN PRIMARY EDUCATION

M. V. Lomako
L. V. Lapshina

Teachers,
Secondary school number 12,
Kolomna, Moscow Region, Russia

Abstract. This article examines the role of digital technologies in modern education, with a particular emphasis on the development of semiotic functions and mathematical language. It analyzes modern approaches to teaching mathematics using digital tools, as well as the importance of developing digital competencies in primary school teachers. It substantiates the need for technology integration to improve learning effectiveness and prepare students for the future in the digital age.

Keywords: digital technologies; mathematical language; pedagogy; distance learning; digital competence.

В современную эпоху цифровых технологий их значение в жизни человека постоянно растет. Эти технологии трансформируют все аспекты жизни, включая науку и общество, меняя тренды развития и формируя новые возможности для обучения и взаимодействия [4].

Одним из ключевых аспектов этого процесса является развитие семиотической функции – способности представлять недостающие или невидимые объекты и события с помощью символов и знаков. Жан Пиаже (2003) отмечал, что символическая функция важна для формирования ментальных взаимодействий и создания коллективных смыслов. В мире человек воспринимает и представляет его через объекты, культурные артефакты и системы искусственных языков, один из которых – математический язык [5].

Математика является первым научным языком, который изучает человек. Математика позволяет фиксировать и моделировать количественные отношения между человеком и окружающим миром с помощью условных символов. В начальной школе математический язык является первым научным языком, который помогает понять целостность, функциональные связи, изменения и временные параметры процессов, которые составляют суть социальных отношений людей. Важной частью этого языка является система мер, которая, подобно музыкальным тональности или точкам в живописи, задает постоянные величины для конкретной системы. Гибкость и произвольность в использовании мер делают математика универсальным языком науки [7]. Поэтому развитие навыков определения мер и построения систем – одна из главных задач современной педагогической практики начальной школы.

Современное математическое образование связано с формированием математических понятий и освоением математического языка. В начальной школе особое внимание уделяется освоению символики и развитию умения строить системы мер [7]. Исследования показывают, что такие подходы позволяют добиться высоких результатов в усвоении материала и создавать прочную психологическую основу для дальнейшего обучения. Важной составляющей стало внедрение техноло-

гий – от традиционных методов до использования дополненной реальности и интерактивных приложений. Это помогает реализовать принципы поэтапного формирования умственных действий, а также повышает мотивацию учащихся.

Обучение с использованием технологий предполагает новые концептуальные подходы, которые помогают расширить ресурсы и возможности педагогического процесса – от бумаги и карандаша до виртуальной и дополненной реальности. Оценивание с помощью технологий, особенно в формирующем контексте, открывает новые перспективы для индивидуализации поддержки учащихся и развития их концептуального понимания. Тем не менее, для полноценной реализации таких систем требуется создание дополнительных заданий, способствующих закреплению знаний [8].

Преподавание математики в цифровую эпоху требует перехода от механического запоминания к использованию цифровых инструментов, позволяющих обеспечить персонализированное обучение, вовлеченность и глубокое понимание концепций. Среди ключевых стратегий – использование искусственного интеллекта для решения индивидуальных задач, интерактивных приложений для визуализации абстрактных идей и развитие критического мышления, что особенно важно для подготовки студентов к работе в сфере высоких технологий.

Развитие математических понятий идет рука об руку с освоением математической символики. В жизни ребенка математический язык выступает как первый научный язык, который помогает моделировать и фиксировать особые, количественные отношения. Особенно важен аспект определения и построения систем мер, которые обладают гибкостью и универсальностью. В педагогической практике немного уделяется внимания тому, как система мер способствует развитию математического мышления и понимания.

Необходимо связывать изучение математики с другими предметными областями [3], а также развивать цифровые компетенции учителей [6].

На уроках математики сегодня широко внедряются темы, связанные с финансами, семейным бюджетом, расходами и доходами – это помогает сформировать практические навыки [2]. Помимо общекультурных и профессиональных компетенций, в современном мире важно развивать цифровые навыки у учителей начальной школы. Склонность к гибкому реагированию на изменения, развитие сотрудничества и эмпатии – эти качества особенно ценны в условиях нестабильной и быстро меняющейся реальности.

В рамках исследований изучаются представления будущих учителей математики, имеющих опыт дистанционного обучения и работы с цифровыми инструментами. Результаты показывают, что онлайн-методы повышают педагогическую гибкость и делают создание цифрового контента важной профессиональной компетенцией. Признание эффективности цифровых инструментов в передаче абстрактных концепций растет, однако есть необходимость в развитии соответствующих навыков у педагогов. Меняющиеся условия труда стимулируют будущих учителей искать новые альтернативные пути профессионального развития через платформы цифрового образования, что подчеркивает необходимость интеграции цифровых стратегий в программы подготовки педагогов [1].

Цифровизация стала неотъемлемой частью современного преподавания математики. Она переводит обучение с простого механического запоминания на более глубокое восприятие и понимание концепций с помощью персонализированных цифровых инструментов. Ключевые направления включают использование искусственного интеллекта, интерактивных приложений и развитие критического мышления – все это способствует подготовке

студентов к будущему в высокотехнологичной сфере. Важно продолжать развивать цифровые педагогические компетенции, делая их неотъемлемой частью подготовки учителей, чтобы обучение оставалось актуальным и эффективным в эпоху цифровых перемен.

Библиографический список

1. Алпатова А. И. Новый подход к профессиональному становлению учителя начальных классов в системе высшего образования: влияние цифровизации // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 2 (128).
2. Володин В. В. Искусственный интеллект как средство формирования финансовой грамотности у младших школьников // Интеграция образования. 2025. Т. 29. № 4 (121). С. 753–767.
3. Куликовская И. Э., Дин Д. Цифровые технологии в художественном образовании начальной школы Китая // Отечественная и зарубежная педагогика. 2025. Т. 1. № 6 (109). С. 29–42.
4. Писаренко И. А., Балаженко К. А. Цифровизация образования: потенциал родителей и педагогов в развитии учеников начальной школы // Нижегородское образование. 2022. № 2. С. 13–23.
5. Салмина Н. Г., Звонова Е. В., Цукарзи А. Э. Символическая функция в структуре сознания // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2019. № 3. С. 124–140.
6. Dinçer B (2025) Digitalization in mathematics education: how distance and online learning shape pre-service teachers' career perceptions. Front. Educ. 10:1639893. doi: 10.3389/feduc.2025.1639893
7. Salmina N. G., Zvonova E. V., Tsukarzi A. E. (2019). Development of initial mathematical concepts. Aktuální Pedagogika. № 4. С. 11–15.
8. Weigand, H. G., Trgalova, J. & Tabach, M. Mathematics teaching, learning, and assessment in the digital age. ZDM Mathematics Education 56, 525–541 (2024). https://doi.org/10.1007/s11858-024-01612-9

© Ломако М. В., Лапшина Л. В., 2026

УДК 811.111

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ: ПОЧЕМУ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ОБЯЗАТЕЛЕН ДЛЯ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ ГОСТИНИЧНОЕ ДЕЛО

EDN XMQZVT

А. В. Лучникова

Старший преподаватель,
e-mail: lav168@mail.ru,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

PROFESSIONAL NECESSITY: WHY ENGLISH IS MANDATORY FOR STUDENTS SPECIALIZING IN HOSPITALITY

A. V. Luchnikova

Senior Lecturer,
Perm State National Research University,
Perm, Russia

Abstract. The article examines strict demand to study English as a primary language and other foreign languages as additional languages in higher education institutions in specialties related to tourism. The author considers the issues, explaining the importance of this discipline as a priority in the university program in these specialties. The connection between the dynamic development of the industry and the shortage of personnel, especially with a high level of English, is proved. Recommendations are given on the active study of English by students, which, according to the authors, will contribute a lot to their personal development as specialists in tourism.

Keywords: tourism; foreign guests; specialty Hotel business; students; studying a foreign language; English language; managers in tourism.

Как пишут в СМИ, в области туризма сейчас заняты более 1 млн человек, 60 % из сотрудники без специальных квалификаций (это уборщики, горничные, рабочие, водители, мойщики, официанты и пр.), четверть – сотрудники со средним профессиональным или высшим образованием (менеджеры, гиды, повара), 15 % – руководители, дизайнеры, топ менеджеры, высококвалифицированные специалисты. Данный сегмент состоит из людей с высшим образованием, часто не имеющих прямого отношения к туризму и гостиничному делу. Но время меняет все, и сегодня оказалось так, что, по словам Веры Мальцевой, директора Центра развития навыков профессионального образования Высшей школы экономики, кандидата экономических наук, доцента, директора Центра развития навыков и профессионального образования, Института образования, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия, нужны люди с новыми квалификациями: кто разбирается в привлечении инвестиций, понимает в GR или может создать IT-систему в области туризма. А стороны индустрии уже есть запрос на внедрение в образовательные программы вузов и колледжей до 70 % практики" [1].

Рост спроса на специалистов. По данным «Авито Работы», в сентябре – октябре 2025 года спрос на сотрудников гостиничного бизнеса и туризма вырос почти на 80 % по сравнению с этим же периодом прошлого года. Особенно вырос спрос на аниматоров, турагентов, администраторов, хостес и работников кухни. На сайте Avito.rukommersant.ru. можно прочитать, что «наблюдается устойчивое развитие гостиничного сектора: в отрасль продолжают поступать инвестиции, вводятся новые гостиничные объекты, а вместе с этим растет потребность в персонале, – комментирует Андрей Кучеренков, директор категории «Рабочие и линейные

профессии» Авито Работы. Другие специалисты в сфере туризма сообщают, что «на рынке труда в индустрии гостеприимства наблюдается дефицит квалифицированных кадров. В ответ на этот спрос растут конкуренция за специалистов..., – отмечает Елена Жилко, директор службы по работе с персоналом LOTTE HOTEL MOSCOW.[5]

Какие же факторы влияют на спрос?

- **Развитие внутреннего туризма.** В России в последние годы, в связи с политическими и социальными условиями, стабильно растёт внутренний туризм, появляются новые курорты и маршруты, требующие дополнительные рабочие места.
- **Инвестиции в гостиничный сектор и инфраструктуру.** Динамичное, а, главное, стабильное развитие гостиничного сектора и ввод новых объектов увеличивают потребность в персонале.
- **Государственные программы.** В России действует государственная программа «Развитие туризма», которая направлена на увеличение числа поездок по стране, строительство инфраструктуры и создание новых рабочих мест в туристической сфере.

Востребованные специальности на рынке труда:

- **Тур агенты.** Несмотря на интернет, многие люди по-прежнему хотят общаться с живым человеком и получать сопровождение.
- **Гиды (экскурсоводы, гиды-переводчики).** Требуются специалисты, владеющие иностранными языками для работы с зарубежными туристами или с выезжающими заграницу.
- **Менеджеры по туризму.** Организуют и координируют туристические проекты, работают над созданием новых туров, контролируют качество услуг.
- **Специалисты в гостиничном бизнесе.** Координируют работу с тур агентами, организуют мероприятия, обеспечивают высокий уровень сервиса для гостей, в том числе, и зарубежных.
- **Маркетологи в туризме.** Разрабатывают стратегии продвижения туристических услуг, анализируют потребности клиентов, следят за трендами на рынке.

Каждая из профессий в сфере туризма имеет свои особенности и требования. Рассмотрим описания некоторых видов деятельности ниже, а так же необходимость изучения иностранного языка для этих профессий.

1. Гид переводчик

Гид переводчик сопровождает гостей, прибывших из-за рубежа, на всём протяжении их отдыха. Он организовывает трансфер, встречая туристов в аэропорту или на вокзале, помогает наладить коммуникацию с администраторами отелей, организаторами экскурсионных программ. Наличие такого специалиста в отеле успокаивает гостя, если тот не владеет русским или испытывает волнение пребывания в чужой стране. Они работают с группами и индивидуальными туристами. Часто это единственный сотрудник, с которым общается зарубежный гость, поэтому наличие только одного переводчика в отеле затрудняет работу с иностранными гостями.

Такой специалист должен владеть иностранными языками, знать особенности культурных традиций и менталитет приезжих туристов, а также быть коммуникабельным.

2. Туристический агент

Туристический агент продаёт готовые туры и консультирует клиентов. Он помогает выбрать подходящий маршрут, бронирует билеты и решает организационные вопросы. Работает он как с местными, так и с зарубежными индивидуальными туристами, так и с целыми компаниями.

Такой специалист должен оперативно реагировать на изменения и предлагать оптимальные решения, хорошо разбираться в рынке и знать нюансы внутрироссийских и международных путешествий. Профессия требует высоких коммуникативных навыков и внимательности, так как работать ему придётся с клиентами

разного статуса и уровня. Знания им иностранных языков обеспечит ему высокий уровень понимания своих клиентов, их приоритетов, их религиозных убеждений, их нравственной позиции и понимания законов той страны, куда, собственно, они прибыли на отдых.

3. Гид экскурсовод

Гид экскурсовод – это человек, который работает с туристами на объектах культурного и исторического наследия. Он не только делится знаниями, но и создаёт атмосферу, которая делает экскурсию незабываемой.

Чтобы работать в данной профессии, человеку важно иметь хорошие знания истории, культуры и искусства, способность заинтересовать слушателей. Несомненно, нужны специалисты, владеющие иностранными языками для работы с зарубежными гостями, особенно в местах пребывания большого количества иностранцев, но нельзя полагать, что в небольших культурно-исторических местах специалисты такого уровня не будут востребованы, так как развитие туризма в наше время предполагает знакомство иностранных граждан не только с крупными дестинациями, но и местным колоритом регионов России, туры, которые пользуются довольно высоким спросом, но нуждаются в повышении сервиса, поэтому такие туры имеют высокий потенциал для развития местного туризма в будущем.

4. Менеджер гостиничного дела

Специалист по туризму в гостинице отвечает за организацию и управление процессами, связанными с обслуживанием туристов. Он координирует работу с тур агентами, организует мероприятия и обеспечивает высокий уровень сервиса для гостей. В его задачи входит не только приём гостей в отелях, но и решение любых возникающих вопросов во время их пребывания. И, соответственно, решать проблемы с иностранными клиентами, реагировать на их просьбы и жалобы без делегирования конфликтных рабочих моментов руководству. Здесь и сейчас! – такой девиз должен быть у сотрудников хороших отелей. Знание иностранного языка для данной профессии жизненно необходимо [6].

Что можем сделать и как можем привнести свою лепту в развитие туризма мы, преподаватели иностранных языков? Как помочь нашим студентам реализоваться и стать ценным кадром на данном сегменте рынка труда?

Мы согласны, что все профессии, связанные с туризмом, относятся к типу «человек – человек», – что подразумевает процесс коммуникации между людьми. Считаем, что компетентностный подход является сегодня одним из необходимых условий качественного образования, именно при обучении бакалавров туризма. Применение его в образовательном процессе направлено на подготовку не только высокопрофессионального конкурентоспособного выпускника, но и развитие личности, которая имеет в своей ценностной картине мира необходимый набор этических положений, личность, которая предполагает адекватное поведение в изменяющихся условиях и готова взять на себя ответственность в управлении социально-культурными процессами. И, несомненно, сегодняшние выпускники должны уметь находить рациональное решение в лавине, стоящих перед ними задач. Формирование межкультурной и коммуникативной компетенции эффективнее происходит в процессе обучения иностранному языку. ФГОС ВПО по направлению «Гостиничное дело» предусматривает обучение данной дисциплине [4].

Туризм в России продолжает развиваться, привлекая гостей из разных стран мира. Невероятные природные богатства, фольклор, памятники архитектуры наряду с современными технологиями, живость и гостеприимство россиян создают привлекательную картину для иностранных путешественников. Расширение отрасли туризма и гостеприимства, а также развитие

связей с иностранными партнерами привели к тому, что в современном обществе появилась потребность в специалистах, владеющих иностранными языками. При этом владение иностранным языком должно быть на уровне совершенства. Одним из ведущих языков мирового общения остается английский язык, который используется в самых разных направлениях человеческой деятельности. На английском языке говорят около полутора миллиарда человек по всему миру, 390 миллионов человек используют английский как родной язык, остальной миллиард использует как второй язык. Отсюда вытекает актуальность подготовка специалистов в сфере туризма и гостеприимства, владеющих английским языком на высоком профессиональном уровне [3].

В ПГНИУ на географическом факультете есть несколько специальностей, посвященных туризму. Одна из них Гостиничное дело. На самом деле, количество часов по английскому вполне достаточное. Занятия идут в двух направлениях - общий английский и профессиональный. Конечно, для любого преподавателя любое количество часов будет считаться недостаточным. Но здесь хотя бы имеется блок для изучения профессиональной лексики. Студенты приходят очень мотивированные и желающие изучить язык. Вопрос о необходимости вообще изучать иностранные языки на этом факультете поднимается редко, так как студенты осознают данную необходимость. Не так давно английский язык был одним из вступительных экзаменов для данных специальностей, «Туризм и сервис» и «Гостиничное дело». Мы решили опросить студентов, обучающихся на специальности Гостиничное дело и приготовили для них небольшую анкету.

Анкета для студентов специальности «Гостиничное дело»

1. Личные данные

- Фамилия, имя, отчество.
- Группа/курс.
- Контактный телефон / e-mail.

2. Владение английским языком

- Какой у Вас уровень владения английским языком? (A1, A2, B1, B2, C1, C2).
- Проходили ли Вы специализированные курсы английского для гостиничного бизнеса? (Да/Нет).
- Есть ли у Вас сертификаты, подтверждающие знание английского языка? (Укажите название и уровень).

3. Значимость английского языка в профессии

- Насколько, по Вашему мнению, важно знание английского языка для работы в гостиничном бизнесе? (Оцените по шкале от 1 до 5).
- В каких ситуациях Вам требуется использовать английский язык? (Например: общение с иностранными туристами, бронирование, работа с документацией и т. д.).
- Сталкивались ли Вы с трудностями в работе из-за недостаточного знания английского? (Да/Нет, если да – опишите ситуацию).

4. Образование и практика

- Изучали ли Вы английский язык в рамках учебной программы по специальности в достаточном количестве часов? (Да/Нет).
- Проходили ли Вы практику в гостиницах или туристических компаниях, где требовалось знание английского? (Да/Нет).

5. Перспективы и пожелания

- Как Вы считаете, какие навыки английского языка наиболее важны для вашей будущей карьеры? (Например: разговорная речь, профессиональная лексика, письменный перевод и т. д.).
- Хотели бы Вы пройти дополнительные курсы или тренинги по английскому языку для гостиничного дела? (Да/Нет).

6. Дополнительные комментарии

Есть ли у Вас предложения по улучшению преподавания английского языка для студентов вашей специальности?

В результате, мы получили следующую информацию. Из **24** человек:

1. 13 имеют уровень А2, остальные претендуют на А1;
2. специализированные курсы английского для гостиничного бизнеса не проходил никто;
3. сертификаты, подтверждающие знание английского языка, отсутствуют;
4. знание английского языка для работы в гостиничном бизнесе – 5 баллов все;
5. Ситуации для использования английского описаны разные – от встречи иностранных гостей до экскурсий по краю;
6. Трудности – быстрое использование клише в работе. Недостаточный лексический запас по профессиональному английскому. Разговор на уровне бытового языка;
7. Количество языка вполне достаточное, но если будет больше, то приветствуется. Желательно изучение еще одного другого иностранного языка, особенно китайского или корейского;
8. Практика была в отелях. Недостаточный уровень языковой практики чувствуется;
9. Самые важные навыки – беглая разговорная речь в поле специальности, разговоры по телефону, деловое письмо;
10. Если будут факультативы точечно для этой специальности, будут посещать.
11. Предложения – работа с иностранными гостями на практике, работа в отелях в высокие сезоны за рубежом, приглашение иностранных гостей на занятия.

Результаты анкеты в целом подтвердили нашу мысль о необходимости изучения хотя бы одного, желательно английского языка и второго как дополнительного, желательно, одного языка азиатского направления.

Так как основные проблемы при изучении, в данном случае, английского языка, исходят из отсутствия живой разговорной практики, то мы рекомендуем использовать преподавателям в процессе обучения формы **активной** работы, моделирующей профессиональную деятельность:

А) ролевые игры, тренирующие прямое общение специалиста в области туризма и гостеприимства с клиентами;

Б) практические занятия в форме экскурсий, которые будут вестись на английском языке;

В) мозговой штурм по профессиональным проблемам; дебаты по ключевым вопросам;

Г) возможно, организация круглых столов со студентами других учебных заведений, обучающихся по аналогичной специальности, общение должно проходить на английском языке;

Д) приглашать в рамках сотрудничества носителей английского языка на занятия со студентами;

Е) организовывать речевую практику студентов таким образом, чтобы была возможность говорить с иностранцами.

Так же не стоит забывать о личностно-ориентированном подходе, применение которого в профессиональной подготовке бакалавров туризма заключается в использовании определённых заданий, в ориентировании студентов на самостоятельную работу (разработка новых туристических маршрутов, подготовка презентационных материалов), в предоставлении выбора форм работы (групповая или индивидуальная), в стимулировании активности каждого студента с учетом его индивидуальных особенностей (например, самостоятельный выбор организации для прохождения профессиональной практики). Это касается не только иностранного языка. Отдельное внимание следует уделить выявлению и развитию уникальных личностных качеств, необходимых в профессиональной деятельности: коммуникабельность, четкое произношение, толерантность, умение контролировать свои эмоции, ответственность и т.д. Профессиональная деятельность менеджера туризма

подразумевает общение с клиентами, партнерами, а навыки коммуникации, хорошая дикция, терпимость к национальным и классовым различиям способствуют быстрому установлению контакта, как на родном, так и на иностранном языке [4].

Полагаем, что преподаватели, работающие на данной специальности, при разработке УМК по своим дисциплинам должны работать в команде, чтобы информация перекликалась, чтобы студенты были системно вовлечены в свою профессиональную деятельность по всем предметам. Например, долгие годы доминирующей методикой обучения иностранным языкам было обучение четырем аспектам языка: фонетике, лексике, фразеологии, грамматике. То есть, английский язык изучался ради изучения, так сказать. Поэтому рассматриваемая методика давала коммуникативный "сбой", в условиях реального общения с носителями языка.

В 90-х годах XX века осознание того, что язык – это не только система разноуровневых единиц, но и история, культура, традиции, народа, привело к формированию новой научной дисциплины – лингвокультурологии, возникшей на стыке лингвистики, страноведения и культурологии. По нашему мнению, использование именно элементов лингвокультурологии является эффективным средством для формирования способности студентов специальностей, связанных с туризмом, к межкультурному общению.

Таким образом, для работника туристской сферы важен высокий уровень коммуникативной культуры и социокультурной компетенции [2].

Несмотря на санкции, количество людей, желающих посетить другие страны, а также, наоборот, желающих приехать в Россию, растет. Обе ветви туристической индустрии, внешний и внутренний туризм, не идут на спад, как это может показаться, но стабильно растут. Принимая во внимание информацию, изложенную выше по дефициту кадров в данной индустрии, необходимо уделить пристальное внимание формированию будущих кадров из студентов университета. Овладение ими английским и другими языками, как дополнительными, является приоритетной задачей преподавателя иностранного языка в вузе.

Библиографический список

1. Задера С., Игнатова О. «Индустрии туризма нужно до двух миллионов новых работников» // Российская газета : федеральный выпуск. – 2025. – № 62 (9601). – 21 марта. – URL: https://rg.ru/2025/03/20/priglasiat-gostej.html (дата обращения: 16.04.2026).
2. Козырева Н. Е. Межкультурная коммуникация в содержании туристского образования : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.08. – URL: https://www.dissercat.com/content/mezhkulturnaya-kommunikatsiya-v-soderzhanii-turistskogo-obrazovaniya (дата обращения: 16.04.2026).
3. Мандрикина Т. П. Особенности преподавания английского языка студентам среднего профессионального образования по специальности «Туризм и гостеприимство» // Завуч. инфо. – URL: https://zavuch.su/content/uploads/20251013/1760354187_2c3068d7b0442a98c43b08a52f3a4af4.pdf (дата обращения: 17.04.2026).
4. Сивухин А. А. Роль иностранного языка в профессиональной подготовке бакалавров по направлению «Туризм»: теоретические подходы // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – С. 212. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-inostrannogo-yazyka-v-professionalnoy-podgotovke-bakalavrov-po-napravleniyu-turizm-teoreticheskie-podhody/viewer (дата обращения: 16.04.2026).
5. Спрос на сотрудников гостиничного бизнеса и туризма вырос на 79 % // Коммерсантъ. Карьера. – 2025. – 5 декабря. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8252238 (дата обращения: 16.04.2026).
6. На кого учиться в сфере туризма в колледже // Синергия. – URL: https://synergy.ru/about/education_articles/kolledzh/na_kogo_uchitsya_v_sfere_turizma_v_kolledzhe (дата обращения: 17.04.2026).

© Лучникова А. В., 2026

УДК 7.06

КИТАЙСКИЕ ПЕДАГОГИ О МУЗЫКАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ

EDN XVKSKN

Лю Сюэ

Аспирант-соискатель,
e-mail: 1009562667@qq.com,
Санкт-Петербургский государственный университета им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия

CHINESE EDUCATORS ON THE MUSICAL COMPONENT OF CHOREOGRAPHIC TRAINING

Liu Xue

Postgraduate applicant,
Herzen State Pedagogical University of St. Petersburg,
St. Petersburg, Russia

Abstract. The article problematizes the musical component in the practice of choreographic education in universities in China and Russia. It highlights the lack of musical subjects and the number of hours allocated to them in the curricula of leading Chinese institutions providing choreographic training. Recommendations from practicing Chinese choreographic teachers on the effective development of students' sense of music and musical culture are presented, along with suggestions from concertmasters on optimizing the selection of musical material and adapting piano accompaniment to the features of Chinese musical culture.

Keywords: choreographic education; musical disciplines; Chinese classical dance; sense of music; piano accompaniment.

Музыкальная составляющая хореографического образования в Китае рассматривается на сегодняшний день как педагогическая проблема. В России она также существует: судить об этом позволяет определение хореографического образования экспертами в этой области А. Л. Марченковым и А. И. Марченковой: это «приобщение специалиста к… исполнительской культуре, сценической эстетике через изучение пластического языка различных видов, жанров и форм танца, познание педагогических технологий, принципов, приемов и методов обучения, применяемых в хореографическом образовании и основанных на анатомо-профессиональных особенностях опорно-двигательного аппарата человека, занимающегося балетом» [4, с. 3]. О музыкальной составляющей здесь даже не упомянуто, в то время как в общем содержании цитируемого учебного пособия «История хореографического искусства и образования. От истоков до конца XVIII века» (2023) красной нитью проходит акцент на взаимосвязи музыки и хореографии, так что в восприятии целевого читателя, студента хореографического учебного заведения, возможен когнитивный диссонанс.

Осознавая проблему интеграции хореографической и музыкальной практик, исследователь, педагог-хореограф Л. А. Касиманова (СПбГУ им. А. И. Герцена) обобщает профессиональные ниши, в которых возможно нивелирование этой проблемы: «изучение основ музыкально-хореографической драматургии, композиции танца, взаимосвязь музыки, сюжета литературного произведения, сценографии и оформления танца»; «навыки грамотного балетмейстерского анализа хореографического и музыкального материала»; «анализ связи музыкально-хореографических форм с литературой, музыкой, изобразительным искусством» [1, с. 24]. Впрочем, отмечает исследова-

тель, налицо «противоречия между современными запросами к содержанию профессиональной подготовки будущих педагогов-хореографов и недостаточной разработанностью этих вопросов в теории и практике высшего профессионального образования» [2, с. 198].

Равным образом в КНР не существует научно обоснованного единого стандарта, который регламентировал бы содержание музыкального обучения в хореографии, измерял бы его степень и эффективность. На данный момент основные музыкальные дисциплины, открываемые для хореографических специальностей, следующие: «Теория музыки и сольфеджио», «Музыкальное восприятие», «Фортепиано», «Вокал». Однако педагоги-хореографы указывают, что «форма итоговой аттестации по этим курсам и конечные учебные цели не имеют научно обоснованных эталонов, ориентированных на хореографическую специальность, что ведет к отсутствию четкой постановки целей обучения, соответствующих акцентов в преподавании и, соответственно, низкой эффективности учебного процесса» (Хуан Ди, Фуцзяньский педагогический университет [9, с. 110]).

Кроме того, не существует адаптированных к хореографии музыкальных пособий: педагоги-хореографы вынуждены опираться на неадаптированные, что не способствует эффективному обучению. «В процессе музыкального обучения на хореографических специальностях используются предназначенные для музыкальных специальностей учебные пособия, которые “берутся как есть” или “используются выборочно”». Неадаптированное к хореографии преподавание музыкальной теории «представляется трудным, скучным и лишенным практической ценности, что совершенно не отвечает исходной цели введения музыкальных дисциплин – повышению музыкальной культуры» (Сунь Вэй, Пекинский педагогический университет [5]). Она же указывает, что, поскольку раздел «Ритм» наиболее тесно связан с танцем, его следовало бы излагать более подробно и в связи с содержанием хореографических дисциплин, так же как «Теорию музыки и сольфеджио», «Фортепиано», «Вокал». В заключение Сунь Вэй отмечает отсутствие у студентов-хореографов понимания важности изучения музыки, что закономерно следует из обозначенных выше проблем.

Мы проанализировали учебные планы четырех наиболее авторитетных и репрезентативных в Китае высших учебных заведений, осуществляющих хореографическую подготовку, на предмет включенности музыкальных и музыковедческих дисциплин.

1) Пекинская академия танца – главное высшее хореографическое учреждение в стране. Именно там зародился китайский классический танец (школа Шэнь Юнь)[1]. Главная цель Академии – подготовка хореографов-исполнителей.

2) Пекинский педагогический университет – главный педагогический вуз Китая. Здесь готовят педагогов-хореографов.

3) Нанкинский художественный институт (провинция Цзянсу) – лучший из шести художественных институтов Китая. Здесь готовят специалистов в разных областях искусства, в том числе в хореографии – как педагогов, так и исполнителей. Автор статьи закончил бакалавриат именно здесь.

4) Юньнаньский художественный ин-

[1] В концепции Шэнь Юнь 身韵 первый иероглиф 身 означает «тело», второй иероглиф 韵 «рифма» предполагает заданную дыханием органику ритма движений тела. Идеал танца Шэнь Юнь – гармония внешнего выражения (поз и движений) и внутреннего содержания танца (гармония «духа и плоти»). Создатели танца Шэнь Юнь – профессора Пекинской академии танца, коллеги и единомышленники Ли Чжэньи и Тан Маньчэн – на протяжении 1980–1990-х гг. последовательно разработали концепцию и программу обучения на основании многолетних предварительных исследований по истории китайского танца.

ститут (провинция Юньнань) на юге страны, где живёт большое число представителей национальных меньшинств, поэтому равное внимание уделяется классическому и народному танцу.

На первом курсе в первом семестре изучается «Теория музыки». Семестр длится 16 недель, одно или два (реже) занятия в неделю по 90 минут. Это единственный обязательный предмет, связанный с музыкой. Другие музыкальные предметы – по выбору (факультативно). Как можно судить из Таблицы 1, их мало.

Таблица 1

Содержание музыкального образования в наиболее авторитетных и репрезентативных китайских университетах

Высшее учебное заведение	**Музыкальные дисциплины**	**Курс**	**Семестр**	**Часы**
Пекинская академия танца	Основы музыкальной теории Анализ и восприятие китайской и зарубежной музыки (факультатив) Введение в фортепиано (факультатив)	1 3 3	2 1 2	20 20 18
Пекинский педагогический университет, факультет хореографии	Базовые ритмы ханьцев, тибетцев, монголов, уйгуров, корейцев Теория музыки + сольфеджио (ритм, интонация, адаптация к танцевальным акцентам)	1 1	1 1	18 18
Нанкинский художественный институт, факультет хореографии	Теория музыки	1	Не указ.	Не указ.
Юньнаньский художественный институт, факультет хореографии	Теория музыки	1	Не указ.	Не указ.

В очерченной ситуации размышления специалистов касаются, в основном, развития чувства музыки и музыкальной культуры обучающихся, а также усиления позиций педагогов-концертмейстеров.

Педагог-хореограф Северо-Западного педагогического университета Чжан Юйдань акцентирует взаимосвязь чувства музыки (абстрактное начало, «дух») и чувства ритма (начало материальное, осязаемое). Второе ощутимо непосредственно и как будто позволяет сразу же разучивать танец, однако только лишь разложение движений согласно ритму позволяет овладеть формой танца, но не постичь его истинное содержание. Предлагается многократно слушать музыку к танцу, чтобы постичь его в целом. «Только тогда он будет эмоциональным, а не просто формой»; «форма, безусловно, важна, но еще важ-

нее дух» [10, с. 91]. Сопутствующий многократному прослушиванию анализ музыкальных произведений позволяет повысить интерес, а значит и мотивацию будущих педагогов-хореографов.

Чувство музыки танцора, подчеркивает Чжан Юйдань, играет огромную роль в развитии самого танцевального искусства. «Возникновение нового танцевального жанра может начинаться с того, что танцор, находясь под влиянием и воздействием музыки определенного типа, ощутив сложные эмоции и тонкие чувства, заложенные в ней, создает танец, отличающийся от прежних форм, который в итоге и становится новым жанром» [10, с. 94].

Педагог-хореограф Хуан Ди [9] называет основные пути развития чувства музыки в процессе преподавания хореографии.

А) Акцент на ритме, понимаемом как ритм внешний и внутренний. Первый относится к сфере слуха и зрения: в танце это сила, темп, амплитуда движений. Внутренний ритм подразумевает ряд физиологических изменений, вызванных эмоциями и психологическим настроем человека. Согласно мнению специалиста, необходимо не только тренировать внешний ритм, но также учить осознавать и контролировать ритм внутренний. Предлагается постепенный переход от простых ритмических рисунков к сложным. Также «можно предложить студентам просчитать вслух такты музыкального сопровождения к танцу, а затем, основываясь на своем понимании, соотнести их с танцевальными движениями. Именно здесь закладывается основа сплетения музыки и танца… когда танец рождается из музыки» [9, с. 111].

Б) Акцент на постижении музыкальной интонации (эмоционального настроя) музыкального произведения, создаваемого ладом и ритмом. Характер, темп, амплитуда танцевальных движений сообразуется с изменением эмоционального настроя музыкального произведения.

В) Акцент на создании музыкального образа в танце – ключевой музыкальной эмоции. С целью развития этого навыка можно проигрывать особенно богатые эмоциями и настроением произведения, предлагая студентам мысленно погружаться в их атмосферу, а затем просить рассказать, что именно они почувствовали в музыке, какой образ увидели. Далее – более сложное задание: восприняв музыкальный образ, синтезировать его с собственным видением и воплотить в пластическом этюде.

Педагог-концертмейстер Сюй Нюо (Центральный университет национальностей) обосновывает целесообразность применения западного музыкального инструмента фортепиано для аккомпанемента китайскому классическому танцу.

Во-первых, фортепианный аккомпанемент позволяет сохранять пентатонность[1] музыкального звукоряда.

Во-вторых, фортепиано способно передавать так называемый интонируемый тон (дайцян син) – звук, несущий в себе постепенное изменение высоты: не прямолинейное, но извилистое звучание («головка тона, тело тона, хвост тона»). Оно тонко коррелирует с ключевой ритмикой китайского классического танца: чередование наклонов, изгибов, скручиваний и округлений с талией в качестве ведущей оси.

В-третьих, речь идет о возможности фортепиано воспроизводить абстрактные «сосредоточенные» звуки в тембре, соответствующем понятиям «дух» (шэнь), «изящество» (юнь), «смысл» (и) – харак-

[1] Пентатоника – звукоряд, состоящий из пяти ступеней: 宫 (гун), 商 (шан), 角 (цзюэ), 徵 (чжи), 羽 (юй). Эти пять наименований обозначают фиксированные высотные соотношения. Если принять до (do) за соответствие основному тону гун (宫), то, последовательно повышая на чистую квинту, получаем звуки: соль (sol) – чжи (徵), ре (re) – шан (商), ля (la) – юй (羽), ми (mi) – цзюэ (角).

терные звуки китайской классической музыки. Равным образом движения китайского классического танца являются внутренне направленными, сосредоточенными.

Г-жа Сюй Нюо отмечает, что в аккомпанементе пианист должен, насколько возможно, использовать такие исполнительские приемы, как форшлаги, трели, скольжение по клавишам, имитируя характерные для игры на цине[1] приемы нажатия струны и создавая тем самым «китайский фортепианный контекст», отличный от западной фортепианной музыки [7, с. 67].

В качестве основной философской идеи, которую может выразить фортепианная музыка и которую выражает китайский классический танец, Сюй Нюо называет диалектику «пустоты и наполненности» (сюй-ши сяншэн). В «Дао дэ цзине» об этом говорится следующим образом: «Когда формуют глину, изготавливая из неё сосуд, то делают так, чтобы в середине было пусто, благодаря этому и можно пользоваться сосудом. Когда строят жильё, проделывают окна и двери, оставляя середину пустой, благодаря этому и можно пользоваться жилищем» (раздел 11 [3]). Иначе говоря, пустота впускает, оставляя пространство мысли и смыслу. В китайской классической музыке стремление к такой пустоте реализуется через линейно развивающуюся фактуру; в музыке фортепиано это паузы, кратковременное прекращение звучания – не остановки в буквальном смысле, но часть композиции, согласно принципу: «там, где нет звука, он слышен звонче». В танце (не только в китайском) также существует этот прием: в момент, когда движение танцора внезапно прекращается, его поза передает его эмоции [7, с. 68].

Помимо того, что перечисленные важнейшие свойства схождения специфики китайского классического танца и фортепианного аккомпанемента к нему безусловно должны осознаваться педагогами-концертмейстерами, существует еще ряд условий для их полноценной работы. Исходя из своего богатого опыта концертмейстера, Цинь Чао[2] из Пекинской академии танца называет следующие: «знание и изучение, накопление и резерв, восприятие и осмысление, выбор и создание <музыкального> материала, техника исполнения» [8, с. 124]. Эффективно реализуя эти направления, педагог-концертмейстер будет обладать достаточным правом голоса, играя направляющую роль наравне с педагогом-специалистом.

«Знание и изучение» предполагает подготовку вместе с педагогом-хореографом содержания урока, знание применяемых методик.

«Накопление и резерв» ориентирует педагога-концертмейстера на необходимость постоянно накапливать музыкальный материал: просматривая концерты, балет, слушая оперы и песни, смотря телевизор, кинофильмы – обращать внимание на качественную музыку, подходящую для танцевального аккомпанемента. Имея достаточный запас музыкального материала и способность исполнять его без нот, концертмейстер может смело отказываться от «заезженных» произведений, которые исполнялись много лет. Кроме того, достигнутая раскованность дает возможность на уроке полностью сосредоточить внимание на обучающихся, их эмоциях и выразительности, атмосфере в классе.

«Восприятие и осмысление» означает: наравне со студентами внимательно слу-

[1] Цинь (琴) – общее название ряда струнных, распространённых в Китае; наиболее известен семиструнный цинь – гуцинь (古琴)

[2] Заведующий кафедрой музыкальной теории факультета классического китайского танца, стаж работы в учреждении – 26 лет.

шать объяснения педагогом-специалистом танцевальных позиций и движений, стремясь понять их специфику и взаимосвязь. Более того, Цинь Чао предлагает педагогам-концертмейстерам участвовать в танцевальном тренаже для усиления своих компетентностных позиций. В этой же связи напоминается о необходимости вне урока уделять внимания изучению ушу, театра (оперы), классической литературы, истории, китайских религиозных культур – все это вплетено в структуру и специфику китайского классического танца.

«Выбор и создание материала»: использование напрямую китайских классических музыкальных произведений, их адаптация и аранжировка, самостоятельное создание (сочинение).

«Техника исполнения» предполагает способность использовать различные приемы исполнения сообразно хореографическому материалу китайского классического танца: «тишина и чистота», подразумевающие исполнение в духе плавности «линии» для лирических эпизодов; «легкость и игривость» – исполнение со вниманием к «точке», когда необходимо акцентировать особенности характера персонажа; «сила и атмосфера» – мажорный аккомпанемент таким комбинациям, как вращения, фуэте, техника «ветра и огненных колес» (фэн холунь)[1], горизонтальные скручивания и т.д.

Методика Цинь Чао равно ориентирована на базовый тренинг и исполнительские композиции – оба раздела, из которых состоит содержание обучения китайскому классическому танцу. Далее приведем рекомендации, касающиеся закономерностей выбора музыки для тренировки базовой техники (упражнения у станка, на середине зала, овладение прыжками).

Приоритет уже цитировавшейся Сюй Нюо в выборе аккомпанемента китайскому классическому танцу (его исполнительскому разделу, следующему за базовым), – элементы китайской классической оперной[2] музыки, интегрируемые в фортепианный аккомпанемент: использование соответствующих мелодии, ритма, тембра, гармонии [6].

Оперные мелодии иногда могут цитироваться напрямую. Например, для выражения элегантных, сдержанных эмоций – мелодии из оперы «Пьяная наложница»; зритель-слушатель ощутит, таким образом, изысканную атмосферу древнего императорского двора. Напрямую может цитироваться и классическая мелодия «Песнь о грушевом цветке» – элегантная, благородная, величественная. Часто, однако, оперная мелодия упрощается или аранжируется для оптимального соответствия ритму и ритмике танца. Возможна интеграция в оперную мелодию элементов современной музыки: музыка сохраняет оперные особенности, но приобретает звучание, более внятное молодым поколениям, тем самым привлекая внимание к традиционному национальному искусству [6, с. 63].

Ритмические формулы китайской оперы заимствуются для усиления ритмической фактуры: ритм обогащается, становится многослойным. Фортепианный аккомпанемент варьирует и модернизирует оперные ритмические формулы «бань янь» (акцентированные и неакцентиро-
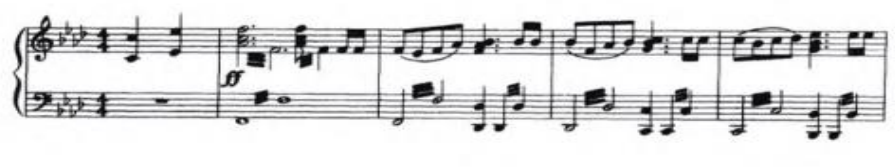
---

[1] Комбинация процессов скручивания, раскрытия и наклона талии, образующих согласованное движение; при этом руки «рисуют» вертикальные круги впереди и позади туловища.

[2] Имеется в виду, в первую очередь, пекинская опера цзинцзюй (京剧, jīngjù) – комплексный вид сценического искусства, сочетающий так называемые «четыре навыка» и «пять приемов». «Четыре навыка» – песня, речь, танец и боевое искусство (включая акробатику). «Пять приемов» – игра руками, игра глазами, «игра» туловищем (создатели не употребляли термины, подобные современным), подражание и особый мелкий, дробный шаг. Актер пекинской оперы должен владеть всеми этими навыками в совершенстве.

ванные доли такта), «луо гу цзин» (партитуры для оперных ударных). Для выражения интенсивных эмоций рекомендуется применение ритмической формулы «куайбань»: быстрое касание клавиш, отсутствие использования педали и акценты на сильные доли создают волнующе-страстную атмосферу, а танцевальным движениям придают раскованную легкость [6, с. 65].

Фортепиано позволяет имитировать тембр некоторых оперных инструментов: например, использование высокого регистра фортепиано, его яркого тембра имитирует пронзительный тембр скрипки цзинху; использование низкого регистра фортепиано и его глубокого тембра имитирует глубокий тембр скрипки эрху. Равным образом возможна имитация звонкости пипы, пронзительности соны (китайский шалмей). Помимо имитации тембров оперных инструментов, фортепианный аккомпанемент может создавать уникальные тембровые эффекты с помощью специальных исполнительских приемов и звуковых обработок. Например, с использованием на фортепиано таких приемов, как глиссандо, трель, с помощью тремоло (см. нотный пример 1) возможно создание звуковых эффектов, подобных оперным. При регулировании педали и силы звука создаются различные уникальные тембровые эффекты, добавляющие танцевальному выступлению красок и атмосферы [6, с. 67].

Нотный пример 1: Комбинация «Шэнь дуань» (Телосложение и движения)

Несмотря на присутствие проблемы разъединения музыкальной и пластической составляющих в системе высшего хореографического образования Китая, ряд педагогов соответствующих департаментов различных высших учебных заведений стремятся предоставить студентам нужный музыкально-хореографический баланс. Этот стремление прослеживается на ряде уровней: от актуализации древней эстетической и музыкально-педагогической мысли Китая до конкретных рекомендаций по развитию у обучающихся музыкальной восприимчивости («чувства музыки»), музыкальной культуры, для концертмейстеров – разработки регламента «соучастия» в процессе обучения хореографическим практикам, наиболее оптимальных принципов отбора музыкального материала, адаптации западным фортепиано китайских национальных мелодий и звучания китайских традиционных музыкальных инструментов.

Библиографический список

1. Касиманова Л. А. Реализация технологии творческой мастерской в профессиональной подготовке педагогов-хореографов // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5. С. 23–25.
2. Касиманова Л. А., Сюн Ди, Ян Кэси. Профессиональная подготовка будущих педагогов-хореографов в контексте современных концепций развития культуры // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 5. С. 197–199.
3. Лао-цзы. Дао дэ цзин / Пер. с древнекитайского А. Кувшинова. М.: Сергиев Посад, 1994. Перевод выполнен по изданию: Чжуцзы цзичэн (Антология китайской мудрости). Шанхай, 1954.
4. Марченков А. Л., Марченкова А. И. История хореографического искусства и образования. От истоков до конца XVIII века: учеб. пособие. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2023. 164 с.

5. Сунь Вэй. Изложение путей формирования музыкальной культуры у студентов специальности «Хореография» в вузах // Академические идеи. 2019. № 6. С. 87. 巍. 阐述高校舞蹈专业中音乐素质的培养路径[J]. 艺术家,2019,(06):87.
6. Сюй Нюо. Практика применения и анализ элементов оперной музыки в аккомпанементе танца (на примере фортепианного аккомпанемента на уроках «Шэнь юнь» классического китайского танца) // Художественный критик. 2024. № 18. С. 62–67. 许诺. 戏曲音乐元素在舞蹈伴奏中的应用实践与分析——**以中国古典舞身韵**课钢琴伴奏音乐为例[J]. 艺术评鉴, 2024,(18):62-67.
7. Сюй Нюо. Эстетический анализ фортепианного аккомпанемента на уроках базового тренинга по китайскому классическому танцу // Танец. 2017. № 9. С. 67–68. 许诺. **中国古典舞基本功**训练课钢琴伴奏音乐的美学探析[J]. **舞蹈**, 2017,(09):67-68.
8. Цинь Чао. Исследование музыки для танца и применение техники аккомпанемента для китайского классического танца // Художественное образование. 2022. № 9. С. 124–127. **覃超**. **舞蹈音**乐研究暨中国古典舞伴奏技术应用[J]. 艺术教育, 2022, (09):124-127.
9. Хуан Ди. Анализ развития чувства танца и чувства музыки у студентов в процессе преподавания хореографии в высших учебных заведениях // Академические идеи. 2023. № 6. С. 110–112. **黄迪**. **浅析高校舞蹈教学中**对学生舞感与乐感的培养[J]. 艺术家, 2023, (06):110-112.
10. Чжан Юйдань. Исследование развития чувства музыки в процессе преподавания хореографии // Художественное образование. 2020. № 8. С. 91–94. 张玉丹. 舞蹈教学中的乐感培养研究[J]. 艺术教育, 2020, (08):91-94.

© Лю Сюэ, 2026

УДК 504.03

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ЕСТЕСТВЕННО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА

EDN YCABTA

Л. М. Лысенко *Кандидат сельскохозяйственных наук, заведующий кафедрой, e-mail: lysenko@alt.ranepa.ru,*

Н. А. Абакумова *кандидат социологических наук, доцент, ORCID 0000-0001-5800-511X, e-mail: aba78@mail.ru,*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал, г. Барнаул, Алтайский край, Россия

UNIVERSITY STUDENTS' ECOLOGICAL KNOWLEDGE AS A PREREQUISITE FOR DEVELOPING A MODERN SCIENTIFIC NATURAL-ECOLOGICAL WORLDVIEW IN FUTURE SPECIALISTS

L. M. Lysenko *Candidate of Agricultural Sciences, Head of the Department,*

N. A. Abakumova *Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration, Altai branch, Barnaul, Altai region, Russia*

Abstract. The study examines the content of environmental education as one of the leading tools for addressing global challenges associated with the degradation of the natural environment. The author refines the interpretation of the concept of "ecological worldview" and substantiates the necessity of its formation through the integration of disparate ecological knowledge into a coherent system. The key role of higher education in this process is demonstrated.

Keywords: ecological knowledge; scientific worldview; ecological worldview; ecological education; noospheric civilization; ecological regularities.

На рубеже XX–XXI веков человеческое сообщество всё отчётливее сталкивается с признаками надвигающегося системного кризиса, важнейшей гранью которого выступает экологическая деградация. Под ней следует понимать такое состояние взаимодействия социума и биосферы, при котором антропогенные изменения окружающей среды достигают параметров, угрожающих здоровью людей и устойчивости природных систем. Начальный этап этого процесса – так называемая экологическая ситуация – остался в прошлом; сегодня правомерно говорить о сформировавшейся экологической проблеме, приобретающей характер безусловного императива эпохи. Промедление с осмыслением и принятием действенных мер способно привести к необратимым последствиям.

Осознание неизбежности экологического кризиса должно стать отправной точкой для выработки качественно новых отношений с природой. Переход от кри-

зисного состояния к экологическому равновесию предполагает формирование иного миропонимания, базирующегося на интегративном, обобщённом знании. Одной из форм такого знания выступает научная картина мира, включающая в себя экологический компонент. Как справедливо отмечают некоторые авторы, научная картина мира представляет собой исторически обусловленную теоретическую модель фрагмента реальности либо универсума в целом, создаваемую отдельной дисциплиной или комплексом наук. Именно такая модель направляет исследовательский поиск, формирует представления о предметной области и во многом задаёт мировоззренческие установки целых исторических периодов [2, с. 18].

В свою очередь, экологическая картина мира (далее – ЭКМ) является не чем иным, как способом интеграции экологического знания. Её допустимо определить как целостный образ действительности, взятый в экологическом ракурсе, отражающий универсальные закономерности системно-структурного взаимодействия объектов с окружающей их средой. В структуре ЭКМ традиционно выделяют естественно-экологическую и гуманитарно-экологическую составляющие, а также рациональный и внерациональный уровни отражения. Экологическое знание при этом трактуется как владение сведениями об экологических аспектах окружающего мира на обоих указанных уровнях.

Анализ специальной литературы позволяет выделить несколько структурных уровней ЭКМ в зависимости от степени обобщения: суперфундаментальный, фундаментальный (включающий блоки социальной экологии, биотической экологии и космической (физико-химической) экологии), частнонаучный, а также уровень экологических картин конкретных предметных областей. Подобная многоуровневая и сложная организация ЭКМ нуждается в дальнейшем осмыслении и признании её синтетическим, интегративным по своей природе образованием.

Переходя к проблемам формирования экологического знания в системе высшего образования, следует констатировать, что экология до сих пор нередко воспринимается как преимущественно биоцентрическая дисциплина, хотя её глобальный статус уже осознаётся научным сообществом. Экологические взаимосвязи пронизывают все уровни бытия – от микросистем до планетарного целого. Однако на практике в преподавании преобладает отраслевой принцип: знания дробятся по сферам природопользования, что противоречит системной природе самой экологической науки. В итоге в мировоззрении современного человека присутствуют отдельные экологические сведения, но они не складываются в единую непротиворечивую картину, достаточную для преодоления кризисных явлений.

Проведённый анализ показывает, что сегодня преждевременно говорить о существовании единой системы экологического знания, особенно на суперфундаментальном и общенаучном уровнях. Следовательно, ЭКМ как целостное образование окончательно не сформирована. Имеющийся массив экологических сведений отличается фрагментарностью, «лоскутностью», разнородностью теоретических, эмпирических и прикладных данных. Подобная ситуация не способствует рациональному освоению знаний, хотя на конкретно-научном и прикладном уровнях определённые успехи достигнуты. В итоге затруднено научно обоснованное экологическое прогнозирование и поиск путей оздоровления социоприродной среды. Между тем именно интегративное экологическое знание в форме ЭКМ приобретает в современных условиях решающее значение.

Отмеченные проблемы непосредственно сказываются на реализации экологического образования. Анализ определений данного термина показывает, что многие из них страдают либо излишней узостью, либо формальным характером. На практике это приводит к несопостави-

мости учебных программ, взаимному непониманию между экологами-теоретиками, педагогами и практиками. Таким образом, проблема целостного экологического образования лишь поставлена на повестку дня, но далека от окончательного решения и требует серьёзной синтетической проработки.

Наиболее удачным, с нашей точки зрения, представляется определение, предложенное Т. В. Наймушиной, которая трактует экологическое образование как всеобщий, комплексный, непрерывный процесс обучения, воспитания и просвещения личности, направленный на создание интегрированной системы экологических знаний и умений, экологических ценностных установок, экологоориентированного поведения и деятельности. Это обеспечивает глубинное осмысление экологических отношений в системе «человек – общество – природа» и оптимальное участие в них [1, с. 20].

Исходя из изложенного, стратегический вектор развития экологического образования лежит в плоскости интеграции естественнонаучного, социального, технологического и гуманитарного знания. Фундаментом современного экологического обучения и воспитания должна стать концепция ноосферного образования, базирующаяся на представлениях о грядущей духовно-экологической (ноосферной) цивилизации. При этом экологическое образование обязано быть непрерывным, охватывать все возрастные группы – от дошкольников до взрослых, занятых в практической деятельности. Особое значение оно приобретает при подготовке специалистов любых направлений – как естественнонаучных, так и технических, и гуманитарных.

Именно вузовский этап играет ключевую роль в формировании экологических знаний и обеих составляющих ЭКМ – естественно-экологической и гуманитарно-экологической. Не случайно в учебные планы многих направлений подготовки (в том числе гуманитарных профилей) включены такие дисциплины, как «Экология», «Управление природопользованием и охраной окружающей среды», «Экологические основы природопользования». Это позволяет, с учётом обозначенных выше проблем, излагать учебный материал, опираясь на новейшие достижения науки и практики. Так, само понятие экологии раскрывается не только через взаимоотношения организмов со средой, но и как наука о закономерностях функционирования экосистем, о взаимодействии любых систем с их окружением. Природная среда предстаёт не как некий изначально идеальный объект, а как изменённая человеком эколого-экономическая реальность, в которой переплетены экологические, экономические и социальные компоненты.

Центральное место в таком курсе должны занимать закономерности функционирования экосистем. Знание этих закономерностей позволяет установить пределы допустимого антропогенного давления. К числу таких закономерностей относятся: 1) экологическое самоуничтожение среды и системы в относительно изолированном природном комплексе; 2) эколого-эволюционная смена относительно изолированных природных комплексов; 3) экологические цепи природных комплексов; 4) экологические круговороты природных комплексов и самовосстановление систем и среды.

Особого внимания заслуживает четвёртая закономерность. Её детальное изучение приводит к выводу: будущее человечества возможно лишь при условии системной разработки и практической реализации социально-природных круговоротов вещества и энергии на планетарном уровне. Именно с этих позиций в дальнейшем следует рассматривать вопросы «зелёной экономики», экономики природопользования, охраны природы и рационального природопользования. Тем самым экологическое образование в вузе приобретает не только мировоззренческое, но и

непосредственно практическое, прогностическое значение.

Библиографический список

1. Наймушина Т. В. Экологическая картина мира как форма интеграции экологического знания: автореф. дис. … канд. филос. наук. – Барнаул, 2006. – 23 с.
2. Ушакова Е. В. Общая теория материи (основы построения). Ч. 1. – Барнаул: Алтайское отделение Философского общества АН СССР, Алтайский аграрный университет, 1992. – 125 с.

© Лысенко Л. М., Абакумова Н. А., 2026

УДК 376.37

ОСОБЕННОСТИ ОПИСАТЕЛЬНОЙ РЕЧИ У ДЕТЕЙ С ОНР (III УРОВЕНЬ)

EDN YPMUGK

А. В. Мануилова
Е. А. Колодовская

Студентка, e-mail: mwermyw@gmail.com,
кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: anastasiya-sml@yandex.ru
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

FEATURES OF DESCRIPTIVE SPEECH IN CHILDREN WITH ONR (LEVEL III)

A. V. Manuilova
E. A. Kolodovskaya

Student,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Smolensk State University,
Smolensk, Russia

Abstract. The article examines the characteristics of descriptive speech in preschool children with general speech underdevelopment of the third level. The paper analyzes lexical, grammatical and cognitive difficulties that affect the formation of coherent descriptive statements in children with speech disorders. Special attention is paid to the influence of limited vocabulary, grammatical inaccuracies and insufficient development of higher mental functions on the quality of descriptive narratives. The article also outlines correctional and pedagogical approaches aimed at developing descriptive speech and improving communicative competence in preschool children.

Keywords: descriptive speech; general speech underdevelopment; preschool children; speech development; communication; correctional pedagogy.

Дети с общим недоразвитием речи III уровня (ОНР III) характеризуются выраженными нарушениями речевого развития, которые затрагивают различные компоненты языковой системы и существенно влияют на формирование связной речи. Особенно заметно данные нарушения проявляются в описательных высказываниях, требующих достаточно развитого словарного запаса, грамматической правильности и логической организации текста.

Одной из основных особенностей речи детей данной категории является ограниченность словарного запаса. Лексика характеризуется как количественным, так и качественным дефицитом. В речи преобладают общеупотребительные слова, тогда как использование прилагательных, наречий и слов, обозначающих признаки предметов и явлений, ограничено. Это приводит к тому, что описания оказываются упрощенными и маловыразительными.

Кроме того, дети нередко допускают неточное употребление слов, что может приводить к искажению смысла высказывания. Ограниченные возможности выбора лексических средств затрудняют передачу существенных характеристик объекта и снижают информативность описательных рассказов.

Значительные трудности наблюдаются и в области грамматического строя речи. У детей с ОНР III уровня часто фиксируются ошибки в употреблении падежных окончаний, нарушается согласование слов в роде, числе и падеже. Недостаточно сформированы навыки использования различных морфологических форм, что приводит к искажению грамматической структуры высказываний [4].

Предложения в речи таких детей чаще всего простые, нередко неполные. Между ними отсутствуют средства логической связи, обеспечивающие последовательность и целостность текста. В результате

описательные рассказы приобретают фрагментарный характер и представляют собой набор отдельных фраз.

Нарушения затрагивают и структуру словосочетаний. Формы глаголов прошедшего и будущего времени могут употребляться неправильно или заменяться формами настоящего времени. Это снижает точность передачи временных характеристик и усложняет понимание содержания высказывания.

Синтаксическая организация речи у детей с ОНР III уровня также характеризуется рядом особенностей. Высказывания часто состоят из простых, разрозненных предложений, между которыми отсутствует логическая связь. Использование союзов и союзных слов либо ограничено, либо сопровождается ошибками, что препятствует построению сложных синтаксических конструкций.

Следует отметить, что трудности формирования описательной речи связаны не только с языковыми нарушениями, но и с особенностями развития познавательных процессов. Создание связного высказывания требует участия внимания, памяти, мышления и процессов саморегуляции [2].

Планирование речевого высказывания предполагает способность к предварительному мысленному моделированию содержания будущего рассказа. Однако дети с ОНР III уровня испытывают значительные трудности при определении замысла высказывания, выборе последовательности изложения и языковом оформлении текста.

Недостаточная устойчивость внимания отрицательно влияет на последовательность изложения.

Ребенку трудно удерживать в памяти основные элементы описываемой ситуации, что приводит к перескокам с одной темы на другую и пропуску важных деталей. В результате нарушается логическая структура высказывания.

Определенную роль играют и особенности мыслительных процессов. У детей наблюдаются трудности анализа и синтеза информации, а также затруднения при обобщении признаков предметов. Это приводит к тому, что описательные рассказы оказываются бедными по содержанию и ограничиваются перечислением отдельных характеристик.

Связность текста во многом обеспечивается использованием средств текстовой организации – местоимений, союзов, вводных слов. У детей с речевыми нарушениями данные средства применяются редко или неправильно, вследствие чего рассказы воспринимаются как совокупность несвязанных фраз.

В дошкольном возрасте происходит важный этап развития речи, связанный с формированием ее планирующей функции. Речь постепенно отделяется от непосредственного практического действия и приобретает форму монологического высказывания. Дети осваивают различные типы связной речи, включая описание, повествование и элементы рассуждения [1].

Однако у дошкольников с общим недоразвитием речи данный процесс протекает значительно медленнее. Ограниченные языковые средства затрудняют создание развернутых и логически последовательных высказываний. В результате описательные рассказы могут быть либо слишком краткими и неполными, либо избыточными и недостаточно структурированными.

Коммуникативная эффективность речи определяется ее адекватностью и полнотой. Адекватность предполагает соответствие высказывания поставленной коммуникативной задаче и учет особенностей восприятия собеседника. У детей с ОНР III уровня наблюдаются трудности в выделении наиболее существенных признаков объекта, что снижает информативность описаний.

Полнота передачи информации тесно связана с умением структурировать высказывание и логически упорядочивать его содержание. Недостаток лексических средств и грамматических конструкций

ограничивает возможности детей в создании подробных и точных описаний.

Речевой дефицит проявляется и на прагматическом уровне общения. Дети редко используют реплики для уточнения информации, не всегда контролируют понимание собеседника и испытывают трудности при поддержании диалога. Это ограничивает развитие коммуникативных навыков и затрудняет социальное взаимодействие.

Преодоление указанных трудностей требует комплексной коррекционной работы. Она должна быть направлена на развитие лексико-грамматического строя речи, познавательных процессов и коммуникативных умений.

Одной из важнейших задач является расширение словарного запаса. Эффективным способом решения данной задачи является тематическое обучение, использование наглядных материалов и игровых методов. Включение новых слов в практическую деятельность ребенка (рисование, лепка, конструирование) способствует их более прочному усвоению.

Психолого-педагогическая практика показывает, что включение элементов проблемного обучения и активного диалога с преподавателем стимулирует рефлексию и самоконтроль речевых высказываний, что ведет к улучшению качества описательных навыков [3].

Дети испытывают серьезные затруднения в определении замысла рассказа, последовательном развитии выбранного сюжета и его языковой реализации. Нередко выполнение творческого задания подменяется пересказом знакомого текста [1, с. 38].

Одновременно проводится работа по формированию грамматических навыков. Систематические упражнения направлены на правильное употребление падежных форм, согласование слов и построение предложений различной структуры.

Важным средством развития описательной речи является использование наглядных пособий. Иллюстрации, сюжетные картинки и серии изображений помогают ребенку выделять существенные признаки объектов и планировать структуру рассказа.

В педагогической практике широко применяются игровые и коммуникативные методы обучения. Ролевые игры и моделирование различных речевых ситуаций создают условия для активного использования описательных высказываний в процессе общения.

Эффективность коррекционной работы повышается при использовании современных образовательных технологий, учитывающих данные нейропсихологии и психолингвистики. Применение интерактивных заданий и мультимодальных средств обучения способствует повышению мотивации детей и облегчает усвоение речевого материала.

Таким образом, особенности описательной речи у детей с общим недоразвитием речи III уровня обусловлены сочетанием лексико-грамматических нарушений и когнитивных трудностей.

Ограниченный словарный запас, ошибки грамматического оформления и недостаточная сформированность высших психических функций снижают качество речевых высказываний.

Комплексная коррекционная работа, направленная на развитие языковых и познавательных компонентов речи, способствует формированию связных, содержательных и логически организованных описательных рассказов. Развитие данных навыков является важным условием успешной коммуникации и полноценной социализации ребенка.

Библиографический список

1. Волосовец Т. В. Преодоление общего недоразвития речи дошкольников: учебно-методическое пособие. М.: Институт общегуманитарных исследований. 2007. 256 с.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – [5-е изд., испр.]. М. : Лабиринт, 1999. 352 с.

3. Ронин Д. Б. Развитие связной речи детей дошкольного возраста. М. : Просвещение, 1999. 343 с.

4. Филичева Т. Б., Чиркина Г. В. Подготовка к школе детей с общим недоразвитием речи в условиях специального детского сада. М.: Издательство «Альфа». 1993. 103 с.

© Мануилова А. В., Колодовская Е. А., 2026

УДК 376.37

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИЗАРТРИИ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

EDN YRZAQJ

Г. Н. Меженцева *Кандидат педагогических наук, доцент, e-mail: galmezh.mail.ru,*
С. Д. Астафьева *студенты, e-mail: sp1214pol@gmail.com*
В. Л. Худиенко *e-mail: khudiyenko99@mail.ru*
Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия

GENERAL CHARACTERISTICS OF DYSARTHRIA IN PRESCHOOL AGE

G. N. Mezhentseva *Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,*
S. D. Astafieva *Students,*
V. L. Khudienko *Smolensk State University, Smolensk, Russia*

Abstract. In this article, the authors present a general description of dysarthria in preschoolers, exploring its etiology and pathogenesis, as well as the characteristics of this speech disorder depending on its form and severity. They describe in detail the impairments of articulation, voice production, breathing, and prosody, and their impact on the child's communicative competence. The authors pay particular attention to age-related differences: children aged 4–5 years are predominantly characterized by severe structural defects, while children aged 6–7 years continue to experience difficulties with voluntary control and synthesis of speech components. The authors note the high frequency of dysarthria co-occurring with other speech and neurological disorders. They emphasize the need for a comprehensive, interdisciplinary approach to treatment that takes into account the age and individual characteristics of children.

Keywords: dysarthria; preschool age; voice function; prosody; articulation.

Дизартрия представляет собой одно из наиболее сложных и системных речевых расстройств, обусловленных органическим поражением центральной или периферической нервной системы. Это нарушение «затрагивает все компоненты речевой деятельности – артикуляцию, голос, дыхание, мимику, темпо-ритмические и просодические характеристики речи» [1, с. 55]. В современных условиях, когда требования к коммуникативной компетентности ребенка стремительно растут, особенно в контексте цифрового образования, актуальность изучения дизартрии приобретает особое значение. Проблема становится еще более острой с учетом того, что дефекты речи не только ограничивают возможность эффективного взаимодействия, но и могут стать причиной формирования эмоционально-личностных трудностей, снижения самооценки и социальной изоляции.

Термин «дизартрия» происходит от греческих слов dys – «нарушение» и arthron – «сочленение», что буквально указывает на расстройство членораздельности речи. Согласно определению, предложенному рядом исследователей, в том числе Е. Н. Винарской, дизартрия – это «стойкое речевое расстройство, вызванное недостаточной иннервацией мышц речевого аппарата, которое проявляется в виде нарушений артикуляции, голосообразования, дыхания и общей выразительности речи» [2, с. 42]. Основной причиной являются очаговые поражения головного мозга, однако возможны и другие этиологические факторы – заболевания периферических нервов, травмы, опухоли, нейродегенеративные процессы. У детей дизартрия чаще всего имеет перинаталь-

ное происхождение и связана с такими факторами, как гипоксия, асфиксия, внутриутробные инфекции, родовая травма, недоношенность и патологии беременности. Наиболее высокий риск развития дизартрии отмечается у детей с диагнозом детский церебральный паралич, хотя она может встречаться и при других неврологических состояниях.

Клиническая картина дизартрии отличается значительным разнообразием и зависит от локализации очага поражения, формы и степени тяжести нарушения. В основе всех форм лежит нарушение иннервации мышц, участвующих в речевой деятельности, что приводит к снижению подвижности органов артикуляционного аппарата, нарушению координации движений и дефектам фонации. Артикуляционный аппарат при дизартрии характеризуется специфическими изменениями. При паретичных формах язык малоподвижен, вялый, лежит на дне рта, губы опущены, лицо амимично. При спастических формах наблюдается напряжение мышц – язык утолщен, движения ограничены, верхняя губа плотно прижата к деснам. Возможны гиперкинезы – непроизвольные подергивания языка и голосовых связок, усиливающиеся при речевой нагрузке. Также типичны явления апраксии – нарушения программирования и выполнения целенаправленных движений, когда ребенок не может воспроизвести нужную артикуляционную позу даже по образцу. Часто сопутствуют такие симптомы, как девиация языка, гиперсаливация и нарушение согласованности дыхания и фонации.

Особое место в структуре речевого дефекта при дизартрии занимает нарушение голосовой функции. Как отмечают исследователи, в том числе Е. Н. Винарская, Г. А. Волкова, Л. В. Лопатина, голосовые расстройства имеют органическую природу и проявляются комплексно [2, 3, 5]. К основным дефектам относятся: «гипофония (слабость голоса), монотонность, назализация, охриплость, форсированный или напряженный звук, отсутствие модуляции по высоте и громкости, быстрая утомляемость голосового аппарата и неполное смыкание голосовых складок» [4, с. 85]. Эти нарушения не только делают речь малоразборчивой, но и лишают ее эмоциональной окраски, снижают коммуникативную эффективность. Дети не могут передавать удивление, радость, вопрос или протест с помощью голоса, что делает их речь «плоской» и бедной по смыслу.

Формирование просодической стороны речи в норме проходит несколько этапов. К 4–5 годам у здоровых детей уже сформированы базовые навыки управления голосом: они умеют изменять высоту и силу голоса, различают повествовательную, вопросительную и восклицательную интонации, способны выделять логическое ударение и передавать простые эмоции через голос [3, с. 61]. Однако у детей с дизартрией этот процесс значительно нарушен. Уже в раннем возрасте у таких детей наблюдаются бедность вокализаций, отсутствие реакции на речь взрослых, трудности с различением интонаций. К моменту начала фразовой речи у них четко проявляются дефекты мелодической организации высказываний: невозможность изменить интонацию, отсутствие вопросительной модели, неумение выделить ключевые слова.

Таким образом, к 4–5 годам у детей с дизартрией уже можно констатировать выраженные и системные нарушения голосовой функции. Их речь характеризуется слабым, хриплым, монотонным звучанием, ограниченным диапазоном интонаций, трудностями с изменением громкости и быстрой голосовой утомляемостью. Они не умеют выделять слова логическим ударением, не различают интонационные модели, не могут передать эмоции с помощью голоса. Эти дефекты обусловлены не только физиологическими нарушениями, но и когнитивными трудностями – дети не понимают смысловую структуру высказывания, не могут синтезировать речевые компоненты в единую коммуни-

кативную форму. Кроме того, у данной возрастной группы часто наблюдаются психомоторные особенности: «повышенная утомляемость, трудности с подражанием, переключением между действиями, что усложняет обучение и требует особого подхода в логопедической работе» [5, с. 46].

Переход к старшему дошкольному возрасту (6–7 лет) сопровождается определенной динамикой в клинической картине дизартрии. Хотя основные патогенетические механизмы сохраняются, у детей этой возрастной группы отмечается более высокий уровень сформированности речевых навыков. Это связано как с общим развитием, так и с эффектом длительной коррекционной работы. У части детей наблюдается частичная компенсация речевых нарушений за счет активации сохранных участков мозга, формирования новых нейронных связей и использования вспомогательных стратегий коммуникации. Тем не менее, многие дефекты, особенно в области просодики и голосовой функции, сохраняются.

Если у детей 4–5 лет основная проблема заключается в отсутствии элементарных голосовых навыков, то у детей 6–7 лет преобладают трудности с их синтезом и произвольным контролем. Например, они могут владеть несколькими интонациями, но не умеют их комбинировать в зависимости от контекста. Их речь становится более разборчивой, но остается монотонной, бедной по эмоциональной выразительности. Сохраняются трудности с передачей смысла через интонацию, использованием пауз, выделением ключевых слов в предложении. Быстрая утомляемость голосового аппарата особенно заметна при длительной речевой нагрузке – во время пересказа, рассказа, ответов в классе.

Сравнительный анализ двух возрастных групп позволяет выявить качественные различия в проявлении дизартрии. У детей 4–5 лет нарушения носят более грубый, структурный характер – отсутствуют базовые компоненты голосовой функции. У детей 6–7 лет нарушения становятся более тонкими, связанными с регуляторными и синтетическими функциями речи. Это объясняется тем, что к 6–7 годам у ребенка формируются более сложные речевые операции, необходимые для учебной деятельности. Если в младшем дошкольном возрасте достаточно было научить ребенка говорить громче или выше, то в старшем требуется формирование целостной, осмысленной, выразительной речи, соответствующей школьным требованиям.

Важно отметить, что дизартрия редко протекает в изолированной форме. Она часто сочетается с другими речевыми расстройствами: общим недоразвитием речи, фонетико-фонематическим недоразвитием, заиканием. У многих детей выявляются нарушения письменной речи, которые начинают проявляться уже в подготовительной группе и становятся явными в первые годы школьного обучения. Помимо речевых нарушений, у детей с дизартрией часто наблюдаются нарушения моторики, координации движений, внимания, памяти, эмоциональной сферы. Эти факторы создают дополнительные барьеры для успешной адаптации в детском саду и школе.

Таким образом, эффективная коррекция дизартрии возможна только при комплексном, междисциплинарном подходе, включающем работу логопеда, невролога, психолога, педагога-дефектолога, физиотерапевта. Логопедическая работа должна быть системной, последовательной и основанной на принципах дифференцированного подхода. При этом важно учитывать возраст воспитанников. И если для детей 4–5 лет следует сконцентрироваться на развитии силы и высоты голоса, а также обучению интонации, то для детей 6–7 лет нужно стремиться к дальнейшему интонационному совершенствованию и поддержке произвольности.

Библиографический список

1. Бабина Г. В. Логопедия. Дизартрия. М.: МПГУ, 2016. 102 с.
2. Винарская Е. Н. Дизартрия: речевые расстройства при очаговых поражениях мозга, анатомия и физиология речи: закономерности развития и фонетические нормы, сравнительная характеристика и диагностика клинических форм, практическая методика коррекционно-педагогической работы. М.: URSS, 2020. 200 с.
3. Волкова Г. А. Логопедическая ритмика. М.: ВЛАДОС, 2022. 272 с.
4. Лаврова Е. В. Нарушения голоса. М.: Академия, 2016. 127 с.
5. Лопатина Л. В. Дизартрия и апраксия: взгляд на проблему // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2025. № 215. С. 45–54.

© Меженцева Г. Н., Астафьева С. Д., Худиенко В. Л., 2026

УДК 376

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АРТИКУЛЯЦИОННОЙ МОТРИКИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ДИЗАРТРИЕЙ

YWLKHU

Г. Н. Меженцева
К. Д. Буянова

Кандидат педагогических наук, доцент,
студентка,
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

SOME FEATURES OF ARTICULATORY MOTOR SKILLS IN PRESCHOOL CHILDREN WITH DYSARTHRIA

G. N. Mezhentseva

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,

K. D. Buyanova

Student,
Smolensk State University,
Smolensk, Russia

Abstract. This article examines the characteristics of articulatory motor skills in preschool children with dysarthria and characterizes their impact on speech development. The authors identified the following characteristics: impaired muscle tone and innervation of the articulatory apparatus; impaired articulatory praxis; and impaired kinesthetic perception. The authors elucidate the structure and symptoms of dysarthria, explain the concept of dysarthria as a complex speech defect, and present its comprehensive impact on the course of a child's speech development. Analysis of the relationship between articulatory motor disorders and speech development, as well as early diagnosis of these disorders, occupies a special place in the article.

Keywords: articulatory motor skills; dysarthria; preschool children with dysarthria; speech; speech therapy.

Детям с дизартрией в отличие от нормально развивающихся сверстников присуще ярко выраженное отставание в становлении произносительной стороны речи. Г. А. Волкова в своей работе отмечает, что при анализе речевых нарушений следует рассматривать речевую деятельность как сложную многоуровневую функциональную систему, составные части которой (фонетическая, лексическая, грамматическая стороны речи, фонематические процессы, семантика) зависят одна от другой и обуславливают друг друга [3, с. 6].

Н. С. Гребнева подчеркивает, что дизартрия является тяжелым недостатком речи у дошкольников, она является самой распространенной речевой патологией среди детей- по статистике на семь новорожденных приходится пять уже с пораженной центральной нервной системой [5, с. 128].

Дизартрия охватывает широкий спектр нарушений, ее патологическое воздействие не ограничивается только дефектами звукопроизносительной стороны речи, помимо речевой симптоматики страдает общая моторная функция. Данная патология характеризуется тем, что влечет за собой трудности, связанные с овладением нормативным звукопроизношением, кроме того, нарушаются такие аспекты речи, как голос, интонация и дыхание.

Актуальность исследования обусловлена постоянным ростом числа детей с дизартрией. У дошкольников с данной патологией на фоне нормально развивающихся сверстников прослеживается несоответствие возрастной норме в физическом и речевом развитии, симптоматика усугубляется, а речевые расстройства прогрессируют. Постоянное видоизменение структуры дефекта делает эту тему актуальной по сей день, и требует дальнейшего освещения данной проблемы.

Цель исследования – проанализировать особенности артикуляционной моторики у дошкольников с дизартрией.

Изучением особенностей артикуляционной моторики у детей с дизартрией занимались такие ведущие исследователи как: Е. Ф. Архипова, Л. В. Лопатина, Н. В. Серебрякова, О. Г. Приходько, М. М. Кольцова и другие.

Согласно определению Л. В. Лопатиной, «дизартрия – речевая патология, которая проявляется в расстройстве фонетического и просодического компонентов речевой функциональной системы вследствие невыраженного микроорганического поражения головного мозга» [7, с. 53].

Артикуляционная моторика представляет собой комплексное единство четкой и скоординированной работы движений мышц артикуляционного аппарата, обеспечивающее правильное звукопроизношение. При дизартрии процесс скоординированной работы мышц нарушается, вследствие недостаточной иннервации мышц, это влечет за собой появление специфических нарушений артикуляционной моторики.

Е. Ф. Архипова подчеркивает, что для правильного произнесения звука ребенку требуется воспроизвести артикуляторный уклад, состоящий из сложного комплекса движений, при этом артикуляция, фонация и дыхание должны быть достаточно скоординированы в своей работе, а речедвижения соотнесены с соответствующими слуховыми ощущениями [1, с. 43].

О. Г. Приходько определяет термин дизартрия как речедвигательное расстройство — нарушение произносительной стороны речи, обусловленное недостаточностью иннервации речевой мускулатуры [8, с. 12].

Последствия данной речевой патологии в первую очередь затрагивают развитие артикуляционной моторики, это сказывается не только на речевом развитии ребенка, но и на его общем психофизическом развитии. Эти факторы создают предпосылки для возникновения ряда трудностей, касающихся подготовки ребенка к школьному обучению: нарушается процесс овладения ребенком навыками письменной речи, появляются специфические ошибки при чтении, а также выявляются сложности в составлении звукобуквенного анализа.

Л. И. Белякова и Н. Н. Волоскова в своей работе пишут, что дизартрия проявляется в нечеткой артикуляции звуков, активными поисками правильной артикуляции, а значит речь прерывается во время этих поисков, делается расчлененной, неплавной [2, с. 69].

Детальный анализ научной литературы и теоретических данных позволил обобщить и систематизировать сведения о специфических особенностях артикуляционной моторики у дошкольников с дизартрией.

Установлено, что нарушения артикуляционной моторики при дизартрии имеют комплексный характер и рассматриваются по ряду параметров, которые можно условно поделить на три группы.

Первая группа – нарушение мышечного тонуса и иннервации артикуляционного аппарата. Данное нарушение принято считать первичным симптомокомплексом при дизартрии, именно расстройство иннервации и как следствие патология мышечного тонуса в первую очередь отличают дизартрию от остальных нарушений произносительной стороны речи. Здесь наблюдается:

- спастичность мышц: проявляется стойким повышением тонуса мышц органов артикуляционного аппарата таких как губы и язык. Делает затруднительным или невозможным для ребенка подъем языка в вверх, необходимый для произнесения артикулем верхнего подъема [ш], [ж], [р];
- гипотония: ярким проявлением этого нарушения является вялость артикуляционных мышц – это считается основной причиной неспособности ребенка удержать заданную артикуляционную позу. Характерными признаками являются тонкий, распластанный язык и не плотно сомкнутые губы;

- дистония: представляет собой нестабильный и постоянно меняющийся мышечный тонус. Минимальное напряжение в мышцах отмечается только в спокойном состоянии, в этом случае гипертонус отсутствует. Однако, при попытке фонации наблюдается резкое повышение тонуса, который тем самым ограничивает речевую способность ребенка;
- гиперсаливация – симптом, указывающий на нарушение иннервации, особое место здесь занимают повышенное слюноотделение и вегетативные реакции. Последнее проявляется в виде гипергидроза (появление на лбу или верхней губе капелек пота) и вазомоторных пятен, представляющих собой покраснение кожи в области шеи и груди.

Вторая группа – нарушение артикуляционного праксиса. Без изучения этого ведущего компонента сложно полноценно оценить механизмы выполнения артикуляционных движений. Исследования Л. В. Лопатиной и Н. В. Серебряковой позволяют обозначить следующие особенности артикуляционной моторики:

- ограниченный объем движений: ребенку с трудом дается выполнение артикуляционных упражнений, заданных педагогом; страдает полнота выполнения упражнения и амплитуда движений;
- нарушение переключаемости (кинетическая диспраксия): проявляется в том, что переход от одного упражнения к другому вызывает замешательство. Ребенок в силу своих особенностей не может быстро перестроиться на следующую артикуляцию, многократно подбирая положения языка во рту;
- тремор и синкинезии: тремор появляется при попытке ребенка удерживать какое-то время артикуляционный уклад, и проявляется в дрожании языка. Данный феномен может сопровождаться синкинезиями (непроизвольными добавочными движениями других сегментов тела) и девиациями (отклонением языка в сторону от центральной линии);
- недифференцированность движений: Изолированные артикуляционные движения вызывают трудности. Язык и нижняя челюсть двигаются вместе, ребенок не может изолировать движения языка.

Третья группа – нарушение кинестетического восприятия. Данный подход обусловлен тем, что у детей с дизартрией возникают трудности, которые связанные с правильным определением положения органов артикуляции во время речи. Из-за нечеткости и смазанности артикуляционных ощущений во время речи ребенок не может закрепить нормативное звукопроизношение, и поэтому вынужден постоянно возвращаться к привычным, но дефектным укладам.

Анализ научной литературы помог увидеть целостную картину нарушения артикуляционной моторики у дошкольников с дизартрией. Выявлено, что в структуре данного нарушения на первый план выступает именно расстройство мышечного тонуса, ограниченная подвижность органов артикуляции и недостаточно развитое кинестетическое восприятие. Это проявляется в первую очередь в ограниченности подвижности органов артикуляционного аппарата, а также выражается в трудности удержания и переключения артикуляционных поз.

Тонкие дифференцированные движения при дизартрии становятся труднодоступными для детей, однако именно они являются ключевым условием для становления нормативной речи ребенка. Как отмечает Л. С. Выготский, речь есть прежде всего средство социального общения, средство высказывания и понимания [4, с. 16].

Несформированность артикуляционной моторики влечет за собой стойкое нарушение звукопроизношения, на этом фоне возникает смазанность речи, голос приобретает тихий и ослабленный харак-

тер. В совокупности данные факторы влекут за собой нарушение слухового и фонематического восприятия, что особенно обуславливает тяжелую симптоматику нарушения.

Как отмечает в своей работе А. Д. Захарова, своевременная коррекция нарушений речевого развития является необходимым условием психологической готовности детей к обучению школе, создает предпосылки для наиболее ранней социальной адаптации дошкольников с нарушениями речи [6, с. 324].

Установлено, что в структуре нарушения артикуляционной моторики при дизартрии на первый план выступает расстройство мышечного тонуса, ограниченная подвижность органов артикуляции и недостаточно развитое кинестетическое восприятие. Совокупность данных факторов отражается на подвижности органов артикуляционного аппарата, что сказывается на качестве произносительной стороны речи.

Все вышесказанное указывает на необходимость построения коррекционной работы с учетом структуры дефекта, где ведущее место занимают нормализация мышечного тонуса, развитие кинестетического контроля и последовательное формирование артикуляционных укладов.

Библиографический список

1. Архипова, Е. Ф. Стертая дизартрия у детей : учебное пособие для студентов вузов / Е. Ф. Архипова. – Москва : АСТ : Астрель : Хранитель, 2007. – 319 с. – URL: https://vk.cc/cVCZXE (дата обращения: 30.03.2026).
2. Белякова, Л. И. Логопедия. Дизартрия / Л. И. Белякова, Н. Н. Волоскова. – Москва : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2009. – 287 с. – URL: https://www.logo-mpgu.ru/assets/files/2020/logopediya_dizartriya_belyakova_posl.pdf (дата обращения: 30.03.2026).
3. Волкова, Г. А. Методика психолого-логопедического обследования детей с нарушениями речи : учебно-методическое пособие / Г. А. Волкова. – Санкт-Петербург : ДЕТСТВО-ПРЕСС, 2024. – 112 с. – URL: https://sdo.mgaps.ru/books/K6/M2/file/3.pdf (дата обращения: 30.03.2026).
4. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – Москва : Эксмо, 2024. – 416 с. – URL: https://urait.ru/book/lekcii-po-psihologii-myshlenie-i-rech-538626 (дата обращения: 30.03.2026).
5. Гребнева, Н. С. Нарушения произносительной стороны речи у детей дошкольного возраста с дизартрией / Н. С. Гребнева // Вестник науки. – 2023. – № 3. – С. 125–130. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/narusheniya-proiznositelnoy-storony-rechi-u-detey-doshkolnogo-vozrasta-s-dizartriey (дата обращения: 30.03.2026).
6. Захарова, А. Д. Формирование артикуляционной моторики при дизартрии в дошкольном возрасте / А. Д. Захарова // Вестник науки. – 2024. – № 5 (74). – Т. 1. – С. 322–327. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-artikulyatsionnoy-motoriki-pri-dizartrii-v-doshkolnom-vozraste (дата обращения: 30.03.2026).
7. Лопатина, Л. В. Логопедическая работа с детьми дошкольного возраста с минимальными дизартрическими расстройствами : учебное пособие / Л. В. Лопатина. – Санкт-Петербург : Союз, 2019. – 190 с. – URL: https://studfile.net/preview/12945363/ (дата обращения: 30.03.2026).
8. Приходько, О. Г. Логопедический массаж при коррекции дизартрических нарушений речи у детей раннего и дошкольного возраста / О. Г. Приходько. – Санкт-Петербург : Каро, 2008. – 82 с. – URL: https://www.litres.ru/book/o-g-prihodko/logopedicheskiy-massazh-pri-korrekcii-dizartricheskih-narushe-24149153/ (дата обращения: 30.03.2026).

© Меженцева Г. Н., Буянова К. Д., 2026

УДК 376.76

ОСОБЕННОСТИ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С МОТОРНОЙ АЛАЛИЕЙ

EDN ZFNMNQ

Г. Н. Меженцева — *Кандидат педагогических наук, доцент, e-mail: galmezh@mail.ru,*

П. А. Журавлева — *студентка, e-mail: zhuravlyova.pollina@yandex.ru,*

Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия

PECULIARITIES OF ADJECTIVE INFLECTION IN SENIOR PRESCHOOL CHILDREN WITH MOTOR ALALIA

G. N. Mezhentseva — *Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,*

P. A. Zhuravleva — *Student,*

Smolensk State University, Smolensk, Russia

Abstract. In this article, the authors examine the development of adjective inflection in older preschoolers with motor alalia. The role of adjectives in the development of coherent speech underlies the relevance of the study. The authors identify specific difficulties in learning the grammatical categories of gender, number, and case when adjectives agree with nouns. They note the late emergence of adjectives in speech, their limited use, and the presence of agrammatisms, emphasizing that inflection disorders in motor alalia are associated with insufficiently developed linguistic generalizations and morphological concepts. The authors conclude that targeted speech therapy is necessary.

Keywords: motor alalia; older preschool children; inflection; adjectives; grammatical structure of speech; agrammatisms; speech therapy intervention.

Старший дошкольный возраст занимает особое место в процессе формирования грамматического строя речи. Именно в этот период происходит активное освоение системы словоизменения, включая усвоение падежных окончаний, форм рода и числа. О. С. Ушакова и Е. М. Струнина, в учебно-методическом пособии «Методика развития речи детей дошкольного возраста», отмечают, что «к старшему дошкольному возрасту у ребёнка накапливается значительный запас слов. Продолжается обогащение лексики, увеличивается запас слов, сходных (синонимы) или противоположных (антонимы) по смыслу, многозначных слов» [9, с. 183].

Однако не только количественное и смысловое обогащение словаря характеризует речевое развитие на данном возрастном этапе. Параллельно с накоплением лексических единиц происходит перестройка грамматического строя речи, когда ребенок переходит использования от простых к овладению всей морфологической системы языка. Как показывают классические исследования А. Н. Гвоздева в области онтогенеза речевого развития, обобщенные Е. В. Хмельковой и Е. Р. Голубевой, «в период с четырёх до семи лет в речи ребёнка начинают усваиваться все частные грамматические формы, детали морфологического выражения грамматических категорий (использование правильного чередования, ударения, рода, редких оборотов речи, числительных). Дошкольник окончательно овладевает всеми типами склонения» [5, с. 256].

При моторной алалии данный процесс протекает иначе. Для него характерно системное недоразвитие всех компонентов языковой системы, среди которых особенно выражены трудности в формировании

грамматического строя. У детей с данным нарушением отмечается ограниченность словарного запаса, затруднения в построении фраз и нарушение словоизменения. Как указывает А. А. Зализняк, словоизменение представляет собой изменение слова при помощи окончания, а в русском языке оно включает изменение по родам, числам и падежам [6].

На важность обогащения словаря ребенком имена прилагательными указывали Н. Н. Шешукова и М. Д. Вологжина: «Словарь прилагательных является одним из компонентов развития ребенка. Имя прилагательное характеризует предмет, описывает его качества и признаки. Именно прилагательные делают нашу речь богатой и насыщенной, помогают передать информацию слушателю точно и выразительно» [11, с. 450].

Понимание причин нарушений словоизменения невозможно без обращения к теоретическим положениям Л. С. Выготского, который рассматривал неразрывную связь речи и мышления. Он писал, что «по мере развития внешнее и внутреннее речевые структуры становятся все более сложными, а грамматические формы речи осваиваются детьми раньше, чем логические структуры…» [3, с. 382–386].

Эти положения развиваются в работах Е. Ф. Соботович, которые описаны в учебном пособии Л. С. Волковой. По ее мнению, «при моторной алалии отмечается нарушение овладения знаковой формой языка (правилами сочетания и использования знаков в процессе порождения речи)» [4, с. 335].

Как отмечают в своей статье А. А. Белякова и А. И. Березенцева, «новые слова в речи этих детей появляются медленно, а те, которые они используют, напрямую связаны с образом жизни, то есть с бытовым контекстом. Эти дети не используют предлоги, частицы, прилагательные. Использование всех грамматических форм для детей с алалией затруднено» [2, с. 35]. В результате этого, можно сказать, что прилагательные у таких детей появляются в речи очень поздно.

Исследования Р. И. Лалаевой и Н. В. Серебряковой показывают, что «словоизменение прилагательных еще не усвоено, в речи детей наблюдается как правильное, так и неправильное согласование прилагательного с существительным. Во множественном числе прилагательные правильно употребляются лишь в именительном падеже. В ряде случаев прилагательные употребляются после существительных» [8, с. 40]. Подобные аграмматизмы затрудняют построение грамматически правильных высказываний и снижают точность передачи мысли.

Ю. А. Баженова указывает, что «дети старшего дошкольного возраста активно используют речь для выражения своих мыслей и эмоций. Они начинают осознавать, что слова могут передавать не только информацию, но и чувства, что делает их общение более насыщенным и многогранным. Однако у детей с моторной алалией это может проявляться в ограниченном использовании прилагательных. Например, они могут использовать лишь несколько базовых прилагательных, таких как «большой», «маленький», «красный», и не способны к более тонкому описанию предметов и явлений. Это может затруднять их социальное взаимодействие и ограничивать возможности для общения с ровесниками» [1, с. 8–11]. Данная характеристика отражает не просто бедность активного словаря, но и трудности в общении в целом. Когда ребенок не может точно и подробно описать то, что его окружает, он начинает меньше говорить, ему становится сложнее находить общий язык с другими детьми, и он оказывается не в состоянии полноценно включатся в совместные игры и повседневные ситуации.

Важно отметить, что нарушения словоизменения имен прилагательных у детей с моторной алалией проявляются не изолированно, а в тесной связи с недоразвитием других компонентов языковой системы. Так, А. В. Касьянова пишет, что

«нарушения кинетико-кинестетического развития приводят к нарушениям всех компонентов системы языка: фонетических, фонематических, морфологических. У детей в целом нарушено формирование системной лексики, смысла слова и его структуры (звуковой, слоговой, грамматической, смысловой), что влечет за собой нарушения структуры предложения и структуры связной речи» [9, с. 64]. Это может привести к тому, что они будут использовать упрощенные формы слов или заменять одни слова другими, что также сказывается на их способности правильно изменять прилагательные, что еще больше усугубляет проблемы в общении.

В работах С. Н. Шаховской подробно раскрываются механизмы при моторной алалии. Автор подчеркивает, что логопедическая работа по формированию грамматического строя должна строиться с учетом поэтапности усвоения грамматических форм в онтогенезе и специфики структуры дефекта. Особое внимание заслуживает предлагаемый автором алгоритм введения прилагательных в речь детей с алалией. Как указывает исследователь, «изучение прилагательных лучше шло в том случае, если начинали с качественных признаков, которые воспринимаются органами чувств человека. В первую очередь занимались наиболее легкими прилагательными, обозначающими величину (большой – маленький), позднее наиболее употребительными словами, определяющими цвет (красный – синий). Последними в речи ребенка с алалией формировались слова эмоционально-оценочной группы прилагательных (хороший, плохой)» [10, с. 151]. Такая последовательность соответствует логике онтогенеза: от конкретных, чувственно воспринимаемых признаков, к более абстрактным оценочным категориям, что позволяет выстроить логопедическую работу эффективно и естественно.

Теоретический анализ позволяет сделать вывод, что словоизменение имен прилагательных у детей старшего дошкольного возраста с моторной алалией имеет специфические особенности, обусловленные системным характером речевого недоразвития. У данной категории детей наблюдается позднее появление имен прилагательных, их ограниченное количество или неправильное изменение формы и значительные трудности в усвоении грамматических категорий рода, числа и падежа при согласовании с существительными, что проявляется в большом количестве аграмматизмов.

Библиографический список

1. Баженова Ю. А., Мохова Ю. С. Особенности навыков словоизменения дошкольников с общим недоразвитием речи // Вестник Мининского университета. 2020. № 2. С. 7.
2. Белякова А. А., Березенцева А. И. Исследование слоговой структуры слова у дошкольников с моторной алалией // Вестник ШГПУ. 2021. № 4. С. 35–38.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. – Санкт-Петербург : Питер, 2022. – 432 с.
4. Волкова Л. С. Логопедия : учебник для студентов дефектологических факультетов педагогических вузов. – Москва : ВЛАДОС, 1998. – 680 с.
5. Зализняк А. А. Словоизменение // Большая российская энциклопедия : [электронная версия]. – 2017. – URL: https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3838108 (дата обращения: 07.04.2026).
6. Лалаева Р. И., Серебрякова Н. В. Коррекция общего недоразвития речи у дошкольников (формирование лексики и грамматического строя). – Санкт-Петербург : СОЮЗ, 1999. – 160 с.
7. Ушакова О. С., Струнина Е. М. Методика развития речи детей дошкольного возраста : учебно-методическое пособие для воспитателей дошкольных образовательных учреждений. – Москва : ВЛАДОС, 2004. – 288 с.
8. Филатова И. А. Системный подход к изучению нарушений речи у детей в научных трудах профессора З. А. Репиной // Специальное образование. 2023. № 1. С. 58–69.
9. Хмелькова Е. В., Голубева Е. Р. Теоретический анализ проблемы развития грамматического строя речи у детей дошкольного возраста // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы : материалы IX Международной научно-практической конференции. 2021. № 1. С. 437–441.

10. Шаховская С. Н. Логопедическая работа по формированию грамматического строя речи детей, страдающих моторной алалией. – Москва : ВЛАДОС, 2003. – 153 с.

11. Шешукова Н. Н., Вологжанина М. Д. К вопросу о становлении словаря прилагательных у детей дошкольного возраста // Современные образовательные практики в студенческих исследованиях. 2023. № 1. С. 449–451.

© Меженцева Г. Н., Журавлева П. А., 2026

УДК 376.3

МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ АФАЗИИ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

EDN UUTQWB

Г. Н. Меженцева *Кандидат педагогических наук, доцент, e-mail: galmezh@mail.ru,*

Е. Н. Иванова *студентка, e-mail: kulik197719@mail.ru, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия*

METHODS AND PRINCIPLES OF REHABILITATION IN APHASIA: HISTORICAL AND THEORETICAL ANALYSIS AND MODERN APPROACHES

G. N. Mezhentseva *Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,*

E. N. Ivanova *Student, Smolensk State University, Smolensk, Russia*

Abstract. The authors of this article examine the evolution of approaches to speech disorder rehabilitation in Russian speech therapy and neuropsychology. They provide a detailed analysis of the approaches identified by V. V. Oppel, the founder of the Russian school. The authors systematize the rehabilitation conditions proposed by V. V. Oppel and supplement them with modern principles formulated by M. K. Shokhor-Trotskaya (Burlakova) and L. S. Tsvetkova. These include attention to the role of the patient's personality, family involvement, a stage-by-stage recovery process, and reliance on intact speech functions. The authors summarize A.R. Luria's theoretical positions on the dynamic localization of functions and P. K. Anokhin's theory of functional systems as a methodological basis for modern speech therapy practice.

Keywords: motor aphasia; restorative training; speech disinhibition; rehabilitation principles; speech therapy methods.

Афазия представляет собой системное нарушение уже сформировавшейся речи, возникающее вследствие локальных органических поражений коры головного мозга. Наиболее частыми этиологическими факторами являются острые нарушения мозгового кровообращения (инсульты) и черепно-мозговые травмы. Моторные формы афазии характеризуются преимущественным нарушением экспрессивной речи (произнесения слов, фраз) при относительной сохранности импрессивной (понимания). Это приводит к тяжёлой социальной дезадаптации пациента, утрате профессиональной пригодности и резкому снижению качества жизни.

Восстановительное обучение при афазии – это сложный, многофакторный процесс, требующий не только глубоких знаний в области нейроанатомии и нейрофизиологии, но и владения специфическими педагогическими и психологическими методиками. Эффективность реабилитации напрямую зависит от научно обоснованного выбора стратегии и тактики логопедического воздействия. Исторический путь становления отечественной системы восстановительного обучения представляет собой переход от механистических подходов к комплексным, личностно-ориентированным моделям реабилитации.

Настоящая статья посвящена детальному рассмотрению ключевых методов и принципов восстановительной работы при моторных афазиях, анализу их исторического развития и теоретическому обоснованию современных подходов.

Становление отечественной школы восстановительной логопедии неразрывно связано с именем Валентины Васильевны Оппель. В своих фундаментальных трудах 1940–1960-х годов она впервые систематизировала подходы к восстановлению речи, критически осмыслив существовавшие на тот момент практики.

В. В. Оппель выделила три основных направления в восстановительном обучении, которые определили вектор развития отечественной науки на десятилетия вперёд.

Первоначально для преодоления афазии применялись методики, заимствованные из сурдопедагогики – обучения речи глухонемых детей. Суть этого подхода заключалась в постановке звуков, их автоматизации в слогах, словах и предложениях. В. В. Оппель подвергла этот метод резкой критике, обосновав его теоретическую несостоятельность и практическую нерезультативность применительно к взрослым больным. Основной аргумент заключался в игнорировании смысловой стороны речи. При таком подходе у больного искусственно формировалась новая речевая система, основанная на осознанной артикуляции. Параллельно с ней продолжала существовать старая, пострадавшая система. Это приводило к внутреннему конфликту: «В результате такого подхода у больных некоторое время наличествуют две речевые системы: одна – формируемая заново, искусственная система активно осознаваемой артикуляции и вторая, старая, больше или меньше пострадавшая в результате органического поражения головного мозга» [1, с. 10]. Такой дуализм затруднял спонтанное восстановление и не способствовал возвращению к естественной коммуникации.

Второе направление, так называемый «обходной путь», предполагало восстановление устной речи через опору на сохранные анализаторы – зрение и кинестетику письма. Методика заключалась в механическом списывании букв и слов с целью закрепления связи между звуком и его графическим образом. Данный подход также рассматривался неоднозначно. Его достоинством было использование сохранных функций для стимуляции речи. Однако фундаментальным недостатком являлось то, что в основе лежало не восстановление нарушенной функции, а формирование новой слухо-зрительной системы устной речи «с нуля». Результатом такой работы часто становилась неспособность больного дифференцировать звуки без опоры на их графическое написание (букву). Метод был эффективен лишь для пациентов с развитым преморбидным навыком чтения.

Третье направление, согласно концепции Б. Г. Ананьева и детально разработанному В. В. Оппель, основывалось на использовании остаточных речевых возможностей больного через создание активных коммуникативных ситуаций. Именно этот подход был признан наиболее перспективным и успешным. Ключевая идея заключалась в том, чтобы актуализировать весь имеющийся речевой потенциал пациента за счёт его личной активности и мотивации к общению. Роль логопеда смещалась от простого «тренера артикуляционного аппарата» к роли организатора коммуникативной среды. Совместная работа невролога, логопеда и семьи создавала условия для спонтанного растормаживания речи.

На основе анализа клинической практики В. В. Оппель сформулировала целостную систему условий, необходимых для успешной реализации третьего направления восстановительной работы:

- психологическая установка. Ключевым условием является отношение к больному как к потенциально говорящему человеку. Необходимо выбирать темы для общения близкие и интересные пациенту, чтобы он чувствовал себя услышанным и понятым;
- растормаживание сохранных элементов. Важно понимать, что страдает определённое речевое звено (например, моторный компонент), а остальные находятся в состоянии торможе-

ния («заблокированы»). Задача логопеда – не учить заново, а «растормозить» эти сохранные элементы;

- раннее начало занятий. Восстановление следует начинать как можно раньше после разрешения врача для профилактики формирования у пациента установки на невозможность выздоровления («выученной беспомощности»);
- систематичность. Занятия должны быть регулярными, предпочтительно ежедневными и проводиться в одно и то же время. Хаотичность занятий формирует у больного негативную установку на невозможность восстановления;
- привлечение семьи. Близкие должны быть активными участниками процесса, обогащая коммуникацию больного за пределами кабинета логопеда.
- индивидуализация темпа. Необходимо определять оптимальный временной интервал между выполнением речевых заданий для каждого пациента индивидуально (от 5 до 35 секунд), чтобы избежать вторичного затормаживания речи.
- семантический подбор материала. Слова для занятий следует подбирать исходя из их эмоциональной значимости для больного, а не из лёгкости их произнесения.
- онтогенетический принцип. Целью является полное восстановление функции путём растормаживания сохранных звеньев в соответствии с этапами нормального развития речи.

Мария Константиновна Шохор-Троцкая (Бурлакова), развивая идеи своих предшественников, внесла существенный вклад в систематизацию принципов восстановительного обучения, опираясь на достижения нейропсихологии школы А. Р. Лурия:

- психологический аспект реабилитации. Первоочередной задачей логопеда является преодоление тяжёлого психологического состояния пациента – чувства бессилия и депрессии вследствие утраты речи и изменения социального статуса. Формирование позитивной установки на восстановление является фундаментом всей последующей работы;
- нейропсихологическая диагностика. Обязательным условием является тщательное исследование состояния всех высших психических функций (ВПФ) по схеме А. Р. Лурия. Это позволяет точно определить структуру дефекта: какое именно звено речевой системы нарушено первично (например, фонематический слух или артикуляционный праксис), а какие вторично пострадали из-за распада системы в целом;
- принцип работы над всеми сторонами речи. Стратегия восстановительного обучения опирается на учение А. Р. Лурия о динамической организации психических функций. Согласно этой теории, все вторичные и третичные поля левого полушария принимают активное участие во всех видах речевой деятельности (понимании, говорении, чтении). Поэтому работа должна вестись над всеми сторонами речи одновременно при любой форме афазии;
- учет латерализации функций. Необходимо выяснять у врача характер поражения мозга и обязательно исследовать наличие парциального или скрытого левшества у пациента, так как это влияет на прогноз восстановления и компенсаторные возможности субдоминантного полушария;
- организация занятий. Занятия должны начинаться как можно раньше (в первые недели после инсульта). На поздних этапах важно объяснять пациенту суть его нарушения доступным языком. Недопустим снисходительный или формальный тон; занятия должны быть интересными и учитывать интеллектуальный уровень больного;
- поэтапное усложнение задач. Дидактический материал должен усложнять-

ся постепенно, строго следуя за успехами пациента («программирование обучения»). Это позволяет избежать перегрузки и закрепить каждый достигнутый результат;

- компенсаторные механизмы. Выделяется два пути компенсации нарушенных функций. Сукцессивный путь: через чтение/письмо текстов, автоматизированные ряды (счёт), восстановление фонематического слуха через контекст. Симультанный путь: работа над многозначностью слова, использование зрительной имитации звуков («надстрочные знаки»), опора на схемы предложения [5, с. 43].

Известный нейропсихолог Л. С. Цветкова представляет главные принципы и задачи восстановительного обучения, которые созвучны с пониманием вышеперечисленных авторов:

- принцип учета личности больного;
- принцип опоры на сохранные формы вербальной и невербальной деятельности больного;
- принцип опоры на предметную деятельность;
- принцип организации деятельности и управления ей;
- принцип программирования обучения, который предусматривает разработку программ, состоящих из ряда последовательных операций [3, с. 57–58].

Современные представления о ВПФ, о закономерностях их нарушения, путях их восстановления дает возможность поновому сформулировать задачи восстановительного обучения. Восстановительное обучение должно решать три группы задач и иметь в методическом арсенале адекватные им методы и техники.

Первая группа задач относится к личности больного: восстановление личности больных и их эмоционально-волевых процессов; создание и поддержание мотивов к восстановительному обучению. Вторая группа задач направлена на восстановление речи и речевого общения: восстановление речи как психической функции, а не приспособление больного к дефекту; восстановление деятельности речевого общения, а не изолированных частных сенсомоторных операций речи; восстановление прежде всего коммуникативной функции речи, а не отдельных ее сторон (повторения, называния и т.д.). Третья группа задач имеет своей целью социализацию и реабилитацию больных: возвращение больного в нормальную социальную среду, а не в упрощенную; восстановление внутреннего общения с самим собой; восстановление прежней (или создание новой) социальной роли больного в обществе [4, с. 117–118].

Заключение.

В научной литературе доказана необходимость специально организованного обучения при афазии с нарушением высших психических функций (ВПФ) лиц чаще всего зрелого возраста. По мнению ведущих нейропсихологов А. Р. Лурии, Э. С. Бейн, М. К. Шохор-Троцкой (Бурлаковой), Л. С. Цветковой, Т. Г. Визель, В. М. Шкловского, проблема восстановительного обучения при афазии актуальна и изучается в области нейрофизиологии, нейропсихологии, нейролингвистики и дефектологии. Действительно, сегодня обозначены методология, принципы восстановления речи и неречевых функций при разных формах афазии, а также достаточно разработан и внедрен в дефектологическую работу широкий спектр научно обоснованных методов комплексной помощи для устранения последствий локальных поражений головного мозга [2, с. 5]. Анализ исторического развития методов восстановительного обучения при моторных афазиях показывает эволюцию от механистических подходов к комплексным системам реабилитации, ориентированным на личность больного.

Современная практика базируется на синтезе педагогических принципов растормаживания речи (В. В. Оппель) и нейропсихологических представлений о динамической организации функций мозга (А. Р. Лурия). Ключевыми факторами

успеха являются раннее начало занятий, системность работы, опора на сохранные анализаторы и высшие психические функции (особенно смысловую сторону речи), а также создание мощной мотивационной среды с участием семьи пациента. Восстановительное обучение проводится по специальной заранее разработанной программе, которая должна включать определенные задачи и соответствующие им методы работы, дифференцированные в зависимости от формы афазии, степени выраженности дефекта, этапа заболевания

Таким образом, эффективность восстановительного обучения определяется не столько набором технических приёмов, сколько целостным подходом к пациенту как к личности с сохранным стремлением к коммуникации.

Библиографический список

1. Оппель В. В. Восстановление речи после инсульта. М.: Книга по требованию, 2013. 152 с.
2. Сергеева А. И. Восстановительное обучение при афазии. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2023. 82 с.
3. Цветкова Л. С. Афазия и восстановительное обучение. М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2001. 256 с.
4. Цветкова Л. С. Введение в нейропсихологию и восстановительное обучение. М.: Московский психолого-социальный институт, 2000. 148 с.
5. Шохор-Троцкая (Бурлакова) М. К. Стратегия и тактика восстановления речи. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, В. Секачев, 2001. 432 с.

© Меженцева Г. Н., Иванова Е. Н., 2026

УДК 376.3

ФОРМИРОВАНИЕ УМЕНИЯ ПОСТРОЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ НА ЛОГОПЕДИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ

EDN VDYVSU

Г. Н. Меженцева *Кандидат педагогических наук, доцент, e-mail: galmezh@mail.ru,*

А. Н. Корнеева *студентка, e-mail: korneevaanna400@gmail.com, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия*

FORMATION OF SENTENCE CONSTRUCTION SKILLS IN PRESCHOOL CHILDREN WITH GENERAL SPEECH UNDERDEVELOPMENT IN SPEECH THERAPY CLASSES

G. N. Mezhentseva *Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,*

A. N. Korneeva *Student, Smolensk State University, Smolensk, Russia*

Abstract. In this article, the authors examine the characteristics of sentence formation in preschool-aged children with general speech underdevelopment. Typical sentence construction errors in this category of children include difficulties with syntactic construction, word order, agrammatism, and deficiencies in the semantic organization of utterances. The authors present methodological approaches to remedial pedagogical intervention, a step-by-step development of lexical and grammatical structures, and a set of specialized exercises for working with various sentence types. They emphasize the importance of systematic speech therapy for overcoming these impairments.

Keywords: general speech underdevelopment; preschool children; speech therapy sessions.

Формирование грамматического строя речи, в частности умения правильно строить предложения, является одной из центральных задач логопедической работы с дошкольниками, имеющими общее недоразвитие речи. Как отмечается в отечественной научной традиции, для этого необходим комплексный и многоуровневый подход, учитывающий как особенности речевого дефекта, так и общие закономерности речевого развития. Синтаксическая организация речи у детей с ОНР характеризуется пропуском частей предложения, неправильным порядком слов и отсутствием сложных конструкций, что значительно снижает связность и выразительность речи, а также ограничивает коммуникативные возможности ребенка.

Важным вкладом в понимание особенностей формирования грамматического строя у детей с ОНР является концепция Р. Е. Левиной, которая подчёркивает существование двух параллельных стратегий усвоения: восприятия слов как целостных единиц и овладения процессом расчленения слов на морфемы посредством анализа и синтеза [8]. Данная двойственность отражает фундаментальные трудности, с которыми сталкиваются дети с ОНР, поскольку грамматические категории требуют не только запоминания, но и осознания внутренней структуры слова.

Дальнейшее развитие этих идей представлено в работах Т. Б. Филичевой и Г. В. Чиркиной, которые предлагают поэтапную систему формирования речи для детей с ОНР III уровня речевого развития [13]. Их подход включает развитие понимания речи, расширение словарного запаса, формирование обобщающих понятий и практических навыков словообразования и словоизменения. Особое внимание уде-

ляется воспитанию навыков употребления простых распространённых предложений и постепенному введению сложных синтаксических конструкций

Е. М. Струнина и О. С. Ушакова акцентируют внимание на «активной ориентировке ребёнка в окружающем мире и звучащей речи как основе обогащения грамматического строя». Они подчёркивают важность расширения сферы применения грамматических средств через разнообразные формы речевого общения и формирование лингвистического отношения к слову [12].

Речь детей с общим недоразвитием речи характеризуется существенными нарушениями на уровне построения предложений, что связано с недостаточным развитием синтаксических навыков и морфологического анализа. Синтаксическая структура у таких детей зачастую нарушена, что проявляется в пропусках главных и второстепенных членов предложения, неправильном порядке слов, замене сложных предлогов на более простые, а также в трудностях с установлением грамматических связей между словами [1].

Одной из наиболее заметных особенностей является пропуск главных и второстепенных членов предложения. Кроме того, пропуски дополнений и обстоятельств приводят к потере важных деталей, необходимых для точного понимания ситуации [4]. Порядок слов нередко нарушается, что выражается в произвольном или неправильном расположении слов и словосочетаний, искажающим нормативную структуру высказывания.

Упрощение языковых средств, проявляющееся в замене сложных предлогов простыми, также является характерной чертой речи детей с ОНР. Как отмечается в литературе, «упрощение предлогов отражает стремление ребенка компенсировать трудности в усвоение сложных грамматических форм, однако приводит к снижению выразительности речи» [10]. Сложноподчинённые предложения, требующие координации нескольких синтаксических единиц, практически недоступны для детей с выраженными нарушениями, что ограничивает их способность к развернутому и логически организованному высказыванию [9].

Современная коррекционная практика предлагает ряд эффективных методик, направленных на поэтапное формирование умений построения предложений у дошкольников с ОНР.

Система Н. С. Жуковой, Е. М. Мастюховой и Т. Б. Филичевой [6] выделяет пять этапов формирования предложения: от однословных высказываний до сложноподчиненных конструкций, что отражает естественную динамику речевого развития и служит основной для планирования коррекционной работы.

Методика Т. А. Ткаченко [11] акцентирует внимание на использовании наглядности и моделировании плана высказывания. Упражнения строятся по принципу возрастающей сложности, что позволяет ребенку постепенно осваивать новые речевые конструкции со снижением опоры на визуальные подсказки.

В логопедической работе широко используются следующие упражнения:

- «Живое предложение»: ребёнку предлагается из набора слов выстроить предложение в правильном порядке, что стимулирует понимание синтаксических связей;
- «Какое слово заблудилось?»: направлено на восстановление смысловой целостности высказывания и правильного порядка слов;
- «Путаница»: дети учатся заменять нелепые или неуместные слова на подходящие по смыслу, перестраивать фразы;
- «Деформированный текст»: формирует умение составлять предложения из разрозненных слов;
- «А что, если бы?», «Кто у кого?»: ориентированы на освоение сложных синтаксических конструкций, включая

условные и сложносочиненные предложения [3, 14].

Как подчеркивается в научной литературе, «игровой подход позволяет создавать ситуации, в которых ребёнок осваивает грамматические конструкции в естественной и мотивированной речевой деятельности, что особенно важно для детей с ОНР, испытывающих трудности с абстрактным усвоением правил языка» [7].

В коррекционной работе важную роль играет наглядность. Использование натуральных предметов, их изображений и других визуальных пособий помогает детям с ОНР лучше воспринимать и усваивать грамматические формы, так как наглядные материалы способствуют концентрации внимания и активизации познавательных процессов [5]. Особое значение имеет работа с речевыми образцами – пересказ коротких рассказов и сказок, которые служат образцом правильной грамматической речи.

Таким образом, логопедическая работа по формированию умения построения предложений у дошкольников с ОНР должна строиться на основе системного, поэтапного и индивидуализированного подхода. Эффективность коррекции достигается через комплексное развитие морфологического анализа, обучение правильному порядку слов и расширение употребления разнообразных синтаксических конструкций. Использование игровых, наглядных и деятельностных методов способствует активизации речевой деятельности и закреплению грамматических навыков в естественных речевых ситуациях. Как отмечается в литературе, «создание речевой среды, стимулирующей применение грамматических правил, повышает мотивацию ребёнка и способствует более глубокому усвоению синтаксических норм» [2]. Результатом систематической работы является не только устранение речевых нарушений, но и развитие коммуникативных навыков, необходимых для успешной социальной адаптации и обучения ребёнка.

Библиографический список

1. Бельтюков В. И. Пути исследования механизма развития речи // Дефектология. – 2014. – № 3. – С. 24–32.
2. Ванюхина Г. А. Использование полисенсорного восприятия в процессе коррекции связных высказываний у дошкольников с общим недоразвитием речи. – Москва : РГБ, 2003. – 126 с.
3. Воробьёва В. К. Методика развития связной речи у детей с системным недоразвитием речи. – М. : Астрель, 2006. – 158 с.
4. Гвоздев А. Н. Формирование у ребенка грамматического строя. – М. : Высшая школа, 2011. – 499 с.
5. Глухов В. П. Из опыта логопедической работы по формированию связной речи детей с ОНР дошкольного возраста на занятиях по обучению рассказыванию // Дефектология. – 2006. – № 2. – С. 56–73.
6. Жукова Н. С. Преодоление общего недоразвития речи у дошкольников. – Екатеринбург : Литур, 2016. – 320 с.
7. Лаптева Н. В., Мороз Е. Ю. Принципы коррекционной работы по формированию синтаксической структуры предложения у дошкольников с общим недоразвитием речи // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 8. – С. 82–86. – URL: https://e-koncept.ru/ (дата обращения: 23.04.2026).
8. Левина Р. Е., Никашина Н. А. Характеристика общего недоразвития речи у детей. – М., 1968. – С. 67–85.
9. Нищеева Н. В. Развитие связной речи у детей дошкольного возраста. – М. : Детство-Пресс, 2009. – 288 с.
10. Смага А. А. Лексическое развитие дошкольников. – Мурманск, 1991. – С. 44–45.
11. Ткаченко Т. А. Комплексная система коррекции общего недоразвития речи у дошкольников (5 лет). – М. : Книголюб, 2007. – 127 с.
12. Ушакова О. С. Методика развития речи детей дошкольного возраста. – М. : ВЛАДОС, 2004. – 288 с.
13. Филичева Т. Б. Особенности формирования речи у детей дошкольного возраста. – М., 1999. – С. 87–98.
14. Шашкина Г. Р. Логопедическая работа с дошкольниками. – М. : Академия, 2003. – 240 с.

© Меженцева Г. Н., Корнеева А. Н., 2026

УДК 376.37

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОВЛАДЕНИЯ НАВЫКАМИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

EDN VZENIQ

Д. Р. Московская
Е. А. Колодовская

Студентка,
кандидат педагогических наук, доцент,
Смоленский государственный университет,
г. Смоленска, Россия

SOME ASPECTS OF MASTERING NOUN FORMATION SKILLS IN PRESCHOOL CHILDREN WITH GENERAL SPEECH UNDERDEVELOPMENT

D. R. Moskovskaya
E. A. Kolodovskaya

Student,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Smolensk State University,
Smolensk, Russia

Abstract. This article is devoted to the study of the peculiarities of the development of word-formation skills in preschool children with general speech underdevelopment of level III. Attention is paid to the specifics of disorders arising in the formation of nouns, as well as to the mechanisms underlying these disorders. The aim of the study is to identify typical errors and deviations in the process of creating derived words, which will allow the development of more effective corrective methodologies.

Within the framework of this work, it is planned to investigate and describe the word-formation skills of nouns in preschool children with general speech delay of level III.

The study is distinguished by its scientific novelty in that it comprehensively investigates the patterns of development of word-formation skills in preschool-aged children. It involves the systematization of knowledge about the order of mastering morphological models and word-formation processes.

The methodology of the study combined a theoretical analysis of psychological, pedagogical, and speech therapy literature with empirical data. The results of examining the level of formation of noun word-formation skills in preschool children with general speech underdevelopment (GSU) are presented, as well as proposed directions for corrective work to eliminate the identified disorders.

The results: based on the analysis of scientific literature, it was established that the formation of noun word-formation skills is a complex integrative process, occurring in close connection with the development of higher mental functions.

The area of application of the results is related to the practical activities of speech therapists in preschool educational institutions, as well as in the development of specialized corrective and developmental programs for younger schoolchildren with general speech underdevelopment (GSU). The main focus is on improving the lexical and grammatical structure of speech: the formation of noun word-formation skills, the conscious use of language norms, and the development of the ability for word creation through understanding the role of morphemes in the structure of a word.

Keywords: preschool children; speech; general speech underdevelopment; word formation; grammatical structure of speech; speech development; language norms; noun; morphemes; derivation.

Исследования А. Н. Гвоздева, С. А. Рубинштейна и Д. Б. Эльконина сыграли ключевую роль в понимании закономерностей освоения грамматического строя речи детьми дошкольного возраста с ОНР, а также механизмов формирования навыков словообразования имён существительных.

В рамках онтогенетического развития формирование словообразовательных компетенций у дошкольников выступает как поликомпонентный процесс, детерминированный динамическим взаимодействием речевых и неречевых когнитивных структур. Умение образовывать новые существительные развивается у детей не

само по себе, а вместе с другими языковыми навыками. Как и другие сложные психические процессы, оно связано с тем, как ребёнок учится изменять слова (например, склонять их по падежам), пополняет свой словарный запас и осваивает правила грамматики. Основополагающими факторами становления словообразовательных навыков выступают неречевая деятельность ребёнка, в рамках которой осуществляется познание окружающей действительности посредством чувственного восприятия, а также речевая активность взрослых участников коммуникативного процесса и межличностное взаимодействие между детьми и взрослыми субъектами общения.

Данные детерминанты развития словообразовательных навыков формируют целостную систему, обеспечивающую поэтапное становление и совершенствование речевой деятельности ребёнка в период дошкольного детства.

Проблематике формирования словообразовательных навыков в период дошкольного онтогенеза посвящено значительное количество фундаментальных исследований отечественных учёных. Существенный вклад в изучение данного аспекта речевого развития внесли такие выдающиеся исследователи, как А. Н. Гвоздев, А. М. Шахнарович, Т. В. Туманова, Э. А. Федеравичене, О. М. Вершинина, а также ряд других специалистов в области детской речи и онтолингвистики.

Научные труды указанных исследователей позволили сформировать теоретическую базу для изучения механизмов становления словообразовательных компетенций у детей дошкольного возраста, выявить закономерности данного процесса и определить его специфику в контексте общего речевого развития ребёнка.

В условиях типичного онтогенетического развития формирование словообразовательных операций в отношении имён существительных инициируется на этапе младшего дошкольного возраста. При этом данный процесс характеризуется выраженной индивидуальной вариативностью и неравномерностью становления у различных субъектов, что детерминируется совокупностью накопленных речевых компетенций, подверженных постепенному количественному и качественному обогащению.

На обозначенном этапе онтогенеза наблюдается интенсивная диверсификация словообразовательных и словоизменительных форм в речевой продукции ребёнка, что свидетельствует о динамичном характере данного процесса. Важно подчеркнуть, что становление словообразовательных навыков продолжает своё развитие вплоть до периода младшего школьного возраста, демонстрируя преемственность и последовательность в формировании речевой системы индивида.

Как демонстрируют результаты актуальных научных исследований, изложенных в трудах Т. В. Тумановой и Э. А. Федеравичене, в процессе индивидуального развития ребёнка выделяются следующие последовательные этапы формирования словообразовательных операций в отношении имён существительных:

Первый этап характеризуется первоначальным накоплением лексического фонда и формированием базовых предпосылок словообразовательных навыков. Данный период охватывает возрастной диапазон от 2,5 до 3,5–4 лет, в течение которого наблюдается массовое проявление словообразовательных процессов в речевой деятельности детей.

Второй этап связан с активным освоением механизмов словопроизводства и формированием обобщённых представлений. Указанный период охватывает возрастную категорию от 3,5–4 до 5,5–6 лет.

Третий этап характеризуется усвоением нормативных основ и правил словообразования имён существительных, развитием механизмов самоконтроля и формированием критического восприятия речевой деятельности. Данный этап охватывает возрастной период от 5,5 до 6 лет, со-

провождаясь постепенным снижением интенсивности словотворческих процессов.

В ходе всех перечисленных этапов наблюдается существенная трансформация характера формирования словообразовательных навыков. Эволюция словообразовательных форм в детской речи осуществляется в соответствии с семантической и функциональной спецификой их проявления в языковой структуре, следуя принципу от относительно простых к более сложным конструкциям.

Согласно теоретическим положениям А. М. Шахнаровича, процесс познания языковой системы ребёнком осуществляется в ходе становления речевой деятельности. При этом следует отметить, что когнитивные возможности ребёнка не позволяют ему одномоментно освоить всю совокупность лингвистических закономерностей и сложную систему языковых конструкций, характерных для речевой практики взрослых носителей языка.

В связи с данным обстоятельством наблюдается определённая последовательность в усвоении языковых форм. Первоначально происходит ассимиляция семантически элементарных, визуально отчётливо воспринимаемых и дифференцируемых языковых конструкций. Наибольшую раннюю доступность демонстрирует освоение уменьшительно-ласкательных форм имён существительных, что обусловлено превалирующим использованием данной категории слов в процессе коммуникации между взрослыми и ребёнком.

После успешного освоения наиболее продуктивных словообразовательных моделей наблюдается переход к более сложным языковым конструкциям. На данном этапе происходит интериоризация номинативных конструкций, обозначающих профессиональную принадлежность индивидов, а также дифференциация глагольных форм с префиксальными образованиями и иных лингвистических конструкций повышенной степени сложности.

В процессе онтогенетического развития лексической системы первоначально в речевом репертуаре ребёнка формируются имена существительные, которые на определённом этапе выступают единственной используемой частью речи. Исходным падежным вариантом выступает именительный падеж.

Морфемный анализ демонстрирует, что первой усваиваемой словообразовательной единицей является суффикс. При дифференциации морфемных компонентов дети преимущественно оперируют уменьшительно-ласкательными словообразовательными моделями, что обусловлено их высокой частотностью в коммуникативной практике взрослых.

Формирование первичных лексических единиц достигает количественного показателя около ста существительных, после чего наблюдается становление словообразовательных операций по аналогии. Данный этап свидетельствует о начале интериоризации грамматических закономерностей языковой системы.

Характерной особенностью онтогенетического словообразования является тенденция к усвоению наиболее частотных флексий. В определённый период наблюдается превалирование одной продуктивной словообразовательной модели, в то время как альтернативные варианты, репрезентирующие аналогичные значения, подвергаются элиминации и замещаются доминирующей моделью.

К трёхлетнему возрасту ребёнок должен овладеть навыками суффиксального словообразования имён существительных, при этом приоритетным направлением выступает освоение уменьшительно-ласкательных значений как наиболее семантически прозрачных и функционально значимых для коммуникативной практики.

В научных трудах А. Н. Гвоздева выявлены существенные характеристики процесса формирования словообразовательных навыков у детей. Установлено, что дети демонстрируют высокую точ-

ность в выделении морфем (корней, приставок, суффиксов, окончаний) при создании новообразований, что характерно для второго периода формирования словообразования согласно периодизации Т. В. Тумановой и Э. А. Федеравичене.

Отмечается тенденция к воспроизведению морфем в неизменном виде при их заимствовании из существующих слов, особенно на начальном этапе словообразования имён существительных и при формировании слов без чередования и модификации основ.

А. Н. Гвоздев связывает становление словообразовательных навыков с детским словотворчеством. При нормальном речевом развитии дети самостоятельно осваивают механизмы словообразования, что сопровождается расширением лексического запаса и формированием языкового чутья, а также развитием критического отношения к собственной речи.

Словотворчество в свою очередь возникает из-за быстро растущей потребности ребенка в общении. Лексика накапливается недостаточно быстро, а что-то рассказать и объяснить собеседнику бывает крайне необходимо. В связи с этим дети образуют новое слово, по аналогии, опираясь на свои грамматические наблюдения. Созданное ребенком слово не всегда может в полном объеме соответствовать нормативному русскому языку. В этом случае взрослые должны корректировать образованное слово. Однако если образованное слово совпадает с нормативным вариантом, то окружающие и не замечают словотворчества [5].

При образовании новых слов дети преимущественно пользуются морфологическим способом словообразования, так как им необходимо освоить модели словообразования, лексические значения морфем, и смысл значимых частей слова.

Словотворчество у детей характеризуется использованием продуктивных словообразовательных моделей. Освоив определенную словообразовательную модель, ребенок впоследствии экстраполирует ее на другие языковые случаи. Например, по аналогии с прилагательными лисий, ежий, мыший или существительным снежинка ребенок может образовать формы каплинка и т.д. [4].

В собственном словотворчестве ребенок активно пользуется суффиксами, причем немаловажно, что использует их невероятно точно и правильно с точки зрения значения и звукового состава.

Когда ребёнок общается с окружающими, он не только запоминает слова, но и учится их «разбирать» на части – например, видит, что слово «котик» состоит из корня кот- и суффикса -ик-, который делает слово ласковым.

Сначала ребёнок просто слышит и запоминает слова – это пассивное усвоение. Потом он начинает замечать общие части в разных словах («домик», «столик» – везде есть -ик-) и понимает, что эта часть меняет значение слова. Наконец, ребёнок сам придумывает новые слова, используя эти части.

Получается, что освоение словообразования идёт в три шага:

1) Разбираем слова на части (морфемы);
2) Понимаем, что эти части значат;
3) Собираем из частей новые слова.

Нормативная динамика речевого развития в старшем дошкольном возрасте характеризуется снижением активности словотворчества, что отражает переход от этапа языкового экспериментирования к этапу автоматизации словообразовательных процессов. Ребёнок начинает опираться на усвоенные нормативные модели словообразования вместо создания индивидуальных неологизмов, что свидетельствует о сформированности базовых языковых компетенций.

Педагогическая стратегия на данном этапе должна быть направлена на:

1) закрепление нормативных словообразовательных моделей через специально организованные упражнения;

2) развитие метаязыковой осознанности – способности анализировать и оценивать языковые формы;

3) формирование языкового чутья как интуитивного понимания правильности/неправильности словоупотребления;

4) создание коммуникативных ситуаций, стимулирующих использование нормативных вариантов в естественной речи.

Исследования А. Н. Гвоздева демонстрируют, что к концу дошкольного периода происходит качественное преобразование языковой компетенции ребёнка. На смену поэтапному усвоению отдельных грамматических форм приходит целостное владение системой языка, включающее:

1) освоение морфологических категорий во всей их полноте;

2) понимание синтаксических закономерностей и их вариативности;

3) усвоение прагматических аспектов речи – уместности и целесообразности языковых средств.

Этот переход свидетельствует о формировании языковой интуиции: ребёнок перестаёт «вспоминать» правила и начинает интуитивно чувствовать норму. Русский язык из объекта изучения превращается в естественный инструмент коммуникации и когнитивной деятельности, раскрываясь для каждого ребёнка как индивидуальное «орудие» мышления и общения. Эмпирической стороной грамматики дети дошкольного возраста уже овладели, их ошибки если и встречаются, то только при употреблении форм-исключений [2].

Овладение способами словообразования имён существительных — это сложный когнитивный процесс, требующий развитого аналитико-синтетического мышления. Его результативность прямо коррелирует с уровнем интеллектуального и речевого развития ребёнка.

Библиографический список

1. Алексеева М. М. Методика развития речи и обучения родному языку дошкольников. Сфера, 2006. 144 с.
2. Барковская Л. Е. Формирование навыков словообразования у дошкольников 2011. URL: https://nsportal.ru/detskiy-sad/logopediya/2011/11/05/formirovanie-navykov-slovoobrazovaniya-u-doshkolnikov (дата обращения: 02.02.2026).
3. Большакова С. Е. Формируем слоговую структуру слова. М.: Сфера, 2007. 115 с.
4. Секачев В. Ю. Коррекционно-педагогическая работа в дошкольных учреждениях для детей с нарушениями речи. / под ред. Гаркуша Ю. Ф. – М.: Сфера, 2000. – 93 с.
5. Хрестоматия по логопедии. 2007.
6. Шашкина Г. Р. Логопедическая работа с дошкольниками М.: Издательский центр «Академия». 2003. 267 с.

© Московская Д. Р., Колодовская Е. А., 2026

УДК 376.37

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО СТРОЯ РЕЧИ ПРИ ДИЗАРТРИИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

WRQIIV

П. А. Назарова *Студентка, e-mail: nazarovapolina14@gmail.com,*
В. В. Якушева *кандидат педагогических наук, доцент, e-mail: yakusheva.veronika@yandex.ru,*
Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия

ON THE DEVELOPMENT OF THE LEXICAL-SEMANTIC STRUCTURE OF SPEECH IN PRESCHOOL CHILDREN WITH DYSARTHRIA

P. A. Nazarova *Student,*
V. V. Yakusheva *Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Smolensk State University, Smolensk, Russia*

Abstract. The article addresses the development of the lexical-semantic structure of speech in preschool children with dysarthria. It is emphasized that dysarthria affects not only the articulatory aspect of speech but also the entire system of speech communication. Lexical and semantic difficulties are viewed as arising from a combination of motor impairments, possible phonematic processing difficulties, and individual features of children's speech experience.

The study shows that the pattern of lexical-semantic deficits may vary. In some cases, difficulties are mainly observed in expressive vocabulary while comprehension remains relatively preserved; in others, impairments in understanding are also present, especially when complex semantic relations are involved. The article substantiates the need to consider lexical-semantic development as the result of the interaction of multiple mechanisms rather than a direct consequence of a single disorder.

Special attention is given to correctional directions aimed at comprehensive intervention. These include expanding vocabulary, уточning word meanings, developing the structure of word meaning, and strengthening semantic connections. The importance of game-based methods, visual supports, and interactive tasks is highlighted, as well as the value of gradually increasing the complexity of tasks. Exercises targeting synonymy and antonymy, categorization, and word formation are described as contributing to both lexical and grammatical improvement and to the stimulation of speech motivation.

The article identifies methodological gaps and outlines prospects for further research. These include developing more accurate diagnostic profiles that distinguish the contribution of motor limitations from phonematic difficulties and testing the effectiveness of integrated programs that combine vocabulary work with the development of phonematic support and voluntary speech control.

Keywords: dysarthria; preschool age; lexical semantic structure of speech; vocabulary development; semantic connections; sound pronunciation; phonemic processes; speech communication; speech therapy work; play activity; voluntary speech control.

Дизартрия у детей дошкольного возраста относится к числу нарушений, при которых страдает не только произносительная сторона речи, но и вся система речевого общения. В клинической и психолингвистической традиции дизартрия рассматривается прежде всего как расстройство двигательной организации речи, обусловленное органическим поражением центральной и/или периферической нервной системы. Превалирующими расстройствами у детей при этом нарушении речи являются трудности моторного (фонетического) оформления речевого высказывания, интонационных модуляций голоса [2, с. 33].

Однако в практике коррекционной работы давно замечено, что трудности арти-

куляции нередко сопровождаются изменениями лексико-семантического строя: словарь может быть ограничен, значения слов усваиваются неравномерно. Связи между словом и его смысловыми признаками формируются медленнее. Такая картина требует анализа не только моторного дефицита, но и того, как он отражается на развитии семантической системы в условиях возрастного становления речи.

Актуальность этой проблемы усиливается еще и потому, что нарушения речи у детей дошкольного возраста встречаются довольно часто. Но при разных видах речевой патологии структура дефекта может быть различной. В логопедической практике и в психолингвистических исследованиях трудности формирования лексико-семантической стороны речи описываются при разных формах речевого недоразвития, в том числе при моторной алалии и общем недоразвитии речи.

Для моторной алалии характерно в первую очередь нарушение формирования выразительной речи. Это связано с функциональной незрелостью механизмов, которые обеспечивают планирование и осуществление речевого высказывания. В результате у ребенка наблюдаются ограниченность словаря и трудности с подбором и актуализацией нужных слов [10, с. 398].

При общем недоразвитии речи же подчеркивается системный характер трудностей: страдают не только фонетико-фонематические процессы, но и лексико-грамматический строй, а также способы смыслового оформления высказывания. При этом степень выраженности лексико-семантических трудностей неодинакова и зависит от сочетания факторов, включая состояние сенсорных и моторных звеньев, а также уровень речевого опыта ребенка [13, с. 317].

При дизартрии в первую очередь страдает двигательная организация речи. Именно поэтому, в классических научных трудах акцент делается на несформированности артикуляторных укладов, трудностях переключения движений и снижении четкости артикуляционного рисунка. Вместе с тем важно уточнить, как двигательные ограничения влияют на скорость накопления словаря, на успешность лексического поиска, на стабильность семантических представлений и на формирование связи между словом и его смысловыми признаками. Также недостаточно ясно, как недоразвитие фонематических процессов, которое часто встречается при дизартрии, влияет на усвоение слов.

Дизартрия понимается как нарушение произносительной стороны речи, обусловленное расстройством иннервации мышц, задействованных в речевом акте. В результате страдают темп, ритм, сила, точность и координация артикуляционных движений, а также просодические характеристики речи. Кроме того, на формирование речевой функции у ребенка существенно влияют уровень зрелости и сохранность центрального и периферического речевого аппарата, а также состояние сенсорных систем – зрительной, слуховой и тактильной [2, с. 35].

Учитывая эти механизмы, можно объяснить формирование специфического профиля трудностей при дизартрии: фрагментарность речевого сигнала затрудняет усвоение фонемного состава слов, что впоследствии отражается на семантической дифференциации и точности выбора лексем.

Исследования таких ученых, как Е. Ф. Архиповой [1], Л. В. Лопатиной, Н. В. Серебряковой [9], выявили следующие особенности лексико-семантической стороны речи при дизартрии:

- ограниченность словарного запаса;
- неточность употребления слов;
- расхождение объёма активного и пассивного словаря;
- недостаточная сформированность семантических полей;
- трудности актуализации словаря.

Влияние моторных нарушений на овладение лексикой можно рассматривать через несколько взаимосвязанных линий.

Во-первых, моторные трудности снижают скорость и автоматизированность речевого акта. Ребенку требуется больше времени на подбор артикуляционных укладов и на координацию движений, что повышает вероятность сбоев в произнесении слов и фраз.

Во-вторых, нестабильная артикуляция делает речевой сигнал менее предсказуемым для собеседника, а значит, обратная связь в общении может быть менее точной.

В-третьих, при длительном сохранении моторных трудностей ребенок может избегать сложных слов и конструкций, что ведет к ограничению речевого опыта и к снижению вариативности словарного запаса. В логопедической практике это нередко проявляется тем, что в активном словаре преобладают более простые по фонетическому составу лексемы, а слова с более сложной артикуляцией и протяженной слоговой структурой замещаются более доступными вариантами или сопровождаются паузами и заменами.

Современные методические подходы в области диагностики и коррекции нарушений при дизартрии ориентированы на комплексное воздействие, что напрямую обусловлено природой самого нарушения. С одной стороны, дизартрия характеризуется расстройством координации и силы артикуляционных мышц, что напрямую влияет на четкость и плавность речи. С другой стороны, эти моторные трудности накладывают отпечаток на высшие языковые процессы: затрудняют формирование устойчивых связей между звуковым образом слова и его значением, осложняют выбор и актуализацию лексических единиц в речи. При этом важно учитывать возрастные и функциональные характеристики ребенка, что позволяет выстраивать коррекционные программы с максимальной эффективностью и адаптивностью [6, с. 44].

Таким образом, дизартрия затрагивает сразу два уровня речевой деятельности, что делает системный подход не просто желательным, а необходимым условием эффективной коррекционной работы.

Опираясь на психолингвистические концепции семантической структуры слова и ее развития в процессе онтогенеза, а также учитывая специфику лексико-семантической стороны речи у дошкольников с дизартрией, Н. В. Сербрякова выделила ключевые направления коррекционно-логопедической работы:

1) расширение объема словаря;
2) формирование структуры значения слова;
3) развитие лексической системности и семантических полей;
4) формирование синтагматических связей слова [11, с. 137].

Приоритетным направлением выступает расширение объема словаря, которое включает уточнение значений слов, уже находящихся в пассивном словаре ребенка, и их актуализацию в самостоятельной речи, а также освоение новых лексических единиц – глаголов, прилагательных и существительных.

Применение такого подхода позволяет не только увеличить количество слов, которыми ребенок владеет, но и повысить качество их использования, что особенно актуально для детей с дизартрией, испытывающих трудности в артикуляции и, как следствие, в активном речевом выражении.

Особое внимание также уделяется формированию структуры значения слова, которая включает денотативный, сигнификативный (лексико-семантический) и контекстуальный компоненты. Для детей с дизартрией характерны сложности именно в освоении сигнификативного компонента, что связано с нарушениями в восприятии и обработке лексической информации.

В педагогической практике применяется комплекс методов: наглядные (картинки, пособия, таблицы), практические (дидактические игры, упражнения), словесные (беседы, чтение), которые включают разнообразные речевые задания,

направленные на расширение словарного запаса и углубление семантических связей. Это особенно важно, поскольку лексико-семантический строй речи объединяет не только объем словаря, но и качество смысловых связей – от этого зависит, насколько точно и логично ребенок использует слова в своей речи.

В психолингвистическом понимании слово рассматривается как единица, в которой связаны фонологические, лексические и семантические признаки. Доступ, к слову, в свою очередь, зависит от сформированности сети связей между смысловыми и звуковыми компонентами [14, с. 1073].

У детей с нарушениями речи, в частности с дизартрией, эти механизмы могут быть существенно затруднены. Расстройство координации и силы артикуляционных мышц не только ухудшает произносительную сторону речи, но и осложняет активацию лексико-семантических структур: ребенку сложнее извлекать слова из памяти и устанавливать связи между их звуковой формой и значением. В результате страдает как объем активного словаря, так и способность точно и уместно использовать слова в контексте. Это подчеркивает необходимость адаптации педагогических методов с учетом специфики речевого нарушения и комплексного воздействия на все уровни речевой деятельности. Именно поэтому актуальной задачей современной логопедии становится углубленное исследование речеязыковых и двигательных процессов у детей с дизартрией, включая анализ индивидуальных различий у дошкольников с разной степенью выраженности расстройства [3, с. 96].

В коррекционно-логопедической работе по развитию лексико-семантической стороны речи важную роль играет применение современных педагогических технологий: они не только способствуют расширению лексического запаса, но и помогают формировать устойчивые семантические связи между словами.

Эффективному усвоению лексики и развитию умения классифицировать слова по категориям – что имеет прямое значение для речевой коммуникации – способствуют игровые формы работы, использование визуальных средств и интерактивных заданий [7, с. 288].

При этом логопедическая стратегия должна обеспечивать комплексное воздействие: сочетать развитие артикуляционной стороны речи с формированием устойчивого смыслового содержания слова и уточнением его фонематической опоры.

В практике коррекционной работы с детьми, страдающими дизартрией, особую ценность приобретают упражнения, нацеленные на развитие лексико-семантической стороны речи: они помогают расширить и уточнить словарный запас, а также сформировать устойчивые произносительные навыки.

В трудах Р. И. Лалаевой [8, с. 52], Л. В. Лопатиной и Н. В. Серебряковой [9, с. 74] представлена система дидактических игр и заданий, направленная на преодоление нарушений лексико-семантической стороны речи у детей с речевыми нарушениями. Однако ее применение при дизартрии требует особого подхода к подбору речевого материала: необходимо учитывать как возможности произношения и воспроизведения слоговой структуры слова, так и индивидуальные психологические особенности ребенка.

При учете возможностей произношения важно помнить, что при дизартрии часто наблюдается ограниченная подвижность речевой и мимической мускулатуры, смазанность и нечёткость речи. Это напрямую влияет на выбор слов для логопедических занятий. Прежде всего следует начинать с простых по артикуляции звуков и их сочетаний: сначала включаются слова с теми звуками, которые ребенок уже умеет произносить или которые легче освоить, а затем постепенно вводятся более сложные звуки с учётом динамики коррекционной работы. Кроме того,

необходимо учитывать темп речи и просодические нарушения – если у ребенка ускоренный или замедленный темп, подбираются слова, которые не будут усугублять эти проблемы (например, избегаются слишком длинные или слишком короткие слова, если это вызывает дискомфорт). Также рекомендуется избегать слов с труднопроизносимыми сочетаниями звуков, провоцирующими ошибки или отказ от произношения: к примеру, если ребенку сложно произносить стечения согласных, на начальном этапе используются слова с открытыми слогами.

Слоговая структура слова при дизартрии зачастую нарушена, поэтому материал подбирается с постепенным усложнением. На начальном этапе используются односложные слова («дом», «мяч», «нос»), где ребенок учится выделять и произносить один слог. Затем переходят к двусложным словам из открытых слогов («вода», «муха», «зубы») – на этом этапе ребёнок осваивает последовательность двух слогов. Следующий уровень сложности – двусложные слова с закрытым слогом («кошка», «лиса»), требующие более сложной артикуляционной работы. Далее вводятся трёхсложные слова из открытых слогов («собака», «ягоды», «молоко») и трёхсложные слова с закрытым слогом и стечением согласных («автобус», «садовник», «апельсин») – они предназначены для детей с более высоким уровнем подготовки. Завершающий этап – четырехсложные слова из открытых слогов («пианино», «кукуруза», «пуговица»), которые требуют хорошей координации артикуляционных движений. При работе со слогами эффективно применять игровые методы: хлопки, отстукивание ритма, использование музыкальных инструментов – это помогает ребенку визуально и кинестетически ощущать структуру слова.

Семантические аспекты подбора материала также имеют большое значение, поскольку при дизартрии, как отмечалось ранее, нередко наблюдаются ограниченность словарного запаса, расхождение объема активного и пассивного словаря, трудности актуализации слов, неточное употребление слов и вербальные парафазии (замены слов по семантическому признаку). Чтобы учесть эти особенности, рекомендуется начинать с лексики, связанной с повседневными действиями и предметами, знакомыми ребёнку (например, «мыть», «спать», «есть»). Целесообразно использовать тематические группы слов («еда», «одежда», «животные»), чтобы формировать семантические поля и помогать ребенку устанавливать связи между словами. Полезно включать упражнения на дифференциацию слов, сходных по семантике («высокий – длинный», «низкий – маленький»), – это развивает умение выделять существенные признаки. Работа с антонимами и синонимами тоже важна, но начинать следует с простых противопоставлений и постепенно усложнять задания. Кроме того, для объяснения значений слов целесообразно использовать контекст: дети с дизартрией часто лучше понимают слова в ситуативном контексте.

Дополнительные рекомендации включают постепенное усложнение заданий: начинать с простых упражнений на узнавание и повторение, затем переходить к заданиям на самостоятельное называние, составление словосочетаний и предложений [5, с. 17].

Наглядность играет существенную роль в логопедическом воздействии – карточки с изображениями, игрушки и реальные предметы помогают закрепить связь между словом и его значением. Важно делать акцент на ударном слоге: учить ребенка определять его в слове, так как это влияет на произношение и восприятие. Параллельно с подбором лексического материала необходимо проводить упражнения на развитие подвижности речевого аппарата.

Коррекционная работа может быть индивидуальной, подгрупповой или фронтальной, с регулярным мониторингом прогресса и корректировкой про-

граммы в зависимости от достижений ребенка. Важно сочетать логопедические занятия с развитием слухового восприятия, мелкой моторики и других неречевых процессов, влияющих на формирование слоговой структуры и лексико-семантических навыков. Такой комплексный подход позволяет добиться устойчивых результатов в развитии речи у детей с дизартрией.

Анализ проблемы овладения лексикой у дошкольников с дизартрией дает возможность сформулировать ряд важных выводов.

У дошкольников с дизартрией вторично страдает лексический компонент функциональной речевой системы: дефекты речи ограничивают словарный запас (прежде всего активный), осложняя понимание и использование слов. Нарушения звукопроизношения и просодики оказывают негативное влияние на процесс актуализации лексических единиц: ошибки в произношении звуков и интонации ухудшают восприятие и распознавание слов, приводя к ограниченному пополнению словаря и трудностям в его использовании.

Дети с дизартрией испытывают трудности в освоении значений слов, их сочетаемости и корректного употребления – это выражается в замене близких по смыслу лексем и бедности описательных элементов речи. Подобные лексико-семантические ошибки тормозят развитие речи в целом, влияя на способность рассуждать, формировать понятия и эффективной коммуникации.

В связи с этим коррекционная работа должна носить комплексный, длительный и целенаправленный характер, охватывая не только развитие артикуляционной моторики, но и организацию речевого опыта, смысловое включение слова и контроль за результатом высказывания [12, с. 70].

Оптимальным инструментом коррекции выступает игровая деятельность, естественная для дошкольного возраста. Дидактические игры, ролевые ситуации и интерактивные задания обеспечивают высокую мотивацию и эмоциональную вовлеченность, позволяя закреплять лексику в естественной речевой практике, развивать коммуникативные навыки и стимулировать речевую инициативу [7, с. 290; 4].

Анализ существующих методических подходов к работе над словом показывает недостаточную дифференциацию коррекционных стратегий относительно других речевых нарушений. Несмотря на развитие теории и практики логопедии, многие методики остаются универсальными и не учитывают специфику дизартрии как моторного речевого расстройства, из-за чего их эффективность снижается.

Общие подходы, ориентированные на развитие речи при фонетических или фонематических нарушениях, не всегда адекватно адаптированы к особенностям артикуляторных ограничений, характерных для дизартрии, что требует более тонкой модификации коррекционных программ.

Библиографический список

1. Архипова Е. Ф. Коррекционно-логопедическая работа по преодолению стертой дизартрии у детей. М.: АСТ: Астрель, 2008. 254 с.
2. Гарёва Т. А. Исследование особенностей вариабельности речеязыковых и двигательных процессов у детей с дизартрией // Science for Education Today. 2021. № 6. С. 31-45.
3. Гарёва Т. А. Современные технологии коррекции речеязыковых процессов у детей с дизартрией // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70-1. С. 95–97.
4. Дианова О. Н., Антипова Ж. В., Микляева Н. В. Логопедия: методика и технологии развития речи дошкольников: учебник. М.: Инфра-М, 2023. 313 с.
5. Карелина И. Б. Логопедическая работа с детьми с минимальными дизартрическими расстройствами: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук. М., 2000. 24 с.
6. Киселева В. А. Комплексное исследование детей со стертой дизартрией // Логопедия: методические традиции и новаторство: учебно-методич. пособие для студентов отделения логопедии пед. выс. учеб. заведений. М., 2003. С. 39–50.
7. Корнеева И. А. Формирование активного словаря у детей старшего дошкольного возраста с

дизартрией: использование дидактических игр // Вестник науки. 2025. № 2 (83). С. 287–293.
8. Лалаева Р. И., Серебрякова Н. В. Коррекция общего недоразвития речи у дошкольников (формирование лексики и грамматического строя). СПб.: Союз, 1999. 158 с.
9. Лопатина Л. В., Серебрякова Н. В. Преодоление речевых нарушений у дошкольников (коррекция стертой дизартрии): учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ, Союз, 2001. 190 с.
10. Раимкулова М. Моторная и сенсорная алалия // Scientific progress. 2021. № 2 (2). С. 394–401.
11. Серебрякова Н. В. Формирование лексической системы у дошкольников со стертой дизартрией: монография. СПб: Наука-Питер, 2015. 208 с.
12. Туманова Т. В., Гарёва Т. А. Инновационные технологии коррекции речеязыковых расстройств у детей со стертой дизартрией // Взгляд молодых исследователей на актуальные проблемы современности. Сборник тезисов XV научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых. М., 2021. С. 72–74.
13. Филичева Т. Б. Логопедия. Теория и практика. М.: Эксмо, 2020. 608 с.
14. Шарипов О. Г. Слово как основная единица языка // Экономика и социум. 2024. № 3-1 (118). С. 1071–1073.

© Назарова П. А., Якушева В. В., 2026

УДК 376.37

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МУЛЬТИПЛИКАЦИИ В ЛОГОПЕДИЧЕСКОЙ РАБОТЕ ПО РАЗВИТИЮ СВЯЗНОЙ РЕЧИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

EDN WYSUAD

В. А. Понасенкова *Студентка, e-mail: ponasenkovaviktoria7@gmail.com,*

Н. В. Иванова *кандидат педагогических наук, e-mail: klunat@yandex.ru, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия*

THEORETICAL PREREQUISITES FOR THE USE OF ANIMATION IN SPEECH THERAPY FOR THE DEVELOPMENT OF COHERENT SPEECH IN PRESCHOOL CHILDREN

V. A. Ponasenkova *Student,*

N. V. Ivanova *Candidate of Pedagogical Sciences, e-mail: klunat@yandex.ru, Smolensk State University, Smolensk, Russia*

Abstract. The paper examines the features of developing verb inflection skills in children with general speech underdevelopment (GSU). It is shown that mastering forms of person, number, tense, aspect, and mood in children with GSU is characterized by slowness, fragmentation, and numerous grammatical errors.

The causes of these difficulties are linked to disharmony in morphological and syntactic development, a deficit in phonetic-phonemic processes, as well as insufficient cognitive operations required for morphological analysis and the consolidation of grammatical skills. The need for a comprehensive approach to correction is substantiated, focusing on the development of phonemic perception, cognitive-psychological functions, and the systematization of the grammatical structure of speech.

Keywords: multimedia technologies; speech therapy; speech development; lexico-grammatical structures; coherent speech; speech creativity; speech disorders; preschool children.

Проблема развития связной речи у детей дошкольного возраста сохраняет актуальность в логопедической практике, поскольку связное высказывание объединяет лексико-грамматические средства, смысловую организацию и произвольную регуляцию речевого поведения [3].

В отечественной научной традиции связная речь рассматривается как результат освоения речевой деятельности в условиях обучения и общения. Речь при этом трактуется не как набор изолированных фраз, а как способ построения высказывания, в котором ребёнок удерживает смысл сообщения и выдерживает последовательность событий.

В соответствии с этой логикой, недостаточно просто предоставить ребёнку речевой материал. Важно также создать такую ситуацию, в которой он сможет активно конструировать высказывание. При этом ребёнок должен удерживать смысл сообщения и соблюдать последовательность событий.

Теоретические основы применения мультипликации в развитии связной речи опираются на интеграцию аудиовизуальных компонентов мультфильмов с учётом возрастных и психофизиологических особенностей восприятия ребёнка.

Мультипликация рассматривается как средство организации условий для активного речевого действия: сочетание дина-

мического изображения и звукового сопровождения создаёт многомерный стимул, который поддерживает понимание сюжета и включённость ребёнка в речевую деятельность. Тем самым формируется комплексный речевой опыт, необходимый для построения связных высказываний.

Мультфильмы представляют собой сложный синтез звука и изображения, который обеспечивает многоканальное восприятие информации. Такая комплексная подача материала способствует более эффективному усвоению лексико-грамматических структур и развитию навыков планирования речи, поскольку ребёнок одновременно получает зрительные и слуховые сигналы, что усиливает процессы запоминания и осмысления [6].

Мультфильмы, обладая яркой и динамичной визуализацией, а также выразительной звуковой поддержкой, соответствуют этим особенностям, что способствует вовлечению ребёнка в речевую деятельность.

При этом сюжетная структура мультфильма, как правило, построена логично и последовательно, что облегчает понимание причинно-следственных связей и способствует формированию у ребёнка умения структурировать собственное высказывание в соответствии с последовательностью событий.

С точки зрения речевого развития, мультипликация стимулирует активное использование речи через различные виды деятельности: пересказ, рассказывание, составление собственных историй и сценариев.

Пересказ по опорным элементам помогает ребёнку лучше выстроить рассказ по смыслу. Ребенок учится помнить, что происходило в заданной истории, учится связывать действия персонажей с подходящими словами. С точки зрения нейропсихологии, это тренирует умение заранее планировать речь и контролировать своё речевое поведение [2].

Не менее важны при этом задания на последовательность. В них ребёнок учится не просто перечислять, что было, а учится выстраивать события в правильном и логичном порядке, тем самым делать рассказ связным. Так речь становится более понятной по смыслу: она показывает, как устроена ситуация, а не состоит из отдельных фраз.

Также важно подчеркнуть при этом роль взрослого, который помогает ребёнку вместе выполнить задание, показывая, как правильно строить высказывание.

Отдельного внимания заслуживает интеграция аудиовизуальных впечатлений. Мультфильм одновременно предъявляет зрительные действия персонажей и вербальные элементы сюжета.

Для речевого развития это создаёт благоприятные условия для установления связей между значением и контекстом. Когда ребёнок пересказывает, он соотносит услышанные реплики с увиденными действиями, а затем использует слова для описания того, что произошло [7].

Сюжет мультфильма помогает ребёнку сохранять интерес и не отвлекаться. Вопросы логопеда направляют внимание и помогают выполнить речевую задачу.

Исполнительный контроль проявляется в том, что ребёнок регулирует темп высказывания, выбирает последовательность эпизодов и корректирует рассказ по подсказкам взрослого. Важно, что эффект зависит не от самого просмотра мультфильма, а напрямую связан с организацией речевой работы после него.

Поскольку, если просто смотреть, речевые навыки включаются слабо. В отличие от этого, когда логопед задаёт вопросы и помогает выстроить рассказ, ребёнок начинает говорить более целенаправленно. Детям с нарушениями речи нужна более простая сложность сюжета и больше опор, иначе связность рассказа не формируется.

Осознанное речевое планирование, необходимое для связного изложения, формируется в процессе анализа и интерпретации мультфильмов, что способствует развитию не только лексико-грамматического строя, но и коммуникативной компетенции.

Ребёнок учится выделять ключевые смысловые элементы, устанавливать логические связи и выражать свои мысли последовательно и связно. Таким образом, мультфильмы становятся не просто средством восприятия, но и активным инструментом формирования речевых навыков.

В совокупности аудиовизуальные возможности мультипликации, учитывая возрастные и психофизиологические особенности восприятия, создают благоприятные условия для комплексного развития связной речи, обеспечивая глубокое вовлечение ребёнка в речевую деятельность и формирование осознанного речевого планирования.

Использование мультипликации способствует активизации лексико-грамматического строя и расширению словарного запаса через ознакомление с историей и технологией создания мультфильмов, а также через творческую деятельность по составлению рассказов и сценариев [1].

При этом использование мультипликации нужно рассматривать не только как общий педагогический приём, а применять его как систему конкретных действий, которые переводят просмотр мультфильма в речевую практику.

Этот процесс не должен ограничиваться пассивным восприятием. А должен сопровождаться активным познавательным опытом, в ходе которого ребёнок осваивает новые слова и выражения. При этом ребенок должен учиться связывать их в логические цепочки, что напрямую связано с построением связной речи.

Так, после просмотра короткого эпизода мультфильма ребёнку можно предложить выделить слова и словосочетания, связанные с действиями героя, а затем составить фразы по образцу («мальчик ищет», «девочка помогает»). Важно, при этом, чтобы ребёнок менял форму высказывания с грамматической опорой, проговаривая пары вроде «сейчас он ищет – вчера он искал».

Данные упражнения повлияют на то, что ребёнок начнёт активнее использовать лексику в связной речи. Ребёнку можно предложить также восстановить последовательность «сначала–потом–в конце» по мультфильму с понятным развитием событий. При этом важно, чтобы ребёнок завершал рассказ фразами по образцу («Сначала… Потом… В конце…»). Если нужно, можно подсказывать начало фраз.

Также можно предложить ребёнку придумать свой рассказ после мультфильма. Пусть он будет «сценаристом» своего рассказа, и сделает простой и понятный конец и начало своей истории. Сначала можно назвать героя и место, где происходит событие, потом пусть расскажет, что случилось, дальше опишет действия персонажа и чем всё закончилось. При этом ребёнок должен рассказывать по порядку. В диалогах можно просить перефразировать реплики по образцу: «– Что ты делаешь? – Я…».

Это особенно важно, поскольку вовлечение ребёнка в составление собственных рассказов и сценариев требует активного использования лексико-грамматических средств, что напрямую стимулирует развитие как монологической, так и диалогической речи.

Ребёнок учится выстраивать логическую последовательность событий, использовать разнообразные грамматические конструкции и обогащать речь выразительными средствами.

Обсуждение сюжетов, анализ персонажей и событий активизируют диалогическую речь, развивают навыки слушания, аргументации и умения адаптировать высказывание в зависимости от коммуникативной ситуации.

Память также играет ключевую роль в развитии связной речи, и мультипликация способствует её активизации через структурирование информации и создание ассоциативных связей. Визуальные образы и сюжетные линии мультфильмов служат своеобразными опорами, которые облег-

чают удержание и последовательное воспроизведение речевого материала [5].

Речевое конструирование, как процесс создания связного и логически последовательного высказывания, требует координации множества когнитивных функций, включая внимание, рабочую память, планирование и контроль.

Так, после просмотра сюжетного мультфильма логопед предлагает ребёнку воспроизвести события в логическом порядке, опираясь на 4–6 ключевых кадров.

Для закрепления последовательности используются вопросы «что было до этого?» и «что стало потом?», а затем просит закончить рассказ одной итоговой фразой.

Если в мультфильме герой много раз совершает похожие действия, то логопед даёт задание в виде рассказа-инструкции. Ребёнок проговаривает шаги по порядку и соотносит каждый шаг с тем, что происходит в нужном эпизоде.

При наличии диалогов логопед останавливает сцену и предлагает переформулировать реплику так, чтобы она соответствовала ситуации общения и речевой цели. Для тренировки контроля и прогнозирования применяется приём «стоп-кадр», когда ребёнок сначала описывает происходящее в момент остановки, после чего логопед просит придумать продолжение истории исходя из контекста.

Таким образом, взаимодействие с мультимедийным контентом требует от ребёнка умения переключать внимание, контролировать последовательность действий и корректировать высказывания в зависимости от коммуникативной ситуации.

Использование сюжетной мультипликации в логопедической работе обосновано тем, что мультфильм создаёт содержательную основу для речевой деятельности и одновременно позволяет организовать смысловую структуру высказывания [4].

Психолингвистические и когнитивные механизмы, активируемые в процессе работы с мультфильмами, обеспечивают глубокое вовлечение ребёнка в речевую деятельность и способствуют формированию устойчивых навыков связной речи, что является важным условием успешной коммуникации и развития личности в целом.

Библиографический список

1. Арсеньева, М. В. Коррекция нарушений связной речи у дошкольников с общим недоразвитием речи средствами детской художественной литературы / М. В. Арсеньева. – Санкт-Петербург, 2014. – 24 с.
2. Архипова, Е. В. Основы методики развития речи учащихся / Е. В. Архипова. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 177 с.
3. Глухов, В. П. Методика формирования навыков связных высказываний у дошкольников с общим недоразвитием речи / В. П. Глухов. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 237 с.
4. Гуськова, А. А. Использование средств мультипликации в преодолении ОНР / А. А. Гуськова // Логопед. – 2009. – № 7. – С. 27–34.
5. Корягина, Е. О связи моторного, психического и речевого развития ребенка с общим недоразвитием речи / Е. Корягина, И. Парфененкова // Дошкольное воспитание. – 2014. – № 7. – С. 24.
6. Парфенова, Е. В. Интегрированные занятия по развитию речи с дошкольниками / Е. В. Парфенова. – Москва : Сфера, 2018. – 64 с.
7. Чиркина, Г. В. Основы логопедической работы с детьми : учебное пособие для логопедов, воспитателей детских садов, учителей начальных классов, студентов педагогических училищ / под общ. ред. Г. В. Чиркиной. – Москва : АРКТИ, 2003. – 240 с.

© Понасенкова В. А., Иванова Н. В., 2026

УДК 376.37

ФОРМИРОВАНИЕ СВЯЗНОГО ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ЭТАП КОРРЕКЦИОННОЙ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ III УРОВНЯ

EDN YGPHRC

О. Д. Прохоренкова
Е. А. Колодовская

Студент, e-mail: prokhorenkova1999@mail.ru,
кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: anastasiya-sml@yandex.ru
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

FORMATION OF A COHERENT NARRATIVE STATEMENT AS A STAGE OF CORRECTIVE WORK WITH PRESCHOOL CHILDREN WITH GENERAL SPEECH UNDERDEVELOPMENT

O. D. Prokhorenkova
E. A. Kolodovskaya

Student,
Scientific Supervisor,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Smolensk State University,
Smolensk, Russia

Abstract. This article presents the importance and significance of developing coherent narrative utterance in children with level III general speech underdevelopment during the process of upbringing, education, and school preparation. Developing this skill directly impacts the development of a child's communication skills, their ability to express their thoughts, feelings, and desires, their successful mastery of educational material, and their subsequent social adaptation. The article describes the difficulties children with general speech underdevelopment face when programming coherent narrative utterances, encompassing various levels of the language system and cognitive-communicative processes. The article also presents key areas and methods of intervention work with children with special educational needs in the formation and development of coherent narrative utterances.
Keywords: preschool children; coherent narrative speech; speech therapy; examination methods; speech disorders.

В настоящее время дети дошкольного и младшего школьного возраста с речевыми нарушениями, составляют самую многочисленную группу детей среди различных групп детей с ограниченными возможностями здоровья. Согласно данным, представленным в докладе о результатах комплексного анализа системы общего и дополнительного образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья, на период 2024–2025 учебный год, количество детей с речевыми нарушениями от общего количества детей с ограниченными возможностями здоровья составляет 31,9% (411 114 детей из 1 286 122) [4]. Поэтому, ведущая роль в воспитании и обучении детей с речевыми нарушениями, подготовка их к школе, выбор направлений логопедической работы, ориентированных на преодоление речевых нарушений, отводится именно специалистам дошкольных образовательных учреждений [1].

Стоит отметить, что недостаточный уровень освоения связной речи и неполноценность сформированности речевых навыков выступает препятствующим фактором в процессе освоения ребенком школьных дисциплин, как гуманитарного, так и естественнонаучного цикла, ограничивая его в умении логически мыслить, в полной мере формулировать и выражать собственные мысли, составлять развернутые высказывания. Проведение диагно-

стических мероприятий на ранней стадии, а также своевременное оказание квалифицированной логопедической помощи, направленной на коррекцию речевых нарушений у детей с общим недоразвитием речи, позволят преодолеть речевое недоразвитие и неуспеваемость детей с вышеназванным речевым дефектом [6].

Результаты исследований В. П. Глухова, Н. С. Жуковой, Е. Н. Мастюковой, С. Н. Шаховской, проводимых независимо, относительно результатов друг друга, свидетельствуют о специфической картине развития навыков связного высказывания у детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи III уровня. Несмотря на то, что такие дети демонстрируют развёрнутую речь, относительно сверстников с более тяжелыми формами речевой патологии, однако их уровень сформированности связного высказывания и уровень овладения навыками связной повествовательной речи значительно отстает от нормально развивающихся дошкольников, о чем свидетельствуют

В речи детей с вышеназванным речевым дефектом присутствует множество слов, употребляемых в неверном лексическом значении, активный словарь таких детей скуден, для него характерно преобладание глаголов и существительных. Слова, обозначающие состояние предметов, действий, их качества и признаки практически отсутствуют в активном словаре. Сложности у детей с общим недоразвитием речи III уровня вызывает процесс образования новых слов при помощи суффиксов и приставок, также возникают трудности в их дальнейшем использовании. Зачастую, в процессе построения фразовых высказываний, одни слова заменяются другими, сходными по значению. Простые предложения являются в речи преобладающими, в то время как использование сложных предложных конструкций фиксируется в единичных случаях [5].

При построении предложений у детей с общим недоразвитием речи III уровня наблюдаются ошибки при использовании служебных частей речи (предлогов и союзов), неточности в процессе согласования различных частей речи друг с другом: числительных с существительными, существительных с прилагательными. Понимание обращенной речи таких детей приближается к норме, однако они сталкиваются с трудностями в понимании и восприятии лексико-грамматических структур, выражающих местоположение, длительность, последовательность и частоту событий. Вышеназванные аспекты оказывают непосредственное влияние на становление речевой деятельности, в том числе, на формирование навыков повествовательных высказываний [3].

Т. Б. Филичева и Г. В. Чиркина отмечают, что несформированность навыков связного повествовательного высказывания у детей с общим недоразвитием речи III уровня связана с рядом обстоятельств, среди которых: ограниченность словарного запаса, грамматическое недоразвитие, проявляющееся в трудностях образования новых слов, и их дальнейшем использовании для связи в предложениях, синтаксических нарушениях, характеризующихся пропуском главных членов предложения и, зачастую, использовании в речи только простых нераспространенных предложений. Авторы обращают внимание на то, что несмотря на использование детьми с вышеназванным речевым расстройством фразовой речи, а также умением формулировать и выражать законченную мысль, речь таких детей отличается ситуативностью. В речи они, зачастую, используют жесты и мимику, указательные местоимения, не уточняющие существительного, что также является признаком лексико-грамматического недоразвития и усложняет переход к контекстной форме речи [9].

Анализируя составленные детьми с общим недоразвитием речи III уровня рассказы по картине или серии сюжетных картин, Т. Б. Филичева и Н. С. Жукова пришли к выводу, что в рассказах таких

детей присутствуют: нарушение логической последовательности высказывания, акцентирование внимания на незначительных деталях, не требующих внимания, пропуск существенных элементов и звеньев, неоднократное повторение отдельных событий, эпизодов. При составлении рассказа по серии сюжетных картин, такие дети не могут разложить изображения в правильной последовательности, а рассказ в большей степени состоит из простых нераспространенных предложений, либо из перечисления предметов или действий, которые представлены на картинке [2].

Стоит отметить, что помимо вышеперечисленных трудностей при формировании связного повествовательного высказывания дети с общим недоразвитием речи III уровня сталкиваются со следующими препятствиями:

– нарушение связности и последовательности изложения материала, пропуск существенных звеньев и элементов, сюжетных моментов в процессе построения рассказа;

– затруднения в программировании высказывания, т.е. неспособность последовательно формулировать и выражать мысли с точки зрения лексико-грамматического оформления, упрощение грамматических конструкций;

– фрагментарный характер рассказа, неспособность удерживать план, необходимость внешней поддержки, позволяющей составить рассказ в правильной последовательности;

– нарушение структуры рассказа: отсутствие ключевых элементов, формирующих сюжетную линию: вступления, завязки или развязки;

– трудности с подбором слов, подходящих по смыслу, длительные паузы и задержки, нарушение нормативного порядка слов в предложениях [7].

Результаты исследований, проводимых Т. Н. Филютиной, подтверждают, что для составления осмысленного текста с использованием различных типов связи, лексико-грамматических средств, соблюдением последовательной композиции и структуры текста, а также выстроенными логическими связями между его компонентами и элементами, от детей необходимо не просто овладения навыками построения предложных конструкций, а умения использовать в речи комплекс языковых навыков, включающих в себя как лексико-грамматические, орфографические, фонетические навыки, так и языковые компетенции. Дети с общим недоразвитием речи, с свою очередь, оказываются не способны использовать вышеназванные языковые средства, позволяющие создать логическую цепочку событий при помощи служебных частей речи, синонимов, местоимений, а также иных средств, придающих точность, лаконичность и смысловую целостность создаваемому тексту [10].

В современной психолого-педагогической литературе сформулированы теоретические подходы к коррекции нарушений связного повествовательного высказывания у детей с общим недоразвитием речи, которые позволяют проследить связь между психофизиологическим развитием ребенка и определить его готовность к дальнейшему усвоению школьной программы.

Существующие авторские методики, содержание которых направлено комплексную оценку уровня сформированности связного повествовательного высказывания у детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи, среди которых методики: В. К. Воробьевой, Л. Е. Ефименковой, Н. С. Жуковой, О. Б. Иншаковой, Е. М. Мастюковой, Н. В. Нищевой и других, схожи между собой по методологическим подходам, структуре и общим принципам. Также вышеназванные методики объединяет общая цель – помощь детям с общим недоразвитием речи с преодолением речевых нарушений и специфических трудно-

стей, с которыми они сталкиваются в процессе обучения и воспитания, а также совершенствование коммуникативных умений и формирование базовых основ культуры личности.

Методический комплект обследования связной повествовательной речи у детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи у вышеназванных авторов включает в себя задания по пересказу текста (на материале знакомой или незнакомой сказки), составлению рассказа и пересказа на материале одной или серии сюжетных картинок, расположенных в правильной последовательности, составлению рассказа на основе личного опыта ребенка, пересказу рассказа по наглядному действию, составлению рассказа по демонстрируемому действию.

В разных источниках психолого-педагогической и методической литературы предлагаются самые разнообразные авторские методы и приемы коррекционно-логопедической работы по преодолению нарушений связного повествовательного высказывания у детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи, которые могут использоваться специалистами дошкольных образовательных учреждений в коррекционно-педагогической деятельности, применяя к конкретным случаям, а также преобразуя имеющиеся методики или апробируя собственные, которые совершенствовались более года.

Среди успешных вариантов организации занятий с детьми с общим недоразвитием речи по коррекции связной речи следует выделить:

- наглядное моделирование плана высказывания, использование наглядных вспомогательных средств;
- составление рассказа на основе поставленной творческой задачи: инсценирование и драматизация рассказа, введение новых персонажей, придумывание продолжения события;
- разучивание песенок и музыкальных шуток;
- подбор хореографических движений с элементами йоги, психогимнастики, проведение физкультминуток, разучивание движений на релаксацию;
- использование педагогического проектирования;
- выполнение заданий на составление букв из палочек, узнавание букв, наложенных друг на друга, разгадывание кроссвордов и ребусов [8].

Тематика и сюжетная линия занятий может варьироваться в зависимости от пожеланий детей и изменяться в процессе совместного творческого обмена между логопедом детьми, при руководящей и ведущей роли логопеда в коррекционной работе.

Таким образом, на основании вышеприведенной информации следует заключить, что формирование навыка связного повествовательного высказывания выступает базовым условием, определяющим успешность обучения и социальной адаптации детей с общим недоразвитием речи III уровня. Несмотря на то, что такие дети демонстрируют развёрнутую речь, относительно сверстников с более тяжелыми формами речевой патологии, однако их уровень сформированности связного высказывания и овладения навыками связной повествовательной речи значительно отстает от нормально развивающихся дошкольников. Указанное обстоятельство обуславливает необходимость проведения своевременной, систематической и комплексной коррекционно-педагогической работы с вышеназванной группой детей, направленной на преодоление речевого дефекта с учетом психофизиологических особенностей и потенциальных возможностей для дальнейшего развития.

Библиографический список

1. Глухов В. П. Психолого-педагогическая коррекция : учебник для вузов. – Москва : Юрайт, 2026. – 295 с.
2. Изутова Е. А., Медведева Е. Ю. Своеобразие развития связной речи у дошкольников с общим недоразвитием речи // Проблемы совре-

менного педагогического образования. – 2021. – № 4. – С. 117–119.
3. Сибогатова Н. А. Формирование умений восприятия и воспроизведения связного речевого высказывания у детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи // Психолого-педагогическое сопровождение общего, специального и инклюзивного образования детей и взрослых : материалы IV Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2024. – С. 194–197.
4. Доклад о результатах комплексного анализа системы общего и дополнительного образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья. – URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1778162085&tld=ru&lang=ru&name=ikp-doklad-prezidentu-.pdf&text=количество%20детей%20с%20овз%20в%20разрезе%20общего%20количества%20дней&url=http (дата обращения: 12.05.2026).
5. Завалишина О. В., Черепанова И. А. Особенности формирования связной речи детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи III уровня // Молодой ученый. – 2024. – № 13 (512). – С. 223–226. – URL: https://moluch.ru/archive/512/11229 (дата обращения: 12.05.2026).
6. Криницына Г. М. Коррекция речевых нарушений : учебник для вузов. – Москва : Юрайт, 2025. – 147 с. – (Образовательная платформа Юрайт). – URL: https://urait.ru/bcode/566199 (дата обращения: 13.05.2026).
7. Соловьева Л. Г. Логопедия : учебник и практикум для вузов. – Москва : Юрайт, 2026. – 191 с.
8. Устюгова И. А. Формирование связной речи у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи // Молодой ученый. – 2022. – № 50 (445). – С. 430–433.
9. Филичева Т. Б. Логопедия: теория и практика. – Москва : ЭКСМО, 2024. – 688 с.
10. Филютина Т. Н. Особенности повествовательных рассказов у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи III уровня // Концепт. – 2018. – № 9. – С. 1–6.

© Прохоренкова О. Д., Колодовская Е. А., 2026

УДК 796

ИНТЕРЕС СТУДЕНТОВ К ИГРОВЫМ ВИДАМ СПОРТА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

EDN YTKJMH

О. А. Сбитнева

Старший преподаватель,
ORCID 0000-0002-8463-1146,
e-mail: oksana.sbitneva.73@mail.ru,
Пермский аграрно-технологический университет
имени Д. Н. Прянишникова,
г. Пермь, Россия

STUDENTS' INTEREST IN TEAM SPORTS DURING THEIR UNIVERSITY STUDIES

O. A. Sbitneva

Senior teacher,
Perm State Agrarian-Technological University
named after academician D. N. Pryanishnikov,
Perm, Russia

Abstract. The article discusses the importance of physical culture for comprehensive and harmonious development. It analyzes the role of sports games and their impact on the formation of vital skills and abilities. The article discusses the effectiveness and appropriateness of using sports games in students' educational activities. It also analyzes the relationship between health and sports games. The article highlights the significance of sports games for improving physical fitness during university education. The article presents a research study using the questionnaire method. The study analyzes the results obtained. It identifies the need for sports games and the motivations for participating in sports games. Factors that increase students' interest in sports games have been identified. Popular types of sports games have been determined. The reasons for the decrease in students' interest in sports games have been identified. Conclusions have been drawn. Recommendations have been provided.

Keywords: physical culture; physical qualities; physical education; physical exercises; physical fitness; sports games; game types; interest; need; motivation; students.

Формирование здорового образа жизни, ценностей физической культуры, спортивного стиля, приобретает особую актуальность в условиях современной системы вузовского образования. Внедрение разнообразных видов физической культуры в учебном процессе осуществляется на основе знаний, умений, навыков, создавая начальную базу для всестороннего развития физических качеств и двигательных навыков. Современный ритм жизни требует от студентов быстрого реагирования на все происходящие изменения. Одним из эффективных средств в системе физического воспитания являются спортивные игры. Освоенные двигательные действия игр и сопряженные с ними физические упражнения являются эффективными средствами укрепления здоровья и рекреации. Спортивные игры развивают координацию движений, быстроту, гибкость, силу, общую и специальную выносливость, способствуют совершенствованию физиологической системы. Игровые виды требуют концентрации внимания, принятия решений, управления эмоциями и развития тактического и стратегического мышления. Упражнения в игровых видах спорта требуют от участников способности к концентрации и переключению внимания, проявления находчивости, временной, пространственной, динамической точности движений; улучшение умственных процессов. Спортивные игры влияют на развитие мышления, внимания, памяти, восприятия, воображения, способности к обучению. В процессе игры студенты учатся работать в команде, сотрудничать, проявлять уважение и доверие к своим товарищам [2, с. 20]. Физическая нагрузка

во время тренировок и игр оказывает положительное влияние на опорно-двигательную и дыхательную системы, укрепляет сердечно-сосудистую и нервную систему. Во время занятий спортивными играми происходит улучшение обмена веществ и сжигание калорий [1, с. 319]. Спортивные игры являются эффективным средством повышения уровня физической подготовленности в учебно-тренировочном процессе студентов. В ходе целенаправленного организованного педагогического процесса развиваются физические качества, формируется физическая культура личности. Формирование интереса, потребности, мотивационно-ценностного отношения к занятиям физической культуры способствует достижению готовности студентов к успешной профессиональной деятельности [4, с. 620]. Разработка и применение новых упражнений в игровых видах, образовательных технологий, форм организации занятий представляют большой интерес в практике вузовского физического воспитания. Существует несколько основных функций физического воспитания:

1. Функция досуга (Студент развивается духовно и физически в свободное от учебы и работы время, сохраняя и укрепляя свое здоровье)

2. Функция духовного воспитания (Развитие умственных и нравственных способностей)

3. Познавательная функция (Приобретение знаний о человеке, его возможностях, познании себя, своих физических и волевых качеств)

4. Коммуникативная функция (Сфера общения, контакты между людьми)

5. Информационная функция (Информация о способах, методах и средствах совершенствования человека)

Физическое воспитание играет важную роль в развитии личности и сохранении здоровья. Это имеет особое значение в условиях современного мира [3, с. 159].

С целью изучения интереса студентов к игровым видам спорта был поставлен ряд задач: 1. Выявить потребность к занятиям игровыми видами спорта; 2. Выявить мотивы к занятиям спортивными играми; 3. Выявить факторы, повышающие интерес к спортивным играм; 4. Выявить популярные виды спортивных игр; 5. Выявить причины снижения интереса студентов к игровым видам спорта. В исследовании был применен метод опроса, анкетирования. В опросе приняли участие 38 человек в возрасте 18–23 года, студенты Пермского аграрно-технологического университета имени Д. Н. Прянишникова.

При анализе полученных данных было выявлено, что большая часть студентов положительно относятся к занятиям игровыми видами спорта – 78,9 %, не проявляют интерес к игровым занятиям – 21,1 %. Принимают участие в соревнованиях по спортивным играм – 42,1 % опрошенных. Большинство респондентов – 84,2 % считают, что игровые виды спорта необходимы в вузе, 15,8 % – не поддерживают это мнение.

В ходе исследования выявлено, что на занятиях физической культуры в вузе 52,6 % студентов занимаются игровыми видами спорта 1 раз в неделю, 28,9 % 1 раз в месяц. На каждом занятии (2 р/неделю) – 13,2 %, нет спортивных игр на занятиях – 5,1 %. При анализе полученных данных было выявлено, что 81,6 % не занимаются в секциях спортивных игр, 18,4 % студентов посещают секции спортивных игр. Опрошенные учащиеся посещают спортивные секции 2–3 раза в неделю – 10,5 %; 1 раз в неделю – 7,8 %.

Самым популярным игровым видом является футбол – 42,1 %, волейбол – 28,9 %, баскетбол – 26,3 %, бадминтон – 18,4 %. Менее интересные игровые виды спорта: шахматы – 13,2 %, настольный теннис – 10,5 %, бильярд – 10,5 %, дартс – 7,8 %, теннис – 7,8 %. Самый низкий рейтинг по популярности занимает хоккей, шашки – 5,3 %.

По результатам опроса выявлены мотивы, побуждающие заниматься спортивными играми: отличное материально – техническое оснащение – 52,6 %, укрепление своего здоровья – 47,3 %, желание совершенствовать свои умения и навыки – 39,4 %, возможность работы в команде, большой круг общения – 34,2 %, желание развить физические качества – 31,5 %, любимый вид спорта – 18,4 %.

В ходе опроса выявлены причины снижения интереса студентов к игровым видам спорта: отсутствие свободного времени – 52,6 %, 42,1 % респондентов предпочитают другие занятия, отсутствие тренера, инструктора – 36,8 %, отсутствие спортивных площадок, спортивных сооружений по месту жительства – 26,3 %, отсутствие спортивного инвентаря, нет подходящей компании – 23,6 %, 21,1 % – нет интереса, к спортивным играм, 13,2 % – противопоказания по здоровью.

В результате проведенного исследования было установлено, что многие студенты проявляют интерес к игровым видам спорта, желание заниматься спортивными играми, осознают значимость физической культуры и спорта для здоровья, совершенствования двигательных навыков и умений. Использование игровых методов, командных соревнований помогают развить мотивацию к занятиям и интерес к игровым видам спорта. Внедрение спортивных игр на занятиях физической культуры позволяет превратить обычные физические упражнения в увлекательный процесс, который вызывает у студентов положительные эмоции и желание играть. Командные соревнования позволяют учащимся испытать дух соперничества, стремление к победе и радость от достижения командного успеха. Таким способом развиваются социальные и моральные качества, такие как ответственность, уважение к партнёрам и соперникам, умение работать в команде. Игровые виды требуют концентрации внимания, принятия решений, управления эмоциями и развития тактического и стратегического мышления. Систематические занятия популярными у студентов игровыми видами спорта, способствуют повышению двигательной активности, ведут к позитивным изменениям в сознании личности, вызывают интерес к занятиям физической культуры и спортом, пониманию их аксиологических аспектов [5, с. 468]. Интерес студентов к игровым видам спорта можно существенно повысить через комплексный подход, включающий формирование внутренней мотивации к здоровому образу жизни и физической активности. Рост потребности к спортивным играм возможен при формировании у учащихся личных мотивов и ценностных ориентиров, информирование студентов о влиянии занятий на организм, методах контроля физического состояния. Важно сформировать у студентов устойчивое понимание основ теории и практики физической культуры, профессионально-прикладной физической культуры. В процессе спортивной деятельности повышается эффективность занятий с использованием информационных технологий, появляется возможность саморазвития, самопознания, самосовершенствования, самореализации. Осознанное отношение к физической культуре позволяет повысить эффективность занятий, системы воспитания студенческой молодежи. Для эффективного управления учебно-тренировочным процессом студентов необходимо регулярно проводить мониторинги, опросы, анкетирования. Разработка новых методик и их применение, использование педагогических технологий, технических ресурсов, систематические методы планирования, оценивание процесса обучения способствует совершенствованию учебно-воспитательного процесса, процесса физического воспитания студентов.

Библиографический список

1. Батуева А. А. Влияние спортивных игр на организм человека / А. А. Батуева, И. М. Хабибуллин // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2019. – № 5-1 (33). – С. 20–24.

2. Качкаев Н. А. Значение игрового метода на занятиях физической культурой / Н. А. Качкаев, Е. С. Солодилова // Молодой ученый. – 2023. – № 40 (487). – С. 317–319.
3. Попова В. А. Физическое воспитание: ключевое значение и практические аспекты в современном обществе / В. А. Попова // Наука-2020. – 2023. – № 5 (66). – С. 159–168.
4. Сбитнева О. А. Интерес и формирование потребности студентов к занятиям физической культурой в процессе обучения в вузе / О. А. Сбитнева // Научный аспект. – 2023. – Т. 5, № 9. – С. 616–620.
5. Хамидуллина Г. Ф. Изучение мотивов занятий игровыми видами спорта и единоборствами студентов во время прохождения элективных курсов по физической культуре / Г. Ф. Хамидуллина, М. В. Питеркина, А. Г. Прокрова // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2020. – № 3 (181). – С. 467–471.

© Сбитнева О. А., 2026

УДК 376.37

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ ГЛАГОЛОВ У ДЕТЕЙ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

EDN EHGHMY

А. П. Смирнова
Студентка,
e-mail: alenafrykt157@gmail.com,

Н. В. Иванова
кандидат педагогических наук,
e-mail: klunat@yandex.ru,
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

FEATURES OF VERB INFLECTION SKILLS FORMATION IN CHILDREN WITH GENERAL SPEECH UNDERDEVELOPMENT

A. P. Smirnova
Student,

N. V. Ivanova
Candidate of Pedagogical Sciences,
Smolensk State University,
Smolensk, Russia

Abstract. The paper examines the features of developing verb inflection skills in children with general speech underdevelopment (GSU). It is shown that mastering forms of person, number, tense, aspect, and mood in children with GSU is characterized by slowness, fragmentation, and numerous grammatical errors.
The causes of these difficulties are linked to disharmony in morphological and syntactic development, a deficit in phonetic-phonemic processes, as well as insufficient cognitive operations required for morphological analysis and the consolidation of grammatical skills. The need for a comprehensive approach to correction is substantiated, focusing on the development of phonemic perception, cognitive-psychological functions, and the systematization of the grammatical structure of speech.
Keywords: children with general speech underdevelopment; verb inflection; phonetic-phonemic disorders; morphological analysis; cognitive features; communicative efficiency; speech therapy; correctional work.

Глагольное словоизменение относится к базовым компонентам грамматического строя языка. Оно обеспечивает точность выражения смысла высказывания, поскольку связано с грамматическими категориями глагола и согласованием [2]. Для русского языка особенно значимы согласование глагола с подлежащим по лицу и числу, выбор временных форм, а также корректное употребление вида и наклонения.

У детей с общим недоразвитием речи формирование глагольных грамматических категорий протекает замедленно и сопровождается устойчивыми трудностями. В речи чаще встречаются аграмматизмы, ошибки в окончаниях и нарушения в выборе видовременных форм.

Освоение глагольных форм в онтогенезе обычно начинается с наиболее доступных и частотных конструкций, потому что именно они в ранней речевой практике ребёнка оказываются одновременно и понятными по смыслу, и повторяющимися в общении.

На начальных этапах речевого развития ребёнок не воспринимает грамматические формы как абстрактные правила в отрыве от ситуации. Он усваивает их как готовые «шаблоны», которые можно использовать для обозначения того, что происходит в конкретный момент.

Чаще всего ребёнок первым осваивает простые формы настоящего времени первого лица единственного числа, например «я играю», «я читаю». Эта стадия опирается на непосредственный опыт ребёнка и отражает связь между субъектом действия и грамматической формой глагола [7].

Так, у ребёнка быстрее закрепляются модели, в которых лицо и число глагола соотносятся с конкретным участником общения, а грамматическая форма оказы-

вается «подкреплена» наглядностью и эмоционально значимым контекстом. По мере того, как речевой опыт ребенка расширяется и усложняется, у него постепенно начинает формироваться способность использовать глагол с учётом новых характеристик высказывания. Ребенок начинает чаще опираться не только на текущую ситуацию, но и на более сложные временные отношения, учится различать, что происходило раньше, что происходит сейчас и что будет происходить в будущем.

При ОНР формирование глагольного словоизменения протекает иначе, чем в норме. Заметно страдает последовательность усвоения, качество закрепления форм и их устойчивость в самостоятельной речи. Грамматические категории глагола требуют одновременного выбора нужной формы и согласования ее с контекстом высказывания, поэтому при ОНР данные действия выполняются медленнее с большим количеством ошибок.

При ОНР порядок усвоения грамматики часто сбивается, ребенок может выучить отдельные формы, но не складывает их в одну систему. Поэтому разные глагольные правила усваиваются неравномерно, а применять их в новых ситуациях ребенку сложнее.

Темпы овладения категориями глагола снижаются. Даже при правильных ответах в обучающей ситуации употребление в спонтанной речи остается нестабильным, поскольку навык хуже автоматизируется и требует дополнительного контроля.

Употребление форм становится фрагментарным, при этом ребенок использует ограниченный набор освоенных моделей допуская ошибки в типичных грамматических связях. Наиболее заметны ошибки в согласовании по лицу и числу, в выборе временных форм и в употреблении вида. Эти нарушения отражают слабость грамматического контроля и недостаточную сформированность связей между элементами предложения [1].

Трудности усвоения грамматических категорий при ОНР часто объясняют несоответствием темпов и механизмов морфологического и синтаксического развития. Ребенок может запоминать отдельные формы, но не выстраивает устойчивую систему согласования и управления, поэтому грамматические правила хуже применяются в новых речевых ситуациях.

На закрепление грамматических значений также влияют когнитивные операции, необходимые для построения высказывания. Ребенку нужно удерживать цель сообщения, выбирать нужную форму, соотносить ее с контекстом и контролировать результат [6]. При слабости этих функций грамматика применяется лишь в знакомых условиях и чаще дает ошибки при усложнении фразы и перестройке плана высказывания.

Фонетико-фонематический уровень речи играет существенную роль, поскольку обеспечивает распознавание звуковых компонентов высказывания и выделение морфем, прежде всего окончаний и суффиксов.

Данные элементы несут грамматическую информацию о лице, числе, времени, виде и наклонении. При общем недоразвитии речи дефицит фонематического восприятия приводит к тому, что ребёнку сложнее различать фонемы. Из-за этого ребенок хуже выполняет морфологический анализ звукового потока и не всегда может надёжно выделять грамматические морфемы.

В результате возникают ошибки словоизменения, включая пропуски или замены окончаний, неверный выбор форм лица и числа, а также смешение видовременных категорий. Дополнительную нагрузку создаёт и то, как ребёнок удерживает и применяет грамматические правила в процессе речевой деятельности [4].

Формирование глагольного словоизменения опирается на устойчивые когнитивные операции. Внимание помогает выделять нужные грамматические признаки, рабочая память удерживает правило и по-

следовательность действий, а мышление связывает смысл высказывания с выбором правильной формы.

При общем недоразвитии речи такие операции могут автоматизироваться недостаточно, поэтому грамматические правила усваиваются не в полном объёме, и применяются нестабильно. В речи это проявляется в упрощении грамматических конструкций, неточном выражении смысла и ошибках в согласовании глагола с подлежащим.

Наиболее трудной для детей с ОНР часто оказывается категория вида глагола. Она играет значимую роль в выражении аспектуальных характеристик действия и тесно связана с временными формами. В процессе нормального речевого развития ребёнок постепенно начинает понимать, чем отличаются глаголы совершенного и несовершенного вида, и со временем это понимание становится более устойчивым.

В многочисленных исследованиях по речевым нарушениям при ОНР отмечается, что грамматические трудности часто сопровождаются проблемами лексической стороны речи: возникают сложности с подбором слов, их точным употреблением и сочетанием в высказывании.

Например, вместо слова *«рисовать»* ребёнок может сказать *«делать»* или *«картинка»*, вместо *«вкусный суп»* – *«суп вкус»*, а вместо *«идти в школу»* – *«идти школа»*. Нередко наблюдаются и ошибки в выборе нужного слова по смыслу: *«мальчик строит дом»* заменяется на *«мальчик делает дом»*.

В результате ребёнку труднее построить целостное связное высказывание. Ему приходится одновременно решать задачи грамматики и поиска подходящих слов. Из-за этого снижается устойчивость грамматической структуры и нарушается точность смыслового наполнения.

К примеру, в рассказе по картинкам ребёнок может начать фразу грамматически правильно, но затем «сбиться», заменяя слова на более общие («он там…», «вот…») или перестраивая предложение так, что смысл становится менее конкретным [3].

Основные причины связаны с дисгармонией морфологического и синтаксического развития, а также с дефицитами фонетико-фонематических процессов и недостаточностью когнитивных операций, обеспечивающих морфологический анализ и автоматизацию грамматических навыков.

Кроме того, глаголы, которые ребёнок использует в высказываниях, нередко неправильно согласуются по лицу и числу. Так, вместо «я иду» может звучать «я идёт», вместо «мы играем» – «мы играет», а вместо «он читает» – «он читаем». В итоге именно неточность различения звуков становится причиной того, что грамматические части слова усваиваются и воспроизводятся менее устойчиво.

Это связывается с трудностями в удержании последовательности операций, переключении внимания, планировании высказывания и контроле за собственной речью. Из-за этого грамматические ошибки делают речь менее точной, и собеседнику сложнее понять ребёнка. Кроме того, высказывания становятся менее понятными и предсказать, что именно скажет ребёнок дальше, труднее.

Коррекционная работа должна быть поэтапной и опираться на алгоритмы и наглядные опоры (схемы, карточки, образцы фраз, планы по картинкам). Постепенно опоры усложняются, и ребёнок учится планировать фразу, удерживать инструкцию и доводить высказывание до логического завершения. Ребенка учат понятным алгоритмам проверки собственной речи, в результате чего он сам начинает замечать и исправлять собственные ошибки в речи [5].

При этом педагог должен обращать внимание на то, как ребёнок выполняет задание по порядку, насколько легко переключается между этапами, умеет ли он удерживать план высказывания и замечать грамматические неточности. Когда формируется контроль и структурирование

речи, высказывания становятся более точными, понятными собеседнику и менее непредсказуемыми.

Таким образом, обобщение научных данных указывает на необходимость комплексной коррекционной работы, которая будет включать в себя упражнения на развитие фонематического слуха, чтобы ребёнок лучше различал звуки в словах, упражнение на закрепление морфологического анализа и на выделение и понимание частей слова (морфемы).

Результаты теоретического обзора могут быть использованы логопедами-практиками при планировании и обосновании коррекционной работы с детьми с ОНР.

Библиографический список

1. Воробьева, В. К. Ошибки в использовании глаголов детьми с общим недоразвитием речи / В. К. Воробьева. – М. : Просвещение, 2021. – С. 219–220.
2. Гасанова, А. Д. Специфика речевых нарушений у дошкольников с общим недоразвитием речи / А. Д. Гасанова, С. Н. Сорокоумова // Национальное развитие. Наука и образование. – М. : Наука и образование, 2022. – № 7 (10). – С. 17–21.
3. Ильякова, Н. Е. Логопедические тренинги по формированию связной речи у детей с ОНР 5–6 лет. От глаголов к предложениям / Н. Е. Ильякова. – М. : Издательство «ГНОМ и Д», 2004. – 32 с.
4. Лалаева, Р. И. Формирование лексики и грамматического строя речи у дошкольников с общим недоразвитием речи / Р. И. Лалаева. – Санкт-Петербург : Союз, 2001. – 218 с.
5. Соботович, Е. Ф. Речевое недоразвитие у детей и пути его коррекции / Е. Ф. Соботович. – М. : Классик Стиль, 2003. – 119 с.
6. Филичева, Т. Б. Особенности формирования речи у детей дошкольного возраста / Т. Б. Филичева. – Москва, 2000. – 314 с.
7. Цыбаева, У. В. Изучение особенностей лексической стороны речи у дошкольников с общим недоразвитием речи / У. В. Цыбаева, Е. Ю. Медведева // Проблемы современного педагогического образования. – М. : Наука и образование, 2020. – № 67–1. – С. 251–254.

© Смирнова А. П., Иванова Н. В., 2026

УДК 376.37

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ РЕЧИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

EDN DOLUEZ

К. Ю. Усова
Е. В. Крылова

Студентка, e-mail: kusova680u@mail.ru,
научный руководитель,
кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: 30kel01@mail.ru,
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF NARRATIVE SPEECH IN PRESCHOOL CHILDREN WITH GENERAL SPEECH UNDERDEVELOPMENT

K. Y. Usova
E. V. Krylova

Student, e-mail: kusova680u@mail.ru,
Scientific Supervisor,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Smolensk State University,
Smolensk, Russia

Abstract. The article deals with the problem of developing narrative speech in preschool children with general speech underdevelopment (GSU). The peculiarities of speech development of this category of children are analyzed, and the disorders of the phonetic-phonemic, lexical and grammatical components of the speech system are characterized. Special attention is paid to the psychological and pedagogical conditions that contribute to the effective formation of a coherent monological utterance. The hypothesis of the study is proposed, based on the need to organize systematic speech therapy classes and use a targeted set of exercises.

Keywords: narrative speech; general speech underdevelopment; preschool age; speech therapy work; coherent utterance.

Актуальность проблемы развития повествовательной речи у детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи (ОНР) обусловлена возрастающим количеством детей данной категории и их значительными трудностями в построении связного высказывания. Повествовательная речь, представляющая собой одну из основных форм монологической речи, является фундаментом успешной коммуникации и последующего обучения в школе. Её несформированность негативно сказывается на социальной адаптации ребёнка, ограничивает возможности выражения мыслей и усвоения учебного материала. В связи с этим возникает необходимость выявления психолого-педагогических условий, обеспечивающих эффективное развитие повествовательной речи у детей с ОНР.

Целью данной работы является теоретическое обоснование психолого-педагогических условий развития повествовательной речи у детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи. В соответствии с целью были поставлены задачи: изучить особенности речевого развития детей с ОНР, проанализировать структуру и функции повествовательной речи, методические подходы к её коррекции.

Общее недоразвитие речи характеризуется комплексным нарушением всех основных компонентов речевой системы, что существенно затрудняет формирование полноценного речевого высказывания. В исследованиях В. П. Глухова [2, с. 8–15] показано, что трудности в овла-

дении связным высказыванием у таких детей связаны с недостаточным развитием фонетико-фонематического, лексического и грамматического компонентов языковой системы. Особенно сложным для дошкольников с ОНР является изложение элементарной последовательности событий, что обусловлено несформированностью внутреннего программирования и отбора речевого материала.

В. К. Воробьева [1, с. 6–8], исследуя особенности связного высказывания у дошкольников с речевыми нарушениями, отметила, что их высказывания характеризуются ограниченным словарным запасом, недостаточной синтаксической структурой, а также трудностями в программировании и отборе речевого материала. Дети часто строят простые, неполные или бессвязные предложения, испытывая трудности с согласованием слов и использованием сложных синтаксических конструкций. Это приводит к фрагментарности, непоследовательности и недостаточной связности речи, что снижает её коммуникативную ценность.

Фонетико-фонематический компонент, отвечающий за восприятие и воспроизведение звуков речи, у детей с ОНР развит недостаточно. Нарушения звукопроизношения и фонематического слуха создают препятствия для нормального овладения лексикой и грамматикой, поскольку фонетическая база является основой для формирования словарного запаса и грамматических структур. Лексический уровень характеризуется ограниченностью и бедностью словарного запаса, что проявляется не только в количестве усвоенных слов, но и в их качественном составе: дети часто используют слова с общим значением, избегая более точных и специфичных терминов [3, с. 3–13].

Грамматический строй речи у детей с ОНР также находится на низком уровне развития. Нарушения проявляются в неправильном употреблении морфологических форм (род, число, падеж), а также в трудностях построения синтаксических конструкций. Как отмечает Т. Б. Филичева [6, с. 44–46], у детей с ОНР наблюдается значительное отставание в овладении навыками словоизменения и словообразования, что напрямую влияет на качество повествовательной речи.

Психолого-педагогические аспекты развития повествовательной речи включают формирование у ребёнка умения устанавливать причинно-следственные связи между событиями, что отражается в связности и целостности высказывания. Когнитивные процессы – восприятие, внимание, память и мышление – являются основой для формирования связного и логичного повествования. Мышление обеспечивает анализ, синтез и обобщение информации, помогает устанавливать причинно-следственные связи и формировать логическую структуру рассказа. В совокупности эти когнитивные функции создают предпосылки для качественного речевого выражения, отражающего внутреннюю организацию мыслей ребёнка [4, с. 6–9].

Эмоциональная сфера также оказывает существенное влияние на речевое развитие. Формирование повествовательной речи тесно связано с потребностью ребёнка выразить свои чувства, переживания и оценки. Педагогам необходимо создавать атмосферу эмоциональной поддержки и доверия, стимулируя желание ребёнка делиться собственным опытом через рассказы. При этом важен дифференцированный подход, учитывающий уровень тревожности, степень коммуникативной активности и эмоциональную восприимчивость каждого ребёнка.

Современные методические подходы к развитию повествовательной речи у детей с ОНР строятся на принципах системности, индивидуализации и комплексного воздействия. Особое значение приобретает использование наглядного моделирования и мнемотехники. Т. А. Ткаченко [5, с. 5–8] при формировании связной речи у

детей старшего дошкольного возраста с ОНР рекомендует использовать вспомогательные средства, такие как наглядность и моделирование плана высказывания. Упражнения располагаются в порядке возрастающей сложности, с постепенным убыванием наглядности и «свёртыванием» плана высказывания, что способствует поэтапному формированию умения самостоятельно строить повествовательный текст.

В методике О. С. Ушаковой [4, с. 14–17] особое внимание уделяется коррекционной работе по формированию грамматически правильной речи и усвоению различных языковых средств построения связных высказываний. В занятия по пересказу включаются упражнения в словоизменении, подборе лексем и словоформ, дополнении предложений нужными по смыслу словами, а также игровые упражнения, направленные на воспроизведение конкретного лексического материала текста. Таким образом, у детей формируются навыки практических действий с языковым материалом пересказываемых произведений.

Методика В. К. Воробьевой [1, с. 74–112] заслуживает особого внимания, поскольку представляет собой целостную систему формирования связной речи, построенную с учётом психолингвистической структуры речевой деятельности. Автор выделяет четыре взаимосвязанных этапа: формирование ориентировочной основы действий по восприятию связного сообщения; формирование первоначального умения связного говорения на материале наглядно представленных ситуаций; закрепление умений связной речи при переходе к самостоятельным высказываниям с опорой на наглядные схемы; развитие навыков самостоятельного связного рассказывания без внешних опор. Важнейшим инструментом методики выступает использование графических планов-схем и пиктограмм, которые служат внешними опорами для смыслового программирования высказывания.

Система коррекционной работы Т. Б. Филичевой [6, с. 82–110] также вносит существенный вклад в решение проблемы развития повествовательной речи у детей с ОНР. В рамках разработанного ею подхода выделяются последовательные этапы: подготовительный, направленный на развитие понимания речи и накопление языковых средств; этап формирования фразовой речи, предполагающий построение простых распространённых предложений; этап обучения рассказыванию с использованием различных видов опор (сюжетные картинки, серии картин, демонстрация действий). Принципиальным является положение о необходимости параллельной работы над лексико-грамматическими средствами и собственно связной речью, что обеспечивает комплексное воздействие на все нарушенные компоненты.

Отдельного упоминания заслуживает методика Н. В. Нищевой, широко востребованная в практике логопедической работы с детьми с ОНР. В её основе лежит комплексно-тематический принцип, при котором развитие повествовательной речи интегрировано в общую систему коррекционно-развивающего обучения. Автор предлагает систему упражнений, построенных на постепенном усложнении: от составления простых предложений по демонстрируемым действиям и сюжетным картинкам к пересказу коротких текстов с опорой на предметные картинки и мнемотаблицы, а затем к самостоятельному составлению рассказов повествовательного типа. Особенностью методики является активное использование игровых приёмов и подвижных речевых игр, стимулирующих речевую активность детей и обеспечивающих мотивационную основу для построения связных высказываний [7, с. 15–22].

Игровые технологии также занимают значительное место в коррекционной работе. По мнению Т. А. Ткаченко [5, с. 28–34], включение сюжетно-ролевых игр и драматизаций в логопедические занятия позволяет не только активизировать рече-

вую деятельность детей, но и формировать навыки последовательного изложения событий в естественной коммуникативной ситуации. В процессе игры ребёнок учится учитывать позицию слушателя, адаптировать высказывание и удерживать логическую цепочку повествования.

Анализ теоретических исследований и методических разработок позволяет выделить ключевые психолого-педагогические условия эффективного развития повествовательной речи у детей с ОНР. Во-первых, это систематическая и целенаправленная логопедическая работа, включающая коррекцию фонетико-фонематических, лексических и грамматических нарушений в их единстве и взаимосвязи. Во-вторых, использование комплексных методик, сочетающих приёмы наглядного моделирования, пересказа, игровой деятельности и мнемотехники, что обеспечивает поэтапное формирование умений программирования, структурирования и оформления связного высказывания. В-третьих, необходима опора на эмоциональную вовлечённость ребёнка, учёт его индивидуальных особенностей и создание развивающей речевой среды.

Таким образом, повествовательная речь является сложным видом речевой деятельности, требующим интеграции множества речевых и познавательных навыков. У детей с ОНР её развитие осложнено системным характером речевого нарушения, что делает необходимой целенаправленную и специально организованную коррекционную работу. Соблюдение выделенных в статье психолого-педагогических условий позволяет создать фундамент для успешного овладения связной монологической речью, что в свою очередь способствует социальной адаптации детей, их готовности к школьному обучению и полноценному личностному развитию.

Библиографический список

1. Воробьева В. К. Методика развития связной речи у детей с системным недоразвитием речи. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – С. 6–8.
2. Глухов В. П. Формирование связной речи детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи. – М.: АРКТИ, 2004. – С. 8–15.
3. Матросова Т. А. Нарушение лексического строя речи и пути их коррекции у дошкольников пяти-шести лет с общим недоразвитием речи // Школьный логопед. – 2011. – № 3. – С. 3–13.
4. Ушакова О. С. Методика развития речи детей дошкольного возраста. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – С. 6–9, 14–17.
5. Ткаченко Т. А. Учим говорить правильно. Система коррекции общего недоразвития речи у детей 6 лет. – М.: «Издательство ГНОМ и Д», 2003. – С. 5–8.
6. Филичева Т. Б., Чевелева Н. А., Чиркина Г. В. Нарушения речи у детей. – М., 2010. – С. 44–46.
7. Нищева Н. В. Система коррекционной работы в логопедической группе для детей с общим недоразвитием речи. – СПб.: ДЕТСТВО-ПРЕСС, 2007. – С. 15–22.

© Усова К. Ю., Крылова Е. В., 2026

УДК 376.36

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОГОВОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ТРЕТЬИМ УРОВНЕМ ОБЩЕГО НЕДОРАЗВИТИЯ РЕЧИ

DFJTHZ

С. Н. Филиппова
Е. А. Колодовская

Студентка, e-mail: sfilippova913@gmail.com,
кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: anastasiya-sml@yandex.ru,
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

SOME FEATURES OF THE FORMATION OF THE SYLLABIC STRUCTURE OF A WORD IN PRESCHOOL CHILDREN WITH THE THIRD LEVEL OF GENERAL SPEECH UNDERDEVELOPMENT

S. N. Filippova
E. A. Kolodovskaya

Student,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Smolensk State University,
Smolensk, Russia

Abstract. The article examines the patterns of formation of the syllabic structure of a word in preschool children with the third level of general speech underdevelopment. The main difficulties that arise during the assimilation of the syllabic structure of words, including distortions, omissions, rearrangements, and simplifications of syllables, are revealed.

The article presents an analysis of scientific approaches to studying this problem and describes the specific features of the development of speech children in this category. Special attention is paid to the relationship between the syllabic structure of a word and the phonetic-phonemic and lexical-grammatical components of speech.

The article substantiates the need for comprehensive speech therapy aimed at the gradual formation of the syllabic structure. The obtained results allow us to clarify the content of correctional work and increase its effectiveness in a preschool educational institution.

Keywords: preschool children; speech development; general speech underdevelopment (OSD); syllabic structure of a word; speech activity; correctional work; phonetic-phonemic disorders; lexical-grammatical disorders; speech therapy.

Формирование слоговой структуры слова является важным этапом речевого развития ребенка. Данный процесс обеспечивает овладение звуковой стороной речи и служит основой для последующего освоения письменной формы языка.

В норме усвоение слоговой структуры осуществляется последовательно. Ребенок сначала овладевает простыми односложными словами, затем переходит к более сложным многосложным конструкциям. По мере развития речи усложняется фонетическая организация высказываний, совершенствуется слуховое восприятие. При третьем уровне общего недоразвития речи данная последовательность нарушается.

Общее недоразвитие речи (III уровень речевого развития) характеризуется наличием развернутой фразовой речи при недостаточном развитии фонетико-фонематических и лексико-грамматических средств. Дети могут строить простые и распространенные предложения. Однако в их речи наблюдается нестабильность звукового оформления и искажение слоговой структуры слов.

Нарушения слоговой структуры проявляются в различных формах. Наиболее распространенными являются пропуски слогов, особенно в многосложных словах, что приводит к сокращению их звукового состава. Кроме того, отмечаются явления упрощения слоговой структуры, выража-

ющиеся в замене сложных сочетаний звуков более простыми артикуляторными вариантами.

Существенное значение имеет несформированность фонематического восприятия, препятствующая точному различению звуковых последовательностей. Указанный фактор приводит к ошибкам при воспроизведении слов различной слоговой сложности и затрудняет формирование устойчивых речевых навыков.

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что нарушение слоговой структуры слова у детей с ОНР (III уровень РР) носит системный характер и обусловлено совокупностью факторов. К числу ведущих факторов исследователи относят недостаточную сформированность фонематического восприятия, ограниченность слухоречевой памяти, а также недостаточное развитие кинестетических и артикуляторных ощущений [6].

Согласно позиции Р. Е. Левиной, формирование слоговой структуры слова связано с развитием всех компонентов речевой системы. Нарушения в одной из подсистем отражаются на усвоении слогового состава. Данный вывод подтверждается исследованиями Т. Б. Филичевой и Г. В. Чиркиной, где отмечается комплексный характер речевых нарушений при общем недоразвитии речи [9].

У детей дошкольного возраста с ОНР (III уровень РР) нарушения слоговой структуры слова отличаются не случайным, а устойчивым характером. Даже при многократном повторении одного и того же речевого материала искажения нередко сохраняются, что свидетельствует о недостаточной сформированности навыков автоматизированного воспроизведения слова.

В речи таких детей часто наблюдается вариативность произношения: одна и та же лексическая единица в разных ситуациях получает неодинаковое звуковое оформление. Так, слово «телефон» ребенок может произнести как «тефон», «тевон» или «фефон», а слово «машина» – как «масина» или «мана».

Подобные колебания указывают на нестойкость речевых программ и недостаточную точность воспроизведения слоговой последовательности. Ошибки данного типа не сводятся только к артикуляторным затруднениям, поскольку их возникновение связано и с нарушением процессов слухового различения, удержания звуковой последовательности в памяти и контроля за собственной речью [5].

Коррекционная работа по формированию слоговой структуры слова требует поэтапной организации и системного подхода. На начальном этапе первоочередное значение имеет развитие предпосылок, без которых полноценное усвоение слоговой организации оказывается затруднительным. К числу таких предпосылок относятся слуховое внимание, фонематическое восприятие, способность различать ритмические контрасты, а также умение воспринимать и воспроизводить заданную последовательность звуковых элементов.

В практике логопедической работы используются упражнения на различение длинных и коротких звуковых цепочек, воспроизведение ритмических рисунков с помощью хлопков, шагов или ударов по столу, а также задания на повторение рядов слогов в определенной последовательности. Работа данного направления создает основу для дальнейшего перехода к собственно словесному материалу и позволяет подготовить ребенка к осознанному восприятию слоговой структуры [4].

В современной логопедии нарушение слоговой структуры слова рассматривается как результат сложного взаимодействия нескольких неблагоприятных факторов. Искажения слогового состава обусловлены не только недостаточностью артикуляторной моторики, но и несформированностью механизмов программирования, удержания и контроля речевого высказывания [7].

Данное положение находит подтверждение в нейропсихологических исследованиях А. Р. Лурии, который связывал процесс порождения речи с работой нескольких функционально взаимосвязанных звеньев.

При недостаточном развитии программирующего компонента ребенок затрудняется в построении правильной последовательности речевых элементов, вследствие чего слово воспроизводится в сокращенном или искаженном виде. К примеру, слово «крокодил» может приобретать формы «кодил», «кокодил» или «кокил», а слово «сковорода» – «ковода» или «сковода». В подобных случаях нарушение касается не отдельного звука, а всей структуры слова как целостной единицы [7].

Как показывают исследования Н. С. Жуковой, наибольшие трудности у детей с ОНР (III уровень РР) возникают при воспроизведении слов со стечением согласных, закрытыми слогами и сложным ритмическим рисунком [3]. Именно такие слова требуют более высокой степени сформированности слухового восприятия, артикуляционной координации и речевой памяти. В речи детей нередко наблюдаются формы «кан» вместо «кран», «тица» вместо «птица», «тол» вместо «стол», «паток» вместо «платок».

При этом упрощение чаще всего осуществляется по пути устранения наиболее трудных звеньев речевой цепи. Нарушение ритмической организации слова также оказывает существенное влияние на качество его воспроизведения. Ребенок может сохранять общий контур слова, но искажать соотношение ударных и безударных слогов, вследствие чего страдает четкость и разборчивость речи.

Существенную роль в формировании слоговой структуры выполняет слухоречевая память. Ограниченный объем кратковременного удержания звуковой последовательности затрудняет воспроизведение многосложных слов, особенно в условиях повышенной речевой нагрузки.

Ребенок не удерживает в полном объеме звуковую программу слова и воспроизводит только отдельные ее части, пропуская или перестраивая менее устойчивые элементы. Так, слово «велосипед» может произноситься как «весипед», «лисипед» или «восипед», а слово «экскаватор» – как «экаватор» или «каватор». Указанные ошибки свидетельствуют о том, что нарушение слоговой структуры связано не только с произнесением как таковым, но и с трудностями запоминания и воспроизведения речевой последовательности [1].

Диагностическая работа по выявлению состояния слоговой структуры слова должна быть направлена не только на фиксацию внешних ошибок, но и на установление их характера и механизмов.

В обследование включаются задания на повторение слов различной слоговой сложности, воспроизведение слов с открытыми и закрытыми слогами, со стечением согласных, с разным количеством слогов, а также пробы на слоговой анализ и синтез.

Существенное значение имеет анализ условий, в которых ошибки усиливаются или ослабевают: при изолированном повторении, в составе фразы, при опоре на наглядность, в ситуации утомления.

Например, ребенок может правильно повторить слово «машина» отдельно, но в составе предложения «Большая машина едет быстро» допускать сокращение или перестановку слогов. Подобные наблюдения позволяют более точно определить направление коррекционной работы и выстроить индивидуальную программу воздействия.

Коррекционная работа должна строиться на принципе комплексности и предусматривать воздействие на все значимые компоненты речевой системы [6]. Формирование слоговой структуры слова невозможно рассматривать как узко техническую задачу, связанную только с правильным произнесением.

Результативность работы определяется тем, насколько последовательно развива-

ется фонематическое восприятие, артикуляционная моторика, слухоречевая память, ритмико-интонационная организация речи, словарь и грамматический строй.

На подготовительном этапе создаются условия для последующего усвоения слоговых моделей; затем осуществляется работа над анализом и синтезом, после чего проводится закрепление навыков в самостоятельной речи.

На этапе автоматизации используются рассказы по картинкам, диалоги, игровые задания, упражнения на называние предметов и действий, включение слов в предложения и небольшие связные высказывания.

Игровые технологии сохраняют высокую эффективность в коррекционном процессе, однако их применение должно подчиняться четко поставленным речевым задачам. В условиях специально организованной игры ребенок легче принимает учебную задачу, дольше удерживает внимание и активнее включается в речевое взаимодействие.

Например, в игре «собери слово» дети составляют слово из карточек со слогами, в упражнении «найди потерянный слог» восстанавливают деформированную структуру, а в задании «кто скажет правильно» сравнивают нормативный и искаженный варианты произношения. Подобные приемы позволяют сочетать коррекционную направленность с доступной для дошкольника формой деятельности и создают условия для прочного закрепления навыков.

Таким образом, нарушения слоговой структуры слова у детей дошкольного возраста с ОНР (III уровень РР) имеют сложную природу и затрагивают несколько взаимосвязанных сторон речевого развития. Их проявления выражаются в пропусках, перестановках, сокращениях и упрощениях слогов, в неустойчивости воспроизведения слов и в затруднениях при произнесении лексических единиц сложной структуры. Наиболее выраженные трудности обнаруживаются при работе с многосложными словами, словами со стечением согласных, закрытыми слогами и сложным ритмическим рисунком.

Эффективность коррекционной помощи зависит от раннего выявления указанных нарушений, точного определения их механизмов и последовательной организации логопедического воздействия. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется разработка более дифференцированных программ коррекции с учетом структуры дефекта, индивидуальных возможностей ребенка и условий его речевого развития.

Библиографический список

1. Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М. : Лабиринт, 1999. – 241 с.
2. Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи / А. Н. Гвоздев. – М. : Просвещение, 1961.
3. Жукова Н. С. Формирование устной речи / Н. С. Жукова. – М. : Просвещение, 1994. – 163 с.
4. Каше Г. А. Подготовка к школе детей с недостатками речи / Г. А. Каше. – М. : Просвещение, 1985. – 184 с.
5. Лалаева Р. И. Логопедическая работа в коррекционных классах / Р. И. Лалаева. – СПб. : Союз, 2001. – 154 с.
6. Левина Р. Е. Нарушения речи у детей и их коррекция / Р. Е. Левина. – М. : Просвещение, 1968. – 361 с.
7. Лурия А. Р. Основы нейропсихологии / А. Р. Лурия. – М. : Академия, 2003. – 255 с.
8. Ткаченко Т. А. Коррекция нарушений слоговой структуры слова / Т. А. Ткаченко. – М. : ГНОМ, 2010. – 210 с.
9. Филичева Т. Б. Подготовка к школе детей с общим недоразвитием речи / Т. Б. Филичева, Г. В. Чиркина. – М. : Просвещение, 2004. – 254 с.

© Филиппова С. Н., Колодовская Е. А., 2026

УДК 376.37

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ВОПРОСУ О ПРЕОДОЛЕНИИ СТЕРТОЙ ДИЗАРТРИИ У ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

EDN DCFXIF

А. А. Фролова
Студентка,
e-mail: iliailionoav@gmail.com,

Н. В. Иванова
кандидат педагогических наук,
e-mail: klunat@yandex.ru,
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

SOME APPROACHES TO OVERCOMING ERASED DYSARTHRIA IN MIDDLE-AGED PRESCHOOL CHILDREN

A. A. Frolova
Student,
N. V. Ivanova
Candidate of Pedagogical Sciences,
Smolensk State University,
Smolensk, Russia

Abstract. Mild dysarthria is the most common speech disorder in middle-school-aged children. Therefore, there is a need to develop effective methods for diagnosing and treating minimal dysarthria disorders, aimed at developing motor and speech skills in middle preschool-aged children.
Awareness of this problem stimulates the search for and development of advanced diagnostic methods. Emphasis is placed on a comprehensive approach, including not only traditional speech therapy examinations but also assessment of fine motor skills, general motor coordination, and the state of muscle tone in the articulatory apparatus.
Keywords: erased dysarthria; correction; examination; speech communication; stationary skills; integration; specialist; speech therapy.

Стертая дизартрия – это нарушение речи, которое проявляется в расстройствах фонетического и просодического компонентов речевой функциональной системы и возникает вследствие невыраженного микроорганического поражения коры головного мозга [2].

Стертая дизартрия характеризуется неявными, слабо выраженными нарушениями моторики речевого аппарата, которые могут проявляться в виде незначительной неуклюжести артикуляции, легкой неритмичности или слабой дискоординации движений губ, языка и мягкого неба.

Несмотря на кажущуюся незначительность, минимальное дизартрическое расстройство затрудняет формирование правильных звуковых моделей и снижает эффективность речевого общения, что в дальнейшем может привести к более выраженным речевым дефектам и затруднениям в обучении.

Изучение дошкольников со стертой дизартрией показало, что наряду с нарушениями функции и тонуса артикуляционного аппарата характерным для данной группы детей является отклонение в состоянии общей и мелкой ручной моторики, что согласуется с литературными данными последних лет.

В основе данного расстройства лежит повреждение или дисфункция структур головного мозга, включая кору больших полушарий, подкорковые образования, мозжечок и ствол мозга, что приводит к нарушению передачи нервных импульсов к мышцам, участвующим в артикуляции, дыхании и голосообразовании.

У детей дошкольного возраста этиологические факторы часто связаны с перинатальными осложнениями, такими как гипоксия, асфиксия, травмы при родах, а также с внутриутробными инфекциями и генетическими аномалиями, которые вли-

яют на формирование и функционирование нервной системы [3].

При этом даже незначительные нарушения нейромоторного контроля, возникающие на фоне таких факторов, способны привести к формированию минимальных дизартрических расстройств, которые характеризуются слабо выраженными, но устойчивыми нарушениями моторики речевого аппарата.

Нейрофизиологические механизмы дизартрии связаны с нарушением интеграции сенсорной информации и моторных команд, что приводит к снижению точности, координации и силы движений, необходимых для правильного произнесения звуков.

Минимальные дизартрические расстройства характеризуются тем, что нарушения моторного контроля выражены неявно, что затрудняет их диагностику, однако они способны существенно влиять на качество речи и коммуникативные функции ребёнка [8].

При таких формах дизартрии моторные дефекты проявляются в виде лёгкой дискоординации, незначительного снижения силы мышц или неустойчивости тонуса, что может сопровождаться неритмичностью и неравномерностью артикуляционных движений.

Данные особенности создают предпосылки для формирования неправильных речевых привычек и затрудняют освоение фонетических норм, особенно в условиях усложнения языковых конструкций.

Нейрофизиологические исследования подтверждают, что при минимальных дизартрических расстройствах происходит нарушение взаимодействия между корковыми моторными центрами и подкорковыми структурами, что приводит к снижению эффективности обратной связи и коррекции движений в процессе речевой деятельности.

Диагностические трудности, связанные с минимальными дизартрическими расстройствами, во многом обусловлены их скрытым характером и отсутствием явных нарушений в обычных речевых тестах [6].

Практическое значение выделения минимальных дизартрических расстройств заключается в возможности раннего диагностики и своевременного вмешательства специалиста, направленного на нормализацию моторных функций и предупреждение прогрессирования речевых дефектов.

Поэтому в первую очередь диагностика включает детальный сбор анамнеза, который позволяет выявить факторы риска, связанные с перинатальными осложнениями, наследственной предрасположенностью и особенностями раннего развития нервной системы. Анализ истории развития ребёнка помогает определить возможные причины формирования минимальных дизартрических расстройств и оценить степень их влияния на речевую функцию.

Диагностика минимальных дизартрических расстройств у детей среднего дошкольного возраста требует применения комплексных логопедических методов, направленных на тщательное изучение артикуляционной моторики и выявление тонких нарушений, которые в повседневной речи могут оставаться незаметными.

Однако неврологическое обследование занимает центральное место в диагностике минимальных дизартрических расстройств у детей среднего дошкольного возраста, поскольку именно оно позволяет выявить тонкие нарушения моторного контроля, которые зачастую остаются незамеченными при поверхностном осмотре.

Оценка мышечного тонуса, рефлексов и координации движений служит основой для понимания функционального состояния центральной и периферической нервной системы, ответственной за регуляцию артикуляционного аппарата.

Легкая степень выраженности дизартрии характеризуется незначительными нарушениями (речевой и неречевой симп-

томатикой) в структуре дефекта. Часто проявления легкой степени дизартрии называют «нерезко выраженной» или «стертой» дизартрией, имея в виду негрубые («стертые») парезы мышц артикуляционного аппарата, нарушающих процесс произношения [4].

В ходе неврологического осмотра специалист обращает внимание на наличие гипотонии или гипертонуса, асимметрии мышечного тонуса, а также на особенности рефлекторных реакций, таких как патологические рефлексы или их отсутствие, что может свидетельствовать о локализации и степени поражения нервных структур.

Коррекция минимальных дизартрических расстройств у детей среднего дошкольного возраста требует применения комплексного медико-психолого-педагогического подхода, который учитывает многоуровневую природу этих нарушений и направлен на всестороннее восстановление речевой функции.

Наиболее стойкими, выраженными, ведущими в структуре речевого дефекта у детей со стертой дизартрией являются нарушения фонетической стороны речи, имеющие специфический механизм, отличающийся от механизмов дислалии [1]. Нарушения звукопроизношения и просодических компонентов речи, обусловленные органической недостаточностью иннервации мышц речевого аппарата, отрицательно влияют на формирование фонематической, а также лексико-грамматической сторон речи.

Поэтому эффективная коррекция невозможна без интеграции усилий специалистов различных профилей, что обеспечивает не только устранение органических и функциональных дефектов, но и создание благоприятных условий для адаптации и развития ребёнка в социальной и образовательной среде.

Медицинская составляющая данного подхода базируется на тщательном неврологическом обследовании и мониторинге состояния нервной системы ребёнка, что позволяет выявить и оценить степень моторных нарушений, а также определить потенциальные причины и сопутствующие патологии.

В рамках медицинской поддержки применяются методы физиотерапии, направленные на нормализацию мышечного тонуса и улучшение координации движений артикуляционного аппарата.

Также возрастные особенности речи ребенка могут закрепляться и даже расширяться под влиянием несовершенной речи детского коллектива, в котором он живет [7].

По этой причине психологическая компонента коррекции направлена на поддержку эмоционального и когнитивного развития ребёнка, создание мотивационной среды и формирование положительного отношения к речевой деятельности.

Психологи работают над развитием саморегуляции, концентрации внимания и коммуникативных умений, которые часто нарушаются у детей с минимальными дизартрическими расстройствами вследствие ограничений в моторном контроле и речевой продуктивности.

Педагогическая составляющая интегрирует логопедические методы, направленные на развитие артикуляционной моторики, формирование правильного звукопроизношения и автоматизацию речевых навыков.

Дифференцированная коррекция двигательной сферы и артикуляционной моторики детей позволяет устранить нарушения звукопроизношения, просодической стороны речи, способствует нормализации лексико-грамматической стороны речи [5].

Логопеды применяют дифференцированные упражнения, учитывающие индивидуальные особенности моторики и речевого функционирования каждого ребёнка.

Особое значение придаётся развитию координации движений, дифференциации артикуляционных позиций и формированию устойчивых речевых паттернов через

целенаправленное повторение и закрепление навыков.

Важным элементом педагогической работы является использование игровых форм и ситуаций, способствующих естественной мотивации к речевой активности и обеспечивающих условия для практического применения приобретённых навыков.

Таким образом, интеграция медицинских, психологических и педагогических методов в рамках комплексного подхода создаёт синергетический эффект, который значительно повышает шансы на успешное преодоление минимальных дизартрических расстройств.

Библиографический список

1. Архипова, Е. Ф. Особенности логопедической работы при дизартрии / Е. Ф. Архипова. – Москва, 2004. – № 1. – С. 36–42.
2. Белякова, Л. И. Логопедия. Дизартрия / Л. И. Белякова, Н. Н. Волоскова. – Москва : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2009. – 287 с.
3. Горшенева, С. В. Клинико-неврологический подход к проблеме дизартрий в детском возрасте / С. В. Горшенева, Г. И. Столярова. – Москва, 2005. – № 2. – С. 12–16.
4. Карелина, И. Б. Новые направления в коррекции минимальных дизартрических расстройств / И. Б. Карелина. – Москва, 2000. – № 1. – С. 24–26.
5. Корнеева, И. А. Формирование активного словаря у детей старшего дошкольного возраста с дизартрией: использование дидактических игр / И. А. Корнеева // Вестник науки. – 2025. – № 2 (83). – С. 287–293.
6. Смирнова, И. А. Актуальные проблемы исследования дизартрии у дошкольников / И. А. Смирнова // Актуальные проблемы специальной педагогики и психологии. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 41–44.
7. Смирнова, И. А. Логопедическая работа с дошкольниками при дизартрии / И. А. Смирнова // Дошкольная педагогика. – Санкт-Петербург, 2003. – № 5 (14).
8. Филичева, Т. Б. Особенности формирования речи у детей дошкольного возраста / Т. Б. Филичева. – Москва : Просвещение, 2010. – 314 с.

© Фролова А. А., Иванова Н. В., 2026

УДК 372.851

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТАБЛИЦЫ УМНОЖЕНИЯ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

EDN DAFMWB

Ю. М. Хромова

Учитель, e-mail: ulechka_234@mail.ru,
Школа № 2103,
г. Москва, Россия

MODERN ASPECTS OF STUDYING THE MULTIPLICATION TABLE IN PRIMARY SCHOOL

U. M. Khromova

Teacher,
School № 2103,
Moscow, Russia

Abstract. The article describes the role of learning the multiplication table as part of teaching mathematics in the modern primary education system. It emphasizes the importance of this activity in accordance with state standards for achieving subject-specific and meta-subjective learning outcomes. The article also highlights the role of knowing the multiplication table as a practical tool that is necessary in various areas of everyday life. Additionally, the article provides practical techniques that promote successful learning and transform the process of learning the multiplication table from a mechanical memorization task into a fun and intellectually stimulating activity for primary school students.

Keywords: multiplication table; mathematical concepts; mathematics; elementary school; education.

В системе начального образования математика занимает важное место, ведь она позволяет формировать у младших школьников не только первоначальные математические представления, но и основы логического мышления, способность к восприятию алгоритмов и абстрактного мышления. В процессе изучения математики в начальной школе большое внимание уделяется изучению таблицы умножения, которая закладывает основу для всего последующего обучения и математической грамотности.

Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (ФГОС НОО) относит изучение таблицы умножения к необходимым условиям достижения метапредметных и предметных результатов обучения. Так, среди предметных результатов изучения математики указана необходимость выполнять устно и письменно умножение и деление, а также уметь использовать арифметические действия для вычислений и решения задач [6]. Достижение таких метапредметных результатов, как умение принимать и сохранять учебную задачу или использование знаково-символических средств также происходит при изучении таблицы умножения, т.к. ее усвоение является длительным процессом, требующим от ребенка понимания учебной задачи, а сама таблица умножения является примером знаковой системы.

Таблица умножения – это система математических заданий, которая предназначена для формирования прочных вычислительных навыков [3]. Это дидактический объект и знаковая система, которая служит средством перехода от конкретного предметного действия (сложения групп предметов) к абстрактному математическому действию (умножению) [1].

Знание таблицы умножения необходимо для детей начальной школы, т.к. ее запоминание, способствующее интеллектуальному развитию детей и автоматизации вычислений, позволяет совершать устный счет с высокой скоростью и малой когнитивной нагрузкой. Это создает основу для решения более сложных задач, в которых знание таблицы умножения служит опорой и необхо-

димым фундаментом для вычислений. Помимо этого, таблица умножения также составляет базу для освоения последующих разделов математики, т.к. навыки работы с таблицей умножения необходимы при освоении деления, работы с дробными числами, с процентами, для решения уравнений. Иными словами, таблица умножения необходима не просто как отдельный элемент математического знания, но и как важнейший компонент, обеспечивающий непрерывность математического образования.

Следует также отметить, что знание таблицы умножения важно для ребенка во многих житейских ситуациях – например, при осуществлении покупок, планировании временных затрат, распределении предметов на группы и других элементарных расчетов в быту. Иными словами, таблица умножения является практико-ориентированным навыком, необходимым для использования во многих сферах жизни, который помогает ребенку быть более самостоятельным и экономически подкованным.

Учитывая высокую значимость усвоения детьми таблицы умножения, педагоги должны тщательно подходить к организации этого процесса для достижения максимальной эффективности. Несомненно, наиболее успешным для детей младшего школьного возраста является игровой метод. Внедряя элементы игры в изучение таблицы умножения, можно добиться повышения интереса и мотивации со стороны учеников, ведь игровая деятельность значительно облегчает и делает для детей увлекательным усвоение материала. Также необходимо активно использовать наглядные (таблицы, схемы, карточки) и аудиовизульные (рифмовки, песенки, обучающие мультфильмы) материалы, которые позволят обеспечить сенсорную интеграцию, то есть задействование сразу нескольких каналов восприятия информации. Эффективным также является метод мнемотехники или ассоциативного запоминания (запоминание через связь с какими-либо знакомыми и запоминающимися образами).

Следует также учитывать, что важное значение несет в себе системная работа, которая обеспечит прочное усвоение и запоминание детьми таблицы в долгосрочной памяти, в том числе работа школьников дома. Это указывает на необходимость поддержки со стороны родителей, для чего педагогу следует проводить также разъяснительную работу среди родителей о значимости проведения такой работы и знакомить их с разнообразными методами ее осуществления.

В качестве примеров успешного изучения таблицы умножения на основе педагогического опыта можно привести: метод Пифагора (или работу с таблицей Пифагора), визуализацию через предметы и геймификация.

Так, метод Пифагора позволяет объяснить суть производимых действий. Таблица Пифагора представляет собой систематизированную совокупность произведений натуральных чисел, организованную в виде матрицы, пересечение строк и столбцов которой представляет результат умножения соответствующих множителей [2]. При демонстрации таблицы Пифагора (рис. 1) дети могут наглядно представить себе структуру вместо отдельных примеров, а понимание самой сути умножения ясно представлено в виде симметричности ответов, что сокращает количество заучиваемого материала (дети видят, что пересечение 7 и 8, как и 8 и 7, дает одинаковый результат).

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
2	2	4	6	8	10	12	14	16	18	20
3	3	6	9	12	15	18	21	24	27	30
4	4	8	12	16	20	24	28	32	36	40
5	5	10	15	20	25	30	35	40	45	50
6	6	12	18	24	30	36	42	48	54	60
7	7	14	21	28	35	42	49	56	63	70
8	8	16	24	32	40	48	56	64	72	80
9	9	18	27	36	45	54	63	72	81	90
10	10	20	30	40	50	60	70	80	90	100

Рис. 1. **Таблица Пифагора**

Визуализация таблицы умножения через конкретные предметы (счетные палочки, пуговицы и т.д.) позволяет «привязать» к реальности абстрактные представления об умножении. Наглядная демонстрация с предметами помогает также понять детям, что умножение – это быстрый способ сложения одинаковых групп.

Геймификация позволяет снизить страх детей, особенно, если использовать ее на этапе проверки усвоения знаний, – ведь ее можно провести в виде соревнования или квеста. Такое игровое мероприятие повышает вовлеченность детей в деятельность и позволяет проверить знания сразу у многих учеников.

Можно сделать однозначный вывод, что изучение таблицы умножения в начальной школе является не только этапом освоения вычислительных навыков, но и представляет собой фундаментальный компонент математического образования, а также способствует разностороннему развитию детей (их внимания, памяти, когнитивных способностей) и носит несомненный практикоориентированный характер.

Эффективность усвоения таблицы умножения во многом зависит от организации этой деятельности и в настоящее время все больше внимания уделяется не простому заучиванию примеров, а работе с пониманием сути таблицы, для чего могут быть использованы метод Пифагора, визуализация, игровые методики, мнемотехника и т.д. Их применение повышает учебную мотивацию детей, снимает психологическое напряжение и в целом способствует эффективному и долгосрочному запоминанию таблицы умножения.

Библиографический список

1. Белошистая А. В. методика обучения математике в начальной школе: курс лекций: учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. – М: Владос, 2019. – 458 с.
2. Истомина-Кастровская Н. Б. Методика обучения математике в начальной школе: учебник. – М: Высшее образование, 2026. – 301 с.
3. Моро М. И., Бантова М. А., Бельтюкова Г. В. Математика: Учебник для 2 класса общеобразовательных учреждений: в 2 ч. – М: Просвещение, 2022.

4. Петерсон Л. Г. Математика «Учусь учиться». 2 класс: методические рекомендации к учебнику. – М: Ювента, 2015. – 80 с.
5. Шадрина И. В. Методика преподавания начального курса математики: учебник и практикум для вузов. – М: Юрайт, 2025. – 279 с.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 6 октября 2009 г. N 373). С изменениями и дополнениями от: 26 ноября 2010 г., 22 сентября 2011 г., 18 декабря 2012 г., 29 декабря 2014 г., 18 мая, 31 декабря 2015 г., 11 декабря 2020 г.

© Хромова Ю. М., 2026

УДК 159.99

СУБЪЕКТИВНОЕ СЧАСТЬЕ ОФИСНЫХ СОТРУДНИКОВ: СРАВНЕНИЕ ОБЛАДАТЕЛЕЙ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ И НЕ ВЛАДЕЮЩИХ ИМИ

EDN ACVKIG

Е. В. Звонова *Доктор психологических наук, доцент, e-mail: zevreturn@yandex.ru, Московский экономический институт, Московский университет имени А. С. Грибоедова,*

А. П. Гулина *студентка, e-mail: arinafine@gmail.com, Московский университет имени А. С. Грибоедова, г. Москва, Россия*

SUBJECTIVE HAPPINESS OF OFFICE EMPLOYEES: A COMPARISON OF PET OWNERS AND NON-OWNERS

E. M. Zvonova *Doctor of Psychology, Associate Professor, Moscow Institute of Economics, Moscow University named after A. S. Griboyedov,*

A. P. Gulina *Student, Moscow University named after A. S. Griboyedov, Moscow, Russia*

Abstract. This article examines the subjective happiness of office workers in a modern work environment characterized by high stress and socio-psychological challenges. Particular attention is paid to the role of pets as a potential factor in enhancing emotional and psychological well-being. The study demonstrates that interaction with pets reduces stress, improves mood, and decreases anxiety, which in turn contributes to a higher perceived level of happiness. The findings support the idea that owning a pet fosters a particular lifestyle and provides emotional support, positively influencing subjective life satisfaction among office workers.

Keywords: subjective happiness; office workers; stress; pets; emotional well-being; psychological support; anxiety; psychophysiological reactions; interaction with pets; psychological resource.

Вопросы исследования счастья в жизни человека привлекают пристальное внимание ученых [1; 6].

Проблема субъективного уровня счастья офисных сотрудников приобретает особую актуальность в контексте современных условий труда [2]. Работники ежедневно сталкиваются с множественными стрессогенными факторами [8]: высокими рабочими нагрузками, необходимостью длительной концентрации внимания, ограниченной физической активностью и интенсивным межличностным взаимодействием. В этих условиях поиск ресурсов для поддержания эмоционального и психологического равновесия становится важной задачей, как для самих работников, так и для организационной психологии в целом.

Эта проблема есть результат сложного сочетания социальных и психологических моментов в жизни человека. Она включает в себя то, как мы сами оцениваем свою повседневную жизнь: нравится ли нам, что происходит, рады ли мы своим достижениям и как относимся к себе – с любовью или с постоянной самокритикой [5]. Это напрямую связано с нашим ощу-

щением благополучия [7], полноценности и смысловой наполненности жизни [3; 4].

Одним из потенциальных факторов, способствующих повышению субъективного ощущения счастья, является наличие домашнего животного. Исследования последних десятилетий показывают, что взаимодействие человека с домашними питомцами сопровождается целым комплексом позитивных психофизиологических изменений: снижением уровня кортизола (гормона стресса), повышением концентрации окситоцина (нейропептида, связанного с социальной привязанностью), улучшением настроения и

Владение домашним животным может выступать компенсаторным механизмом, обеспечивающим эмоциональную поддержку, структурирование внерабочего времени и удовлетворение базовых психологических потребностей в заботе и привязанности.

В ходе исследования было выдвинуто предположения, что офисные сотрудники, имеющие домашних животных, воспринимают свой уровень счастья выше, чем сотрудники, не имеющие питомцев. Наличие питомцев формирует особый жизненный стиль хозяина, что способствует повышенному субъектному уровню счастья, уменьшению личностной и ситуативной тревожности.

Исследование проводилось с помощью следующих методик:

1. «Индекс жизненного стиля» (ИЖС) (Life Style Index, LSI) – психодиагностическая методика для диагностики защитных механизмов личности. Разработана в 1979 году в соавторстве Роберта Плутчика, Генри Келлермана и Хоупа Конте.

2. Оксфордский опросник счастья (Oxford Happiness Inventory, OHI) Авторы: M. Argyle, P. Hills (1989, 2002), Адаптация: А. М. Голубев, Е. А. Дорошева (2017).

3. Шкала тревоги Спилбергера-Ханина или Шкала реактивной и личностной тревожности, ШРЛТ (State-Trait Anxiety Inventory, STAI) Автор: Charles Spielberger (1970), Адаптация: Ю. Л. Ханин (1976).

В исследовании приняли участие 44 сотрудников в возрасте от 19 до 55 лет из филиалов и представительств Государственного бюджетного учреждения Города Москвы «Мой Семейный Центр «Притяжение». Из них 28 женщин и 16 мужчин. 22 опрошенных имеют одно и более домашних животных и у 22 человек они отсутствует.

На основании обработки анкетных данных установлены следующие закономерности распределения наличия домашних животных с учётом брачного статуса:

Для респондентов, состоящих в зарегистрированном браке:

- наличие домашнего животного – 13 человек;
- отсутствие домашнего животного – 9 человек.

Для респондентов, не состоящих в зарегистрированном браке:

- наличие домашнего животного – 9 человек, из них 8 женщин и 1 мужчина;
- отсутствие домашнего животного – 13 человек.

Распределение по количеству домашних животных:

- 1 животное – у 13 респондентов;
- более 1 животного – у 9 респондентов.

В ходе исследования были сформированы две группы. Критерием формирования группы было наличие домашнего животного или несколько домашних животных. В группу 1 вошли те, у кого есть домашнее животное, их количество составило 22 человека (возраст группы от 19 до 55 лет, средний возраст составил 40 лет); в группу 2 (контрольная группа) вошли те, у кого нет домашнего животного их количество так же составило 22 человека (возраст группы от 22 до 55 лет, средний возраст составил 40 лет). Общее количество участников исследования – 44 человека. Состав группы представлен в таблице 1.

Таблица 1

Распределение испытуемых по группам с учетом наличия домашнего животного с определением среднего возраста и его среднего статистического отклонения

Группы	**Количество респондентов**	**M**	**SD**
Группа 1 (есть домашнее животное)	22	40,05	7,32
Группа 2 (нет домашнего животного)	22	40,32	7,31
ИТОГО респондентов	**44**		

Результаты диагностики, проведенной с помощью методики «Индекс жизненного стиля» (ИЖС) (Life Style Index, LSI) показали, что у Группы 1 (есть домашнее животное) преобладают механизмы психологических защит отрицание и проекция. У группы 2 (нет домашнего животного) преобладают механизмы психологических защит проекция и реактивное образование.

Далее был проведен Оксфордский опросник счастья (Oxford Happiness Inventory, OHI) Авторы: M. Argyle, P. Hills (1989, 2002), Адаптация: А. М. Голубев, Е. А. Дорошева (2017).

Полученные в ходе диагностики данные двух групп были подвергнуты статистическому анализу при помощи U-критерия Манна-Уитни. Критические значения анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2

Критические значения групп для анализа при помощи U-критерия Манна-Уитни

$U_{Кр}$	
p≤0.01	p≤0.05
243	**275**

По результатам статистического анализа U-критерий Манна-Уитни (различие между группами 1 и 2) можно сделать вывод, что полученное эмпирическое значение $U_{эмп}$=213 находится в зоне значимости.

Далее была проведена диагностика с помощью шкалы тревоги Спилбергера-Ханина или Шкала реактивной и личностной тревожности, ШРЛТ (State-Trait Anxiety Inventory, STAI).

Полученные в ходе диагностики данные двух групп были подвергнуты статистическому анализу при помощи U-критерия Манна-Уитни. Был проведен анализ результатов показателей ситуативной тревожности. Критические значения анализа представлены в таблице 3.

Таблица 3

Критические значения анализа на Ситуативную тревожность

$U_{Кр}$	
p≤0.01	p≤0.05
142	**171**

По результатам статистического анализа U-критерий Манна-Уитни (различие между группами 1 и 2) полученное эмпирическое значение $U_{эмп}$=172 находится в зоне незначимости. Следовательно различия между группами по ситуативной тревожности отсутствует.

По результатам статистического анализа U-критерий Манна-Уитни (различие между группами 1 и 2) показателей личностной тревожности полученное эмпирическое значение $U_{эмп}$=105.5 находится в зоне значимости. Следовательно, различия между группами по личностной тревожности имеют статистически значимый показатель. Группа 1 (респонденты с домашними животными) показала более низкие показатели личностной тревожности в ходе исследования, что подтверждает гипотезу о благоприятном воздействии питомцев на психологическое благополучие их владельцев.

Для оценки степени связности между двумя переменными, в случае если данные не имеют признаки нормального распределения, был использован коэффициент корреляции Спирмена.

Статистический анализ тестирования оксфордского опросника счастья и ситуативной тревожности результатов группы 1 (есть домашнее животное) с применением коэффициента корреляции Спирмена показал результат: r_s= -0.313, критические значения представлены в таблице 4.

Таблица 4

Критические значения для группы 1 (есть домашнее животное) (N=22)

N	p	
	0.05	0.01
22	**0.43**	**0.54**

Корреляция между показателями Оксфордского опросника счастья и Шкалы тревоги Спилбергера–Ханина ситуативной тревожностью не достигает уровня статистической значимости r_s= -0.313**.** Выявлена отрицательная зависимость, данный результат показывает, что чем выше индекс счастья, тем ниже уровень ситуативной тревожности.

Корреляция между показателями Оксфордского опросника счастья и Шкалы тревоги Спилбергера–Ханина личностной тревожностью был получен результат: r_s = -0.047.

Результаты проведения корреляции показателей Оксфордского опросника счастья и Шкалы тревоги Спилбергера–Ханина личностной тревожностью не до-

стигает уровня статистической значимости, выявлена отрицательная зависимость.

Корреляция между показателями Оксфордского опросника счастья и Шкалой тревоги Спилбергера–Ханина ситуативной тревожности был получен результат: r_s = -0.137.

Таблица 5

Критические значения для группы 1 (есть домашнее животное) (N=22)

N	p	
	0.05	0.01
22	**0.43**	**0.54**

Корреляция не достигает уровня статистической значимости.

Корреляция между показателями Оксфордского опросника счастья и Шкалой тревоги Спилбергера–Ханина личностной тревожности был получен результат: r_s = 0.003. Корреляция не достигает уровня статистической значимости.

В ходе корреляционного анализа данных, проведённого с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена, была оценена взаимосвязь между показателем по шкале «Отрицание» ИЖС и значением Оксфордского опросника счастья. Расчёты показали наличие статистически значимой положительной корреляции r_s = 0.703. Полученное значение коэффициента Спирмена соответствует сильной положительной корреляции согласно общепринятым критериям оценки силы связи.

В группе 1 (есть домашние животные). Между показателем по шкале «Подавление» ИЖС и значением Оксфордского опросника счастья. Результат: r_s = -0.577. ***Корреляция статистически значима. Таким образом, связь между подавлением и счастьем достаточно выражена: повышение уровня подавления сопряжено со снижением уровня счастья, и наоборот.***

Между показателем по шкале ***«Регрессия» ИЖС и значением Оксфордского опросника счастья. Результат: r_s = -0.536. Корреляция статистически значима.***

Между показателем по шкале «Компенсация» ИЖС и значением Оксфордского опросника счастья. Результат: r_s = -0.243. Корреляция не достигает уровня статистической значимости.

Между показателем по шкале «Проекция» ИЖС и значением Оксфордского опросника счастья. Результат: r_s = -0.41. Корреляция не достигает уровня статистической значимости.

Между показателем по шкале «Замещение» ИЖС и значением Оксфордского опросника счастья. Результат: r_s = -0.239. Корреляция не достигает уровня статистической значимости.

Между показателем по шкале «Интеллектуализация» ИЖС и значением Оксфордского опросника счастья. Результат: r_s = 0.331. Корреляция не достигает уровня статистической значимости.

Между показателем по шкале «Реактивное образование» ИЖС и значением Оксфордского опросника счастья. Результат: r_s = 0.048. Корреляция не достигает уровня статистической значимости.

В результате проведенного статистического анализа результатов группы 2 (нет домашнего животного) были получены следующие результаты.

Между показателем по шкале «Отрицание» ИЖС и значением Оксфордского опросника счастья. Результат: r_s = -0.145.

Корреляция не достигает уровня статистической значимости.

Между показателем по шкале «Подавление» ИЖС и значением Оксфордского опросника счастья. Результат: r_s = -0.209. Корреляция не достигает уровня статистической значимости.

Между показателем по шкале ***«Регрессия» ИЖС и значением Оксфордского опросника счастья. Результат: r_s = -0.005. Корреляция статистически значима.***

Между показателем по шкале ***«Компенсация» ИЖС и значением Оксфордского опросника счастья. Результат: r_s = -0.243. Корреляция статистически значима.***

Между показателем по шкале «Проекция» ИЖС и значением Оксфордского опросника счастья. Результат: r_s = -0.314. Корреляция не достигает уровня статистической значимости.

Между показателем по шкале «Замещение» ИЖС и значением Оксфордского опросника счастья. Результат: r_s = -0.153. Корреляция не достигает уровня статистической значимости.

Между показателем по шкале «Интеллектуализация» ИЖС и значением Оксфордского опросника счастья. Результат: r_s = 0.054. Корреляция не достигает уровня статистической значимости.

Между показателем по шкале «Реактивное образование» ИЖС и значением Оксфордского опросника счастья. Результат: r_s = 0.204. Корреляция не достигает уровня статистической значимости.

Результаты эмпирического анализа показали, что сотрудники, имеющие домашних животных, демонстрируют статистически значимые различия по уровню счастья по сравнению с теми, кто не имеет питомцев. В группе респондентов с питомцами были выявлены определенные тенденции, свидетельствующие о наличии взаимосвязей между показателями индекса жизненного стиля и субъективным уровнем счастья. Это может говорить о том, что наличие домашних животных может оказывать влияние на формирование специфического жизненного стиля, который в свою очередь может оказывать позитивное влияние на переживание счастья.

Библиографический список

1. Аргайл М. Психология счастья. – СПб.: Питер, Мастера психологии 2 е изд. 2003. – 332 с.
2. Джидарьян И. А. Представление о счастье в российском менталитете – СПб.: Алетейя, 2001. – 238 с.
3. Леонтьев Д. А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2020. – № 1. – С. 14–37.
4. Леонтьев Д. А. Экзистенциальные основы счастья и благополучия: от смыслов к действиям // Позитивная психология. – 2021. – Т. 2. – № 3. – С. 21–35.
5. Lyubomksky, S., Sheldon, K. M., and Schkade, D. Pursuing happiness: the architecture of sustainable change // Rev. Gen. Psychol. – 2005. – № 9. – P. 111–131. doi: 10.1037/1089-2680.9.2.111
6. Pitkin W. The psychology of happiness. – Madison: University of Wisconsin: Simon and Schuster, 1929. – 428 p.
7. Rastelli C, Calabrese L, Miller C, Raffone A and De Pisapia N. The art of happiness: an explorative study of a contemplative program for subjective well-being // Front. Psychol. – 2021. – №12. – P. 600982. doi: 10.3389/fpsyg.2021.600982
8. Seligman, M. E. P. Positive psychology, positive prevention, and positive therapy // Handbook of Positive Psychology/ eds. C. R. Snyder and S. J. Lopez. – New York, NY: Oxford University Press, 2002. – P. 3–9.

© Звонова Е. В., Гулина А. П., 2026

УДК 159.99

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ХАРАКТЕРИСТИК ИНТЕЛЛЕКТА МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

EDN FHKRKH

Е. В. Звонова — *Доктор психологических наук, доцент, ORCID 0000-0001-9271-8367, e-mail: zevmg-pi@rambler.ru, Московский экономический институт, Московский университет имени А. С. Грибоедова,*

В. С. Ревина, **М. А. Молодчая**, **Д. В. Лукичева**, **В. Д. Сизёмина** — *студенты, e-mail: dazaikiwi@gmail.com, e-mail: marymolodchaya@gmail.com, e-mail: ldashainst@gmail.com, e-mail: Sizeminav@inbox.ru, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия*

ON THE ISSUE OF STUDYING THE CHARACTERISTICS OF INTELLIGENCE OF YOUNG PEOPLE

E. V. Zvonova — *Doctor of Psychology, Associate Professor, Moscow Institute of Economics, Moscow University named after A. S. Griboyedov,*

V. S. Revina, **M. A. Molodchaya**, **D. V. Lukicheva**, **V. D. Sizemina** — *Students, Russian State Social University, Moscow, Russia*

Abstract. Intelligence has attracted considerable attention in the history of psychological science and in contemporary research. However, there is currently a significant bias toward focusing on emotional intelligence, rather than considering the synthetic and analytical characteristics of intelligence as a meta-ability. This article presents the results of a pilot study of the intelligence characteristics of participants in four groups. Professional activity emerged as a factor linking cognitive processes and emotional intelligence.

Keywords: intelligence; emotional intelligence; cognitive processes; young people; work activity.

В истории психологии, наверное, нет понятия, равному феномену «интеллект», которое привлекает пристальное внимание как ученых-теоретиков, так и психологов-практиков [2]. Многие специалисты в области управления человеческими ресурсами искренне считают, что можно найти одну генеральную характеристику, которая сможет надежно предсказывать успешность субъекта в конкретных областях практической деятельности [1]. Исторически поиск характеристики работы человеческой психики, способного предсказывать успешность работника проходил в контексте определенного вида деятельности и в исследованиях принимали участие мега-группы [3], хотя при переключении внимания к функционированию психики отдельного человека или конкретных групп, могли появляться данные, не подтверждающие общую, устоявшуюся и принимаемую профессиональным сообществом тенденцию.

С течением времени результаты множества исследований позволили ученым прийти к выводу, что оценка качества функционирования только когнитивных операций недостаточно для прогнозирования успешности деятельности, и что талант, моральные принципы, отношение к

жизни и поведение играют большую роль. Теоретические и практикоориентированные изыскания привели к выявлению подвида интеллекта, известного как эмоциональный интеллект, выделившийся из более общей концепции социального интеллекта. В дальнейшем стремление установить универсальный прогностический показатель успешности привел к появлению и даже операционализации многих «подвидов» интеллекта, что скорее отражает популярность самого слова «интеллект», чем содержательно соответствие понятию интеллекта как мета-способности.

Попытки установить статистические соотношения между разными видами интеллекта не утихают до сего времени, правда, их география смещается в строну стран Азии. Например, в некоторых исследованиях подтверждаются данные о том, что эмоциональный интеллект положительно коррелирует с академической успеваемостью и отрицательно коррелирует с IQ [4].

Кроме положительных свойств, которыми наделяются носители высокого эмоционального интеллекта, выявляются тревожные тенденции и отрицательные последствия. Например, устанавливается, что показатели высокого уровня эмоционального интеллекта (ЭИ) имеют обратную статистическую связь с уровнем острого и хронического стресса. При том, что уровень общего интеллекта (IQ) не показывают никакой связи с уровнем острого или хронического стресса, а также с острой стрессовой реактивностью. Различия в различных группах интеллекта (ГИ) и ЭИ не повлияли на исходные и постстрессовые показатели теста памяти Штернберга и всех трёх условий теста Струпа. Что позволило исследователям прийти к выводу, что эмоциональный интеллект как характеристика лучше подходит для преодоления повседневного острого и хронического воспринимаемого стресса [5].

Как показывает анализ истории и результатов современных исследований, изучение интеллекта человека и его составляющих находится в поле внимания ученых и новые данные не решают вопросы соотношения характеристик интеллекта представителей разных групп.

Проблемой нашего исследования выступил вопрос установки наличия значимой статистической связи между характеристиками интеллекта у молодых людей в возрасте до 25 лет и старше 25 лет и у работающих и неработающих студентов, а также выявление статистически значимой разницы между показателями групп, разделенных по возрасту и по показателю вовлеченности в трудовую деятельность.

В исследовании приняли участие 40 человек, которые составили 4 группы. Две группы, первая и вторая, – молодые люди до 25 лет (10 человек, $\bar{x} = 20$, $s = 1.76$) и молодые люди старше 25 лет (10 человек, $\bar{x} = 25.5$, $s = 0.71$). Две группы, третья и четвертая, составили молодые люди от 18 до 24 лет, работающие студенты (10 человек, $\bar{x} = 21$, $s = 1.63$), и неработающие студенты (10 человек, $\bar{x} = 21.5$, $s = 1.58$).

В качестве диагностического инструментария были использованы тест, разработанный Г. Ю. Айзенком и адаптированный Ф. Д. Горбовым и тест эмоционального интеллекта ЭмИн (Д. В. Люсин). Статистический анализ проводился с помощью коэффициента корреляции ранговой корреляции Спирмена (r-Спирмена), наличие статистически значимой разницы между результатами групп устанавливался с помощью U-критерия Манна-Уитни.

Были получены следующие результаты.

Анализ результатов первой группы (молодые люди до 25 лет) и результатов второй группы (молодые люди 25 лет), проведенный с помощью U-критерия Манна-Уитни, показал, что уровень интеллекта, измеренный с помощью теста, разработанного Г. Ю. Айзенком и адаптированного Ф. Д. Горбовым не зафиксировано статистически значимое различие:

$U_{Эмп}$ = 47, при $U_{Кр}$ = 19 (p≤0.01) ; $U_{Кр}$ = 27 (p≤0.05).

Сравнительный анализ между показателями уровня эмоционального интеллекта между первой группой и второй группой показал $U_{Эмп}$ = 41 (находится в зоне незначимости), при $U_{Кр}$ = 19 (p≤0.01) ; $U_{Кр}$ = 27 (p≤0.05).

В первой группе (молодые люди до 25 лет), коэффициент корреляции Спирмена r_s = - 0.382 не достигает статистической значимости и имеет отрицательное значение, при критических значениях 0.64 (p ≤0,05) и 0.79 (p ≤0,01)

В второй группе (молодые люди старше 25 лет) группе коэффициент корреляции r_s = 0.233 не достигает статистической значимости при критических значениях 0.64 (p ≤0,05) и 0.79 (p ≤0,01).

Объединенные результаты первой и второй группы показали коэффициент корреляции r_s = -0.082, что не достигает статистической значимости при критических значениях 0.45 (p ≤0,05) и 0.57 (p ≤0,01) и имеет отрицательное значение.

В третьей группе (неработающие студенты), коэффициент корреляции Спирмена r_s = 0.194 между показателями IQ (тест Айзенка) и EQ (ЭмИн) не достигает статистической значимости, при критических значениях 0.64 (p ≤0,05) и 0.79 (p ≤0,01).

В четвертой группе (работающие студенты) коэффициент корреляции Спирмена r_s = 0.712 статистически значимо при критических значениях 0.64 (p ≤0,05) и 0.79 (p ≤0,01).

Анализ результатов третьей группы (неработающие студенты) и результатов четвертой группы (работающие студенты), проведенный с помощью U-критерия Манна-Уитни, показал, что уровень интеллекта, измеренный с помощью теста, разработанного Г. Ю. Айзенком и адаптированного Ф. Д. Горбовым, не зафиксировано статистически значимое различие: $U_{Эмп}$ = 44.5, при $U_{Кр}$ = 19 (p≤0.01) ; $U_{Кр}$ = 27 (p≤0.05).

Сравнительный анализ между показателями уровня эмоционального интеллекта между третьей группой и четвертой группой показал $U_{Эмп}$ = 34.5 (находится в зоне незначимости), при $U_{Кр}$ = 22 (p≤0.01) ; $U_{Кр}$ = 31 (p≤0.05).

В ходе данного исследования мы формулируем предварительное заключение: интеллект можно рассматривать как метаспособность, интегрируемую в целостную конструкцию когнитивных и аналитических потенциалов. Рассматривая синтетико-аналитические характеристики интеллекта в рамках единой рабочей схемы, мы видим его как многогранный ресурс, который проявляется в человеческой деятельности. Такой подход позволяет говорить об интеллекте не как о единичной величине, а как о наборе взаимосвязанных характеристик, каждая из которых вносит вклад в трудовую продуктивность. Применение дизайна групп обеспечило структурированное эмпирическое исследование и позволило собрать данные, которые можно интерпретировать как предварительные ориентиры для дальнейших попыток проверки. Необходимо признать, что разнообразие интеллектуальных качеств требует многоаспектного подхода к обучению, управлению и подбору персонала.

Библиографический список

1. Звонова Е. В., Шакирова Р. Н. Характеристики интеллекта и оценка эффективности участников переговорного процесса // Антропологическая дидактика и воспитание. – 2025. – Т. 8. – № 4. – С. 28–44.
2. Холодная М. А. Многомерная природа показателей интеллекта и креативности: методические и теоретические следствия // Психологический журнал. – 2020. – Т. 41. – № 3. – С. 18–31.
3. Danziger K. Naming the mind: How psychology found its language. -- London: SAGE Publications Ltd, 1997. – 224 p. https://doi.org/10.4135/9781446221815
4. Siddiqui T. M., Wali A., Hussain A., Ahmed A., Kumar J. Correlation of Emotional Intelligence, Intelligence Quotient with academic performances of Dental students. A Cross Sectional study // Health Professions Educator Journal. – 2022. – № 5(1). – PP. 32–37. https://doi.org/10.53708/hpej.v5i1.1299

5. Singh Y, Sharma R. Relationship between general intelligence, emotional intelligence, stress levels and stress reactivity // Ann Neurosci. – 2012. – № 19(3). – PP. 107–111. doi: 10.5214/ans.0972.7531.190304.

© Звонова Е. В., Ревина В. С., Молодчая М. А., Лукичева Д. В., Сиземина В. Д., 2026

УДК 159.99

МЕЖДУ БЛАГОПОЛУЧИЕМ И БОЛЬЮ: ВЗГЛЯД ПСИХОЛОГА НА «ВЕТЕР ШУМИТ В ТОПОЛЯХ»

EDN EUOTYM

Е. В. Звонова *Доктор психологических наук, доцент, Московский экономический институт, Московский университет имени А. С. Грибоедова, e-mail: zevmgpi@rambler.ru*

А. А. Сандул *студенты, e-mail: sandulalina2005@gmail.com*

Е. А. Крючкова *e-mail: lisaveta027@gmail.com, Московский университет имени А. С. Грибоедова, г. Москва, Россия*

BETWEEN WELL-BEING AND PAIN: A PSYCHOLOGIST'S PERSPECTIVE ON "THE WIND RUSTLES IN THE POPLARS"

E. M. Zvonova *Doctor of Psychology, Associate Professor, Moscow Institute of Economics, Moscow University named after A. S. Griboyedov,*

A. A. Sandul *Students,*

E. A. Kryuchkova *Moscow University named after A. S. Griboyedov, Moscow, Russia*

Abstract. Theater is an important tool in the educational process for psychologists, contributing to the development of their professional competencies. The presentation of psychologically significant scenes and images through the stage promotes a deeper understanding of the human psyche and interpersonal processes. Profound plays that reflect complex psychological situations help develop analytical thinking and empathy, which are essential for future professionals. The use of performance analysis assignments in teaching fosters independent evaluative skills and professional thinking in students. Thus, theater becomes an effective platform for the practical training and professional growth of psychologists.

Keywords: theater; psychological education; competencies; old age; memories; emotional development; social development.

Профессиональное образование традиционно выполняет решающую роль в формировании как личности, так и общества, в котором она функционирует. Традиционно образовательные цели были сосредоточены на формировании профессиональных компетенций. Однако в современной подготовке психолога такой подход уже недостаточен. Профессиональная подготовка психолога включает в себя эмоциональное и социальное развитие, которое невозможно осуществить без включения в процесс обучения художественного и этического аспектов.

Признание искусства важной частью образовательного процесса привело к появлению концепции «Новой школы», современной образовательной модели, которая выступает за модернизацию устаревших методов обучения. В частности, исследуется потенциал театрального искусства, и оценивает его вклад в целостную образовательную систему [7].

Целое направление театральной педагогики рассматривается взаимодействие учащихся с театром как важная часть образования в области прав человека [5]. Приверженцы данного подхода считают, что методологии образования в области прав человека и восприятие и переживание театрального искусства имеют общую основу в виде трех фундаментальных измерения: изучение прав человека, обучение через права человека и обучение ради прав человека [4].

Следует признать, что театральное искусства давно перешагнуло границы театра, что, в частности, отражается в появлении "site-specific" театре, в котором создаются спектакли вне театра, что позволяет среде выступить в роли участника постановки [2]. Примером могут служить масштабные проекты оперного фестиваля в Санкт-Маргаретен, старинный открытый амфитеатр с колоннадой Сферистерио в Мачерате или постановки в реальным «декорациях» русских старинных Кремлей.

Однако, традиционный театр имеет большой потенциал эмоционального развития, которое так нужно для психолога. Основным условием выступает хороший материал: пьеса самобытного автора и талантливый режиссер.

Пьеса Жеральда Сиблейраса «Ветер шумит в тополях» (2003) была поставлена в 2011 году в театре им. Евгения Вахтангова режиссером Римасом Туминасом. Роли исполнили Максим Суханов, Владимир Вдовиченков и Владимир Симонов. С годами интерес зрителей не угасает, что определяется актуальностью проблем, поднимаемых в драматургическом материале.

События происходят в августе 1959 года, во французском доме ветеранов. Действующие лица это три старика, ветераны Первой мировой войны: Рене, у которого самый большой «стаж» пребывания в богадельне, 20 лет, Фернан, живущий в ней 10 лет, и Густав – всего 6 месяцев. Каждый из них по-своему калека: у Рене протез вместо ноги, у Фернана в голове застрял осколок немецкого снаряда, а у Густава психическое расстройство. И вот каждый день они встречаются на одной и той же террасе, которую считают «своей», каждый день они приходят сюда или посидеть в тишине или поговорить. Героев объединяет одна мечта: покинуть дом престарелых, хотя бы дойти до конца поля, где ветер шумит в кронах тополей.

Ж. Сиблейрас искусно использует психологический механизм «ретроспективное искажение», когда пожилые занимаются переосмыслением прошлого, это придает им героический характер. Это не ложь, а скорее стратегия адаптации, когда воспоминания становятся опорой для самоидентичности в мире, где настоящее для этих стариков – дом престарелых. В теории Э. Эриксона о кризисе «эго-интегритет и отчаяние», кризис возникает в старости и заключается в осмыслении прожитой жизни. Либо человек достигает чувства целостности, либо испытывает отчаяние и сожаление. Если говорить об игре актеров, она вызывает доверие благодаря убедительной подаче всех сопутствующих нюансов: юмор, маскирующий грусть, и абсурд, подчеркивающий человечность. Многие зрители узнают в героях своих близких или видят себя в будущем.

Ж. Сиблейрас передает психологические черты пожилых людей, делая пьесу не просто комедией, а глубоким портретом геронтологии. Во-первых, ностальгия: герои постоянно вспоминают прошлое, вспоминают войну, молодость. Это нормальный процесс «жизненный пересмотр» (life review) для пожилых, утверждал в своих исследованиях Роберт Батлер. «Пересмотр жизни» помогает подтвердить значимость и ценность своего жизненного опыта [1]. В пьесе это проявляется в остроумных перепалках, где воспоминания становятся защитой.

Во-вторых, юмор работает как защитный механизм. Пожилые взаправду часто используют самоиронию, которая может перетекать в абсурд, но это помогает им справляться с физическим упадком и одиночеством.

В-третьих, социальная зависимость и дружба. В доме престарелых герои образуют «трио», где каждый компенсирует слабости другого. И здесь мы обращаемся к теории социоэмоциональной селективности (SST), разработанная Лаурой Карстенсен [3]. В старости люди фокусируются на близких отношениях, игнорируя внешние.

Наконец, план побега – это эскапизм, типичый для тех, кто сталкивается с потерей автономии. Сиблейрас не делает своих персонажей карикатурными, наоборот они ощущаются живыми, со своими капризами, мелочностью, эгоистичностью, иногда жестокостью по отношению друг к другу. И при этом они трогательно заботятся друг о друге. Когда один засыпает на скамейке, другой аккуратно поправляет плед. Когда третий боится огромную статую собаки, другой прячет её подальше.

Но особенно точно передана главная черта поздей старости, это утрата понимания времени. Для них уже не существует «потом». Всё главное уже произошло. Осталось только доживать.

Старость в постановке нельзя назвать благополучной. С одной стороны, герои находят радость в простых вещах, таких как дружба, разговоры ни о чем, придавание фантазиям. В их жизни есть место юмору, взаимоподдержки, что соответствует концепции успешного старения Дж. Роу и Р. Кана [6]: сохранение когнитивных функций, социальные связи и позитивный настрой. Побег к тополям символизирует вечное стремление к свободе, напоминая, что дух остается молодым.

С другой стороны, это не идеальная картина: дом престарелых есть метафора тюрьмы. Герои осознают приближение смерти, и их планы – это отчаянная попытка отрицать неизбежное. В психологии это связано с «экзистенциальным кризисом» В. Франкла: это кризис, возникающий из-за потери смысла жизни. Так что в традиционном смысле старость здесь тяжело назвать благополучной, но точно можно назвать «достойной». Герои сохраняют достоинство через иллюзии и юмор. Благополучие в старости субъективно, от нас зависит ее представление. Будем ли мы способны находить свет в тени.

Библиографический список

1. Микляева А. В. Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен: монография. СПб.: Речь, 2009. 160 с.
2. Стукал Е. Д. К вопросу о "site-specific" театре // Социосфера. 2016. № 2. С. 113–116.
3. Carstensen L. L., Isaacowitz D. M. Taking time seriously. A theory of socioemotional selectivity // Am Psychol. 1999. Vol. 54. №3. P. 165–81.
4. Choleva N., Lenakakis A., Pigkou-Repousi M. Communicating vessels: Drama and human rights education in in-service teacher training // Human Rights Education Review. 2021. Vol. 4. № 3. P. 65–88.
5. Marin C. Enacting Engagement: Theatre as a Pedagogical Tool for Human Rights Education. // Youth Theatre Journal. 2014. № 28(1). P. 32–43. https://doi.org/10.1080/08929092.2013.779619
6. Rowe J.W., Kahn R.L. Human aging: Usual and successful // Science. – Wash., 1987. Vol. 237, N 4811. P. 143–149
7. Spyropoulou M. A. Theater in education and the new school: a shift in educational priorities // European Journal of Education Studies, [S.l.]. 2025. Vol. 12. № 11. Available at: <https://oapub.org/edu/index.php/ejes/article/view/6302>. Date accessed: 09 mar. 2026. doi:http://dx.doi.org/10.46827/ejes.v12i11.6302.

© Звонова Е. В., Сандул А. А., Крючкова Е. А., 2026

УДК 159.923:316.6

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖА: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО РАБОТНИКА

EDN CXJEUJ

А. Ю. Лунина *директор, e-mail: mo_voskkolledzh@mosreg.ru,*
Л. Л. Ломако *преподаватель,*
e-mail: lomako.marina2015@yandex.ru
Воскресенский колледж,
г. Воскресенск, Московская область, Россия

PSYCHOLOGICAL SAFETY OF COLLEGE STUDENTS: EFFECTIVENESS OF PREPARING FUTURE WORKERS

A. Yu. Lunina *Director,*
L. L. Lomako *Lecturer,*
Voskresensky College,
Voskresensk, Moscow region, Russia

Abstract. This article examines the psychological safety of college students in the face of modern social, economic, and informational challenges. It emphasizes the importance of a psychologically safe educational environment as a key prerequisite for the effective professional training of future specialists. It analyzes the impact of psychological safety on academic performance, the development of personal qualities, the development of professional competencies, and students' readiness to interact in uncertain environments. Particular attention is paid to the role of psychological and pedagogical support in the educational process, aimed at creating conditions for personal security and developing self-regulation and adaptability skills. It concludes that modern approaches to ensuring psychological safety in secondary vocational education are essential as a foundation for successful learning and future professional development for students.

Keywords: psychological safety; college students; vocational training; educational environment; psychological and pedagogical support; personal development; professional training.

Текущий контекст жизни российского общества, связанный с политическими и экономическими проблемами, ростом социальной напряженности и низким уровнем качества жизни населения выдвигает проблему психологической безопасности человека на первый план в ракурсе профессионального обучения.

Психологическая безопасность – это субъективное восприятие среды жизнедеятельности как безопасной, недоступной для возникновения риска [6].

Профессиональное обучение студентов колледжа имеет социально важное значение, так как позволяет формировать поколение будущих специалистов. Профессиональная подготовка имеет различного рода направленность как в теоретическом аспекте, так и практическом, в том числе важной задачей выступает формирование представлений и системных знаний о психологической безопасности, которые могут реализоваться в будущем в построении безопасной профессиональной среды.

Поэтому одним из значимых условий, является психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса, осуществляемого в обстановке личностной безопасности. Обучение безопасности значимо для приобретения и развитие компетенций, которые реализуются в профессии с течением времени. Поскольку процесс обучения в колледже способствует актуализации личностных ресурсов за счет овладения студентами не только содержанием программ обучения в рамках среднего профессионального образования, но также приобретение умений, позволяющих включаться в сложную систему социального взаимодействия.

В данном ракурсе особое внимание профессиональной подготовки уделяется вопросам психологической безопасности личности в рамках учебного, учебно-производственного и воспитательного процессов. Создание условий для эффективной адаптивности студентов, что предполагает формирование готовности личности к принятию решений в ситуации неопределенности и влияет на развитие личностных характерологических качеств. Не только системные знания, но также умения управлять собственной психической жизнью становятся основой психологической безопасности будущего работника, что, в конечном счете, способствует ясности жизненных ориентаций и эффективности профессиональной деятельности [3].

Рост научного интереса к феномену безопасности, вызванный совокупностью социальных и психологических факторов, способствовал детальному изучению механизмов нарушения защищенности личности в различных условиях. Особое внимание в современных исследованиях уделяется трансформации восприятия угроз в условиях цифровизации и неопределенности. Это диктует необходимость поиска новых стратегий и механизмов психологической саморегуляции, которые позволили бы субъекту сохранять целостность и продуктивность даже в дестабилизирующих средах [1].

В научных исследованиях различные виды безопасности рассматриваются в ситуации активного системного взаимодействия. В целом система безопасности понимается как совокупность организационных мер, объем ресурсов и средств, позволяющих обеспечивать комфортное, развивающее и обогащающее существование личности и общества. При этом приоритетным видом является именно личностная безопасность [5].

Современное информационное общество требует пересмотра подходов к безопасности воспитательных и образовательных систем. Сегодня защита человека – это не только технические фильтры, но и формирование внутренней устойчивости к рискам цифровой среды. Психологическая безопасность сегодня – это баланс между технологическим прогрессом и сохранением способности человека критически мыслить и брать на себя ответственность в быстро меняющемся мире [2].

Целенаправленное обучение безопасности идёт рука об руку с созданием развивающей, безопасной среды, которая обеспечивается за счет учета реализации символической функции в концепте процессуальной модели сознания. Логика представления для усвоения знаний о безопасности и умений создавать безопасную среду реализуется согласно процессуальной модели. Рассмотрение предметного материала происходит в движении от определение смыслонесущего знака как номинального обозначения предмета или явления, через системную организацию к символу как осознанию и анализу целостности включения объекта в модель конкретной текущей ситуации [4].

Психологическая безопасность – это ощущение того, что принятие рисков в профессиональной деятельности безопасно. Когда студент, будущий работник, чувствует себя в безопасности, он с большей вероятностью будет участвовать в открытом диалоге, обращаться за помощью и поддержкой, делиться идеями и экспериментировать. Благодаря чувству психологической безопасности члены как студенческой группы, так и трудового коллектива могут учиться друг у друга, эффективно работать вместе и в конечном итоге создавать высококачественный продукт. Отсутствие психологической безопасности подавляет творчество, инновации и конструктивную обратную связь [7].

В условиях отсутствия психологической безопасности студенты колледжа могут испытывать неуверенность перед тем, как задавать вопросы, высказывать свои идеи или пробовать новые подходы в обучении. Они могут избегать обращения за помощью, участия в обсуждениях или признания своих ошибок из-за страха

осуждения со стороны преподавателей и однокурсников. В результате возможности для обучения, развития навыков и личностного роста становятся ограниченными, а учебный процесс теряет эффективность. Это показывает, что отсутствие безопасной и поддерживающей среды в колледже не только снижает качество обучения, но и препятствует развитию студентов и их академическому прогрессу.

Библиографический список

1. Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Тенденции и перспективы структурирования предметного поля психологии безопасности // Научно-педагогическое обозрение. 2022. № 3 (43). С. 152–167.
2. Леванова Е. А., Мудрик А. В., Серякова С. Б., Пушкарева Т. В., Тарабакина Л. В., Звонова Е. В., Зотова О. Н. Социально-педагогические основы исследования систем воспитания в мегаполисе // Образование личности. 2019. № 2. С. 12–20.
3. Оноприенко А. В. Анализ научных подходов в исследовании психологической безопасности личности в современной психологии // Universum: психология и образование. 2023. № 5 (107). С. 31–33.
4. Салмина Н. Г., Звонова Е. В., Цукарзи А. Э. Символическая функция в структуре сознания // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2019. № 3. С. 124–140.
5. Сухов А. Н. Социальная психология безопасности: состояние и перспективы // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31. № 1. С. 138–146.
6. de Lisser R, Dietrich MS, Spetz J, Ramanujam R, Lauderdale J, Stolldorf DP. Psychological safety is associated with better work environment and lower levels of clinician burnout. Health Aff Sch. 2024 Jul 17;2(7):qxae091. doi: 10.1093/haschl/qxae091. PMID: 39081721; PMCID: PMC11288325.
7. Patil R, Raheja D, Nair L, Deshpande A, Mittal A. The Power of Psychological Safety: Investigating its Impact on Team Learning, Team Efficacy, and Team Productivity. Open Psychol J, 2023; 16: e187435012307090. http://dx.doi.org/10.2174/18743501-v16-230727-2023-36

© Лунина А. Ю., Ломако Л. Л., 2026

УДК 316.4

ИНТЕГРАЦИЯ МАРИУПОЛЬЦЕВ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ

EDN BDVPZP

Т. В. Черепанова

Кандидат социологически наук, доцент,
e-mail: cherepan071@rambler.ru,
Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Россия

INTEGRATION OF MARIUPOL RESIDENTS INTO THE SOCIO-CULTURAL SYSTEM RUSSIA

T. V. Cherepanova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia

Abstract. The article presents the results of a sociological study of the social sentiments of Mariupol residents as an indicator of their sociocultural integration into Russia's sociocultural space. Critical points of integration are identified, and some problems and primary expectations of residents during the period of active economic recovery are outlined. Overall, Mariupol residents are successfully navigating the turbulent period associated with changes in their sociopolitical and legal status, due to their traditionally strong spiritual ties and mental closeness to Russian society.

Keywords: Mariupol; socio-cultural integration; social sentiments of Mariupol residents; mentality of residents of new territories.

Присоединение новых территорий, воссоединение или вхождение в состав другого государства, всегда сопровождается комплексом разноуровневых интеграционных процессов. Мариуполь, Донецкая, Запорожской, Херсонсая области стали частью Российской Федерации в 2022 году и уже пятый год являют собой яркий пример того, с чем сталкивается население в процессе становления новой гражданско-правовой, экономической и социокультурной идентичности. Социальные изменения столь глобального характера требуют от властей пристального внимания и контроля, поскольку нарушение в векторе интеграции снизит лояльность населения новых территорий, что, в свою очередь, обусловит социальную напряженность и может привести к другим деструктивным последствиям как локального, так и общефедерального уровня. Социологическое измерение настроений жителей является надежным инструментом объективного наблюдения за интеграционными процессами внутри общества, и настоящее исследование может быть началом такого мониторинга.

Мариуполь находится на границе с Ростовской областью России и традиционно для его жителей близкие связи с Россией были приоритетными. Город на протяжении XX века рос и развивался вокруг двух градообразующих металлургических комбинатов: завода им. Ильича и комбината Азовсталь. Также, крупный международный морской порт стал одним из значимых для социально-экономического портрета Мариуполя. Для работы на комбинатах и обслуживания морского порта съезжались специалисты, комсомольские ро-

мантики, энтузиасты со всего Советского Союза. Помимо этого, Мариуполь за свою почти трехвековую историю вобрал в себя культуры тех народов, которые исконно проживали на его территории, пришлых народов и переселенцев, также сельского населения, стремящегося в города в периоды индустриализации и урбанизации.

Таким образом, культурная картина Мариуполя представляет собой плавильный котел из таких этнокультурных групп, как русские, греки, украинцы, евреи, армяне, цыгане и многих других. Такое разнообразие сформировало в городе особую культурную общность, уникальность которой определяется историческими процессами и отличает жителей Мариуполя от жителей других городов Донецкой области. Особенно важно отметить, что приоритетные связи и культурно-ценностные ориентиры мариупольцев традиционно были связаны с Россией. Этот факт был наглядно подтвержден событиями весны 2014 года, когда в Мариуполе была установлена Донецкая народная республика, а в мае прошел всенародный референдум, на котором большинством мариупольцев был избран российский вектор развития. Однако, украинские власти жестким военным путем вернули Мариуполь под юрисдикцию Украины. Жестким репрессиям и гонениям были подвергнуты активисты и участники Русской весны, часть из них погибло или пропало без вести. Горожане на протяжении последующих лет подвергалось массированной агрессивной антироссийской пропаганде и манипуляциям с помощью СМИ и проукраинских активистов.

Весной 2022 года начались активные бои за освобождение Мариуполя от националистического украинского режима. Для жителей города это событие стало настоящей катастрофой, поскольку город подвергся беспрецедентным бомбардировкам. Кроме этого, украинской властью жители были полностью лишены возможности эвакуироваться: на всех дорогах были установлены бетонные заграждения, эвакуационных караванов не было организовано, дороги простреливались из крупнокалиберного оружия. За два месяца активных боев Мариуполь лишился до 90 % жилого фонда, всех промышленных предприятий, морского торгового порта и около половины своего населения – часть убитыми и изувеченными, часть за счет миграции в сторону Украины, Европы, России и Беларуси.

На сегодняшний день Мариуполь представляет собой быстро восстанавливающийся в инфраструктурном плане, город, в который возвращаются его жители. Мариупольцы формируют новую коллективную духовную идентичность, встраиваясь в социокультурную систему России. Социологическое измерение вектора и качества интеграционных процессов является важным для своевременной корректировки нарушений в желаемом результате, не допущения вмешательства в эти процессы нежелательных агентов и др. Проведенный автором весной 2025 года социологический опрос, целью которого было определение социальных настроений мариупольцев, выявил высокий уровень успешности интеграции в социокультурное пространство России. Респондентам было в виде письменной анкеты задано несколько вопросов, выявляющих удовлетворенность своим нынешним положением, экономическим и коммунальным состоянием Мариуполя и России в целом, определены ожидания и надежды горожан и другие аспекты, которые в целом способны охарактеризовать степень и вектор интеграции. Количество участников опроса не совпало с финальным количеством анкет, поступившим в обработку, поскольку во время проведения полевого этапа автор столкнулся с отказом от участия в опросе по меньшей мере 30 % тех, кому было предложено заполнить анкету. Это вызвало потребность разобраться, с чем может быть связано данное проявление. Среди основных версий и прозву-

чавших объяснений было то, что у части населения нет доверия новой власти, есть страх, что ответы будут «не правильными», «могут не понравиться власти» и тому подобные аргументы. Это указывает, что среди некоторой части мариупольцев имеет место социальный пессимизм и недоверие новой российской власти. Тем не менее, из тех ответов, которые нами были получены, можно сформировать вполне объективную картину социальных настроений мариупольцев на пятом году в составе Российской Федерации.

Суть понятия «интеграция» мы склонны понимать, как такой процесс и результат, предложенный Т. Ф. Ефремовой, где под термином «интеграция» понимается «объединение в единое целое отдельных частей» [1] Результатом интеграции становится устойчивая идентичность, соотнесение и утверждение себя в новой системе и формирование нового личностного образа. Относительно социокультурной интеграции, также результатом должна стать новая социокультурная личность, полностью интегрированная в новое культурное и социальное пространство и не испытывающая в нем трудностей функционирования и психологического дискомфорта. Весьма полно данное состояние личности раскрывает такая категория как гражданская идентичность.

Ряд исследователей вслед за Т.Ф. Масловой считает, что социокультурная интеграция – это своего рода «сцепление» разнородных элементов в социальную общность, благодаря чему поддерживается устойчивость всей социальной системы. Процесс это обоюдный: на социальных акторов оказывает воздействие социальные нормы и институты, с другой же стороны акторы интеграции проявляют субъектность и активность в поиске новых устойчивых и приемлемых ценностей и норм [4].

Вслед за известными учеными (А. Г. Асмолова, Л. С. Пастухова, А. В. Гаглоева, Т. М. Водолажская, М. К. Горшков, В. В. Петухов, Н. Е. Тихонов) определим гражданскую идентичность как имманентную принадлежность к гражданской общности Российского народа, России; отождествление себя со россиянами, русскость. Гражданская идентичность связана с осознанием сопричастности с судьбой русского народа и российского государства через ценностное отношение к прошлому, настоящему и будущему. Также, устойчивая гражданская идентичность предполагает высокий уровень гражданской ответственности, активную гражданскую позицию, патриотизм, чувство гордости за свою страну и готовность служить на её благо и процветание [3].

Устойчивый образ гражданской идентичности включает комплекс духовно-нравственных ценностей, которые являются «ядром» ценностной системы личности, о чем говориться в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [5].

Леонтьев А. А. утверждает, что самосознание гражданина России базируется на трех составляющих: «1) чувство принадлежности к своему этносу и народу, любовь и уважение к национальным традициям и истории, стремление владеть своим национальным языком и культурой; 2) чувство принадлежности к многонациональному российскому обществу, патриотизм; 3) осознание сопричастности к мировому сообществу, ответственность за судьбу своего народа, страны и мира» [2].

Проведенное исследование показало, что около 80 % населения в целом довольно своей жизнью в составе РФ, отмечают положительную динамику в своей жизни и в жизни Мариуполя. Около трех четвертей опрошенных однозначно высказывает надежду на скорое улучшение, отметив, что первостепенными задачами в городе являются безопасность и рост экономики. Также, мариупольцы столкнулись в трудноразрешимой проблемами оформ-

ления документов и восстановления разрушенного жилья. Около половина опрошенных заявила, что их жилье полностью или частично разрушено.

Социальный оптимизм как параметр успешности социокультурной интеграции мариупольцев указывает на то, что интеграция не сталкивается с непреодолимыми барьерами и идет достаточно высокими темпами. Кроме того, отсутствует языковой барьер – в Мариуполе никогда не использовался украинский язык или «суржик» в бытовом общении и в деловой коммуникации. Только малая часть жителей города называла себя в социальных опросах украинцами. На русской культуре выстраивалось самосознание мариупольцев, русская история была историей этого города. Это единство сформировало устойчивый ментальный образ Мариуполя и его обитателей как части Российского общества, а город Марии традиционно был и остается русским городом.

Таким образом, социальные измерения динамики социокультурной интеграции позволят отслеживать направленность и динамику социальных настроений, а также позволят быстро реагировать на запросы населения новых территорий. Успешность социокультурной интеграции обеспечит глубокую и всестороннюю сплоченность российского общества, повысит уверенность в справедливости властей и воодушевит на новые достижения.

Гражданская идентификация мариупольцев проходит период активного становления. Однако, нельзя однозначно выделить особые, отличающиеся от традиционных ценностей Российской культуры у жителей Новороссии. Эти земли, населяемые выходцами из восточных и южных регионов России, имеют одинаковый ментальный код и общую широкую социокультурную идентичность. Можем предположить, что именно сходство исторической памяти и осознание общности исторической судьбы способствует «мягкой» и бесконфликтной интеграции жителей вновь присоединенных территорий. Готовность основной части населения принять российские экономико-правовые, юридические нормы укрепляется схожестью духовно-моральных и социально-коммуникативных норм и правил.

Библиографический список

1. Ефремова Т. Ф. Большой современный толковый словарь русского языка: в 4-х т. / Т. Ф. Ефремова. – М., 2006.
2. Леонтьев А. А. Педагогика здравого смысла: избранные работы по философии образования и педагогической психологии. – М.: Смысл, 2016. 527 с.
3. Николина Вера Викторовна, Лощилова Анна Александровна, Фролова Светлана Владимировна, Аксенов Сергей Иванович.// Формирование гражданской идентичности и культурно-исторической памяти молодёжи России на территориях новых субъектов Российской Федерации: подходы, принципы и направления реализации // Вестник Мининского университета. 2023. № 4 (45). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-grazhdanskoy-identichnosti-i-kulturno-istoricheskoy-pamyati-molodyozhi-rossii-na-territoriyah-novyh-subektov (дата обращения: 02.05.2026).
4. Цепкова Анна Сергеевна, Бичаков Сергей Александрович, Опара Анастасия Юрьевна, Зенькович Маргарита Юрьевна, Тальский Юрий Юрьевич Роль новых медиа в социокультурной и политической интеграции молодежи городов Донецка и Мариуполя // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-novyh-media-v-sotsiokulturnoy-i-politicheskoy-integratsii-molodezhi-gorodov-donetska-i-mariupolya (дата обращения: 02.05.2026).
5. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502

© Черепанова Т. В., 2026

УДК 616.8-009.12

НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ГАМК-ЕРГИЧЕСКОЙ ДИСФУНКЦИИ ПРИ БОКОВОМ АМИОТРОФИЧЕСКОМ СКЛЕРОЗЕ

EDN UXXAUQ

Я. А. Коновалов

Курсант, ORCID 0009-0002-9643-4008,
e-mail: yaroslav.konovalov13@mail.ru,
Военно-медицинская академия
имени С. М. Кирова МО РФ,
г. Санкт-Петербург, Россия

NEUROPHYSIOLOGICAL MARKERS OF GABAERGIC DYSFUNCTION IN AMYOTROPHIC LATERAL SCLEROSIS

Ya. A. Konovalov

Cadet,
S. M. Kirov Military Medical Academy,
St. Petersburg, Russia

Abstract. Amyotrophic lateral sclerosis is a late-onset neurodegenerative disease characterized by progressive degeneration of motor neurons in both the cerebral cortex and the spinal cord. The aim of this study is to systematize data on neurophysiological markers of GABAergic dysfunction in amyotrophic lateral sclerosis and to evaluate their diagnostic significance. Research methodology. A systematic review of the existing literature was conducted using the following scientific databases for the last 5 years: PubMed, Scopus, CyberLeninka, Web of Science, and eLibrary. The search employed Medical Subject Headings (MeSH) terms and their corresponding Russian and English keywords: "amyotrophic lateral sclerosis" and "GABAergic neurons." The analysis revealed that the relevance of this research direction has been steadily increasing in recent years. Main results. Cortical hyperexcitability resulting from dysfunction of GABAergic inhibitory interneurons represents a key pathogenetic mechanism in amyotrophic lateral sclerosis. Reduced short-interval intracortical inhibition mediated by GABAA receptors and a decreased duration of the cortical silent period associated with GABAB receptors are considered promising neurophysiological biomarkers. Previous studies on this topic have demonstrated reduced GABA levels as measured by magnetic resonance spectroscopy and positron emission tomography. The observed changes progress with disease duration and may serve as diagnostic and prognostic markers, as well as targets for pathogenetic therapy.

Keywords: amyotrophic lateral sclerosis; motor neuron disease; GABAergic neurons; cortical hyperexcitability; motor neuron diseases.

ВВЕДЕНИЕ

В 1869 году французский невролог Жан-Мартен Шарко ввел термин «боковой амиотрофический склероз» (БАС) для обозначения клинического синдрома мышечной атрофии и слабости, приводящего к параличу и смерти [1]. Хотя фенотип был описан впервые 100 лет назад, место возникновения БАС и патофизиологические механизмы, лежащие в основе развития дегенерации мотонейронов, до сих пор не выяснены. БАС является нейродегенеративным заболеванием с преимущественным поражением мотонейронов первичной моторной коры, кортикоспинальных трактов и мотонейронов передних рогов спинного мозга. БАС – самый частый вариант болезни двигательного нейрона и составляет 80 % от всех пациентов с болезнью двигательного нейрона. Прогрессирующую мышечную атрофию выявляют в 5–15 %; первичный латеральный склероз – в 2–3 % случаев всех болезней двигательного нейрона. Возраст

начала болезни – 20–80 лет, чаще всего – 50–65 лет, с пиком начала в середине или конце 50-х годов [2]. Длительность заболевания в среднем составляет 30 месяцев, но может варьировать и достигать более 10 лет при наиболее доброкачественном течении. В 10 % БАС является семейным заболеванием [3]. Наследуемость БАС оценивается примерно в 0,61 (95 % ДИ: 0,38–0,78) в исследовании близнецов [4]. Таким образом в 5–8 % случаев БАС является семейным, наследуясь по аутосомно-доминантному типу с возраст-зависимой пенетрантностью. Гексануклеотидная повторяющаяся последовательность гена C9orf72 отвечает примерно за 35 % случаев семейного БАС. Еще 15–20 % случаев семейного БАС возникают из-за мутации гена SOD1. Более 20 дополнительных генов связаны с семейным БАС, главными среди них являются TDP43, FUS, ANG, VCP и OPTN. Семейные случаи как группа клинически отличаются от спорадического более раннего возраста начала, одинаковой частотой у мужчин и женщин и несколько более быстрым прогрессированием заболевания. В связи с быстрым старением населения, к 2040 году ожидается 380 000 случаев БАС в мире [5]. По другим данным годовая заболеваемость БАС составляет от 0,6 до 1,8, а распространенность – от 4 до 8 на 100 000 населения [6]. БАС встречается примерно в 1,5 раза чаще у мужчин, чем у женщин.

Общие симптомы включают сочетание спастичности, оживления рефлексов, клонусы, гипотрофии и фасцикуляции. Заболевание как правило дебютирует асимметрично. При прогрессировании заболевания в процесс вовлекаются преимущественно мотонейроны, однако у многих пациентов (до 50 %) может наблюдаться нарушение когнитивных функций, в первую очередь исполнительных функций, а также нарушения поведения и эмоций [7]. Таким образом, клинический фенотип БАС формируется за счет сочетания поражения центрального и периферического мотонейронов. Клиническая картина бокового амиотрофического склероза гетерогенна, что во многих случаях затрудняет своевременную и точную диагностику. В то время как выявление признаков поражения периферического мотонейрона может быть осуществлено с помощью электронейромиографии, существует необходимость в оценке вовлеченности верхнего мотонейрона для уточнения клинического диагноза. В связи с этим активно ведется поиск маркеров поражения верхнего мотонейрона. Несмотря на первичные моторные проявления заболевания, все больше данных указывает на широко распространенную кортикальную дисфункцию за пределами моторных областей [8]. Кортикальное торможение – это подавление нейрональной активности, опосредованное GABA-рецепторами [9]. Исследования на срезах мозга животных и человека выявили две основные фазы торможения после стимуляции: быструю фазу, опосредованную ионотропными $GABA_A$-рецепторами, и медленную фазу, опосредованную метаботропными $GABA_B$-рецепторами [10].

В настоящее время доказано, что БАС является мультифакторным заболеванием, в развитии которого играют роль как экзогенные воздействия, так и генетическая предрасположенность. Эпидемиологические исследования демонстрируют значение различных внешних факторов. На роль повторных травм и высоких физических нагрузок указывает высокая заболеваемость среди спортсменов, особенно футболистов, лётчиков. Кроме того, обсуждается роль курения, воздействия электромагнитных полей, а также участие нейротропных вирусов (энтеровирусов, ретровирусов) в этиологии БАС. Молекулярный патогенез БАС изучен плохо [11; 12; 13], вследствие чего не выявлены биологические мишени для эффективной патогенетически обоснованной терапии для лечения этого заболевания. Большинство

случаев БАС являются спорадическими [14]. Предполагается, что кортикофугальное распространение гипервозбудимости является механизмом патогенеза заболевания [15], причем фокальное начало гипервозбудимости распространяется напрямую через аксонные связи с другими областями коры [16].

Согласно модифицированной версии международных критериев *El Escorial*, диагноз БАС базируется на клиническом и электромиографическом подтверждении сочетанного поражения периферического мотонейрона и центрального мотонейрона на основных уровнях: бульбарном, шейном, грудном и поясничном. Если поражен один из этих уровней, то устанавливается диагноз возможного БАС, два уровня – вероятный БАС, три уровня – достоверный БАС. Наличие мутаций у больного с клинической картиной БАС позволяет отнести его в категорию «лабораторно подтвержденного БАС». Генетическое исследование показано пациентам с семейной формой, исследование генов SOD1 и C9Orf, позволяет выявить причину в большинстве случаев. При спорадической вероятность выявления мутации составляет около 11 % [7].

В настоящее время не существует эффективного лечения или лекарства от БАС, при этом медианная выживаемость составляет около 2–4 лет после постановки диагноза. Однако доступные ограниченные методы лечения способны продлить продолжительность жизни примерно на 3–6 месяцев, причем лучший прогноз наблюдается при более раннем начале терапии. Таким образом, существует необходимость в разработке эффективных биомаркеров для более ранней диагностики БАС и мониторинга прогрессирования заболевания.

Результаты и обсуждение

Мотонейроны спинного мозга получают обширную ГАМК-ергическую иннервацию от большого количества спинальных интернейронов [17], и они экспрессируют рецепторы $ГАМК_A$, представляющие собой хлорид-проводящие ионные каналы, которые регулируют возбудимость мотонейронов через различные механизмы. Рецепторы $ГАМК_A$ являются пентамерными пора-образующими мембранными белками и могут собираться из шести различных α-субъединиц, трех различных β-субъединиц, трех различных γ-субъединиц, а также δ, ε, π и θ субъединиц. Для генерации функционального ГАМК-активируемого хлорного ионного канала необходимы как α, так и β субъединицы, причем наиболее распространенной комбинацией является $\alpha_1\beta_2\gamma_2$ [18].

Таким образом тормозные нейроны, использующие ГАМК, являются самыми многочисленными нейронами спинного мозга и играют ключевую роль в регуляции возбудимости мотонейронов [19]. Среди тормозных нейронов V0d участвуют в лево-правой альтернации [20], включая клетки Реншоу и V2b – в альтернации сгибателей-разгибателей [21]. При БАС и других неврологических расстройствах, таких как эпилепсия, ключевой компонент повышенной возбудимости, как полагают, связан со снижением высвобождения или силы рецепторов тормозного нейромедиатора ГАМК [22]. В дополнение к механизмам, связанным с нейрональной передачей сигнала, ГАМК может влиять на возбудимость нейронов из-за обратного захвата переносчиками медиатора, высвобождающими ГАМК из нейронов в синаптическое пространство. У пациентов с эпилепсией было показано, что сниженная концентрация ГАМК в коре головного мозга связана с повышенной частотой приступов [23]. Также необходимо отметить, что синтез ГАМК зависит от промежуточных продуктов цикла трикарбоновых кислот. Таким образом, дефицит митохондриальной биоэнергетики, обнаруженный при БАС, также может привести к снижению продукции ГАМК [24]. Анализ свойств генов, проведенный *Guochuan Tsai, Barbara Stauch-Slusher, Lulu Sim et al.* выявил ГАМК-ергические нейроны

(Gad1/Gad2) как функциональные типы клеток при БАС [25].

При сравнении с результатами всех опубликованных на сегодняшний день исследований, в которых измерялись абсолютные концентрации различных медиаторов у пациентов с БАС, результаты оказались вариабельными. Однако при использовании биомаркера – N-ацетиласпартата (NAA) – имеются четкие доказательства снижения ГАМК, что объясняет повышенную возбудимость нейронов [22].

С момента первого наблюдения Циманном и коллегами имеется множество данных о том, что короткоинтервальная интракортикальная ингибиция (КИИ) снижена у пациентов с БАС, и действительно, КИИ, измеренная с помощью трекинг-пороговой методики, рекомендуется как потенциальный биомаркер в диагностике заболевания [26; 27]. Поскольку КИИ частично приписывается пути, зависимому от $ГАМК_A$-рецепторов [28; 29], снижение КИИ при БАС может указывать на дефицит в цепях передачи сигналов $ГАМК_A$. Короткоинтервальная интракортикальная ингибиция КИИ является биомаркером кортикальных ингибиторных интернейрональных цепей, действующих через ГАМК-рецепторы и оказывающих ингибиторные эффекты посредством синаптических механизмов, в сочетании с аксонной рефрактерностью [30]. Дисфункция или дегенерация интернейрональных ГАМК-ергических цепей была предложена как основа снижения КИИ при БАС [31] и, следовательно, развития кортикальной гипервозбудимости. Предыдущие исследования сообщали о большем снижении КИИ у пациентов с БАС с большей длительностью заболевания (> 17 месяцев) [32], что позволяет предположить прогрессирующую дисфункцию кортикальных ГАМК-ергических ингибиторных интернейрональных цепей. Снижение длительности кортикального молчаливого периода также соответствовало наличию кортикального растормаживания при БАС [30]. Также необходимо упомянуть, что снижение длительности кортикального молчаливого периода при БАС опосредовано дисфункцией длиннолатентных ингибиторных цепей $ГАМК_B$ [33]. У пациентов с БАС была зафиксирована дегенерация парвальбумин- и кальбиндин D-28k-положительных тормозных кортикальных интернейронов, а также снижение экспрессии альфа-1 субъединиц $ГАМКА_A$. У пациентов с БАС посмертно выявлено снижение количества кальбиндин-позитивных нейронов в коре и вентральных рогах, а также наблюдается тенденция к снижению числа клеток, положительных к кальретинину и парвальбумину [34].

Фармакологическая блокада $ГАМК_A$ – рецепторов бикукуллином вызывает гипервозбудимость [19]. В отличие от ГАМК, блокада глициновых рецепторов стрихнином не даёт значимого эффекта, что подчёркивает модулирующую роль ГАМК [35].

В исследовании *Petri S., Krampfl K., Hashemi F et al.* также было отмечено изменение экспрессии субъединиц ГАМКарецептора в моторной коре [36]. На модели SOD1 G93A показано снижение числа CR+ клеток и уровня $ГАМК_A$-рецепторов на бессимптомной стадии БАС [37; 38]. Электрофизиологические исследования выявили разнонаправленные изменения. В интернейронах верхнего бугорка мышей отмечено увеличение частоты и амплитуды ГАМК-ергических тормозных постсинаптических токов [39], тогда как культивируемые интернейроны Gad67-GFP демонстрируют внутреннюю гиповозбудимость [40]. На модели *wobbler* в исследовании *Nieto-Gonzalez J. L., Moser J., Lauritzen M., et al*. кортикальная гипервозбудимость связана с уменьшением тонического ГАМК-ергического торможения [41]. У людей с БАС при транскраниальной магнитной стимуляции зафиксирова-

но снижение короткодиапазонного интракортикального торможения (SICI), опосредованного $ГАМК_А$-рецепторами [42], и снижение продолжительности кортикального silent периода (CSP), связанного с $ГАМК_В$-рецепторами [43]. Компенсаторные возможности тормозных цепей могут замедлять прогрессирование заболевания, однако возрастное снижение ГАМК-ергического торможения может приводить к истощению этой компенсации [44]. В моторной коре при аутопсии человека с БАС некоторые субъединицы рецепторов $ГАМК_А$ показывают сниженные уровни экспрессии мРНК [36]. Исследование *Irene Carunchio ,Cristiana Mollinari, Massimo Pieri et al.* Показало, что экспрессия $ГАМК_А$-рецепторов в двигательных нейронах G93A снижена, вследствие чего происходит усиление притока ионов хлора в клетку и ускорение нейрональной эксайтотоксичности [45].

В посмертном исследовании пациентов с БАС сообщалось об изменениях субъединиц мРНК α1α1 и β1β1 рецептора GABAAGABAA [36]. Кроме того, ПЭТ-исследования также показали корковое снижение связывания 11C11C-флумазенила, который связывается с рецептором GABAAGABAA, у пациентов с БАС, что предполагает снижение тормозной нейротрансмиссии [46].

Результаты и выводы

Уровни ГАМК у пациентов с БАС могут быть потенциальным биомаркером БАС, если сигнал может быть точно оценен. Таким образом кортикальная гипервозбудимость может быть расценена как ранняя особенность БАС, которая прогрессирует с течением заболевания. В частности, снижение КИИ и длительности кортикального молчаливого периода указывали на кортикальную гипервозбудимость. Снижение КИИ были более выражены на поздних стадиях БАС. Лонгитудинальные исследования выявили снижение КИИ в когорте пациентов с БАС, что подтверждает эволюцию кортикальной гипервозбудимости с прогрессированием заболевания. Измеряемые с помощью транскраниальной магнитной стимуляции показатели кортикальной моторной функции могут иметь диагностическую значимость при БАС, потенциально служа биомаркером. Объяснение большей полезности снижения КИИ как биомаркера кортикальной гипервозбудимости еще предстоит полностью выяснить.

В работе систематизированы нейрофизиологические корреляты ГАМК-ергической недостаточности: снижение короткоинтервальной интракортикальной ингибиции (КИИ), опосредованной $ГАМК_А$-рецепторами, и укорочение кортикального молчаливого периода, связанного с $ГАМК_В$-рецепторами. Данные магнитно-резонансной спектроскопии и позитронно-эмиссионной томографии объективизируют снижение уровня ГАМК и связывания флумазенила в моторной коре, что коррелирует с данными транскраниальной магнитной стимуляции и посмертных гистологических исследований.

Заключение

Проведенный систематический анализ литературы подтверждает, что дисфункция ГАМК-ергической системы может являться ключевым звеном патогенеза БАС. Полученные данные свидетельствуют о том, что кортикальная гипервозбудимость, возникающая вследствие дегенерации тормозных интернейронов и снижения экспрессии ГАМК-рецепторов, представляет собой не просто сопутствующий феномен, а один из ранних и прогрессирующих механизмов заболевания.

Выявленные изменения нарастают по мере прогрессирования БАС, что позволяет рассматривать указанные нейрофизиологические маркеры как биомаркеры, особенно для оценки вовлеченности верхнего мотонейрона. Несмотря на вариабельность результатов магнитно-резонансной спектроскопии, совокупность имеющихся исследований делает ГАМК-ергическую дисфункцию одной из наиболее перспективных направлений для раз-

работки новых подходов к лечению и ранней диагностике БАС. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение возможности фармакологической модуляции ГАМК-ергической передачи у пациентов с БАС.

Библиографический список

1. Benatar M., Wuu J., Andersen P. M., Lombardi V., Malaspina A. Neurofilament light: a candidate biomarker of presymptomatic amyotrophic lateral sclerosis and phenoconversion // Ann. Neurol. 2018. Vol. 84. P. 130–139. DOI: 10.1002/ana.25276. PMID: 30014505.
2. Bizovičar N., Dreo J., Koritnik B., Zidar J. Decreased movement-related beta desynchronization and impaired post-movement beta rebound in amyotrophic lateral sclerosis // Clin. Neurophysiol. 2014. Vol. 125. P. 1689–1699. PMID: 24457137.
3. Haverkamp L. J., Appel V., Appel S. H. Natural history of amyotrophic lateral sclerosis in a database population // Brain. 1995. Vol. 118. P. 707–719. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/7600088/
4. Al-Chalabi A., Fang F., Hanby M. F., Leigh P. N., Shaw C. E., Ye W., et al. An Estimate of Amyotrophic Lateral Sclerosis Heritability Using Twin Data // J. Neurol. Neurosurg. Psychiatry. 2010. Vol. 81, No. 12. P. 1324–1326. DOI: 10.1136/jnnp.2010.207464.
5. Beghi E., Millul A., Micheli A., Vitelli E., Logroscino G. Incidence of ALS in Lombardy, Italy // Neurology. 2007. Vol. 68. P. 141–145. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/17210896/
6. Tysnes O.-B. Treatment of sialorrhea in amyotrophic lateral sclerosis // Acta Neurol. Scand. Suppl. 2008. Vol. 188. P. 77–81. DOI: 10.1111/j.1600-0404.2008.01037.x.
7. Talbot K., Turner M. R. Amyotrophic lateral sclerosis // Oxford Textbook of Neuromuscular Disorders / ed. by D. Hilton-Jones, M. R. Turner. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 8–25.
8. Menke R. A. L., Proudfoot M., Talbot K., Turner M. R. The two-year progression of structural and functional cerebral MRI in amyotrophic lateral sclerosis // NeuroImage Clin. 2018. Vol. 17. P. 953–961.
9. Krnjevic K. Role of GABA in cerebral cortex // Can. J. Physiol. Pharmacol. 1997. Vol. 75. P. 439–451.
10. Connors B. W., Malenka R. C., Silva L. R. Two inhibitory postsynaptic potentials, and GABAA and GABAB receptor-mediated responses in neocortex of rat and cat // J. Physiol. 1988. Vol. 406. P. 443–468.
11. Martin L. J. Mitochondrial and cell death mechanisms in neurodegenerative diseases // Pharmaceuticals. 2010. Vol. 3. P. 839–915. PMID: 21258649.
12. Schymick J. C., Talbot K., Traynor G.J. Genetics of amyotrophic lateral sclerosis // Hum. Mol. Genet. 2007. Vol. 16. P. R233–R242. PMID: 17911166.
13. Turner B. J., Talbot K. Transgenics, toxicity and therapeutics in rodent models of mutant SOD1-mediated familial ALS // Prog. Neurobiol. 2008. Vol. 85. P. 94–134. PMID: 18282652.
14. Rowland L. P., Shneider N. A. Amyotrophic lateral sclerosis // N. Engl. J. Med. 2001. Vol. 344. P. 1688–1700. PMID: 11386269.
15. Geevasinga N., Menon P., Nicholson G.A., et al. Cortical function in asymptomatic carriers and patients with C9orf72 amyotrophic lateral sclerosis // JAMA Neurol. 2015. Vol. 72. P. 1268–1274.
16. Kiernan M. C., Vucic S., Cheah B. C., et al. Amyotrophic lateral sclerosis // Lancet. 2011. Vol. 377. P. 942–955.
17. Goulding M. Circuits controlling vertebrate locomotion: moving in a new direction // Nat. Rev. Neurosci. 2009. Vol. 10. P. 507–518.
18. Olsen R. W., Betz H. GABA and glycine // Basic Neurochemistry: Molecular, Cellular, and Medical Aspects / ed. by G. J. Siegel, R. W. Albers, S. T. Brady, D. L. Price. 7th ed. London: Elsevier, 2006. P. 291–301.
19. Ramirez-Jarquin U. N., Lazo-Gomez R., Tovar Y. R. L. B., Tapia R. Spinal inhibitory circuits and their role in motor neuron degeneration // Neuropharmacology. 2014. Vol. 82. P. 101–107. DOI: 10.1016/j.neuropharm.2013.10.003.
20. Lanuza G. M., Gosgnach S., Pierani A., Jessell T. M., Goulding M. Genetic identification of spinal interneurons that coordinate left-right locomotor activity necessary for walking movements // Neuron. 2004. Vol. 42, No. 3. P. 375–386. DOI: 10.1016/S0896-6273(04)00249-1.
21. Alvarez F. J., Jonas P. C., Sapir T., Hartley R., Berrocal M. C., Geiman E. J., et al. Postnatal phenotype and localization of spinal cord V1 derived interneurons // J. Comp. Neurol. 2005. Vol. 493, No. 2. P. 177–192. DOI: 10.1002/cne.20711.
22. Caldwell S., Rothman D. L. 1H Magnetic Resonance Spectroscopy to Understand the Biological Basis of ALS, Diagnose Patients Earlier, and Monitor Disease Progression // Front. Neurol. 2021. Vol. 12. P. 701170. DOI: 10.3389/fneur.2021.701170. PMID: 34512519.
23. Petroff O. A., Rothman D. L., Behar K. L., Mattson R. H. Low brain GABA level is associated with poor seizure control // Ann. Neurol. 1996. Vol. 40. P. 908–911. DOI: 10.1002/ana.410400613.

24. Walls A. B., Waagepetersen H. S., Bak L. K., Schousboe A., Sonnewald U. The glutamine-glutamate/GABA cycle: function, regional differences in glutamate and GABA production and effects of interference with GABA metabolism // Neurochem. Res. 2015. Vol. 40. P. 402–409. DOI: 10.1007/s11064-014-1473-1.
25. Tsai G. C., Stauch-Slusher B., Sim L., Hedreen J. C., Rothstein J. D., Kuncl R., Coyle J. T. Reductions in acidic amino acids and N-acetylaspartylglutamate in amyotrophic lateral sclerosis CNS // Brain Res. 1991. Vol. 556, No. 1. P. 151–156. DOI: 10.1016/0006-8993(91)90560-i. PMID: 1682006.
26. Ziemann U., Winter M., Reimers C. D., Reimers K., Tergau F., Paulus W. Impaired motor cortex inhibition in patients with amyotrophic lateral sclerosis. Evidence from paired transcranial magnetic stimulation // Neurology. 1997. Vol. 49. P. 1292–1298.
27. Vucic S., Kiernan M. C. Novel threshold tracking techniques suggest that cortical hyperexcitability is an early feature of motor neuron disease // Brain. 2006. Vol. 129, Pt. 9. P. 2436–2446.
28. Ilić T. V., Meintzschel F., Cleff U., Ruge D., Kessler K. R., Ziemann U. Short-interval paired-pulse inhibition and facilitation of human motor cortex: the dimension of stimulus intensity // J. Physiol. 2002. Vol. 545. P. 153–167.
29. Ziemann U. Pharmacology of TMS // Suppl. Clin. Neurophysiol. 2003. Vol. 56. P. 226–231.
30. Vucic S., Stanley Chen K. H., Kiernan M. C., et al. Clinical diagnostic utility of transcranial magnetic stimulation in neurological disorders. Updated report of an IFCN committee // Clin. Neurophysiol. 2023. Vol. 150. P. 131–175.
31. Nihei K., McKee A. C., Kowall N. W. Patterns of neuronal degeneration in the motor cortex of amyotrophic lateral sclerosis patients // Acta Neuropathol. 1993. Vol. 86. P. 55–64.
32. Shibuya K., Simon N. G., Geevasinga N., et al. The evolution of motor cortical dysfunction in amyotrophic lateral sclerosis // Clin. Neurophysiol. 2017. Vol. 128. P. 1075–1082.
33. Rossini P. M., Burke D., Chen R., et al. Non-invasive electrical and magnetic stimulation of the brain, spinal cord, roots and peripheral nerves: basic principles and procedures for routine clinical and research application. An updated report from an I.F.C.N. Committee // Clin. Neurophysiol. 2015. Vol. 126. P. 1071–1107.
34. Maekawa S., Al-Sarraj S., Kibble M., Landau S., Parnavelas J., Cotter D., et al. Cortical selective vulnerability in motor neuron disease: a morphometric study // Brain. 2004. Vol. 127, Pt. 6. P. 1237–1251. DOI: 10.1093/brain/awh132.
35. Hanson M. G., Landmesser L. T. Characterization of the circuits that generate spontaneous episodes of activity in the early embryonic mouse spinal cord // J. Neurosci. 2003. Vol. 23, No. 2. P. 587–600. DOI: 10.1523/JNEUROSCI.23-02-00587.2003.
36. Petri S., Krampfl K., Hashemi F., Grothe C., Hori A., Dengler R., et al. Distribution of GABAA receptor mRNA in the motor cortex of ALS patients // J. Neuropathol. Exp. Neurol. 2003. Vol. 62, No. 10. P. 1041–1051. DOI: 10.1093/jnen/62.10.1041.
37. Chung Y. H., Joo K. M., Nam R. H., Cho M. H., Kim D. J., Lee W. B., et al. Decreased expression of calretinin in the cerebral cortex and hippocampus of SOD1G93A transgenic mice // Brain Res. 2005. Vol. 1035, No. 1. P. 105–109. DOI: 10.1016/j.brainres.2004.12.022.
38. Niessen H. G., Debska-Vielhaber G., Sander K., Angenstein F., Ludolph A. C., Hilfert L., et al. Metabolic progression markers of neurodegeneration in the transgenic G93A-SOD1 mouse model of amyotrophic lateral sclerosis // Eur. J. Neurosci. 2007. Vol. 25, No. 6. P. 1669–1677. DOI: 10.1111/j.1460-9568.2007.05415.x.
39. van Zundert B., Peuscher M. H., Hynynen M., Chen A., Neve R. L., Brown R. H., Jr., et al. Neonatal neuronal circuitry shows hyperexcitable disturbance in a mouse model of the adult-onset neurodegenerative disease amyotrophic lateral sclerosis // J. Neurosci. 2008. Vol. 28, No. 43. P. 10864–10874. DOI: 10.1523/JNEUROSCI.1340-08.2008.
40. Clark R. M., Brizuela M., Blizzard C. A., Dickson T. C. Reduced Excitability and Increased Neurite Complexity of Cortical Interneurons in a Familial Mouse Model of Amyotrophic Lateral Sclerosis // Front. Cell. Neurosci. 2018. Vol. 12. P. 328. DOI: 10.3389/fncel.2018.00328.
41. Nieto-Gonzalez J. L., Moser J., Lauritzen M., Schmitt-John T., Jensen K. Reduced GABAergic inhibition explains cortical hyperexcitability in the wobbler mouse model of ALS // Cereb. Cortex. 2011. Vol. 21. P. 625–635.
42. Menon P., Higashihara M., van den Bos M., Geevasinga N., Kiernan M. C., Vucic S. Cortical hyperexcitability evolves with disease progression in ALS // Ann. Clin. Transl. Neurol. 2020. Vol. 7, No. 5. P. 733–741. DOI: 10.1002/acn3.51039. PMID: 32304186.
43. Zanette G., Tamburin S., Manganotti P., Refatti N., Forgione A., Rizzuto N. Different mechanisms contribute to motor cortex hyperexcitability in amyotrophic lateral sclerosis // Clin. Neurophysiol. 2002. Vol. 113, No. 11. P. 1688–1697. DOI: 10.1016/S1388-2457(02)00288-2.
44. Blizzard C. A., Chuckowree J. A., King A. E., Hosie K. A., McCormack G. H., Chapman J. A., et al. Focal damage to the adult rat neocortex induces wound healing accompanied by axonal sprouting and dendritic structural plasticity // Cereb. Cortex. 2011. Vol. 21, No. 2. P. 281–291. DOI: 10.1093/cercor/bhq091.

45. Carunchio I., Mollinari C., Pieri M., Merlo D., Zona C. GAB(A) receptors present higher affinity and modified subunit composition in spinal motor neurons from a genetic model of amyotrophic lateral sclerosis // Eur. J. Neurosci. 2008. Vol. 28, No. 7. P. 1275–1285. DOI: 10.1111/j.1460-9568.2008.06436.x.
46. Turner M. R., Osei-Lah A. D., Hammers A., et al. Abnormal cortical excitability in sporadic but not homozygous D90A SOD1 ALS // J. Neurol. Neurosurg. Psychiatry. 2005. Vol. 76. P. 1279–1285.

© Коновалов Я. А., 2026

ПОЛИТОГИЯ

УДК 352.075:94(575.1)

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ОТ ДЕКЛАРАТИВНОГО ДИАЛОГА К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПАРТНЁРСТВУ

EDN UYSUPF

А. Очилов

Магистр,
Дипломатическая академия при университете мировой экономики и дипломатии,
г. Ташкент, Узбекистан

THE EUROPEAN UNION AND CENTRAL ASIA: FROM DECLARATIVE DIALOGUE TO STRATEGIC PARTNERSHIP

A. Ochilov

Master of Arts,
Diplomatic Academy of the University of World Economy and Diplomacy,
Tashkent, Uzbekistan

Abstract. The article is devoted to the evolution of relations between the European Union and the Central Asian countries in the context of the transformation of the international political environment. During the preparation of the article, an analysis of the transition from the declarative dialogue typical of the early stages of interaction to the formation of elements of a strategic partnership was carried out. Special attention is paid to the institutionalization of cooperation, the expansion of the interaction agenda, as well as the role of economic, political and geopolitical factors in deepening interregional ties, with an emphasis on addressing issues of security, sustainable development, energy and transport connectivity. It is concluded that the European Union is gradually strengthening its presence in the region, striving for a long-term and mutually beneficial partnership with the countries of Central Asia.

Keywords: European Union; Central Asia; international relations; strategic partnership; regional cooperation; geopolitics; security; sustainable development.

Введение. В эпоху глобальных перемен и становления многополярного мира особую важность приобретает укрепление межрегиональных связей, включая взаимодействие между Европейским союзом (ЕС) и странами Центральной Азии. Этот регион, обладающий значительными природными ресурсами, стратегически выгодным расположением и растущим значением для транспортных и энергетических коридоров, всё больше привлекает внимание международных игроков, включая ЕС.

Долгое время отношения между ЕС и странами Центральной Азии носили в основном декларативный характер, ограничиваясь политическими дискуссиями и общими соглашениями. Однако в последнее время наблюдается значительное изменение подходов ЕС к этому региону. Это обусловлено как внутренними реформами самого Союза, так и внешними факторами, такими как изменение глобального распределения сил, усиление конкуренции между ключевыми мировыми центрами влияния и необходимость диверсификации экономических и энергетических связей.

В этой связи, актуальность данного исследования определяется необходимостью комплексного анализа эволюции отношений Европейского союза и Центральной Азии, выявления факторов, способствующих переходу от декларативного взаимо-

действия к более содержательному и институционализированному стратегическому партнёрству. Особую значимость приобретает оценка новых форматов сотрудничества, направленных на развитие транспортной взаимосвязанности, устойчивого развития, цифровой трансформации и обеспечения региональной безопасности.

Кроме того, усиление внимания Европейского союза к Центральной Азии связано с переосмыслением его внешнеполитических приоритетов и стремлением укрепить своё присутствие в регионе в условиях геополитической конкуренции. Предложенное исследование, которое анализирует трансформацию отношений между ЕС и странами Центральной Азии позволяет не только углубить понимание современных международных процессов, но и определить перспективы дальнейшего развития межрегионального взаимодействия.

Методы исследования. Для глубокого исследования предложенной темы в ходе подготовки статьи были использованы следующие методы: системный подход**,** в рамках которого рассмотрено взаимодействие ЕС и ЦА как многокомпонентная система, включающая политические, экономические, институциональные и гуманитарные элементы; историко-генетический метод с целью выявления эволюции отношений ЕС и ЦА от момента установления дипломатических контактов до современного этапа; сравнительный метод для анализа особенностей взаимодействия ЕС с отдельными странами ЦА, позволивший показать общие тенденции и специфические черты сотрудничества с государствами региона; институциональный анализ**,** направленный на изучение механизмов и форматов взаимодействия, включая соглашения о партнёрстве и сотрудничестве, стратегические документы ЕС и двусторонние инициативы; контент-анализ официальных документов Европейского союза, включая стратегии, декларации и программные материалы, а также национальных стратегий стран Центральной Азии, обеспечивший выделение ключевых приоритетов, дискурсивных изменений и направлений политики сторон.

Применение указанных методов в совокупности позволили провести глубокий анализ изучаемого вопроса, сделать выводы более обоснованными и выявить особенности изменений в отношениях между Европейским союзом и странами Центральной Азии в современном контексте.

Основная часть. Отношения между Европейским союзом и странами Центральной Азии начали формироваться после обретения государствами региона независимости в начале 1990-х годов. На первоначальном этапе взаимодействие носило ограниченный и во многом декларативный характер, что было обусловлено как внутренними трансформациями в самих государствах Центральной Азии, так и отсутствием у Европейского союза на тот момент четко сформулированной региональной стратегии.

Ключевым инструментом первоначального взаимодействия стали Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, направленные на развитие политического диалога, поддержку рыночных реформ и интеграцию стран региона в мировую экономику. Необходимо отметить, что на тот период ЕС рассматривал Центральную Азию преимущественно как периферийное направление своей внешней политики.

Ситуация начала меняться с середины 2000-х годов, когда усилилось внимание к региону в связи с его стратегическим положением, ресурсным потенциалом и растущей ролью в обеспечении региональной безопасности. Первый документ «ЕС и Центральная Азия: стратегия нового партнерства», был принят в 2007 г., он предусматривает развитие отношений в сфере безопасности, энергетики, образования и развития законодательства. Необходимо отметить, что для стран Европейского Союза важно демократическое гос-

ударственное управление, фундаментальными ценностями которого является верховенство права и демократия, права человека, образование и культура [1, с. 96].

Принятие Стратегии ЕС по Центральной Азии в 2007 году стало важным шагом в институционализации отношений, обозначив приоритеты взаимодействия в сферах энергетики, безопасности, образования и верховенства права.

На встрече в Люксембурге 19 июня 2017 г. министры иностранных дел стран-членов ЕС договорились о формировании новой внешнеполитической стратегии Европейского Союза для Центральной Азии. Новый документ предполагал заменить собой морально устаревший и неэффективный документ от 2007 г. Новая Стратегия ЕС по Центральной Азии внесла политический вклад всех государств-членов ЕС и европейских институтов в стратегическое партнерство, стратегические отношения с Центральной Азией. Только благодаря укрепленному сотрудничеству можно решить проблемы и воспользоваться многочисленными возможностями, которые есть в регионах [2].

Обновленная Стратегия ЕС в 2019 году закрепила переход к более прагматичному и дифференцированному подходу, учитывающему специфику каждой страны региона. В подготовленном документе акцент был сделан на устойчивость, процветание и региональное сотрудничество как ключевые направления взаимодействия.

А принятая в 2023 г. «дорожная карта» ЕС по отношению в ЦА, поставила своей целью углубление отношений, как на двустороннем уровне между ЕС и отдельными центральноазиатскими республиками, так и на многостороннем – между объединением и регионом. На протяжении последних лет регулярно проводились министерские встречи, призванные содействовать диалогу на высшем уровне. Существуют все основания полагать, что такая политика продиктована необходимостью расширения внешнеэкономических контактов и укрепления позиций Евросоюза в международных отношениях, в том числе – с целью обеспечения стратегической автономии [5].

На современном этапе наблюдается качественная трансформация отношений между ЕС и Центральной Азией, выражающаяся в постепенном переходе от декларативных форм взаимодействия к элементам стратегического партнерства. Это проявляется в углублении политического диалога, расширении институциональных механизмов и увеличении объемов практического сотрудничества.

Одним из ключевых факторов данной трансформации стало изменение геополитической обстановки. Регион Центральной Азии на сегодняшний день, приобретает все большее значение в контексте глобальной конкуренции ведущих акторов, включая Китай, Россию и другие державы. В этих условиях ЕС стремится укрепить свое присутствие, предлагая альтернативные модели сотрудничества, основанные на принципах устойчивого развития, транспарентности и верховенства права.

Существенную роль в наблюдаемом сближении играет и развитие транспортно-логистических маршрутов, соединяющих Европу и Азию. Инициативы по развитию межрегиональной взаимосвязанности способствуют усилению экономических связей и повышению значимости Центральной Азии как транзитного региона.

Кроме того, ЕС активизирует взаимодействие в сфере «мягкой силы», включая образовательные программы, поддержку гражданского общества и реформ государственного управления. Это позволяет формировать долгосрочные основы партнёрства и укреплять институциональную устойчивость стран региона.

Анализируя современное взаимодействие ЕС и стран Центральной Азии, можно указать на широкий спектр направлений, среди которых особое значение имеют:

Политический диалог и безопасность: ЕС активизировал участие в развитии ме-

ханизмов региональной безопасности, включая борьбу с транснациональными угрозами, такими как терроризм, экстремизм и незаконный оборот наркотиков. Также важным направлением является содействие укреплению правового государства и демократических институтов.

Действительно, немаловажным фактором сотрудничества Европы и стран Центральной Азии является международная безопасность, которая подразумевает скоординированную борьбу с терроризмом, радикализмом, исламским фундаментализмом и наркотрафиком. Страны Центральной Азии оказались под прямой террористической угрозой, исходящей из Афганистана [1, с. 98].

Экономическое сотрудничество и инвестиции: ЕС усилил свое присутствие в качестве одного из крупнейших инвесторов в регионе, способствуя развитию частного сектора, модернизации инфраструктуры и диверсификации экономик стран Центральной Азии. Особое внимание уделяется улучшению инвестиционного климата и поддержке малого и среднего бизнеса.

Кроме того, ЕС может стать перспективным партнером для стран Центральной Азии с точки зрения создания рабочих мест с целью уменьшения трудовой миграции или содействия расширению местной трансграничной торговли [1, с. 98].

Энергетика и устойчивое развитие: сотрудничество ЕС в энергетической сфере всецело направлено на диверсификацию источников энергоресурсов, развитие возобновляемых источников энергии и повышение энергоэффективности. Важным аспектом является также реализация экологических инициатив и адаптация к изменениям климата.

Транспорт и взаимосвязанность: развитие транспортных коридоров, включая Транскаспийский международный транспортный маршрут, становится одним из приоритетов взаимодействия. Это способствует интеграции региона в глобальные цепочки поставок и укреплению экономических связей с Европой.

Особо отметим, что немаловажным фактором, объединяющим в сотрудничестве Европейский Союз и Центральную Азию, является транспортная и логистическая составляющая и развитая инфраструктура. Здесь потенциал сотрудничества сторон огромен и взаимовыгоден. Во-первых, европейские предприятия готовы помочь с развитием инфраструктуры в регионе, что послужит толчком по развитию уровня отношений в сфере торговли на высокий и взаимовыгодный уровень [4]. Во-вторых, в реализации амбициозного проекта «Один пояс, один путь», предусмотрено связать Китай с Европой, при этом связующим звеном станет Центральная Азия, чей транзитный потенциал положительно скажется на реализации цепочки «Китай-Центральная Азия-Европа». Находящиеся в самом центре Евразийского континента центральноазиатские государства готовы рассмотреть новые проекты, что упростит ведение мировой торговли и доступ на мировые рынки странам-участникам глобального экономического проекта. Тактически это может открыть путь к «мягкому регионализму» асеановского типа [1, с. 98].

Образование и гуманитарное сотрудничество: ЕС активно поддерживает образовательные и научные программы, направленные на развитие человеческого капитала, академическую мобильность и обмен знаниями. Это способствует формированию устойчивых связей между обществами и укреплению взаимопонимания.

Стоит согласиться, что самый ценный вклад, который Европа может внести в развитие Центральной Азии, лежит в сфере образования. ЕС активно занимается высшим образованием в рамках всемирной программы «Erasmus+». Существует также региональная инициатива ЕС в области образования, ориентированная на Центральную Азию. Образование считается приоритетным сектором в сотрудни-

честве в области развития с Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Туркменистаном [1, с. 98].

Прорывом во взаимоотношении ЕС и Центральной Азией по праву необходимо указать прошедший 4 апреля 2025 г. первый саммит Европейского союза и стран Центральной Азии (Саммит ЕС–ЦА) в г. Самарканде (Узбекистан), под названием «Инвестируя в будущее». [6] В саммите приняли участие председатель Европейского совета Антониу Кошту, глава Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен, а также представители пяти центральноазиатских республик – Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Проведение саммита стало важным шагом на пути к укреплению отношений между Евросоюзом и странами Центральной Азии, последовавшим после обновления стратегии ЕС в 2019 г. в отношении региона [3, с. 68–80] и принятия в 2023 г. «дорожной карты» по углублению сотрудничества [7].

В повестку дня саммита вошли такие важные темы, как вопросы многостороннего и регионального сотрудничества, трансграничные вызовы в области безопасности, экономические связи, торговля и инвестиции, взаимодействие по климатическим проблемам, энергоресурсам, вопросам цифровой подключенности, а также по проблематике прав человека [10].

Принятая по итогам саммита совместная декларация установила повышение уровня взаимодействия между Европейским союзом и странами Центральной Азии до стратегического партнерства [8], что свидетельствует о намерении сторон углублять политический диалог и расширять сферы сотрудничества. Документ также очертил ключевые направления дальнейшего взаимодействия, в частности в области обеспечения региональной стабильности, безопасности и устойчивого развития, что отразило стремление ЕС усилить свое присутствие в стратегически важном регионе в условиях растущей международной турбулентности [5].

Среди приоритетных сфер сотрудничества, указанных в декларации, прежде всего следует рассмотреть вопросы безопасности, которые имеют особое значение для Брюсселя в контексте реализации его региональной стратегии, нацеленной на укрепление стабильности и противодействие внешним вызовам, таким как терроризм и экстремизм. Участники саммита подтвердили свое обязательство воздерживаться от применения силы в международных отношениях, соблюдать положения Устава ООН о суверенитете и территориальной целостности всех государств, а также подчеркнули приверженность к мирному урегулированию конфликтов. Отдельное внимание в документе уделено проблеме терроризма, обеспечению безопасности границ, борьбе с наркотрафиком и торговлей людьми. Кроме того, в декларации упомянута проблема Афганистана, нестабильность в котором создает существенные риски как для соседних центральноазиатских стран, так и для Евросоюза. В частности, подчеркивалась необходимость превращения Афганистана в «безопасное, стабильное и процветающее государство с инклюзивным правительством и системами управления, уважающими права человека и основные свободы всех своих граждан, включая женщин, девочек, лиц, принадлежащих к этническим и религиозным группам и меньшинствам» [5].

Декларация определила одной из ключевых областей экономического сотрудничества между Евросоюзом и Центральной Азией критические сырьевые материалы [9], а также развитие транспортной инфраструктуры, прежде всего Транскаспийского транспортного коридора.

Несмотря на позитивную динамику, отношения между ЕС и странами Центральной Азии сталкиваются с рядом ограничений. К ним относятся различия в политических системах, уровень экономического развития, а также конкуренция со стороны других внешних акторов.

Кроме того, сохраняются институциональные и инфраструктурные барьеры, затрудняющие реализацию совместных проектов. Ограниченное финансирование и различия в приоритетах сторон также могут сдерживать углубление сотрудничества.

Тем не менее перспективы развития партнерства остаются значительными. Усиление взаимной заинтересованности, развитие новых форматов взаимодействия и адаптация политики ЕС к региональной специфике создают предпосылки для дальнейшей институционализации стратегического партнёрства.

В долгосрочной перспективе ключевым фактором успеха может стать способность сторон выработать сбалансированную модель сотрудничества, учитывающую интересы всех участников и направленную на обеспечение устойчивого развития региона.

Выводы. Проведенное исследование показало, что эволюция отношений между ЕС и Центральной Азией носит поступательный и поэтапный характер, отражая как внутреннюю динамику развития самих регионов, так и более широкие тенденции трансформации международных отношений в условиях глобализации и регионализации. На начальном этапе взаимодействие было ограничено рамками объективной трансформации и носило преимущественно технический и консультативный характер. Однако по мере укрепления государственности стран Центральной Азии и роста их внешнеполитической субъектности сотрудничество стало приобретать более системный и многоплановый характер, вписываясь в глобальные процессы перераспределения влияния и формирования новых центров силы.

Политика ЕС в отношении Центральной Азии претерпела заметную трансформацию: от второстепенного, периферийного направления она постепенно превратилась в значимый элемент внешнеполитической стратегии Союза. Это связано как с геополитическим положением региона, так и с его ресурсным и транзитным потенциалом. Усиление внимания ЕС проявляется в институционализации взаимодействия, создании устойчивых механизмов диалога, а также в разработке и принятии стратегических документов, определяющих долгосрочные приоритеты сотрудничества. В результате Центральная Азия стала рассматриваться не только как объект политики, но и как партнер в решении региональных и глобальных задач.

Современный этап сотрудничества между ЕС и странами Центральной Азии характеризуется существенным расширением повестки взаимодействия. Если ранее акцент делался преимущественно на вопросах демократизации и экономических реформ, то сегодня сотрудничество охватывает широкий спектр направлений. К ним относятся вопросы региональной и транснациональной безопасности, включая борьбу с терроризмом и трансграничной преступностью; развитие торгово-экономических связей и инвестиционного сотрудничества; энергетическое партнерство, в том числе диверсификация источников и маршрутов поставок; развитие транспортно-логистической инфраструктуры; а также гуманитарное взаимодействие, включая образование, науку и культурный обмен. Такая многослойность свидетельствует о переходе к более комплексной модели партнерства.

Несмотря на достигнутый прогресс, формирование полноценного стратегического партнерства между ЕС и Центральной Азией находится на стадии становления. Существующие механизмы взаимодействия требуют дальнейшего наполнения практическим содержанием, повышения эффективности реализации совместных проектов и инициатив. Важным условием является также согласование интересов сторон с учетом различий в приоритетах, уровне экономического развития и политических подходах. Углубление сотрудничества предполагает не только

расширение формальных рамок взаимодействия, но и укрепление взаимного доверия, развитие институциональной устойчивости и адаптацию партнерства к меняющимся условиям международной среды.

В результате проведенного научного исследования взаимоотношений ЕС и Центральной Азии, представленного в статье, представляется целесообразным сформулировать следующие ***рекомендации***, направленные на углубление и повышение эффективности межрегионального взаимодействия:

– Углублять политический диалог на всех уровнях – двустороннем, региональном и межрегиональном – с целью укрепления взаимного доверия и повышения предсказуемости сотрудничества. Особое внимание следует уделять регулярности встреч на высшем и высоком уровнях, расширению парламентского и экспертного диалога, а также развитию механизмов «мягкой дипломатии». Это позволит не только оперативно реагировать на возникающие вызовы, но и формировать долгосрочную согласованную повестку взаимодействия.

– Развивать транспортную и логистическую взаимосвязанность как ключевую основу экономического партнёрства. В данном контексте важно стимулировать реализацию инфраструктурных проектов, направленных на формирование устойчивых транзитных коридоров между Европой и Азией, модернизацию транспортных сетей и упрощение процедур пересечения границ. Усиление взаимосвязанности будет способствовать росту торговли, инвестиционной активности и интеграции стран Центральной Азии в глобальные цепочки поставок.

– Формировать и укреплять устойчивые механизмы многостороннего взаимодействия с участием региональных и международных организаций. Это предполагает координацию усилий между различными институциональными форматами, предотвращение дублирования инициатив и повышение эффективности использования ресурсов. Особую значимость имеет развитие платформ для диалога по вопросам безопасности, устойчивого развития, экологии и управления трансграничными рисками.

– Обеспечивать баланс интересов сторон, ориентируясь на принципы взаимной выгоды, равноправия и долгосрочного сотрудничества. Важно учитывать различия в социально-экономическом развитии стран региона, их национальные приоритеты и чувствительность к вопросам суверенитета. Для этого необходимо адаптировать инструменты сотрудничества, повышать гибкость программ и усиливать практическую направленность совместных инициатив.

– Активизировать сотрудничество в сфере устойчивого развития, включая «зелёную» энергетику, управление водными ресурсами и экологическую безопасность. Это позволит не только отвечать на глобальные климатические вызовы, но и создавать новые точки роста для экономик стран Центральной Азии, одновременно способствуя внедрению инновационных технологий и стандартов.

– Расширять гуманитарное и образовательное взаимодействие как основу формирования долгосрочных связей между обществами. Поддержка академической мобильности, научных обменов и совместных образовательных программ будет способствовать подготовке квалифицированных кадров, развитию человеческого капитала и укреплению взаимопонимания между регионами.

Библиографический список

1. Михайленко В. И., Сухроб Рустами. На пути к новой стратегии Европейского Союза для Центра Азии // История и современное мировоззрение. – 2019. – Т. 1, № 3. – С. 96, 98.
2. Панелла Р., Боонстра Й. Три причины, почему ЕС имеет значения для ЦА. – URL: http://voicesoncentralasia.org/threereasons-why-the-eu-matters-to-central-asia/ (дата обращения: 23.04.2026).

3. Прохоренко И. Л. Новая стратегия Европейского союза в Центральной Азии: возможности и пределы «мягкой силы» // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2019. – № 4. – С. 68–80.
4. Пуц К. Центральная Азия «чрезвычайно важна» для Европейского Союза. – URL: https://thediplomat.com/2015/12/central-asia-extremely-important-to-the-european-union/ (дата обращения: 23.04.2026).
5. Столярова У. А. Первый Саммит ЕС – Центральная Азия: ключевые итоги. – URL: https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/perviy-sammit-es-tsentralynaya-aziya-klyuchevie-itogi (дата обращения: 23.04.2026).
6. First EU-Central Asia summit, 4 April 2025 // European Council. – 04.04.2025. – URL: https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2025/04/04/ (дата обращения: 23.04.2026).
7. Joint Roadmap for Deepening Ties between the EU and Central Asia // Council of the European Union. – Luxembourg, 23 October 2023. – URL: https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14587-2023-INIT/en/pdf (дата обращения: 23.04.2026).
8. Joint Declaration following the First European Union-Central Asia Summit // Council of the European Union. – Brussels, 3 April 2025. – URL: https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7745-2025-REV-1/en/pdf (дата обращения: 23.04.2026).
9. Regulation (EU) 2024/1252 of the European Parliament and of the Council of 11 April 2024 establishing a framework for ensuring a secure and sustainable supply of critical raw materials and amending Regulations (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1724 and (EU) 2019/1020 // Official Journal of the European Union. – 11 April 2024. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024R1252 (дата обращения: 23.04.2026).
10. Strategic partnership, transport corridors, critical minerals and more – Samarkand summit highlights // Kun.uz. – 09.04.2025. – URL: https://kun.uz/en/85701869 (дата обращения: 23.04.2026).

© Очилов А. О., 2026

УДК 622.692.4.053

ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОПТИМИЗАЦИЯ НИЗКОТЕМПЕРАТУРНОЙ СЕПАРАЦИИ ПОПУТНОГО НЕФТЯНОГО ГАЗА С ПОЛУЧЕНИЕМ СЖИЖЕННОГО МЕТАНОВОГО ТОПЛИВА

VIUOLY

Л. Б. Баркинхоева, *Старший преподаватель,*
Р. М. Арчаков, *студенты,*
И. М. Котиев, *Ингушский государственный университет,*
А. Р. Джандигов, *г. Магас, Республика Ингушетия, Россия*
И. Б. Оздоев
И. Г. Утужев

TECHNO-ECONOMIC OPTIMIZATION OF LOW-TEMPERATURE SEPARATION OF ASSOCIATED PETROLEUM GAS TO PRODUCE LIQUEFIED METHANE FUEL

L. B. Barkinkhoyeva, *Senior Lecturer,*
R. M. Archakov, *Students,*
I. M. Kotiev, *Ingush State University,*
A. R. Dzhangigov, *Magas, Republic of Ingushetia, Russia*
I. B. Ozdoev
I. G. Utuzhev

Abstract. The article describes the technical and economic optimization of the process of low-temperature separation of associated petroleum gas to produce liquefied methane fuel. The relevance of the study is due to the high fines for the combustion of APG and the low liquidity of APG in remote deposits. To assess the effectiveness, the indicators of net present value, internal rate of return and discounted payback period were used, as well as sensitivity analysis to fuel price, electricity tariffs and the level of fines. It has been established that there is an optimal separation temperature that ensures maximum methane extraction at minimal unit cost.
Keywords: associated petroleum gas; low-temperature separation; liquefied methane.

Ключевая проблема российской нефтегазовой отрасли – сжигание попутного нефтяного газа (ПНГ), что наносит многомиллиардный ущерб и вредит экологии. Норма сжигания – не более 5 % от добытого объёма; за превышение штрафы возрастают в 25 раз, а при отсутствии приборов учёта – в 120 раз. Особенно остро вопрос стоит на удалённых месторождениях без инфраструктуры, где переработка ПНГ на месте становится не только экологической мерой, но и источником дохода.

Задачи исследования:

1. Экономическая модель переработки ПНГ методом низкотемпературной сепарации (НТС).
2. Оптимум по удельным затратам на извлечение метана.
3. Чувствительность к цене LNG, тарифам на электроэнергию и штрафам [1; 2].

Охлаждение газа под давлением для извлечения углеводородов. Оборудование – теплообменники, детандер, сепараторы. Преимущество – низкие затраты, особенно при наличии свободного пере-

пада давления (актуально для удалённых месторождений).

Входные параметры модели: расход 10 000 нм³/ч, типовой состав (CH_4 ~70 %, C_2H_6 ~9 %, C_3H_8 ~6 %, остальное – азот, CO_2), температура сепарации от -50 до -100°C, давление на входе 30–50 бар. Турбодетандеры эффективны при -45…-75°C, ниже -70°C дополнительное охлаждение.

Чем ниже температура, тем выше извлечение метана (с 65 % до 88 %), но резко растут энергозатраты и капитальные вложения (спецматериалы, изоляция). При -40°C тяжелые углеводороды конденсируются почти полностью, этан и пропан – лишь на 50 % и 79 % соответственно [2].

Капитальные затраты (CAPEX, в млн руб.) – оценка выполнена с использованием данных отраслевых отчётов и маркетинговых исследований (таблица 1) [8,9].

В расчётах принят промышленный тариф на электроэнергию для удалённых месторождений – 2,5 руб./кВт·ч. Доходная часть формируется за счёт продажи сжиженного метана как моторного топлива по базовой цене 19 000 руб./т (с возможным диапазоном 15 000–25 000 руб./т); для ориентира: стоимость СУГ на бирже в 2025 году составляет 17 800–20 700 руб./т.

Ключевой критерий эффективности – чистая приведённая стоимость (NPV). Её формула:

$$NPV = \sum_{t=1}^{n} \frac{CF_t}{(1+r)^t} - I_0,$$

где $CF_t = R_t - OPEX_t - TAX_t$ (доходы от продажи LNG минус операционные затраты и налоги), $r = 15\%$ (ставка, учитывающая риски нефтегазового проекта), $n = 10$ лет (горизонт планирования), I_0 – первоначальные капитальные вложения (CAPEX) [10].

Удельные затраты на производство сжиженного метана (LCOG) рассчитываются так:

$$LCOG = \frac{\sum_{t=1}^{n} \frac{OPEX_t + TAX_t}{(1+r)^t} + I_0}{\sum_{t=1}^{n} \frac{Q_t}{(1+r)^t}},$$

где Q_t – годовой объём производства метана в тоннах.

Наконец, для выбора оптимального температурного режима сепарации построена зависимость удельных полных затрат (руб./т метана) от температуры – с шагом 5°C в диапазоне от –50 до –72°C.

Таблица 1

Результаты оптимизации [4; 5]

Температура, °C	CAPEX, млн руб.	Годовой OPEX, млн руб.	Выход метана, т/год	Удельные затраты, руб./т
-50	190	28	8 200	21 800
-60	220	35	9 400	18 500
-65	232	47	10 300	16 200
-72	241	58	11 200	14 800

Выводы по оптимизации:

Оптимум по удельным затратам (14 800 руб./т) достигается при –72°C с извлечением метана 82%: температуры выше –65°C экономически хуже. Для базового сценария (цена LNG = 19 000 руб./т) CAPEX = 241 млн руб., годовой OPEX = 58 млн руб., доход от продажи LNG (11 200 т/год) = 212,8 млн руб., плюс экономия штрафов 90 млн руб./год, откуда денежный поток до налогов – 154,8 млн руб./год; при ставке дисконтирования 15% NPV без учёта налога:

$$\sum_{t=1}^{10} \frac{154{,}8}{1{,}15^t} - 241 = 776{,}7 - 241 = 535{,}7 \text{ млн руб.},$$

А с учётом налога на прибыль 20% (чистый поток 123,8 млн руб./год) NPV $= 620{,}0 - 241 = 379{,}0$ млн руб., IRR = 22,7%, DPP = 4,8 года (см. таблицу 3).

Отказ от реализации проекта приносит отрицательный NPV в размере -450 млн руб. за 10 лет, следовательно, реализация установки НТС экономически целесообразна [7].

Для оценки устойчивости проекта выполнено варьирование ключевых параметров (цена LNG, стоимость электроэнергии, коэффициент штрафов).

Таблица 2

IRR и срок окупаемости для трёх сценариев

Сценарий	Цена LNG, руб./т	Э/энергия, руб./кВт·ч	Коэфф. штрафов	IRR	Срок окупаемости, лет
Оптимистичный	24 000	2,0	1,5×	32%	3,3
Базовый	19 000	2,5	1,0×	22,7%	4,8
Пессимистичный	15 000	3,2	0,7×	11%	7,6

Анализ чувствительности показывает, что наибольшее влияние на эффективность проекта оказывает цена LNG: при цене ниже 15 000 руб./т IRR падает ниже 12 % (ниже барьерной ставки), проект неэффективен; при цене выше 22 000 руб./т IRR > 28 % – высокая рентабельность. Рост тарифов на электроэнергию до 3,5 руб./кВт·ч снижает IRR до 17 % (выше ставки дисконтирования, но запас прочности ухудшается) [9].

Основную неопределённость создаёт волатильность цен на LNG и энергоносители. Точка безубыточности по LNG – ≈14 500 руб./т, предельная стоимость электроэнергии – 4,2 руб./кВт·ч, критическое снижение штрафных коэффициентов – более 50% от текущих значений. Инвестиции в утилизацию ПНГ сокращают штрафы в 25 раз, а новые правила исчисления платы за выбросы (Постановление № 710) делают систему штрафов прозрачнее и предсказуемее [7; 8].

Оптимальные параметры низкотемпературной сепарации: T = –72°C, P = 42 бар (извлечение метана 82 %, баланс затрат). Удельные затраты в оптимуме – 14 800 руб./т, что ниже рыночной цены. Экономически обоснованный диапазон температур: –65…–80°C. Показатели проекта:

NPV = 379 млн руб., IRR = 22,7 %, DPP = 4,8 года. Проект устойчив к колебаниям тарифов, но высокочувствителен к цене LNG: при падении ниже 15 000 руб./т становится нерентабельным.

Проведённое технико-экономическое исследование подтверждает целесообразность использования низкотемпературной сепарации (НТС) для утилизации попутного нефтяного газа на удалённых месторождениях: оптимальный режим T = -72°C, P = 42 бар обеспечивает высокое извлечение метана, а проектирование следует вести на диапазон -65…-80°C, так как более низкие температуры не дают существенного прироста. При малых расходах газа (менее 5000 нм³/ч) экономика проекта неудовлетворительна – целесообразно укрупнение потоков или использование мобильных блочных установок. Для повышения эффективности рекомендуется включать установки НТС в квоты на утилизацию ПНГ с предоставлением льготного инвестиционного налогового вычета (действует в России с 1 января 2025 года).

Библиографический список

1. Аксенов С. Г., Семёнов С. И. Анализ пожарной безопасности на объектах нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности: стратегии, вызовы и инновации // Экономика строительства. – 2023. – № 11. – С. 214–217.
2. Меньшов Б. Г., Ершов М. С., Яризов А. Д. Электротехнические установки и комплексы в нефтегазовой промышленности: учебник для вузов. – М.: Недра, 2000. – 487 с.
3. Калинин А. Ф., Шотиди К. Х., Мерициди И. А. Выбор схемы электроснабжений нефтяных месторождений // Территория НЕФТЕГАЗ. – 2006. – № 10. – С. 30–35.
4. Временные методические указания по определению коммерческой эффективности новой техники в ОАО «Газпром». – М.: ИРЦ Газпром, 2001. – 39 с.
5. Методологические положения и решения по экономической оценке проектирования разработки нефтяных и газовых месторождений. – М.: Институт проблем нефти и газа АН СССР и Гособразования СССР, 1990. – 70 с.
6. Электроагрегаты с поршневым и газотурбинным приводом, работающие на природном газе, для электростанций малой энергетики: сборник отраслевых нормативных документов. – М.: ВНИИГАЗ, 2000. – 257 с.
7. Алексеева А. К. Методы снижения вредных выбросов в продуктах сгорания котлов // Сборник научных работ ФМФ ДонНТУ. – 2006. – № 9. – С. 84.
8. Данилин Е. А., Клочков В. Н. Контроль сжигания топлива в промышленных котельных установках. – Киев: Техника, 1988. – 167 с.
9. Гулина С. А., Горюнова И. Ю. Газотурбинные установки: учебное пособие. – Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2014. – 104 с.
10. Гулина С. А., Тян В. К., Орлова Г. М. Особенности конвертирования авиационного двигателя в газотурбинный привод центробежного нагнетателя для МГ // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – Т. 16, № 1(2). – С. 578–584.

© Баркинхоева Л. Б., Арчаков Р. М., Котиев И. М., Джандигов А. Р., Оздоев И. Б., Утужев И. Г., 2026

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Материалы представляются в электронном виде на e-mail: **sociosphere@yandex.ru**. Каждая статья должна иметь **УДК**. Формат страницы А4 (210х297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегль) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, e-mail, выравнивание по центру. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке, e-mail. В статьях на английском языке дублировать название, автора и место работы автора на другом языке не надо. После пропущенной строки следует аннотация на английском (600–800 знаков) и ключевые слова (5–10) на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Источники и литература в списке перечисляются в алфавитном порядке, одному номеру соответствует 1 источник. Ссылки расставляются вручную. При необходимости допускают подстрочные сноски. Они должны быть оформлены таким же шрифтом, как и основной текст. Объем статьи может составлять 6–15 страниц. Сведения об авторе располагаются после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Авторы, не имеющие ученой степени, предоставляют отзыв научного руководителя или выписку заседания кафедры о рекомендации статьи к публикации.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы. Имя файла, отправляемого по e-mail, иметь вид СФ-ФИО, например: **СФ-Петров ИВ** или **SF-German P**. Файл со статьей должен быть с расширением doc или docx.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество
Ученая степень, специальность
Ученое звание
Место работы
Должность
ORCID
Домашний адрес **с индексом**
Сотовый телефон
E-mail

Необходимое количество печатных экземпляров (отправка простым или заказным письмом)

Необходимое количество печатных сертификатов

RULES FOR AUTHORS

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosfera@seznam.cz. Page format: A4 (210x297mm). Margins: top, bot-tom, right – 2 cm, left – 3 cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in bold capital letters; central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (600–800 characters) and a list of key words (5–10) in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliog-raphy comes after the text as a numbered list, in alphabetical order, one item per number. References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–15 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume. The name of the file should be given in Russian letters and consists of the conference code and initials and family name of the first author, for example: SF-German P. The payment confir-mation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example SF -German P receipt.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proof-read and edited.

Informathion about the authors

Family name, first name
Title, specialization
Place of employment
Position
ORCID
Contact address (with postal code)
Mobile phone number
E-mail

The required number of printed copies (sending by regular or registered mail)

The required number of printed certificates

ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ НА БАЗЕ НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «СОЦИОСФЕРА» В 2026 ГОДУ

Дата	Название
5 марта 2026 г.	Вопросы науки в современном мире
3 июня 2026 г.	Вопросы науки в современном мире
5 октября 2026 г.	Вопросы науки в современном мире

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал **«Социосфера»**	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor	• Global Impact Factor – 1,881, • РИНЦ – 0,197. • SJIF – 6,07

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги будут изданы в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books will be published in Russia
(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Научно-методический и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

Главный редактор И. Г. Муленкова

№ 2, 2026

Авторы несут ответственность за достоверность приводимых
в публикациях фактов, цифр, цитат, статистических данных,
имен собственных и прочих сведений.
Мнения, выраженные в данном издании, являются авторскими
и не обязательно отражают мнение редакции журнала.

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures,
quotations, statistics, proper names and other information.
Opinions expressed in this publication are those of the authors
and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.

Электронная версия номера размещена
на сайте журнала http://sociosphera.com/sociosphere

Редактор – Ж. В. Кузнецова
Оригинал-макет – И. Балашова

Подписано в печать 11.06.2026. Формат 60x84/8. Бумага писчая белая.
Усл.-печ. л. 36,6. Тираж 100 экз.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
440046, Россия, г. Пенза, ул. Мира, 74-14
Тел. +7 967 701 68 14
веб-сайт: http://sociosphera.com,
e-mail: sociosphere@yandex.ru

Типография ООО «Амирит»: 410004, г. Саратов,
ул. им. Н. Г. Чернышевского, д. 88, литера У. Тел. (8452)24-85-33